

НОВЫЙ МИР

8

НОВЫЙ
МИР

8

1937

1937

ПОПРАВКА

В оглавлении этой книги, по вине корректора С. Б. Гуревича, неправильно указаны страницы начала нескольких произведений. Следует читать:

	Стр.
4. ДЖАМБУЛ — Застольная песня, стихотворение	113
5. УТЕБАЙ ТУРМАНЖАНОВ — Песня, стихотворение	114
6. К. ЗАГОРНЫЙ — Кремлевские звезды, стихотворение	115
7. НИКОЛАЙ БЕРЕНДГОФ — Песня казачки, стихотворение	116
8. ГЕРМАН АБРАМОВИЧ — За шукой, стихотворение	117
9. Вл. ЛИДИН — Большая река	118

Н О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

В О С Ь М А Я

М О С К В А

1 . 9 . 3 . 7

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, ПОЭМЫ, СТИХИ	
1. С. КУПЕР. — Перед закатом, <i>роман</i>	5
2. БОРИС БРИК. — Василий Чапаев, <i>поэма</i>	59
3. ФЕДОР ГЛАДКОВ. — Энергия, <i>роман</i> , продолжение	76
4. ДЖАМБУЛ. — Застольная песня, <i>стихотворение</i>	129
5. УТЕБАЙ ТУРМАНЖАНОВ. — Песня, <i>стихотворение</i>	130
6. К. ЗАГОРНЫЙ. — Кремлевские звезды, <i>стихотворение</i>	131
7. НИКОЛАЙ БЕРЕНДГОФ. — Песня казачки, <i>стихотворение</i>	132
8. ГЕРМАН АБРАМОВИЧ. — За щукой, <i>стихотворение</i>	133
9. ВЛ. ЛИДИН. — Большая река	134
Из немецких поэтов:	
10. ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ. — Образ свободы, <i>стихотворение</i>	168
11. ЛЮДВИГ ЗЕЕГЕР. — Нужду гнет железо, <i>стихотворение</i>	168
ЛЮДИ И ФАКТЫ	
12. М. ВОДОПЬЯНОВ. — Герой Советского Союза. — Как сбылась мечта	169
13. Н. ГИЛЬЯРДИ. — Пожар в степи	205
14. ВАДИМ ОХРЕМЕНКО. — Пляска	217
ЗА РУБЕЖОМ	
15. РИЧАРД РОУАН. — Война шпионов и диверсантов, <i>окончание</i>	225
НАУКА И ТЕХНИКА	
16. Г. БЕЛКИН. — Международная выставка в Париже	250
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО	
17. Л. КЛИМОВИЧ. — О пьесе «Мертвецы» Мамеда Кули-заде	272
18. Е. СИКАР. — Пионер дунганской литературы	275
19. С. ИВАНОВ. — Литература великого юбилея	278
БИБЛИОГРАФИЯ	
20. С. ВОСТОКОВА. — Ян Петерсен, «Моя улица»	284
21. Е. СИЛИН. — Акакий Церетели, «Стихи и поэмы»	285
22. С. ИВАНОВ. — С. Сергеев-Ценский, «У гроба Пушкина»	286

Статформат Б/5 176 × 250.

Уполном. Главл. Б—25666. Об'ем 18 печ. лист. по 64 000 знак. Техн. ред. С. Кривцов.

Одано в набор 1/IX—37 г. Подписано к печати 15/IX—37 г. Тир. 70.000. Зак. 2175.

Тип. им. тов. И. И. Скворцова-Степанова «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» Москва.

Перед закатом

Роман

С. КУПЕР

Глава I

У СТАПЕЛЕЙ

I

Швейцар шумно распахнул двери конторы. Терпеливо стоявшие у подъезда рикши дружно ринулись вперед. Подвижной, сухопарый человек в белом полотняном костюме и соломенном шлеме переступил порог.

— Владивосток — какое громкое имя для этой дыры! — разочарованно говорил он. — Сколько было звону: Амурский край... страна неисчерпаемых богатств!.. В Петербурге представляешь себе все это совсем иначе.

— Имя обязывающее, — отозвался его спутник, топорща медные тараканьи усики. — А все-таки, Юрий Николаевич, ваше мнение о верфи?

— Какая же это верфь? Честно говоря, Ян Казимирович, я бы этого не купал.

— Вам не следовало уезжать в Харбин, — виновато проговорил Ян Казимирович, нервно обмахиваясь платком. — Строить завод додога, а этот, как-никак, все же работает... Посоветоваться было не с кем.

— А мне теперь придется расхлебывать, — сквозь зубы пробормотал Юрий Николаевич. Он окинул взглядом болезненную, узкогрудую фигуру спутника и презрительно добавил: — Одно то, что они так торопили, могло бы вас насторожить. Должно быть, у них дела шли не густо...

Ян Казимирович смутился и в замешательстве оглядел толпившихся у тележек рикш.

— Может, извозчика кликнем? Ездить на людях... Никак не могу привыкнуть.

— Господин, моя куши нету, — плаксивым, ноющим хором набросились на них китайцы, уловившие слово «извозчик». — Господин куш, куш много! Моя куши нету...

— Цуба!

В воздухе грозно мелькнул хлыст швейцара. Рикши испуганно шарахнулись в сторону.

— Нравы тут довольно простые, — засмеялся Юрий Николаевич, снимая соломенный шлем и вытирая потное лицо и шею, — я все недоумевал, почему во Владивостоке у всех хлысты.

— Хлысты что! Многие нагайки носят, — устало ответил Ян Казимирович, — говорят, с этим народом иначе нельзя. Странно тут как-то все, бесчеловечно...

Он оглядел подобие улицы, тянувшейся от конторы вдоль Амурского залива, и, не найдя извозчика, в нерешительности сделал шаг вперед. Юрий Николаевич посмотрел на часы, неодобрительно мотнул шлемом.

— В «Великий Океан» поедем или в «Варьете»? — в раздумьи произнес он, глядя в даль.

— Кормят лучше в «Великом Океане», в «Варьете» цыганский хор и прочая экзотика...

Дверь конторы стремительно открылась. Запыхавшийся конторщик подбежал к ним.

— Несчастье! Рабочего раздавило...

Ян Казимирович рванулся с места. Юрий Николаевич схватил его за рукав.

— Русского? Китайца? — недовольно спросил он конторщика.

— Кажется, китайца.

— Ну, и распорядились бы там без шума, — с сердцем проговорил он, удерживая своего спутника. — Экий вы человек! Как же вы, батенька, корабли строить будете? — участливо спросил он, отводя его в сторону. — Ни один судостроитель не припомнит корабля без жертв.

— Это в моей практике первый случай, — вспыхнув, проговорил тот, видимо, стесняясь своей слабости. — Мнительность у меня действительно чертовская. И болезненное воображение. Сразу представляешь себе все до омерзительных подробностей.

— Нежитейский вы, как погляжу я, человек. Разве так можно? — Юрий Николаевич укоризненно покачал головой. — Ну, поехали, что ли? — заторопился он, видя, что тот сделал движение к верфи. — Не пушу я вас туда с вашими нервами. Да и ждут нас.

Рикши снова обступили их. Ян Казимирович тревожно оглядел их тесный круг.

— Пожалуй, — смущенно согласился он, — только возьмем шампуньку через залив, а там, может, извозчика найдем.

— Бросьте сантиментальничать, не девушка! Да вот на ваше счастье и извозчик!

Ян Казимирович энергично замахал руками. Показавшийся на повороте Ванька бойко ударил по лошаденке. Курвеш усмехнулся:

— На пари, кто скорее? — весело крикнул он, разваливаясь в тележке. — Гони, ходя, в «Варьете»!

По улице быстро замелькали лошадиные подковы и бронзовые ноги дженерикши.

2

Эта внезапная поездка на Дальний Восток оказалась одинаково неожиданной для обоих.

Недели три назад главный инженер петербургского механического завода «Тритон» Ян Казимирович Несвижский сидел в небольшом отгороженном помещении; похожем на курятник, и возился со своей моделью. Он любил вечерние часы, когда заводской двор пустел и можно было приниматься за свои опыты.

Работу прервал стук в дверь. Он болезненно поморщился, ошетинив свои медные тараканьи усики. Не выпуская из рук микрометра, набросил брезент на модель и пошел открывать.

— Юрий Николаевич! Так поздно? — воскликнул он, впуская в мастерскую инженера Курвеша, недавно прибывшего из Ревеля, где он тщетно искал заказы для петербургской фирмы. — Что-нибудь стряслось?

— Хозяева продают завод, — глухим голосом произнес тот, присаживаясь на край верстака.

Несвижский от неожиданности уронил микрометр.

— Позвольте, как же так? И я узнаю об этом последним?

— Не последним, а вторым.

Несвижский тяжело опустился на стул, растерянно вертя в руках половинки лопнувшего микрометра:

— А мои опыты? Что будет с моим проектом?

Курвеш поднял свои смелые серые глаза и окинул его долгим взглядом:

— Я потому и решил вас предупредить, хотя знаю, что вы не любите гостей в лаборатории. Надо бы что-нибудь предпринять.

— Что уж тут предпринимать? — угрюмо покачал головой Несвижский. — Они хозяева!

— Но у вас знакомства, связи...

— У меня?

— У вас, Ян Казимирович. Начальник Морского завода, генерал-майор Корсаков... молва считает вас женихом его дочери.

Несвижский смешался. Он стал медленно перекладывать инструменты на верстаке. Потом внезапно, как человек, нащупавший правильное решение, торопливо снял халат.

— Вы правы, я пойду к Ксаверию Антипычу.

Он запирал шкафы и ящики, укладывая туда инструмент. Юрий Николаевич следил за его быстрыми нервными движениями. Несвижский был на заводе постоянной мишенью для насмешек. Щуплый, болезненный, он натывался в тесном заводском дворе на валяющиеся станины, груды литья, механизмы. Машинисты и крановщики, заметив главного инженера, пронзительно свистели или стопорили машины. Они знали, что этот чудака остановится перед паровозом, лишь столкнувшись с ним.

У Несвижского друзей на заводе не было. Молчаливый, сосредоточенный, он был со всеми сух, и его считали гордецом. Очень взыскательный в работе, он редко хвалил подчиненных, и это их раздражало. «Чванливый полячишка, маньяк, горе-изобретатель» — так называли его между собой инженеры.

У Курвеша было меньше, чем у кого бы то ни было причин относиться к Несвижскому с симпатией: тот чуть не уволил его с завода, узнав, что Курвеш не судостроитель, а путеец. Курвеш сумел преодолеть антипатию главного инженера старанием и исполнительностью, а пошатнувшиеся дела завода скоро сблизили их.

«Тритон» и «Морской» были расположены бок о бок на правом берегу Невы. Они ничем не походили друг на друга. «Морской» раскинул свои просторные цеха по всему устью реки, громоздя все новые мастерские. «Тритон», наоборот, ютился возле него, как карлик, возводя тесные, убогие строеньица, лепя пристройку к пристройке. Эти два завода, столь различные по размаху, дополняли друг друга, и жизнь одного целиком зависела от благополучия другого: «Морской» делал для флота корпусов судов, «Тритон» — машины и механизмы к ним.

«Морской» был казенным заводом. Это сказывалось в его широких замашках, в нерасчетливости, граничившей с засточительностью. Частный «Тритон», наоборот, во всем экономил. Он, как пи-

явка, присосался к своему безалаберному соседу и жил его соками.

Это не всегда было выгодно.

Казенный завод находился в вечном дефиците, строил дорого, плохо и долго. Время от времени, отчаявшись добиться от него толку, морское министерство лишало его заказов, предпочитая отдавать их за границу. Тогда теряли покой и акционеры «Тритона» и в нервном возбуждении искали, кому бы сбыть свои машины.

Многие винили в неудачах «Тритона» главного инженера Несвижского. Его считали ставленником начальника Морского завода, по рекомендации которого он был принят. Несвижский, правда, не гнался за высоким окладом, не просил процента с прибылей. Но при поступлении он поставил условие — оборудовать за счет завода опытную мастерскую, где он будет работать над своей конструкцией. За это он предоставлял «Тритону» право использовать его изобретение. Практичных акционеров прельстило, однако, не это. Они ожидали, что, приняв протекже Корсакова, они получат доступ к казне.

Им пришлось в этом скоро разочароваться. Несвижский, очевидно, был не так близок к начальнику Морского завода, как предполагали. Нсвий главный инженер оказалась неспособным к получению заказов, и ни одно поручение, проходившее через него, не увенчалось успехом.

Махнув рукой на Несвижского, акционеры стали помимо него искать выход. Бросаясь от комбинации к комбинации, они остановились, наконец, на предложении Курвеша построить свою собственную корабельную мастерскую и заняться судостроением. Но не успели они пожать плоды от вновь возведенных цехов, как все провалилось. Городская дума решила строить перед «Тритоном» мост через Неву. При ведомственной неразберихе новый судостроительный завод не принял во внимание, и быки моста были поставлены тесно: не только броненосец — даже крейсер не мог бы пройти между ними. Акционеры в отчаянии заматались в поисках покупателя.

3

Из попытки Несвижского апеллировать к своему покровителю ничего не вышло. У подъезда начальника Морского завода стоял щегольской экипаж с затейливым фамильным гербом. Несвижский понял, что у Корсакова кто-нибудь из важных гостей, и ему стало досадно, что он пришел в такое время, да еще с чужим человеком. Он недовольно покосился на Курвеша, но тот невозмутимо шагал рядом, с интересом разглядывая корпуса громадных цехов. Их встретил живой, крепкий старик в сюртуке с генеральскими погонами. Он, видимо, был не в духе и, торопливо подздоровавшись, крикнул:

— Людмила, принимай гостей!

В переднюю оживленно вбежала черноволосая девушка и, протягивая руку, скоротворкой сказала:

— Идемте, скорей! У нас гости — новый папин помощник... такие вещи рассказывает, такие вещи! Она потянула Несвижского в комнату, бросив мимоходом взгляд на Курвеша.

Навстречу им поднялся невысокий белокурый моряк со светлой холеной бородкой. Он был видимо шокирован безцеремонностью, с какой его оставили одного, но старался не показывать этого.

— Ну, рассказывайте скорей господам судостроителям, какие они самотопы строят, — заторопила она моряка, едва познакомив гостей. — Дошли вы до Тулона?

— Дошли, дошли, — улыбаясь нетерпению хозяйки, проговорил тот, долго усаживаясь в кресло, чтобы скрыть свою досаду. Такие вещи можно рассказывать хорошенькой женщине, но они вовсе не предназначались для деловых мужчин. — Стыдно было французам на глаза показаться. Броненосец новый, полгода в плавании, и вдруг при учебном выстреле — взрыв...

— О каком броненосце речь, позвольте узнать? — живо спросил Курвеш.

— О «Сырое Великом».

Входивший в комнату Ксаверий Антипич быстро переглянулся с Несвижским. Главный инженер «Тритона» плохо следил за разговором, раздумывал о

том, что ему вряд ли удастся поговорить сегодня о деле, которое привело его сюда. Застигнутый врасплох наступившим молчанием, он машинально проговорил: — Справедливость требует отметить, что тут все же дело в оружейном заводе, а не в судостроителях.

— Вы думаете? — язвительно спросил Курвеш. — Тут все стараются елико возможно. Мой друг плавал на «Храбром». Канонерка шла в первый рейс. Стоит он на вахте, весна, знаете, море... размечтался. Вдруг докладывают: в трюме вода. Послал осмотреть. Что за диковина? Вода так и журчит. Посмотрели: швы пропускают. Пустили помпы, командиру доложить пришлось. Всю ночь на ногах были. Боялись, что не дойдут до Гавра.

Он забарабанил пальцами по колену, сдерживая готовое прорваться возмущение. Несвижский, никак не ожидавший, что его сослуживец затеет такой разговор, испугался надвигающейся ссоры и, беспокойно оглядевшись, бросил:

— Существует и другая точка зрения. Слабость флота многие приписывают распушенности строевого состава.

— О, я меньше всех склонен это замалчивать, — живо отозвался Курвеш, поворачиваясь всем телом к Несвижскому. — Взять хотя бы адмирала Назимова. Его, поди, каждый извозчик знает, три дома выстроил у Таврического. Чуть на море ветерок, бравый адмирал зовет ревизора и велит списывать паруса. Порвались, мол, пришли в негодность. Ревизор, конечно, ассигнует деньги на новые. Так за поход на одних парусах тысячи зарабатывали. В Италии ему ревизор говорит: «Ваше превосходительство, и паруса и весь рангоут восемь раз списаны, как прикажете?» — «А корпус ни разу? Списывайте корпус!».

Курвеш вынул портсигар и стал мять в руках папиросу. Людмила с любопытством посмотрела на него, и он, заметив это, усмехнулся, как бы в ответ на ее взгляд. Барышня хочет так называемой смелой и горькой правды? Пожалуйста!..

— Мне вспомнился пустяк, быт, так сказать, — продолжал он, придвигая пепельницу. — Морской офицер, живущий на жалованье, разумеется, о роскоши мечтать не может. Установилась традиция — на Востоке приобретает меха. Бобер там стоит рублей пятьсот, котик на ротонду — полсотни, здесь это обходится впятеро. Каждому, понятно, хочется привезти отцу, сестре или жене подарок. И вот адмирал не позволяет никому сойти на берег, пока его флаг-офицер не смотается туда на вельботе, чтоб скупить все шкуры. Молодежь идет в море романтиками, возвращается скептиками...

Курвеш затыкнулся, откинув свою красивую голову. Моряк, видимо жалевший, что затронул такую рискованную тему, шутливо сказал:

— Не перевелись еще на Руси добрые молодцы. Не все так мрачно...

Курвеш пожал плечами.

— Я, конечно, не хотел сгущать краски. Но когда прославленные адмиралы в наш век техники прокламируют легкие крейсера, согласитесь, это симптом неблагополучия. И добро бы его подняли на смех!.. Все государства гонятся за броненосцем предельной мощи, а адмирал Макаров предлагает выходить против них на небронированных скорлупках. «Морское казачество», видите ли, русская лихость! А в результате все сбиты с толку. Закладывают то серию броненосцев, то легкие крейсера. А случись что — у нас не будет ни тех, ни других в достаточном количестве.

— Но кто же всерьез принимает Макарова и его бредни? — сухо огрызнулся моряк.

Курвеш обвел присутствующих своими синими, чуть вылинявшими глазами, заметил напряженные лица и, нахмурившись, проглотил возражение. Несвижский, не сводивший с него настроенного взгляда, облегченно вздохнул и повернулся к Людмиле. Она вздрогнула от его резкого движения и машинально опустила руки на крышку рояля.

— Спой, — чуть слышно попросил Несвижский.

Она удивленно взглянула на него и тоже обвела всех своими блестящими

черными глазами. Долго задержала взгляд на недовольном лице отца и покорно притрунулась к клавишам.

Курвеш слегка поморщился. Доморощенных певцов он не любил, предпочитая им настоящих. Но скоро недовольство его сменилось изумлением.

— У вас редкое по чистоте сопрано, — с укором произнес он, когда она замолкла. — Запускать его...

Он опять заметил, как облачко пробежало по лицам присутствующих, и понял, что снова задел большой вопрос. Людмила вяло сказала:

— К чему бы я его стала развивать?

— Отчего же? — пожал плечами Курвеш, — так приятно...

— Петь мужу и гостям, — иронически подсказала Людмила.

Несвижский смущенно пробормотал:

— Ну, Людмиле Ксаверьевне думать о сцене...

Курвеш с обычным спокойствием поднял на него в упор глаза:

— Старина-матушка из гроба выглядывает? Талант и приличия?...

— Чушь! — сердито выпалил Корсаков, и дочь, с благодарностью взглянувшая на Курвеша, отвела взгляд. Всем стало неловко.

Моряк медленно встал. Церемонно поклонившись, он холодно начал прощаться. Нерешительно переглянувшись за ним поднялись и остальные.

Через несколько дней Несвижский выехал во Владивосток, так и не решившись второй раз побеспокоить Корсакова.

4

Курвеш сидел в тележке, борясь с желанием выпрыгнуть на мостовую. Перед ним мелькали загорелые ноги рикши, и он никак не мог понять, как он решился на это нелепое, дикое пари. Все его возбуждение сразу пропало. Конечно, хорошо, что этот непрактичный тюлень купил такое дермо. Наконец-то можно будет стать на собственные ноги. Фирма «Ю. Н. Курвеш» — вот это будет номер! Этот слюнтяй даже ни о чем не догадывается. «Вам не следовало уезжать в Харбин»... Как же, так и гнуть всю жизнь спину для «Тритона»?

Любое широкое начинание гибнет в руках этих тупых дельцов. Проект перво-классной верфи для дальневосточной эскадры выродился в эту жалкую... Ладно же, Курвеш сам даст флоту верфи! Идиоты-акционеры не догадываются, что здесь, на Востоке, широко поощряется колонизация, что Русско-Китайский банк дает неслыханные субсидии...

По телу рикши обильно лился пот. Курвеш снова ощутил стыд и сделал движение остановить тележку. Вдруг сзади него послышались быстрые, нагоняющие шаги.

— Шалишь, теперь ты от меня не от-вертишься! — проговорил за его спиной сиплый голос, и Курвеш увидел у подножки ногу в рваном, грязном штиблете.

— Что вам угодно? — резко спросил он, оборачиваясь.

— Занался? Не признаешь старых друзей? — выкрикнул оборванец, трюся рядом с тележкой. Инженер понял, что он ищет скандала.

— Я вас не знаю, — с напряжением сказал Курвеш, делая угрожающий жест.

— Страшать вздумал! — взвизгнул человек. — Может, сейчас ты передо мной на коленях ползать будешь!

Курвеш презрительно пожал плечами. Но сжатые губы и бегающий взгляд выдавали его беспокойство.

— Я не из пугливых! — сказал он, тревожно оглядывая улицу. Человек уловил его взгляд и, вскочив на подножку, захрипел:

— Где нижеудинская водокачка? Где вокзал? Где красноярские казармы на пятьдесят тысяч солдат?

Курвеш наморщил лоб, видимо, что-то соображая.

— Прочь с тележки, — закричал он и, столкнув бродягу с подножки, крикнул рикше:

— Гони!

Рикша рванул и понес полным ходом. Отъезжая, инженер уловил летевший ему вдогонку крик:

— Люди добрые, где справедливость? Вместе куралесили, вместе надо и ответ держать! Один сир и гол, другой, как сыр в масле, катается...

У под'езда гостиницы Курвеш с чувством облегчения слез с тележки. Он быстро поднимался по лестнице, когда его нагнал тот же человек.

— Напрасно улизнуть стараешься, почтеннейший, — ядовито произнес он. — Здесь инженер «Тритона» слишком заметная фигура, чтобы скрыться.

Курвеш с бессильной яростью открыл перед ним дверь номера. Он понял, что, узнав место его службы, шантажист цепко держит его в руках.

— Почему такая кровная обида? — захныкал человек, едва переступив порог, — в одном ведомстве работали, великий сибирский путь вместе проклады-вали...

— Хватит. Что тебе нужно?

Человек несколько успокоился и, пригнувшись, сообщил полушопотом:

— Овес продают... За бесценюк...

Курвеш язвительно усмехнулся:

— Он, наверное, пять лет назад за-бракован, как старый.

Гость восхищенно взвизгнул:

— И все-то он знает! Так слушай: тут уже второй год в один тупичок за-гоняют составы со всякой всячиной. Ва-гончики перекрашивают, ставят другой номер, ну... и разгружают. Компания верная, все шито-крыто.

Инженер стремительно заткнул уши и в отчаянии закричал:

— Я ничего не хочу слышать! Не смей выливать здесь свои помои!

Человек спокойно подождал, пока у Курвеша не устали руки и он не опу-стил их.

— Ты доканаешь меня своей щепетильностью... Ладно, бросим. Вот другое дело: казна продает партию бракован-ных сапог. Помоги обернуться, век не забуду.

Курвеш в ярости вытащил портсигар и, повертев в руках, снова спрятал в карман. Человек, потянувшийся было за папирсой, сделал постное лицо и, придвинув кресло, фамильярно разва-лился в нем.

— Военное министерство возьмет за брак по рублю. Если сбить их морско-му по четыре...

— Слушай ты, мразь, — брезгливо отодвигаясь от гостя, проговорил Кур-

веш, — ты один раз запутал меня в свои грязные дела. Но я тогда был молод. Больше это тебе не удастся. Я иду другой дорогой. Я еле выбрался из этой клоаки, а ты тащишь меня опять туда. Нет, устраивай скандал, зови полицию, доноси... Я не хочу, понимаешь, не хочу впутываться в твои сапоги.

— Брак самый незаметный, а тысячи две совсем исправных. Их можно будет, как образец...

— Но на сапоги и цены такой нет.

— Обяжешь на всю жизнь, рабом сделаешь, — горячо зашептал человек, хватая его за руки. — Кто из нас не спотыкался? Помогите! Пригожусь, Юра, бог свят, пригожусь.

— Ты, пожалуй, еще подумаешь, что я тебя боюсь, — щурясь, протянул Курвеш.

— Куда мне с тобой тягаться. Ты океан пройдешь, не замочишься.

— А сапоги-то будут?

— Не с интенданством говорю, с другом.

Инженер поморщился.

— А деньги где возьмешь?

— С твоей рекомендацией банк выдаст.

Курвеш отрицательно мотнул головой.

— Невозможно. Мне кредит нужен для другого.

— Не доводи до суммы. Юрий! С отчаяния и голубь мстит.

Курвеш посмотрел на свирепо изогнувшегося собеседника, на голодный огонек в его глазах и провел рукой по щеке, точно ее охватывала петля.

— Нет, нет... Сейчас... не могу... Я добиваюсь ссуды под строящийся завод.

Шантажист алчно протянул руки.

— Понимаю. Завод так же строится, как водокачка и казарма. Возьми меня в компаньоны.

Инженер беспомощно огляделся, словно ища, куда бы спрятаться.

— Ладно! Но завод настоящий, и ты должен поклясться...

— Клянусь. Пиши бумажку, сделаешь псом верным.

Курвеш тоскливо вздохнул. Уныло опустившись в кресло, он стал писать.

5

Трясаясь по пыльным ухабам немощного Владивостока, Несвижский ехал в «Варьете» в неприятном предчувствии тяжелого разговора с Курвешом.

«Что я, собственно, тут делаю? Спасую «Тритон»? Сколько трудов стоило там, в Петербурге, уговорить хозяев не продавать завод. Под-конец они ухватились за проект Курвеша. Это он предложил искать удачи на Дальнем Востоке, а покупать эту паршивую верфь пришлось мне. Курвеш, как всегда, не при чем. Верфь выбрал я, я и должен буду налаживать тут отделение «Тритона». Послать бы их к черту, возвратиться в Питер, сделать расчеты, закончить свой проект».

Он вздрогнул от прерывистого горячего сопения за спиной. Быстро повернул голову: за коляской неровной рысью бежал рикша, дыша тяжело, как лошадь. Несвижский отвернулся и закрыл глаза.

У «Варьете» толпились извозчики и тележки дженерикши. Несвижский стал проталкиваться к входу. «Отстал-таки», — машинально подумал он, не видя своего спутника. Устало опустил за столик и стал разглядывать меню. Победив, удивился, что Курвеша все нет. Подождал еще с полчаса и, недоумевая, поехал домой. В этот день он Юрия Николаевича так и не увидел.

Курвеш, встретившись с человеком, заметался. Шантаж угрожал потерей денег, положения и доверия акционеров «Тритона». Не находя себе места, он вышел из гостиницы и целый день слонялся по владивостокским ресторанам, накачивая себя вином до обалдения. В минуты просветления он говорил себе, что избрал самый пошлый способ освободиться от отчаяния и что горя вином все равно не зальешь. Но тоска подступала с новой силой, и он опять принимался за бутылку, с тупым ожесточением оглушая себя обжигающей жидкостью. К вечеру он уже плохо понимал, куда и зачем идет. Рестораны, шалманы, кабачки... В голове мутилось от новых лиц и бесконечных тостов. Искатели приключений, в избытке навод-

нывшие все порты Дальнего Востока, сменились золотоискателями, те уступили место строителям Великого Сибирского пути, потом он пил в обществе моряков и гарнизонных офицеров, попал в публичный дом и, наконец, очутился в каком-то мрачном подвальчике за одним столиком с измятым, обтрепанным англичанином. Он дошел до точки и, не стесняясь, всхлипывал, уронив голову на руки. Сосед поил его содовой водой и сокрушенно уговаривал:

— Встряхнитесь, молодой человек, не распускайтесь в этом вертепе. Эка невдале — неудача! Поверьте, сэр, все порядочные люди — неудачники. Удача всегда достигается сделкой со своей совестью.

Содовая понемногу прояснила мысли. Англичанин укоризненно качал большой седовласой головой:

— Ах, молодой человек, молодой человек! Что вы видели в жизни? Что вы знаете о человеческих несчастьях? Я об'ехал все страны света, бедствовал под всеми широтами, на всех материках. А между тем...

Он вздохнул и отпил из своего стакана. Он глотал, не морщась, большими дозами, прихлебывая виски, как чай.

— Простите за навязчивость, — сдержанно начал он, — сегодня я столкнулся с вами в двух местах... Прошу извинения за нескромный вопрос: что заставляет вас так яростно искать забвенья?

Курвеш свирепо посмотрел на него. Тот полез в карман за трубкой. Сосредоточенно набивая ее, он в раздумьи говорил:

— Я совсем не sentimentalный человек. Я видел слишком много, чтобы давать волю чувствам. Скажу больше, по мановению этой руки, — он протянул над бокалом сухую, жилистую кисть со слегка дрожащими пальцами, — мог содрогнуться весь мир.

Англичанин отпил глоток и устремил на соседа тяжелый задумчивый взгляд. Курвеш попросил еще бутылку содовой воды, чувствуя потребность в прояснении своих мыслей. Этот старик производил какое-то странное впечатление, и Юрий Николаевич уже жалел, что не разобрал его фамилию.

— Вы напомнили мне сегодня мою молодость. Тридцать лет назад я сидел в заброшенном кабаке Лондона с таким же отчаянием в душе и пил так же невоздержно, накачивая в себя храбрость.

Заметив, как собеседник его вздрогнул, он с тихой усмешечкой сказал:

— Когда человек споткнется, он всегда ищет разрешения всему в быстром конце.

Придвинувшись ближе к столу, он шопотом продолжал:

— Вы инженер «Тритона». Не знаю, что это за фирма. Вы, вероятно тоже не слышали про «Армстронг». Но скоро о ней узнают все. Вы слышите: весь мир скоро заговорит о судостроительном заводе «Армстронг». И хотя мое имя не будет упоминаться, хотя будет упоминаться имя моего злейшего врага, но это будет говорить о частице меня самого, о моем детище.

Делая торопливые затяжки, он выпускал густые клубы дыма, и трубка торчала в сизом тумане, как пароходная труба.

— А тогда никто не хотел слышать об «Армстронге». В Англии признавали одну фирму «Викерс». Весь Великобританский флот, все иностранные заказы, все липло к «Викерсу». «Армстронг» проектировал прекрасные корабли, у нас разрабатывались модели быстроходнейших океанских пароходов, но весь мир словно сошел с ума.

Выколачивая трубку о ноготь, англичанин печально покачал головой. Хмель начинал одолевать и его, давая знать о себе неестественным блеском глаз.

— Мы живем, сэр, в конце самого замечательного и самого ужасного века. Расцвет техники, величайшие изобретения — и все это на погибель человечества. Все страны требовали военных кораблей. Делать крейсера, броненосцы, пушки? Нет, на это я не мог идти. Пусть этим занимается «Викерс». Лучше остаться скромной фирмой, но производить полезные, мирные вещи. Но я был не один. У меня был компаньон. Я приютил его в своей фирме, когда он потерпел крушение в жизни.

Он приник к бокалу, опоражнивая его теперь с жадностью. Серые волосы растрепались, усы обвисли, руки мелко дрожали. Отставив пустой бокал, он устало закрыл глаза и, посидев с минуту неподвижно, снова начал:

— Вы раскрыли тут передо мной душу, сэр. Вы плакали, вы считаете, что дошли до предела. Но это обычная коммерческая война, сэр, ибо коммерция — самая ужасная, самая беспощадная война в мире. Коммерсанты вооружены змеиным сердцем и клыками волка. Мой компаньон поступил со мной не лучше и не хуже, чем ваш с вами. Вся разница в приемах. Неудачник, какой абсурд! При известном уме можно всегда пробиться в жизни. Неудачниками являются порядочные люди, которые не идут на сделку с окружающей их мерзостью.

Англичанин снова стал набивать свою трубку. Руки его дрожали.

— Вы знаете, что такое крах? Компаньон ловкими манипуляциями довел фирму до краха. А я не мог пережить банкротства своего дела. Я был близок к тому, к чему катитесь вы. Но в последнюю минуту пришло спасение. И не в виде счастливого благодетеля, как в романах, а в виде коварства. Подставное лицо согласилось купить мои акции. Я отдал их за бесценок, я был счастлив уже тем, что не буду объявлен банкротом. А компаньон, став полным хозяином завода, стал строить броненосцы и крейсера. У меня нехватило сил начинать все сначала. Я уже не выплыл.

Курвеш жадно сосал содовую и трезвел.

— А он — он выплыл? — задыхаясь спросил он.

— Такие в воде не тонут, в огне не горят, — вздохнул англичанин. — Сперва ему не везло. «Викерс» уже имел твердо установившуюся репутацию и прибрал все к рукам. Когда нечего терять и совесть твоя не очень требовательна, идешь на любой риск. Он принял поездку на Восток, обивая пороги правителей. В первый раз клюнуло в Небесной империи. Богдыхан заказал пару канонерок. Завод их сделал, а мимоходом, как бы невзначай, сообщил

японцам, что его исконный враг, Китай, вооружается. Те, в свою очередь, заказали миноносцы. Фирма, разумеется, не преминула сообщить своему клиенту об усилении флота их вековых недругов. Через несколько лет оба заказывали уже броненосцы в неистребимой жажде обогнать друг друга. Японию уже не надо было поощрять. В них точно вселился дьявол, и китайцам приходилось...

Курвеш восхищенно смотрел на него.

— Это гениально, — не удержался он.

— Это подло, бесчеловечно! — вспыхнул англичанин. — Стравливать нации, как своры собак, это, это...

Он приник к своему бокалу, словно надеясь залить бушевавший внутри пожар. Скоро глаза его потухли, и он весь как-то обмяк и ссутулился.

— Самый удачный ход «Армстронг» сделал недавно, — флегматично проговорил он, откидывая назад седые пряди волос, — нужно было пустить корни у себя в стране, без этого весь успех держался на песке. Он выждал, пока Япония и Китай приобрели солидные эскадры, и сообщил адмиралтейству, что заказы этих государств принимают угрожающий характер и требуют усиления британских дальневосточных сил. Его патриотизм оценили: адмиралтейство поручило «Армстронгу» построить крейсерскую эскадру для этих вод.

Англичанин стряхнул пепел с сюртука и, поднимаясь, мрачно произнес:

— Никто не знает, когда его ждет удача. Соперничество Японии и Китая дошло до предела. Скоро они сцепятся, как хищные звери. И кто бы ни победил, это будет триумф «Армстронга», но не моего «Армстронга», сэр. Я лучше останусь неудачником.

Разговор с англичанином странно ободрил Курвеша. Большие дела и большие деньги коснулись его, и вся эта история с шантажистом перестала казаться непоправимой и грозной. Выспавшись, он посмотрел на вещи здраво и спокойно. Шантаж?... Можно временно исчезнуть с Востока, пусть покрутится тут Не-

свижский... В Петербурге шантажист не страшен.

Утром Курвеш нашел Несвижского и сообщил ему, что промучился весь день с почками, необходимо; тотчас ехать в Питер и делать операцию. Новую верфь надо поставить на ноги, Ян Казимирович отлично сумеет это сделать, не так ли?

Несвижский принял это так, как и ожидал того Курвеш: растерянно и покорно. Он проводил его на пароход и остался во Владивостоке.

6

Стоял август. Горячее солнце ныряло в облаках, как в раскаленных полосах прокатываемой стали. Владивосток изнывал от жары.

На новом «Тритоне», в тихой заводи Амурского залива, собирали миноносцы. Шпангоуты их, как ребра, торчали на стапелях верфи. Краны неутомимо бегали по рельсам к воде, вытаскивая из барж листы железа. Сборщики ловко подхватывали их и наскоро прикрепляли болтами к собираемому на стапелях судам. Крановщики устремлялись за новой добычей, а сверловщики, клепальщики, чеканщики набрасывались на приставленный лист, сверля дыры, приклепывая заклепки, зачеканивая кромки и пазы.

Резкий крик ворвался в грохот железа. Перекрывая стук молотов, над стапелями повисло:

— Полундра!

Копотившиеся у миноносцев люди рванулись в стороны. Стальной трос пронесившегося над ними крана быстро свивался в кольцо. Лист дрогнул, перекосясь, налегая на другой трос, и медленно, точно колеблясь, пополз вниз. Набирая скорость, он несясь все быстрее и, мелко дрожа, стремительно упал у корабля.

Протяжный вопль пронесся над залом. Бросая щипцы, кувалды, чеканы, рабочие устремились вниз. У стапелей лежала корчившаяся фигура, пригвожденная, как гвоздем, острым концом

сорвавшегося листа к залитой кровью земле.

— Это каталь Лавров, лохматый, — хмуро сказал один из сборщиков, берясь за лист. — А ну, ребята, дружнее! Выдернем занозу у старика...

Мастеровые осторожно обступили распостертого на полу человека, стараясь примостить свои широкие спины и крепкие плечи к листу. Но он глубоко ушел в настил и не трогался с места.

— Раскачать надо.

— Как его, сатану, раскачаешь? Домкрат тащи.

— Краном его! Подай другой кран!

Рабочие стали осторожно отдавать трос. Крановщик, оторопело смотревший вниз из своей кабинки, тихо тронул. К месту катастрофы подшел исправный кран. На лист накинута хомутки. Тросы натянулись.

— О, ой, — раздался глухой стон.

— Тише, лешак, полегче!

Лист шевельнулся, дрогнул и пополз вверх, волоча за собой раненого. Дико вскрикнув, тот открыл глаза, попробовал подняться, но голова со стоном упала на землю.

— Носилки! Айда за носилками!

— На шампуньку его! Зови шампуньщика!

— Сынка бы из слесарного кликнуть. Ваньку...

Раздвигая народ, к лежащему подошел мастер. Понуро постояв над ушибленным, глухо сказал:

— Расходись, расходись. Всю заваль сбыли сюда из Питера, живоглоты...

Он резко повернулся и пошел к конторке. Спустившийся вниз крановщик злобно плюнул ему вслед:

— Праведник! Все вы одним миром мазаны... Сколько раз я докладывал про тросы. Только надуетесь и шипит, как гусак.

Вдруг в толпе произошло движение. Из люка миноносца, тяжело отдуваясь, показалась голова, и на палубе появился потный, всклокоченный человек. Он спрыгнул со стапелей и, слегка хромя, подошел к распластанному телу, сухой, хмурый, строгий. Наклонился над изу-

веченным, пытаясь разглядеть рану сквозь ворох окровавленных лохмотьев.

— Что, прикончили, или калекой останется?

Голос его звучал резко. Он обводил всех суровым взглядом, точно имел право допрашивать и распоряжаться. Кто-то тихо отозвался:

— Кончили. Кровищи ишь сколько вытекло.

— И доколе мы будем молчать? — возвысил голос старик.

Раненый глухо застонал, царапая большими узловатыми пальцами землю. С разных сторон раздались нестройные голоса.

— Правильно, Кузьмин, с нашим братом, как со скотиной!

— Чего народ мутишь, Илья? И так живем несладко!

Но старик уже вошел в азарт. Взобравшись на груды литья, он подтянул низко опустившиеся брезентовые штаны и закричал, простирая руки над корчившимся у его ног Лавровым:

— Товарищи! Не пора ли спросить отчет за пролитую кровь?

Он поворачивал свое потное лицо во все стороны, жадно отыскивая следы сочувствия, и мрачнел, не находя его. На него замахали руками, зашикали. Он неловко подался назад, литье разехалось под ногами, и Кузьмин соскользнул вниз, прямо в гущу жарко дышавших тел. Он с удивлением разглядывал дикую толпу, не понимая, чем так возмутил ее. Он успел заметить, как его заслонил крепкий, увертливый рабочий с повязкой на глазу.

— Филат! — закричал старик, увидев в стороне от свалки худосочного, тщедушного юношу, смотрящего на все испуганным, растерянным взглядом, — Филат!

Юноша рванулся с места, но, наткнувшись на окружавших старика людей, беспомощно остановился. Потом внезапно вскочил на стеллаж и, набрав полную грудь воздуха, крикнул:

— Дорогу носилкам!

Все начали нехотя расступаться.

Подручный слесаря Ваня Лавров приоткрыл клапан, когда разнесся слух, что кого-то убило. Он вскочил с места, но мастер прикрикнул на него, и он опять опустил лохматую, в черных кудряшках, голову и начал возиться с разобранный помпой. Улучив момент, когда мастер отвернулся, Ваня все же выскользнул из цеха и побежал к стапелям. Там никого не было. Потоптавшись у свежей лужи крови, он повернул опять к слесарной и столкнулся с группой корабелов.

— Ты что ж к отцу не идешь? — участливо спросил его один.

Ваня не понял вопроса, но заметил, что товарищи стали делать говорившему знаки, дергая его за блузу.

— Шила в мешке не утаишь, ребята, — решительно выступил другой, — все равно узнает. Иди-ка, паренек, в госпиталь. Батьку твоего малость листом прижало.

Ваня растерянно поправил засаленную фуражку, едва прикрывавшую его лохматую голову, и пустился к воротам. Сторож преградил ему дорогу, но, видно, сообразив, что это сын пронесенного недавно раненого, посторонился. Лавров побежал.

Он не обогнул еще залива, как силы его истощились. Все более замедляя бег, он скоро остановился, беспомощно оглядываясь по сторонам. Слезы набежали на ресницы и застыли в них.

Его взгляд упал на маленького потного рикшу, устало тащившего ему навстречу свою тележку. Он инстинктивно сделал шаг вперед.

— Мой шибько скоро, — машинально произнес тот, заметив движение парня. Он тяжело передохнул и, опустив голову, печально добавил: — Мой шибько, шибько езд, сил нету.

— Я не езджу на людях, да у меня и денег нету, ходя, — сконфуженно сказал Лавров.

— Мой не ходя, мой японец есть, — с вымученной улыбкой пояснил рикша, прислонился к тележке.

— У меня отца убили, — тоскливо зираясь, ответил Лавров.

Японец понимающе замотал головой:

— Русский гаспадин шибко много лонял, мой бегал, лошады бегал...

Сильный, глухой кашель потряс его гщедушное, тяжело дышавшее тело. Лавров с состраданием посмотрел на него:

— Я побегу, у меня отца убили, — неловко повторил он, — прощай.

Он протянул японцу руку. Рикша изумленно поднял на него глаза, стремительно вскочил и крепко потряс ее. Ваня тронулся дальше. Несколько секунд японец стоял, наблюдая за его тяжелым бегом, потом укоризненно покачал головой, повернул тележку и тихими, плавными шажками побегал за ним. Он быстро догнал его и на-бегу закричал:

— Твой бегай нехорошо. Садися!

Юноша отрицательно мотнул головой и еще сильнее рванул вперед. Но рикша не отставал. Его босые, бронзовые ноги быстро мелькали рядом с тяжелыми сапогами рабочего. Он настойчиво повторил:

— Саднся, мой денег не надо.

Ваня бежал, закусив губу, напрягая все силы, чтобы не споткнуться, не отстать. Ему было стыдно, что этот усталый, слабый человек бежит с тележкой легко и свободно, да еще предлагает везти его, здорового детину. Прислушиваясь, как все сотрясается внутри, он сжимал кулаки, чтоб не сдаться, не остановиться, боясь поддаться минутной слабости и согласиться на ужасную услугу этого человека.

Так бежали они, удивляя прохожих, бросая изредка друг другу скупые фразы.

За поворотом показалась больница. Они подбежали к ней одновременно, плечом к плечу, точно состязались в быстроте. Тяжело дыша, стали вытирать обильный пот.

— Мой денег не надо, — боясь, что его не поняли, жалобно произнес рикша.

— Спасибо, товарищ, — застенчиво сказал Лавров, удивляясь его настойчивости. Японец грустно улыбнулся. Лав-

ров еще раз крепко пожал ему руку и устремился в больницу.

8

Отца Ваня застал уже в агонии. Когда раненого принесли в палату, врач только покачал головой:

— Он потерял слишком много крови.

Ваня подошел к кровати, где разметавшись, лежало большое, бессильное тело отца. Тот чуть приоткрыл глаза, сделал усилие, чтоб подняться, и прохрипел:

— Проклятая работа.

Он начал тяжело ворочаться и ловить воздух черными, большими руками, словно желая что-то схватить. Ваня отвернулся к стене. К ним подошел доктор.

— При заводе полагается иметь врача. Сразу его еще могли отходить.

Юноша вышел из палаты. За что отняли у него отца? Что делать теперь с семьей? Им овладело отчаяние.

Он бродил по кривым улочкам Владивостока, не находя в себе мужества показаться матери. Ваня не заметил, как спустились сумерки, и очнулся в каком-то грязном проулке от легкого прикосновения. Безучастно повернувшись, разглядел в темноте фигуру китайца, делающего ему знаки. Равнодушно переступил за ним порог ветхой трущобы. Он очутился в просторной комнате, тускло освещенной плавающим в бобовом масле фитилем. На грязных сенниках и некрашенных скамьях в неестественных позах храпели люди, другие тянули что-то из чашек, третьи курили длинные, причудливого вида трубки. Ваня почувствовал усталость и машинально опустился на свободное место. Ему подали в чашке какую-то прозрачную жидкость. Так же машинально он стал пить, обжигая себе горло, и бессильно уронил голову на сенник.

Проснулся он поздно и сразу заторопился вон из притона. Не имея денег, чтобы расплатиться, он оставил китайцу в залог пиджак и побегал на верфь в одной блузе. На работу он опоздал, но на него никто не набросился с обычной бранью. Мастеровые посоветовали ему потребовать за увечье отца пособие, и он пошел к мастеру.

— Старик был слаб и попал под лист по собственной неосторожности, — отмахнулся тот от него.

Это его-то отец был слаб! Убили и еще издеваются! Лавров стал спорить, кричать, ругаться, требуя обеспечения семьи. Мастер равнодушно отвернулся. Сторож взял юношу за шиворот и потащил к дверям. Ваня барахтался в сильных руках, выкрикивал бессмысленные угрозы.

Его вытолкнули за ворота. Только сейчас, когда ему нечего было делать, он почувствовал, что его с самого утра томит жажда. Он попросил в ближайшей избе пить и припал к кувшину с водой. К его удивлению, вода обожгла ему язык, и он ощутил вчерашний горький вкус во рту. Он прилег на траву у склона горы, почувствовав, что его, как тогда в притоне, одолевает слабость. У него закружилась голова, он прилег на траву и тотчас увидел над собой синий шатер, под которым плавали пухлые комья ваты. Смутно вспомнились рассказы, что китайский ханьшин отравляет, как яд, вызывая вечную жажду. Все запрыгало, заплясало перед ним, он закрыл глаза.

В сумерках его подобрали возвращающиеся с верфи рабочие. Они отвели его домой и оставили семье деньги, собранные у мастеровых на похороны.

— Насчет работенки не тужи, — сказали они на прощанье, — на пароходы народ набирают. Поплавай, погляди свет.

На следующий день его свели к механику «Силача». Тот согласился взять слесаря масленщиком. В тот же вечер, не дождавшись похорон, Ваня ушел в первый рейс.

9

Ветер все еще шумел в листве и стучал ставней, но дождь перестал. Старик Кузьмин копошился у висевшего на стенке обломка зеркала. Филат исподлобья наблюдал, как он расчесывал поредевшие седые волосы и дулоком возился с недавним ему галстуком.

— Что, батя, в гости собираешься, али так, прогуляться? — спросил юно-

ша, глядя в окно. Он постарался придать вопросу как можно более равнодушия, но это ему плохо удалось.

— А ты не скучай, скоро буду, — уклончиво ответил старик.

Со дня неудачного выступления в цехе между ними точно кошка пробежала, и они кружили друг около друга, недоверчивые и настроенные, как враги.

— Пройдусь и я, размяться охота, — самым естественным тоном проговорил Филат, берясь за фуражку.

— Иди, иди, в твои годы только и гулять, — не без иронии поощрил его отец. — Пройдись к Золотому Рогу или на Русский остров. Барышень там наверно — сила. Не забудь только галоши глубокие одеть, грунт тут глиняный, увязнешь, того и гляди, в этом киселе.

Филат обидчиво поджал губы. Пусть отцу не нравятся его поведение в тот день. Но такого отношения он не заслужил. Единственная его вина в том, что он не силен. С его мускулами нечего было делать в толпе. Осторожность — не трусость. Его бы смяли в лепешку, только и всего.

Он повесил фуражку обратно на гвоздик и опустил на шершавую скамью.

— Лаврова хоронить идешь?

— А коль знаешь, чего хитришь? — сердито оборвал его отец, — молод еще хитрить.

Кузьмин надел праздничный синий пиджак и вышел. Юноша молча проводил его взглядом.

Несмотря на слабое здоровье, Филат с детства был строптив. Отданный в ученье, он не влюбил искусство подметанья и уборки и несколько раз пробовал бежать. Его ловили, нещадно били и опять гоняли за колбасой и баранками, а ночью заставляли качать детей и прибирать за ними горшок. Он мстил им щипками и колотушками, а сопровождая хозяйку на рынок, часто спотыкался, отчего у него в кошелке из продуктов образовывались яичницы и винегреты. Когда его выгнали от пятого хозяина, отец нахмурился. Переговорив с мастером, он повел сына в цех и стал учить его слесарному делу.

На заводе Филат прошел обычную школу русского рабочего: он стоял в дозорах во время собраний, разбрасывал прокламации, расклеивал листовки, участвовал в кружках и кончил, как большинство, тюрьмой. Там в постоянном общении с политическими он прошел высший курс познания и по выходе оттуда почувствовал себя созревшим для самостоятельной жизни. Отец его успел к тому времени попасть в ссылку. После недолгой переписки и переговоров кое с кем из старых друзей семьи Филат решил поехать в Сибирь, чтобы помочь отцу бежать.

Тоскливо расхаживая сейчас по маленькой комнате и выглядывая поминутно в окно на тесную владивостокскую улицу, Филат живо вспоминал подробности побега. Да, немало пришлось потрудиться. Не ожидал он от отца такой неблагодарности. Пусть тому не понравилось его поведение там, на верфи. Может, благоразумие равняется малодушию, и он должен был не взвешивать, а броситься сломя голову в свалку. Видно, они с отцом обменялись ролями, и старик одержим юношеским пылом, а он хладнокровен и рассудителен, но такое отношение после всего, чем пришлось рисковать...

Перед окнами замелькали чьи-то фигуры, и Филат бросился к дверям. Ему показалось, что он узнал отца, но тот хромал сильнее обыкновенного, и его даже будто кто-то поддерживал. Вот тебе и похороны, не надо было ввязываться во все это! Скорей увезти отца в Питер. Они ведь застряли здесь из-за денег. Но теперь на билеты хватит. Сесть бы уж на пароход.

Дверь с шумом отворилась, и в комнату вошел отец. Он переступил порог с трудом, сильно опираясь на руку рабочего с повязкой на правом глазу. Филат узнал монтера, прикрывавшего отца от бушевавшей толпы в тот злополучный день.

Одноглазый подвел Кузьмина прямо к кровати и помог ему лечь. У старика был жалкий, истерзанный вид; красный галстук с'ехал куда-то за манишку, костюм был испачкан глиной, измятая

шляпа превратилась в блин. Устраивая старика поудобнее, монтер говорил:

— Сунулся ты, друг, в воду, не узнав броду. А еще стреляный петух. Разве тут рабочие? Слышал про переселенцев? Сюда народ со всей страны заманивают, а он тут с голода лютует...

Он устало опустил на табурет.

— Звали сюда — кричали: богатейший Амурский край! — насмешливо сказал он. — Чего богаче, 20 миллионов в год жрет эта пустыня, а житья так и не видать, одна бестолочь. То казенными крестьянами заселяли, а места чиновники навывирали — ни под жилье, ни под пашню. То миллионы швыряли на военный порт. Сперва в Охотске, потом в Петропавловске, потом в Николаевске-на-Амуре, теперь за Владивосток ухватились. Ищут, у кого бы вырвать готовый порт да заодно отхватить и новую колонию, хотя свои пустеют.

Он вынул желтый кисет и, свернув цыгарку, густо задымил ею.

— Подавятся они костью когда-нибудь. Ой, подавятся! За ум берутся азиаты, войной пахнет. Скоро отсюда и выбраться будет трудно.

Он выразительно взглянул на Филата и, попрощавшись, вышел из комнаты.

Глава II

НЕЗАМЕРЗАЮЩИЙ ПОРТ

1

Крейсер держал курс на Чифу. Тускло поблескивая теплыми гребешками волн, Желтое море неохотно расступалось перед ним. Темная тропическая ночь окутывала его жарким, непроницаемым покрывалом. Серебристая пена вспиела перед носом и длинной светящейся лентой ложилась за кормой.

Контр-адмирал Алексеев стоял на мостике, тревожно взглядываясь в темноту. Он прошел три океана и одиннадцать морей, чтобы вступить в командование Тихоокеанской эскадрой. За это время на Востоке все настолько изменилось,

что он не знал, что ждет его на каждом новом курсе.

— Больше ход, — негромко приказал он.

— Имеем самый полный, ваше превосходительство, — доложил командир крейсера.

— Больше ход, — отрывисто бросил контр-адмирал, хмуро взглядывая на звезды.

Командир наклонился к переговорной трубе.

Через минуту на мостик поднялся старший механик.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство, машины не выдерживают, — обратился он к адмиралу — Лопаются трубки, мы рискуем взорвать котлы.

— Больше ход, — не глядя на красное, распаренное лицо механика, проговорил контр-адмирал.

— Больше ход, — покорно повторил командир крейсера.

— Больше ход, — сказал механик в переговорную трубку.

Глубоко внизу в машине вахтенный машинист взялся за маховик клапана. Машина упрямо выстукивала свои триста оборотов, не признавая никаких приказов. Сбоку, слепя глаза, брызгали синими искрами щетки динамо. Голова кружилась и трещала, как с попойки. Десять человек сменилось за каких-нибудь три часа, не выдержав жары, и его разбудили, не дав поспать и половину положенного времени.

— Эй, заснул! — услышал он далекий голос.

Вскинув голову, он посмотрел мутными глазами вокруг себя и снова уронил ее на вздрагивающее железо. Жирный мокрый кондуктор подошел к трапу и трусливо огляделся. Он маялся здесь вместе с командой, боясь, что механик застанет кого-нибудь спящим и ему попадет. Расталкивая матроса, он плаксиво молил:

— Не спи, придем, сменишься.

Матрос попробовал подняться, голова закружилась, и он свалился у машины.

На мостик быстро поднялся старший офицер.

— Еще два обморока. Проклятый климат! Валит матросов, как мух.

— В машине и без климата, что в пекле, — сквозь зубы процедил механик, — люди голые работают, их приходится все время поливать из шлангов.

— Больше ход, — раздался снова голос адмирала.

— Есть, больше ход! — как автомат, ответил командир.

Механик схватился за голову и побежал вниз по трапу. Старший офицер пошел за ним.

— Невозможно. При таком давлении мы рискуем вывести из строя половину котлов, — возмущенно прошипел механик, когда они очутились на палубе.

— Мы рискуем встретить японский флот и пойти на дно, если до рассвета не соединимся со своей эскадрой, — холодно ответил старший офицер, направляясь к артиллерийской башне.

— Значит, война?

— Вернее, экспедиция для умирения азиатов...

У башни нервно шагал артиллерийский офицер. Заслышав шаги, он поднял голову и узнал старшего офицера.

— Как на мостике? Адмирал бесится?

— Тверд и спокоен, — ответил старший офицер. — Ей-богу, адмирал молодец!

Он огляделся и тише добавил:

— Вот уж, действительно, царственная решимость.

Артиллерийский офицер удивленно поднял голову и потом улыбнулся:

— Ах, да... Я и забыл, что он из Романовых...

Старший офицер спустился в свою каюту.

— Только бы добраться до Чифу. А там с эскадрой — хоть завтра в бой...

2

Солнце, разорвав предрассветную муть, позолотило верхушки труб, заиграло на жерлах орудий. Море, еще затуманенное утренней сыростью, ожило; внезапно (точно поднялся занавес, и огни ramпы осветили сцену) показались мачты кораблей чифуского рейда. Тя-

желые контуры броненосцев, стройные обводы крейсеров, низкие миноносцы, марсы, рен, лес труб, — казалось, целый город внезапно вырос на воде.

Офицеры жадно схватились за бинокли. Ночь тревог и волнений кончилась. Впереди расстилалась Небесная империя, когда-то заставившая отступить великого Петра, а теперь поникшая в своем бессилии перед маленькой Японией.

— Адмиральский флаг, адмиральский флаг, — заволновались на мостике, — флаг командующего!

— Да нет же, командующий на «Нахимове»... Это же «Николай» — флаг Макарова.

— Макаров на «Николае»? — удивленно спросил Алексеев, поднимая бинокль. — Как запахло жареным, наш «морской казак» поспешил укрыться за броней?

На мостике рассыпался дружный смех. Все словно спешили разрядиться после напряженной, нервной ночи.

— Значит, войны нет, — разочарованно протянул старший офицер.

— Смешно было бы ожидать, господа. Неужели какие-то макаки посмеют выступить против трех держав?

— Ну, положим, Франция и Германия больше для видимости присоединились к нашему ультиматуму. Германия, — чтобы добиться нашей дружбы, Франция, — чтобы не утратить ее...

— Хватит нам и своих сил раскатать косоглазых!

Алексеев стоял, опершись о поручни мостика, не слушая болтовни офицеров. Сейчас он предстанет перед вверенной ему эскадрой. Он испытывал двойственное чувство гордости и унижения. Родовое сходство слишком бьет в глаза. Он похож на старшего брата, как близнец. Если бы не выпуклые глаза, можно было бы подумать, что воскрес усопший император. Но надо скрывать то, чем должно бы гордиться. Он — Евгений Иванович Алексеев — незаконный сын какой-то армянки. Этого не перешагнешь...

Он задумчиво спустился с мостика и направился к адмиральскому люку. Жара истомила его, и, едва войдя в каюту, он повалился на диван. Машинально

придвинул кипу газет и, вяло борясь со сном, перевернул страницу:

«Ницца. Великий князь Алексей Александрович и мадемуазель Баллета» — промежкнула подпись под иллюстрацией.

Алексеев вскочил, отшвырнув журнал. Он бежал на край света, чтобы избавиться от этих людей, но они преследуют его по пятам. Неужели нет такого уголка на земном шаре, куда не доходят известия о блистательном пути артистки Французской комедии м-ль Баллета?

Он подошел к иллюминатору, жадно вдыхая воздух.

«Вот он — Дальний Восток, долгожданная эскадра, тревоги походов и боев! Быть может, я прогремлю, подобно Нельсону, а может, погибну в этой теплой луже. Никто никогда не узнает, что все это только из-за женщины... Ах, Галочка, Галочка! Я не мог бороться за тебя с братом. А ты — не захотела...»

Ему вспомнилось холодное, одинокое детство в закрытом пансионе, кадетский корпус, флот. Из всех «братьев» только Алексей навещал его, стараясь скрасить сиротскую долю. Он всем обязан Алексею, и никто не может сказать, что он отплатил неблагодарностью. Из каких только историй не приходилось выпутывать Алексея, когда тот навлек на себя недовольство царя своим браком с дочерью поэта Жуковского! Сколько раз в Лионе, в Бресте, в Париже он выручал великого князя во время дебошей, когда щепетильная французская полиция составляла протоколы, собираясь предать их скандальной огласке!..

Он грустно улыбнулся. Теперь Алексей — второй человек в империи, и только потому, что он — Александрович, а не Иванович... Сухопутный до мозга костей, уклоняющийся даже от прогулок на комфортабельной яхте, он — генерал-адмирал. Чтобы ознаменовать свой высокий чин, он вышел в море на «Александр Невском» — и умудрился сразу утопить его. Это родило у бедняги приступ острой ненависти к морю, и он сосредоточил свою деятельность на европейских курортах. Теперь

он в Ницце с Галочкой. Как легко она сменила Алексеева на Алексея! Ввести ее в свет, из заурядной артистки Французской комедии создать блестящую мадам Баллета... Она оказалась изменчивой, как и все галлы...

Алексеев посмотрел на рейд, недоброжелательно косясь на гордо развевающийся флаг командующего. Он никогда не мог подавить в себе досаду при встрече с этими скороспелыми адмиралами Турецкой войны. Хамоватый, бурливый Макаров, надменный, утонченный Дубасов, шумный, эффектный Скрыдлов — одинаково будили в нем неприязнь. Они постоянно грызлись между собой, кичась своими турецкими подвигами и обливая друг друга грязью. Стоило одному высказать мнение, как другой спешил его опровергнуть. Сколько вреда принесла флоту последняя кампания! Один обещал море зажечь и вышел на коммерческом пароходе топить турецкие броненосцы. Другой пустился на катере на тот же подвиг, третий шумел больше всех, а перед атакой струсил, напился и валялся в катере мертвецки пьян, пока команда готовила мину. И это георгиевские кавалеры, боевые адмиралы! Макаров водит панибратство с матросами, а у Дубасова команды стонут от мордобоя. Да не только матросы, — он пускает руки в ход, как бояре встарину. Разбить физиономию чиновнику, предложившему взятку, это еще куда ни шло. Но избить в купе купца, непочтительно отозвавшегося о флоте... И он еще кичится старинным происхождением!.. А этот кантонист Макаров вылез в адмиралы, угождая причудам всяких прожектёров. Сколько шума поднял он вокруг крейсерской войны!.. Небось, до опасности дошло — спрятался за броню «Николая».

Алексеев вздохнул. Дубасов и Скрыдлов легко идут в жизни, поднимаясь от чина к чину. За них — время, происхождение, среда. Макаровы прут волнорезами против течения, ломая и круша препятствия. Не то — у него самого. Что может быть выше и что может быть ниже его происхождения? Сын императора, кровь царя-освободителя, но... Эх, мама, мама, не сыну тебя

осуждать, но тяжело незаконнорожденному...

Над головой загрохотали орудия. Крейсер салютовал флагу командующего. Алексеев посмотрел на него через иллюминатор. Все вышло нескладно, должно было быть наоборот — не крейсер салютовать эскадре, а эскадра крейсеру. И этот флаг должен был развеваться здесь, над его каютой. За долгий поход вокруг Европы и Азии Алексеев свыкся уже с мыслью, что он идет на Дальний Восток командовать эскадрой. Все складывалось как нельзя лучше, — августейший «брат», Александр Александрович, который никак не хотел вмешиваться в японо-китайскую распря, скончался в Ливадии. Умереть вовремя — не всякому дано. Пил сильно царственный «братец», царство ему небесное! Ни во что не вникал, создавал себе славу миротворца. Вступивший на престол племянник Николай — не таков: 1894 год станет знаменательной датой для России. Теперь япошек можно было поставить на место...

Но все рухнуло. Европа вмешалась в азиатские дела, и Алексеев уже не командующий эскадрой, а один из трех адмиралов. Слишком много адмиралов для одной эскадры. Не жди успеха там, где трое начальников.

Крейсер застопорил машину. Алексеев с горечью подумал:

— Андреевский флаг должен искать приюта в чужом порту! На всем тихоокеанском побережьи нет уголка для великой России...

3

Волнения и тревоги свалились на русский флот неожиданно.

В водах Тихого океана плавала небольшая, слабая эскадра. Зимовала и чинилась она в японских портах. Офицеры жили в японских городах, увлекались японскими женщинами. Никто не думал, что Дальний Восток вдруг выйдет из тысячелетнего оцепенения и привлечет к себе внимание всего мира.

Не думали об этом даже тогда, когда неуживчивые японцы внезапно напали на дремавший Китай, стремясь захва-

тить Корею. Войны среди африканских и азиатских народов были часты — широкое общество интересовалось ими мало. Правительства же великих держав считали это признаком неумения дикарей самоуправляться и выжидали случая прибрать спорящих к рукам.

Маленькая Япония, имея лишь крейсерскую эскадру, воинственно устремилась на китайский броненосный флот и разбила его. С неожиданной энергией и настойчивостью она стала высаживать десанты на Ляодунский полуостров, продвигаясь вглубь страны. Казалось, четырехсотмиллионный народ раздавит эти горсточку людей. Но они смело двигались вперед к лучшей китайской крепости — Порт-Артуру, предавая все на своем пути огню и мечу, совсем как их учителя европейцы. К изумлению дипломатов и стратегов, неприступная крепость пала, многочисленные китайские армии бежали, почти не принимая боя. Дерзкие островитяне стали победителями самого многочисленного народа на земле, который, желая мира, не готовился к войне.

Великие державы были озадачены. Опасливо косясь друг на друга, они давно придумывали всевозможные комбинации, как бы урвать богатые области Небесной империи, — и вдруг какая-то Япония легко и просто сделала то, на что не решались они.

Особенно переполошились в Петербурге. Китай был смиренным и удобным соседом. С ним нетрудно было договориться об отторжении земли под железную дорогу. И вдруг тут хочет обосноваться беспокойный народец, который научился стрелять из европейских пушек и управлять европейскими крейсерами.

Уютный покой Востока исчез. Еще недавно жизнь здесь текла лениво, по-старому. Начальник Тихоокеанской эскадры, благополучно отбывший ценз, готовился уехать в Петербург. На Дальний Восток уже шел на крейсере его преемник — контр-адмирал Алексеев. Суда собирались на зимовку в японские порты, а требующие капитального ремонта — в Петербург. Средиземноморская эскадра под флагом контр-адмирала Ма-

карова бродила без цели по бухтам и заливам Греции.

Неожиданно все пришло в движение. Макарову предписывалось вести средиземноморский отряд в Тихий океан. Начальнику тихоокеанских сил — задержаться на месте и вступить в командование объединенной эскадрой. Алексею — спешить к нему со своим крейсером и остаться на Востоке уже не командующим эскадрой, а младшим флагманом.

Германия первая поддержала воинственный пыл России. Расчет был сложен, но верен: пусть сосед ввяжется в дальневосточные дела и как можно глубже увязнет в них. Тогда у немцев будут развязаны руки в Европе.

Скрепя сердце присоединилась к своей союзнице и Франция. Ей дружба с Россией нужна была именно для европейских дел, против той самой Германии, которая стала ее закоренелым врагом после Франко-Прусской войны. Она всеми силами старалась удержать союзницу от азиатских авантур. Но Германия присоединилась к России. Не могла же Франция допустить, чтобы ее враг стал другом союзницы?

И три великие державы сделали Японии «дружеское представление».

4

Приход нового крейсера оживил рейд. Горны торжественно играли большой сбор, проникая в отдаленнейшие уголки кораблей. Пока выстраивали команды по борту, офицеры обменивались замечаниями, предаваясь удовольствию от предстоящих петербургских новостей, писем и посылок.

Когда адмиральский вельбот подошел к флагманскому броненосцу и Алексеев появился на палубе, величественно приближаясь к застывшему строю, каждый офицер вытягивался, словно палуба под ним была из раскаленной стали и он стремился от нее отделиться.

Алексеев, ласково поздоровавшись с каждым, спустился в адмиральский люк, оставив прибывшего с ним флаг-офицера на палубе.

В каюте командующего сидели Макаров и Рожественский. «Единственный

порядочный из турецких вегеранов», — подумал Алексеев, сердечно здороваясь с последним. Как они должны были взбеситься, когда он отказался носить георгиевский крест, не считая все эти пресловутые подвиги геройством. И что ж, он — скромный командир «Монумаха», а все эти выскочки — давно адмиралы. Эх, Россия-матушка, связи все еще важнее доблести!

— Господа флагманы, — сказал командующий эскадрой, когда все сели, — теперь у нас подавляющее превосходство: 105 крупных орудий против 70. Трудно допустить, чтоб японцы решились на активные действия.

— Это не значит, что не можем решиться мы, — с подкупающей горячностью бросил Рождественский.

Командующий с улыбкой посмотрел на него:

— Вы угадали мои мысли, Зиновий Петрович. Я тщательно склонял к активным действиям наших союзников. Они ссылаются на отсутствие инструкций и прочих вздор.

— Теперь мы можем обойтись без них, — пожал плечами Рождественский.

— Ваше мнение, господа?

Алексеев выжидательно повернулся к Макарову. Тот посасывал гаванскую сигару, разглаживая раздвоенную патриархальную бороду, двумя клиньями спускающуюся к животу.

Только-что окончившаяся война была козырем, подтверждавшим все его теории. Сколько насмешек перенес он за приверженность к легким крейсерам, сколько упреков, сколько травли! И вот, на глаза изумленных сторонников брони броненосная эскадра Китая не только побеждена, но просто разгромлена крейсерским флотом Японии. Невежды получили достойный урок. Стоило им внимательно проследить историю всех морских войн — и они не были бы удивлены. Разве тяжеловесные корабли Клеопатры не были потоплены легкими, подвижными галерами Рима? А испанская армада? Да взять хотя бы собственный опыт с турками.

Эти островитяне уже не дикари. Пронувшийся в них дух наживы и захватов заставил их научиться европейским

методам боя. Китайский флот по численности и боевым качествам считался выше японского. А в результате — половина его потоплена, а другая половина взята в плен.

— Мне кажется, правительство не объявляло войны Японии, — задумчиво уронил он.

Алексеев иронически улыбнулся; начинается, теперь их водой не разольешь...

— Япония тоже не объявляла войны Китаю, — с усмешкой вставил командующий. — Здесь в Азии все делается проще: внезапно нападают на противника и парализуют его. Неожиданность — великая вещь! Вы, вероятно, не забыли, Степан Осипович, что в турецкой кампании мы поступили точно так же? Турки, правда, жаловались на попрание международных законов, но мы зато успели вторгнуться в их страну, не встречая препятствий. Участь слабых — жаловаться, сильных — действовать.

— Могущество России превосходит могущество Японии, — растягивая слова, хмуро процедил Макаров, густо дыма. — Но здесь нам трудно иметь столько же сил, сколько у них.

— Война с островитянами решается на море. Наш флот сильнее. Да и японская эскадра не оправилась от повреждений...

— Мы базируемся на чужой, неукрепленный, плохо оборудованный порт, — сказал Макаров, откинувшись на спинку кресла, словно заслоняясь облаком дыма. — Тут всего 3 000 тонн угля. Простой расчет сил не гарантирует победы.

— Вы, кажется, сомневаетесь? — терпя терпение, нахмурился командующий.

— Войной не шутят, — презрительно пыхнул сигарой Макаров.

— Малодушие! — возмущенно крикнул Рождественский.

— Не малодушие, а нежелание раздражать 50-миллионный народ у пустынной нашей окраины, — демонстративно отворачиваясь, проговорил Макаров. — Наши войска нужнее на Западе. Да и флот тоже.

— Адмирал Макаров болен, и это, видимо, вызывает у него пессимизм, — с еле заметной усмешкой произнес командующий. — Благодарю за совет, господа. Я попробую еще раз побудить к совместным действиям французских адмиралов, чтобы тяжесть ответственности не легла на одну Россию.

— А я поеду лечиться, — буркнул себе в бороду Макаров.

«Неужели он еще и трус?» — изумленно подумал Алексеев, садясь в катер, чтобы отвалить к своему крейсеру.

5

Япония скоро сообразила, что готовит ей объединенная эскадра. Она поспешила принять ультиматум трех держав и согласилась очистить Ляодунский полуостров, возместив потерю его контрибуцией. Командующий, с сожалением вздохнув о мелькнувшем ордене, спустил свой флаг, утешаясь перспективой безмятежной службы в тихих, покойных канцеляриях Петербурга. Спустил флаг и Макаров. Средиземноморская эскадра расформировалась, ее суда влились в Тихоокеанский флот.

Окончив необходимые формальности, Макаров спросил отпуск на лечение. Он пересел на крейсер и взял курс на Йогогаму, решив лично побывать в стране, о которой столько говорили и которую так мало знали.

Едва ступив на японский берег, Макаров понял, как несвоевременен его приезд сюда. Страна волновалась, смутные слухи об уступках Европе вызывали бурные протесты, толпы собирались перед домами сановников с дерзкими угрозами. Русский консул без внушительной охраны не мог показаться на улице.

Микадо долго не решался опубликовать манифест об уходе армии с Ляодунского полуострова. К столице была стягнута гвардия самураев, по улицам, пугая жителей, разезжала конница. Окружив Токио кольцом войск, правительство в осторожных фразах известило об уступках европейцам.

«Наши верноподданные! — зывал микадо. — Проникнитесь нашими на-

мерениями. Остерегитесь узости взглядов. Не давайте увлечь себя».

Макаров с грустью наблюдал возбуждение японцев. Он сам вышел из низов и знал, как ловко и умело играют народными страстями. Сегодня правительство тушит вызванный накануне патристический взрыв, чтобы завтра снова использовать его.

По совету врачей он уехал в Ашиноу на воды. Туда доходили слухи о попытках толпы разгромить дома министров, о волнениях в армии, во флоте. Народ слишком долго и упорно убеждали, что его бедность является результатом тесноты, с которой будет покончено после войны. Японский крестьянин смотрел на завоеванный его кровью Ляодунь как на свою землю и теперь воспринимал уступку как потерю своего клочка земли, обещанного ему за тяготы похода.

В день обнародования декрета пришлось закрыть двадцать газет. Обманутые в своих ожиданиях буржуа разжигали политические страсти. Либералы бунтовали. Партия Соси требовала объявления России войны. Ее члены поклялись на могилах предков отомстить за вмешательство. Генерал Ямаджи публично заявил: — Это не мир, а только затишье!

В отношении к себе врачей, санитаров, больных Макаров заметил крутую перемену. Японцы еще улыбались, но за этой стандартной улыбкой видны были стиснутые зубы.

Россия больше всех помогла Японии проснуться от средневекового сна. Жадная ко всему, что плохо лежало, она, как наводнение, заливала все вокруг себя, катясь к берегам Великого океана.

В этой громадной стране чувствовалась неурядица, и смелые люди издавна убегали с насиженных мест — стремились на окраины, искали новых поселений. Их объявляли вне закона, преследовали, как воров, травили.

Лишь удачный набег, богатая добыча помогали нарушителям закона примириться с правительством. Вместо веревочной петли на шею смелому авантюристу жаловали соболью шубу с царского плеча. Стоило, разграбивши туземцев, преподнести московскому царю

новый край — и разбойников ждала не плаха, а награда. В уплату за полученные оттуда щедрые дары, туда посылали все преступное, что было нетерпимо в государстве.

Так двигалась Русь на восток, имея во главе удалую вольницу, а в хвосте — приказную рать. У Байкала это движение свернуло на север и добралось до Тихого океана, но жажда приключений и наживы не затихла. Неведомая страна по ту сторону Амура манила хищников. Прошел слух, что там, на южном склоне, — молочные реки с кисельными берегами. Золото и серебро щедро рассыпаны среди каких-то дикарей. Неужели всю эту благодать оставить у язычников?

В 1644 году купец Поярков во главе 130 искателей приключений перевалил Становой хребет. Спустившись по Брянте и Зее, он поплыл вниз до моря. Туземцы не смогли дать отпора имевшему огнестрельное оружие отряду, и он вернулся в Якутск с богатой добычей.

Удачный набег вызвал подражание. Якутский казак Ерофей Хабаров, снарядив отряд вольницы, отправился на Амур. Туземцы снова были разбиты и бежали из своих селений.

Первой заворочалась обеспокоенная Небесная империя. Она решила прогнать воинственного пришельца. Осадив занятый русскими Албазин, китайцы в 1685 году разорили его. Отброшенные от Амура, предприимчивые русские купцы стали пробираться к океану севернее. Переселив в Забайкалье опальных стрельцов, Петр дал этим купечеству вооруженную силу, и оно вышло к Охотскому морю.

Япония жила тогда дикой, замкнутой жизнью. Желая отгородиться от предприимчивых чужеземцев, она запретила им приставать к своим берегам. Но в 1853 году американский командор Пери нарушил запрет. Против него выслали войска, но он смело высадился на остров и, предшествуемый четырьмя огромными неграми и духовым оркестром, двинулся вперед. Японцев охватил ужас при виде черных великанов, превосходивших на полтора фута любого из местных жителей. Испугавшись, как бы из же-

лезного корабля не вышло еще несколько сот таких же чудовищ, они обратились в бегство, едва заслышав гром невиданных страшных труб оркестра, и скрылись в храмах, под защитой богов.

Более благоприятной была первая встреча с русскими. Японцы оказали помощь потерпевшей крушение эскадре и в благодарность получили в подарок устаревший военный корабль. Он стал дедушкой японского флота.

Но скоро новый сосед стал проявлять другие наклонности. Он стал хозяйничать на море. Тщетно японцы об'являли свои порты закрытыми для европейцев. Русские корабли посещали многочисленные островки, навязывая товары, цены, порядки, обкладывая данью. Население платило кушукотан неохотно, предпочитая бежать на остров Восходящего солнца — Нипон. под охрану жившего там микадо. Непокорные селения сжигали, уводя пленных.

Особенно усилилось движение русских на восток после крымского поражения. Отброшенная от Балкан передовыми европейскими государствами, Россия устремила к слабым азиатским народам, еще более отсталым, чем она сама.

В 1861 году русский крейсер высадил десант на остров Цусима. Англичане, ревниво следившие за действиями России, послали туда свою эскадру. Япония увидела себя окруженной с севера и с юга; она поняла, что единственный способ дать отпор европейцам — овладеть их оружием.

Страну всколыхнул переворот Мейдзи. Островки быстро преобразались. Они больше не закрывают свои порты для европейцев, а сами идут к ним на выучку. Немедкие инструктора муштруют ее армию, английские верфи строят ей флот.

7

Макаров скоро уяснил себе настроение Японии. От всех флотских офицеров он отличался тем, что раньше, чем стать контр-адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым, он долго был про-

сто Степой, а то и Степкой. Как большинство офицеров флота, он был потомственный моряк, но если их предки всегда командовали кораблями, то его — исполняли команду, карабкаясь на реи, дряя палубы, покорно становясь под линьки.

Боцман Осип Макаров рано начал брать своего сына в плавание. Степа оказался бойким, смышленным мальчиком. Он живо интересовался устройством корабля, добросовестно исполнял порученную работу и всегда носился с каким-нибудь усовершенствованием. Поступление в морское училище в Николаеве еще больше развило в нем пылкость и любознательность. Его страсть к изобретениям вызывала снисходительные усмешки, пока случившееся несчастье не заставило обратить на него внимание. «Русалка» получила пробойну и стала наполняться водой. Степа предложил способ быстро заделать дыру.

О пластырях Макарова заговорили. Его статья о заделке пробойн нашла сочувствие за границей. После долгих хлопот молодого матроса произвели в ластовые гардемарины. Макаров ответил на повышение своей теорией непопляемости корабля и водоотливной системой.

Загоревшаяся в 1877 году Русско-Турецкая война застала моряков не у дел. Россия имела флот только в Балтике. По Парижскому трактату его нельзя было перебросить в Черное море. Быстро наступавшие войска застряли в Дунае, наткнувшись на турецкие речные броненосцы. Моряки почувствовали, что взгляды всех устремлены на них. Надо было сделать невозможное: без флота победить турецкие мониторы.

В отчаянных людях Россия никогда не знала недостатка. Несколько лейтенантов предложили атаковать броненосцы на минных катерах.

Единственные известные в то время шестовые мины прикрепились на палке к носу катера. Чтобы добиться взрыва, надо было вплотную подойти к броненосцу и ткнуть его шестом. Предприятие казалось безнадежным.

Лейтенант Дубасов ночью первым

рискнул на это. К рассвету он стал приближаться к турецким мониторам. Там не обратили внимания на попрыгивающий внизу катерок и очнулись, только почувствовав толчок и сильное сотрясение. Турки растерялись. Пока они пришли в себя, катер угостил их второй миной и, пользуясь паникой, отошел. Громоздкий броненосец тонул от козьявки. Давид опять победил Голиафа.

Эффект был потрясающий. Хотя турки поспешили организовать охрану Дуная и открывали теперь огонь по всякому плывущему бревну, — их флот потерял веру в свою неуязвимость. Тогда еще не было скорострельных пушек, и катера успевали в ночной мгле ткнуть своим шестом броненосец и дать полный ход назад. Боясь рисковать эскадрой, турки отвели мониторы. Армия перешла Дунай.

Но море было в руках врагов. Их флот забрасывал снарядами Одессу, Севастополь, Сухум. Кавказская армия встречала непреодолимое сопротивление противника, поддержанного флотом.

Когда турецкий флот взял Батум, лейтенант Макаров решил применить дунайскую тактику на море. Он предложил поставить на быстроходный пароход минные катера: приблизясь к турецкому флоту, судно спускает их на воду и они идут в атаку.

Ему долго не давали хода. Никогда еще Макарову не приходилось проявлять столько смирения. Это, по его признанию, было самое боевое время, куда хуже, чем в делах с турками. Шансы прыгали, как акции на бирже. Наконец в тихую, темную ночь пароход «Константин» вышел в Сухум. Турки и тут были застигнуты врасплох. Рейд не охранялся. Появление катеров в открытом море казалось невероятным. Голиаф снова оказался пораженным. Ошеломленные турки больше не покидали портов, пряча флот за толстые боны рейдов.

И все же сколько препятствий и насмешек пришлось вынести Макарову даже после успеха. Его сухумское дело пытались изобразить фантазией лейтенанта, талантливого на всякие выдумки, и корабль стали посылать за ранеными

и грузами, рассудив, что если «Константин» оказался таким ценным, им нельзя рисковать.

Теперь на островах Восходящего солнца Макаров не без зависти наблюдал, как дружно строятся заводы и верфи маленькими японцами, с какой быстротой закладываются миноносцы и крейсера, с каким подъемом создаются армия и флот. Грустно вспоминая, как медленно, бестолково все это делается в России, какой грызней и интригами сопровождается рождение каждого корабля, он печально думал:

«Если наше правительство не проявит мудрости, мы столкнемся с озлобленным и опасным врагом».

8

Перед отъездом в Россию Макаров решил побывать во Владивостоке. Хотя он недолго любил Алексева, ему казалось необходимым поведать начальнику Тихоокеанской эскадры о настроениях в Японии.

Алексеев встретил его любезней, чем он ожидал. Усадив контр-адмирала в своей изысканной, убранной в японском стиле каюте, где было тесно от бездельшек, он жаловался на бедствия своей эскадры:

— Ни одного пригодного порта! В зимнее время корабли бредут кто куда. Часть стоит во льдах, здесь на рейде, часть попрежнему в Японии. На капитальный ремонт все так же шлем в Петербург, а то и в Сасебо...

Макаров зло улыбнулся в бороду. На его высоком крутом лбу легла складка, и он сердито затеребил свои флигель-адъютантские аксельбанты, точно собиравшись их оторвать. Его угнетал этот представительный, нарядный сановник, превративший даже каюту броненосца в придворный салон. Переборки были задрапированы тонким японским штофом, скрывающим стойки и головки заклепок, над столом висели пестрый ковер и старинное оружие. Мягкая, обитая шелком мебель, медвежьи шкуры, гобелены, статуэтки украшали все углы, преображая каюту в будуар. Даже книги в тисненых золотом сафьяновых переплетах

казались здесь пустой декорацией, а глядевшая из золоченой рамы рыжеволосая женщина, купающаяся в лесном ручье, — хозяйкой этого уголка.

— Владивосток оборудовать надо, Евгений Иванович, — кося левой бровью на картину, процедил он, дергая раздвоенную остроконечную бороду движением, каким доят коров. — Преступление показывать наши суда японцам.

— Денег никак не добиться, экономят...

— Можно с цифрами в руках доказать, что оборудовать здесь порт обойдется дешевле, чем жечь уголь на плавание в Петербург и обратно.

— Писали, Степан Осипович. Молили, доказывали. Обещают отпустить деньги, когда решится вопрос о незамерзающем порте. Два оборудовать дорого. Истратим на этот, на новый нехватит.

Макаров настроился. Его глаза зажглись тем задорным огнем, который всегда предвещал ссору.

— Опять поднимается вопрос о незамерзающем порте?

— Поднимается? Его не оставляли ни на минуту с тех пор, как достигли берегов Великого океана.

Макаров резко выпрямился, но, взглянув на холодное лицо собеседника, так разительно напоминавшее Александра III, сдержался:

— Занять порт, после того как мы не дали сделать это им, полившим здесь каждую версту кровью?

— Вы, право, преувеличиваете, Степан Осипович. Мои офицеры живут всю зиму в Японии и изучили их нравы. Восточный человек бурлив, но отходчив. Покипятятся и бросят. Имея такого громадного соседа, как Россия, не очень-то поволнуешься.

— Китай еще больше, — вполголоса, как бы глотая неосторожно вырвавшуюся реплику, пробормотал Макаров.

Алексеев гневно вспыхнул и закрыл рукой правый глаз, чувствуя приближения нервного тика, который всегда сопутствовал его раздражению.

— Послушайте, это непостижимо, наконец. И тогда, и сейчас... Неужели вы опасаетесь япошек?

— Хотите знать? Извольте. Вы ждете легкой победы — ее не будет. А серьезная война... Но поймите, для них — великая честь победить Россию, а для нас разгромить никому не ведомую Японию, которая меньше нас в 57 раз, — никакой. И они будут драться, как черти. А для серьезной войны у России есть истинный враг на море — Англия. В борьбе с ней лучше иметь Японию на своей стороне.

Алексеев провел ладонью по щеке, прищуривая мигающий правый глаз.

— Нам нужен незамерзающий порт, — раздельно произнес он. — Историческая миссия России на Дальнем Востоке без этого немыслима.

— Верно, — медленно ответил Макаров, поднимаясь, — только не порт, а порты. Я дам своей стране свободные от льдов порты на востоке, на западе, на севере и юге.

Он высокомерно кивнул и вышел из каюты.

9

Летели дни, мелькали недели, месяцы. Корабли изредка выходили в море, чаще стояли во Владивостоке, еще чаще — у благодатных островов Японии. Офицеры, благословляя свободные нравы этой страны, обзаводились в каждом порту маленькими женами. От адмиралов до мичманов все одинаково любили короткие рейсы и долгие стоянки.

Теплым вечером, полным запаха воды и свежести прибрежных полей гаоляна, Алексеев у Ляодунского полуострова залюбовался красивой бухтой Тальявань. Он приказал держать на нее курс. Флаг-офицер флегматично заметил:

— Еще адмирал Шестаков писал: «Если русские когда-нибудь сунутся сюда — это будет для них губительно».

Алексеев нахмурился.

— Абсурд!..

— Война, ваше превосходительство, подтвердила этот вывод. Китайцы не пожалели средств на сооружение здесь крепости. Порт-Артур строили немцы, а японцы взяли его в несколько дней.

Сползавшие с прибрежных гор седые сумерки нависли над Тальяваном. Тропическая жара мешала дышать. Алексеев апатично навел бинокль.

— Немец дурак. Он строит Артур, не выезжая из Германии.

— И все же, ваше превосходительство, немцы сознавали ее недостатки. Они предостерегали против одного выхода и советовали поставить у входа в порт броневые башни и углубить бухту.

Алексеев зевнул и велел повернуть на Чифу. Этот климат не располагает к деятельности. Тут даже кули прекращают в полдневный жар работу, и сумерки не охлаждают, а усыпляют.

Когда закончился срок командования эскадрой и из Петербурга прибыл вице-адмирал Дубасов сменить его, Алексеев был неприятно поражен быстрым пелотом времени. Как человек, разбуженный на самом интересном эпизоде, он недовольно пробормотал:

— Почуяло воронье добычу.

При первом же визите Дубасов, глядя на него с еле скрываемым пренебрежением, сказал:

— Вас, Евгений Иванович, с нетерпением ждут при дворе. Вы не доносили, какой из незамерзающих портов выбрали...

Алексеев опустил глаза. Он не чувствовал в себе самоуверенности и самообладания этого аристократа. Двойственное, двусмысленное положение сделало его нерешительным, и он никогда не выдерживал упорного взгляда. Делая вид, что не замечает замешательства собеседника, Дубасов с тонкой усмешкой продолжал:

— Эскадра наверное успела облазить все бухты и порты побережья?

Алексеев невнятно пробормотал:

— Исследован Николаевск-на-Амуре.

— Амур перестал замерзать? — усмехнулся Дубасов.

Алексеев ощутил нервный тик в правом глазу.

— Расскажите-ка лучше, что нового в Петербурге? — сияясь сделать любезную улыбку, попытался он перевести разговор.

— Скучища. Попрежнему чудит адмирал Макаров да блистает мадам Баллета.

— Вот как, — невнятно пробормотал Алексеев, чувствуя, как его заливают краской. — Чудит?..

Все с той же тонкой усмешкой, как будто речь шла о самых невинных вещах, Дубасов конфиденциально продолжал:

— Ну да, один чудит, другая пленяет. Генерал-адмирал строит ей особняк. Она не желает уступить в блеске Кшесинской.

Алексеев почувствовал, что багровеет. Точно утомившись истязать его, Дубасов сказал:

— А Макаров все тот же. Носится с очередным прожектом. На заседании географической секции академии делал о чем-то таком доклад. Говорят, его высмеяли.

— Что же он? — машинально спросил Алексеев.

— Обивает пороги министерства финансов. Клянчит денег для своих химер.

10

Дубасов не дал обаянию Востока усыпить себя. Предприимчивость, заставившая его двенадцать лет назад итти на катере против турецкого броненосца, еще не успела в нем иссякнуть. Он понимал, что, пока русский флот находится в плену владивостокского льда, любая страна может выиграть кампанию.

И он мотался с эскадрой по заливам и бухточкам, вкладывая весь остаток энергии в поиски незамерзающего порта. Изучив дальневосточные воды, он старался подытожить многолетние труды китайских, японских, корейских и английских исследователей, выбрать лучшее из всего, что, как приманка, лежало перед ним. Сперва он остановился на корейском порту Фузан, который с древних времен служил непоседливым островитянам для нашествий на материк. Но под-конец его стал соблазнять Мозамбо: расположенный в узловом пункте, он господствовал над Китаем, Японией и Цусимским проливом.

И вдруг его пришибла телеграмма: Петербург приказывал занимать Артур.

Почему? Кто из моряков не знал, что это никуда негодный порт с мелким рейдом и единственным узким выходом? Эскадра будет здесь в двух тысячах верст от второй базы — Владивостока, отделенная от него Кореей и Японией.

Он стал забрасывать письмами влиятельных знакомых. Забрать земли, освобожденные во имя неделимости Китая, — это пощечина, которую вряд ли можно проглотить. И благородный Китай станет врагом, и Япония ожесточится.

Петербург не считал нужным входить в объяснения. В свирепый декабрьский шторм 1897 года, когда пурга превращала пищу в лед, русская эскадра бросила якорь у Артура. Три месяца шли переговоры, подкупы, угрозы. Три месяца Лондон, Париж, Берлин, Петербург препирались о судьбе китайской области. 16 марта на сигнальной мачте Золотой горы взвился андреевский флаг, извещая весь мир, что сделка состоялась. Для Лондона, Берлина, Пекина и Петербурга инцидент был исчерпан.

Но для Дубасова он только начинался. Китайское население волновалось, не понимая, почему вдруг оно стало подданными белого царя и по какому праву русские чиновники требуют у них налоги. Комендант Артура Сун-Цин упорно отказывался сдать крепость, а губернатор Талиевана не хотел уходить. Когда их к этому принудили из Пекина и появился приказ, что население должно искать защиты у русского адмирала Ду, китайцы объявили его подделкой.

Чтобы не дать опасному сопротивлению окрепнуть, из Владивостока привезли казаков, начали прокладывать железную дорогу, телеграф. Под полотно и станции отчуждались целые деревушки. Выгнанные оттуда китайцы стали скопляться в городах, разнося слухи о бесцеремонном хозяйничаньи пришельцев. В Цзиньжоу появились листовки с призывом оказывать сопротивление незаконным поборам и притеснениям.

Дубасов был взбешен вдвойне. Заняли никому не нужный порт и напоролась не только на сопротивление, но на форменных агитаторов с прокламация-

ми. Он выслал отряд в Цзиньчжоу, но не успел тот туда дойти, как потребовалось подкрепление в Бидэвю, где казаки не могли справиться с китайцами, требующими удаления русских. Пришлось опять запрашивать полки из Владивостока.

11

Решение занять Артур было неожиданным для всех и даже для Алексеева. Прибыв в Петербург, он чувствовал некоторое смущение при мысли, что так празднично провел время на Востоке. Почетное назначение начальником главного морского штаба принял почти равнодушно и следил больше за делами далекой окраины, чем за работой в министерстве.

Жизнь в столице в первый раз не захватила его. Все было изведено, ничто не сулило новых ощущений. После пышного Востока Петербург показался ему блеклым и вялым. Он занялся делами, внимательно перечитывал накопившиеся за долгие годы донесения непрерывно сменявших друг друга на Дальнем Востоке адмиралов. Каждый русский консул, каждый адмирал считал нужным ни с кем не соглашаться и выдвигать новый порт.

Как-то в Мраморном дворце у великого князя он столкнулся с Макаровым, делавшим доклад. Алексеев постарался незаметно прошмыгнуть на половину княгини. Там было много друзей, спасавшихся, как и он, от скучного доклада. У них Алексеев узнал, что, воспользовавшись покровительством великого князя, Макаров повторяет здесь предложение, осмеянное учеными. «Какая настойчивость, — с завистью подумал он, — лоб расшибет, а не сдаст!». Он вдруг рассмеялся. Заметив изумленные взгляды, сказал:

— Этот Макаров обещал как будто сделать все наши порты незамерзающими.

— Нечто подобное он плел и академикам.

— Кипучий мужчина, — иронически бросил кто-то, — его на все хватает, кроме, впрочем, жены.

Раздался сдержанный смех. Франтоватый гвардеец спросил:

— Что, у Капочки новое увлечение?

— Не слышали? Рождественский...

Разговор перешел в шопот. Алексеев ощутил удовлетворение при мысли, что этот самоуверенный, высокомерный выскочка постоянно рогат. Он стал уже забывать об этой встрече, как вдруг незамерзающий порт из далекой мечты стал ощутимым фактом.

Вице-консул в Чифу, посетив Порт-Артур, написал своему начальству об его громадном стратегическом значении. Министр иностранных дел ухватился за возможность первым предложить императору незамерзающий порт. В Зимний дворец потянулись потревоженные новостью министры.

— Артур? Да ведь Шестаков доказывал, что бухта ни к чему не годна, — возмущался Алексеев, вглядываясь в хмурые физиономии ожидавших приема сановников. Старцы желчно кивали головами на министра.

— Карьерист, выскочить хочет...

Министр иностранных дел был уже во дворце, встречая всех с видом именника. Но как только открылось совещание, радужные краски на его лице стали блекнуть. Все высказывались против занятия Порт-Артура, указывая на его природные недостатки и отдаленность от Владивостока. Император был, видимо, неприятно поражен неожиданным сопротивлением. Он считал полуостров как бы уже присоединенным и теперь колебался, точно предстояло отдавать свое. Но моряки отказывались от Порт-Артура...

Поморщившись, Николай распустил сановников.

Все расходились с чувством облегчения. Совещание выказалось с редким единодушием — осложнения, казалось, миновали.

И вдруг, как удар, всех поразило известие, что Германия заняла китайский порт Киао-Чао, а английская эскадра появилась в Желтом море у Вей-Хай-Вя. Опасаясь, что она собирается в Порт-Артур, Алексеев снова помчался во дворец. После короткого совещания

Тихоокеанской эскадре был отдан приказ: спешно занять Талявань.

Не успели все оправиться от неожиданности, как пронеслось новое, еще более странное сообщение: адмирал Макаров шел среди зимы в Кронштадт на построенном им в Англии пароходе, режущем лед, как масло.

Глава III

ЧЕКУШИ

1

Флаг-офицер устало потянулся. Дежурство, тоска, хоть бы заглянул кто со скуки.

Словно по щучьему велению, снаружи тихонько царапнули дверь. Трудно даже было разобрать, постучал ли кто, или просто скребется мышь. Флаг-офицер прислушался.

— Войдите.

В комнате появился сухопарый, вертикальный человек, со смелыми, чуть-чуть наглыми глазами. Быстро оглядевшись, он приятным голосом отрекомендовался:

— Курвеш, Юрий Николаевич, представитель фирмы «Тритон».

— Чем могу служить? — вежливо осведомился офицер, сильно щурясь.

— У меня к вам конфиденциальное и крайне щекотливое дело, — пробормотал посетитель, несколько спадая с тона.

— Я вас слушаю, — настораживаясь, проговорил офицер и сделал жест, приглашающий садиться.

Курвеш медленно усаживался на стул. Холодность и лаконичность хозяина, казалось, поставили его в затруднительное положение. Разглядывая спокойное, несколько высокомерное лицо флаг-офицера, он с завистью подумал: «Мот, фатишка, а видна порода. По обращению не скажешь, что в долгу, как в шелку. С чего начать? Один меня выставил, этот, чего доброго, еще прибьет...»

— Вы флаг-офицер начальника морского штаба вице-адмирала Алексева? — с напускной небрежностью спросил он.

Офицер сделал движение, точно собираясь возразить, но вдруг стал внимателен:

— Я — флаг-офицер вице-адмирала Алексева, — с ударением повторил он, выжидательно глядя на гостя.

— Не поймите меня, ради бога, ложно, — заторопился тот, робея под этим взглядом, — дело вполне почтенное, обыкновенное коммерческое дело. Речь идет о заказе, как вы, вероятно, уже догадываетесь. Фирма давно добивается аудиенции, но...

Он сбивчиво промямлил еще несколько слов и смущенно умолк. Офицер, сощурившись, смотрел на него. Так вот зачем пришел этот фрукт? Собственно, следовало выпвырнуть его отсюда. Правда, это, может быть, донкихотство. Другой охотно сделает то, от чего откажется он. Но пусть это сделает другой.

— Насколько я вас понял, вы хотите, чтобы я вам устроил встречу? — щурясь еще больше, спросил он.

— Вот именно, — несколько оправившись, закивал Курвеш, — ровно на пять минут... между делом... на прогулке... как угодно...

Понятливость офицера подбодрила его, и он смелее пошел к цели:

— Фирма будет счастлива доказать вам свою признательность...

— Милостивый государь! — офицер резко поднялся.

— Пять тысяч! — выпалил Курвеш, отодвигаясь вместе со стулом.

Офицер медленно сел. «Пять тысяч! Щедро, однако... Вот почему многие там сорят деньгами. За одну встречу — годовое жалованье!.. Чего же, однако, я молчу? Он, чего доброго, поймет это как согласие. Ах, эта моя бесхарактерность! Она может довести чорт знает до чего! Немыслимо же в мои годы жить на такое жалованье!».

Курвеш откинулся на спинку стула, стараясь быть как можно незаметней. Инстинкт подсказывал ему, что если его сразу не выгнали, дело выгорит. Главное теперь — не мешать. Коли человек думает, в такую минуту услужливый мозг всегда найдет лазейку.

Офицер вдруг стряхнул с себя нерешительность.

— Я согласен, — спокойно проговорил он, придвигаясь ближе.

2

Приемка заканчивалась. Уже осмотрены были каюты стоявшего у стенки Морского завода крейсера «Пересвет» и громоздившийся еще на западном стапеле броненосец «Суворов». Оглядев достраивавшуюся на плазе «Палладу», беголо осмотрели заложённые на восточном стапеле минные заградители «Амур» и «Енисей». Запыхавшиеся офицеры, бережно обходя на цыпочках осенние лужи, едва поспевали за начальником завода, который, казалось, век не устанет лавить с корабля на корабль.

— Ну, уважаемый Ксаверий Антипыч, пожалуй, хватит, — с любезной улыбкой довольного хозяина остановил его вице-адмирал Алексеев, вытирая пот с высокого лба. Его редущая, словно приклеенная, борода цеплялась за многочисленные ордена и, казалось, вот-вот оторвется и повиснет на груди.

— А машины, котлы? — изумленно спросил Ксаверий Антипович, подымая озабоченные глаза.

Адмирал с усмешкой оглядел его фигуру, глубоко штатскую даже в мундире генерал-майора.

— Неужели, сударь, вы хотите перемазать наши кителя машинным маслом? — иронически спросил он. — Для нас корабль — дом и крепость. Наше дело — каюты, орудийные установки. Для трюмов там всяких — механики есть.

Он повернулся к выходу, не заметив, как потемнело лицо Корсакова. Офицеры стайкой последовали за ним.

— Прошу, господа, ко мне, — смирился начальник завода, — закусить чем бог послал и обсудить пожелания...

Он запнулся. Какие там пожелания, коль не удосужились осмотреть сердце корабля — машины! Перебирая в задумчивости нитки больших, как блюдца, вполет, он повел гостей на плаз, где обычно производится разметка крейсеров и броненосцев. Все напоминавшее о назначении плаза заблаговременно убрали, и в светлом зале, помещав-

шемся под стеклянной крышей, был накрыт стол. Уставшие гости, заметно повеселев, разместились вокруг него.

— Я не мастер произносить речи, — поднялся Корсаков, когда все уселись. — Разрешите заверить, что я, как и все здесь на Морском, готов, не покладая рук и не щадя живота, и впредь работать на благо и преуспеяние родного флота.

Тост слушали с едва скрываемым нетерпением. На закуски и вина набросились без стеснения, как люди, слишком проголодавшиеся, чтоб церемониться.

— За мест восточных гения — Алексева Евгения! — провозгласил лысый кавторанг ставший модным тост.

Алексеев поднялся.

— Благодарю. Престолу нужны преданные служаки. Дерзкий враг посягает на наши права на дальней окраине и ставит препоны нашей политике в Манчжурии и Корее. Надежда России — флот. Помните завет императора: где раз поднимался андреевский флаг, там он не может быть спущен!

Адмирал обвел тесный кружок своими мутными рачьими глазами. Одутловатое лицо, так похожее на висевший за ним портрет Александра Третьего, улыбалось, но от этой улыбки никому не становилось веселее; каждый, на ком останавливался этот тусклый взгляд, начинал ерзать и сутулиться.

— Я хотел бы, господа, услышать ваши отзывы, — сказал Корсаков, когда тосты стали иссякать, а глаза чрезмерно блестеть.

— Обивка на «Победу», по-моему, темновата, — глубокомысленно, с видом эксперта, произнес тот же кавторанг. — Мрачные тона не способствуют ясности духа.

— Каюты тесны, неудобны, малочисленны, — отдельно начал подвыпивший контр-адмирал недавнего производства, щеголяя новенькими адмиральскими орлами. — Мы вправе требовать некоторого уюта на корабле, заменяющем нам родной дом. Мебель груба, из простого дерева...

— Не могу не согласиться, — живо поддержал его флаг-капитан. — Я тщ-

но искал вокруг себя красного дерева, хороших кресел... Господа! — эффектно повернулся он в сторону инженеров, отодвигая опороченный бокал. — Вступив на броненосец, мы порываем с землей. Это своеобразное отшельничество. Обстановка должна компенсировать тяготы флотской службы...

— Но позвольте, — не выдержал Ксаверий Антипович. — Перед боем все воспламеняющееся выбрасывается за борт. Зачем же тратить миллионы на бесполезную роскошь?

На плазе поднялся ропот. Начальник завода повысил голос:

— Что касается кают, господа, их в Англии делают еще меньше, увеличивая за их счет количество орудий!

Плаз внушительно зашумел. Все заговорили сразу, горячась и волнуясь.

Алексеев покачал головой.

— Нецелесообразно службу во флоте обставлять такими лишениями, — недоброльно проговорил он, поправляя усеянной перстнями рукой свои многочисленные ордена.

Как бы считая вопрос исчерпанным, все опять углубились в вина. Ксаверий Антипович, пораженный, оглядывал штаб:

— Ни слова об артиллерии! Ни звука о машинах! И это свита адмирала, уезжающего на Дальний Восток почти с царскими полномочиями! И так тридцать офицерских кают занимают половину корабля...

Дверь открылась, и на плаз вошел застенчивый, сконфуженный капитан. Его китель был смят и перепачкан, а забрызганные грязью брюки носили следы тавота. Его встретили веселым подшучиванием и покровительственными замечаниями. Он еще больше смугился и, казалось, рад был убежать от своих сослуживцев...

— Виля исправно обчистил все трюмы! — подмигнул лысый кавторанг соседу.

Корсаков подошел к нему и как можно приветливее пригласил за стол. Наливая ему вина, он радушно спросил:

— Интересовались механизмами, простите, не имею чести знать...

— Витгефт Вильгельм Карлович, — с милой улыбкой отрекомендовался капитан.

Корсаков потерял охоту разговаривать. Один заинтересовался машинами, да и тот немец. Ему вспомнился рассказ о последнем выпуске Морского корпуса. Иностранные фамилии так и пестрели, и присутствующим становилось как-то не по себе. Наконец девятнадцатым представился Чухнин. Генерал-адмирал поморщился и проговорил: «Первый русский — и то Чухнин...». Совпадение рассмешило Корсакова, и неприятное чувство рассосалось. Он сел рядом с Витгефтом и любезно спросил:

— Были в машинном отделении?

— О, да, — восторженно произнес капитан. — Я пишу повесть о крейсере и хотел...

Тут их прервал новый взрыв шуток, и Корсаков отошел, разочарованно подумав: «Да он еще и мечтатель!»

К нему подошел Алексеев.

— Я осматривал яхту императора. Это прелесть что такое! Здесь, можно смело сказать ваш завод побил рекорд.

Ксаверий Антипович учтиво поклонился.

— На Дальнем Востоке мне будет необходима яхта. Когда спустите с заднего стапеля «Суворова», заложите для меня такую же точно.

Начальник завода покраснел и смешался.

— Программа запаздывает, — сбивчиво забормотал он, — серия броненосцев, которая должна уже заканчиваться, только еще заложена... Ваше превосходительство изволили справедливо заметить: на флот надежда России. Японцы...

— Что за японобоязнь, — пренебрежительно пожал плечами Алексеев. — Войну начнем мы — и тогда, когда будем готовы. Успеем, не на пожар.

Он медленно отошел, бросив через плечо:

— Мы назовем ее «Алмаз». Яхта должна быть жемчужиной Востока.

3

Флаг-офицер нервной походкой мерил расстояние между стоящими на причале кораблями. На Неве покачивался белый адмиральский катер. В сгустившейся тьме ноябрьской ночи звездочками вспыхивали цыгарки команд.

«Еще не поздно послать этого прохвоста к чорту. Не очень он торопится, однако! Грязное дело, сколько мелких уловок, уверток, лжи... Как странно посмотрел на меня Виктор, когда я предложил сменить его в сегодняшнем дежурстве!..»

С реки донеслась отдаленная сирена паровичка. Офицер нервно взглянул на часы.

«Собственно, чем я рискую? Возьмем даже крайность — провал. Ну, неделя гауптвахты. Чорт возьми. за годовой оклад...»

Он подошел к набережной и, сильно шурясь, стал всматриваться в темноту. Пыхтение машины слышалось совсем рядом. Из темноты вынырнул большой голубой катер, и на стенку вышел сухопарый вертлявый человек. Флаг-офицер обменялся с ним смущенным поклоном и, подозревая матроса, вполголоса отдал ему приказание. На адмиральском катере засуетились, он заворчал, вздрогнул, качнулся и сразу пропал в темноте.

— Опоздал, — возбужденно проговорил прибывший, бесцеремонно сунув деньги офицеру, — неисправность в машине, как на грех. Чуть все не пошло прахом.

Офицер вспыхнул от такой неделикатности, с губ его готова была сорваться резкость, но со стороны завода послышались возгласы. Быстро спрятав деньги, он бегом пошел навстречу голосам.

— Простите, ваше превосходительство, — донесся его голос. — Я никак не предполагал, что так скоро... Катера еще нет...

Из темноты вышли две фигуры. Ожидавший сделал шаг вперед.

— Если вашему превосходительству будет угодно, — заторопился флаг-офи-

цер, — здесь, случайно, катер завода «Тритон».

Адмирал перевел взгляд с офицера на инженера и усмехнулся. Последний с достоинством произнес, не спуская с адмирала синих, несколько вылинявших глаз:

— Юрий Николаевич Курвеш, весь к услугам вашего превосходительства.

— Помню, помню, как же, — иронически протянул Алексеев.

Он еще раз взглянул на своего флаг-офицера и с усмешкой бросил:

— Что ж. Благодарю.

Он прошел в каюту и, усевшись на диван, выжидательно обернулся. Флаг-офицер остался на корме, и с адмиралом оказался один Курвеш. Алексеев молчал, с интересом разглядывая обивку, занавески, покойное кресло. Казалось, он наслаждался затруднительным положением хозяина и предоставлял тому выпутываться, как он знает.

Курвеш, тревожно сидя на краюшке дивана, мучился. Ему казалось, что только в романах герои лишаются в критические минуты дара слова. Но вот в его собственной жизни настал решающий момент, от которого зависит вся его карьера, — и он молчит, словно потерял способность речи.

Алексеев с легким презрением взглянул на него.

— Действительно, счастливое стечение обстоятельств. Если б не ваш случайный приезд...

Инженер нерешительно кивнул. Ему не нравился этот щупающий, иронический взгляд адмирала.

— Пустое, ваше превосходительство, — осторожно заговорил он своим медовым голосом, в волнении ерзая на диване. — Стоит ли говорить о таком пустяке.

Катер подходил к Николаевскому мосту. Впереди адмиралтейский шпиц, вытянувшись в струнку, поджидал начальство.

— Наша фирма была бы счастлива оказать морскому министерству более существенные услуги, — заторопился инженер. — Как-раз теперь завод разрабатывает последний тип миноносца...

Адмирал встал. Курвеш поспешно выхватил из бокового кармана сиреневый квадратный конверт и, преодолевая робость, протянул Алексею:

— Проктик, ваше превосходительство, — бормотал он, покрываясь испариной. — Не откажите в любезности на досуге ознакомиться.

Адмирал внимательно оглядывал его вертлявую фигуру.

«Пропал, — подумал инженер, стоя с протянутой рукой, — Погубит. Разве можно так прямо и грубо?.. Сколько ловил, сколько старался...»

Адмирал неожиданно улыбнулся. Ему надоело мучить этого человека, который так вытягивал худую, длинную шею, что казалось, вот-вот она переломится.

— Вы ошиблись, почтеннейший, — медленно произнес он, беря конверт. — Я уже не начальник штаба. Но проект возьму, — добавил он, выдержав паузу.

Инженер помертвел.

«Двести тысяч! — с ужасом подумал он, — никому такой куш не отваливали... Так опростоволоситься...»

— Ваше превосходительство... господин адмирал! — трепетно метнулся он к Алексею, но тот, заложив руку за борт кителя, окатил его таким холодным взглядом, что он сѣжился и умолк.

Адмирал вышел из катера. Жалобное пыхтенье мотора провожало его.

Курвеш несколько секунд стоял, как пришибленный.

«Ну и стервец! Вот это да! Первый раз встречаю такого. Артист! А я то сробел, струсил, как осел! Настоящий сановник, умеет страх внушить. Меня надуть! Молодец! Двести тысяч... Как-то я выкручусь?»

4

Встреча во Владивостоке с темным свидетелем былых дел была спасена быстрым отъездом. Второй провал в Петербурге сперва ошеломил Курвеша. Такие две неудачи под ряд способны были свалить хоть кого. Но, зрело пораздумав, инженер решил, что унывать рано. Разговор с англичанином не выхо-

дил у него из головы и служил источником бодрости.

Через несколько дней он явился на службу с обычной вызывающей улыбкой. Он пришел к выводу, что фирма нуждается теперь в нем больше, чем он в ней.

«Тритон» прогорал. Зажатый между заливом, Невой и каналом, он весь был словно в тисках. Его цеха, низкие, невзрачные, подслеповатые, тесно жались один к другому. К ним лепились все новые постройки и строеньица, а станки стояли в них так густо, что еле оставляли проход.

Возведенный перед заводом мост доконал его. «Тритон» не мог и мечтать о морских судах. Теперь уже не спасала жесточайшая экономия в топливе, смазке, материалах. Дела шли все хуже. Управа заказывала время от времени речные буксиры, иногда удавалось выбросить на рынок партию барж. Разве об этом мечтали акционеры, основывая судостроительную верфь? Владивостокское отделение вместе доходов приносило одни убытки, и хозяева настойчиво искали, кому бы продать завод.

Покупатель не находился. Началась погоня за мелкими заказами. Пробовали предлагать дешевые цены. Пробовали делать громадные скидки. Никаких результатов.

Казна не считалась с частными фирмами. За границей фабрикант — фигура, здесь на него внимания не обращают.

Как-то дирекция добилась присылки из морского министерства агента для переговоров о постройке транспортов. Ему показали мастерские, и он остался доволен. Но дальше дело не пошло. Хотя ему составили смету за корабль почти по себестоимости, он мялся, вилял и в министерстве доложил, что завод с работой не справится.

Когда правление обсуждало этот провал, Курвеш довольно неприлично фыркнул.

— Поручите мне это дело, — спокойно сказал он, как бы отвечая на удивленные взгляды.

Терять было нечего, и ему поручили. Скоро на завод приехал отставной пол-

ковник Безобразов. Курвеш шепнул директору:

— Он имеет везде связи. Столкнемся с ним, он сведет с другими. Надо предложить ему известный процент.

Директор оробел. Агент казался таким строгим, что и подумать об этом было жутко. Директор сердито посмотрел на своего инженера и ограничился назначением за работу еще более низкой цены. Отставной полковник продолжал водить за нос. Курвеш хохотал над своими хозяевами и, наконец, сказал:

— Хорошо. Я ему предложу сам в вашем же присутствии. Учитесь делать дела.

Безобразова снова пригласили на «Тритон». Он был не в духе, ко всему придирался, и от его грозного вида у акционеров сосало под ложечкой. Один за другим они стали покидать комнату.

Скоро Курвеш остался наедине с грозным гостем. Акционеры толпились у дверей, заглядывая в замочную скважину. Их охватила оторопь, когда инженер, подняв на полковника свой наглый взгляд, вкрадчиво сказал:

— Фирма, само собой, гарантирует за ваши старанья известный процент..

— Известный процент? — вопросительно поднял бровь агент.

— Да, пять процентов, — спокойно пояснил инженер.

— Что? — свирепая, поднялся Безобразов, и акционеры затрепетали у дверей, ожидая ужасной развязки. — За кого вы меня, милостивый государь, принимаете?

Курвеш и глазом не моргнул.

— Де-Ливрон сам просил пять.

— Десять! — рявкнул полковник, с силой ударив по столу.

— Семь.

— Восемь!

Акционеры оттаскивали друг друга за фалды от дверей, чтоб убедиться собственными глазами. Но еще больше удивились они, когда, выпустив Безобразова, Курвеш позвал их в комнату и сказал,

— Девять процентов с заказа.

Они были поражены его наглостью.

— Мы были за дверью, сударь, и

слышали все, — возмущенно вскричали они.

— Я не такой осел, чтоб этого не знать, — спокойно ответил он, — но я и не такой болван, чтоб устраивать ваши дела безвозмездно. Один процент пойдет мне.

Они подивились его нахальству, но он объяснил, что вместе с агентом составит смету на 15 процентов выше заводской. Этот прохода никого не заботил. На его условия пришлось согласиться.

Курвеш приобрел вес. Акционеры, наконец, поняли, почему многочисленные представители министерства находили завод не внушающим доверия. В головах их зародились блестящие планы. Первый успех окрылил их, и они попытались через того же Безобразова добиться крупного заказа на пятнадцать миноносцев для Тихоокеанской эскадры. Этого он устроить не мог: миноносцами распоряжался непосредственно морской штаб. Курвеш повел охоту на начальника морского штаба Алексеева, не зная еще, что тот получил новое назначение на Дальний Восток.

После своей неудачи Курвеш, выждав несколько дней, явился на завод. Тотчас собралась все члены правления. Он сделал кислую мину и сокрушенно сказал, стараясь скрыть тревогу:

— Не по чину куш. Требуется еще столько же.

— Как? Четыреста тысяч? — в ужасе вскричали правленцы.

Курвеш презрительно усмехнулся.

— Важно, чорт возьми, что берет! Сколько — деталь. На столько же увеличим смету.

Акционеры долго охали, сетуя на людскую жадность. Это их облегчило и, полемавшись чуть-чуть для проформы, директор, кряхтя, пошел к несгораемому шкафу.

5

Январский день умирал над Финским заливом. Разнобоим, непрерывно и протяжно заливались гудки, останавливая дыхание заводов. Из цехов тяжелой поступью обессиленных и ко всему безразличных людей тянулись густые

толпы рабочих. Их землистые лица казались в бледных лучах солнца мертвенными, качающаяся от усталости походка — пьяной. Измученные двенадцатичасовым трудом, оглохшие от оглушительной клепки, они шли, еле волооча ноги.

К идулому, неказистому слесарю Филату Кузьмину, вгонявшему гайку в гайку, подошел рабочий.

— Пробу сдаешь? Помочь, что ли?

— Как-нибудь без помощников обойдусь.

— Ого! Тебе, поди, двадцати не стукнуло? На такой работе и с бородами проваливались.

— Двадцати не стукнуло, зато на заводах стучу с восьми лет, — спокойно ответил слесарь.

Немного спустя к нему подошел другой.

— Паришься зря. У меня готовый шаблон есть. Хошь, дам?

Филат отложил напильник.

— За помощь спасибо, но я почти что кончил.

Морец повертелся около него.

— А вспрыски будут?

Филат промолчал. Ему понадобилось зубильце, но его нигде не было.

Он пошел в кладовую за сталью и отковал другое. Вернувшись к тискам, Филат не нашел ножовочного напильника, который выписал, чтобы прорезать уголки шаблона. Торопясь закончить пробу, он прорезал уголки острым ребром полукруглого натфиля. Угол получился нечистым, и он пожалел о своей поспешности.

На следующее утро он застал свой инструментальный шкаф почти пустым. Стиснув зубы, он пошел выписывать новый инструмент.

— Привальные поставишь? — поддразнил его вчерашний собеседник.

— Теперь-то наверно не поставлю, — твердо ответил поступающий.

— Из молодых, да ранний. Посмотри, что ты за чиж такой.

Не отходя от тисков, Филат закончил пробу. Мастер сказал ему:

— Нам нужны слесаря первой руки. По точности ты бы подошел, но нечи-

сто сделано и копаешься долго. На корабле направить могу.

Кузьмин бросил беглый взгляд на задерживавших его людей. Он был узкогруд и слаб, тяжелая корабельная работа ему не под силу. Ни слова не сказав, он переложил инструмент в ящик и пошел на судно.

Каторжный труд Морского завода поразил видавшего виды Филата. Пришлось отвыкнуть даже от дневного света. Нырять в желтоватый полумрак корабельного люка задолго до рассвета, он копошился в трюмах с угольной лампочкой тринадцать часов. Нелегко корабелям в осеннюю выюгу под открытым небом на стапелях. Но не лучше и механикам в чреве броненосцев.

Филат работал в трюме «Паллады». Сыро, холодно, одиноко, только тусклые летучки, как в шахте. Пробираясь на коленях к клапану, он задевал за трубы, бился головой о балки и выступы, спотыкался, падал, вставал на четвереньки и опять полз. Вот и нужный клапан. Гайки прикипали, ключами не отвернуть. А вокруг вода, окаймленная ледком. Приходилось подкладывать доски, ложиться на них и, лежа, срубить болты. Зубило держать неудобно, молоток плохо попадает. Размахнуться сильно нельзя: не угодишь по зубилу — потеряешь равновесие и свалишься в воду.

Особенно трудно было привыкнуть к необычайной грязи. Несмотря на толстые брезентовые костюмы, прозванные за жесткость «водолазами», масло и тавот, обильно смазывающие машины, проникали через одежду и пачкали белье.

Домой Филат приходил измученный. Первое время он перестал даже читать газеты. Едва поев, он валился на постель и не мог подняться до утра.

6

Февральский мороз, спускаясь с Ладоги, ковал звонкий невский лед, скрепляя его с гранитом набережной. Колкий ветер дул вдоль реки и, вырвавшись у ее устья, со свистом налетал на стапеля Морского завода, жалобно гу-

дя в пустых корпусах строящихся броненосцев.

Корсаков кружил по цехам, подбадривая, торопя, подгоняя. В этом году он не щадил людей и заставлял работать в самую лютую стужу, твердо решив спустить «Суворова» и минные заградители, как только освободится Нева, чтоб поскерей заложить «Александра». На стапелях беспрерывно бухали молоты, шумели дрели, трещали горны, накаляя добела заклепки. К ним поминутно подбегали сверловщики, чеканщики, клепальщики, на ходу грея озябшие руки. Только молотобойцы не нуждались в искусственном тепле и в редких перерывах между ударами вытирали с лиц замерзавший на усах пт.

В механическом цехе лихорадочно собирали паровые машины. Корсаков сам лазил в цилиндры, проверял поршневые кольца, возился у мозаичных, пришабренных со скрупулезной точностью, золотников. Его генеральская шинель валялась где-нибудь рядом, китель был перепачкан, как у заправского грузчика, а форменная фуражка то проваливалась в цилиндр высокого давления, то падала на пол.

Спускаясь с пристроенной к машине лестницы, чтобы проверить подшипники, Корсаков резко остановился на нижней ступеньке, заметив выходящего из инструментальной кладовой хилого белевого парня.

— Это чей же такой будет? — в недоумении спросил он мастеровых. Он гордился тем, что знал всех своих рабочих, и незнакомое лицо удивило его.

— Это Филат, сборщика Кузьмина сын, — ответил ему слесарь, отставляя молоток. — Шатался он по белу свету, учился, работал, а ноне к нам его прибило, — медленно выкладывал он, стараясь затянуть неожиданную передышку, чтоб вытереть обильный пот и несколько поостыть.

— Ты что, не доучился, или так уж на завод потянуло? — остановил Ксаверий Антипович Филата, когда тот по ровнялся с машиной.

— Потянуло, всласть живут на заводах, что и говорить, — хмуро, как бы нехотя, отозвался тот.

— Что, не давалась наука? — внимательно разглядывая его, не отставал начальник завода.

Насмешливая искорка заиграла в уголках глаз слесаря.

— Куда уже, ваше превосходительство, нашему брату в науках тягаться!

Ксаверий Антипович еще раз оглядел независимую позу рабочего, его небрежно прикрытую засаленной шапкой голову и, подойдя к валу, стал осматривать подшипники.

— Зря обижаешься, братец, — ласково сказал он, поняв, что взял неверный тон. — Я думал помочь.

— Гюмогли бы пяти тысячам, что работают у вас, как каторжные, — спокойно прервал его Филат, поворачиваясь, чтоб итти.

— Занозистый, беда! — как бы извиняясь за ушедшего, отозвался клепальщик. — Паренек, дай бог каждому. И учился, не подкопаешься. Только родила ему мамаша не ко время третью сестренку. Тяжело отцу со всеми управиться. Заработки наши, известно...

Он уныло махнул рукой. Видя, как сразу помрачнели лица стоявших кругом рабочих, Корсаков ободряюще бросил:

— Я строптивых люблю. Пошлю его с отцом в командировку с ремонтной бригадой «Паллады», повеселеет. Командировочные, квартирные. Они живо поправят делишки.

К машине строгой походкой приближался широкоплечий нахмуренный человек. По четко печатаемому шагу и выправке можно было узнать морского офицера, если б на нем и не было кителя. При виде его Ксаверий Антипович стал искать фуражку и потянулся за шинелью. Подходивший еще издали посмотрел в упор на застигнутого врасплох Корсакова. Всем своим видом он давал понять, что заметил не порядок и ни в коем случае не собирается это

скрыть. Обстоятельно оглядев перепачканные руку и лицо своего начальника, его неопрятный, измятый китель, он с подчёркнутой официальнойностью доложил:

— Ваше превосходительство, привез пакет, в котором морской министр подтверждает распоряжение о закладке по освобождению западного стапеля крейсера «Алмаз» взамен броненосца «Александр».

Ксаверий Антипович заволновался. Что «Алмаз» не крейсер, понимал всякий, кто отличал чертеж от рисунка. Обыкновенная яхта с обилием игрушечной артиллерии, которая гонилась разве для салюта. И это делают, когда готовятся к войне с морской державой!

Его возмущение готово было прорваться гневной речью, но, взглянув на вытянувшегося, как монумент, помощника, он сдержался и, подняв фуражку, пошел из мастерской. Во дворе его окликнули:

— Папа, письмо от Яна Казимировича.

7

Ксаверий Антипович встретил Несвижского несколько лет назад во Франции. Он только-что был назначен начальником Морского завода и выехал за границу с твердым намерением проникнуть в секреты судостроения передовых стран. Сперва он остановился в Дании, чтобы приобрести легкий крейсер. Его приняли очень любезно, но, узнав, что он из морского министерства, заявили, что принуждены накинуть сверх прейскуранта сорок процентов. Пораженный Корсаков стал объясняться.

— Вы, кажется, не совсем поняли: заказ гарантирует русское правительство.

— О, да, казна, — успокоительно закивали датчане.

Возмущенный Корсаков решил выехать во Францию. В дружественной стране он почувствовал себя, как дома. Его всюду пускали, делая вид, что не замечают, как он роется в секретных чертежах и проектах.

Корсаков заинтересовался новым французским броненосцем. Он брал такие резкие повороты, что казалось, вот-вот перевернется. В России никогда не решались так маневрировать. Однако каждый раз корабль легко и ловко справлялся с волной и, выравнявшись, мчался, слегка подрагивая, дальше. Начальник Морского завода повел переговоры о его покупке. Он решил, что по этому образцу можно будет закладывать тихоокеанскую серию.

На борту броненосца, под тихий рокот винтов, уютно примостившись у кормовой башни десятидюймовых орудий, Ксаверий Антипович разговорился с желчным рыжеусым практикантом об отечественных делах и рассказал о странном случае в Дании. Он был поражен язвительным ответом:

— Будьте покойны, накидочку и наши союзники не забудут сделать.

— Да нет же, они даже не заикнулись, — горячо начал Корсаков, но тот нервно усмехнулся:

— Союзникам это не к лицу, сделают все втихую. Не бойтесь, не прогадают.

Взглянув на растерянное лицо собеседника, практикант вдруг рассвирепел:

— Какого чорта вы, милостивый государь, беретесь за такую миссию, коль невинны, как девица? О нашем позоре знает вся Европа. Утверждение контракта министерством потребует целой серии взяток... Что вы, праведник, или...

Он хотел сказать что-то резкое, но, взглянув на пылающее лицо судостроителя, только пожал плечами:

— Вас, наверно, скоро уберут. Вы слишком наивны для таких дел.

Корсаков смотрел на него широко раскрытыми глазами. Это взорвало его.

— Хотите еще? Извольте. У нас 450.000 тонн флота, в Японии вдвое меньше. Дураки кричат — шапками закидаем. Но в Англии, например, один процент судов, не имеющих боевого значения, а у нас 43. Япония умеет не болтать о состоянии своего флота, но, будьте уверены, у них не больше хлама, чем в Англии. Сорок три процента, половина флота, — инвалиды. Богдельня! И, заметьте, содержание одной тон-

ны обходится у нас в 253 рубля, в Японии — в 159. Вы удивлены? Но у нас на действительной службе адмиралов больше, чем в Англии, Австрии, Германии и Японии, вместе взятых.

Он вдруг замолчал, видимо, что-то обдумывая, и обидно, в упор расхохотался:

— Что это для вас — новости? Может быть, для вас новость и то, что в Америке броненосцы обходятся по 700 рублей тонна, а на наших заводах — по 1700? И что строят их там два года, а у нас шесть? Вы, начальник Морского завода, извольте-ка отвечать, почему? Жулики! Воры! По частям растаскивают родину. «Ретвизан» в Америке обошелся на 21 процент дешевле «Пересвета», который строите вы, почтенный праведник. И «Ретвизан» — один из лучших броненосцев в мире, а «Пересвет» — ни баба ни девка: и крейсером не назовешь, и в броненосцы не годится.

Он бросал тяжелые обвинения, как булыжники, в исступлении наступал на собеседника. Тот, потрясенный, в ярости сжимал поручни. Работа, которой он до сих пор гордился, показалась ему вдруг мерзостью, и он уже склонен был рассматривать себя, как покрывателя шайки мошенников.

С этого дня Корсаков все чаще подходил к тщедушному рыжеусому практиканту. Он узнал, что того зовут Ян Несвижский, что он работает над проектом подводной лодки, но у него нет связей, и министерство скупится на опыты.

Как-то у Несвижского вырвалось восклицание:

— Ах, кабы я не был поляком!

— Ну? — насторожился Корсаков.

— Вам знакомо имя инженера Гуляева? — не отвечая, спросил тот.

— Гуляева?

— Если бы оно вам было знакомо, вы не болтались бы теперь по всей Европе. Гуляев изобрел способ непотопляемости кораблей.

— Где же он?

Несвижский неопределенно махнул рукой:

— Министерство не обратило внимания на его изобретение, и он продал его за границу. Это было лет 20 назад. А теперь его почтенные соотечественники обивают пороги иностранных фирм, чтобы добиться этого секрета.

Он помолчал и с неожиданной страстью добавил:

— Я поляк, но воспитан на русские средства, в русских школах. Проклятая щепетильность не позволяет мне, сыну отверженной и презираемой нации, сделать то, что делали десятки русских. И мой проект, может быть, никогда не увидит света.

Корсаков задумчиво стучал по обшивке борта.

— Едьте со мной. Я дам вам возможность сконструировать лодку.

Несвижский недоверчиво взглянул на него.

— И как вас такого терпят?

Корсаков раздраженно топнул ногой о палубу.

— Вы принимаете предложение?

Несвижский молча пожал ему руку. Корсаков заторопился домой, горя желанием начать опыты и доказать этому желчному поляку несправедливость его упреков. Но в Петербурге ему намекнули, что столь серьезные опыты на казенном заводе нельзя поручить инородцу. Все попытки преодолеть препятствия ни к чему не привели, и ему пришлось, воспользовавшись своими связями, устроить изобретателя на «Тритон».

Потом Несвижский уехал на Дальний Восток и вот теперь нашел единственный случай написать.

Корсаков раскрыл конверт.

«Дорогой Ксаверий Антипович, — писал Несвижский. — Ваше письмо догнало меня в Порт-Артуре. Здесь очень уныло, но, раз мне не мешают здесь работать над моей моделью, я не в претензии. Тихоокеанская эскадра перекочевала из Владивостока в Артур, и хозяева «Тритона» решили продать купленный там заводик и строить здесь настоящую верфь. Все это чертовски капризно, и я не знаю, как бы я с этим справился, если б не частые наезды

Курвеша, с которым мы неожиданно обменялись ролями. Говоря по совести, я не знаю, как его могли назначить главным инженером судостроительной фирмы. Хотя он и виртуоз в делах, все же он путеец. Я слышал, что у него большие связи и что он помог заводу поправить дело. Одному ему ведомым путем он добился исправной доставки сюда станков и прочих грузов, хотя Сибирская дорога еще недостроена и даже военное снаряжение и пушки маринуются на полустанках месяцами. Во всяком случае, я ему век останусь благодарен за помощь в доставке сюда моей модели».

Корсаков кивнул головой: эта характеристика Курвеша вполне совпадала с его собственным впечатлением. Ему был антипатичен этот повадившийся к нему в гости делец, хотя он не мог объяснить, почему. Слушая иногда веселый смех болтавшей с ним Людмилы, он недобольно морщился. Особенно злила его их игра в четыре руки на рояле. Этот наглец поощрял в ней сценические наклонности, от которых ее излечил Ян, убедив, что у нее для этого слишком камерный голос.

«Дорогой друг, — читал он дальше — ваше письмо вызвало во мне угрызение совести. Вы из тех счастливых натур, которые могут жить своими мыслями в стороне от житейской толкотни. Я изобретатель, и по штату мне полагается быть «не от мира сего», но сама жизнь окунула меня в грязь. Я сделал вам медвежью услугу, окунув и вас в кишашую кругом клоаку. Я не подумал, что вы ученый идеалист и к тому же мягкосердечны и чересчур восприимчивы, как всякий истинный интеллигент. Воров и казнокрадов вы не выведете, а страдать станете непомерно, и это будет помехой вашему делу. В конце-концов одна ваша работа над усовершенствованием типа «Цесаревич» больше даст флоту, чем истребление целой шайки негодяев».

Корсаков грустно усмехнулся. Он свел все усовершенствования к небольшим изменениям конструкции, необходимым при плавании на Дальнем Востоке. Но в министерстве продолжали «совершен-

ствовать» броненосец. До сих пор он никак не мог добиться утверждения проекта. Тяжело грохнулась в воду грузная «Победа», по копиям чертежей заложили «Суворова» и заградители, они уже готовы к спуску, а его проект все еще кочевал по канцеляриям. Каждый отдел, каждая инстанция, задержав чертежи месяц-другой, вносили туда изменения, и скоро вместо точного, как оптический прибор, и стройного, как музыкальный инструмент, французского броненосца получилась тяжеловесная неуклюжая громада с сомнительной пропорцией и замедленным от перегруженности ходом. Тщетно доказывал Корсаков, что дополнительные сооружения, утяжеляя корабль, делают его неповоротливым и неустойчивым. В министерстве упорно долбили, что «Цесаревич» не имеет брони на подводном поясе, что в таком-то отсеке надо, по примеру англичан, такую-то лебедку, а на корме хорошо поставить, как делают итальянцы, минные аппараты. Возвращение каждого чертежа заставляло Корсакова задыхаться от бессильной злобы, и он вдруг заметил, что стал истериком и наверное угодит в сумасшедший дом, если не преодолет постоянную взвинченность, вспыльчивость и бессонницу.

«Вернитесь же опять, дорогой друг, к безмятежному оптимизму, и да минует вас жизненная суета. Вашу просьбу я исполнил и могу вас порадовать. Я сам излазил все трюмы «Громобоя». (Он еле дополз сюда, но это не по вине конструкции, а в результате «усовершенствований» шакалов из министерства). И чего только я там не насмотрелся! Клинкеты поставлены непришибренными, клапаны плохо притерты, всюду течет, парит, льется. Если бы вы предусмотрительно не послали с ним ремонтную бригаду, он бы, пожалуй, не дошел, как «Победа», застрявшая в Средиземном море. Но вой, поднятый вокруг этого скандального случая, тоже не туда бьет. На «Победе» лопнул почти весь трубопровод. Очевидно, за взятки вместо медных труб поставили какую-нибудь дрянь».

Вы знаете, что я с самого начала был против этих тяжеловесных крейсе-

ров. Беда наша в том, что до сих пор мы не знаем, чего хотим. Адмирал Макаров вряд ли нуждается в моих похвалах. Это лучшее, что у нас есть. Но, как большинство увлекающихся людей, он страдает фанатизмом, и это принесло нам немалый вред. Англии нужны броненосные крейсеры с далеким районом действия, — у нее колонии разбросаны по всему миру. Для нас же этот тип — роскошь, и расточительная роскошь. Я не верю в крейсерскую войну, а без нее какой нам толк, что «Победа», как и «Пересвет», может сделать десять тысяч верст без захода в порт? Бесконечные угольные ямы превратили ее в углевоз в ущерб боевым качествам и быстродности. Как броненосец — она слаба, имея десятидюймовые орудия, когда везде давно ставят двенадцати. Как крейсер — она тихоходна, и любой ее обгонит. Во Франции нет этих судового. Там знают, что воевать придется у своих берегов, и строят только типа «Цесаревич». Зато у них однотипный флот, а не винегрет.

Живу отшельником — вникать во все, что делается кругом, нехватает времени, да и нервов. Вы писали, что фирма Бельвиля обратилась в министерство с просьбой не называть изготавливаемые нами котлы бельвилевскими. Боюсь, что таких казусов будет много; ухитряются же у нас строить поршневые машины в полтора раза тяжелее зарубежных. А наши миноносцы? Я строю заведомых уродов с двадцатиузловым ходом против тридцатиузловых японских и ставлю на них сорокасемимиллиметровые пушки против семидесятипяти японских. Наш флот стреляет в два раза хуже английского, наши мины идут в полтора раза медленней, как и наши крейсера. Для очистки совести я пишу статью, но вы ведь знаете, что я скептик. Если на заводе, во главе которого стоите вы, нельзя искоренить эту мразь, чего же ждать от других?

Только чудо может спасти нас от катастрофы. И чудо это перед вами. Податель сего письма — мой товарищ по несчастью. Он изобрел воздушные мины. Это огненный ураган, стальной вихрь, лава, извержение, чорт знает что!

Японцы, как всегда, первые пронюхали об этом и осаждают его просьбами продать им секрет. Но он не хочет вооружать желтолицых таким страшным оружием и обратился в резиденцию нашего вице-короля. Увы! Там царят петербургские обычаи, а изобретатель беден. Его долго водили за нос, и ему это уже надоело, когда судьба столкнула нас и я познакомился с его проектом. Вам не к чему говорить, какой переворот совершила мина на воде. На суше — она дает взрыв, в тринадцать раз превосходящий современный снаряд. Если вам удастся продвинуть его изобретение, нам нечего бояться соперников ни на море, ни на суше».

8

Морской завод разогнутой подковой раскинулся у самого устья Невы. Ему дало жизнь севастопольское поражение. Русские бриги и фрегаты оказались беспомощными перед паровым флотом, и казна стала насаждать судостроительные заводы.

Народ плохо шел на Морской. Он стоял в Чекушах, что по-фински значит — болото. Вербовщики исправно доставляли из дальних деревень доверчивых мужиков, но завод быстро с'едал людей, и приходилось ежегодно гнать со всех концов громадной империи новые пополнения.

Завод рос туго, мало нарушая мирную жизнь прибрежных финнов и гаванских рыбаков. Тяжелая корабельная работа в летний зной и зимнюю стужу на открытых стапелях, низкая оплата и жестокое обращение военного начальства отпугивали и тех безропотных и выносливых, которые уцелели от болотных лихорадок. Морской переходил из рук в руки, потом совершенно закрылся. Это заставило министерство ввести реформы. Начальником завода был назначен не следующий по чину человек голубой крови, а корабельный инженер Ксаверий Антипович Корсаков.

Корсаков прошел достаточно суровую школу, чтобы приобрести прочные ус-

тойчивые принципы. Он родился в семье бедного чиновника, поэтому весь его жизненный путь складывался из самоограничения и неудач. Тщетно он пытался без связей попасть в Морской корпус. Побившись о глухо сомкнутые преграды, он пошел в Кронштадтское инженерное училище и окончил его инженер-механиком флота. Он вступил на палубу корабля не лишенным восторженности юношей. Прием, оказанный ему там, убил в нем остатки восторженности и наложил суровый отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Как механик, он не имел даже права находиться в одной кают-компании с офицерами. Приобщившись к труду, он как бы навсегда потерял право на привилегированность.

Корсаков с жаром принялся за дело, но обиды не забыл. Способный человек, он скоро выдвинулся и был назначен флагманским инженер-механиком. Тут он с горечью убедился, что достиг предела: для черной кости выше хода не было. Он вышел в отставку и отдался судостроению. Скоро судьба забросила его на Морской.

Никогда Чекуши не жили так нервно и шумно. Кругом осушались болота. От зари до зари молотобойцы дубасили в четыре руки тяжелыми кувалдами по заклепкам, вгоняя их в броню кораблей. Деревянные стапеля, упиравшиеся пятками в Неву, заменили каменными громадами. Над ними возвели гигантские эллинги. В Англию на лучшие верфи были посланы инженеры — перенять опыт владычицы морей.

На набережной выросла такая корабельная мастерская, какой не могли похвастать и многие английские заводы. Проглотив все окрестные пустыри, Морской стал застраивать прилегающие к нему улицы, бесцеремонно закрывая между ними проезд. Отхватывая все новые кварталы, Корсаков заложил огромную механическую мастерскую. Сотни станков лучших европейских фирм ежемесячно отгружались на Морской.

Броненосцы и крейсера вытеснили клипера и фрегаты, газовые фонари — керосиновые лампы. Усмирная, зако-

ванная в гранит, Нева подозрительно косилась на растущего гиганта, вздрагивая каждый раз, когда тяжелые громады броненосцев, взяв разбег, мчались по полозьям к воде. Она вся сжималась в напряжении, но через минуту раздавалась и принимала в холодные объятия непрощенных гостей.

Каждый шаг Корсакова вызывал раздоры и интриги. Особенно раздражало приглашение им в начальники цехов людей без чина и звания. Это склонны были рассматривать как вызов: достаточно оказалось назначить начальником завода человека без рода и племени, чтобы он потянул за собой всякий сброд.

Ничто ему не давалось без боя. Вместо Несвижского помощником ему навязали чопорного, пресноводного моряка, выдавшего суда лишь из окон министерства. Его дядя — адмирал — желал видеть его на Морском. Помощник принес в приданое свой проект минных транспортов «Амур» и «Енисей». Их мог построить любой маленький завод. Но адмиральский племянник искал славы и пожелал строить сам.

Корсаков был из тех непокладистых людей, которые плохо гнутся. Казалось, он давно должен был привыкнуть, и все же он упирался, возражал, протестовал. Хотя из серии артурских броненосцев на стапелях находился только «Суворов», министерство настаивало на закладке «Амура» и «Енисея». Пришлось уступить, чтобы не передать в руки чиновников дело, налаженное с таким трудом. Морской министр произвел начальника завода в чин генерал-майора, надеясь этим смягчить его строптивый нрав; равнодушный к чинам, он верил в их силу. Но Корсакова это не сделало покладистей. Он не мог мириться с тем, что судостроительная программа запаздывает на три года. Ему казалось, что злосчастный «Александр», второй броненосец тихоокеанской серии, никогда не будет заложен.

«Алмаз» повторял историю с транспортами: первый завод империи делал игрушки. Корсаков написал резкую за-

писку в министерство. Но Алексееву захотелось яхту, и это оказалось важнее всех программ.

9

Крепко запомнили русские цари сева-стопольское поражение. Ни один завод не пользовался такими милостями, как Морской. Редкий гвардейский полк, даже редкий город мог похвастать таким к себе вниманием.

Тяжела и грязна работа корабелов. Круглый год на открытом воздухе с утра до ночи. Круглый год надсадный труд в зной и стужу. Но нигде нет таких праздников. Нигде они не собирают таких именитых гостей, нигде не справляются с такой пышностью и великолепием. Адмиралы, генералы, великие князья — там обычные посетители. Сам царь удостаивает завод своими приездами.

Каждый спуск, каждая закладка броненосца превращались на Морском в торжество. С утра на завод приезжали чины морского министерства, несколько позже — адмиралы и генералы, и, наконец, вкатывала карета императора в сопровождении великих князей и свиты.

При спуске царь только созерцал старания своих верноподданных. При закладке он брал специально приготовленный для него миниатюрный молоточек и поднимался на стапеля. Осторожно обходил стоящих на пути молотобойцев и, приблизившись к наложенным кромка на кромку первым листам нового судна, поднимал молоточек. Нагревательщик проворно выхватывал из стоящего поодаль горна дробла нагретую заклепку, просовывал ее в заранее просверленные дыры, и молоточек немощно опускался на нее. Тотчас же молотобойцы взмахивали кувалдами и, как только белая, бескровная кисть отдергивала молоточек от заклепки, ударяли по ней в четыре руки. Николай с минуту стоял, втянув голову в плечи, мигая каждый раз, когда занесенная кувалда с силой и грохотом падала вниз. Потом, шурясь, отходил. Торжество кончалось. Царь раздавал награды и уезжал, рабочие отправлялись пьянствовать. На сле-

дующее утро они приходили на завод, качали начальника, качали инженеров, получали у кого красненькую, у кого трешку на гульбу и опять шли в кабаки. Когда иссякали средства, шли на завод, качали первого подвернувшегося начальника цеха и, получив выкуп, отправлялись пьянствовать дальше.

В этом году Корсаков ждал спуска с нетерпением юноши. Каждое утро он первым делом отправлялся на Неву, как бы не доверяя приборам, указывавшим погоду. Природа на этот раз оказалась уступчивой: с обычным для Петербурга непостоянством зима уже в конце марта начала сдавать свои позиции, и город покрылся лужами и ручейками. Ксаверий Антипович радостно потирал руки, наблюдая, как на Неве образуются полынья за полыньей. Он приказал заводским буксирам разбивать слабеющий лед. Спустив «Суворова» и минные транспорты, он освобождает оба стапеля и сумеет залезть и навязанный ему «Алмаз», и броненосец «Александр».

К 1 апреля полынья около завода была достаточной для спуска: почти все устье Невы было свободно от льда, и кругом приятно журчала синяя вода. Но, зная суеверность моряков, Корсаков не решился предложить в такой день спуск, и торжество было назначено на 2 апреля.

Гости, по обыкновению, стали съезжаться с утра. Заблаговременно разбили царскую палатку, пехи украсились трехцветными флагами. Чины министерства, мешая всем, суетились, в гордой уверенности, что помогают навести порядок. Ежеминутно в настежь открытые ворота вкатывали роскошные кареты с причудливыми фамильными гербами. Вдоль главного проезда построились жандармы. На доброй шестерке откормленных лошадей во двор со смиренным видом вкатили священнослужители.

Спуск задерживался. Адмиралы и сановники скучающей походкой бродили по мастерским, выслушивая суетливые объяснения начальников о ходе работ. Унылыми табунками по двору бродили сенаторы, князья, духовенство, обмениваясь недоуменными вопросами:

— Не заболел ли кто из царской семьи?

— Невероятно. Это было б известно.

— А не случилось ли что?

— Что, что такое? Во дворце?

— Но почему обязательно во дворце? В прошлом году, помните, среди бела дня...

— Да, но причем он? Скажем, министр внутренних дел, шеф жандармов, — это еще понятно. А то — министр просвещения!

— Но, послушайте, Боголепов действительно... Избиение студентов в Москве, сдача юношей в солдаты... Это слышном,

— Этак можно у любого найти что-нибудь.

— Но дерзость, дерзость какова! Явился на прием студент — и бац из револьвера...

На палубу «Енисей» вылез из люка адмирал Макаров, оживленно разговаривая с Корсаковым. Он приехал на завод одним из первых и успел облазить все корабли, стоявшие на приколе. Вытирая замасленные руки, он убежденно говорил:

— Это не минные заградители, Ксаверий Антипович, а простые транспорты! Первое качество заградителя — быстродвижность, чтоб он мог проскользнуть, расставить мины и удрать от любого крейсера.

Корсаков устало махнул рукой. Не объяснять же, что у него нехватало решимости противодействовать своему помощнику только потому, что тот — адмиральский племянник. Тербя нити эполет, он предложил:

— Зайдемте ко мне помыться и почитаться.

Они спустились по деревянному настилу. Корсаков осторожно спросил:

— Как у вас, Степан Осипович, с экспедицией к полюсу? После такого удачного плавания к Енисею вашим недругам, собственно говоря, крыть нечем...

Макаров мгновенно вспыхнул. Сердито жестикулируя, он с трудом выталивал слова.

— Баренцево и Карское моря оказались вполне проходимыми, мы почти не

встретили льда. Но гора родила мышь. Никто не верит в возможность установить морской путь на Дальний Восток по северному побережью Сибири. Плавание к Енисею для того и выдумали, чтоб я отступился от своей идеи. И, несмотря на успех, я еле выклянчил деньги на один ледокол, а этого недостаточно для одного Кронштадта.

— Ваш приход на «Ермаке» в Петербург среди зимы был настоящим триумфом. Говорят, вам устроили небывалую встречу: тысячные толпы бежали рядом с кораблем по льду...

— Это доказывает только невежество наших моряков. Следи они за иностранной техникой... В Америке ледоколы существуют давно.

— Начало обещало успех. Спасение затертых льдами восемнадцати пароходов, снятие зимой с мели броненосца...

— Да, да, это пощекотало самолюбие, но не больше. Такая страна, такие богатства... Да разве они в состоянии понять. Авантюристы имеют успех, вот заняли Артур, тянутся к Корее, возбуждая против себя весь мир, а собственные края застыли. Петербург закрыт для навигации пять месяцев, Архангельск — семь, а сибирские реки — все одиннадцать. Надо оживить наш окоченевший Север. Это страна сказочных богатств. Но о походе к Сахалину и слышать не хотят. Мы всегда останавливаемся на полпути. Да и мой главный защитник — Менделеев — ныне не в милости. Его не только не выбрали в академики, но вынудили и кафедру в университете бросить...

Ему стало жарко, и он расстегнул шинель, выставив грудь навстречу ветру.

— Наши корабли идут десять тысяч миль у чужих, враждебных берегов, без баз. Вся Сибирь ожила бы, на побережья возникли бы десятки портов, сотни селений, заброшенный, застывший край заселился бы и расцвел. А как усилилось бы наше положение на Дальнем Востоке!.. Постоите, что это? Ваш завод, кажется, собирается штурмовать флотская рота?

В воротах теснились матросы гвардейского экипажа. В бескозырьках, с развевающимися черными ленточками,

они твердо ступали по земле, ни на кого не глядя. Гости смущенно смотрели, как флотские офицеры расставляли их вдоль забора, опоясывавшего завод.

— Точно отбивать приступ, — недоумевали сановники. — Куда их столько?

Поползли тревожные шопотки. Во двор с расстроенной физиономией в'ехал управляющий морским министерством. Он торопливо здоровался, избегая взглядов. На посыпавшиеся вопросы угрюмо ответил:

— Его величество плохо себя чувствует.

Посоветовавшись с Корсаковым, управляющий министерством решил спускать сейчас одни транспорты. Ксаверий Антипович пошел к «Амуру», чтоб лично руководить спуском. Кругом уже началась обычная суета. Со всех цехов тянулись к стапелям рабочие, довольные, что торжество дает им передышку. Мастера и указатели бежали по набережной, забираясь под брюхо «Амура», чтоб осмотреть каждое пятнышко. Корабелы копошились под днищем судна, трудолюбивые и незаметные, как барсуки, старательно разливая жир и зеленое мыло для насалки полозьев. Как только они вынырнули оттуда, с «Амура» раздалась команда:

— Вышибай стрелы!

Кувалды бухнули по бревнам, и последние подпорки, державшие судно у кормы, полетели вниз. Рупор прогудел:

— Отдавай!

У носа перерубили трос. Два толкача ударили по салазкам, укрепленным у корабля под брюхом. Пятясь кормой вперед, «Амур» сделал первый робкий шаг. Затем, точно призадумавшись на секунду, заскользил вниз, по намасленным полозьям, набирая скорость. Жир и мыло мутной пеной выжимались на настил.

Строитель «Амура» стоял между блестящими адмиралами, застыв в гордости. Небольшой, белокурый, чистенький, он поднимался на цыпочки, чтоб его могли видеть.

Среди гостей перепархивали новости:

— Слыхали?

— Что, что?

— Покушение!

— Покушение?

— Где покушение?

— Опять середь бела дня?

Сзади тревожно перешептывались.

— На кого покушение?

— На государя?

— Что вы, что вы! Кто сказал, на государя?

— На великого князя?

Наконец новость определилась.

— На министра внутренних дел... Убит Сипягин.

— Бомба?

— Какое! В Мариинском дворце за-седал комитет министров. Вдруг прискакал на рысак гвардейский офицер. Взмахнул перед носом ад'ютанта пакетом: «Потрудитесь доложить, от его высочества великого князя Сергея Александровича личное поручение...».

— Какая наглость!

— Пакет, как пакет, в уголке «весьма спешно». И гвардейский офицер! Кто же мог подумать?

— И Сипягин?..

— Спустился в вестибюль. Офицер протянул ему пакет и, пока тот его вскрывал, разрядил в него браунинг.

— Смело все же, чорт возьми!

— Нет, вы скажите, какая несслышанная дерзость!

— Господи! Еще этого нехватало.

«Амур» добежал до реки и прыгнул в нее. Столб воды поднялся выше кормы. Корабль и Нева уперлись друг в друга, как два упрямых животных, но вода сдала и отступила.

И тогда все обратили внимание на странное поведение транспорта.казалось, он поражен пляской святого Витта. Корабль прыгал по волнам, вилялся, качался. Когда спусковой командой удалось, наконец, остановить его, всех поразило вид «Амура». Он стоял, накренившись так сильно, что, казалось, вот-вот корабль опрокинется. Правый борт низко свисал над водой, и люди инстинктивно, точно их вес мог выпрямить транспорт, бежали на левый борт.

А через три недели, так и не дождавшись императора, спускали «Суворова». Броненосец быстро заскользил со стапелей, как санки с горы, и стремительно

плюхнулся в реку. Был ли слишком силен разбег или весенняя Нева разбушевалась не в меру, — но его подхватило и понесло. Нева гнала неуклюже ворячащегося гиганта на Гутуевский остров. Корсаков тревожно наблюдал приближающийся берег и тщетно кричал что-то в рупор. К спуску у корабля еще не готовы ни руль, ни машины, и он не в состоянии управляться. Заводские буксиры, жалобно завывая сиренами, шли следом за броненосцем, как гончие за медведем.

«Суворову» повезло: течением его отнесло от острова. Но он никак не мог остановиться, и встречные суда шарахались от него, как от зачумленного. У входа в залив одному все же не удалось увернуться, и броненосец тяжело стукнул его в борт и подмял под себя. Крики, плач и стоны барахтающихся в воде людей ворвались в тишину Чекуш.

Глава IV

СИБА

«Силач» курсировал между Приморьем и Японией. Часто приходилось подолгу стоять в живописных бухтах Юкогамы, Сасебо и Нагасаки.

Особенно полюблился Лавров последний порт. Он вел оживленную торговлю с Россией, и жители его свободно говорили по-русски. Ароматная зелень, теплая вода, чистое небо — улыбались и ласкали. Мягкий климат рождал здесь легкую, веселую жизнь.

По утрам во всех домах раздвигались наружные рамы из дерева, обитого белой материей. С улицы можно было видеть комнаты, разгороженные ширмочками — сядзи с раскрашенными птицами. Удивляло полное отсутствие мебели: ни шкафов, ни стульев, ни плит, ни горшков. Цыновки, жаровня, чайник и стеганое одеяло составляли все убранство жилища.

Когда «Силач» после летней кампании стал на ремонт в Нагасаки, матросы отстайвали две вахты под ряд, чтобы потом, на свободе, побродить по городу.

На одной из таких гулянок они остановились на площади, наблюдая борьбу уличных циркачей. Маленькие, комичные борцы ловко перекидывали друг друга через голову, проделывая множество всевозможных трюков. Когда собралась большая толпа, они предложили желающим выходить на состязание.

В круг, презрительно усмехаясь, вошел широколицый матрос. Все расступились, весело балагуря.

— Ты полегче, не убей, гляди! — подтрунивали из толпы.

Минуты через три разгоряченный моряк, выведенный из себя увертливостью противника, улучив момент, всем телом устремился на него. Тот припал на руку, и, потеряв равновесие, матрос тяжело шлепнулся на землю. Зрители одобрительно загудели. Матросы стали подталкивать Лаврова:

— Иди, Вань, покажь макакам кокумаку!

Лавров за годы плавания вырос, раздался в плечах и выглядел настоящим богатырем. В частых портовых драках он показал такую удаль, что считался первым на «Силаче» борцом.

— Что ж, выходи, — угрюмо сказал он, вступая в круг.

Его крепкая мускулистая фигура вызвала среди публики поощрительные возгласы. Встревожненные борцы перебрасывались короткими, быстрыми фразами. Один из них неуверенно вышел вперед.

Лавров понимал, что главное преимущество противника — ловкость, и старался не поддаваться его фокусам. Но он никак не мог добраться до этого дьявола, который вертелся вокруг него, как юла, стараясь закружить и утомить. Один раз ему удалось схватить противника, и, зажав его, как в клешни, он чуть не свернул ему шею. Зрители не могли понять, как удалось тому вывернуться. Японец стал осторожней, начал делать круги побольше, чтобы быть дальше от сильных рук матроса. Не сводя глаз с этих громадных, страшных кистей, он вертелся около него волчком, извивался угрем, норовя встретить врага сбоку, но всюду натыкался на про-

тянутые руки, готовые схватить его, чтоб уже не выпустить.

Матросы весело посмеивались, наблюдая осторожные движения японца...

2

Катоку не всегда был рикшей. Воспоминание о детстве у него связывалось с звонким пением цикад на рисовых полях Такасимы. С малых лет он помогал отцу и старшему брату ковырять небольшой клочок упрямой земли, доставшийся от дедов в наследство.

Много терпения и упорства надо, чтобы получить урожай с полей Японии. Трудно справиться с вулканической землей, не имея рабочего скота. Около четырех тысяч островов тесной грядой бегут от Камчатки до Южно-Китайского моря, и ни на одном из них не приветствует начинающегося дня ржание жеребенка, мычание телят или хотя бы лай собак. Только тоскующий петух одиноко орет по утрам на восходящее светило.

Тяжела работа японского крестьянина. Рис требует, чтобы около него круглый год гнули спину. Надо работать за себя, за лошадь, за вола и впрягаться в плуг с женой или с сыном.

Семья Катоку росла. Дедовский клочок земли отказывался кормить столько людей. Старший брат почувствовал, что ему пора уходить из родного очага на заработки. Условия угольной компании «Мицубиси» показались самыми заманчивыми. В шахтах, конечно, не легко, но иена в день — это целый капитал. Да и копи — тут же, на Такасиме, и это самые старинные, самые богатые копи страны. Контракт, правда, на три года. Но тысяча дней — тысяча иен. Жизнь там не то, что в городе. Половину заработка может сберечь даже мот. 12 сен в день на харчи хватит и обжоре.

Старший Катоку уехал. В Нагасаки при подписании контракта завербованным дали вперед по 40 сен, чтобы они могли погулять перед отъездом. Ну и погуляли же парни! Чайные домики и притоны ходили ходуном. Утром большинство явилось в контору «Мицубиси» без единой сены. Их, без слова

осуждения, посадили на пароход фирмы и повезли к месту работы в долг.

В коях встретилось первое затруднение. Шахтеру полагается иметь свой инструмент. Но и тут фирма оказалась щедрой. Им дали вперед денег. Здесь же, у предусмотрительного предприятия, оказался в продаже инструмент.

Неладно было и с одеждой. В шахтах быстро изнашиваются деревенские домотканые костюмы. Фирма опять дала вперед, а в ее лавочках нашлись нужные куртки и штаны. Новички радовались. Брали вперед и на табак, и на чай.

Но их уже подстерегали неприятности. К концу месяца им подсчитали заработок по 38 сен в день. Они напомнили, что обещано втрое больше, целая иена. Им объяснили, что иену платят настоящим шахтерам. Через годик-два они станут опытными. Тогда...

Катоку с проклятием бросил инструмент и заявил, что хочет домой. Ему напомнили, что контракт — на три года. К тому же он взял вперед и должен фирме. Пусть отработает долг, тогда...

Потянулись безотрадные дни. Редко приходилось ограничиваться установленными часами работы, и все же никак не удавалось покрыть этот проклятый долг. За сверхурочные платили только тем, кто не имеет наказания. А наказывали щедро: пустяшное замечание, малейшее ослушание — и заработок уменьшался. Если плата три раза понижена, не полагалось получать за сверхурочные. За невыход на работу избивали, лишали пищи. Побег грозил сибой.

Катоку долго не мог понять, что это за сибя. Разве он не знает японского языка? Ему объяснили, что это пошло от русского «рыба». Замечал ли он, какой у нее вид, когда, вздернутая на веревку, подвязанная за жабры, она висит в витринах, еле касаясь хвостом и плавниками досок? Большого он не мог ни от кого добиться.

Катоку решил бежать. Об этом подумывал не он один, он оказался лишь нетерпеливей других. Катоку не знал, что полиция старается для «Мицубиси» больше, чем для самого микадо. Его

поймали недалеко от копей. Фирма решила использовать первый побег новичка, чтобы отбить у всех рабочих охоту убежать. В шахтах заговорили, что предстоит с и б а.

К утру Катоку повели к копиям. В проходной его раздели и, раньше чем он успел сообразить, что с ним хотят сделать, вывернули руки, вытянув их вверх. Он закричал пронзительно, как заяц, и метнулся в сторону, но его потащили к вбитому в потолок крюку. Он барахтался в сильных руках сторожей, как пойманная дичь. Его приподняли и, продев шнур меж связанных ладоней, быстро вздернули вверх и начали бить мокрыми веревками.

Катоку понял, что такое с и б а. Он висел, как рыба в витрине, касаясь пола только большими пальцами ног.

Проходившие на работу шахтеры, заслышав стоны, останавливались, молча наблюдая раскачивающуюся фигуру, делавшую тщетные попытки стать на ступню, и понуро уходили к вагонеткам.

Катоку больше двух недель чувствовал себя точно парализованным; руки и ноги тянулись врозь, словно желая отделиться от тела. Но, оправившись от ужаса, он твердо решил опять бежать с этой каторги.

Судьба избавила непокорного Катоку от новой пытки. Однажды во время работы он услышал отдаленный гул. Он не сразу понял, обвал это или взрыв, и оторвался от кирпичи, лишь увидев бегущих людей.

На копиях обвалы и взрывы были обычным явлением. «Мицубиси» не тратилась на оборудование шахт, чтобы не уменьшить прибыли акционеров. Непопытный Катоку думал, что, если взрыв не коснулся его шахты, опасности нет. А газ уже бушевал рядом, затопляя все новые забои.

Рабочие быстро мчались к выходу. До подъемной машины осталось уже немного, когда им преградил путь небольшой обвал. С остервенением принялись они пробивать уголь, яростно расшвыривая глыбы в сторону. Проход скоро удалось расчистить, и все устремились вперед. Вдруг, заглушая топот ног, до

них донеслись глухие регулярные удары. Старый шахтер хрипло крикнул:

— Ставят стенку!

Катоку не понял, почему этот возглас так испугал остальных. Рабочие ринулись вперед, толкая друг друга, опрокидывая подростков и женщин с привязанными за спиной грудными детьми. Неудержимым вихрем ворвались передние в образовавшийся проход. Катоку внезапно понял: чтобы не дать газам распространиться по всем копиям, в забое спешно возводили стенку. Работавшие через мерцавшую еще узкую щель заметили бегущих и остановились, но надсмотрщики начали энергично осыпать их палочными ударами.

Замурованные подбежали к стенке, с мольбой протягивая руки к холодному кирпичу. По ту сторону ее, отводя глаза, люди, под щедрые палочные удары, залепляли последние щели.

Катоку в изнеможении опустился на землю, бессильно царапая ногтями свежий цемент.

3

Младший Катоку рос в большой семье. Кроме отца с матерью и брата у него была сестра — Китисан. Родители долго не хотели отпустить ее от себя. Кити была красива, как весенний луг, а красивых девушек на чужбине всегда подстерегает опасность. К тому же Кити исполнилось только 13 лет.

Но урожай риса был очень мал, а старший сын погиб. Мать глаза вылакала при мысли, что придется отпустить маленькую Кити, а как не отпустить, если кормить нечем?

К удивлению семьи, дочь, сначала слушавшая разговоры об отъезде с испугом, с некоторого времени стала задумчивой, не плакала при напоминании о чужих землях. Никто не мог понять происшедшей с девушкой перемены. Отец не заметил, что она украдкой пишет стихи и прикалывает их к цветущим веткам миндаля.

Кити встретила свое счастье, и ничто теперь не страшило ее. Гуляя в поле, она увидела юношу необычайной красоты, Араки. Он тоже обратил на нее

внимание. Несколько раз они виделись украдкой, и он очень хвалил жизнь города. Араки советовал подписать контракт с фирмой «Канегафуци», где он служил в конторе. Там они смогут видаться сколько угодно, накопят денег. Тогда он привяжет ветку к дому ее отца, и тот, наверное, ее снимет и благословит их на брак.

Стихи, растущие на миндальном дереве, родителям не попадались, и они не знали о любви Кити. Но они были рады, что она перестала плакать при разговорах о городе. К чему слезы? Города не миновать, как судьбы.

Кити подписала контракт с «Канегафуци» и очутилась на бумагопрядильной фабрике. Ее удивило, что туда же приехало еще несколько крестьянок из ее деревни. Всех поместили в одну казарму, и девушки быстро сдружились. Смущаясь и краснея, поведали они друг другу свои сердечные тайны. Каждая рассказывала о встрече с молодым красавцем, который обещал жениться, советуя ехать в город на фабрику «Канегафуци». К своему ужасу, каждая узнала в описании возлюбленного подруги своего собственного соблазнителя.

Маленькая Кити оказалась счастливее своих землячек. Ее встречи с Араки ограничились разговорами и стихами. Когда через несколько месяцев у подруг стали портиться фигуры, она благословила свою звезду.

Жизнь юных прядильщиц готовила им все новые сюрпризы. Крыши и стены казармы, с разошедшимися досками, пропускали дождь на рваные татами. На них вповалку бросались истомленные подростки, женщины и дети, не обращая внимания на затхлый запах, издаваемый гнившей от сырости соломой... Кости ныли от шестнадцатичасовой работы. Свободных дней полагалось только четыре в год, и тело не знало отдыха. Бежать было невозможно: казармы на ночь запирались. Да и денег ни у кого не было: первый год работали за харчи.

Судьба все больше отворачивалась от Кити. Однажды старик-хозяин, обходя мастерские, задержал на ней взгляд чуть больше, чем на машине. Она задрожала

от этого взгляда, зная, что хозяин каждую неделю требует другую девушку для массирования своего тела. После работы Кити спряталась в бензю, но надсмотрщица, не найдя ее в казарме, сразу направилась туда и, наказав, отослала к старику. Казалось, судьба перестала покровительствовать маленькой Кити.

Но никому не дано знать, где ждет человека гибель, а где спасение.

Она массировала дряблое, старческое тело, со страхом следя, как разгорались его похотливые глаза. Вдруг за окнами вспыхнуло пламя, и в комнату ворвался дикий крик. Накинув на себя халат, хозяин выбежал во двор: легкие деревянные казармы горели со всех сторон. Они запирались на ночь, чтобы девушки не убежали, — и никто из них не убежал, кроме Китисан, бывшей вне казармы.

4

Рикша Катоку позвал Лаврова к себе. Его семья жила теперь в Нагасаки. Доставшийся от дедов клочок земли был конфискован за неуплату налогов. Их даже не очень огорчила утрата его. Они боялись опять отсылать детей от себя, а в городе, как-никак, все жили вместе.

— Здорово он меня, однако, — поживаясь, произнес Ваня, шагая рядом с Катоку.

— Джиу-джитсу, — сочувственно проговорил рикша, — руська хвати-бери, японей — джиу-джитсу.

— Ишь ты, — с уваженьем сказал Лавров. — Со споровой оно, конечно, каждое дело сподручной.

Его поражало, что эти маленькие люди добиваются результатов, каких никто не мог от них ожидать. Два раза он столкнулся с ними в жизни, и оба раза они оказались победителями, хотя сила была на его стороне.

Катоку с трудом подбирал слова, чтобы поведать о своих злоключениях после их встречи во Владивостоке. Он должен был продать тележку. У него что-то оборвалось внутри после гонки на пари с лошастью. Он вернулся на родной остров, но долго не мог найти ра-

боты. Порой мечтал он попасть в тюрьму, где бесплатно кормят людей. Но нелегко оказалось совершить какой-нибудь тяжелый проступок. Голод все больше одолевал, и он стал кружить около вулкана Михар, где находят вечное успокоение неудачники.

Он с каждым днем все ближе подходил к жерлу и уже решил покончить счеты с жизнью, когда у самого кратера его кто-то окликнул.

— Что заставляет тебя, несчастный, дружить с Михара? — спросил его хорошо одетый юноша.

— У меня нет работы, — сокрушено пояснил Катоку.

— Из-за этого не стоит умирать, — с презрением сказал юноша. — Я гибну от несчастной любви. Я не хочу, чтобы ты осквернил мой последний путь. Возьми записку, мой отец даст тебе работу...

Катоку сообщил, что работает теперь на верфи, где чинился «Силач». Он видел там Лаврова, но подойти боялся: мастера очень строги. Подбадривая уставшего спутника, он радостно говорил о сестре Китисан, о старухе-матери, имеющей теперь где преклонить голову.

Когда они, поднявшись на горы Джиу-Джен-Джи, достигли предместья, сумерки окутали картонные домики. Улицы здесь были грязнее, уже. Внизу неясно чернели европейские кварталы. В воздухе назревал ливень. Тяжелые облака были наплены дождем. Цикады искали приюта в густом кустарнике.

Рикша повернул к невзрачному, обветшалому домику. В полумраке тусклого светильника навстречу им поднялись три фигуры и быстро упали на пол, прижимаясь лицом к земле. Лавров испуганно шархнулся в сторону, но почувствовал мягкое прикосновение руки спутника. Он вспомнил рассказы матросов, что здесь так приветствуют гостей.

Катоку познакомил его с отцом, матерью и с Китисан. Он смотрел с улыбкой, как переполошился гость, когда с него стали снимать обувь. Лавров долго упирался, опасаясь, что у него потные, грязные ноги. Его все-таки разули и повели в комнату. Он стоял, как аист, на

босых ногах и, поймав на себе большие, застенчиво смеющиеся глаза девушки, смутился и покраснел.

Ваня стал часто бывать у своих новых знакомых. Китисан, выросшая в Нагасаки, знала русский язык и служила переводчицей. Матрос чувствовал себя запросто в этой семье, где, как и у него, нужда и бедность были привычным гостем. Он скоро узнал, что девушка работала на эмалевой фабрике, расписывающей знаменитые сацумские вазы. Эта фабрика помещалась на чердаке под раскаленной крышей, и работало там столько народа, что еле хватало места для нагревающих инструмент жаровен. Работали пятнадцать часов при тусклых светильниках. В самые сильные увеличительные стекла трудно было в полумраке разглядеть линии узора на вазах, а малейшая ошибка вела к увольнению. У Китисан от постоянного напряжения стали слезиться глаза, и она однажды ошиблась.

Чем чаще бывал Лавров у Катоку, тем больше он чувствовал, что их гложет какое-то затаенное горе. Он не решался спросить, почему так часто заплаканы глаза у Китисан, отчего так тяжело и горестно вздыхает ее мать, почему так угрюм и молчалив отец.

Однажды, когда, сидя на циновках и подогнув под себя ноги, они дружески беседовали, Катоку поведал ему семейное горе. В Японии голод, рисовые поля погибли от засухи. Микадо, в заботе о подданных, опубликовал разрешение бедным японцам продавать своих дочерей. Лавров опешил:

— Продавать?

— Да, невозможно продавать: через три года девушку можно выкупить, если дела поправятся, а если нет, она через шесть лет вернется домой и без выкупа.

Лавров сидел подавленный. Уж до чего бесчеловечны и жестоки законы его страны. Но тут... продавать дочерей...

— За сколько же продают девушку?

— Двадцать франков.

Лавров поднялся с циновки, расправил затекшие ноги и немедленно пошел к выходу. За раздвижной ширмочкой он остановился и повернул суровое лицо к Катоку:

— Так вы думаете ее продать?

Японец отрицательно замотал головой.

— Двадцать лет нету...

Лавров с трудом соображал: к чему им двадцать лет?

— Закон микадо, двадцать надо, — горестно вздохнул японец.

Матрос вышел, еле удерживаясь от желания схватить этот игрушечный домик, встряхнуть его, столкнуть с горы туда, в кварталы туманного Нагасаки. Он спускался по бегущей змейкой тропинке Джиу-Джен-Джи, сжимая кулаки и бормоча угрозы. Эти места уже не казались ему такими тихими и счастливыми. Наоборот, все стало обманчивым и коварным...

Он теперь узнал эту страну. Прекрасная природа скрывала внезапные извержения, гибель, смерть. Не из удобства строят здесь легкие игрушечные домики. Больше пятидесяти действующих вулканов, около тысячи извержений в год; разве устоит многоэтажный дом на этих зыбких, предательских островках? Каждый год содрогается почва, каждый год по ним пробегает подземная дрожь, потрясая их из конца в конец. Нравы, обычаи тут так же коварны, как природа.

Все в том же угнетенном состоянии он добрался до корабля и тихонько лег на рундук. Его встретили подшучиванием:

— Отсыпашься, кобель?..

— У него мигрень: есть—охота, а работать—лень.

— Нет, это аппендицит: меньше пуда не варит.

Он с сердцем выругался и повернулся к матросам спиной. Они начали его тормошить.

— От, чорт, наши Артур заняли, а ему и дела мало! Приказано сворачивать ремонт и итти в Талявань...

Лавров поскреб курчавый затылок, а густые брови его слились у переносицы в одну линию.

— Сворачивать ремонт? Чего вдруг такая спешка?

— Ою, конечно, невежливо,—нас с тобой не спросили! Придется вставать

да впрягаться в работу. Айда, машину собирать велено!..

Лавров работал с командой всю ночь. Когда утром всех отпустили спать, он долго рылся в своем ящике, невольно покачивая головой:

«Пятнадцать франков. Маловато».

С решительным видом пошел к капитану, выпросил вперед пять франков.

В доме Катоку он застал одну старуху. Помявшись немного, он сунул ей деньги, бормоча что-то про сына, про дочь. Старуха, почти не понимавшая порусски, уловила только имя своей дочери и слово микадо. Она заплакала и, упав на пол, распростерлась у его ног. Он растерянно стал ее поднимать.

Их вывел из замешательства вошедший сын. Смущение матери и деньги в руках Лаврова объяснили ему все лучше слов. Усадив Ваню на циновки, он, быстро жестикулируя, стал объяснять.

Китисан приглянулась какому-то капитану Витгефту. Он только-что прислал за ней. Сестра много плакала, не хотела итти. Она подчинялась воле богов, но с какими стенаниями и слезами! Катоку успеет нагнать ее или уведет со смотрин. Она с радостью вернется...

Взяв у Лаврова из рук деньги, он поспешно выбежал из комнаты. Матрос вышел из домика и стал бродить по крошечному садику с карликовыми деревьями, удивляясь сам тому волнению, которое охватило его. Машинально срывая зеленые вишни и сливы, он жевал неспелые плоды, не разбирая вкуса.

До сада долетели знакомые голоса, и Ваня через редкую листву увидел снявшие глаза Китисан. Он сделал движение спрятаться за яблоню, но, пересилив себя, вышел им навстречу и после первых же приветствий ушел, отговорившись вахтой на корабле.

Сборка машин отнимала почти целые дни, и матрос не сходил больше на берег, Катоку он на верфи тоже не видел. Но радостное чувство, что он избавил семью от беды, не покидало его.

Накануне выхода во Владивосток ему захотелось проститься с другом, и он урвал время сходить на берег. Быстро миновав широкие, кишащие людьми

европейские кварталы, он стал подниматься на горы Джиу-Джен-Джи.

Его неприятно покорибила торопливость, с какой сегодня все бросились на пол, чтобы приветствовать гостя. Его усадили на чистенькую циновку, подложив мягкую, круглую подушечку. Разговоры были немногосложны, как всегда, но, кроме чая, мать подала мужчинам бутылку саке. Рисовая водка приятно разливалась по телу, вызывая головокружение.

Когда поздно вечером Лавров спустился по знакомой тропинке к порту, он старался стряхнуть с себя действие саке. Вспоминая этот последний вечер у своих друзей, он пытался разобраться, действительно ли Китисан бросала украдкой на него долгие, застенчивые взгляды, полные теплоты и благодарности, или это плод разгоряченного выпивкой воображения.

Он провел тяжелую ночь. Когда пробило восемь склянок, его разбудили на вахту. В суете приготовления машины к отходу он забыл вчерашний визит и был изумлен, когда, за час до поднятия якоря, ему сказали, что его спрашивают с подошедшей шампуньки. Он выскочил на палубу и столкнулся с поднимающимися по трапу Катоку и Китисан.

Японец, широко улыбаясь, пожал ему руку и на ломаном русском языке, путаясь в длинной фразе, стал объяснять, что сам проделал для занятого русского друга все формальности и в сохранности привел ему купленную жену. Лавров от негодования готов был раскричаться, но, встретив большие, застенчивые глаза Китисан, вдруг понял, как глубоко оскорбит ее отказ. Он стал бормотать благодарность, раздумывая, как на все это посмотрит капитан.

Тот посмотрел на это, как и полагается смотреть на такие вещи капитану: он захлопнул дверь перед носом Лаврова. Высыпавшие на палубу матросы поняли затруднительное положение товарища и приняли горячее участие в устройстве его судьбы. Но уговорить капитана взять непредвиденного пассажира оказалось невозможным. С большим трудом удалось это втолковать Ка-

току: чудаки европейцы, — за жену уплатил, а о провозе не позаботился. Широко улыбаясь, Катоку направился с сестрой к шампуньке, часто оборачиваясь, чтобы отдать еще один глубокий поклон своему большому, белому шурину. «Силач» пришвартовался медленно. Ваня с досадой огляделся и, захватив узелок, выскочил из кубрика. Не дожидаясь, пока положат мостки, он разбежался и прыгнул на берег.

5

Владивосток задыхался в полуденном зное. Разморенные жители прятались от неумолимого солнца в тени садов. Лавров быстро зашагал по пустынным, немощным улицам, утопая в глубокой желтой пыли. Он тихо подошел к ветхому домику и заглянул в окно: никого. Решив, что дети играют в прохладных сенях, тихонько открыл окно и влез в комнату, чтобы позабавить их внезапным появлением.

Он подкрался к сеням и остановился у дверей; нигде не слышно было детских голосов. Ваня разочарованно вздохнул. Положив подарки на комод, он решил прилечь, когда в сенях скрипнули половицы. Лавров приник к замочной скважине. В полумраке коридора он различил чью-то фигуру. По рыжим волосам и повязке на лице узнал одноглазого монтера с «Тритона», поселившегося у них после смерти отца. Это был старый приятель отца, и всех детей своего друга он называл не иначе, как крестнички.

«Что он там копается?» — подозрительно думал Ваня, наблюдая, как постоялец копошится на полке, где хранилась всякая мелочь.

«Недоставало еще...».

Он смотрел на умное, спокойное лицо одноглазого. Не может быть. Разве не он исхлопотал матери место уборщицы? Разве не он учит детей читать и возится с ними, что родной?

Ваня тихонько нажал скобку двери. Она распахнулась со скрипом, но жилец ничего не слышал, увлеченный своей

работой. Он что-то доставал с полки. Матрос подошел к нему на цыпочках и схватил за локоть.

— Ты что?

Тот тревожно отскочил, но, узнав Ваню, как-то странно усмехнулся, сощурился на него свой единственный глаз. Со спокойной уверенностью протянул ему ворох бумаг:

— Я и сам бы, крестничек, тебя угостил. Держи, коль не терпится.

Ваня поднес к глазам листки. Они были усеяны мелкими буквами. Приблизившись к окну, он стал быстро пролеживать их. Жилец выжидательно смотрел на него.

— Я уже читал такие на корабле, — медленно протянул Лавров. — С месяца находили мы их в кубриках, в машине, в кочегарках. Потом они исчезли, и с ними машинист один.

— Ну? — насторожился одноглазый.

— Жалели ребята.

Кум понимающе кивнул:

— Теперь место знаешь. Нужно — бери.

— Вот удивятся матросы, когда в койках найдут!

Одноглазый озабоченно посмотрел на него.

— Уезжаю я отсюда, Ваня. — И, увидев потемневшее лицо, ласково пояснил: — Вся жизнь отсюда в Артур отливает. Заводишко наш тоже туда переводят.

— Встретимся. «Силач» теперь больше между Кореей и Артуром. Во Владивосток стали редко заходить, да и в Японию тоже...

Одноглазый внимательно посмотрел на него:

— Все по японке сохнешь, крестничек? — И поспешно прибавил: — Это не в укор. Я матке твоей толковал, что людей надо по сердцу различать, а не по цвету, да разве ей втолкуешь? Батя — тот бы благословил. А ты — переселился-ка в Артур. Будешь сам себе хозяин, не маленький.

Жизнь с семьей становилась все более невыносимой. На корабль Лавров возвращался, как в дом родной, а домой шел безрадостный, словно отбы-

вать наказание. Мать считала его достаточно взрослым, чтобы взваливать на его плечи груз семьи, но во всем остальном ограничивала, как ребенка. Постоянные нехватки делали жизнь и без того тяжелой, а вечное нытье и брань превращали ее в муку.

Особенно обострились семейные отношения со времени его приезда из Японии. Ваня попытался в осторожных выражениях рассказать матери о Китисан, но она сразу приняла такой враждебный тон, что он понял бесполезность этой попытки.

— Тьфу ты, господи! Мало на белом свете крещеных девушек, — негодуя орала она на весь дом. — Схлестнулся, прости, господи, с язычницей, с эфиопкой...

Ваня стал избегать разговора о Кити, но мать не упускала случая позудить его, то донимая басурманкой, то сватая разных девиц. Ее многословие и сварливость изводили его, сдерживаться становилось все труднее.

Их роли переменялись неожиданно. Как-то, возвращаясь из Сасебо, «Силач» попал в шторм и долго не мог войти в гавань. Ваня вернулся домой ночью. Его поразил смущенный вид матери. Она долго держала его в сенях, а когда наконец впустила, суетливо слонялась по комнате, неуклюже собирая ему ужин.

Когда он лег, сестренка тихо прошептала:

— А ейный-то в одних портках в окно сиганул.

Она беззвучно смеялась, мелко вздрагивая своим маленьким тельцем. Ваня надулся.

— Ты что вздор мелешь? Спи знай.

— Вот те христос, — быстро закрестилась девочка. — Они давно путаются. Как кум в ночную работает, этот тут как тут.

Утром Ваня захлопнул чемодан, привалил крышку коленом и стал затягивать ремни. Баста. Он уедет в Порт-Артур. Хватит мучить себя и Кити.

Крышка не закрывалась. Он обмотал ремень вокруг руки и сильно потянул. Пряжка взвизгнула и оторвалась. Ваня

отлетел к стене, стукнувшись со всего размаха головой.

Недовольно почесываясь, он вышел в сени и, став на табурет, полез на полку. Долго перебирал всякий хлам в поисках пряжки. Под руки попало что-то гладкое и шуршащее.

— Ага, листовки! Да тут и книги!.. — он начал быстро стаскивать ворох прокламаций и тоненьких спрессованных брошюр.

Он открыл чемодан и, выбросив только что уложенные вещи в дорожный мешок, стал наполнять его книгами и листовками.

7

«Силач» держал курс в Нагасаки. Лавров в нетерпении ходил по палубе, раздраженно взглядывая на крупную волну и переругиваясь с товарищами, подтрунивавшими над его большим багажом и озабоченным видом.

Пароход опаздывал. С океана дул свирепый зюйд, и «Силач» с трудом справлялся с волной. Когда вдали замелькали пляшущие огоньки набережной, он долго еще курсировал в открытом море, не решаясь входить на рейд, чтобы не столкнуться с каким-нибудь сорвавшимся с якорей кораблем.

Едва пароход пришвартовался, Лавров устремился в город. Поднимаясь по убегающим змейками тропинкам Джиу-Джен-Джи, он до того ощутимо представил себе предстоящую встречу, что ему стало теплее. Вот сейчас начнут передвигать седзи, чтобы отгородить отдельную комнату для него и Кити.

Ваня ускорил шаги. Кварталы города темнели внизу, как озеро. Цикады мирно спали, забившись в листву криптомерии. Только чайные домики проявляли слабые признаки жизни, бросая рыжие отблески на тротуары.

Лавров внезапно остановился. Он почти бегом взял под'ем Джиу-Джен-Джи, но вместо знакомых маленьких домиков перед ним чернел мрачный, унылый пустырь. Ваня тщетно оглядывался, надеясь увидеть признаки жилья. Кругом было голо.

От неожиданности у него похолодели

ноги, и он с'ежился, сиюсь укрыться от ветра. Быстро спустился вниз и вошел в чайный домик, чтобы согреться. В нос ударил запах вин и черного японского пива. Он устало опустился на циновку, ощутив знакомую неутолимую жажду. Кивком головы подозвал кукольную японку и попросил подогретое саке.

Лавров с трудом дождался рассвета. Расплатился, ласково погладил руку незаметно подсевшей гейши и стал снова взбираться на Джиу-Джен-Джи. При свете дня он еще издали разглядел следы пожара и, поспешно повернув назад, устремился к верфи, где когда-то чинился «Силач».

Хотя не было еще пяти часов, рабочие тянулись уже к фабрикам и заводам. Остановившись у ворот, Ваня стал внимательно оглядывать проходивших. Катоку нигде не было видно. Гудок, задыхаясь, надтреснутым старческим хрипом прокричал раз, потом второй. Лавров хотел уже повернуть, когда вдали заметил знакомую фигуру.

Катоку тоже увидел своего друга и шел к нему навстречу, грустно улыбаясь.

— Пусть белый шурин не волнуется. Китисан в полном здравьи, пожар не коснулся ее. Она работает на фабрике «Нихон Босеки». Пусть белый шурин не удивляется, одному трудно прокормить семью. Отец сгорел.

— Так это случилось ночью? — в волнении спросил Ваня.

— Нет, все успели выскочить, но отец вспомнил, что в доме остался портрет микадо. И он побежал за ним.

— Портрет микадо? — в недоумении переспросил матрос. — Рама, что ли, дорогая была?

— Нет. Портрет был без рамы.

Пусть простит его белый шурин, он опаздывает. Вечером все расскажет подробно. Отец погиб, такова воля предков.

И, уже входя в ворота, он добавил:

— Портрет микадо священный есть.

8

Лавров, подобрав под себя ноги, сидел в новой квартире Катоку, уныло

слушая печальную повесть своего друга о злоключениях семьи. Светильник бросал тусклые тени на тесную фанзу, выхватывая из темноты убогую утварь.

Нагар от фитиля, падая в бобовое масло, шипел и потрескивал, наполняя комнату удушливым зловонием.

— Так неужели нет способа увидеть Китисан? — удрученно спрашивал матрос, видя, что рушатся все его планы.

Катоку энергично мотал головой.

— Это не Европа, работница не имеет права покидать казармы.

— Да у вас хуже крепостного права, это рабство какое-то! — возмущенно горячился Лавров, высвобождая затекшие ноги.

Катоку силится перевести слова белого шурина. Он плохо понимал его, но и то, что уловил, говорило, что у него слишком смелые мысли, опасные мысли. За это в Японии...

— Но я хочу взять Китисан с собой, — бушевал матрос. — Жена она мне, или нет?

Катоку энергично кивал головой. Конечно, жена. За нее уплачено сполна, а им нечем выкупить ее. Да она и не желает, чтобы ее выкупали. Но белый шурин уехал, и она заключила контракт. За побег — с и б а.

Ваня в отчаянии стал расхаживать по комнате, рискуя опрокинуть ширмочки и перегородки. Какая дикость!

Внизу раздался легкий шорох, кто-то открывал дверь. Матрос быстро оглянулся: на пороге стояла Китисан, бледная, растрепанная, тяжело дыша. Ее пепельное кимоно было изодрано, деревянные гетто забрызганы грязью.

Катоку первый бросился к сестре. Она сделала быстрый шаг к нему навстречу и испуганно захлопнула за собою дверь. Ваня сорвался с места и, подхватив ее, повел к цыновкам.

— Заприте двери, — дрожа, шептала работница, со страхом переводя глаза с предмета на предмет. — Заприте двери.

Она долго не могла притти в себя, глубоко потрясенная чем-то.

Понадобилось вся нежность матери и брата, чтобы Кити несколько оправилась.

Она не могла уснуть всю ночь. Ка-

ждый шорох за окном, шум передвигаемых сиди, стук гетто о тротуар заставляли ее пугливо прижиматься к Ване.

— Так это правда, ты меня увернешь? — шелестел ее горячий шопот. — Белые только тешатся маленькими японками, никто не берет их с собой... — Идем, — умоляла она, заслыша шум шагов на улице. — Если любишь свою Китисан, веди меня на корабль.

Она затихла только к утру. И тогда ему удалось добиться связного рассказа о происшествии на фабрике.

С неделю назад к ней в умывальне подошла незнакомая женщина в пестром кимоно.

— Мы хотим потребовать у хозяина некоторых льгот, — тихо сказала она. — Ты присоединяешься к нам?

Китисан испугалась. По законам солдаты, женщины, учителя и дети не принимались даже в союз.

— Десять лет тому назад я покрасила свои зубы в черный цвет, — сердито заговорила женщина, преграждая ей дорогу. — Я вышла замуж за Тусана. Но он заболел. Я снесла к Модзинко тюфяки, занавески от москитов, кухонную утварь, гетто с его ног и, наконец, медные дощечки с именами предков.

— Хозяин все равно не сжалится, — попробовала образумить ее Китисан.

— Надо бросить работу, пока он не согласится нас выслушать, — бесстрашно возразила она.

Китисан хотела уйти, но она схватила ее за руку.

— Мы только просим разрешения выходить за ворота, чтоб видиться с родными.

Фабричный гудок нетерпеливо звал к работе, это избавило ее от ответа. Но в узком проходе мастерских образовалась пробка, мешая двигаться. Многие не успели даже разобраться в причине остановки, когда с разных сторон раздались крики:

— Позвать сюда хозяина! За какую вину нас заперли?..

— Разве мы каторжные, что нам нельзя навестить родных?

Хозяин не выходил, все повернули обратно к казармам. Работницы ночной

смены, спавшие на недавно освобожденных татами, поднимались одна за другой, с удивлением выслушивая необычайные новости. Шумное возбуждение прервал чей-то возглас:

— Бензио запертө!

— Будем ходить под окна хозяина!..

Пусть он наслаждается нашими ароматами, — кричали разбушевавшиеся женщины.

Хозяин запер водопровод и кухню. А ночью...

Китисан закрыла глаза, потрясенная собственными воспоминаниями. Ваня вслушивался в ее заглушенный шопот, живо представляя себе, как бесчинствовала ночью полиция, ломая стены и окна, избивая всех, кто попадался под руку. Потом в казарму ворвалась орава голых мужчин. Женщины бросились из казармы, а полицейские гнали их по улицам Нагасаки, избивая палками.

Утром, к удивлению Лаврова, Катоку не пошел на работу. Он долго наблюдал за сборами сестры и вдруг решительно подошел к Лаврову и сказал:

— Мой тоже ехал. Япония нехорошо.

9

Первая весна нового, двадцатого, века прочно установилась на Дальнем, предвещая теплую, устойчивую погоду. Ваня сидел у раскрытого окна снятого им домика, углубившись в чтение. В Артуре оказалась такая теснота, что пришлось поселиться в этом, только-что заложенном городке, утешая себя близостью к «Тритону».

Около него, на полу, примостилась Китисан. Лавров читал книги, привезенные из Владивостока. За окном шумела мутная Меланхе, медленно катя ленивые волны по изрытому потоком руслу. Лавров отложил книгу, мечтая вслух:

— Скоро, Катюша, заживем мы с тобой неразлучно. Кончится контракт, возьму на «Силаче» расчет и поступаю на «Тритон» работать. Будем на берегу жить.

Китисан плотнее придвинулась к нему и потерлась щекой о колено. Он осторожно погладил ей волосы, стараясь

не испортить замысловатой прически.

— Подумать, сколько мы знакомы, а только начинаем жить...

С реки долетел веселый хохот, за ним донесся громкий всплеск воды и булькающие звуки. Лавровы заглянули в окно и застыли.

На берегу, весело балагуря, стояло несколько казаков, приведших лошадей на водопой. Каждый держал в руках пустые бутылки. У самой воды жались человек тридцать китайцев, выжидательно глядя на них.

— Лови, ходя, — крикнул рябой, светлоусый казак, бросая в речушку штоф.

Китайцы дружно прыгнули в Меланхе. Они плавали плохо, а торопливость еще больше мешала им. Каждый старался задержать соседа, и, чем ближе они подплывали к цели, тем увеличивался азарт. Когда бутылка очутилась между пловцами, в воде началась потасовка. Китайцы хватили друг друга за косы, стараясь оттащить от заветной посуды. Они кувыркались, захлебывались, визжали истошными голосами и успокаивались только тогда, когда кто-нибудь схватывал горлышко бутылки и поворачивал обратно. Задыхающиеся, мокрые, потные, они опять выстраивались на берегу, ожидая новой подачи.

Китисан грустно отвернулась. Ваня, потупившись, пробормотал:

— Не обижайся, девочка, они и над нашим братом так же измываются.

Китисан смущенно протянула:

— Тут с посудой беда.

За окном снова поднялся галдеж. Ваня повернул голову. Усталые, запыхавшиеся китайцы барахтались в воде, яростно теребя друг друга за косы. Взглянув на свою подругу, Лавров хмуро поднялся, чтобы закрыть окно.

Хохот и галдеж внезапно затихли. Большая черная голова с косой нырнула под воду, вынырнула, снова нырнула и скрылась в реке, оставив широкие круги. Китайцы быстро пустились к берегу, испуганно озираясь.

— Как они могут терпеть такое?..

Ваня украдкой скопил глаза на Китисан. Она сидела, все так же поджав но-

ти под себя, и крупные светлые капли застыли в широко раскрытых глазах.

— Почему с ними так? — шопотом спросила она.

— Дай срок, вместе против них с кольями подыдемся, — хмуро ответил матрос и, взяв фуражку, возбужденно проговорил: — Пойду за расчетом. Завтра же поступаю на завод.

Быстро вышел и сел в катер, отправляющийся в Артур. Поднимаясь по штурмтрапу на «Силач», он изумленно остановился: на палубе парохода вози-

лись люди, устанавливая пушки на носу и корме. Лавров поднялся наверх и устремился к капитанской каюте.

— Хорошо, что явился, — остановил его на трапе старший помощник, — готовься в поход.

Ваня хотел возразить, но тот нетерпеливо перебил его:

— Ходи востали. На время кампании мы зачислены вспомогательным крейсером. Выходим на рассвете, не опоздай! Ход у нас приличный, повоюем на славу, глядишь, медаль заработаешь.

(Продолжение следует).

Василий Чапаев

Поэма

БОРИС БРИК

ИРИЧЕСКИЙ ПРОЛОГ

Веселый друг биваков
И фронтовых бесед,
Ты всюду одинаков
И верен, мой кисет!

Хотя не знал заботы,
Хоть был летами мал,
И я когда-то роты
В поход сопровождал.

И, подтянув потуже
Ремень свой поясной,
Как верное оружие,
Носил тебя с собой.

Когда живот сводило
С голодного пайка,
Отраду находила
В тебе моя рука.

И у костра по кругу
Ночами ты гулял
И в непогодь и вьюгу
Дозорных согривал.

Ты целую осьмушку
Способен был вмещать,
И каждый мог друг дружку
Махоркой угощать.

Когда-нибудь, согбенный,
Я стану стар и сед
И вспомню про военный
Дырявый свой кисет.

В столе его найду я,
Махорку закурю,

Припомню молодую,
Померкшую зарю.

И в синих клубах дыма
Увижу вновь тогда
Промчавшиеся мимо
Военные года.

Тебя, кто сердцу близким
Остался, как в былом,
Наполню я английским
Душистым табаком;

И будешь только в трубки
Табак свой насыпать
И об отважной рубке
Душе напоминать.

Пока ж душа мятежна
И темен волос мой,
Беречь я буду нежно
Кисет свой голубой.

Ведь, стоя пред распутием
На север и на юг,
Не раз наверно скрутим
Мы козью ножку, друг;

Не раз еще закурим
И, завязав кисет,
Пойдем навстречу бурям,
Отважный мой сосед!

1

С давних пор известен рыбный Яик¹
От пустынь до волжских берегов
Красотой и ласкою хозяек
И лихой отвагой степняков.

¹ Яик — старинное название реки Урала.

Он течет, то пенясь, то мелея,
И его разливы широки,
Но сердцам уральцев нет милее
И родней заветной их реки.

В небесах орлы парят на крыльях,
В камышах таятся кабаны,
И спешит к нему веселый Илек
По лугам и пажитям страны.

Со времен далеких, стародавних,
На реке поставили учуг¹.
Без числа по осени на плавнях
Ловят рыб — и стерлядей, и щук.

Здесь семья не считана сомовья:
Не зевай да неводы готовь,
Да зимой с верховья до низовья
Торопись раскалывать ятовь².

Край богат сокровищем северюжьим.
И зверья полны его леса,
И гремят серебряным оружием
Молодых хорунжих пояса.

2

Но суров завистливый достаток,
И сердца друг другу далеки.
Под кнутом станичников богатых
С давних пор здесь гибли голяки.

Коротки торговые аршины,
Широки карманы, да пусты.
Жестоки станичные старшины,
Велики обиды нищеты.

Много здесь поломано нагаек,
Много здесь повицануто жил,
И кому отцом был старый Яик,
А кому и отчимом он был.

Здесь еще живуча память Стеньки,
Здесь еще восстанья бродит тень.
Не в одной упрямой деревеньке
Берегут разбойничий кистень.

Здесь в былом царице бросил вызов
Удалой повольник Емельян

¹ Учуг — заграждение на реке, задерживающее рыбу.

² Ятовь — место под льдом, куда рыба забивается на зиму.

И повел казаков и киргизов
Зажигать поместья дворян.

Шли года — и мятежи ослабли.
И, придя с повинной головой,
В кабаке однажды пропил саблю
И рабом стал Яик гулевой.

Но опять перечит атаману
И шумит немирный этот край,
И теперь, на смену Емельяну,
По степям скитается Чапай.

3

На кого разгневался Чапаев?
За кого погибнуть он готов?
Он идет войною на хозяев
За права и волю батраков.

За него и малые, и старцы,
Конь под ним огнисто-золотой.
С ним его лихие ординарцы
И меж них Исаев молодой¹.

И в боях и в жизни одинаков,
Вечно смел и вечно на-чеку,
Он рубал и гнал чехо-словаков
И копал могилу Колчаку.

На пути к Уфе и Оренбургу,
Вдоль степных томительных дорог,
Знают все чапаевскую бурку
И его сверкающий клинок.

Разгромил он Каппеля и чехов,
Исходил Поволжье вдоль и вширь
И, в Уфу ликующую в'ехав,
Думал гнать колчаковцев в Сибирь.

Но Москва на Яик шлет Чапая,
Где Толстов с хорунжими залег².
И опять, врагам не уступая,
Он идет на Гурьев-городок.

4

Подняла Антанта есаула,
Старый френч хорунжим продала.

¹ Петр Исаев — любимый ординарец (порученец) Чапаева, героически погибший, спасая своего командира.

² Толстов — генерал, возглавивший мятеж белоуральских казаков

И вокруг разносит буйный Яик
 Песен гул, нестройный шум и гам,
 И припев бойцов и молодаек
 Далеко звенит по берегам:

Тревожные ночевки,
 Короткие привалы
 И выстрел из винтовки
 Случайно вдалеке...
 Веселая гармошка,
 Походная манерка,
 Печеная картошка
 И вобла в котелке!

Горнисты марш играют,
 И строится пехота,
 И конь мой улетает,
 Куда велит Чапай...
 Прощайте, мои дети,
 Прощай, моя солдатка,
 Прощай, Россия-матка,
 Прощай, родимый край!

8

Отдохнут они, побалагурив,
 Боевой прочистят пулемет,
 И зарей с тачанками на Гурьев
 Их опять Чапаев поведет.

А пока, у штаба поджидая,
 Кулачья ухмылкам вопреки,
 О делах любимого Чапая
 Целый день толкуют бедняки.

У возов шныряют вперегонки
 Пареньки, проворны и легки,
 И стоят задумчиво девчонки,
 Обновив кумачные платки.

— Вон и сам Чапаев вышел...
 Глядь-ко!

— То не он — евоный вестовой.
 — А каков собой он будет, тятка?
 По всему, знать, видно, что герой!

— Он таков, что схватит, только
 сунься,

Самого Толстова за усы.
 Неспроста балакают, что Фрунзе¹
 Подарил отважному часы!

¹ Михаил Васильевич Фрунзе, командуя восточным, колчаковским фронтом, являлся непосредственным начальником Чапаева.

9

На крылечке перед штабом
 Порученец молодой.
 Он подмигивает бабам
 И смеется с детворой.

Он крест-накрест пулеметной
 Медной лентою обвит
 И с осанкой беззаботной
 Перед девками стоит.

— Расскажи нам про Чапая,
 Расскажи нам, вестовой:
 Правда ль он, не отступая,
 Даже с чортом примет бой?

Правда ль шашка в грозных спорах
 Будет век ему верна?
 Правда ль вспылчив он, как порох,
 И отходчив, как волна?

— Правда, девицы-голубки,
 Нет смелей его атак;
 В штыковом бою и в рубке,
 И в обстрелах он мастак.

Под рукой его задержек
 Не имеет пулемет:
 За товарищей умерших —
 Белых впятеро кладет.

А горяч! Сказать короче,
 Чуть оплошность углядит —
 Другу преданному к ночи
 Высшей мерою грозит.

Но, остыв по пробужденьи
 И вернув ему наган,
 Снова шлет его в сраженья
 За рабочих и крестьян.

Он во всяком видит брата,
 Будь русак или башкир...
 Вот каков Чапай, ребята,
 Наш геройский командир! —

И опять: «Послушай!» да
 «Ответь-ка!».

И толпа жужжит, как саранча,
 И пред ней расхаживает Петьжа.
 Веселясь и шпорами бренча.

В самый штаб нет способа
пробраться.
Во дворе толпится разный люд.
Крик и брань: — Чапай-то здесь ли,
братцы?
— Здесь-то здесь, да сказывают:
лют. —

А в окно несется голос резкий,
Разнося военных и пуша,
И дрожат безмолвные комэски
И стоят, сгрудясь и не дыша.

10

— Это что ж?! Не выполнять
приказа?
Забегать, выскакивать вперед?
Залетел и думаешь, зараза,
Что тебя начдив не переймет?

Вы еще Чапая не узнали!
Эх, кабы в рубаках не нужда, —
Я бы вас уставу в трибунале
Научил без всякого суда!

Это кто? — Да нам бы вот Чапая...
Ты — Чапай, аль все один обман?
— Ну, братва! И до чего ж слепая!
Я ж тебе — не прежний атаман!

Говори. — Уперли поросенка.
— Кто такой? — Да твой же, знать,
боец...

— Все узнать доподлинно и тонко!
Разберем как следует, отец.

Это все, брат, старая отрывка,
Но найдем лекарство от того...
Я — Чапай, а не какой-то Гришка:
У меня держаться надо — во!

Что еще? — Из штаба. — О-ч-чень
рады.
— Прибыл к вам, снабарма ревизор.
— Что привез? Муку или снаряды?
Ничего? О чем же разговор?!

— Все учет. Вот ведомость: по
списку,
Выбыл прочь, в строю и налицо...
— Что?! Да как подобную редиску
Пропустил дневальный на крыльцо?

У меня устроить голодовку
И везти мне писарскую кладь?
Дать ему подсумок и винтовку
И на фронт немедля отослать!

Писаря! Штабные благородья!
Развели, снабженцы, канитель!
Нет того, чтоб думать о народе, —
Тянут все по несколько недель!

Ну и ну... А это что? Прошенье?
— Мочи нет, товарищ командир:
Я — куда велишь — без возраженья.
Да шинель изношена до дыр...

— А на мне из шелка гимнастерка?
У меня из золота кровать?
Я тебе, товарищ, не каптерка,
Чтоб бойцам шинели выдавать!

Белякам шлют западные стервы
С островов кабальных шоколад,
А у нас — савраскины консервы
И на два орудия — снаряд.

Но у них и в хитрости — ошибка
И надежд не сыщется нигде,
А у нас веселая улыбка
На лице играет и в беде.

Пусть пока у черного народа
Лишь тарань да ложка кулеша,
С ним теперь и слава, и свобода,
И к борьбе готовая душа.

Дайте срок — и все себе добудем,
И плеснет веселье через край...
Для того и послан бедным людям
От Москвы и Ленина — Чапай!

11

Третий день сжигает землю небо
И ползет степями дым и чад.
Третий день бойцы не видят хлеба.
Но жуют картошку и молчат.

Третий день ругается Чапаев
И честит снабженцев на чем свет,
А каптер, обозников облаяв,
Выдает лишь воблу на обед.

Разбрелись по Лбищенску ребята,
Разошлись по ближним хуторам,

Но врагом глядит любая хата,
А степняк и жаден и упрям.

Но пускай без помощи «максима»
У врага ни крошки не достать,
Их сердца горят неугасимо,
Боевым знаменам их подстать.

Хоть легки обозные повозки,
Хоть блестят пустые котелки —
Не видать унынья в красном войске,
Не грустят Чапаева полки.

Кто досуг с товарищами делит,
Кто поет иль штопает шинель,
Кто в избе набычившейся стелет,
Может быть, последнюю, постель...

А в домах двуличны, двоедушны,
И зрочки хозяев все лютей:
Дай сигнал — и, ярости послушны,
Перебьют доверчивых гостей.

Знать, не мил хозяйкам постоялец!
Ничего не скажут напрямки.
Скакуны в конюшнях застоялись,
По боям соскучились клинки.

Неспроста сторонится, как чумных,
Сытый юг голодных северян.
И, с весны припрятаны на гумнах,
Знака ждут «максимы» хуторян.

Не с того ль безмолвны горожане?
Не с того ль конь рвется в поводу
И звучит тоской глухое ржанье,
Словно конь предчувствует беду?

Не с того ль дома уныло-гулки?
Не с того ль, тоскою обуян,
Целый день вздыхает в переулке
И скорбит саратовский баян?

12

Кто души не чувствует в баяне
И пройти сторочкою готов —
Не поймет вовеки обаянья
Наших рек, просторов и лесов.

И, хотя с годами стал я суше
И забыл напевы прежних дней,
Чем края заброшенной и глуше,
Тем душе дороже и родней.

Почему, заехав в захоlustье,
Отдаю я сердце пустырю?
Почему с какой-то тайной грустью
На лугах веселые смотрю?

Здесь, в степях, я странствовал,
бывало.
Здесь бродил когда-то наш отряд,
Здесь любовь мне сердце
взволновала,
Здесь мои товарищи лежат.

Где же тень за спущенною шторой?
Где следы на утренней росе?
Где сестра Маруся, за которой
Мы тогда ухаживали все?

Кто от ран скончался в лазарете,
Кто погиб в решительном бою...
Только я дышу еще на свете
И о днях промчавшихся пою.

13

Цветовым ковыльным океаном
Степь жужжит в тумане золотом,
Дышит вся разгульем окаянным,
Хоть сама не ведает о том.

У нее цветастая татьянка,
Целый день поют ей косари,
В честь ее безумствует тальянка
И грустит с заката до зари.

И Урал, как лента голубая,
Ей влетен в пшеничную косу,
И бойцы, в сраженьях погибая,
Славят степь — зеленую красу.

И цветут полынь, острец и клевер,
Стон стоит от цокота цикад,
И гладка, ровна она на север,
На восход, на юг и на закат.

Лишь порой, поближе к горизонту,
Дубняка возвысится зигзаг,
Да вдали, летя из тыла к фронту,
На коне покажется казак.

И опять в зрачках ее спокойных
Глубоко синее тишина,
И, забыв о бурях и о войнах,
Без тревог покоится она.

14

Но сейчас ты степи не узнаешь:
Вдаль ползёт и стелется беда,
Хоть вверху лазурь видна такая ж
И туман такой же, как всегда.

Опьянен заносчивостью дерзкой
И степным пожаром обагрён,
Вдоль реки несется офицерский,
В золотых погонах, эскадрон.

Пыль клубя по ростошам и веси,
Позади станичники идут,
И от их напевов, полных спеси,
Катит степь колеблющийся гуд.

Край в дыму и заревах зловещих:
За свои пять тысяч десятин
Степь зажег полковник и помещик,
Атаман уральский Бородин.

Пламя мчит, с'едая каждый кустик,
И шипит в ручьях и родниках,
И Урал, пересыхая в устьях,
Не дойдет до Каспия никак.

И луна на белом небосводе
Чуть видна, как гребень вырезной,
И, мираж рождая от безводья,
Все густой окутывает зной.

15

«Возвратить поля бы и усадьбы
И закон, им данный от царей,
Перебить и в Яик побросать бы
Молодых самарских бунтарей,

Чтобы вновь прижать иногородних,
Доводя башкирцев до резни,
Чтобы вновь порол дебелий сотник
Стариков заречной киргизни;

Чтобы вновь, казенкой отуманя,
Босоту мытарить на цепи,
Чтоб века гулянка атаманья
Без помех гремела по степи;

Чтоб опять в белоколонном доме
Слушать вальс, мазурку и матчиш,
Чтоб цвела и в неге и в истоме
На балах красавица Катишь;

Чтобы звон несла по антресолям
Трубачей сверкающая медь,
Чтоб могли похвастать хлебосольем
И пожить, и славой прогреметь!»

16

В январе, на дровнях,
Спустит он крамольников под лед...
Что ж в седле насупился полковник
И прервал стремительный поход?

От озер до Ставки Джамбейтинской
Все поел прожорливый огонь,
И храпит пред силой сатанинской
И скакать вперед не хочет конь.

Ночь близка, и ветер гонит пламя
Вспять, на юг, на сумрачных дворян,
И христос на белой орнфламме
От огня зловещего багрян.

Или впрямь настигла божья кара?
Иль ему мерещится сквозь сон,
Что плывут не зарева пожара,
А ряды пылающих знамен?

Не дают защиты смутным лавам
Ни река, ни ближний крутояр,
И летит вперед орлом кровавым
По степи бушующий пожар.

И, прогнать пытаясь наважденье,
Крестит грудь угрюмый атаман
И в обход пускается в смущеньи
Сквозь степной синеющей туман...

17

Хоть нырял по кочкам и ухабам,
Дальний путь проделал старый форт
И стоит, вздыхая, перед штабом,
Запылен, забрызган и потерт.

На крыльцо взбежал Чапай, нахмурен,
Взор вода рассеянно вокруг.
Вслед спешит порывистый Батури¹
А за ним — безусый политрук.

Много дел решили командиры,
Много бед исправили окрест:

¹ Батурин — комиссар чапаевской дивизии, сменивший на этом посту Дмитрия Фурманова.

Где рвалось, там залатали дыры
И дневной окончили об'езд.

Но Чапай за фланги неспокоен;
Приуныл и думает начдив:
«Отощал, измучен красный воин,
Хоть нельзя сказать, что нерадив.

Лишь пятьсот курсантов политшколы
В городке сегодня у меня...
Если враг нагрянет через доли,
То не бой начнется, а резня...

У него и танки, и орудья,
И штыки готовы наперед...
Ну и что ж такого? Надо грудью
Взять врага, коль пуля не берет!»

18

Перед ним стоит начальник штаба,
И течет размеренный доклад.

— Как у нас со связью дело? —
Слабо.

— А о чем дозоры говорят?

— Четырех лампасников разведка
На юру заметила в обед,
Но они шалили здесь нередко
И большой опасности здесь нет;

Это, знать, налеты партизаньи. —
Поднял бровь, задумался Чапай:
— Так-то так, а все же приказанье
Погрозней заставам передай. —

Уж темно. Чапаю отдых нужен,
И, лицо струею охладив,
Наконец глотает поздний ужин
Знойным днем измученный начдив.

Теснота в покоях есаульих,
Где приют нашел себе Чапай.
Кто сидит на лавках, кто на стульях,
И кипит веселье через край.

19

Шарабан мой —
Моя тачанка,
А я девчонка,
Да партизанка!

Мы с Чапаем
Повоевали,
Немало белых
Мы поклевали.

Он — как сокол,
А я — орлица.
Он — темнорусый,
Я — смуглолица.

В бездорожьях,
Луной венчаных,
Храпели кони
Его тачанок.

Мы сражались
С ордой уральской,
И с атаманской,
И с генеральской.

Эй, вы, черти,
Глядите зорко:
В карьер несется
Моя четверка.

Ужас мчится
По белым ротам:
Сам полководец
За пулеметом.

Шарабан мой —
Моя тачанка,
А я девчонка,
Да партизанка!

20

Разговор идет, не глядя на ночь;
Веселит чапаевцев гармонь;
Но уныл сидит Василь Иваныч,
Опершись щекою на ладонь.

Русый ус он дергает в досаде,
И на лбу морщина залегла.
Осветив волос густые пряди,
Каганец мигает из угла.

Уж баян тревожит песней новой,
Отсверкал в лезгинке сабель блеск,
Гопака с Марусею Поповой¹
Отплясал молоденький комэск.

¹ Маруся Попова — участница боев чапаявской дивизии; в действительности в Лбищенске не была.

А Чапай, глаза под брови спрятав,
Все молчит, печален и суров,
И глядит на пляшущих комбатов,
Как отец на радостных сынов.

Пыль с сапог сбивая тонкой плетью,
Он забыл в раздумии весь мир...
И спросил, подсев к начдиву, Петя:
— Что грустишь, товарищ командир?

Иль тебя мутит перед болезнью?
Иль сердит на наше баловство?
Ну, скажи, какую любишь песню
На земле ты более всего? —

Пробудил вопрос такой Чапая;
Вздрогнул он, предчувствием тесним,
Но, свои виденья отгоняя,
Подошел к соратникам родным.

21

— Много есть напевов знаменитых,
Где звучат и радость, и тоска.
То в душе веселия избыток,
То она к отчаянью близка.

Но из всех напевов мне дороже
Тот, что мне родная пела мать,
И ему без боли и без дрожи
До сих пор не в силах я внимать.

Тот напев — напевов всех чудесней,
И, когда грызет меня тоска,
Я ее гоню старинной песней,
Что народ поет про Ермака.

Эта песнь Владимиркой печальной
Доплелась в дремучую тайгу,
Эту песнь гремел народ кандалный
На крутом иртышском берегу.

Эту песнь в унылый край проклятья
Принесли баяновы басы...
Песнь жила, и смертник в каземате
Пел ее в последние часы.

И в степи иль под высокой елью
Я паду, судьбы не одолев, —
Над моей последнею постелью
Пусть звучит старинный тот напев.

И, узнав тот звук неукротимый,
Примирюсь с судьбой я навсегда

И усну, как на руках родимой
Засыпал в минувшие года.

Нынче грусть взяла меня, родные,
Смутно мне чего-то на душе...
Спойте ж мне, комбаты молодые,
Как Ермак погиб на Иртыше! —

22

Лишь слова начдива отзвучали,
Каганец мигнул в последний раз,
И напев тревоги и печали
Потолок бревенчатый потряс.

Как сидел Ермак, об'ятый думой,
Сторожа уснувшие войска,
Как Иртыш, коварный и угрюмый,
Схоронил в пучине казака.

Ночь везде покоилась немая,
Чуть коптил погасший каганец.
О боях минувших вспоминая,
Не один задумался боец.

Лишь луна по небу шла дозором,
Темноты безглазой не стерпев,
И бойцы подхватывали хором
Удалой задумчивый припев.

А когда замолкли, встал Чапаев,
И тоска исчезла, словно тень.
— Эх, — сказал он, — славно! —
и, оттаяв,
Заломил папаху набекрень.

— Кто сложил ту песню боевую,
Видно, сам был парень боевой...
А теперь — пора на боковую,
Чтобы встать, как встрепанным,
зарей!

23

Душной мглы дурманящая нега
Валит с ног и тянет, как магнит,
И уют случайного ночлега
Молодых чапаевцев манит.

Кое-где еще однополчане
В полусне ворочались порой,
Наконец утихли, и молчанье
Потекло пустыней городской.

Налегла на город черной тушей,
 Давит грудь убийственная ночь,
 И зловещ протяжный вопль петуший,
 И тоски душе не превозмочь.

Мрак ночной горяч, томящ и душён,
 И нигде — ни звуков, ни огней.
 Лишь порой раздастся из конюшен
 Переступ и ржанье лошадей,

Да вблизи залает пес казачий,
 Волоча по проволоке цепь,
 И в ответ далекий вой собачий
 Огласит таинственную степь.

24

Хоть дозор чапаевцев удвоен,
 Ночь томит и клонит их ко сну...
 Не дремли, усталый красный воин,
 Сторожи и слушай тишину!

Глянь во мрак, насупившийся, гулкий,
 Стой и тень ночную карауль.
 Обходи притихшие проулки,
 Окликай прохожего, патруль!

Залегли казаки у Кушума
 В тростниках, в прибрежных камышах,
 Не слышать ни шороха, ни шума.
 Голос тих и осторожен шаг.

Не бренчат ременные уздечки,
 Не трещат дозорные костры.
 Ружья их стреляют без осечки
 И клинки заветные остры.

Злой удар замыслили штабные.
 Не таи беды, ночная мгла!
 Расклюют стервятники степные
 Молодых чапаевцев тела.

Неспроста над городом летает
 Воронье, крылами шелестя:
 Не одна вдова запричитает,
 Не одно закатится дитя!

25

Посерел Урал в туманах поздних,
 Поседел он, вспененный, когда
 В темноте испуганный обозник
 Растолкал дежурного: — Беда!

В трех верстах казаки ловят наших.
 Говорят, что здесь сам атаман...
 — Сколько их? — Да будет сотня
 шашек!
 — Что за бредь! А часом ты не
 пьян?

Вот пришел и голосит, как баба...
 Ты чего здесь ухаешь совой?
 Только-что о том начальник штаба
 Докладад Чапаю... Часовой!

Не пускать в дежурку посторонних!
 И без них управимся с бедой. —
 И опять, присев на подоконник,
 Задремал дежурный молодой.

Знать, ничто уснувших не встревожит
 И бойцам проснуться не судьба.
 Пробудить от сна их, видно, может
 Только гик казачий да пальба.

Спят они младенцев беззаботней,
 А в степи неясный слышен гул,
 И в глухой ночи казачьей сотней
 Снят уже последний караул.

Ходит гость недобрый по задворкам,
 Бродит он по горницам, как ночь,
 И, рукой скользя по гимнастеркам,
 Он наган оттаскивает прочь.

Уж лежат порубаны заставы,
 Не один заколот часовой,
 Уж блестят клинки казачьей лавы
 Над твоей, Чапаев, головой!

26

В богатом покое,
 Где жил есаул,
 На кратком постое
 Чапаев уснул.
 Дремотой об'яты,
 Уснули комбаты,
 И белых не чуёт
 Его караул.

Он стонет, рукою
 Сжимая наган,
 Лишивший покоя
 Купцов и дворян.
 Обняв свою шашку,
 Он спит нараспашку

И бредит порою
От ноющих ран.

И снится Чапаю
Таинственный сон:
По нищему краю
Скитается он
И слушает снова
Напевы былого,
И видит он тени
Минувших времен.

Хоть спит он недолго,
Но снится ему
Родимая Волга
В вечернем дыму
И тройки лихие,
Блажные, такие,
Каких не увидеть
Уже никому.

Весной — карусели,
Зимою — снежки —
Усмешка веселья
Средь вечной тоски.
Лабазы мучные,
Буксиры речные
И ярмарки русской
Великой реки.

Торги в Балакове
И брань бурлаков,
И черные брови
Саратовских вдов,
И та слобожанка,
Чья манит осанка,
Которой он душу
Отдать был готов.

В родной деревеньке
Легли отдыхать,
И песню о Стеньке
Поет ему мать.
Зловещ и прекрасен,
Сражается Разин,
И он не устанет
Напеву внимать.

Куда же вы делись,
Мечты о боях?
Он — жалкий сиделец
В торговых рядах.
Весь день — канительный
Товар москательный,

А ночью — рыданья
На пыльных мешках.

«Коробушку» в чайной
Хрипит граммофон...
Судьбою случайной
Сюда занесен,
Средь пьяниц пропащих,
Средь девок гулящих
Василий Чапаев
Один не хмелен.

Пусть изредка снова
Мечты горячи, —
Душа полового,
Не ной, не ворчи,
Что нищую долю
Сменял на неволю
Он за три с полтиной,
Ночлег и харчи!

Графины на горке,
На столике — штоф...
Что делать шестерке
Средь пьяных тузов?
От шумной попойки,
От проклятой стойки
Бежит он однажды
В просторы лугов.

Опять он шарманку
По Волге несет,
Опять спозаранку
Он песни поет
О той горькой доле,
Чей стон не смолкает,
О той вольной воле,
Что скоро придет.

В жару и в ненастье
Он брел до села,
И робкая Настя
С Чапаевым шла.
Плясунка плясала,
Шарманка стонала,
По бедным посадкам
Судьба их вела.

Как редко бродяжки
Видали людей!
Как люты и тяжки
Ветры Жигулей!
Холодных ночевков,
Обид, голодовок

Немало в то время
Он вытерпел с ней.

Но пусть не венчало
Любовь их кольцо —
Приветом встречало
Любое крыльцо.
Шарманщиков бедных,
Но вечно веселых
В подворьях и селах
Все знали в лицо.

На Волге в апреле
Волна холодна,
Горячечной прелью
Дурманит весна.
И Васе обновой
Не радовать Настю:
Как листик кленовый,
Свернулась она.

Глаза ее жесткой
Рукою закрыл,
Под белой березкой
Любовь он зарыл.
Загнал он шарманку
Цыгану седому
И к милому дому
Опять поспешил.

А годы — карьером...
Тоске вперекор,
Дома староверам
Он строит с тех пор —
Угрюмым, упрямым,
Упорным, тем самым,
Которым он нынче —
Чума и разор.

По шеям мясистым
Рубнуть бы гурдой!
Промчатся б со свистом
Над белой ордой!
И руки Чапая
Хватают оружие,
Но, вновь засыпая,
Недвижен герой.

Отрада на свете
Осталась одна:
Разумные дети,
Топор и жена,
Но, мирных соседей
В окопы сзывая,

Гремит грозовая,
Большая война...

От проводов братних,
От сестринных слез
Печаль свою ратник
На Неман унес,
Оброс бороною,
Сдружился с бѣдою,
Но выстрел винтовки
Звучал, как вопрос.

Закат фиолетов
Над серой Двиной...
Сквозь стон лазаретов,
Сквозь слезы и гной!
И снова биваки,
И снова в атаки
Идет он с бездумной,
Безумной душой.

Четвертый Георгий
Впивается в грудь,
А ноги — в опорки
Придется обуть!
Но вот колыхнуло
И громом отгула
Ударило в сердце:
— На родину! В путь!

И дни полетели
В последний поход,
И воют метели,
И ветер орет.
Свобода взывает,
И брат погибает,
А буйная сила
Кидает вперед.

Пусть крутится белый
Казачий аркан —
Хвала самой смелой
И гордой из стран!
Да здравствует Ленин
И те капитаны,
Которыми вспенен
Людской океан!

Как шумны народы,
Как грозны они,
Как мчатся свободы
Отважные дни,
Как быстро мелькают
Военные годы,

Степные походы,
Ночные огни!

Оковы расплавить,
Корыстных — проклясть,
Навек обесславить
Былую напасть,
Одеть — неодетых,
Согреть — несогретых, —
Так вот что такое
Советская власть!

Мечтанья былые
Сбылись наяву:
С друзьями впервые
Он мчится в Москву
К тому, о котором
По гулким просторам
Мятежные вьюги
Разносят молву.

Идет он впервые
Безмолвным Кремлем,
А все часовые
Уж знают о нем.
«Чапаев! Чапаев!» —
Гудит коридором.
И вот перед взором
Доска: Совнарком.

Поднять он не может
Сомкнувшихся век,
Но все, что тревожит,
Запомнит навек:
Ведь в том кабинете,
Сокрыт в полусвете,
Сидит крутолобый,
Простой человек.

Хозяина низким
Поклоном почтив,
Чапай на записки
Косит, неучтив,
И видит, мгновенно
Лишенный отваги,
Слова на бумаге:
«Проснитесь, начдив!».

Упрек этот тяжкий
Читает герой,
И в поисках шашки
Он шарит рукой,
И чудится слуху:
Звонит что есть духу

Царь-колокол грузный
Над спящей Москвой...

27

И вскочил начдив с дубовой лавки,
Второпях оружие схватив...
Иль во сне врага он видит в ставке?
Иль в мозгу хозяйничает тиф?

Нет, не спит Чапаев и не болен,
Не во сне царь-колокол гудит,
А набат с церковных колоколен
Наяву над Абищенском гремит.

Языки семи соборных звонниц
Над землей отходную гудят.
— Смерть! — кричит вбежавший
эскадронец
И стремглав кидается назад.

За окном мелькают чьи-то тени,
Пробежал растерянный комбат,
Пронеслись обозники в смятении,
И гудит, гудит, гудит набат.

На коне и с саблей мчится Лихо,
Злая ночь прикрыла дело зла,
И во тьме таинственно и тихо
В городок измена заползла.

И звучит угрозой во мраке
Посвист пуль, погони дикий гик,
Да со сна истошный вопль: —
Казачи! —
Полошит бойцов полунагих.

Ни черта не видно! Ночь такая,
Что в сапог ногою не попасть...
Грозный мрак, набегу потакая,
Разевал чернеющую пасть.

28

Миг — и сон развеян без остатка.
Выручай хозяина, «максим»!
Ты не жди орла свою, солдатка,
И не плачь отчаянно над ним!

Пожилых, бывалых и безусых
Эта ночь равняет впопыхах,
И бегут на двор в одних рейтузах,
Без ремней, шинелей и папах.

В городок вторгаются уральцы,
Много лав выплескивает степь,
И, с крыльца сбегая, постояльцы
Вдоль плетня устраивают цепь.

И сказал Чапаев: — Эх, комбриги!
Жалко мне, что Фурманов далек.
Он бы все прочел нам, как по книге,
И в беде советом бы помог.

Да при нем подобному событию
И не быть, наверно, никогда б.
А какой стратег! Эх, Митя, Митя, —
Не башка, а генеральный штаб! —

Так, ложась надолго к пулемету,
Говорит товарищам начдив,
А уж враг на красную пехоту
Мчится, ночь клинками озарив.

И уже со стороны бухарской
На кресты слетает воронье...
Но сыны отчизны пролетарской
Умереть готовы за нее!

29

Чутко спит уральская станица,
А в окно рассвет уже проник.
— Что-то, друг, сегодня мне не
спится, —
Говорит дежурному комбриг.

— Грусть томит, и сердце не на
месте.
Позвони, дружище, снова в штаб.
Нет давно из Лбищенска известья,
А ему откликнуться пора б. —

Подвели предательские руки
Или враг, — но немые провода,
И в ответ совсем иные звуки
Ветерок приносит иногда.

Звук пальбы доносится до слуха,
Вот замолок — и все опять мертво.
И, к земле прикладывая ухо,
Вновь поймать пытаются его.

Слышен гул далекой канонады;
Не понять: откуда он идет,
Чьи в ночи отважные отряды
В этот миг срезает пулемет?

Но пальба товарищей тревожит,
И скорбят, помыслив невзначай,
Что давно в отчаяньи, быть может,
От друзей ждет помощи Чапай.

И, взорвав снарядами набитый,
У врагов захваченный, собор,
Шлют войска на север для защиты
И вперед летят во весь опор.

30

Третий час на площади соборной
Льется кровь и взвизгивает сталь,
Третий час жестокий и упорный
Бой идет и вспугивает даль.

Третий час стоит в свинцовых ливнях
Небольшой, слабеющий отряд,
Третий час звереющий противник
Бьет в упор по щелям баррикад.

Пусть мертва надежда полководца
И печаль, как рана, глубока,
Но Василь Иванович не сдается
И еще тверда его рука.

И огонь гранатного разрыва
Вновь блестит сквозь дым пороховой,
И, храня бесстрашного начдива,
Рядом с ним сражается конвой.

Бейся, друг, дерись, не отступая!
Битвы гул услышан наконец,
И, коней храпящих загоняя,
Уж летит на помощь Бубенец.

Пусть отряд отчаявшийся тает, —
Вновь Чапай командует:—В штыки!—
И опять отважно налетает
Горсть бойцов на белые полки.

И, на миг противников рассеяв,
Он с клинком кидается туда,
Где сынки уральских богатеев
На столбах срезают провода...

31

... Поздно, поздно!
Не прорвать казачьего кольца.
Смерть глядит насмешливо и грозно
В смутный взор усталого бойца.

Белых — тьмы. Солому ломит сила,
И беде великой не помочь.
Никогда еще не уносила
Стольких жертв предательская ночь!

От ручной гранаты рухнул Чеков,
И не встать Батурина с земли.
Как дубняк под сталью дровосеков,
От клинков курсанты полегли.

И упал под высверками шашек
Комиссар старейший Крептюков,
И, атак не выдержавший вражьих,
Строй бойцов рассеяться готов...

32

И когда кровавым полотенцем
Заалел над Абищенском восход —
Лишь Чапай с любимым порученцем
Защищал последний пулемет,

Да вблизи с врагами билось, молча,
Полтора десятка номерных,
Но порой шрапнели скрежет волчий
Отнимал надежду и у них.

И Чапай шатается порою,
И туман стоит в его глазах:
Рубанул без промаха героя
По руке неведомый казак.

— Ты у нас единственный на свете, —
Говорит Исаев, хмур и строг, —
Не взыщи. Я за тебя в ответе.
Не пойдет упорство это впрок.

Глянь — и кисть простреляна
навылет...

Если ты погибнешь под огнем —
За тебя мне голову намылит
Михаил Васильевич потом. —

И к реке, заботливости полный,
Верный друг Чапаева ведет
И почти силком толкает в волны
И врагов, отстреливаясь, ждет.

33

Ты жесток, ты яростен и злобен,
Ты глубок у Абищенска, Урал,
Много ям таишь ты и колдобин
И не раз на гибнущих взирал.

Триста лет служил ты богатеям
И кормил их рыбою, как встарь,
Но подчас, волной твоей лелеем,
Находил здесь ласку и бунтарь.

В камышах таил ты Пугачева,
Укрывал и Разина ладьи...
Приюти ж брата на их меньшого
На своей лазоревой груди!

И мольбу услышал грозный Яик,
И блеснул весельем дикий лик,
И восстал радушный в горностаях,
Словно царь, всемогущ и велик.

Он, в былом служивший атаману,
Послужить Чапаеву готов.
Будет чем гордиться старикану,
Коль спасет он друга бедняков!

34

И плывет начдив на середину,
В полусне гребя одной рукой,
И уже проплыл он половину,
И спастись надеется герой...

Но нашла Чапая злая пуля
Посреди бушующих зыбей,
И в бреду предсмертном

промелькнули
Перед ним виденья прежних дней.

Вспомнил он прострелянное знамя
И бойцов родимого полка,
И покрыл Урал его волнами,
Как Иртыш когда-то Ермака.

Укачал в зеленой колыбели,
Пеленой лазурной спеленал,
Соловьи дела его воспели,
И кулик над телом отрыдал.

Никогда начдив непобедимый
На коне не вымчитса вперед.
Навсегда замолк неутомимый,
Беляков косивший, пулемет.

Лишь стрижи, исполненные страха,
Застенав, зареяли вокруг,
Да в воде намокшая папаха
Понеслась стремительно на юг.

И, конец Чапаева заметя,
Сам в кольце бесчисленных врагов,
Белякам наганом верный Петя
Погрозил из чащи тростников,

А потом поднялся, полный муки,
И пустил заряд себе в висок,
И упал ничком, раскинув руки,
На сырой, истоптанный песок.

И, узнав от мечущихся чаек,
Что сгубил Чапая в цвете сил,
Целый день был смутен грозный Яик
И всю ночь над мертвым голосил.

35

Взвоят вихрь, и степь запричитает,
Злая весть помчится на крылах.
Карандаш меж пальцами сломает
Михаил Васильевич в сердцах.

Распушит медлительных штабистов,
О беде неожиданной услышав..
И во все концы страны, неистов,
Застучит бессонный телеграф!

Ночью весть домчится в Кремль
огромный.

Ленин лист уронит на паркет,
Помолчит, пройдетя по приемной
И уйдет поспешно в кабинет.

Слух пойдет, и Фурманов, бледнея,
Вспомнив все, что с другом пережил,
Загрустит над шашкою своею,
Что Чапай, прощаясь, подарил.

И, узнав, что бати нет на свете,
И боясь родную потерять,
Задрожат испуганные дети,
Окружив забившую мать...

Но пускай погиб Чапай в Урале! —
Торжества лампасников смешны:
Их грозней, чем пуля, покарала
Правый гнев и ненависть страны.

И тебе готовится отмщенье,
Бородин! Не смейся свысока:
Ты падешь на месте преступленья
От руки простого казака.

Для страны советской верный
признак —
Правота бойцов перед врагом,
И они счастливее на тризнах,
Чем враги на празднестве своем.

И давно колхоз цветет на месте,
Где нашел Чапаев свой конец,
Но народ не хочет верить вести,
Что погиб отважнейший боец.

Как в былом, бушует древний Яик,
Ни о чем на свете не грустя,
Но печаль во взорах молодаяк,
И кулик рыдает, как дитя.

И поет о подвигах Чапая
Молодой казак в тени раки
И, коня у берега купая,
На волну задумчиво глядит.

ЭПИЛОГ

Весть пришла, что от казаков
Пал на Яике Чапай,
И, отважного оплакав,
Загрустил советский край.

Дети славного начдива,
Злую слушая молву,
Обнимали сиротолву
Неутешную вдову.

И томились, не желая
Верить слуху об отце,
И до полночи Чапая
Поджидали на крыльце.

Вот под вечер, как когда-то,
Возвратится он домой,
Вот мелькнет в дыму заката
Конь огнисто-золотой.

И, забогливый и зоркий,
Бросит повод у ворот
И к зеленой гимнастерке
Сорванцов своих прижмет.

Но напрасно ожидали:
Много раз спускалась ночь,
И надежду потеряли
Сыновья его и дочь.

Знать, взаправду полководца
Подстерег лихой свинец,
Никогда, знать, не вернется
Из-за Волги их отец...

Но однажды на побывку
Друг Чапая приходил,
Пил вишневую наливку,
Трубку старую курил

И, вдову найдя в печали,
Ей сказал наедине,
Что Чапаева встречали
В зауральской стороне.

С той поры Урал и Волга
Слух пустили по стране,
Что теперь уже недолго
Ждать Чапаева родне,

Что, лишь грянет гром военный
И заухает шрапнель,
Вновь наденет неизменный
Закадычную шинель,

Вновь об'явится на фронте
Он в решительном бою,
Вновь воскликнет он: — Не
Гады, родину мою! — троньте,

Ленинград, 1937.

И в сумятице позорной,
Как в минувшие года,
Побежит от бурки черной
Озверелая орда.

Мы уверены, мы знаем:
Дух Чапаева живет.
В Красной армии Чапаям —
Уваженье и почет.

Не Чапаев ли воскресший
Вел шуцбундовский отряд
И последним кинул брешя
Флорисдорфских баррикад?

И не он ли, к бедным ласков,
К угнетателям суров,
Отражает с горстью басков
Натиск вражеских полков?

Под лучом весенним стаяв,
Лед столетия пройдет,
Многочисленных Чапаев
Вышлет в армию народ,

И, врагам не уступая
Даже пяди, в свой черед
С гордым знаменем Чапая
Полетят они вперед!

Энергия

Роман

ФЕДОР ГЛАДКОВ

(Продолжение¹)

VI

«МУХА»

1

Катя всегда чувствовала, как дрожала под ногами упругая каша бетона и рокотала подземным гулом. Эта пульсация блока ощущалась ею даже во сне.

Иногда, в минуты перерыва в бетонировке, Катя подбегала к парапету, впинаясь зелеными пальцами в шаткие перильца и замирала от жуткого наслаждения. Под нею огромно грохотала бездна, и на дне этой бездны бушевали ураганы и смерчи. У Кати кружилась голова и таяло сердце. Это был миг потрясающего счастья и ужаса. Ей казалось, что она со страшной быстротой летит в эту бурю, ничтожная, как пылинка. Между седыми башнями бычков тяжелой и тягучей массой свергалось жирное чудовище водопада. Порывы ветра подхватывали и пар и облака брызг и бросали их выше плотины, хлестали по доскам, по кранам, по бычкам. А там, внизу, над kloкочущими волнами, крутились вихри и уносились вниз по реке — к архипелагу гранитных островов.

Парапет дрожал, качался, и Кате мгновениями чудилось, что она падает вместе с загородкой в пропасть.

Белокурые волосы выбивались из-под кепки и хлестали по лицу. Она по при-

вычке дула на них, а они не слушались и щекотали щеки и глаза.

К ней часто подбегал Максюк, и от его близости ей было приятно и хотелось шалить. Максюк — низкорослый, коренастый парень, с веселыми глазами и большим ртом. Он был бригадиром комсомольцев на бетоне, и эта бригада решила закончить наращивание гребенки первой и добиться во что бы то ни стало первой же положить последнюю бадью.

Плотник Трифон Подобедов, неизвестных лет, сухонький, с облезлой головой, с пеньковой бородачкой, каждый день был на глазах у Кати. Он взмахивал топором на опалубках и при каждом ударе похрапывал:

— Х-хек! х-хек!..

И был ловкий, юркий, зоркий, к людям — пристальный, заметливый, хитренький, с беспокойным, балагурным языком. А голос был сипленький, бабий, пронзительный. Работал Трифон на опалубках уже три года, в деревню не отъезжал, считался лучшим плотником. С давних пор был бригадиром, и бригада его считалась самой надежной и честной. При осмотрах опалубок других бригад он был первым экспертом: шел впереди всех, шупал, карабкался, прыгал в нутро опалубки и пищал песенки без слов. Все посмеивались, подмигивали, но знали, что слово Трифона будет верным и бесспорным. И неизменно он начинал торжественно, как сват на свадьбе:

¹ См. «Новый мир», кн. кн. 6 и 7 с. г.

— Ну, что же... дело обтяпано: доски звонки, гвозди тонки. Все мы, плотники, народ чистокровный... Духовитее и чище никого труда несть... Древо-то, оно, то-есть, ладаном пахнет... Ну, и плотник сам сбит плотно... Хоть, скажем, жуликов и средь нас до чорта, все ж таки... мы, ребята... людской род встречаем новым домом... чище золота... И мы же провожаем его новой домовиной... то-есть гробом, по простой арифметике... Ух, как весело пахнет уютный гроб с покойничком!..

— Ну, понес, старый скоморох!..

Инженеры, десятники, рабочие скалили зубы. А плотники сверкали топорами, солнце брызгало от лезвий и обжигало глаза.

— Старый кот, как он ловко прыгает по опалубкам-то!..

— Душа легкая, ребятки, а кости — голубинные... По Руси церкви воздвигал, ну и ангельского бесплотия удостоился. На небеси в книгу на престол зачислен, и в ней обозначены все мои строительные дела.

— Откуда у тебя такие точные сведения, Подобедов?

— Сам во сне сию книгу читал, хотя грамоте человеческой не прикоснулся... Такое со мной было: вязал я кумпол на великой высоте колоколенки. А округ внизу — избушки, такие соломенные, убогие, и поля кружатся. И такая бедная и терпеливая деревенька, такой народ скучный... Ну, конечно, встосковала душа, и с кумпола возопил я к небу, к облаку: господи, на кой тебе чорт сдался этот храм в сей скудости? Тебе их и без того насобачили сверх меры... Гляди, мол, народ-то какой бедственный. Лучше бы им жизнь облегчить, чем богу мухоловку строить... Един пастырь, едино стадо, а какая тебе пасти его отрада? Ну, а мой дружок-то чортом оборотился и на меня — с топориком. Я это испужался, и колоколенка — на бок. Чую, лечу кувырком, и небо — кувырком, и земля — кувырком... Подхватило меня ветром, завертело в воздухе. Пастырь я не пал, а легче пушинки лег на щепу и стружки.

— Пьяный был ты, Подобедов... наюзился...

Трифон строго тряс пеньковой бороденкой и грозил кому-то мозольным пальцем:

— Двадцать годов душа не принимает... Зарок дал своей бабе у гроба ее. Сам и гроб делал. А скончалась она по причине моей пьяной слабости. Ну, на это целая скорбящая история... А тут душа возмутилась. Чорту не понравилось, а господь меня наделил ангельским крылом. Сижусь на стружках, а народ округ меня кудахчет: убились, мол, Трифон-то, беда-то какая!.. Я же безвредно сажусь на сию стружку, и так мне дули моченой захотелось — мототы нет. Сижусь и взываю: «Бабы, а, бабы! дули мне, дьяволицы... дули... с рассольцем...». А они хохочут: «Аль, говорит, не убились? Ведь с какой горы сверзился...». Ну, рассерчал я. Встал и пошел в лавочку дули покупать. А за мной, — как в троицын день, народ веселится... Вот откуда у меня легкость естества. А теперьча я даже с опалубков не сверзаюсь. Истинный стал паучок... как на тенетах....

Каждый день Катя привыкла встречаться с Трифоном. Он подходил к блоку с топориком в руке, смотрел на нее сверху, с борта опалубки, и сипел какую-то песенку без слов.

Блок Кати шел наравне с другими: иногда перегонял на несколько бадей, а иногда отставал. Девчата топтали бетон непрерывно всю смену. В парусиновых комбинезонах, в резиновых сапогах, они были тяжелые, неуклюжие, потешные, похожие на медвежат. Но мучительно искажались их личишки от негодования на кранового машиниста, который работал неровно: то медлил и останавливал машину, то бешено пускал вскачь, а потом любовался на бадью, которая кружилась под стрелой. Девчухи орали на такалажника, молчаливого парня с свинцовыми глазами и скучающим лицом. Он на них не обращал внимания и поплеывал себе в ноги. Они возненавидели его и кричали, угрожая кулачишками:

— Рохля ты!.. Болван чортов!.. Что ты там с машинистом за карусель устраиваешь? Бадью не можете подать

без помехи... Мы же теряем каждую минуту по бадье...

Такелажник равнодушно наблюдал за бадьей, которая крутилась, начиная с середины спуска. Иногда он будто приходил к себе — улыбался и развязывал язык:

— Граммофонит на макаронах, кашеварка. Удивительного мало...

— Да ну тебя к лешему!.. Майнай, пожалуйста, без лодыря!..

— Ничего, комсомолочки, не скажешь: путлявая передача...

— Ну, майнай же, чорт! Путлявая передача... Ты же нас губишь...

— Главное зло у нас — от дроты: веревки вьет, подлая...

И он, не ожидая ответа, с невозмутимостью капитана корабля майнал пальцами над пропастью. Девчата бледнели от бешенства и чуть не плакали. Они с остервенением топтали бетон, и все сразу жадно протягивали руки к реющей и пульсирующей в небе бадье. А она кружилась над ними, как паук на паутине, страшная в своей тяжести, желанная и ненавистная. Чудилось, что она смотрела на них сложными глазами гигантского насекомого. Подъемы начали уменьшаться день ото дня: с пятидесяти упали до сорока пяти, а потом и до сорока. Однажды в одном из блоков бадья оборвалась и грохнулась на опалубку. При падении она в щепки раздробила щиты и, отразившись в сторону, с гулом ринулась в водопад и исчезла в пучине. Выяснилось, что трос, скручиваясь, перегрыз себя. Этот грохот бадьи потряс всех, как внезапное предчувствие несчастья.

Девчата выскочили из блока, но ничего не увидели, кроме суматохи у опалубки третьего от них бычка. Всюду — и на ряжевом мосту, и наверху, на плотине, и на перекрытиях опалубок — растерянно перебежали рабочие, махали руками и истошно орали навстречу друг другу. Из других блоков тоже карабкались и выпрыгивали бетонщики и бетонщицы. Все краны остановились, и бадьи закружились на разных высотах, как по сигналу. По всему участку прошла волна тревоги.

Катя увидела, как суматошливо толкались плечами и мешали друг другу люди, которые тащили по настилам досок что-то мешковатое, тяжелое, мягкое и неудобное. Она почувствовала, что ее обняли дрожащие руки, и услышала прерывающийся шопот Глаши:

— Ведь понимаешь, Катюшка... ведь это и с нами может случиться... Ужас, ведь, Катька...

Катюша сдвинула брови, хотела прикрикнуть на подругу, но увидела ее жалкое лицо и широко открытые глаза, налитые страхом. Это лицо и глаза родной девчурки растрогали Катюшу.

— Не ерунди, Глашка... Все зависит от нас самих...

Девчата боязливо жалась друг к другу и ждали каких-то больших слов от Катюши.

— Чорта косоногого мы так наработаем... — строго сказала она. И молодцевато пошла к блоку.

Всюду запели такелажники. И это было похоже на близкую и далекую команду.

Пружинно покачивались черные краны на стальных перекрытиях бычков. Где-то вздыхали и звякали сандерсоны. Требовательно кричали паровозики в разных местах, и по плотине пронеслись площадки с бетоном и с пустыми бадьями.

Там, где произошел обрыв бадьи, еще юрко бегали бетонщики, толпился народ. Черная паутина троса легко, как шпагат, трепалась на ветру. Вели под руки двоих раненых. Они шли с опущенными головами. Группы взволнованных людей размахивали руками и невнятно кричали. Одни смотрели вслед раненым, другие задирали головы кверху — на трос и стрелу. Чихая, стояла около крана паровоз с бадьями.

Катюша считалась на плотине одной из лучших ударниц, но, как ни старалась ее бригада, догнать до шестидесяти бадей, никак не могла перекрыть Максюка. Переходящее знамя соцсоревнования неизменно развевалось на его блоке. Вместе с ребятами Макс был снят фотографом. Снимок был помещен в газете, а под фотоснимком крупными буквами напечатано: «Равняйтесь

по бригаде Макса Половинкина». И тут же красовалось письмо в редакцию самого Максюка: «Товарищи, заверяю, что я перекрою все рекорды. Вызываю на соревнование другие бригады». Когда Катюша прочла это хвастливое письмо и поглядела на кúrносую улыбку Максюка на фотоснимке, она побледнела, и у ней похолодело сердце, точно ее оглушила весть о неизбежной гибели.

— Молодец Максюк!... — крикнула она весело девочкатам, и они видели, что она «бешено владеет собою». — Теперь, девочката, держись: мы должны сдохнуть, кровью изойтись, а перекрыть Максюка. Наша честь, девочки, это — жизнь...

Девчата молчали, сбившись в кучку, и с тупым страданием смотрели себе в ноги.

Катя торопливо написала грязными и припухшими от работы руками письмо в газету: «Вызов принимаем. Обязуемся провести рационализацию». И подпись: «Ударная бригада бетонщиц Кати Бычковой». Насчет этой подписи девочки поспорили: каждой болезненно хотелось, чтобы в газете пропечатано было ее имя. Катя сначала возражала: зачем это нужно? ведь это — не индивидуальная подписка на заем, где каждого надо брать на учет. Нельзя же разделять число бадей по числу носов: это же — коллектив, работа которого оценивается «в общем и целом». Девчата обидно и печально замолчали. Катюша хотела рассвирепеть, но вдруг спохватилась, поняла что-то и засмеялась.

— Девчата, эврика! Подпишемся все по алфавиту, чтобы никто не орал, что его поставили не на свое место: Анохина, Аглашева, Бычкова.

Теперь уж запротестовали все:

— Нельзя. Недопустимо. Бычкова пускай так и значится в заголовке... Мы гордимся нашей бригадой: бригаду Кати Бычковой в Москве знают — в «Правде» два раза пропечатывали.

Анохина Валя была самой маленькой в бригаде, хотя по возрасту она была старше всех, но к ней относились снисходительной бережливостью, как к ре-

бенку. Она не обижалась и даже чуть-чуть жульничала: делала вид, что хочет забежать вперед и впрыгнуть на бадью, но ловко и незаметно оказывалась позади, будто ее оттолкнули подруги. Некоторые девчата это замечали и лукаво подмигивали ей, а она притворялась оскорбленной до слез.

Письмо их появилось в печати. Газетный фотограф снял их в комбинезонах, с лопатами. Катя стояла впереди в обнимку с Глашей и Анонихой. Анохина изображала себя суровой, со сдвинутыми бровями, с дерзко поставленной ногой на лопатку. Внизу стояла подпись: «Славная бригада Кати Бычковой выполнит свое обязательство перед рабочим классом и оправдает звание членов героического комсомола».

Но бригада девчат отставала: бригада Максюка была их самым беспощадным образом. Каждую смену Максюк обгонял их на две, на три бадьи, а один раз перекрыл на целых пять. Репортер газеты как нарочно стоял у них над душой, ухмылялся, молчал и злорадно отмечал в блокнотике их позорный провал. В газете начали появляться крикливые заметки: «Бригада Кати Бычковой позорно отстает. Где же выполнение их обязательства?».

Девчата не сдавали блока сменной бригаде, а Катюша держала в руке жетон и не хотела его вручать десятнику: еще четыре бадьи — и показатели будут у них одинаковы с бригадой Максюка. Но бадья издевалась над ними — застревала над их головами, кружилась и дразнила их минуты две. На них глазели с опалубки блока и сменщики, и плотники, и ехидный репортер, и иностранцы.

Особенно стыдно было ей перед американцами. Они стояли бритые, сухие, с трубками в зубах, в серых бриджах, в серых, надвинутых на глаза, кепках, и смотрели на нее бездушно, безразлично, как истуканы, но она хорошо видела, как их гладко выбритые каучуковые лица вздрагивали от насмешливых улыбок. Ей, собственно, совсем наплевать на их буржуйские проутюженные морды, но ее гордость страдала за свою бригаду, за девчат, за себя: она реши-

ла доказать этим янкам, что комсомольский энтузиазм способен делать чудеса и ей ничего не стоит перекрыть те рекорды, которыми так хвастались эти заросские балбесы.

Впрочем, она, Катя, совсем не виновата в этой проклятой канители: не успевал их обслуживать кран. Когда бадья медленно кружилась над их головами в небесно-воздушной высоте, всем становилось дурно, и Катя готова была реветь от отчаяния. Бадья не подчинялась ее воле, бадья господствовала над нею и сама зависела от той механики, которой управлял машинист. Тросы крутились под тяжестью бадьи, как веревки, и каждую минуту должны были лопнуть, обглоданные друг другом, — вот так, как на третьем блоке. В первые дни тросы работали еще сносно, но потом заболели нервной судорогой; бадьи останавливались в полете раза по два, по три, отдыхали и грозили обрывом. Девчата со страхом смотрели вверх и разбегались в разные стороны, прижимаясь к стенкам опалубки. И становилось еще страшнее, когда такелажник взывал в высоте:

— Сто-оп!... Береги-ись!..

И девчата видели, как у него коченеет лицо.

2

Катя приходила домой измученная, слепая, с изнурительной дрожью в ногах и руках и с болью тяжелого предчувствия. Она умывалась, разговаривала с матерью, но не запоминала своих слов, садилась за стол, что-то ела, пила чай, потом ложилась в кровать. Подходила мать, гладила ее по волосам и что-то участливо говорила ей.

Лежала Катя с закрытыми глазами и думала мучительно, надрывно: что же делать? как же быть дальше? как выйти из этого отчаянного провала? как спастись от позора?

Дрожали и бешено закручивались в веревку стальные тонкие тросы, и огромным волчком, грозной тяжестью вертелась обляпанная цементом бадья. Она внезапно обрывалась и смертельно летела на Катю. Катя со стоном

просыпалась. Подбегала мать, и Катя инстинктивно хватала ее за руки.

— Ведь ты же совсем надсадилась, Катюшенька... Что же делать-то с тобой, дочка?.. Брось ты эту каторгу!..

— Ах, мама, если бы ты могла понять... Мне очень тяжело, мама...

И плакала, прижимая к лицу руку матери.

— Ты бы поговорила с отцом, Катенька... Чего ты таишься?

Катя болезненно раздражалась и отталкивала ее руку.

— Вовсе не таюсь, мама... Откуда ты взяла? При чем тут папка? Ни он, ни Осокин и даже сам Балеев ничем не могут помочь... Ты думаешь, что только я одна мучаюсь и тоскую? Все. Сотни. Максюк хорохорится... Это — притворство... Он тоже мечется дома...

Мать терпеливо-нежно стояла перед нею и гладила ее волосы.

Катюша поворачивалась к стенке.

— Ну, уходи, мамочка... Я буду спать... Ты обо мне не беспокойся, старушка...

Она закрывала глаза, и опять перед нею начинала реять и кружиться бадья, а над бадьей, в синеве, очень высоко плыли журавли. Да, она увидела их сегодня. Играли стальные блоки над колышающимся ромбом и жирно чернели мазутом. И Катя сжимала зубы от боли: свивающиеся канаты пронизывали ее, ущемляли руки и ноги и начинали кружить ее, раскачивая из стороны в сторону. Если бы остановить их, если бы расправить и раздвинуть их!.. Это можно сделать только там, в высоте, и здесь, в этом проклятом чумазом ромбе. И, точно исполняя ее желание, тросы расширяются и взлетают ввысь двумя сверкающими параллельными линиями.

В одну из таких мучительных минут длинный ромб передачи внезапно съехался и распластался широкими крыльями треугольника. Во сне это было или наяву? Катя, потрясенная, села на кровати, озираясь с криком в глазах. Потом соскочила с постели, надела туфли и подбежала к столу. В сумерках она стала искать тетрадку и карандаш, но ей попадались только ненужные ве-

щи. Она зажгла электричество и сразу увидела и карандаш и тетрадку. Она была в одной рубашке, и сквозь тонкую материю просвечивало розовое ее тело. Она не села на стул, а стала на нем на колени и наклонилась над тетрадкой. Торопливо и неряшливо она начала чертить широкие треугольники с прямыми и вдавленными основаниями. Обрывки линии — вверх, линия от вершины — вниз, какие-то кружочки, овалы, перепутанные кривые... Так Катя возилась над этими треугольниками долго, насажала их на нескольких страницах тетради и, усталая, возбужденная, бросила, наконец, карандаш и уронила голову на руки.

В эту минуту зазвенел голос Алешки Осокина в прихожей:

— Дома ударница? Эй, Катерина, товарищ Бычкова!..

Мать испуганно крикнула из кухни: — Не ори ты, шишига!.. Заработалась она до смерти...

Катя вскочила со стула и бросилась к кровати.

— Не смей входить, Алексей! Я не едет...

Алешка снисходительно крикнул из-за двери:

— Даю две минуты... Я побеседую с тетей Груней...

Слышно было, как мать сердито ворчала на Алешку, а он весело и вызывающе что-то покрикивал ей в ответ.

С этим подростком Катюша сдружилась еще в школе: он нравился ей своим дерзким характером и озорным умом.

Алешка был практический человек, с большими претензиями и требованиями к жизни: он оспаривал свое право на активное участие в делах стройки даже у отца. При каждом удобном случае он напористо вмешивался в разговор взрослых и высказывал свои мнения убежденно и основательно. К отцу сзвему он относился независимо, с самоуверенным превосходством.

Он вошел к ней бойко, с усмешкой в глазах, и прошагал к столу, как взрослый парень. Он бросил на стул старый отцовский портфель и взглянул на тетрадку.

— Какими это ты великими делами занимаешься, Катерина? Треугольнички, мушки, мазня... Совсем незаметно, что ты когда-то упражнялась по геометрии. Читал, читал, как тебя продирают с песочком...

Лицо у Кати залилось румянцем, а в глазах вспыхнула злость.

— Ты для того и ворвался ко мне, Алексей Осокин, чтобы наговорить мне дерзостей?

Алешка невозмутимо заложил руки за спину.

— Я, товарищ Бычкова, заглянул к тебе, чтобы поднять твой боевой дух.

У Катюши задрожал подбородок от смеха.

— Спасибо, товарищ Осокин. Но я в твоей помощи не нуждаюсь. Можешь спокойно идти домой и готовить свои уроки.

— О тебе, товарищ Бычкова, распространяется нехорошая слава. Хотя ты и стараешься спасти себя какими-то мухами, которых ты малюешь в тетрадке, однако имя твое уже красуется на чердосе... Удостоверься сама...

Катя взбесилась и, бледная, заорала на него:

— Ну, и убирайся отсюда к чорту!.. Мальчишка!..

Алешка удивленно взглянул на нее сбоку и улыбнулся.

— Товарищ Бычкова, не кипятитесь, не позорьте любимой родины.

— Глупо, Алексей... Ты не знаешь, как я мучаюсь... Я, кажется, состарилась за эти дни... Ты слышал о тросах?

— Ну, слышал. Что ж из этого? С этими тросами Максюк-то все-таки тебя бьет.

— Это двумя-то бадьями? Ерунда, Алексей. Тросы режут не только меня. Пойми: нам нужно поднять не пятьдесят бадей, а сто пятьдесят, чтоб выполнить план. С такой передачей в подающей строле мы провалимся с треском. Все! Понимаешь? На всех участках... Когда боролись за встречный, этого обстоятельства не учили... С этим американским ромбиком мы сядем в кабалу. И будет не дело, а мука во всесоюзном масштабе. Вот я и думаю, до обалде-

ния думаю: как же нам раздвинуть эти дроты, чтобы они не крутили канители, а были всегда параллельными. Ну, и вместо того, чтобы спать, я вот эти треугольники и маляю... Уверяю, Алескей, я что-то нашла...

С сосредоточенным видом, наморщив лоб, Алешка изучал Катюшины треугольники и глубокомысленно гмыкал.

Тетя Груня принесла чай, хлеб, масло, колбасу.

— Ну, кончайте свои упражнения. Хоть дома-то бросьте учиться. Садитесь за стол. Приготовь-ка посуду, Катя...

— Правильно твое предложение, тетя Груня. Принимаемся за твое внеочередное задание, а потом помозгуем, кикимора.

Все вместе начали хлопотать у стола. Алешка сам достал посуду из шкафа.

— Ты, тетя Груня, следуй на выполнение своего хозяйственного плана. Мы тебя не задерживаем.

— Чего ты меня гонишь, грач? Чай, и мне охота послушать, какие вы дела решаете?

Алешка великодушно разрешил:

— Не возражаю, тетя Груня, ставлю тебе даже в плюс. Моя мамаша, наоборот, действует в единоличном порядке.

Алешка налил чаю — сначала Катюше, потом тете Груне, а затем уж себе. Катя посмеивалась, подмигивая матери:

— Ах, какой ты умный мужчина, подумаешь! Прямо хоть выдвигай тебя на место папаши — в председатели раббочкома...

— А что ж, товарищ Бычкова? Нам и папашу временами приходится поправлять. Когда он дома начинает повизгивать и хватать ни к селу ни к городу ненужные вещи — значит дело дрянь. «Опять, говорю, папка, наглупил в раббочкоме?». Визжит: «Ах, ты, дерзкий паршивец! Да я тебя, да ты меня...».

Тетя Груня тряслась от смеха, а у Катюши блестели глаза.

— Трос, товарищ Бычкова, должен проходить через оба блока в крыльях мухи... — решительно сказал Алешка,

отпивая чай из блюдечка и вдумчиво вглядываясь в стену.

— И чего это вы, Алешенька, с Катенькой все выдумываете? — озабоченно вздохнула тетя Груня: — Учились бы да играли побольше. Успеете еще наработаться... Жизнь прожить — не поле перейти... Ох, устанете еще, голубчики, от всякой работы...

Катя неодобрительно взглянула на мать; ей было неловко за нее перед Алешкой.

— Ты, мама, судишь о жизни по прошлому. Сейчас же мы работаем радостно...

— Вижу, вижу, дочка, как ты радуешься...

Алешка ухмыльнулся многозначительно и с видом мудреца изрек назидательно:

— Моя мамаша, ежели ухват пугается под казанком, начинает бить его об пол. Да еще и веником отхлещет. Этот взгляд на вещи, тетя Груня, называется в физике инерцией.

— Уж больно слова-то у вас этакие необходимые... — обиделась тетя Груня. — Ни подойдешь, ни подейдешь: не то сердиться, не то радоваться...

— А ты, тетя Груня, и сердись, и радуйся: верное дело...

Тетя Груня опять затряслась от смеха. Смотря на нее, засмеялась и Катя. Тетя Груня прислушалась и молча вышла из комнаты.

Оба проводили ее глазами до дверей и почему-то усмехнулись в переглядке. Алешка вскочил, взял с окна тетрабочку и положил ее перед собою. Отпивая чай, он соображал что-то и быстро начертил опрокинутый равнобедренный треугольник со вдавленным основанием, с овальной головкой в вершине и с кружочками на крыльях. От крыльев кверху протянул две прямые линии. Катюша только следила за его ловкой рукой:

— Мне сейчас, Алексей, все ясно. Только, видишь ли, дело какое: важно обратить внимание этих самодовольных спецов. Ведь с таким элементом, как мы, никто не считается. Чего можно ждать от ребят... от молокососов?..

— Дело не в молокососах, Катерина... — внушительно сказал Алешка:— Молокососы достаточно показали свою активность во время прорыва. Обида— плохое оружие. Нам надо заставить себя уважать. Папашу своего я не раз оставлял в дураках и без зазрения совести буду и впредь прочищать ему мозги...

Чертеж четко и ясно показывал устройство передачи; Алешка внес в рисунок Катюши только более строгое расположение частей — отодвинул блоки и спрятал их под крыльями треугольника да головку внизу увеличил и снабдил красиво изогнутым крюком на тросах.

— Ты не без пользы учила геометрию, товарищ Бычкова. Мысль у тебя правильная. Я сегодня изготовлю деревянную конструкцию. Ежели механик идиот, ты должна свои мозги двинуть в работу. Вот любуйся... проверим начертательно... Геометрия требует во-ображения и твердости характера...

Катя быстро вырвала тетрадку из рук Алешки, впиалась в нее большими глазами. Она стояла несколько секунд, как в столбняке, ослепленная, охваченная восторженной мыслью. Потом вскрикнула жалобно: «Алешенька, мой дорогой!..» и со всех ног бросилась к двери.

Из другой комнатки испуганно вынырнула тетя Груня.

— Это ты что же наделал с моей девкой-то, грач?

Алешка озадаченно смотрел в открытую дверь и презрительно пожимал плечами.

— Этот номер, тетя Груня, у нас называется извлечением корня из хвоста...

3

А Катюша сломя голову бежала на плотину, не чувствуя холода осенних сумерок. Навстречу ей колючими ресницами роились ослепительные звезды огней. Кричала всюду паровозики, и вибрировали среди огней горящие облачка пара. Несколько раз она подпрыгивала на-бегу и чувствовала, что она легка, как птица. Красноармеец на мостовом

переходе хотел было преградить ей путь, протянув предупредительно руку, но она засмеялась ему в лицо и крикнула:

— Это же я, товарищ красноармеец. Открывай семафор!

Мордатенький караульный не выдержал ее счастливого смеха и тоже улыбнулся:

— Быстрое движение, Катя, по путям воспрещается.

— Но, товарищ красноармеец, ежели бы ты знал, какое у меня в руках замечательное открытие, ты сам полетел бы на своей винтовке, как на самолете.

В дежурной комнате парткома на плотине она прорвалась через толпу торопливых людей и ринулась к столу Гнедова. Он, как ворон, клевал своим носом какие-то чертежи и бумаги, а у стола стояли рабочие и что-то кричали, перебивая друг друга. Гнедов, не отвечая, предостерегающе грозил им карандашиком.

Катюша проскользнула к нему за столик и схватила его за плечо.

— Товарищ Гнедов, дорогой!... Сейчас же без волокиты, экстренным порядком, берись за эту вот муху... Надо провести пожарно... Иначе смерть всему соцсоревнованию...

— А ну, не кудахтай под руку, девочка... Видишь, стоят над душой моей демоны?..

— Гони всяких демонов!..

— Аккуратно. Но дело идет о открытии воздухопровода в думпкарах. Переходим на один компрессор, товарищ Бычкова... Понимаешь? Не выписывать же нам паровозов из Америки... Гениальное дело...

Рябой слесарь, которого часто встречала Катюша на плотине, волновался и бледнел, изнуренный своей идеей, как лихорадкой.

Катюша сунула тетрадку к носу Гнедова.

— Вот-с, извольте ли видеть, товарищ Гнедов. Это — муха.

Гнедов уставился на нее, озадаченный. Глаза у него стали пронзительно остренькими, и веки задрожали живчиками.

— Не могу же я... странное дело... переключаться с одного на другое...

Другой рабочий, раздувая ноздри от негодования, раскосо глядел на Катюшу. Он свертывал цыгарку, но у него дрожали руки, и махорка высыпалась из бумажки.

Рябой слесарь как будто даже обрадовался Катюше и неугасимо улыбался ей дружески, точно она явилась сюда кстати, к великому его удовольствию.

— Шагайте домой, товарищи, — строго сказал Гнедов, пряча в стол всю грудку бумаг. — Мы это дело провернем аккуратно.

— Опять волокита, товарищ Гнедов...

— Я же сказал,— значит, аккуратно. Исчерпан вопрос. Я вас обязательно вызову...

— Гляди, товарищ Гнедов, это дело сугубо секретное... Как бы не слязмили досужие люди...

— Я же — свидетельница, товарищи... — крикнула Катя. — Это же дело кровное. Я первая буду драться за вас...

На нее с любопытством поглядывал из другой комнаты Цезарь.

Гнедов опять выдвинул ящик и схватился за спрятанные чертежи.

— Аккуратное дело... Это значит сохранить стране миллионы на паровозах... В этом надо разобраться мозговито...

Катюша выхватила откуда-то стул и села рядом с Гнедовым.

— Садись-ка, Гнедов. Давай-ка рассмотрим с тобой вот эту самую муху. Ты и не воображаешь, как это ошеломительно...

Из-за дощатой перегородки, сверкая стеклами очков, стремительно подошла к ним Паша.

— Ты что это здесь шумишь, Катеринка? Вместо того, чтобы отдыхать, ты коварно путаешь карты Гнедову.

— Ах, оставь, Бочка, пожалуйста! Ты вот лучше помоги осуществить наше изобретение...

— Ну, и ты заразилась изобретательством... Не поэтому ли ты и показатели проваливаешь?

— Нет, серьезно, Паша... Я вовсе

шутить не намерена... Давай-ка сюда тетрадку, Гнедов... Ты пойми: бадья уже не кружится... И тросы идут параллельно, поодаль... Ты знаешь, Гнедов, что такое параллельные линии? Это те, которые...

— Аккуратно же знаю... в чем дело?

— Ну, так вот... Бочка, гляди... Чор-та заставишь меня, Паша, заснуть... Я завтра должна сделать сотню под'емов за смену. Цезарь, чего ты сидишь там?.. Васяй, дорогой! Где же Васяй?.. Эта муха, товарищи, сделает целый переворот в работе стрелы...

Цезарь поднялся со стула и направился к столу Гнедова. Улыбка на его лице вспыхивала горячо и трогательно.

Паша облокотилась и внимательно всматривалась в рисунок.

— Ну-с, итак, вдумайся, Гнедов, в это дело...

Гнедов с каждой секундой наклонялся к треугольникам все ближе и ближе, с каждой секундой его что-то тревожило и пугало. Он начал нервничать и сопеть, хватаясь рукою за нос.

— Аккуратно здесь все просто, понятно, и идея глубокая.

— Ага! ну, Гнедов?.. — ликовала Катюша.

— В чем же здесь суть-то, Катеринка? — с досадой прикрикнула Паша: — Бормочете оба, как заговорщики... Ты лучше растолкуй, в чем тут секрет...

Катюша с готовностью ответила ей:

— Итак, вся механика здесь в перестановке блоков. Блоки играют попарно, напротив друг другу. А тросы идут параллельно и никак не встречаются. Нам не придется менять их трижды в месяц, а только через полгода: они уже не будут гореть... А бадья будет гулять быстрее в три раза...

— Ты, Гнедов, можешь рассматривать это предложение как очередной факт в хронике рационализации... — книжно объявил Цезарь: — а я смотрю на это как на огромное событие.

Гнедов будто только сейчас понял весь смысл изображенного на бумажке чертежика. Он выхватил из рук Кати тетрадку и, ни слова не говоря, пошел к двери, расталкивая людей.

— Куда же ты потащил мою тетрадку, Гнедов?

— В бюро, — с притворным равнодушием ответил Гнедов.

Паша сердито воткнулась в лицо Катюши и схватила ее за плечики, и Катя увидела, как вздрагивало ее лицо.

— Тебя надо, Катька, здорово проучить: ты сдохнешь от переутомления. Иди, спи! Сюю же минуту! И без тебя все образуется...

И прижала ее к груди:

— Дуреха моя родная!.. Умница моя!..

VII

ПАРТИЗАНЫ

1.

Катюша спала эту ночь беспокойно: из головы не выходила «муха». Эта «муха» являлась во сне живой: трепетала перламутровыми крыльями, летала вокруг нее в вихре золотых нитей. Катя ловила ее и никак не могла поймать, и ей от этого было тягостно. Вечером, возвращаясь с плотины, она забежала к Алешке.

Она постучала в окно (свет был только в одной комнате) и крикнула звонко:

— Алексей! на минутку!.. важные вести!..

Рама распахнулась, и вместо Алешки в окно высунулось лицо самого Осокина — сухощавое, утомленное, встревоженное. Видно было, что ему до смерти хочется спать, но он обречен сидеть долго над кипами дел и бумаг и выносить по ним свои заключения.

— Я не к тебе, товарищ Осокин: мне нужен Алексей!..

Осокин приветливо улыбнулся и протянул ей руку из окна.

— А-а, Катюшенька!.. Ты что это полунощницаешь, дочка? Алешка, паршивец, уже дрыхнет... на боковой позиции... Ему, говорит, нужно завтра вставать в четыре утра... На какую-то, видишь ли, работу организовал он боевой отряд...

— Жаль... Тогда — до завтра. Пусть дрыхнет на здоровье... Передайте ему, товарищ Осокин, что наша муха полетела в бюро рационализации. Возможно, что завтра она поступит на испытание.

— Что же это за муха такая, Катенька? Что-то вы непомерно много беспокоитесь... Какие-то там боевые отряды... какие-то мухи...

И он любовно смеялся ей своими добрыми глазами, и Катюша видела, что он гордился Алешкой и ею, чужой ему девушкой, но как будто родной дочкой-любимицей. И Катюша, как зрелая женщина, несущая ответственность за свой труд и принужденная не спать ночей, очень серьезно и внушительно предупредила Осокина:

— Как? разве Алексей не рассказал вам?.. Странно... Дело в том, что мы с ним внесли в процесс бетонировки... собственно, не бетонировки, а в работу подающей стрелы некоторое усовершенствование... Пусть он расскажет вам, товарищ Осокин, об этой мухе подробнее.

— Что же это все таки за муха, хотел бы я знать? Он, паршивец, прямо считает меня недостойным своего великого ума...

— Видите ли, какая штука, товарищ Осокин: это — устранение трения тросов и их скручиванья. Подъемы можно тогда довести до полутораста за смену.

Осокин в искреннем изумлении даже весь высунулся из окна, опираясь на руки. Уж не было в лице его снисходительной ласки к ней, как к девочке.

— Да ведь это — великое дело, Катенька... Что ж это он, паршивец... А?.. Я его, стервеца, обязательно призову к порядку...

Но тут произошел неожиданный казус. Алешка просунул голову между боком отца и косяком окна и, тараща сонные глаза на Катюшу, огрызнулся на Осокина:

— Ну, хватит тебе разоряться, папашка. Твое сообщение, Катерина, принимаю к сведению. Но на каком основании ты сперла чертеж до изготовления конструкции? Там ведь нет еще никаких расчетов... Это — безобразие.

Он сделал свирепое лицо и рванулся к ней из окна:

— Подожди-ка, папка, я докажу ей сейчас закон падения твердых тел.

Осокин смеялся и, обхватив его за шею, прижимал к себе вихрастую его голову:

— Я тебя, паршивца, предам общественному порицанию...

Катюша тоже смеялась и любовно ерошила шерстистые волосы Алешки.

2

На плотину Катюша обычно приходила задолго до смены и у блока поджидала девчат. Правда, некоторые из них, как Глашатка, встречались с ней еще на берегу или догоняли друг друга на плотине среди кранов, вагонных площадок, свалок досок, щитов и арматуры. Маленькая Анохина Валя всегда приходила последней, с заспанными глазенками и несчастным лицом. Над ней девчата подтрунивали и тормозили ее, а она злилась и повизгивала, как зверушка.

— Валентина, признайся, с кем ты крутила на рассвете романтику?

— Да нет же, это она улещала корреспондентов крайгазеты и «Правды», чтоб они изобразили ее как ударницу... Она же вьетса около фотографа и делает ему интересную физию...

— Да ну вас всех к черту!.. Это же, девочки, возмутительно... Я лопну от хохота...

Валя Анохина действительно страдала одной своей слабостью: она ловила каждого газетчика, заводила с ним словоохотливую беседу и была страшно довольна, когда корреспондент строчил в свой блокнотик интервью, и никогда не забывала сказать ему настойчиво:

— Меня зовут Валя Анохина... не забудьте, товарищ писатель...

А около фотографа увивалась всегда кошечкой и каждый день позировала перед аппаратом.

В предрассветном тумане, в приглушенном гуле водопадов, в огненных клубах пара, которые взлетали за парашютом в мутную высь, Катюша стояла с девчатами около блока и смотрела на

работу комсомольцев. Опалубка уже была почти заполнена вся. Бычок высотой в сорок два метра стоял готовым. Сейчас плотники, во главе с Трифоном Подобедовым, приступят к сборке щитов. Сегодня же в полете между бычками будет опущен каркас, чтобы прекратить доступ воды и водослив.

Дружной артелькой, с утренним сном в припухших лицах, шли ребята бригады Максюка. В комбинезонах, они шагали тяжеловесно и мягко в своих резиновых сапогах, и сапоги эти, чисто вымытые и все-таки чумазные от цемента, упруго вздрагивали широкими раструбами голенищ. Парни шли, невнятно болтая и смеясь, и посматривали на кран с тяжелой пластиной на тросе в отпечатках неструганых досок. Максюк остановился перед краном и что-то кричал машинисту, махая рукой и скаля зубы, а его поддерживали ребята смехом и свистом.

Парни из сменной бригады топтались в блоке Катюши и посматривали на девчат злыми глазами.

Катюша наблюдала за стрелой крана, за тросами, за бадьей и такелажником. Такелажник, молодой парень, с красным лицом, с красной небритой щетиной, с красными белками, должно быть, упал духом: насилуя себя, он едва поднимал руку и тоскливо позевывал, безнадежно поглядывая на бадью и на блок. Бадья крутилась, издеваясь над ним. Хотя расстояние между концом стрелы и блоком было небольшое, тросы скручивались в сплошной железный канатик. Приходилось ждать, когда бадья замрет в неподвижности, чтобы крикнуть машинисту: «Майна...». Тросы грозили разрывом, они тускло блестели волокнами проволоки и, казалось, хрустели от натуги.

Валя Анохина стояла перед такелажником, упиравшись руками в бока, и деловито покрикивала:

— Это же — преступление работать с такими тросами... Это же — катастрофа, товарищи...

А такелажник делал вид, что не слышит ее голоса.

Валя привыкла уже к производственной брани, к терпкой матершинке, и са-

ма подчас ругалась храбро, с девчатым неведением, на потеху рабочим.

Катюша не отрывала глаз от тросов и бадьи и нестерпимо ждала чего-то. Она иногда вскрикивала, точно ей было больно, и не слышала и не видела ничего, что вокруг нее совершается.

Девчата надоедливо толпились около нее, тискали, толкали, и от этого ей было тягостно.

— Ну, чего вы мнетесь около меня? — озлилась она: — Дайте вздохнуть свободно... Хоть бы кто-нибудь из вас подумал, как выйти из тяжелого положения... Что за куриные мозги!..

Девчата смутились и отшагнули назад. Только Валя Анохина как ни в чем не бывало лихо притопнула резиновыми сапогами.

— Дорогой бригадир! Что же с нас взять? Мы же только можем похвалиться своими кастрюлями на ногах...

А ребята из блока рады были придраться к случаю:

— Браво, кастрюли!.. Кастрюли в штанах... кастрюли под парусом...

— Петушки ледащие!.. Топчете кур, а без всякого толка...

Девчата визгливо захохотали и захлопали в ладошки. Эта кличка — «кастрюли» — осталась за девчатами еще с памятных дней летней мобилизации.

... Гнедова нет. Неужели он забыл — замотался, увяз в ворохах изобретательских предложений? Неужели и Цезарь и Бочка не обратили внимания на исключительное это событие? Ведь тут нельзя медлить ни одной минуты... Как же будут они работать, когда бадья отказывается служить, а машинист и такелажник тупеют от бессилия?

А ребята, забрызганные цементом, изнуренные и мертвенно-серые в рассветном тумане, страдая и беснуясь, орала из блока:

— Ну, майнай же, чорт!.. такелажник!.. Ведь нас же сегодня подвезет вместе с тобой и машинистом на черной доске. Ведь табельщик изобразит черепаху...

Но такелажник тоскливо позевывал,

равнодушно смотрел на бадью, чтобы уловить момент, когда крикнуть фальцетом: «Майна, разом!..». А бадья сонно кружилась над головами ребят.

— Табельщик, сколько уложено?

Невинно усмехаясь, табельщик лениво прикрывал глаза белобрысыми ресницами.

— Тридцать девять бадей. Поздравляю с победой...

Ребята даже шарахнулись к стенкам опалубки.

— Это ты брешешь, табельщик... Ты нас провоцируешь... По самым скромным подсчетам — не меньше пятидесяти... Мы это даже печенкой чувствуем.

— Плохо чувствует ваша печенка...

— Майна!.. разом!.. — пропел такелажник и махнул рукою. Бадья ринулась вниз. Тросы затрещали, и что-то лопнуло в них, как туго натянутые струны.

— Берегись!..

Но ребята гурьбой бросились к бадье с протянутыми руками.

... А Гнедова все нет. На плотине — обычная деловая работа. В огненно-голубом тумане прозрачно вздымались в высь башни бычков на правом крыле плотины, а на левом — на мостовых перекрытиях — темнели силуэты кранов. Внизу, в котловане, в центре плотины, звонили и брякали тяжелым железом сандерсоны. И там же, в каньонах шлюза, шепеляво стрекотали и грохали ковшами экскаваторы. Неумолчно пели пропеллерами пневматические механизмы. В котловане и в камерах шлюза тысячи каменоломов трудились над разрушением и расчисткой гранитов. Может быть, и они так же, как и ребята и Катюша с своими девчатами, страдают и волнуются от неудач: ведь там в общей сложности нужно вынуть в течение месяца сотни тысяч кубометров...

И Катюша металась по дощатым настилам плотины, по рельсам, натыкалась на вороха досок, металла, щитов, арматуры и вагонных площадок, готовая завить от бешенства.

Трифон Подобедов с топориком в руках топтался вместе со своими плотниками у блока и что-то напевал фальцетиком, улыбаясь морщинками и потря-

хивая бороденкой. Слушая Трифона, смеялись плотники и посматривали на огненный пар и туман над отвалами земли и камня на левом берегу, на сверкающие в мутной вышине облака.

... Конечно, иначе и быть не могло: кто с ней будет считаться? Комсомолка Катя Бычкова... бригада девчат где-то на правобережном блоке... смешной какой-то треугольник в ученической тетрадке... Они ведь, эти инженеры, как высшие мастера, орудут всякими чертежными инструментами... И чертежи их на огромных листах бумаги похожи на сложные и причудливые кружева... Катя Бычкова? Это кто же такая?.. Ах, бетонщица?.. Сколько ей лет?.. Ага, окончила семилетку... Но ведь мы же давно знаем, что такое равнобедренный треугольник... Передача стрелы?.. Но у нас же ведь есть инженеры... Почему бы не прекратить этот изобретательский зуд?.. Девчужке нужно раз'яснить, что она изобрела только наперсток...

3

Татьяна, в синем берете, в теплой фуфайке, подошла к блоку и молча оглядела и ребят, и тросы, и кран. По строгим бровям видно было, что она сразу поняла положение дел.

Из блока ребята закричали все вместе, и в реве их нельзя было понять, что, собственно, они хотели ей доказать. А она так же безразлично, не слушая их, отмечала, обследуя глазами стрелу крана и тросы:

— Вы должны были положить бетон уже в новой опалубке. Щиты лежат рядом нетронутые.

Она поманила рукой десятника. С неостывшей улыбкой он шел к ней неторопливо, переживая что-то приятное, что осталось у него от разговора с каким-то молодым человеком в пенсне. Десятник был опытный, выдавший виды, работяга. Глазки у него были лживые и смотрели на Татьяну с небоязливым лукавством.

— Немедленно перемените тросы, Одеядкин. Почему вы не сделали этого раньше?

— Нет тросов, товарищ Братцева.

— То-есть как это нет тросов? Должны быть всегда наготове. Приступите сейчас же.

— А я вам, товарищ Братцева, заявляю, что тросов нет. Эти тросы у нас горят через пять-семь дней. Не напа-сешься. Пусть обращаются с ними экономнее: мы их получаем из Америки на чистое золото.

Ребята галдели, вылезали из опалубки, красные, бледные, измученные, упавшие духом. Они обступили Татьяну и десятника и мешали им говорить своим галдежом. Девчата и плотники тоже вмешались в эту крикливую кучу. Десятник презрительно не замечал обступивших его ребят, а с Татьяной держал себя с насмешливой почтительностью.

— Подвиньте сюда новый кран, а на этом в течение часа перемените тросы.

Одеялкин прищурился и, усмехаясь, пожал плечами:

— Это дело не мое. Я выполняю распоряжение прораба. Тросы должны работать полмесяца, а здесь рвут их через неделю. Обратитесь в отдел эксплуатации.

Татьяна оборвала его суховаго:

— Извольте выполнить приказ сменного прораба, которому вы непосредственно подчинены.

И, отвернувшись от него, улыбнулась девчатам. Одеядкин щурил ей в спину то один, то другой глаз.

Катюша смотрела вдоль плотины и не замечала никого рядом с собою. Гнедова нет: значит, придется сейчас вступать в работу в худших условиях, чем вчера, — тросы совсем не годятся, и бадня при каждом новом под'еме может рухнуть. Она уже заметила, что стальные нити каната сверкали разрывами и торчали щетинкой, как стебель шиповника. Этот день плыл на нее, как тяжелое предчувствие беды. Она знала, что бригада не положит и сорока бадей, и завтра в газете будет разносная статья, а может быть, и убийственная карикатура.

Татьяна шутила с девчатами, и Катюша с болью и отвращением слышала звонкий, безмятежный хохот Вали Анохиной.

Инженер Корытин с обычной угрюмостью подошел к Татьяне и что-то озабоченно начал ей доказывать. Татьяна сдвинула брови и тоже поугрюмела. Оба стали глядеть в даль и молча обдумывать какое-то непредвиденное затруднение. К ним подошел Максюк и вмешался в их разговор, живо работая руками. Корытин скучно и досадливо хмурился на него, и видно было, что он вовсе не желает его слушать.

Катюша стояла у парапета и одиноко страдала. И девчата, и Максюк, и Татьяна, и люди, и громовое дыхание утра были ей невыносимы: если бы сейчас пойти домой и крепко уснуть... Она почему-то устала смертельно и не в состоянии принять незаконченный блок от незадачливой смены. Этот день будет для нее одним из самых страшных в ее жизни: или сегодня она должна победить (но Гнедова нет и, вероятно, не будет), или замереть на много дней, потому что при скандальных провалах даже победы и многократные взлеты не в силах искупить одного позорного поражения. Гнедов ранил ее сейчас и обрек на позорище перед массами стройки. Разве она в силах перенести это без потрясения? Ведь каждый имеет право пригвоздить ее взглядом и издевательским словом. Ведь завтра, а может быть, даже сегодня, ее с девчатами будут прорабатывать на собраниях и в листовках, и в стеннухах и выносить решения: «заклеймить позором»... «не место в наших рядах»... «дойой ажеударников»...

К ней подошел Максюк и что-то говорил ей, горячо и смешливо, но она ничего не понимала. Он замолчал изумленно и потряс ее за плечо:

— Что с тобой приключилось, Катюша? Больная ты, что ли?

— Отстань!.. Не мешай мне, пожалуйста...

— Ты пойми же, что происходит, Катюша... Никто не согласен спуститься в бадью к водосливу, чтобы прочистить пазы... Каменщики отказались... соседняя бригада бетонщиков отказалась...

— Ну, а ты?

— А что я? Я ж доказываю им, что здесь ничего нет невозможного. Не от-

шлифовались, конечно, сезонники. Они привыкли делать то, что другими захватано.

Катюша безучастно смотрела мимо Максюка:

— Мне нужен Гнедов дозарезу... Я сейчас — как перед смертью...

— А этот Корытин, понимаешь, не соглашается: говорит, что совсем не желает попасть под суд...

«Он же совсем неумный и нечуткий парень...» — с обидой решила Катя и отвернулась от Максюка.

— А может, Катерина, до смены с тобой потюкаем?..

«О чем это он?.. Ему все равно, лишь бы как-нибудь отличиться. Ведь он же ничего не знает о мухе... И не надо... и девчата не знают... Пусть останется это во мне... Слишком я глупо держу себя. Нельзя давать повода к подозрениям. На меня обращают внимание... Если увидят, что я нервничаю, девчата скиснут и ударятся в панику».

Она вздохнула и сделала бодрое лицо.

— Я ничего не понимаю, Макс... О чем ты говоришь?

— Вот какая ты бестолковая, Катерина!.. Корытин и Братцева никак не соглашаются... А дело — пустяк: молоток и зубило... спуститься в бадью... Наш пример поразит всех до помрачения...

Катюша встала и пошла к Татьяне.

Трифон говорил певучей фистулой, с хитрой улыбочкой:

— Да ведь к чему я, товарищ инженерша... Меня ведь ветром снесет, как осенний листочек... Какая во мне спорынья? Взмахну я молоточком и выпорхну воробьем... Ни пуха ни пера... Тут надобно животную тяжеловесную...

Корытин угрюмо бурчал:

— Да бросьте вы его к чорту, Братцева! Если я не найду добровольцев, я полезу сам.

— Татьянушка, это же дело на четверть часа... Тут же не нужно никакой квалификации... Мы с Максом сейчас же и спустимся.

Татьяна, к удивлению Кати, сердито оборвала ее:

— Не ерунди, Катерина, пожалуйста! Думай о своей работе. Сейчас вам с Максом надо принимать смену. А это дело вас не касается.

Корытин, серый и злой, ругался, ни к кому не обращаясь:

— Вот чортово положение... Никак еще мы не можем побороть партизанщину. А туда же, мировые рекорды... торжественные обещания...

— Ну, что вам стоит, товарищ Корытин?.. возьмем и попробуем... Попытка — не пытка...

Корытин с злой скукой огрызнулся:

— И пробовать нечего. Нам, дорогая моя, молодечество не нужно. Мы дорожим только верным делом и проверенным действием.

Максюк потянул Катюшу за рукав и мигнул ей: пусть, мол, они здесь спорят и препираются, а мы пойдем и сами это дело состряпаем.

4

Кран стоял между двумя бычками, готовыми к прокладке мостовых ферм. Эти мостовые перекрытия шли с правого и с левого берега на небольшом протяжении. И в правом и в левом протоках соединительные стенки доведены были до разных отметок. Бетон клался там постепенно и попеременно — «пионерным способом», — в то время, когда вся масса воды еще устремлялась в средний проток. Ранним летом, когда перемычки преградили доступ воды в средний котлован, вода поднялась на несколько метров, залила песчаные отмели правого берега и ринулась в широкие просторы и правого и левого крыла плотины. Пока шли работы по выемке грунта в среднем котловане, наращивались соединительные стенки левой стороны дуги. На правом же протоке шла усиленная кладка бетона на девяти бычках. В пролеты бычков и между перемычками раньше опускались шандоры, но тогда вода была еще низкой: она не поднималась выше ординара. Водолазы привычно погружались в реку в своих костюмах и скафандрах и работали на дне, как всегда, с неторопливой медлительностью и неустойчивостью. Свер-

ху видно было, как в темнокоричневой глубине призрачно двигались и шатались из стороны в сторону огромные размытые уроды. Теперь же нужно было впервые приступить к спуску металлических каркасов. Река в верхнем бьефе уже разливалась широко и зеркально: уже не было там былой стремительности и водоворотов. Но перед водосливами она начинала играть, морщиться, густо и упруго горбиться и, упираясь в шершавые спины бычков, масляной лавиной, с журчаньем и звоном, устремлялась к гладкому наклону бетонного ложа. Внизу водослива эта масляная лавина с оглушительным ревом и гулом вверглась в дымные вихри, в клокочущие взрывы, в облака пара, в кипящие водовороты. Для того, чтобы опустить каркас в этот водопад, нужно было очистить зубилом пазы от потоков и наростов цемента.

Бригада бетонщиков из сезонников отказалась спуститься в бадье, и, когда Корытин пригрозил расчетом, они (как он вспоминал потом), бледные и изуренные страхом, все хором ответили, что они готовы уйти с плотины хоть «сей минут», потому что «живот у них свой, а не казенный».

Корытину надо было сдавать дежурство Татьяне, График работ нарушался: бетонщики из бригады сезонников, которые работали здесь недавно, привыкли топтать бетон в надежном и сухом месте — в крепких перемычках, в окружении гранитных скал. Они даже сначала отказывались наращивать бычки до высоких отметок — боялись глубины, но, когда бригады комсомольцев захватили их бычки, они смутились и робко заняли свои места. Потом они привыкли и даже гордились, что они не просто какие-нибудь, здорово живешь, курские соловьи, а строят гига н т. Когда Корытин увидел их похудевшие лица и мутные глаза, он понял, что эти люди г прозодежде страшны в своей трусости. Было мгновение, когда он начальственно повысил голос, чтобы не потерять своего престижа: они сделают то, что требуется по ходу работ, хотя бы пришлось ломать рога самому чорту. Один из сезонников, кри-

воглазый, с злым клювом, содрал картуз и, обжигая Кобытина ехидством в зрячем глазу, напер на него плечом.

— Ты, друг, не тем боталом бьешь. Лезь сам, а мы поглядим... Может, тогда и я жертву воздам...

Все усталились на Кобытина с коварной мстительностью. Кобытин равнодушно и решительно кивнул ему головой:

— Бери инструменты. Пошли.

И крикнул, махнув рукою:

— Такелажник, давай бадью!

Он оглядел и рабочего, и бадью, и кран и пошагал к пролету. Сезонник медленно напялил на голову картуз, высморкался, подумал, потом опять снял картуз и церемонно прижал к груди:

— С тобой мне-ста нехватит места...

И оскалил зубы.

Трифон Подобедов легким шагом, как-то вприпрыжку, подпрыгивая облезлой головкой, шел за Катюшей и Максюком и со слезливо-восторженной улыбкой прислушивался к их разговору. Он вытягивал дряблую шею в толстых жилах, гмыкал, чмокал и изумленно пошлепывал себя ладонями по ляшкам. Он забыл о своей артели, которая осталась у блока, и никак не мог оторваться от этих ребят. Он нюхал Катюшу, бормотал что-то себе в бородавку, покачивал головой и покрывал неодобрительно:

— Хм, дела-то какие!.. Кудри мои, стружки золотые... ай-яй-яй, разве это допустимое дело?..

Над пролетом бычков стоял чумазый от мазута и угля кран с пустой бадьей. Кран дремал от усталости и посапывал паром. В кабине было темно и дымно. Такелажник стоял, опираясь спиной на тележку крана, и спал с отвислой нижней челюстью. Руки он сложил на груди, а ноги широко расставил для устойчивости. Во сне лицо его посерело и казалось измученным, с подбородка тонкой нитью стекала слюна. В этом месте было пусто, но через один бычок работа шла людно, хлопотливо: стрелы кранов вращались все вместе — карусельно, скрещиваясь и разлетаясь в разные стороны. В утреннем солнечно-голубом

туманце вспыхивали золотом новые щиты опалубки.

В среднем котловане, глубоко внизу, шла гулкая работа: издали чувствовалась многолюдная толпа, далекие крики, вой перфораторов, лязгающий грохот и звон механизмов. Где-то очень далеко, должно быть, на стройке железнодорожных мостов, глухо, замирающим эхом вздыхали взрывы. И Катюше казалось все необычайно огромным, полным нечеловеческого движения, точно сама природа волновалась какими-то скрытыми в недрах переворотами. И чувствовала, что в этом необъятном размахе труда и она, Катюша, — сила, что она вот сейчас совершит какое-то большое дело, на которое неспособны взрослые, что в это перламутровое утро она до слез волнуется и сердце ее обливается кровью... Ах, этот проклятый Гнедов!..

Какой надоеда этот Трифон! Что ему нужно? Зачем он плетется за нею? Она даже слышит за спиной его стариковское дыхание.

Гурьбою догоняли их девчата и кричали, как галки.

Глаша украдкой теребила рукав комбинезона Катюши и лепетала растерянно:

— Ты, Катюша, это оставь... Я не могу... Это, Катюшка, безумие...

Максюк весело выступал вперед, будто хотел обратить на себя общее внимание:

— Беспримерно верно... Катеринке лезть нечего... Мы это выполним вместе с Трифоном Подобедовым. Лезем с тобой, доблестный плотник...

Трифон улыбался плаксиво и, когда схватил его за рукав Максюк, задрожал от страха — опустил руки, одурел, затряс бородавку и залепетал, приседая и пятясь назад:

— Я ведь, милочок, — легонький и махонькой, как пух: дунь и — нет меня. Чего с меня взять?.. Мне ведь положено только работать по дереву...

— Ну, нечего ломаться, Подобедов. Не скромничай. Мы ведь все знаем, как проворно летаешь ты по опалубкам... Для нас, молодых, ты — пример поучительный... Лезем, старик!..

— Нет, соколик... — Трифон подпрыгивал, как скоморох. — Нет, миленький вьюнош, сынок дорогой... боюсь я... Боюсь я этой пучины до невозможности...

Катя разбудила такелажника и машиниста, и они сначала не понимали, в чем дело.

С печально тяжелыми веками, такелажник промычал:

— К чертовой бабушке!.. Спать хочу... Я стою третью смену... Один — на бюллетень, другой — на плетень... Оба женатые, а я — холостой... Шагайте, куда продолжали... к чертовой бабушке...

Он нахлобучил кепку и поудобнее сложил руки на груди.

Максюк сдвинул ему кепку на затылок и скомандовал:

— Такелажник, — бадью!.. На очистку пазов... Строгое распоряжение праба Корытина... Живо, разом!..

Такелажник вытаращил на него красные злые глаза, но вдруг размяк, потянулся и завыл, позевывая:

— А где этот самый Корытин?

— Вон там... видишь, у блока... и Братцева там... Сезонники-то струсили...

— Эх, помешали вы мне подремать, грешники... Мочи нет... Запорошило очи... и веки — по пуду... как у Вия...

И он упавшим голосом покорно зашел:

— Давай бадью, машинист...

И раздирал рот в неудержимой зевоте. Он был похож на больного. Максюк передал инструменты Катюше и впрыгнул в бадью. Оба они казались аэронавтами в корзине воздушного шара, готового к отлету. Лица у девчат были испуганные, тревожные, настороженные. У Глаши дрожали губы, и она сдерживалась изо всех сил, чтобы не заплакать. А Валя озорно вскакивала на край бадьи, но впрыгнуть не могла.

Катюша осматривала трос на дуге бадьи. Девчата толпились вокруг и кричали что-то Максю и ей, не слушая друг друга. А Максюк жонглировал молотком и зубилом над их головами.

Машинист высунулся из кабины,

черный и потный, как негр. Такелажник, слепой от дремоты, уныло пропел: — Вира-а! Мала-а!..

И почему-то с злым равнодушием прибавил:

— Вот и отдувайся... холостые за женатых...

А Трифон стонал, шлепая руками по бедрам:

— Ой-бой, такелажник!.. Гляди, как бы чего не вышло... Разве это мыслимо?.. Не майнай ты, голах!.. Легковерный ты сом... налим — глаза нали!..

— А ну-ка, ты... Трифон в дыру зачихан... к чертовой бабушке...

Бадья тихо поднялась над головами девчат и плавно поплыла к пролету. Девочки махали руками, будто прощались с Катюшей и Максюм. А он судорожно улыбался, держась за край бадьи. Катюша вцепилась одной рукой в дугу, другой приветственно отдавала девчатам честь.

Бадья остановилась, застыла над пропастью и закружилась. Она дрожала под ногами Кати, и эта дрожь струилась по телу, как электрический ток. На мгновение Катюша встретилась с глазами Макса, и оба они почему-то смущенно улыбнулись. Снизу кричали девчата:

— Берегись, ребята!.. Катя!.. Максюк!.. Осторожнее... Смотрите в оба...

Катюша помахала им ручкой. Максюк стоял, повернувшись к ним спиной, и позванивал инструментами.

Крики девчат вдруг замерли, и Катюша ощутила мягкое замирание внутри. Бадья очень тихо опускалась вниз. Она начала медленно кружиться, и девчата с застывшими от любопытства и страха глазами уползли куда-то в сторону и вверх.

Был миг, когда Кате хотелось крикнуть в ужасе:

— Не могу! Вирайте!.. Я отказываюсь...

Но Максюк весело посвистывал, с любопытством глядел вниз, в упруго-струистую спину несущейся воды, и лукаво подбадривал Катюшу:

— Веселей, Катеринка!..

Медленно ползла вверх шершавая мокрая стена бычка с отпечатками досок.

Отпечатки были очень четки: заметны были даже мельчайшие слои дерева, сучки и мелкая рябь распиловки. И эта стена тоже уползала вверх. Открылся воздушный пролет, и далеко внизу буживала вода взрывами брызг и пара. А дальше, в просторах разлива, сверкала река. Вон гранитные островки посреди не реки, и на одном из них — круглая башенка, похожая на маяк.

Катюша заглянула вниз через край бадьи, и у ней до тошноты закружилась голова: глянцева коричневая поверхность, горбатая, выпученная, с пересекающимися струйками, со щепочками и мелким сором, неотвратимо приближалась к ней, разбухая до отвращения. Катя инстинктивно впилась обеими руками в дугу бадьи и почти висела, не сознавая, что она делает, и не ощущая боли от острых зубьев железа. Вверху было тихо, и Катя знала, что оттуда смотрят все с замирающим сердцем. Кто-то из девчат пискнул, точно от боли, и Кате показалось, что это вскрикнула Глаша: должно быть, она не выдержала и отпрянула от глубины пролета.

Почему они так долго майнают? Надо остановить бадью — вода уже близко. А самое страшное — это скрежет троса, который скручивается веревкой.

Максюк крикнул испуганно и, как показалось Катюше, оглушительно:

— Сто-оп!..

Наверху закричали разногласно, не поймешь что, и голоса гулко завывали между бычками.

Мягкий и сильный удар снизу рванул бадью в сторону и повернул ее на полный оборот. Катюша на-весу ощутила, как у ней оторвались ноги, скользнули по дну и ударились о стенку бадьи. Максьюк метнулся в ту же сторону.

— Черти! Дьяволы! Вира-а!..

Катя ощутила, как дернуло вверх бадью, но под'ема не заметила. Видела только, как стена бычка летела прямо на нее и как-то неуклюже отпрянула вбок.

Второй удар рванул с такой страшной силой, что Катюша полетела (так почудилось ей) в ураган водометов и

тумана, точно брошенная взрывом. Все закувыркалось и завертелось в вихре, и Катюша в безумном страхе увидела на миг, что вся эта глянцего-рыжая машина воды хлынула на нее и окатила оглушительно и огромно. Где-то высоко пронзительно орали люди, но эти крики казались очень далекими, как писк котят. Она уже больше не видела Максьюка, — должно быть, он лег на дно бадьи, но ноги ее не ощущали его тела.

— Максьюк!.. держись!..

Но Максьюк не ответил ей, и внизу была свободная пустота.

Бадью вдруг первернуло набок ударом волны и вьюгой брызг. В последних вспышках сознания Катюша с отчаянием отметила, что ее руки отрезает от дуги бадьи какой-то скользкий и сосущий слизняк. И в этот же миг ей почудилось, что она увидела смертельно выпученные глаза Максьюка, оскал его зубов, потом судорожный взмах руки, и опять все исчезло в вихрях брызг и пара,

5

Очнулась она совсем спокойно и тихо. Над нею голубело небо, и небо жгло ее лицо жаром и колючим светом. Где-то глубоко грохотали водопады. Над нею склонялись много лиц и смотрели на нее пристально и потрясенно. Около нее на коленях стояла Глаша и визгливо плакала. Напльвом склонилось почти грозное лицо Татьяны с глянцего приглаженными волосами.

— Танечка!..

— Ну, и хорошо... очнулась... живая...

— А Максьюк?.. Где Максьюк, девочки?

Кошмарные вихри воды, мелькнувший взмах руки с судорожно растопыренными пальцами, оскаленные зубы обожгли ее, как кошмар. Нет, этого случиться не могло, этому нельзя поверить...

Она быстро села и вцепилась в руки Татьяны:

— Говори мне, пожалуйста, Танечка... он жив, да?.. Я хочу видеть его...

И ей показалось, что все отпрянули от нее, а Татьяна отвела в сторону гневное лицо.

Валечка Анохина засуетилась и зашебетала фальшивой скороговоркой:

— Он, Максюк, Катериночка, там... Ты не тревожься, милая...

— Врешь, Валька!.. Говори сейчас же, что с ним такое...

Татьяна подняла ее под руку.

— Ну, вставай!..

И с угрозой крикнула куда-то в сторону:

— Как же ты смел, как смел майнать, когда не было распоряжения?..

И только в ту минуту, когда Катю подняли на ноги, она заметила такелажника. Он стоял в стороне, синий от страха, вытирал руки о комбинезон и плаксиво гримасничал.

Катюша пронзительно крикнула и рыхло поползла вниз. Ее посадили на доски, и Татьяна прижала к себе ее голову:

— Не реви! Знала, что делала... Умей отвечать за поступки...

Катюша плакала, захлебываясь слезами, беспомощная и убитая. Плакали и девочки. Кто-то из них угрюмо бормотал:

— Это Катька одна виновата... За это надо не только — из комсомола, а судить надо... Пропечатать погуще...

Глаша, рыдая, взвизгнула:

— Неправда!.. не только Катя... и во все она не виновата... а виноваты мы... и ты в первую голову...

Катюша освободилась из рук Татьяны и встала. Она уже не плакала.

Корытин стоял поодаль, мутный и серый, точно его схватила лихорадка.

Только сейчас Катюша заметила Трифона. Он сидел на бревнах, обхватив обезлую голову жилистыми руками, и, низко склонившись к коленям, качался из стороны в сторону и бормотал, как пьяный:

— Эх, Максимка, Максимка!.. Что же это делается, щепочки мои восковые!.. Ах, ребятишки, ребятишки, ребятишки!.. И я — старый чорт... старый страм... старый пуп...

6

Тело Максюка так и не нашли в нижнем бьефе. Кто-то уверял в толпе, что видел в бурлящих водоворотах красную пену и оторванные руки и ноги. Кто-то оживленно врал, что отчетливо заметил, как футбольным мячом прыгала в волнах голова Максюка. Этим свидетелям не верили, но не спорили с ними. По береговым скалам елозил безумный человек в комбинезоне, большеголовый, с всклокоченными волосами, и выл волком.

Явились на берег водолазы, отчалили на своей моторной лодке и на широком генистом разливе спустили разбухшую серую тушу в скафандре. Работали они сосредоточенно, скучно, долго; лодка блуждала с места на место, и всем казалось, что водолаз работает по обследованию дна для каких-то очередных строительных надобностей. И, когда наконец он вынырнул из воды и с него сняли скафандр, он крикнул с обидой:

— Пустопорожняя работа... Никаких следов...

Несчастье с Максюком взбудоражило всех, и люди столпились у крана. Рабочие из новой смены под руководством Корытина буднично и незаметно спустились в пролет. Только после прочистки пазов Корытин сдал дежурство Татьяне.

Когда готовили к спуску каркас, Татьяна подошла к парапету. Ей хотелось немного отдохнуть от пережитых волнений. У парапета стояли рабочие в прозодежде из ночной смены. Они встретили Татьяну молча и враждебно. Она стала смотреть вниз, на реку, пеструю, мраморную от пены. Снизу, из-за барьера, взрывались вихрями клубы пара и мелкая изморось. Изморось холодно оседала на лицо и на волосы, пылила в глаза, а пар ветром бил порывами и туманил дали пенистого разлива. Люди, которые час назад относились к ней почтительно, с веселой готовностью подчиниться ей, теперь как-то отяжелели, ушли в себя и мстительно замкнулись. Это были бетонщики из смены Корытина. Как-то очень остро ощутила она, что среди них она одинока. От неожи-

данности она растерялась в первый миг и не знала, как держать себя с ними.

Здесь стоял и Никитин, белокурый, добродушный десятник по бетонным работам, который был предан ей до обожания. Он делал вид, что внимательно следит за лодками, но лицо его было тревожно. Один из бетонщиков ударил кулаком по барьеру и злобенько засмеялся:

— Вот и гляди, как оно... с нашим братом-то... самоотверженно... Даже детишки в отход идут... Хуже изюма... Вот оно как... от изюма хоть пользы бетону... А вот тут был этакий вьюный парешок и паром вышел в расход...

Бетонщик говорил с издевательским восхищением, но каждое слово его дышало такой ненавистью, что на него с опаской взглянули соседи и стали поплевывать вниз, через барьер. Говорить было трудно из-за оглушительного грохота, и бетонщик орал, с кровью в лице. Он взглянул на Татьяну, не видя ее, но говорил только для нее. Один глаз у него совсем прищурился, а другой был стеклянно мертв.

— И детишков-то не шадят... Зачем детишков-то?.. Ну, пушай бы люди в годах и в силе... А детишки-то?.. Тут и обмозоленному судьбой — не род-занятие... А парнишка... парешок этот — кутюк же несчастный. Глядите, как отец-то мается... Кто ему мальчишку-то возобновит?..

Никитин страдал, но старался не уронить своего достоинства. Перед Татьяной он хотел показать себя беспристрастным и рассудительным человеком. Он выпрямился и умно скосил голову, закатывая глаза под лоб:

— Обвинение тут неосновательное, товарищи... Ребята сами завладели бадьей... Самоуправно... Ну, такелажник смайнал, конечно... без надлежащей бдительности... И с тросом неладно, и сам — в полусне... Опять же парнишка-то распорядился самозванно...

Бородатый бетонщик в военном картузе волком оглядел всех, и у него задрожала голова:

— Я бы этих распорядителей... за горло и — в пучину... Разве это по-

добно?.. У нас бы в деревне... кишки бы выпустили...

Татьяне стало жутко. Зачем нужно было ей подходить к этим бетонщикам? Почему она очутилась у этого барьера? Между нею и этими людьми была какая-то гнетущая пустота. Чудилось, что она стоит на каком-то острие и вокруг нее — бездна. Чувствовала она, что у ней высохло тело и кожа стала хрупкой и ломкой, как стекло. Украдкой она оглянулась и увидела, как к ней идет говорливая, усталая группа комсомольцев-бетонщиков из блока Катюши. Значит, она с девушками заняла свое место.

Татьяна бесцеремонно отодвинула плечом парня с глазом в прищурку:

— Болтать вы про себя очень горазды. Согласна. Но вот дети, к которым вы очень сердобольны, не побоялись опасности... Ты струсил, дезертировал... а ты обязан был спуститься в первую голову... А теперь разводишь демагогию...

Рабочий совсем прищурился, и у него задрожали губы. Он отпрянул от перил, вцепился в поручни одной рукой, и грязные пальцы его посинели.

— Он вон где... этот парнишка-то... — взвизгнул он, задыхаясь: — Видишь?.. Ты его родишь? отцу-то его отдашь?.. Чего теперь будешь делать с человеком-то?

Татьяна в упор уставилась в рабочего и молча изучала его гневными глазами. Все тоже глядели, что получится из этого. Никитин наклонился еще ниже над перилами и весь с'ежился. Татьяна не отрывала лица от зрячего глаза рабочего и ждала, когда он провизжится. Это безмолвное ожидание, этот пристальный немигающий ее взгляд действовали на рабочего странно: он начал подергивать плечами, топтаться на месте и избегать глаз Татьяны. Рабочие сгрудились в кучку и поощрительно напирали на него и подкашливали. Двое стоящих сзади, перебивая друг друга, перекликались одними и теми же словами, даже кричающие голоса были одинаковы:

— Она вот тут красуется... а чтобы... этак... пострадать за рабочего...

— Вот, вот... сама не страдает, а красуется... Рабочий человек для них — бут и езюм...

— Для них мы все — езюм... А ребяташков — в зыбку и башкой в прорву...

— Вот... и — в прорву... Чего ты ей, Кузьма, внушаешь?..

— Понятно, чего внушаешь?.. Ты, Кузьма, ее не прельстишь... Она вон какая правдивая...

Татьяна, как глухая, все смотрела в зрячий глаз Кузьмы, не мигая.

Никитин пересилил себя, стал рядом с Татьяной, тяжело и изнуренно.

— Вы бы, Татьяна Ивановна, отошли от греха. Знаете, этот народ... чертолом... Все может случиться...

— Этот народ, Никитин, называется ударниками. А ударники дорожат своей честью. Ты оскорбляешь их, Никитин.

— То-есть, я, Татьяна Ивановна... никак не думал... Я, то-есть, как бы выразиться, в качестве предупреждения...

— Раз не думал, нечего предупреждать, а раз предупреждаешь, значит думал...

Рабочие с интересом придвинулись ближе. Кое-кто засмеялся.

— Ловко!.. бреет без мыла... и язык не точит...

Прищуренный глаз бетонщика пыливо прозрел. Медленно оглядев товарищей, сезонник ухмыльнулся, но сразу же освирипел, потом опять оглядел рабочих, прищуренное веко задрожало и раскрылось. Он оскалил зубы.

— Она — ученая... В институтах у них — лекции... а от лекций язык легче...

Прихлынула ватага парней и наперла на рабочих.

— В чем дело, граждане? Что это тут за саботеры бузят?

Татьяна обомлела от неожиданности: это были не комсомольцы из блока Катюши, а бригада Сыча — те беспризорники, которых она приняла на работу летом. Работали они на бетоне на правом крыле плотины и лихо соревновались с левым берегом. Сыч уже красовался на страничке газеты и гордился этим на каждом шагу. Он прибежал

после этого на квартиру к Татьяне (не нашел ее на участке) и сразу же развернул перед нею печатный лист. Лицо его, восторженное, пылающее румянцем, сияло гордостью. Это было совсем другое — неузнаваемое лицо: в эти минуты оно было даже красиво. Тифозной одутловатости уже не было. Он щелкнул пальцем по своему портрету и самодовольно протянул ей измятый лист:

— Вот, товарищ Братцева... был Сыч, босявня, а теперь, мое почтение, — слава ныне и присно...

И вот сейчас этот Сыч с ребяташками без стеснения втерся в толпу сезонников.

— Предлагаю, граждане, отдать честь ударной бригаде бывших правонарушителей. Товарищ Братцева, сдай назад на семьдесят пять сантиметров. Парень решил с рыбами познакомиться. Не суй в воду носа, ежели нос — сопленик. А кто виноват? кто — в ответе? Вы, саботеры.

— Эх, вот как босявка подвел. Держись, ребята!..

— Босяки, они — артисты, удивительное дело: они не только что карманы — мозги обчистят у всякой чистосердечной нации... Наблюдай.

— Вот это — да. Мы же сердцем болим, мы же, выходит, по балансу, и в ответе...

— Закопер! Скоротечно преподнес резолюцию.

А Сыч наступал на них, и вместе с ним — пацаны.

— Ручаюсь, саботеры, в газете все ваши имена пропечатают...

Сыч тыкал пальцем в грудь бетонщику с прищуренным глазом и палил ему в упор слово за словом:

— Ты в смене был? Был. Кто обязан был спуститься в бадье? Ты.

— Ну, это... пошел к матери в штаны...

— Ты и вот этот усан... — уверенно внушал Сыч. — Я, брат, будь спокоен, все знаю...

Рабочий мигал смущенно и пожимал плечами. Он тоже пятился назад. Усач тянул его за рукав.

— Ну, бу-удя, Кузьма... Чего связываешься с драной сволотой?.. Они из кочерги ероплан делают.

— Ишь, какой следователь сыскался... болдуин!.. Ты мне не тыкай... а то так тыкну...

Сыч бил безбоязненно, и его ребята держались уверенно, независимо, вызывающе:

— А ты вот стоишь здесь с своим усаном и бузишь... А через тебя парню — амба.

А ребята орали вперевой:

— Бери их в атаку, братва, вредителей и шкуродеров...

— Ходи турой, Сыч, под шах королю: турнем их с парадом...

Татьяна смотрела на Сыча и на ребят, и что-то родное, давно пережитое, идущее из детских далей, волновало ее воспоминаниями. Как ущербные образы сновидения, мелькали в памяти Шаланда, Марья, трудовая колония... А давно ли этот Сыч пришел на стройку оборванцем, с лицом и ужимками пройдохи?..

«Я ими мало занимаюсь... Спасают меня доблестно и весело...»

Рабочие уходили с ругательствами и угрозами, а Сыч снимал кепку и почтительно им кланялся вслед. Ребята победоносно провожали их смехом и криками.

Трифон так и не пошел к щитам. Его бригада собирала опалубку без него. Он бродил по плотине, лысый, бесприютный, и всхлипывал. На окрики не отвечал, а потом долго стоял у блока Катюши, сморкался, не отрываясь, смотрел на девчат и даже не пошевелился, когда такелажник заорал на него: бадья чуть не раскрыла ему голову. Потом он внезапно исчез и больше в этот день не появлялся. Говорили потом, что в барак он явился уже ночью, пьяный, потом один сидел за столом и пил водку, стонал, как больной, плакал, сипел жалобные песенки, ползал на коленях перед кроватями и просил у всех прощения.

Девчата все время дрожали за Катю. Они следили за нею каждую минуту и скоро устали от пережитого потрясения

и от непрерывного наблюдения за нею. В эту смену кран катастрофически отставал в под'емах. К обеденному пере­рыву было поднято только девятнадцать бадей. Катюша казалась больной и часто тревожила девчат беспричинным смехом, остервенедым топтаньем бетона и внезапными слезами. Был момент, когда спускали в блок огромный камень — «изюмину», — он качался над ее головой, а она совсем его не замечала и на крики девчат и такелажника ствечала застывшими, неживыми глазами. Пришлось ее оттащить за руку к стенке опалубки. Перед тем как вступить в смену (запоздала опалубка), она разрыдалась. Девчата опять хлопотливо возились над нею. Пришла она в себя тоже мгновенно и, как ни в чем не бывало, спросила девчат:

— Ну, готова опалубка?

Девчата кричали ей, как глухой:

— Катюшка, иди же домой!.. Тебе же невозможно работать... С тобой же чорт знает что... Ты же совсем больная...

О Максюке они не говорили ни слова, точно катастрофа и его гибель выпали у нее из памяти. Но девчата смотрели на нее со страхом, будто перед ними была сумасшедшая,

... Всклокоченный, растерзанный, обезумевший рабочий метался перед красноармейцем на мосту правого берега и хотел прорваться на плотину. В бороде у него был сор, пыль и слюна. Лицо было, как у пьяного. Он потерял голос и только хрипел:

— Душа же у меня горит... Пони­маешь ты, служба отечеству? Кого они у меня вывели в расход? Сына.

Он тряс арматурным прутом и в отчаяньи гнул его через коленку. Красноармеец с винтовкой подмышкой, бравый парень, опрятный, чисто выбритый, добродушно курносый, уговаривал его:

— Домой, домой иди, папаша... Нельзя тебе на плотину... Надо сначала с людьми поговорить... Надо, папаша, обдумать свое поведение... Худо, папаша, когда душа у тебя скипелась... нехорошо, когда шлак вместо мозгов... Ты — не бандит, а рабочий, папаша.

Что же станет, ежели у нас, папаша, будет такая анархия?..

— Пускай я — бандит... — хрипел рабочий, бросая прут и топча его ботами, — пускай я — бандит, а они — убийцы... Ты кого охраняешь? — взвыл он, вытаращив красные глаза: — Чего же я делать-то буду? а?.. милый!.. Я тоже был красный партизан...

— Ну, вот... оно и видно... — усмехнулся красноармеец: — Вот ты свои партизанские привычки и демонстрируешь. С этим далеко не пойдешь, папаша: теперь, папаша, наша жизнь требует высокой организации...

Рабочий забыл об арматуре и разболтанно пошел обратно, бормоча и взмакивая руками.

VIII

МАЛЕНЬКИЕ БУРИ

1

Феня и Кольча не давали о себе вестей, и Татьяна не знала, куда их загнала судьба. Должно быть, их взяли в работу с первого же дня, — думала она, — и у Фени не было ни минуты свободного времени. Татьяна ждала ее письма терпеливо и как будто равнодушно, но в душе тосковала по Фене. Раза два она заходила в ее комнату, перебирала на ее столе книжки, бумажки, фотографии и очень была растрогана, когда попался ей в руки простенький альбомчик со снимками перемычек, бычков, скал, реки, бетонного завода, на которых они изображены были вместе или только одна Татьяна.

«Дурочка родная!.. Она срастается с людьми до потери самолюбия».

Когда она узнала, что Кольча прислал открытку Сеньке-цыгану (он похвалился ей при встрече и сообщил, что послал Кольче большую поэму), она совсем разволновалась: вот Кольча все-таки нашел время написать Сеньке, а она, Феня, молчит, как рыба. И тут же решила: Феня дуется на нее за ее неласковость в последние дни перед отъездом...

«Вероятно, муштрует себя в выдержке. Но не выдержит: у ней последовательна только привязанность».

Сенька смотрел на Татьяну своими черными, горячими глазами, и бронзовое лицо его было почему-то опечалено. Он озирался, ощупывал себя и казался встревоженным.

— Что же тебе пишет Кольча, Семен?

— Так... ничего... просит, чтобы я всем пламенный привет передал... Мне это письмо в самую точку попало.. наехала на меня тоска... хоть со стройки беги... Одни меня стихи и спасают...

— Ты хоть бы, Семен, пришел ко мне и прочел свои поэмы... Ты с Вакиром не сблизился?

— Вакир — не по мне: он — гордый.

— Ну, это потому, что вы не поняли друг друга. Он — парень замечательный и тоже любит художественную литературу.

Сенька отвел глаза, и они грустно помутнели. Он думал о чем-то своем, чего он не скажет ни ей, ни Вакиру, никому из ребят, а мог бы сообщить только Кольче.

— Кольча лежал несколько дней, раненый.

— Что такое? Почему — раненый? А Феня?

— Несчастье там у них... нападение было...

— А что он пишет о Фене?

— Ничего. Кружок у нас литературный организовался. Ежели интересно. приходите, товарищ Братцева... при газете...

И пошел, погруженный в себя, далекий и чужой. Он казался одиноким и сиротливым. Попрежнему он участвовал в аварийной бригаде комсомольцев, и Татьяна видела его часто по ночам на плотине с инструментами в руках, чумаго, в синем комбинезоне, но при встречах он почему-то не узнавал ее.

«Вот чудак!.. Как бы не удрал...»

Она справилась о нем у Вакира, когда он, по обыкновению, пришел к ней в свободный вечер.

— Он — малахольный какой-то, — пренебрежительно отозвался Вакир: — не живет, а мечтает. Цыган метит, как бы удрать в свой табор.

— Семен говорит, что ты кичишься, смотришь на людей сверху вниз... Я бы посоветовал тебе поделикатнее подойти к этому парню...

— Я приемлю из поэтов Пушкина и ему подобных, но не выношу заклинателей... Не по душе мне бродячие флейтисты... и маскарадные Гамлеты...

— У тебя, Вакир, появилась новая черта в характере: безапелляционность суждений...

— Я живу искусством, которое потрясает... когда весь поешь и дышишь вместе с землей...

— Как ты пышно декламируешь!..

— От души, Тибра.

— Не забудь, Вакир, что ты, как и я, как и тысячи нам подобных, спаслись от гибели и выросли только благодаря помощи людей вроде нашего Шастика.

— Не умалчивай о себе, Тибра.

— Я не страдаю излишней скромностью. Ты Сеньку оскорбил своим вызывающим превосходством, и он вправе презирать тебя.

— Какой в тебе педагогический талант погибает, дорогая Тибра!

— Я только напоминаю тебе, Вакир, что ты забыл существенное из своей биографии, чего забывать нельзя.

Татьяна волновалась, что редко случалось с ней, а Вакиру это почему-то нравилось.

Татьяна с плотины пришла домой, измученная, с тяжелой тревогой в душе. Ей все время казалось, что ее преследует обезумевший отец Максюка. Она оглядывалась и спешила домой не по дороге, где сновали люди, а по тропинкам, в стороне от управления. Сделала она большой крюк и была довольна, что не встретила никого. Дома она заперла дверь и задернула окно занавеской. Долго не переодевалась, ходила по комнате и прислушивалась.

Когда она немного успокоилась, ей очень захотелось чаю, но не было сил взять чайник: шкаф показался ей непреодолимым, а штепсель — недосяга-

мым. Большого труда стоило ей заставить себя умыться. И, когда она оберлась мохнатым полотенцем, ей стало легче.

Рядом, в квартире Симполовича, смеялись и кричали дети, и среди этого пьющего звона детских голосов щебетала Елена Дмитриевна.

Звонок.

Татьяна открыла дверь. Перед ней стоял Мирон.

— Гость легкий, Татьяна Ивановна, — не засидится. Разрешите зайти перед отъездом.

— Очень рада, Мирон Васильевич.

Вошел он быстро, молодецкато, и вместе с ним ворвалась в комнату волна беспокойства и свежести. Он был в хорошей гимнастерке защитного цвета и в ярко начищенных сапогах. Портфель и кепку он бросил на стул, а сам стал посередине комнаты и с удовольствием окинул ее хозяйским взглядом.

— Хорошо. Жилье у вас — ясное.

Он взял обе руки Татьяны и пожал их осторожно, точно опасался сделать ей больно. У Татьяны билось сердце, и она никак не могла побороть своего смущения. После отъезда Фени Мирон ни разу не заходил к ней, и его появление показалось Татьяне странным. Несомненно, оно вызвано сегодняшними событиями на плотине... Но он смотрел на нее весело, тепло, с той молодой радостью, какая бывает при встречах с близкими друзьями.

— Я зашел проститься с вами, Татьяна Ивановна. Сегодня ночью еду в Москву. Едет и Балеев вместе с девочкой Шепеля и Верой Сергеевной. Возвратимся, должно быть, дней через двадцать...

Татьяна еще волновалась, но ответила ему в тон:

— А мы встретим вас новыми бычками и готовым котлованом...

— Подарок — желанный, но, к сожалению, едва ли овладеете им за это время...

Он вынул из кармана трубку и резиновый мешочек с табаком. Татьяна пригласила его сесть, но он как будто не слышал ее. Она вдруг отметила, что он забылся на мгновение и глаза его похо-

лодели и стали недобрými. И опять она встретила и покраснела: ясно, он пришел к ней не за тем, чтобы проститься, а с какой-то другой, более важной целью.

— Какие у вас будут поручения, Татьяна Ивановна?

— Никаких, Мирон Васильевич.

— Скромно. А Паша вон часики заказала. Кстати: вы что-то говорили насчет вашей научной работы. Какие-то у вас затруднения... Может быть, я помог бы вам?

— Нет, Мирон Васильевич. Рукопись находится у меня. Я над ней понемножку работаю. Правда, кое-кто из исследовательского института меня тревожит и берет на испуг. Но это несерьезно и смешно. Чаю хотите?

— Некогда. Сейчас убегаю.

Он набил трубку табаком и зажег спичку. Огонек вспыхнул несколько раз, и от этих вспышек лицо его мгновенно меняло выражение: то лукаво улыбалось, то суровело. Он отмахнул руку с горящей спичкой и проводил ее пристальным взглядом. Спичка догорела до конца, он потушил ее, но не бросил, а бережно понес к столу, поискал пепельницу, не нашел и бросил уголек на пол. Коснувшись плечом Татьяны, он быстро повернулся к ней и на один миг задержал взгляд на ее лице:

— Позавидуйте мне: обязательно побываю в Художественном театре и у Вахтангова.

— Завидую хорошо, Мирон Васильевич. Но вы хотели сказать что-то другое?..

Он засмеялся и с упреком покачал головой:

— Какие вы с Вакиром колючие!.. Не подойдешь, не под'едешь... Я вижу, вы беспокоитесь насчет этого несчастного случая. Вы здесь совершенно не при чем.

Волнение уже прошло, и на душе стало спокойно и тихо. Мирон чувствовался ей обычным — простым и близким. В нем нет притворства: он всегда открыт и правдив. Впрочем, сейчас вот, когда он вспомнил о несчастье с Максьюком, глаза его дрогнули и ожесточились. В них она увидела умную волю

человека, который обдумывает и оценивает каждый свой шаг и каждое слово.

— Да, вышло немного коряво. Этот случай лишний раз бьет нас за нашу разболтанность. Остатки прошлого. Люди еще не знают своих мест и обязанностей. Да и приспособленных людей еще мало. Сквозной договор впервые создает у нас стройную систему труда. Все скоро образуется. Такелажник взят под стражу.

Татьяна почувствовала, что Мирон щадит ее, старается вывести из этого события и внушить ей, что она к этой катастрофе не имеет никакого отношения. Это и обидело, и возмутило ее.

— Такелажник арестован напрасно, Мирон Васильевич.

— Ничего. Пусть хоть выспится до сыта.

— Такелажник дежурил три смены непрерывно. Мы не обеспечили ему сменщика. Это мы виноваты. А работа такелажника — это тонкое и трудное дело: внимание, бдительность, ритм...

— Вы тоже иногда не спите по две ночи, Татьяна Ивановна, однако не топите людей.

Мирон улыбался, но глаза становились тугими. Он посматривал на нее с пытливым удивлением, как будто впервые заметил, что она неспособна понимать самых простых вещей. Он невозмутимо посасывал трубку.

— Жалко, конечно, парня... Нелепый случай... Следствие уже ведется... С Корытиным я уже говорил...

— Но Корытин категорически запретил спускаться ребятам...

— Я знаю это. Но он как дежурный прораб не подготовил и не расставил людей.

И он жестко отрезал:

— Я не доверяю Корытину.

И вдруг опять засмеялся.

— Испугались? Потеряли мужество? Это как будто не в вашем характере.

Татьяна холодно ответила:

— Вы ошибаетесь, Мирон Васильевич. Я только требую, чтобы это дело было разобрано без всякого лицепрития.

— Разумеется.

Мирон прошелся по комнате и два раза провел ладонью по бритой голове. Этот жест давно уже знала Татьяна: Мирон чем-то был озабочен. И она поняла, что вот теперь-то он и стал перед самым трудным вопросом, который ему необходимо разрешить в этот последний час. Он и пришел-то к ней именно потому, что его мучил этот вопрос и не давал покоя. И только у ней, у Татьяны, он мог найти его разрешение. Она пристально следила за ним, и ей было почему-то забавно видеть его нерешительность. Он остановился, вынул трубку изо рта и строговато спросил:

— Вакир — это настоящее имя или маска?

Татьяна усмехнулась, взяла линейку со стола и согнула ее в кольцо. Она очень обрадовалась, что угадала беспоконную мысль Мирона.

— Я не интересовалась этим, Мирон Васильевич. Для меня Вакир дорог как Вакир.

— Такого имени нет.

— А вам не все равно, какое имя он носит? Почему это имя вас так занимает?

Мирон опять прошелся по комнате и пососал трубку, но она уже погасла и сердито похрипывала.

— Вы не знаете, кто его родители?

— Он неохотно говорил о них. Какие-то московские ответработники. К отцу он до сих пор питает непримиримую ненависть.

— Я заметил, что у него дергается голова.

— Бывает. Он пережил много потрясений. Вполне понятно. Это у него с детства.

С той первой ночи, когда Вакир ночевал у Мирона, Татьяна заметила, что Вакир краснел, когда она заговаривала о Мироне, и старался переводить разговор на другое. А однажды демонстративно ушел от нее с злыми глазами. Но вчера сам сказал ей с непонятным раздражением:

— Ватагин покровительствует мне. Он, кажется, неплохой человек. Но я могу посориться и с ним и с тобой.

Ватагин действительно проявлял к Вакиру какой-то особый, острый инте-

рес. Он зачастил на электростанцию, наблюдая за парнем, и старался переключиться с ним словами при встречах. Но почему-то Вакир избегал его. Татьяна догадывалась, что этот интерес Ватагина к Вакиру вызван не столкновением между ними в первый вечер встречи (об этом Татьяна узнала от Вакира), а тоской Мирона по сыне. Может быть, он видел в нем что-то общее со своим Кириллом и мучительно чувствовал в нем судьбу сынишки, а может быть, в этой истории с вызовом Вакира он заподозрил какую-то цель со стороны Татьяны.

В глазах Мирона Татьяна уловила суровую печаль, а Мирон отметил, что она недоброжелательно замкнулась. Что-то вроде затаенной насмешки блеснуло за ее длинными ресницами. И он понял, что она ничего ему сейчас не скажет, что она знает о Вакире много такого, что надежно скрывается за ее словами. Они связаны какой-то порукой. Беспризорники скрываются в них и сейчас. Зачем она его вызвала? Почему она неожиданно подсунула этого парня к нему на ночлег?

— Я знаю вас, Татьяна Ивановна, как прямого и правдивого человека.

— Не льстите мне, Мирон Васильевич. Это — не достоинство, а свойство человека.

— Надеюсь, что вы ничего не замалчиваете?

— С какой же стати, Мирон Васильевич? Какие у вас основания заподозривать меня во лжи?

— Умолчание — не ложь, а невысказанная правда.

— С какими же мыслями обо мне вы уезжаете в Москву?..

И в ее глазах заиграл смех. Он взял портфель, молча пожал ей руку и опять задержал на ней свой взгляд, пылливый и встревоженный.

Татьяна проводила его до калитки. Он шел впереди нее и не оглядывался. Только за оградой сорвал кепку с головы, приветственно махнул ею и быстро пошел по тротуару. Видно было, что он озадачен разговором с Татьяной и унес в себе еще большее недоумение и смуту.

Заходило солнце, и весь противоположный берег горел красным огнем. Пахло прохладным осенним гниением — горьковатым ароматом опадающих листьев и мускусом картофельной ботвы. Это — из огородика Симполовичей. Она прошла по дорожке вокруг всего сада, между густых зарослей подстриженной акации. Небо было стальное — холодное и твердое. Вспыхнули электрические звезды в дымных далях, и сейчас же ослепительно заиграла колючими ресницами лампочка на улице, высоко на столбе. В этом ярчайшем накале дышала тревога. Глухой шум и вздохи водопада наплывали волнами с плотины. За этим огромным окном, задрапированным до половины белой занавеской, — комната Фени. Феня смотрела на нее, кудрявая, похожая на мальчишку, широко открытыми, ожидающими глазами. Где она теперь? Должно быть, в поле, среди ометов соломы, пахнувшей парным молоком. Она сияет огнем в своих контурах, сидя у костра в кругу колхозников и колхозниц, покрытых пылью, нитями соломы и обрывками колосьев. Она разговаривает с ними, смеется и сама похожа на колхозницу-комсомолку. Может быть, она тоже думает в эту минуту о ней, о Татьяне...

Надо бы пойти на электростанцию, взглянуть на Вакира. Он встретит ее неприветливо и радостно: он будет говорить ей дерзости и украдкой прикасаться к ней плечом. Спать не хотелось — впереди целая ночь.

За забором, по тротуару, по липовой аллее, разболтанными шагами прошел какой-то взволнованный человек и горячо упрекал кого-то:

— ... и если ты... если ты умный распорядитель... ну-с?.. так запиши же в свой системник... в системник свой запиши...

Кажется, он был навеселе.

Пронеслась мимо с дребезгом легкая машина.

Безмолвно коснувшись рукою шляпы, больной поступью прошагал мимо нее расстроенный Старателев. Длинный, костлявый, он шел неуклюже, как на ходулях. На мостовом участке у него какие-то серьезные неполадки. Чехи, кото-

рые ведут работы по сооружению другого моста через протоку, перекрыли его по всем показателям. Говорят, начав орать на него, грозил снять с работы и отдать под суд. Терпеть его не могут и организации: на его участке нет ни одного коммуниста, за исключением профорга. Рассказывают о нем анекдотические вещи. Уверяют, что, если посылают к нему квалифицированного рабочего, он прежде всего спрашивает:

— Партийный или беспартийный?

— Член партии.

— Мимо! Нам нужны рабочие руки, а не ораторы.

— Я — металлист. Я работал до этого в Стальмосте.

Старателев с угрюмым ехидством подсекал его:

— Ну, и работали бы... чего шляешься? Должно быть, только мастак на язык...

— Да я же командирован сюда... с места снят, завербован...

— Идите к тому, кто вас вербовал... У меня — не политическая трибуна...

Рассказывали, что, если приходил к нему рабочий с явными признаками похмелья, он спрашивал его:

— Закладываешь?

— Так точно, начальник... Мы — простецки, без никакого фильтра...

— Так что же ты сопишь, чучело?.. Отправляйся на площадку...

А если какой-нибудь металлист обижено огрызнулся:

— Не понимаю вашего вопроса. Вы меня спрашиваете не об алкоголе, а о моей квалификации... —

Старателев холодно и брезгливо оглядывал его и махал рукой:

— Шагай обратно, философ...

На Старателева давно уже обратили внимание: несколько раз вопрос о нем ставился перед Шлиппе, но он изумленно шевелил бровями и растворял улыбку в шелковой бороде.

— Старателев — человек старого закала. С ним нужно действовать осторожно. Я его уломаю.

Осокин раздраженно кричал:

— Я предупреждаю, Герман Карлович... как бы не вышло неприятностей... Тут не уламывать надо: этим его не

проймешь... тут надо указать ему, что он работает в советской системе...

Шлиппе сочувственно кивал головой, играл бровями и прятался в бороду.

Татьяна посмотрела вслед Старателеву и подумала:

«Должно быть, оглушили его: совсем стал дряхлым стариком».

А он раздумчиво остановился, потом зашагал обратно.

— Нет, вы скажите мне, товарищ Братцева... Вы — новый человек, не чужды идеологии...

«Ясно, ошарашен... — усмехнулась она. — Подумайте: не чужда идеологии...»

— Приезжает ко мне на участок некий человек в сером... в военном снаряжении... из партийной организации... Фамилия какая-то необычайная — этакая захватская, что-то вроде — Трубим.

— Гудим, должно быть, товарищ Старателев?

— Вот... в первый раз слышу фамилию в форме глагола. Ну-с, так извольте-с... Со мной еще так не говорил сам начальник строительства... Да-с. «Вы, говорит, здесь окопались, у вас тут — теплое место, хорошее убежище для грызунов и мокриц. С этого дня вы должны, говорит, согласовать свою работу с организациями. Мы эти организации утверждаем... Так как, говорит, вы хорошо знакомы с геометрией, то извольте-с: с вашей помощью построим твердый треугольник. Вы, говорит, не жалуете коммунистов, но придется вам полюбить их: они — люди с хорошей хваткой и упрямыми мозгами». — «Позвольте, говорю, молодой человек: вы можете как угодно проводить партийную линию — вам и книги в руки, — но убедительно прошу не вмешиваться в мою компетенцию и не нарушать распорядка моей работы». Я, товарищ Братцева, вообще опасуюсь всяких людей в военной форме, я живу и работаю беспартийно, в сторонке, молчаливо, но, когда мне что-то навязывают, я не могу молчать: я отвечаю за свой участок и дорожу своей профессией. Я возмущался, понимаете ли-с, и возвысил голос. А этот Гудим или Дудим, как глу-

хой, с пылью этакой в глазах, говорит односложно: «Ваша компетенция ненарушима». — «Как, говорю, ненарушима? А ваше, неизвестно откуда исходящее, вмешательство?» — «Вам, говорит, никто не отдавал на откуп постройку моста. Мы только возвращаем этот объект хозяину». Встал и уехал. А сейчас вот требует меня на заседание, дать отчет... Иду к Шлиппе доложить о положении вещей...

— Товарищ Старателев, я не советую вам идти к Шлиппе.

— Почему?

— Потому что вы поставите себя в смешное положение.

— Но я не согласен...

— Отчет вы должны дать общественности. Вы работаете в системе строительства. Ведь даже сам начстрой отчитывается перед массами. Чехи вас бьют, а мы должны показать им преимущество советской системы труда. Хотите, я поеду с вами?

— Благодарю вас... — Он сухо и зло прикоснулся к шляпе. — Не беспокойтесь...

И пошел по дорожке, стараясь держаться независимо и гордо. Но, когда он оглянулся, открывая калитку, Татьяна поняла, что он не пойдет к Шлиппе, а панически помчится на собрание мостового участка.

2

Молодая женщина в белом беретике набекрень, в легоньком сером пальтишке, бойко впорхнула в калитку и побежала по дорожке навстречу Татьяне. Еще издали было заметно, что она возбуждена, сильно торопится. Размахивая руками и закинув голову назад, она неслась прямо на Татьяну и, казалось, донельзя обрадовалась, когда увидела ее.

— Здравствуйте, Танечка!..

Ее лицо, румяное и вкусное, показалось Татьяне знакомым. Она сдержанно улыбнулась ей. Не успела она опомниться, как женщина смачно чмокнула ее в губы. Это было неприятно и немного смешно. Был порыв у Татьяны отстраниться и осадить ее напористый наскок, но женщина, с виду работница,

была так искренно горяча и так заразительно дружелюбна, что у Татьяны нехватало духу огорчить ее.

— Ведь я же, Танечка, давно тебя знаю...

— А я вас не помню... назовите себя...

— Ну, где же тебе помнить... Подумаешь, цаца я какая!.. Всего только и есть мужняя жена чумазого кузнеца, известного тебе Репея Гаши... Агафья попросту...

— Да, да, теперь вспомнила. Мне и Паша Бочка о тебе рассказывала, как ты воевала с ней насчет яслей — не хотела ребятенка своего отдавать...

— Ну, вот... а теперь я—общественная... С Пашей я очень даже сердцем скипелась... Бегу к жене вашего тут инженера Симполовича — завербовать ее... Я взяла на себя — вынь да положь — обеспечить выход всех жен инженеров...

— Это, Гаши, трудная задача. С женой нашего Симполовича тебе не сладить. Да он и сам ее не пустит...

— Что такое? — тонюсенько пропела она, лукаво прищуриваясь. — Меня Паша победила без возврата, а чтобы я не охомутала этих мягкотелых мух... Душу выну!.. Веди-ка меня к ней... веди нахрапом... без робости... Поглядишь, как я ее подсеку...

— Кто это тебя так настроил: сам Репей или Паша?

— А ты, ну-ка!.. Пойдем-ка к этой барыне... Интересно уж больно с ними разговаривать...

— Значит, ты уже успела с ними поговориться?

— Фу, да я к твоей барыне — уж к шестой иду... Дитяtko!.. Я ведь очень для них увлекательная...

Она сама пошла впереди Татьяны, закидывая голову назад и задорно виляя задом. Татьяна, невольно подчиняясь ей, пошла вслед за нею. Гаши была кругленькая, юркая, кипучая, лупоглазая, мордастенькая и плескалась через край. Когда она легкокрыло всбежала на веранду, она беспричинно засмеялась и озорно подмигнула Татьяне.

Навстречу им открылась дверь в квартиру Симполовичей, и Елена Дми-

триевна, полнотелая, завитая, держа в отлете руку на ручке двери, с крайним изумлением и замешательством смотрела и на Гаши и на Татьяну. В сумерках видно было, что она густо покраснела.

— Ах, Танечка, это — к вам?.. а думала...

Гаши опять беспричинно засмеялась и звонко прошебетала:

— Вот именно к вам, Елена Дмитриевна... С Танечкой мы, как подружки... Она мне сейчас как будто дорожку устилает...

«Какая хвастунья!» — усмеялась Татьяна. Ей было приятно с Гашей — легко и светло.

Елена Дмитриевна совсем опешила и оттолкнула дверь рукою.

— Ну, пожалуйста... — робко пролепетала она. — А я слышу: звенят голоса...

Гаши смело впорхнула в дверь и успела подхватить Татьяну за руку:

— Иди, иди, Танечка!.. Все мы три бабеночки — молоденькие... В кои-то веки в гостях у приятных людей побываешь...

В ярко освещенной приемной, с зеркалом на стене над столиком, против вешалки, все сгрудилось в кучку, и Елена Дмитриевна так растерялась, что прикрыла даже дверь в комнату, махровую от обильной зелени в горшках и кадках. Она беспомощно посматривала на Татьяну и страдала.

— Познакомьтесь, Елена Дмитриевна. Это — Гаши Репей, краса и гордость здешних пролетарок.

«Зачем я говорю эту пышную ерунду?» — упрекнула себя Татьяна, но у ней было желание сказать еще более нарядные слова. Ей хотелось сделать Гаши значительной и сильной в глазах Елены Дмитриевны.

— Очень рада... Но я такая домохозяйка... дети, муж, хозяйство... и времени нет заводить знакомства...

— Знакомство — что! Дружбу надо заводить, Елена Дмитриевна... по настоящему... Как это — нет времени? У меня тоже вот не было времени... некогда да некогда... ребеночек... У меня Никандру — четыре месяца... Пеленки,

ванночки, кухня... Голова кружилась... Приятно, конечно, но очень своей свободой жертвуешь... А когда же жить-то будешь?.. Молодость-то ведь нам один раз дается... А надо, товарищи, чтобы молодость-то до старости расцвела... да чтобы жизнь-то твоя на виду была, да чтобы ключом ты кипела, да все бы смотрели на тебя и радовались... И не одним бы боком ты к мужу была, не в постельке бы только грела его и баюкала, несчастного, а на людях жить, за себя отвечать, чтобы ты нужна всем была и все бы гордились тобой...

Елена Дмитриевна слушала ее снисходительно, оглядывая исподтишка опытным взглядом, мило прищуриваясь. Ее занимала рассудительная, но горячая словоохотливость Гаши, ее грубоватая порывистость и вдохновенность. Она не торопилась приглашать гостей в комнату: должно быть, предполагала, что эта женщина, которую она никогда не знала и с которой у нее не могло быть ничего общего, пришла к ней с какой-нибудь пустяковой просьбой — купить лотерейные билеты Осоавиахима или с предложением подписаться на очередной заем.

— Как вы говорите интересно!..

— А как же... жизнь наша очень даже интересная...

Елена Дмитриевна взглянула на Татьяну умоляющими глазами.

А Гаша, как ни в чем не бывало, без всякого смущения дружески звенела:

— Чего же мы здесь стоим-то? Приглашайте в свои уютные комнаты. Что же мы хуже других, что ли, гости-то?..

Елена Дмитриевна опять покраснела.

— Пожалуйста, пожалуйста... Вы извините меня... Раздевайтесь... Снимайте ваше пальто...

— Вы приготовьтесь, Елена Дмитриевна... — смеялась Гаша. — Я ведь пришла к вам с делом большой важности.

Гаша мгновенно смахнула с себя дешевенькое пальтишко и вдруг стала совсем новой. Коротенькая юбочка, батистовая блузка с брошью из самоцвета, красный ременной поясик на тонень-

кой талии — все это было трогательно и наивно.

Она первой вбежала в комнату, бойко, не стесняясь, оглядела обстановку и по-своейски крикнула Симполовичу, который в пижаме сидел в кресле и читал газету:

— Здравствуйте, товарищ Симполович!..

— Здравствуйте, здравствуйте!.. — Он с подозрительным любопытством оглядел Гашу, а когда встретился глазами с Татьяной, встал и смущенно закрылся газетой.

— Очень рад, Татьяна Ивановна...

Татьяно сухо ответила:

— Я здесь — не при чем. Это вот Гаша удостоила вас своим посещением.

— А я — не к товарищу инженеру, а к его дражайшей супруге... — пошутила Гаша. Она подошла к открытому пианино и ударила пальцами по клавишам. Комната зазвонила колоколами.

Елена Дмитриевна тревожно и вопросительно перегнулась с мужем.

А Гаша быстро повернулась к ней и твердо сказала:

— Так вот я за вами пришла, Елена Дмитриевна. Хочу завербовать вас.

Елена Дмитриевна изобразила ужас на лице.

— Что такое? завербовать? Это куда же?

Гаша изумленно подняла брови.

— Как это куда? На работу. Все женщины поднялись.

— Как же это так? — И Елена Дмитриевна опять умоляюще посмотрела на мужа и на Татьяну. — Как же так? У меня — дети. На мне — хозяйство.

— Ну-у!.. — пропела Гаша и повернулась к Татьяне. — Хозяйство оставьте на домработницу. А дети... На что же у нас — детские сады?

— Никогда!

— И я вот тоже говорила: никогда! С Пашей воевала. А потом положила своего Никандра в ясли... Десять раз проверила, пока сдалась. А теперь я — сила... И свобода моя поет песни... — И строго упрекнула Елену Дмитриевну: — Вам стыдно, образованной женщине, жене нашего инженера, показывать дурной пример.

Симполович сел и пренебрежительно буркнул в газету:

— Моя жена не пойдет. Вы ошиблись адресом, уважаемая.

Гаша осмотрела его сбоку, по-птичьи, и с достоинством отрезала:

— Я не с вами разговариваю, товарищ Симполович, а с Еленой Дмитриевной. Не вмешивайтесь, пожалуйста, в наши дела.

Симполович фыркнул и вопросительно посмотрел на Татьяну. Но Татьяна с восхищением следила за Гашей и не ответила на взгляд Симполовича. Елена Дмитриевна беспомощно озиралась. Она рванулась к мужу, но что-то удержало ее на месте. Стараясь быть любезной с гостями, она немножко чопорно повела рукою, указывая на стулья и кресла.

— Танечка и... как вас... Неудобно же так... присядьте, пожалуйста...

Елена Дмитриевна опустила на кушетку, вытянув ножки в длинноносых лакированных туфельках. Татьяна стояла, опираясь о стену, а Гаша свободно и независимо расхаживала по ковру, что-то трогала, рассматривала.

— Товарищ Симполович — начальник левого берега. У него работа очень ответственная. Он — человек как будто общественный, а у него участок — отстающий. Почему? Вы в этом виноваты, Елена Дмитриевна.

— Вот те раз! При чем же тут я-то?

— Х-ха, замечательно!.. — захохотал Симполович. — У меня участок — отстающий, потому что жена и дети виноваты. Блестящая логика. Вы очень здорово умеете смотреть в корень, товарищ женщина. Как вам это нравится, Татьяна Ивановна?

— Мне очень нравится.

— Оригинально.

Смеясь глазами, он вынул зубочистку и сталковырять в зубах.

— А в чем же все-таки я виновата... Гаша? — сдерживая смех, спросила Елена Дмитриевна.

— А вот в том, что вы, Елена Дмитриевна, сидите дома, бездельничаете. Вы не желаете помочь мужу. А жена ответственного инженера должна инте-

ресоваться его делами. Чем вы интересуетесь, позвольте вас спросить? Кухней, детьми, побрякушками, да как бы одеться пошикарнее. Я тоже вот почти такой же была. А теперь мне стыдно. Я на шею мужа висела и была дура-дурой, и совести не было. Думала, так и надо. Спасибо Паше: на свет божий вытащила... насильно вытащила... Я, конечно, некультурно жила...

— То-есть вы хотите сказать, что я тоже живу некультурно?..

— Я речи говорю очень даже понятно...

Симполович сосредоточенно елозил зубочисткой во рту и трясся от хохота.

— В профкоме нашего левого берега я предложила премии выдавать не мужьям-ударникам, а их женам. Вы бы поглядели, что у нас сейчас делается...

— Воображаю... — делая серьезное лицо, буркнул Симполович.

— Вот вам и «воображаю». Жены сами сейчас следят за работой мужей. Проверяют показатели, входят в курс дела, требуют отчета. Обсуждают вместе достижения и непорядки. Да как еще критикуют и ругаются.

— Воображаю... сущий ад... — опять буркнул Симполович. — Очень симпатично. Уютный отдых после работы. Никто еще не запьянствовал?

— Вы не шутите шуток, товарищ Симполович...

— И потасовок не было?

Татьяна с холодным удивлением смерила его глазами.

— Вы держите себя на плотине иначе, Сергей Трофимович...

— О, пощадите, Татьяна Ивановна...

«Красивая, чорт ее подери, — подумал он: — гордая... У них и чванство, как у благородного сословия: мы — пролетарии! как и те бывшие: мы — дворяне!.. Утверждают свой стиль...»

— Ну, Танечка... — Гаша махнула рукою и усмехнулась. — Не стоит спорить... успеется... Словами что же докажешь? Сейчас надо дело закончить. Так вот я и пришла к вам, по поручению женского нашего собрания: согласны ли вы, Елена Дмитриевна, помогать строительству и своему мужу?

Елена Дмитриевна с улыбкой пожалала плечами.

— Что за вопрос? Разумеется...

— Вот и хорошо... — обрадовалась Гаша. — Так и запишем.

Она быстро вынула из кармана юбки блокнотик и карандашик и, помусолив его, застрочила где-то в середине книжечки.

— Постойте!.. — взмолилась в ужасе Елена Дмитриевна: — Но ведь я же и так помогаю... Создать мужу уютную обстановку, ухаживать за ним... это же — не простое дело...

— Что ж, я не против этого... — добродушно согласилась Гаша: — Да только дело-то поставлено у вас так, что вы нашей жизни никаким боком не касаетесь. Общественность наша к вам обращается с призывом — проявить свою активность и помочь и делом и образованием.

— Но чем и как я вам помогу? У меня ни знаний, ни квалификации нет.

— Фу, о чем вы беспокоитесь!.. Да мы вам сегодня же работу дадим... что угодно: табельщик на бетоне или на скальном, культработа по стенгазетам, или, скажем, работа по столовке общественного питания... или курсы...

Симполович встал и зло отрезал:

— Елена не пойдет. Эту ерунду вы бросьте. Нечего ей там трепаться.

Гаша сердито уставилась на него.

— Это как так — трепаться? Вы с своими словечками-то поосторожнее. Что вы за паж такой?

— Давайте прекратим этот разговор... Я сам волен решать вопросы моего домашнего быта. Прошу покорно!

И он показал ей на дверь.

Гаша отвернулась от него и заложила руки за спину.

— Как же это выходит, Елена Дмитриевна? Значит, у вас нет своей воли? А у меня вон Миша сам мне говорил: «Как-никак, Гашок, а ты — жена большевика: зазорно дома сидеть и потолок коптить, когда стройка наша каждого человека на вес золота ценит. Веды ты, говорит, тоже равноправный член нашего коллектива...» Как же это происходит в наши-то дни? Значит, в инженерской-то среде — хуже, чем у

рабочих? Ведь вон даже в колхозе баб в председатели выбирают. Где же у вас, Елена Дмитриевна, самолюбие-то? Что же прикажете? Значит, мне так и доложить на собрании?

Елена Дмитриевна волновалась и боролась с собою. Что-то вроде беспокойной мысли блеснуло у ней в глазах. Она пристально поглядела на Татьяну и встретила ободряющий взгляд. Ей было стыдно за мужа: как он неделикатен и груб! Слепила ее Гаша, и ей стало вдруг обидно, что при этой бойкой женщине и Татьяне он бесцеремонно распоряжается ее судьбой. Вспомнила она неоднократные ссоры с ним из-за всяких домашних мелочей, его оскорбления, свои слезы, и ей стало нехорошо.

Симполович распалился и бросил газету.

— Чушь! Я не позволю своей жене оставлять дом. Довольно!

А Гаша вдруг повернула линию по-другому.

— Думайте сами, Елена Дмитриевна. Я вас не неволю. Я пришла к вам узнать, желаете ли вы принять участие, как и прочие, в жизни нашей стройки, или вы не вольны распоряжаться собою. Интересуетесь вы или нет.. свой вы человек или чужой... Только и всего.

— Вы так ставите вопросы... — совсем смутилась Елена Дмитриевна: — Настоящий ультиматум...

— Это, Елена Дмитриевна, не я ставлю вопросы. Это жизнь наша каждого из нас ставит в такое положение.

— Я согласна, Гаша.

— Я очень рада за вас, Елена Дмитриевна.

— Но надо прежде устроить детей, дом...

— Это мы устроим... — заликовала Гаша.

А Татьяна деловито утешила:

— Мы организуем это совместно с Сергеем Трофимовичем...

Симполович бесился и с ненавистью смотрел и на жену, и на Татьяну, и на Гашу.

— Восхитительно! Вы — прекрасный агитатор, товарищ... Маша...

Когда Гаша надевала пальто, Елена Дмитриевна шмыгнула в дверь за мужем.

— Я — сейчас, на минутку...

И в комнате сначала сдержанно, потом крикливо началась перебранка. Симполович, вероятно, бежал из угла в угол, натыкался на вещи, сбрасывал их на пол и хрипел: «Я запрещаю!.. я не позволю!.. я заставлю силой!..» А Елена Дмитриевна взвизгивала, рыдая: «Я не могу больше... не могу... Ты давно меня превратил в тряпку... Я с ума схожу...».

Гаша, уже одетая, стояла у дверей с Татьяной и шептала:

— У образованных-то и хамство завитое... с зубочисткой...

Они вышли в сад. Было уже совсем темно, и небо было усыпано звездами. Шум и гул с плотины плыл волнами.

— Молодчина, Гаша! — сказала Татьяна, прощаясь с нею. — Я на тебя насмотреться не могла...

— Трудно, Танечка, узлы развязывать и тенечки разрывать. А потом как почувствуешь себя свободной-то, — ну и сперва жутковато... Ответственность большая перед собой... и перед людьми, конечно... Когда же начнешь работать и башкой и руками — куда и страх девается...

Они расстались, как близкие по-други.

— Куда же ты теперь, Гаша?

— Последнюю крепость брать — к мадам Кряжич.

— Что ты, Гаша! Какая же это — крепость? Это же — развалины, кучи штукатурки...

— Ну, не скажи, Танечка... Там будет потруднее, чем здесь.

— Но и здесь успехи-то твои как будто сомнительны?

Агаша засмеялась и победоносно вздернула голову.

— Здесь-то?.. Танечка дорогая, здесь дело-то уж само делается... Здесь — уж война... Я за эту дамочку совсем даже спокойна...

И она торопливо побежала по тротуару, размахивая лапами пальтишка.

Татьяна долго смотрела ей вслед, пока она не скрылась во тьме, и, не уга-

шая улыбки, направилась в другую сторону — к плотине. Надо обязательно увидеть Вакира: она не встречалась с ним уже три дня.

3

Гаша открыла калитку перед домом Кряжича и быстро пробежала по аллейке, прихорашиваясь на-ходу. Она уверенно поднялась на крыльцо с ослепительной лампочкой над дверью и так же уверенно нажала кнопку звонка.

В ожиданьи она обернулась назад и посмотрела на шарообразные липы, на яблони с белыми стволами и на фиолетовую, красную и белую пену астр на рабатках. Вся стена дома была покрыта диким виноградом. Вспомнила о своей светлой квартирке с садиком перед окнами и самодовольно усмехнулась. Со всем даже не плохо и у них с Мишей: она и не подумала бы переехать сюда, на этот берег, если бы даже им предложили. Она, Гаша, уговаривает Бочку поселиться в квартире Хабло, чтобы быть рядом и чувствовать друг друга постоянно. В этой квартире поместился Баранников с женой и двумя мальчатами и находит, что квартира для них — велика. Баранников — рабочий парень: теперь он — инженер, а давно ли был токарем по металлу? Уже на другой день Баранников позвал их с Мишей в гости, на новоселье, и они как-то сразу прищлись друг другу по душе: и общие слова нашлись, и общие интересы, и о строительных делах и людях говорили, с полслова понимая друг друга.

Баранников даже за столом обнял Репея и крякнул:

— Терпкий ты человечина, Репей... Хороший парнишка...

А Миша сразу нашелся и крякнул от сердца:

— Не может быть иначе, Егор Данилыч: я настоен на рабочих дрожжах. Самая правильная линия... Я, брат, знаю, где Москва на карте.

Агаша хотела уже надавить кнопку в другой раз, но за стеклянными дверями вспыхнуло электричество. К ней зыбко шагала девушка в кружевной на-

колке и белом фартуке. Она с недоумением всматривалась в Агашу из-за стекла. Должно быть, домашняя работница. Она полуоткрыла дверь и недружелюбно спросила:

— Вам — кого?

— Я — к Маргарите Эрнестовне.

— А по какому делу?

И оборонительно стала в дверях, осматривая Гашу недоверчиво и строго. Гаша тоже оглядела ее и усмехнулась.

— Ну, я, родненькая, рапортовать тебе не уполномочена. Раз пришла, значит, по делу. Приглашай-ка, золото!

И, мягко оттолкнув девушку, весело впорхнула в дверь. Девушка покраснела, оскорбленно сверкнула глазами и пренебрежительно опять смерила Гашу с головы до ног.

— Ты чего глядишь-то на меня, золото? Аль у меня что не в порядке?

Девушка пожала плечами, а потом вдруг улыбнулась.

— Больно уж вы нахраписто... Даже как-то странно, честное слово...

— Мы, родная моя, рабочие с тобой женщины. Мы — попросту. И не выкай ты мне, пожалуйста... Служишь-то давно здесь?

— Больше года, пожалуй.

— А раньше где работала? По нарпиту, что ли?

— Да. На фабрике-кухне. Толчея, беспорядков много и повара — нахальные. Вот сюда и перешла.

— Эх, ты! Повара — нахальные, беспорядков много... А почему не бунтовала? Почему не искала правильной линии? Струсила, золото?

— Да, сама бы попробовала... Узнала бы, откуда солнце всходит...

— Я-то попробовала бы, да ты-то вот, золото, предпочла тихое гнездышко, барыньку и всякие тютельки. Гордости-то в тебе немного, куколка.

Девушка обидчиво насупилась и спрятала руки под фартук.

— Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше...

— Имячко-то твое как?

— Любювью зовут... Люба.

— Хорошее имя, только попусту носишь его. А меня — Гаша. Веди-ка меня, душечка, к своей барыне-то. Я ей

хочу дрожжец подсыпать... Я — человека терпкая...

И посмеялась над собой: чего это она чужими словами стреляет?

— У нас так сразу нельзя. Я сперва доложу...

— Ну, и доложи, раз с этого у вас начинается...

В приемной много было зелени: и пальмы, и фикусы, и даже целое лимонное дерево в кадке. Лимоны висели почти на каждой ветке. Это особенно понравилось Гаше, и она не удержалась и потрогала пористо-зеленые плоды. Потом поднесла пальцы к носу и пнюхала: да, настоящие лимоны. Решила: обязательно достать лимонное деревцо и поставить у себя в комнате.

В квартире Кряжича была застоявшаяся тишина. Даже Люба не нарушала этой тишины своими шагами: она ходила в мягких тапочках. Только сейчас вспомнила об этом Гаша и отметила, что Люба и говорить-то старалась тихо, с оглядкой. И Гаше стало смешно, когда она догадалась, что Люба просто струсила от ее слишком бесцеремонного и громкого вторжения. Любопытно, чем и как живет эта немка: ведь в таком безрадостном гнезде можно околеть и состариться. И опять Гаша подумала о своей недавней домашней жизни, о своих маленьких хлопотах в кухне, в комнатах, — со стиркой, со стиркой белья, с уходом за Никандром, с беганьем с ребенком на руках по магазинам... Куриная какая-то всзня в мусоре... Теперь Никандр — в детских яслях, Миша и она, Гаша, питаются в участковых столовых, белье она сдает каждую декаду в общественную прачечную... Правда, сначала было как-то неудобно, неприятно, больно: обеда были невкусные, чужие, неприглядные, Никандр в яслях казался сиротой, и на него без слез нельзя было смотреть, белье пахло плесенью. А дома по вечерам квартира казалась грустной и покинутой. Но это состояние, похожее на тоску, скоро забылось в живой и неожиданно увлекательной работе. Сразу же ее забрала в свои руки Паша и поручила ей собрать домохозяйек. С первого же дня она, хоть и неумело, хоть и

растерянно, должна была уламывать жен рабочих, обхаживать их, сбивать на собрания, с дрожью во всем теле выступать перед ними, спорить, организовывать их для большой и маленькой работы на плотине, на шлюзе, в бараках, на комбинатах. А теперь она даже представить не может, как это она могла жить раньше без общественных интересов. И все это благодаря Паше: такой подруги, такого задушевного руководителя, как Паша, она никогда не встречала в жизни... Теперь вот они открывают общеобразовательные курсы. И женщины там будут проходить науки и станут интеллигентными. Разве это не замечательно, когда они с Пашей сумели больше двухсот женщин — и молодых и пожилых — распределить по краткосрочным курсам разной квалификации? А сейчас вот она, Гаша, взяла на себя инициативу включить в культурную работу жен инженеров. С ними работка — труднее и сложнее в тысячу раз...

Люба вышла из комнаты на цыпочках и, со смехом в глазах, подмигнула Гаше: ну-ка, мол, иди, пощупай нашу недотрогу...

— Войдите, пожалуйста!..

Рита так же неслышно, как и Люба, шла навстречу Гаше с притворной улыбкой приятного удивления. Она казалась нездоровой, и лицо ее, обильно обсыпанное пудрой, было похоже на маску. Под пышной шапкой рыжих волос оно было маленьким, остроносеньким, кошачьим.

— Извините, Маргарита Эрнестовна...

— Вы знаете даже моя имя? — изумленно пропела Рита с немецким акцентом: — Мне очень, очень странно... ко мне никто не имеет дел и ко мне никто не ходит... Почему вы сделали мне визит?

И она как-то неожиданно сунула руку Гаше.

— Я-то вас хорошо знаю, Маргарита Эрнестовна. Вы — на виду, хоть и заперти... Кто же не знает жены товарища Кряжича? Знать-то как будто знают (Гаша засмеялась), а живете вы невидимкой...

Маргарита Эрнестовна скорбно сморщила лоб и безнадежно вздохнула.

— Ах, у меня — ужасная жизнь...

— И совсем это даже напрасно, Маргарита Эрнестовна...

— Что? Но если это — моя судьба?

— Ну, какая там судьба! Мы сами делаем свою судьбу.

— Это — невозможно. Я не знаю, кто вы и как с вами говорить.

— Ну, я — птица маленькая. Зовут меня Гашей. И вы не удивляйтесь, что я к вам затесалась. Вы нам, женщинам, очень нужны..

— Я? женщинам? каким женщинам? — испугалась Маргарита Эрнестовна. — Садитесь, прошу вас...

Гаша села, и ей стало противно чувствовать рядом эту даму. В комнате, заглушенной коврами и драпри, пахло чем-то ароматно-пресным — не то косметикой, не то ванной. Щеки, шея и красные веки у Риты были дряблы, бескровны, мертвенны. И вся она казалась хотя и тощей, но тлетворно-мягкой, тестообразной. Глаза ее мутно, но лихорадочно застывали с безразличной тоской и на Гаше, и на окне, и на вещах. Беспокойство от внезапного появления Гаши тихо потухло, и ей уже было в тягость сидеть с нею. Гаше тоже стало скучно, и ее мучило от нестывшегося ощущения сухой руки Маргариты Эрнестовны. Не хотелось говорить, не хотелось возиться с этой ненужной барыней: охватывала странная, беспричинная усталость. Почему-то нестерпимо в этот миг потянуло к Никандру. Представила себе его жадно-любопытные глазенки и беззубые десны. Вот он пристально смотрит на нее и глубокомысленно гулит, хватая воздух цепкими пальчиками.

— Ну, ну, Никандр Михайлович... — поощрительно поет ему Гаша: — Что вы открыли нового?.. Докладывайте, товарищ Никандр...

А он смеется во весь беззубый рот:

— А-гу!.. а-гу!..

И судорожно, яростно тянется ручищами к ее груди. Потом чихает и возмущенно корчит плаксивую гримасу.

Гаша улыбнулась и встретила тускло-нелюдимый взгляд мадам Кряжич.

— У нас — невпроворот работы. Маргарита Эрнестовна. Каждый хочет быть больше, чем он есть. А на стройке много людей, которые имеют больше, чем им нужно по положению. Вот вы — образованная, немецкий язык знаете...

— Но это мой родной язык..

— Так-то оно так, но зачем он нужен одной?

— Что вы говорите!.. Я на нем думаю... по-русски у меня не выходит...

— Ну, только для этого?.. Как это можно хранить в себе золото? Видите, какая вы богатая?.. Надо работать, Маргарита Эрнестовна...

— Но простите... Я не умею работать... и я не могу... Нам денег не нужно... Я очень благодарна за ваши заботы...

И она откинула шерстистую голову и व्यсокомерно усмехнулась.

Гаша нахмурилась, и в глазах у нее блеснула злость.

— Извините, пожалуйста: я к вам пришла не для того, чтобы услужить вам, Маргарита Эрнестовна. У нас, ежели желаете знать, ценятся не услуги, а заслуги. Услуги у нас называются — помощь товарищу, а заслуги — замечательный труд. Вот и у вашего мужа, товарища Кряжича, — эти заслуги есть. А вы чем можете похвалиться? Мне даже странно и обидно за вас, как за женщину, что вы несознательно кичитесь: я не умею работать! мне деньги не нужны!.. А для нас уметь работать — высшая честь. И не в деньгах дело, Маргарита Эрнестовна: деньги мои — не деньги, а моя цена...

Маргарита Эрнестовна опешила и даже отодвинула свой стул. Она оскорбленно покраснела — не скрыла этого и пудра на лице. Гаша заметила, что немка пыталась вскочить и, может быть, выгнать ее, но струсила и сразу повяла.

«Батюшки, мокрица-то какая!.. — ужаснулась Гаша. — Можно ли так жить человеку? Можно ли так душу потерять?...».

— Но позвольте... — залепетала Маргарита Эрнестовна, защищаясь от Га-

ши тощей длиннопалой рукою: — Какое вам до меня дело?.. Разве не достаточно, что у вас работает мой муж?..

Гаша уставилась на нее гневными глазами.

— Вот именно, Маргарита Эрнестовна, нам будто нет дела до вас, раз работает товарищ Кряжич. Он — сам по себе, а вы? Вы тоже сами по себе. А вот когда мы видим, что у нас в трудовой семье живут захребетники... такие барыньки, как вы... ну, тогда мы терпеть этого не можем... Как же вам не стыдно жить паразиткой? Да я бы сдохла на вашем месте от стыда... Да я бы стекла все повыбила..

Маргарита Эрнестовна с искаженным лицом поднялась со стула.

— Я вам запрещаю говорить со мной так... грутально... как это... зверски... Вы держите себя неприлично... Вы не можете приказывать. Я не знаю, откуда вы... не знаю имя.. И прошу вас оставить меня в покое..

Она через плечо презрительно оглядела Гашу и поплыла к двери в другую комнату. Гаша чувствовала себя такой сильной и большой, что ей стало жаль эту женщину, как безнадежно больную.

— Стойте, Маргарита Эрнестовна! Повернитесь сюда!

Маргарита Эрнестовна послушно остановилась и повернулась к Гаше. Глаза ее заливались слезами.

— Но вы меня... оскорбляете же... Вы не смеете этого...

Гаша встала, подошла к ней, взяла ее под руку и опять усадила на стул.

— Сердиться на правду нечего, Маргарита Эрнестовна, а обижается тот, кому нечем крыть.

— Но я же... беззащитна.. и доья я—сирота... Я—вне жизни... И кто вам дал право унижать меня?..

— Маргарита Эрнестовна, бросьте!.. Я пришла не унижать вас, а заставить драться за свою самосильность. Вы сами не хотите пользоваться правами свободной женщины. Вы вот жалуетесь, что беззащитны. А почему? Потому что не хотите ходить на своих ножках, а желаете, чтобы вас на руках носили. Птичку в клетке изображаете. Глупости

это. У нас нет сирот. И даже вон беспризорники завоевывают себе крепкие позиции.

— Но что же... что же мне делать прикажете?

— Работать, Маргарита Эрнестовна, жить. Будете учить рабочих и молодежь говорить по-немецки. Курсы у нас, школы, вуз... А почувствуете, что вы—сила, тогда можете выбрать что угодно...

Маргарита Эрнестовна сжалась и со страхом и враждой смотрела на Гашу, как на недруга, который внезапно и грубо вломился к ней с-улицы.

— Нет, я не могу... Я прошу вас оставить меня... Я предпочитаю уезжать...

Гаша с брезгливой усмешкой поглядела на нее и встала. Казалось, что она добила своей цели: дело свое сделала, поставила человека на место, и отступить ему уже больше некуда.

— Хорошо, Маргарита Эрнестовна, я уйду. Но позвольте сказать вам на прощанье, что трудно вам будет после этого... Умрете вы...

— Пожалуйста, прошу вас меня не страшить... Я хочу распорядиться собою, как желаю...

У Гаши потемнели глаза, и лицо дрогнуло от боли.

— В том-то и дело, что вы не можете распорядиться собою, Маргарита Эрнестовна. Ничего вы не понимаете.

— Что вы говорите!.. Зачем этот ужас?.. Я не хочу вас слушать...

И она вся с'ежилась и заплакала.

В приемной Люба смеялась в кулачок.

— Ну, что?.. Не выгорело?

— Она у тебя, как курица: сидит на тухлых яйцах и квохчет.

Люба проводила Гашу до калитки. Гаша тряхнула на прощанье ее руку и сердито сказала:

— Уходи-ка отсюда, девка. Ты — не холуйка, а пролетарка... Шла бы на нашу работу, золото...

Гаша чувствовала себя изнуренной и будто немножко больной. Она расстроилась от этой встречи с немкой. Живет эта облезлая кукла целые годы

во тьме, без воздуха, в затхлой пыли и безвременьи и понятия не имеет о том, какие яркие дни горят за окнами ее душевного гнезда... Да, конечно, она вне жизни: она это сама сознает. Но жизнь-то она представляет себе по-своему: не о нашей кипучей и захватывающей действительности мечтает она, а о красивеньком рабстве. Чем она недовольна? Тем, что муж не холит ее, не сидит рядом с нею и не тютюшкает ее. Ей чужды радости труда, волнения борьбы ей неведомы. Свобода для нее—непосильна: она ослепляет ее, как гроза, и потрясает ужасом. Ведь вот есть же в наши дни такие жуткие существа, которые несут в себе гнилую мерзость прошлого!.. Тысячелетия калечилась и томилась в бездельной неволе женщина и была только живой игрушкой для мужчины — царя и бога. И вот за эти тысячелетия женщина сама привыкла к неволе, и неволя стала ей желанной. Но мысль о том, что и она — человек и она способна создавать свою жизнь, полную творчества и мудрости, не приходила ей в голову, а если и мелькала эта мысль, то казалась ей дикой и нелепой... Вот она в чем, эта чортова чадра, вот в чем эти роскошные моды, намалеванные губы и фальшивые брови!.. Как можно терпеть это в наши дни, на нашей земле?.. Фашисты вон хотят еще больше охомутать женщину, совсем убить в ней человека. Но они, мерзавцы, не догадываются, что сами создают своих свирепых, непримиримых врагов. Там женщина уже знает, что такое борьба за человеческую свободу, — там много пролетарок и мыслящих тружениц. Разве можно уничтожить в них силу жизни? Нет, солнце в душе не погасить...

Гаша шла по улице, смотрела в оранжевые и синие окна домов и видела, как мелькали кудрявые головы женщин и уверенные черепа мужчин, и думала взволнованно и нетерпеливо:

«Гнать их, гнать надо из этих уютных домиков!.. Ах, как много работы... как много работы!..»

(Продолжение следует).

Песня

УТЕБАЙ ТУРМАНЖАНОВ

Сердце пышет жаром жизни,
Эту жизнь вдохнул мне Сталин,
Золотая льется песня,
И название песни — Сталин.

Высочайшая вершина
Гордо носит имя — «Сталин».
Выше той вершины — солнце,
Солнце жизни — это Сталин.

Народы — от края до края —
Зовут его горным орлом
И письма ему посылают
И песни слагают о нем.

Везде на планете огромной,
Куда ни умчит самолет,
«Москва» — говорят восхищенно,
А в мыслях: «Там Сталин живет».

Перевел с казахского
К. АЛТАЙСКИЙ.

Кремлевские звезды

К. ЗАГОРНЫЙ

Над городом воли, над городом
крыльев,

Где люди сердцами цветут,
Свидетели счастья, невиданной были,
Кремлевские звезды встают.

Встают из туманов, из синих рассветов,
Встают самоцветы Кремля.
Как молодость наша, как наши победы,
Как вольная наша земля.

Над площадью Красной, над площадью
славы,
Они принимают парад.

И видят — все ближе любимая гавань,
И ярче, светлее горят.

Светите же, звезды, не страшно
ненастье

Мы бури крутые прошли.
Мы сами открыли источники счастья,
Заветные земли нашли.

Свидетели славы, свидетели были,
Все ярче ваш Сталинский свет
Над городом воли, над городом
крыльев,

Которому равного нет.

Песня казачки

НИКОЛАЙ БЕРЕНДГОФ

Вышла зорька золотая,
Ветер никнет у ворот.
Там казачка молодая
Молодого друга ждёт.

Выйдет в поле, —
«— ты не сетуй!» —
Запоёт,

а песнь легка:
— «Приготовила кисет я
Для любимого дружка!

Пусть любовь мою заметит
Солнце ясное в саду!
Подожду я на рассвете,
Узкой стеженькой пройду!

А когда я жду в печали,
Сеет дождик с высоты,

Чтобы капли вышивали
В поле чистые цветы.

Напиши мне между делом,
Рассеки мою тоску,
Как врага ударом смелым,
Острой шашкой на-скаку!

Полетишь ты в бой, как ветер,
Я в огонь с тобой пойду!
В час досуга на кисете
Вышью красную звезду!».

Солнце теплыми губами
Прикасается к воде.
Знать, казачка на Кубани
Улыбается тебе.

За щукой...

ГЕРМАН АБРАМОВИЧ

Почти прозрачная светлеет синь
Над водным утренним простором...
Взгляни сюда: быстрее дно окинь
Уверенным рыбачьим взором.
... По голову ленивый старый линь,
Застыв в покое безмятежном,
Зарылся в сочный ил прибрежный;
Плотва гуляет, плещется карась,
И быстрый окунь, весело резвясь,
Проносится здесь дружной стаей.
Вот чайка низко пролетает
Над дремою проснувшейся воды;
А пузыри расходятся кругами, —
То щуки крупной верные следы,
Излюбленные рыбаками...

Живца! Живца! Скорей плотвицу —
На острый тройничок жерлицы;
Рогатку на кол — под осоку,
Где щуки жадный гон и хищный
жор...
О, миг пойма — сладостный,
высокий...
Какая страсть! Какой горячий взор!
Счастливые минуты хватки щуки:
Взяла! Взяла! Вот ходит на
кругах, —
Вскипают страстью жаждущие руки,
И хищник —
бьется бешено в руках!

Большая река

ВЛ. ЛИДИН

(Окончание¹)

Х

Эта была ночная знакомая, никогда не затихающая комната в управлении дороги. Как игрушечные по игрушечным путям, двигались по этим диспетчерским графикам поезда — балластные, товарные и пассажирские, мощные паровозы «ФД» и старенькие, оправдываемые временем и техникой «щучки» и «овечки»². Где-то через тайгу идут поезда, преодолевают подемы, тридцатипятиградусный мороз за окном, — а здесь тишина, шорох карандашей по бумаге, и хрипло и искаженно, похожие на суфлерские, звучат в телефоны голоса диспетчеров станций.

Дементьев любил эту ночную работу дороги. Рука с карандашом и целлюлоидовым треугольником вычерчивает график движения, невидимые механизмы открывают путь поездам, переводят стрелки, зажигают огни семафоров... И вычерченный график движения одухотворенно отмечает всю эту сложную переборску грузов, людей, как аппарат для измерения кровяного давления отмечает пульсацию крови человека.

В десять часов вечера он вызвал к диспетчерскому проводу Черемухина. Пять месяцев прошло с той поры, когда посадил он на маленькой станции Алешу и нанайца-охотника. Сведения о работе изыскательских партий подбира-

лись в его подвижном вагончике. Дважды успел вагончик побывать за это время в Москве. В одном из наркоматовских кабинетов, с длинным столом для совещаний, покрытым красным сукном, с батареей телефонов, влажно-блистающих на особом столике, с гигантской картой железных дорог СССР, занявшей почти полстены, он делал доклад о первых изысканиях в районе вечной мерзлоты. Он был молодой инженер, и люди старше него и по возрасту, и по своей инженерской работе не без недоверия к поспешности его заключений выслушивали доклад. Целые дела о «безводных амурских участках» лежали на столе и столь же безнадежный отчет американской специальной комиссии, признавшей проблему неразрешимой. От него прежде всего стали требовать данных. Данных пока еще не было. Найденные источники были под длительным годовым наблюдением. Наблюдение над ними должно было охватить полный год, включая критический водный период — с февраля и по май... Тогда шел еще январь, и неизвестно было, не перемерзнут ли в самые острые месяцы найденные ключи, не окажется ли изменчивой и непостоянной их деятельность.

Старая техника всем своим накопленным опытом критически и выжидательно встретила это его деловое вступление. В наркоматовской практике расчетам сопутствовали не раз и просчеты. Старые инженеры были более склонны предполагать, что очередная неудача подтвердит их теории. Деловые

¹ См. «Новый мир», кн. 7 с. г.

² «Щучки» и «овечки» — обиходные названия у железнодорожников паровозов системы «Щ» и «О».

предпосылки для этого были собраны в папки с результатами прошлых изысканий. Он не мог изложить здесь, на техническом совещании, всех тех сложных впечатлений, которые он получил за первые полгода своей новой работы. Для этого нужно было бы включить и воспоминания прошлого, и встречу с охотником на Амуре, и ночные беседы с Черемухиным, и даже Алешу, которого увез он из отцовского дома.... Но совещанию были нужны цифры и данные, а не его чувства.

Он остался после заседания в большом кабинете наедине с человеком, который с одинаковым вниманием выслушивал и его предположения и выводы, и толковые и обстоятельные возражения других. Какая-то горячая зарядка, как от аккумулятора, происходила всегда от этого человека. Ему нужно было ежедневное движение вперед, а движение вперед в первую очередь предусматривало новые методы, новые способы работы и новые чувства людей, не похожие на старые канцелярские и вываренные в цифрах и нормах чувства... Нормами была теперь потребность в переустройстве всего этого громоздкого и привыкшего к неподвижности истин и сроков аппарата, нормами были теперь новые и срочные нужды страны и качества людей, ломающих старые пределы и графики.

Человек за большим столом с серебряным отлитым бюстом Ленина на чернильнице не стал переспрашивать его соображений и результатов начальных разведок. Проблема — в плане грандиозной перестройки всей железнодорожной системы — была боковая, не более важная, чем борьба за улучшение качества баббита или за межпромысловый пробег паровоза. Он спросил его коротко: «Сроки?». Он отбрасывал сомнения в возможности найги в этой безводной и опороченной местности воду и спрашивал коротко: «Сроки? Учтите, что к будущей зиме вода должна быть не только найдена, но и каптирована, и пущена в трубы, и подведена к станциям. Иначе вопроса мы ставить не можем».

Эта уверенность ободрила Дементьева больше всего. Сводка работы изыскательских партий лежала перед ним на диспетчерском столике. Он ожидал сейчас у аппарата Черемухина. Его глухой и уверенный голос должен был, как обычно, оживить эти цифры температур, замеры притока воды и предположения изыскателей. Все изменялось в этом некогда глухом и отсталом краю. Стремительно сквозь ночь проносились товарные составы на восток и на запад. Вторая колея обозначалась не только в профилях намечаемой на планах постройки, а в глухих взрывах гранитных пород, через которые прокладывали уже этот путь. Разъезды доживали свои последние годы. Люди вертели ручки телефонов, им в ответ раздавались звонки, и в их чередовании, в голосах диспетчеров была часть и его, Дементьева, и всех, кто трудился с ним вместе, работы.

— У аппарата Черемухин, — сказал знакомый и измененный расстоянием голос.

Дементьев придвинул ко рту трубку приемника.

— Я Дементьев, — ответил он. — Здравствуйте, Александр Михайлович. Расскажите коротко и в основном, как работа? На каких объектах вы успели побывать? Имею сводки пяти изыскательских партий. Беспокоит донесение Детко. Вам что-нибудь известно по этому поводу?

Как-то профессионально обесцвечивал этот железнодорожный аппарат человеческий голос.

— Взятый под наблюдение ключ в декабре ушел, — ответил Черемухин. — Имеются однако новые данные. Предполагаю выехать на место работ.

— Беспокоюсь о сроках, — сказал Дементьев. — Когда можете выехать?

— Могу послезавтра.

— Хорошо. Предполагаю тоже побывать на месте работ. Думаю выехать завтра. Прошу дожидаться моего приезда на станции. Начальник станции обеспечит жильем. В Магдагачи вам будет вручен дежурным по станции пакет для меня. Прошу захватить с собой.

Они переговаривались короткими и деловыми словами служебных телеграмм. Какое-то гудение пространства, через которое приносились слова, напоминало о сотнях километров пути и о ночной зимней стуже. Необыкновенную и нужную близость этого человека почувствовал Дементьев в поздний и одинокий час их беседы.

— Александр Михайлович, — сказал он, прикрыв обеими руками приемник, чтобы Черемухин смог уловить эти обращенные к нему интонации его голоса. — Я несколько огорчился последними сведениями... меня особенно тревожат объекты восемь и пять.

Нет, донесла все-таки проволока телефона и это его беспокойство, и большое доверие.

— Ничего особенного не произошло. Полагаю, что сумею вас и порадовать, — ответил Черемухин.

Дементьев так и представил себе этого взъерошенного энтузиаста, в его меховой ушанке, с набитым портфелем, который, вероятно и сейчас лежит рядом с ним. Он даже улыбнулся от теплоты этого своего чувства.

— Вы меня радуете вашей уверенностью, — сказал он в этот непривычный к человеческим настроениям приемник. — Здоровье, настроение?

— Отличные. Желаю вам того же.

— Привет, Александр Михайлович. Желаю здоровья.

И трубка замолкла. Дементьев не сразу отодвинул ее. Казалось, хранила сна еще звук знакомого голоса. Потом он медленно застегнул полущубок и вышел из диспетчерской. Станция была в морозном тумане. Все было неподвижно и придавлено стужей. Фонари припухло и тускло освещали туман. Но вот какое-то движение обозначилось в этой омертвевшей ночи. Глухо и отдаленно надвигалось оно на станцию, туман побелел, потом белесо наполнился светом, и с гулом и грохотом принесли с запада пассажирский поезд. Вагоны в инее, с морозным скрежетом притормаживаясь, прошли перед Дементьевым своими занавешенными окнами. Он вспомнил неуютное чувство в первые дни своего приезда сюда. На

глухой и затерянной станции стоял в стороне его отцепленный вагончик; ветер насвистывал в проводах, и непроязвимым своим буреломом поднималась по обеим сторонам тайга. Сейчас была населена для него эта тайга живыми людьми изыскательских партий, насвистыванье ветра в проводах напоминало о только-что законченном разговоре с Черемухиным, и тяжелая поступь ночного поезда как бы еще больше подтверждала всю необходимость их работы в тайге... Мороз хорошо жег лицо, и Дементьев не торопился в свой жаркий вагончик. И так же, как принесли сюда, ушел ночной этот поезд на восток.

Три дня спустя на той же станции, куда привез Дементьев Алешу, маневровый паровоз поставил на запасный путь его вагон. Черемухин жил уже сутки у начальника станции. В маленьком салоне опять уютно запахло его табаком. обстоятельно были сняты и шапка-ушанка, и свирепая куртка на овечьем меху и разложен тяжелый портфель на столе. Черемухин был готов для доклада и действия.

— Александр Михайлович, сводки и данные, — сказал Дементьев, переходя прямо к делу. — Меня беспокоит ушедший источник.

Черемухин не торопился. Ему доставили удовольствие поиски в портфеле сообщения гидролога Детко. Вот оно лежит на столе, это письмо. Он наблюдал в стороне и покуривал трубку. Любопытно, как лицо человека отражает прочитанное в письме. Сдвинутые брови расходятся, вот он трет переносицу.

— Ах, чорт возьми, молодчина Засор! И парнишка этот — Прямикова сын... — Подробно и не без склонности к высокому стилю описывал гидролог все события последних недель. — Вы меня, действительно, порадовали, Александр Михайлович. И знаете, что особенно приятно: что не ошибся в людях...

Дементьев задумчиво сложил это письмо. За сообщением гидролога стояли охотник, Алеша... какие-то давние корни жизни как бы процвели и пустили ростки.

— Ключ найден в самые критические

зимние месяцы, когда все непостоянные водосточники перемерзают до дна... замеры притока воды подтверждают, что это вполне полноводный и надежный источник. Так что на этот раз ошибки не выйдут.

Черемухин довольно раздувал свою трубочку, и сизоватый дымок отодвигал зимний день за окном. Они помолчали. Разговор соскользнул с делового вступления, и какая-то часть его личной, Дементьева, жизни была в этом многословном сообщении гидролога.

— Когда выполняешь большую работу, да еще прошел жизнь собственным опытом, — сказал он в раздумьи, — когда кажется, что и людей ты узнал предостаточно, и учиться у них уже нечему. И все-таки всегда оказывается, что ты недоучка, и что, чем больше ты уже научился, тем большему еще только нужно учиться. Это я отношу к себе, Александр Михайлович. Опыт работы с вами многому меня научил...

Он вспомнил их ночной разговор и дошедшие до каждого из них интонации приближенных, несмотря на расстояние, голосов.

— Что же, могу только ответить вам тем же, — отозвался Черемухин не сразу. — Знаете ли, если говорить о мечтах, то мои мечты лежали погребенными на такой глубине, что я никогда и не надеялся на их осуществление... а какие могут быть мечты у ученого? Чтобы его теории получили практический опыт, чтобы его догадки стали истиной, приносящей непосредственную пользу человеку. Наука не знает отвлеченных мечтаний. Она живет и осуществляется опытом. Опыты мои до революции были жалкими... я ведь не лабораторный работник. Мои работы требуют размаха, средств, риска... я этого ничего не имел. Министерство путей сообщения считало район вечной мерзлоты обреченным районом. Здания, построенные здесь, давали деформацию, водокачки на станциях оставались зимой без воды... реки перемерзали, и первые опытные водопроводы не обеспечивались нужным притоком. Поиски подмерзлотных ключей не составляли предмета особых забот. Только после

русско-японской войны задумались, наконец, о судьбе огромного заброшенного края. А когда мы научились уже кое-чему на основе практической нашей работы, наступили мировая война, революция... все работы были заброшены, я считал это дело погибшим. Я сам для себя постепенно превратился в мечтателя и неудачника. Это, знаете ли, не легко сознавать, что ты со всеми твоими теориями как-то отодвинут на задворки науки... я все-таки инженер-гидролог по образованию и мог отступить в сторону любой практической работы, и это было бы проще и выгодней. Можно читать курс по водоснабжению, можно просто вести любую работу в своей области... но вот сидит же в человеке этот бес настойчивости. Район вечной мерзлоты для меня не только история ледникового периода, но и край с будущим. Вероятно, главное — это почувствовать, что присоединяешь свои силы ко всеобщим усилиям. Тогда и годы неудач, и сомнений в самом себе, и обид, — все это становится неизбежными подробностями роста.

Он помолчал, и Дементьев не перебил его вопросом.

— И вот я вырос, и могу расти дальше, и все сделано для этого моего роста, хотя мне и порядочно лет. Я никогда не смел даже мечтать о таком громадном развороте работ... я точно вышел из своей комнаты на широкое поле с воздухом и перспективами. Вы у меня научились кое-чему, но и я у вас научился... размаху, движению к поставленной цели, широкому охвату явлений, умению учиться, несмотря на положение и на возраст... я отношу это, конечно, не к вам только лично, а к целой новой породе людей. Я — сын уральского переселенца, или, иначе, новосела, как их здесь называли, — сказал он затем. — Целыми караванами шли на телегах из какой-нибудь Тамбовской или Харьковской губернии переселенцы... кочевали с детьми месяцами, а иногда и по году. Всякие льготы переселенцам были отменены, шли за свой счет... в спину толкали малоземелье и голод, а за Уралом рисовались невиданные урожаи, земля.

Земля, — говорил он, как бы прислушиваясь, как звучит это слово. — С самого раннего детства больше всего значило для меня это слово — земля... Переселения на Урал я не помню, родился позднее. Но знаю, сколько на пути переселенцев оставалось могил, и не было такой беды, какую бы не испытал новосел. Жили табором, ели траву, дети вымирали от поносов и голода... причислиться к обществам стоило денег, а деньги все вышли в пути. Я, по одним рассказам отца, мог бы написать целую книгу о переселенцах. И вот — земля, с детских лет разговор о земле... может быть, именно отсюда пошла эта мечта о преобразовании земли, о ее назначении для человека. Обработка плодородной земли связана с историей самых древних культур... а вот сделать так, чтобы эти районы вечной мерзлоты, почти треть территории всей нашей страны, чтобы они зацвели, чтобы победил человек это мертвое наследие ледникового периода, — вот о чем я мечтал и мечтаю и что давало мне бодрость, несмотря на все трудности и неудачи. И вот я вижу, что эти мечты становятся реальным делом каждого дня, всей работой, которая теперь ведется у нас... и я впервые начал жить, как ученый. Мои теории не в формулах, не в этом портфеле... а заложены в землю шурфами и буровыми скважинами. Пойдут поезда на нашей воде, а еще через год это станет, вероятно, уже пройденным этапом работы... Новые огромные перспективы заслонят ее!

Дементьеву не захотелось нарушить этой приблизившей их друг к другу беседы деловыми выкладками изыскательских партий. Он отложил это до выезда к месту работ.

Торопливо гремели час спустя колеса вагончика моторной дрезины. Тайга стыло стояла по обеим сторонам пути. Ни одна птица не оживила неспешным полетом зимнего неба над ней. Но было предчувствие весны в этом незаметно удлинившемся дне, в последнем натиске грубых северных сил перед тем как уступить свое место теплу.

У соседнего блок-поста их ждал Ма-

гафонов. Они пересели в забайкальский плетеный возок, и мелкорослая лошадка повезла их в тайгу.

— Ну, что же, Магафонов... не вся вода мертвая, а есть и живая, — сказал Дементьев. — Выходит, обманывала вас мерзлота тридцать лет.

— А время покажет, — ответил Магафонов уклончиво. Он вдруг обернулся и даже с некоторым интересом посмотрел на этого уверенного человека. Рыжеватая его борода была в инее. — Я-то тридцать лет в тайге, это верно. — сказал он затем. — А вы давно ли пришли?

— Не так давно, а порядочно... месяцев девять назад, скажем. Достаточно?

— То-то и оно. Вам, значит, виднее.

— А вам не видно?

— И мне видно.

— А что вам видно? — полюбопытствовал Дементьев.

— А то, что ушел один ключ, и другой себя покажет, — уйдет.

— А вот профессор говорит — не уйдет.

— Профессор... — И Магафонов с явным пренебрежением посмотрел на это мелкорослое и сразу озябнувшее в тайге существо. — Про тайгу в книжках не все написано. Ты вот по ней походи тридцать лет, да холоду натерпись, да узнай...

Он не кончил и ударил лошадь кнутом. Казалось, люди пришли в обжитой его дом, в котором знал он все с малых лет, и теперь наводят в нем неумелые свои порядки. Какая-то столь очевидная и прокисшая тусклость была во всей его понурой спине, в желтоватых косицах из-под меховой шапки, что Дементьев только махнул рукой.

Алеша встретил их еще на дороге. Он жадно ждал приезда Дементьева. Он должен был рассказать ему все, что пережил за последние месяцы. И вот Дементьев опять сидит перед ним в лесном доме. Лицо его озабоченно, но глаза тепло и в морщинках улыбки глядят на Алешу.

— Ну, рассказывай, Алексей, обо всем!

И Алеша рассказывает ему обо всем.

Печурка раскалена до-красна, и охотник подбрасывает в нее сучочки и щепочки. Ее жаркое пламя напоминает огонь очага, далекое зимовье в охотничьем доме и его, Дементьева, юность. Был он тогда, вероятно, похож на этого взволнованного, с мальчишескими блестящими глазами, парнишку, и такие же надежды и замыслы теснились перед ним...

— Ну, что же, Алеша, — говорит он затем и плотно проводит рукой по его стриженной голове. — Ключ нашли, начнем его разработку. Первый шаг в жизни ты сделал.

Многое хотел он еще сказать и Алеше, и нанайцу-охотнику, и всем этим изыскателям, заглубившим в тайге. Пробный шурф, заложенный в таликовой воронке, разрастается до проблемы обороны страны. Каждый лишний пропущенный поезд обозначает развитие края, его грядущий расцвет... Но на-ходу обо всем этом не скажешь. Сейчас их дожидались на месте работ. Протоптанная людьми и порыжевшая от конского навоза дорога вела к высокой конусообразной наледи, из которой изливалась и замерзала вода. Дементьев и Черемухин обошли контуры таликовой площадки. Гидролог и буровой мастер сопроводили их. По временам все четверо останавливались, гидролог разворачивал план, и Черемухин приближал его к близоруким глазам.

— Что же, надо дать название ключу, — сказал он затем.

— Мы уже назвали его, — ответил Алеша поспешно. — Нанайский ключ.

— Нанайский ключ, — повторил Дементьев не сразу. — Это хорошо—Нанайский ключ.

Они стояли теперь рядом возле самой воронки. Журчал, устремляясь вперед этот ключ. Какая-то весенняя свежесть была в булькающей, поющей, выпирающей от избытка воде. И Алеша увидел, как знакомые морщинки улыбки легли возле глаз Дементьева. Как жаль, что не догадались приукрасить это место работ. Даже красный лоскут на древке, воткнутом в наледь, мог бы празднично преобразить его.

— Скоро и тебя отвезу назад в стой-

бище, Заксор, — сказал Дементьев. — Вернешься, расскажешь, как помогал большевикам искать воду... а многие нанайцы даже поездов не видали. Амур будет еще во льду, но мы тебя из Хабаровска доставим на самолете.

Два часа спустя они возвратились в дом. За дощатым столом Черемухин открыл совещание. Новое название ключа было вписано на карте разведок. Первое и основное задание — вода должна быть каптирована в течение лета. Теперь оставалось набросать план ближайших работ. В марте, когда потеплеет, устроят водослив и перемычку для подпора воды. В марте же начнут закладку галлерей, проверят выход ключа по трещинам коренных пород, а главное испытание — откачка воды. Откачивать десять, пятнадцать суток подряд... если вода не иссякнет, — проблему водоснабжения в этом районе можно считать разрешенной. Нужно наметить еще шурфы и скважины и изучить местность, по которой будет проложен к станции водопровод. Теперь пошли расчеты и выкладки.

Только перед самым отъездом Дементьев смог поговорить с Алешей наедине. Они вышли из дома и сели на перилах крылечка. Закат был рыж, как весной. Предвесенняя желтизна наполняла прогалины.

— Сейчас я уезжаю в Сковородино и Читу... а в конце марта или в начале апреля придется мне снова поехать в Хабаровск, — сказал Дементьев. — К этому времени подготовительные работы здесь будут закончены. Дальше начнутся уже детальная разведка и техника. К этому ты вернешься по окончании техникума... а может быть, и транспортного института, как знать. — Он задумался. Было во всем этом какое-то неуловимое повторение его собственной жизни. — Будешь, Алексей Прямыков, инженером... если не побоишься ни труда, ни самой черновой работы. Институт, техникум, — это необходимо, конечно... но главное, понимание предмета не из цифр и формул, а из живого его применения. И понимание задач и целей страны. Шире, шире надо смотреть вокруг... расширять свой горизонт, чув-

ствовать свою работу составной частью общей работы в стране. Тогда работа приобретает и перспективы, и величайшую осмысленность. И вот еще что: только с народом, всегда с народом, опираясь на опыт народа, на его талант, на его силы. Наука — с одной стороны, силы народа — с другой... тогда получится то сочетание, которое движет вперед, к основным нашим целям. Неиссякаемы эти силы, Алеша, и никогда они не были так разбужены для труда и действия, как теперь. Вот нанаец-охотник... кому до революции были нужны его природные способности и замечательные качества? Если ты успел его узнать, то успел и полюбить, я уверен...

— Я даже и представить себе не могу, что нам придется жить врозь, — сказал Алеша.

И он рассказал Дементьеву всё: об ушедшем ключе, о своей болезни, о том, как спас его охотник в тайге. Дементьев слушал. Воспоминания набегали из прошлого.

— А ведь этот народ вымирал и вымер бы совсем, если бы не революция, — сказал он затем. — И у меня с этим человеком, и со стойбищем, откуда мы его привезли, много связано. Наверное, ты слышал от отца. — Как обычно, прищуривались и становились далекими глаза Дементьева. — И помни еще одно, Алексей: не легко и не просто дается нам каждая, даже самая малая победа. А здесь, на Дальнем Востоке, особенно. И выходы ключа закидывал враг камнями, случалось. И рельсы на крутых поворотах расширял.

Ночью, на дрезине, случилось Дементьеву ехать к месту крушения товарного поезда. Глухо гремел вагончик дрезины, его бросало на поворотах, тусклая лампочка под потолком освещала невыспавшиеся лица, запотевшие от ночного холода окна вагончика, — все неуютное убранство несущейся и подвывающей сиреной дрезины. А там, где был этот злоецидний крутой поворот, — еще издали факелы пожарищем освещали ночь, по-муравьиному бежали вдоль насыпи люди, и нагро-

можденном железе, разбитыми бочками с рыбой, каменным углем, насыпавшимся отвалами с разбитых платформ, — уже завершившееся, застывшее в трагической непоправимости — обозначилось крушение.

Дрезина остановилась, не доезжая до поезда. Горели три товарных вагона с какими-то деревянными втулками. Дементьев шел с начальником эксплуатации по обочине насыпи. Каменный уголь остро подвертывался под ноги. Двое рабочих из бригады вспомогательного поезда сопровождали с факелами. Пламя отрывалось от факелов, — ночь была полна тревоги, тишины, выжидания, только с сухим треском горели вагоны с втулками.

Они подошли к паровозу. Его тендер высоко и нелепо был задран кверху. Рельсы оказались целы, паровоз сошел с них на крутом повороте. Была это вина машиниста, или действовала здесь чужая рука? Начальник эксплуатации зябко кутался в осеннее пальто. У него болел зуб, он держался за щеку.

И от всей этой безнадежности, сырости ночи, треска пожарища, непоправимости ночной катастрофы у Дементьева тоже стала ныть половина лица, от невралгии начал дергаться глаз, слеза текла по щеке. Утром специальная комиссия определила, что чья-то опытная рука расширила рельсы на повороте. В злоецидней черноте этой ночи, где-то рядом, совсем близко от него, Дементьева, притаившийся враг наблюдал вместе с ним это удавшееся ему дело. С необыкновенной отчетливостью запомнил Дементьев чувством горечи и тоски, которые он испытал в эту ночь, невралгию, гнавшую из его глаза слезу, и обманчивую тишину великого края. Передовой линией лежал он на восточных подступах страны, и каждая сопка и падь и тайга могли прикрывать собой враждебные силы.

— На Дальнем Востоке каждый день — борьба, Алексей, — сказал он еще погодя. — Будь готов к ней всегда — днем и ночью, слишком много глаз в нашу сторону смотрит. Да и здесь внутри подбирает предателей...

Было сейчас у Дементьева сходство с отцом, так же сжималась рука в кулак, и нужен был этот удар кулаком по перильцам, чтобы подкрепить мысль.

— А я разве не знаю? — сказал Алеша по-взрослому. — Мы с отцом не один раз к пограничникам ездили. Там ребят из нашего села много служит.

— Ну, а если знаешь, значит, и не забывай никогда.

И Дементьев уже смягчившимися, повеселевшими глазами посмотрел на Алешу. Они сидели на перильцах крылечка. Синеватая снежная туча затягивала полосу заката. Алеша вспомнил Аниську, окно ее комнаты, из которой виден Амур, весь вид этого стойбища, ставшего и для него тоже близким.

— У меня есть просьба, Петр Иванович... это только совсем про другое. Если будете в Чите или Иркутске, купите сочинения Пушкина. Сестра просила ей выслать.

Он достал из кармана ее сложенное аккуратно письмо. Из него выпал календарный листок. Несколько строчек пушкинских стихов были подчеркнуты рукой Аниськи. «Ключ юности, ключ быстрый и мятежный, кипит, бежит, сверкая и журча...». И Дементьев прочел подчеркнутые ею стихи.

— Хорошо, будет Пушкин, — сказал он, возвращая листок. Его лицо потеплело. Старательно подчеркивала Аниска эти строки о быстром и мятежном ключе юности. — А теперь прощай, Алексей Прямыков. Когда поеду обратно в Хабаровск, дам телеграмму.

Они поднялись. Сопровождение в доме было окончено. Надо было, пока не стемнело, добраться до железной дороги.

— Да, я забыл отдать тебе нож, Заксор, — сказал вдруг Дементьев и стал расстегивать полушубок. Он нащупал в кармане и достал удивительный нож, начиненный лезвиями, крючочками и отвертками. Каждое имело свое назначение, и мог охотник любое из них приспособить для своих целей. — Ну, вот, а теперь можно ехать.

И Магафонов на своей мелкорослой

заиндевшей лошадке повез их на восток. Алеша и охотник остались стоять на дороге. Удивительно блестело лезвие любимого ножа Дементьева, — Алеша хорошо его знал. Были в этом блеске, в остром запахе свежего конского навоза, в полном и холодном ветре, дувшем прямо в лицо, обещания его, Алешиной, судьбе. Рядом с ним, радуясь отточенному лезвию ножа, стоял охотник, с которым была связана теперь его жизнь. Там, на востоке, где синева уже прикрыла уехавших, шли поезда. Ночью и днем можно было услышать протяжные гудки паровозов. Гудки напоминали о том, что множество новых путей должен только проложить человек сквозь тайгу. И тогда Алеше хотелось сократить предстоящие годы учения, ему казалось, что он опоздает и что всё успеют сделать без него. Но больше и отчетливее всего пахнул этот вечер обещанием весны. Весна сторожила уходящую зиму, она удлиняла дни, растягивала рыжие закаты над лесом и стучала в его, Алешино, сердце такой безотчетной радостью, что было больно дышать.

— Хороший нож, Заксор, — похвалил он. — Это любимый Дементьева нож, я его знаю. Ты только посмотри: здесь тридцать два лезвия и отверток, и крючочков... и чего только хочешь.

— У... кучэн такой ни один нанай не имеет. — Заксор бережно вытер лезвие о рукав. Его белые зубы блестили в детской довольной улыбке. Но вот постепенно сошла с его лица эта улыбка. Он медленно сложил нож и запрятал его в голенище. — Нанай, если один другому гиасо или кучэн¹ дает, значит, как брат. На охоте всё вместе, дома всё вместе... всё всегда вместе. Куда брат позови, туда иди.

— Скоро Дементьев придет за нами, возьмет нас назад... ты вернешься в стойбище, Заксор, я в Хабаровск — учиться, — сказал Алеша грустно. — Дадим друг другу слово: не расставаться навсегда. Может быть, я приеду к вам в стойбище... или ты в Хабаровск.

¹ Названия ножей.

— Я тебе, как ага¹... ты мне, как нэу², будешь. Давай так. Хорошо. Раз ска- зал так — всегда так будешь. Хочешь, приезжай в стойбище в мой дом жить. Сколько будешь жить, столько хорошо. Всё вместе: дом, кета, какой зверь убью, — всё вместе.

— Может быть, и я когда-нибудь буду строить дорогу, так же, как Де- ментьев. Тогда ты тоже пойдешь со мной, как пошел с Дементьевым...

Из тучи, давно наползавшей с восто- ка, посыпал снег. Но и в холодном при- косновении снежинок к горящим Алеши- ным щекам были те же обещания. Он стоял на дороге, подставив ветру и сне- гу лицо, и широко раскрытыми глазами смотрел на поднимающуюся снеговую ме- телицу, за которой как бы лежало его будущее.

XI

Ночью охотник проснулся от шума. Он приподнялся на нарах и взгляделся в окно. Снаружи было темно. Но бушева- ла, скрипела, гулко ухала под переката- ми ветра эта только-что скованная мо- розом тайга. Он оделся и неслышно в мягких своих торбозах пробрался мимо спящих. Ветер не давал открыть дверь. Все шумело и рвалось под ним, гнулись со скрипом и размахивали ветвями де- ревя, и откуда-то с открытых про- странств снова и снова приносило эти потоки ветра.

Охотник стоял возле дома. Ветер про- бился в рукава его куртки. Он поднял голову и жадно смотрел в ночь и ню- хал воздух. Казалось, обвалы грохота- ли в горах. С нарастающим гулом при- носился порыв, гнул деревья, валил с ног, с шумом шумом нес мимо снег и листву. Ночь была черна и тревожна. Но в ее черноте рождалась весна. Ноз- дра приплюснутого носа вдыхали знако- мую свежесть. Так пахнет тайга в эти бурные предвесенние ночи, когда весна прогоняет зиму. Сутками, а иногда и неделями, длится их поединок. Зима сопротивляется, сыплет сухой, колкий

снег, набирает сил к утру, когда от мо- роза больно человеку дышать, но уже к полдню слабеет, солнце раз'едает на пригорках снег, птицы чаще перелетают с ветки на ветку, на земле беспокой- ство и ожидание. Еще спят зимним сном звери, залегшие в берлоги и норы, но волки уже отпраздновали свои свадьбы, и медведь перед тем, как покинуть бер- логу, скоблит когтями подошву своих лап и ест шелуху. С воем и треском схватывались весна и зима, и охотник стоял и слушал. В эту пору над Амуром несет еще колкий снег, но лед уже поси- нел на глубинах, и рыбак видит это. Охота в горах кончилась, охотники вер- нулись с добычей, теперь дни разгово- ров и отдыха, и много разных рассказов могут рассказать оставшиеся в стойби- ще. Веселое и гулкое время, когда тре- вожными ночными голосами, порывами ветра и в поединке с зимой рождается весна... Так он стоял, вдыхал ветер и слушал. Потом так же неслышно вер- нулся он в дом и, освеженный ветром, этой ночной своей встречей с весной, шумным и свежим ее пробуждением, уснул.

Весна пришла через три дня, и за- байкальское солнце высоко поднялось над потрепанной бурей тайгой. Сломан- ные ветки, вырванные с корнем слабые деревья, груды наметенного последнего снега, — казалось, наскоро прибиравась земля, чтобы встретить весну. Днем на солнце было жарко в полушубке и ва- ленках, и Алеша расстегивал ворот. С теплом началась детальная разведка ключа. В помощь партии было присла- но еще пять рабочих. В шахматном по- рядке высверливались на таликовой площадке шурфы, строили водослив, под- везли моторный насос. Теперь остава- лось только по полученным данным шурфов начать закладку галереи для сбора воды. Алеша вел замеры ее рас- хода, измерял температуру, заполнял журнал отметками проходимых пород. Образцы этих пород подбирались. По- сле того, как будет сооружена галерея, можно начать откачку воды. Если после двухнедельной откачки вода не ис- сякнет, — значит это настоящая, живая вода.

¹ Старший брат.

² Младший брат.

В начале апреля водосборочная галерея была готова. Мощный моторный насос приготовлен для откачки воды. И вот полилась в водослив плотная блестящая струя. Где-то в подмерзлотном пространстве отстоялась она в своей звонкой чистоте и прозрачности. Приятно было подставить руку под эту ледяную струю и чувствовать, как начинает сводить холод пальцы. Шел уже одиннадцатый день откачки воды. Ее приток не уменьшился. На низкорослой своей лошаденке приехал в этот день Магафонов. Он неспеша слез с седла и привязал лошадь к дереву. Всю дорогу выцветшие зоркие его глаза приглядывались к знакомым приметам тайги. Снег дотаял полосами в лощинах, и началось весеннее чернотропье. Пахло таянием снега, перегнившим корьем, отошедшими от стужи деревьями, — запахами, которыми богата в эту пору тайга. Но вместо охотничьих дел вынужден был он теперь в служебном порядке везти со станции телеграмму. В двадцатых числах апреля Дементьев возвращался в Хабаровск, — в телеграмме назначался день отъезда Алеши.

Неодобрительно, пока гидролог читал телеграмму, глядел Магафонов на бегущий в лотке водослива поток. Стук насоса далеко отдавался в тайге, и могучими спазмами выбрасывалась вода на поверхность. Нет, погнуло все-таки время некогда широкие плечи забайкальца, и жесткая седина подпала с боков рыжеватую бороду. Не без любопытства пригляделся Аксентьев к непривычному выражению его лица. Было на этот раз в нем все же больше недоумения перед всеми этими делами людей, чем обычного неодобрения.

— А постарел ты, Магафонов, — сказал он нестеснительно. — Уходит твое время, ничего не поделаешь... вон и воду тайга отдает, а ты не верил.

— Зима зиме рознь... один год отдает, а в другой — и ведра не нацедишь.

— А ты приходи через год в эту пору. Я тебя в воде утоплю.

И Аксентьев, уже недобро и колюче блеснув своими воспаленными глазами, пошел мимо него.

Лилась вода и широко и блистая спадала с перепада. Гидролог прочел телеграмму Алеше. Через два дня его и охотника должны отвезти отсюда на станцию, где Дементьев проездом захватит их в свой вагон. Надо было прощаться и с ключом, и с людьми, с которыми он давно уже сблизился. И Алеша стоял и смотрел на поток. Это был уже не тот маломощный источник, который обманул их зимой. Вторую неделю гнал насос его воду, и любовно Алешиной рукой был выведен график притока.

— Не жалко тебе, Алеша, расставаться с ключом? — спросил гидролог. — А ведь привыкаешь, расстаешься, как с живым человеком. Впрочем, брат, твои ключи впереди, — утешил он его тотчас. — Не один ты возьмешь в своей жизни... если только никуда не свернешь и если вот что будешь помнить: Магафоновых много по земле еще ходит. Он так с виду смиренный старичок. А за старичком кто стоит? Может быть, японская разведка стоит. Японцы в интервенцию с водой тут помучились.

Свыше года назад, когда гидролог только начал работу в тайге, нашел он здесь один из первых ключей. Источник имел выход из земли под горой, и тщательно и любовно стал гидролог вести наблюдение за его ростом. В начале марта, когда вырос уже в толстый том журнал его наблюдений, ключ внезапно ушел. В одно утро так же, как и в этот раз, потухшим и мертвым нашел гидролог источник. С отчаянием и надеждой он бросился на его поиски. Ключ мог уйти по фильтрационным грунтам, мог спуститься по склону. Так, еще слепо бродя по его следу, обнаружил он возле самой вершины горы работу человеческих рук. Груда свежесброшенных камней показалась ему необычной. Вместе с двумя рабочими раскидали они эти камни и нашли главный выход ключа, отведенный в сторону чьей-то рукой.

С недоумением и без отчетливого понимания смысла всего этого злого и непонятного дела смотрел гидролог на груду раскиданных ими камней. Кто

мог совершить этот предательский и подлый поступок? Они вели полезную и важную работу в тайге, и тогда в своей неопытности не мог гидролог представить себе, что не в шалой и бессмысленной одури загулявший человек, а планомерно, знающая законы тайги и все ее скрытых сил, делала опытная рука свое враждебное дело.

Это было первое прозрение и понимание истинных сил, противодействующих на Дальнем Востоке. Тогда нашли виновника, железнодорожного мастера, служившего раньше в войсках Колчака. Со вниманием и любопытством вглядывался гидролог в сухонькое, в скопеческих морщинках, лицо человека. Свыше пятнадцати лет потаенно и ядовито накапливалась в притаившемся его существе ненависть ко всем новым делам и порядкам. Японские иены, найденные под половицей служебной квартирки, не были накоплены в годы интервенции, когда всяческая валюта гуляла по свету. Иены оказались позднейшего выпуска. Даже сюда, до самых глухих таежных мест, доходила борьба, просто душно не разгаданная сначала гидрологом. Стоя рядом с этим парнишкой, который только вступал теперь в жизнь, всем своим накопленным опытом хотел он поделиться с ним..

В последний раз, день спустя, простился Алеша с ключом. Он пришел сюда один, в ранний час. Солнце рыже и лениво едва поднималось над лесом. Он стоял один в тишине. Скоро дятлы начнут долбить острыми носами кору берез, чтобы напиться сладкого березового соку. Сколько раз в детстве нарезал он бересту и прикладывался к раненому дереву жадными мальчишескими губами. Было в горьковатой свежести березового сока то неповторимое ощущение весны, от которого билось сердце и хотелось бежать неведомо куда и кричать безотчетно, так, чтобы эхо возвращало с Амура эти глупые и счастливые слова... Теперь отроческие годы были уже позади, и жность требовательно и настойчиво заступала их место.

Так в это утро он простился с ключом...

И вот к концу поезда прицеплен снова вагончик Дементьева. Казалось, не было позади этих семи месяцев, проведенных в тайге, но признаки весны и солнце, бьющее в окна вагона, говорят о передвижке времени. На ногах охотника уже не зимняя обувь, и столб за столбом приближают к Амуру.

— Придется тебе потерпеть еще денечек, Заксор, — сказал Дементьев. — Сегодня сделаем остановку в пути. Надо мне побывать на одном собрании железнодорожников... для тебя это тоже бесполезно, Алеша. Есть у нас одна такая задача... железнодорожное дело велось до сих пор по старинке. держалось на старых правилах. Но на старых правилах далеко не уедешь, стране нужны другие темпы и правила. И вот задача эта, если попросту сказать, вот какая: каждый паровоз после определенного пробега должен встать на промывку, чтобы не образовывались накипь и загрязнение котла. Старые транспортники полагали, что удлинить этот пробег между промывками паровоза нельзя. А есть у нас одна такая бригада, которая берется провести с одним паровозом поезд с Дальнего Востока до самой Москвы. Вот ты и прикинь, что это значит для транспорта, если один паровоз без отцепки и без промывки в пути сможет вести поезд на тысячи километров...—Он задумался. — Пройдут годы, — добавил он погодя, — и все наши сегодняшние усилия здесь станут начальными, что ли, усилиями... сегодня мы бились за воду в районах вечной мерзлоты, искали ключи. Завтра новые паровозы пойдут по этим путям, и они обойдутся уже без нашей воды. Это будут мощные паровозы-конденсаторы, которые без пополнения водой смогут проходить тысячу километров безводных пространств — здесь ли, в районах вечной мерзлоты, или в песках Средней Азии.

Бежали назад чуть тронутые весной, еще голые поля. Сопки бурели, первое движение соков едва обозначалось в деревьях и кустарниках. Но небо было уже не пепельным по-зимнему, а синим той синевой, когда кажется, что за сопками — море.

— А пока, Алеша, наша борьба сейчас здесь за живую воду... много еще стоячих затхлых вод нужно пройти, чтобы найти эту воду. То же и с людьми... жадно и с надеждой выпестываем мы этого нового человека, и не мало застоявшихся затхлых людей нужно сбросить с пути, чтобы они не мешали его росту. Свыше пятнадцати лет прошло со времени интервенции на Дальнем Востоке. Десятки тысяч людей сбросили мы в море, разбили в боях, разоблачили уже в мирные годы. Но в тайге и за пятнадцать лет весь сорняк не прополешь. Есть еще, гнездится, ползет, выпускает ростки... Главное, не застаиваться, не дремать, не успокаиваться в благодущии, Алексей. Враг никогда не дремлет, не успокаивается... вот в чем разница! — Была это настойчивая мысль, к которой Дементьев возвращался каждый раз, когда начинал разговор о Дальнем Востоке. И Алеша слушал и запоминал, и, похожая на складочку между бровями Дементьева стягивала первая неопытная морщинка его густые по-отцовскому брови.

К вечеру вагончик Дементьева отцепили на большой станции. Товарные составы длинно и сумрачно стояли на запасных путях. Гудели маневровые паровозы, пели рожки, станция жила ночной жизнью. Совещание было назначено в здании клуба. Два железнодорожника повели Дементьева через пути. Тройной ряд поездов дождался отправления на восток и на запад. И Алеша боялся отстать, перебираясь через площадки вагонов. Вся бригада, двадцать два человека, ждала Дементьева в клубе. Каждого знал он в лицо — всех этих машинистов, диспетчеров, кочегаров и смазчиков. Он сел среди них — сам больше готовый учиться, чем поучать. Давно он выработал для себя эту привычку — узнавать все не из инструкций и правил, а из живого опыта людей. Люди эти вели паровозы, топили топки, смазывали механизмы, составляли поезд, вычерчивали график движения, — они знали все из жесткой практики, из ежедневной работы. В этом было неоспоримое их преимущество перед вчерашними тео-

риями и подшитыми к делу приказами с их расплывчатым, размноженным на стеклографе шрифтом...

Бригада бралась провести поезд с одним паровозом с Дальнего Востока до самой Москвы. Сможет ли паровоз пройти весь этот путь без промывки? Все зависит от правильной продувки котла и от применения средств против накипи. Машинисты говорили о котле, смазчики — о расстановке тормозов, о весе и ремонте вагонов: диспетчеры — о графике... Это было большое и сложное дело. Дементьев выслушивал и заносил деловые заметки в блокнот. Но главное было не в весе вагонов, не в расстановке тормозов и не в продувке котла, — а во всех этих двадцати двух связанных друг с другом, отчетливо знающих свою цель и назначение людях. Лучший уход за котлом не обеспечивал от горения буквы вагонов, и лучшая смазка букс не обеспечивала выполнения графика. Здесь все эти двадцать два человека взаимно действовали, как части одного механизма. И Дементьев, заносив свои записи, убеждался, что механизм в порядке.

Четыре часа продолжалось это деловое совещание. Были еще непонятны для Алеши все эти новые слова: буксовые клинья, сальники, «антинакипин», топочный режим, поршневые втулки, крейцкопфные вкладыши, обозначавшие сложное и большое хозяйство, которое предстояло ему изучить... Только к полночи, в дыму папирос, закрыл Дементьев это совещание. Его большой блокнот вздулся от перекидываемых страниц. Надо было теперь подытожить.

— Что же, товарищи, — сказал он как-то буднично и словно нехотя. — Дело здесь ясное, не буду повторять о значении этого рейса для транспорта. Мне хочется сказать о другом. — Его рука машинально перекинула на блокноте листок как бы для новых записей. — Ведь большинство из вас амурские, дальневосточники? — спросил он вдруг.

Ему ответили дружно — большинство были амурские.

— Дальний Восток — самая далекая часть нашей страны... и вместе с тем —

самая близкая по смыслу тех задач, которые перед нами стоят. На самом деле, огромные перспективы хозяйства, край чудовищно богатый и едва тронутый человеком. И вместе с этим — одна отсталая магистраль, пропускавшая несколько пар поездов в сутки... то-есть, иначе, ловушка, петля. — Он говорил негромко, и рука его задумчиво исчеркивала страничку блокнота. — Вам, дальневосточникам, надлежит стать преобразователями этого края... это большая честь, и здесь нельзя пропустить ни одного дня, ни одного часа буквально, потому что от этого зависит оборона страны. И вот еще что, товарищи: не каждый вам в этих ваших делах сочувствует. Кое-кто не верит ни в ваши возможности, ни в новую технику. А есть и такие, которые именно в старой технике заинтересованы... хозяев этих людей далеко искать надо, по ту сторону, — может быть, в Манчжурии, а может быть, и в Японии. Ну, а отсюда и все выводы, и смысл вашего рейса, — и здесь все зависит от вашей общей работы. Если есть вопросы, прошу задавать, — добавил он, как бы возвращаясь к очередным делам от этого отвлеченного своего заключения.

Его окружили. Худой, показавшийся необыкновенно высоким, человек подошел к Алеше. Черная суконная гимнастерка на нем была перехвачена кожаным поясом. Большой нос человека и толстые подстриженные усы делали его лицо мрачноватым.

— Так ты Прямикова сын? — спросил он в упор. — Игната Прямикова? — Алеша увидел еще, что длинное его лицо грубо изъедено оспой. — А я, знаешь, кто? Грузинов. Иван Грузинов, слышал? Старший машинист... твоего тятки свояк, уссурийский. Неужели же ты тот самый Алешка? Я тебя ведь вот каким знал... нет, того еще меньше.

И он показал ему полпальца со в'евшимся под ноготь давним черным следом машинного масла. Он сел рядом с ним и продолжал рассматривать его черными воспаленными глазами, прикидывая, сколько лет это было назад.

— Ты, что же, тоже по транспортной

части готовишься? — спросил он затем испытующе.

Алеша покраснел.

— Да, хочу поступить в транспортный техникум... а пока товарищ Дементьев взял меня с собой на практику.

И он рассказал ему о работе в тайге. Грузинов слушал. Длинное его лицо было наклонено, — казалось, искал он в юношеских чертах Алешина лица знакомые черты лица друга.

— Ну, а теперь ты куда? — спросил он погодя.

— Сейчас я возвращаюсь к отцу... а там в техникум, если примут, конечно. Хотя отметки у меня хорошие.

Алеша пригляделся теперь к грубому лицу, смягченному всеми этими воспоминаниями.

— Приедешь к отцу, скажи — видел Грузинова... мы ведь с ним поровну всего поделали в жизни. Ты про Лазо слышал? — спросил он вдруг.

— Конечно, слышал, — ответил Алеша поспешно.

— Был бы сейчас большой человек.. да не дожил. И тятка твой хорошо его помнить должен. — Он прищурился, и куда-то далеко уплыл на минуту из этой прокуренной комнаты. — Техникум — это вроде фабзавуча, конечно, — сказал он затем, — а вот помощником машиниста походить тебе надобно. Я бы сына Прямикова взял в учебу. Я бы его научил, — сказал он куда-то через голову Алеша. — Я бы его таким делам научил, о которых старые машинисты и не думали. Знаешь, что значит в сто вагонов поезд вести? Конец его под горой, а ты уже через гору перевалил с паровозом, и чтобы не разорвать при этом состав? Или так, чтобы без захода в депо восемь тысяч километров вести поезд с одним паровозом? Или с составом весом в две тысячи тонн по нитке пассажирского поезда итти, не отставая? Кто это до сих пор умел? Никто не умел. А мы сумеем.

И черные воспаленные глаза уже доверительно и дружелюбно смотрели на парнишку, которого он знал с детских лет.

— А тут мы еще одно дело задумаем... двинуть с Дальнего Востока до са-

мой Москвы без отцепки и без захода в депо... да по графику, по какому товарные поезда никогда не ходили. За шумит наша машина, покатыт, брат... и дойдет. Не каждому только наша работа по вкусу, Дементьев верно сказал. Случалось и в буксах песок находить, бывали и колодки тормозные так пригнаны, что половину состава оторвет на подъеме. Ты дерево худое срубил, а на другой год за двадцать шагов уже новый росток пошел... в тайге дерево живучее, злое. Пойдешь ко мне в учебу, я из тебя первого машиниста сделаю... поговори с отцом, я рад старую дружбу помянуть, чем могу.

— Я бы пошел в учебу, — сказал Алеша дрогнувшим голосом. Он представил себе этот бег паровоза через всю страну, смену станций, городов и степей, и большие реки, через которые с грохотом проносятся поезда... Была во всем этом как бы перекличка тех сил, которые тревожили с детства мечтой. — Я бы пошел в учебу, — повторил он, — но только прежде хочу кончить техникум.

— Да я тебя и не сейчас зову, время есть. Ах, ты, Алексей... Алексей, — сказал Грузинов снова. — вот ты каким стал, Алексей Прямиков. Был и у меня такой же парнишка, как ты, — добавил он задумчиво, — да погиб, утонул... Бурей — серьезная река, шток не любит. Вот вожу поезда, старым машинистом считаюсь... а как подойдешь к Бурее, так слабость какая-то делается. Обидела меня Бурей.

Задумчиво и словно мысленно сравнивая его с сыном, он смотрел на Алешу. И большая его рука, обхватившая стул, как бы задумалась вместе с ним.

— Ну, да ладно. Вперед надо смотреть, а не назад, — сказал он затем со вздохом. — Ты что же, с Дементьевым в одном вагоне? Я вас провожу.

Совещание было окончено. Далеко в Москве разрабатывался график этого предстоящего рейса. Сейчас шли будни, подготовка состава, ремонт паровоза, сложное перечисление всех этих инжекторов, золотников и крейцкопфов и подготовка к пробным рейсам до океана. Было еще холодно, но уже пахло

весной. Позади товарных составов и станционных построек лежали черные сырые поля. Снег растаял на них, и в полдень пахла отмякшая под солнцем земля. И сейчас из черноты апрельской ночи доносило этим полным и холодным дыханием весны. Они шли теперь вдоль путей, чтобы обогнуть состав, и Грузинов сопровождал их.

— Где это ты прямиковского парнишку подцепил, товарищ Дементьев? — спросил он у старого, поднявшегося к инженерскому званию, к трем звездочкам в петлицах, товарища. Партизанские годы были хорошо еще памятны им, и сейчас была пора, когда все чаще они вспоминались. — Я вот его к себе в учебу подбиваю пойти... я бы из него первого машиниста на Амурской дороге сделал. Сына не пришлось, так хоть парнишку друга кое-чему научу.

Они обогнули поезд и возвращались к отцепленному вагончику.

— Что же, хорошее дело, — одобрил Дементьев. — Через годик-другой пошлют его на практику, возьми с собой ездить. Я в этом деле помогу.

— А сейчас, с этим рейсом, нельзя мне пойти? — спросил Алеша вдруг.

— Ну, нет, брат... раньше слесарское дело понюхай. Мы тоже через это прошли, пока начали ездить, — сказал Грузинов. — А вот о чем просить можешь... мы через месяц-другой тяжело-весный поезд на Владивосток поведем. Если разрешат, я тебя захвачу на обратном пути. Посмотришь, как наш паровоз управляется. Устроит товарищ Дементьев — поедешь. И обратно в Хабаровск доставим.

Они дошли до вагона и остановились у подножки. Алеша ждал.

— Если до начала занятий, устрою, — ответил Дементьев, наконец.

— Ну, а тогда и прощаться нам нечего... я за тобой приеду, — сказал Грузинов весело. — Как дам тебе знать, так кати прямо в Хабаровск. А главное, напоминай... а то ведь Дементьев наобещает тебе и забудет.

— Нет, Грузинов, что я обещал, то я помню... да и ты тоже помнишь, что обещал. Такая у нас с тобой давняя привычка. — Они протянули друг дру-

ту руку, старые товарищи. — Так смотри, не подкачай...

— Мы-то, амурские, не подкачаем! — И Грузинов хитро подмигнул Алеше глазом. — У нас, у амурских, парни растут... первый сорт.

— Парни — парнями, а и старики не зевайте.

— Да и старики еще крепкие!

Так переговаривались они шутливо и шумно, и ветер приносил запах весны с полей. Они условились, что Грузинов даст перед отъездом телеграмму Алеше и что Дементьев добудет разрешение на эту поездку для него.

Был уже поздний час, Заксор спал. Алеша не стал его будить. Он лег и долго лежал с открытыми глазами. Сумеет ли он закрепить эту связь с людьми, которые помогали ему сделать первые шаги в его жизни? Сумеет ли он сделать эту самую жизнь полезной? За окном вагончика, в черноте апрельской ночи, дышал Дальний Восток, который взрастил его для деятельности, для того, чтобы стократно вернул он ему, что получил от него уже в детстве и юности. Край, который защищали отец и Дементьев, и Грузинов, и тысячи лучших, polegших на сопках людей. Есть такой памятник в Волочаевке на вершине горы, откуда далеко видны окрест распадки и соседние сопки. Вместе с отцом поднимался он на эту вершину, оглядывал оттуда пространства и вдыхал ветер, летевший над заросшей могилой бойцов. Мальчишеские его кулаки сжимались, шапка была засунута подмышку, и иподлобья, не смея взглянуть, косился он на лицо отца. Было это лицо спокойно и полно воспоминаний. Неподдалеку отсюда сожгли в паровозной топке молодого Лазо. Неподдалеку отсюда на Имане остался лежать Егор Прямиков, брат отца, и со смертельной тоской завещал Марков товарищу свою дочку Аниску... Бакенщиками, машинистами, механиками на амурских судах стали старые партизаны, но зажженные створы на Амуре указывают путь и военным судам, и, чтобы защищать этот край, ведет Грузинов тяжеловесный свой поезд и мечтает с одним паровозом, стремительным

рейсом, покрыть путь с востока на запад через всю страну...

Так, с открытыми глазами, он лежал, и только на резком толчке понял, что давно уже спит, что снова прицеплен к поезду вагончик Дементьева и что еще через несколько дней увидит он, Алеша, Амур и встретит шумную птичью и охотничью весну на нем...

XII

Снег лежал еще кое-где на этом выравненном поле аэродрома. Снег был последний, и последним рейсом улетал на лыжах самолет в Комсомольск. Через неделю наступит распутица, а там, как птице оперенье, надо сменять эти зимние лыжи на колеса или на поплавки. Лед на Амуре посинел и набух, но ни одна трещина не нарушила еще зимней его скованности.

Сюда, на это снежное поле, привез Дементьев охотника. Все было готово к отлету. Как большая домашняя птица, стоял самолет в конце поля. Его широкие крылья были распластаны.

— Ну, друг, полетишь ты в первый раз над Амуром, — сказал Дементьев. — На пароходе отсюда не меньше суток итти, а так будешь через два часа в стойбище. Не боишься?

— Бояться зачем надо? — ответил тот, но с явным недоверьем оглядел он эту голенастую птицу. До сих пор видел он самолет только снизу, когда, как отставшая утка, тянул тот высоко над Амуром.

— Скажи председателю: если что-нибудь надо еще, пускай пишет на управление дороги, мне перешлют... и вот еще что, Заксор, — лицо Дементьева стало серьезным, — что бы тебе ни понадобилось, пиши мне всегда... и просто так пиши. Учительница поможет тебе написать письмо.

Он положил ему обе руки на плечи, выше его ростом на две головы. В сущности, так и не поговорили они обо всем за эту встречу. Годы прошли, и вот он, Заксор, снова стоит перед ним. Свыше пятнадцати лет отделяет их от той поры, когда подобрали охотники раненого человека в тайге. Под Ином, под

Ольгохтой шли тогда бои, и в лютую зимнюю стужу готовился штурм опутанной проволокой, защищенной пулеметными гнездами и неприступной, казалось, Волочаевки... Но уже поется ставшая давнею песня о приамурских партизанах, и памятник на волочаевской сопке осеняет могилы борющихся за Дальний Восток. Многие мог бы припомнить он, прощаясь снова с охотником. Бьет где-то из-под земли найденный им ключ, и на живой его воде еще через полгода пойдут поезда...

Предстояло и Алеше расстаться с этим первым своим спутником. Как будет он теперь жить без его незаметной заботы о нем, без его навыков, без всего того, что за семь месяцев их пребывания в тайге стало ему необходимым? И вот разорвало неподвижность этой утренней тишины. Запущенный винт самолета стал вздымать снежную пыль. Казалось, налетела пурга на это спокойное поле аэродрома. Медленно, качнувшись, тронулся в сторону самолет. Он сделал полукруг, выбрал направление взлета и легко, подпрыгивая на кочках, побежал по полю. Обычным рейсом улетал он в Комсомольск. Он увозил почту, медикаменты для комсомольской аптеки и даже ящичек с гримом, который срочно был нужен актерам городского театра.

Два работника из Комсомольска заняли место в кабине. Надо было прощаться. Алеша протянул руку охотнику. Он хотел бы его обнять, но не знал, в обычае ли это у живущего на Амуре народа. И он крепко держал его руку в своей руке.

— Я приеду, Заксор, или ты приедешь в Хабаровск, — сказал он, но это были не те слова, которые хотел он сказать.

— Наша тайга другая тайга. Приезжай смотри надо. То¹ уьем, торбоза будут.

Так они простились. Дементьев помог ему подняться по лесенке. И вот сидит в диковинной птице, в этой гаса², летающей над Амуром, он сам, на-

найский охотник. Ноги его поджаты, он сидит на самом кончике покатога кресла, и лицо его пожелтело от волнения. За окном снежная земля и совсем близко стоят Дементьев и Алеша. Но ничего нельзя разобрать, что они кричат ему. Такой шум и рев налетают вдруг, будто обрушивается зимняя буря. И разом сдергивает Дементьева и Алешу назад, самолет бежит по полю, руки сами собой вцепляются в сидение, сердце его почти останавливается от тоски. В тот же миг видит он, что земля, только-что бежавшая рядом, осталась внизу и криво уносится все ниже и ниже... Они летят в воздухе. Теперь видны крыши домов, затем Амур в буграх льда и тонкие стежки большого моста, перекинутого над ним.

Страх проходит, и теперь хочется смеяться от счастья. Вот он, Заксор из стойбища Ныр, летит по воздуху и смотрит вниз на Амур. Кожаное мягкое кресло покачивает на своих пружинах, можно сесть в него глубже и даже откинуться на спинку, как толстый сосед в полубубке. И он садится глубже и откидывается на спинку. Большое село проходит внизу и остается позади. Вот он прилетит в соседнее стойбище и важно выйдет из этой летающей гаса. Сумка его и сундучок набиты разными замечательными вещами. Здесь лежит нож с тридцатью двумя лезвиями и крючками, который подарил ему Дементьев; толстая книга, которую должен он передать от Алешы учительнице Марковой; пять хороших рубашек, которые купил он в Хабаровске, и желтенькая книжечка сберегательной кассы с занесенным в нее семимесячным заработком. Кроме того, он купил в Хабаровске никелированную кровать, которую пришлют ему с первым пароходом. Спать он будет теперь не на канах, а на кровати, и всем охотникам в стойбище он сможет рассказать, как летают по воздуху, и что это совсем не страшно, не страшнее, чем плыть в оморочке...

И он смеется и поет. Он поет громко, но песни его никто не слышит, даже он сам не слышит ее, потому что оглох от рева и гула... Алеша приедет в стойбище, очень хорошо. Можно изготовить

¹ Лось.

² Утка.

ему такие торбоза и дать их расшить женщинам, что и в Хабаровске показать не стыдно. Или взять на охоту в горы. Актанка думал до сих пор, что он самый старый и больше всех видел на свете. Но вот он, Заксор, тоже повидал кое-что. Потом пойдут еще поезда на их нанайской воде. Можно рассказать, как искали и нашли воду в тайге.

Солнце вдруг прорывает тучу, вся кабина наполняется светом, и он слепнет. Потом солнце снова пропадает, и теперь он видит первое стойбище внизу. Он узнаёт, что это стойбище, по пустым вешалам и высоким трубам очагов. Трубы дымят, и это значит, что нанай сидят на теплых канах, курят трубки и рассказывают друг другу о том, какая была охота в горах. Сейчас пора отдыха, и скоро наступят лето и горячее время хода кеты. Его набитый портфель такой же, как и портфель соседа. Кто может знать, что нанай везет в своем портфеле? Может быть, у него тоже разные планы и счета. Колхоз — большое дело, и не все бумаги умещаются в портфеле Актанки. Он глядит на свой новенький кожаный портфель и сравнивает его с брезентовым портфелем Актанки. Конечно, Актанка позавидует ему, но портфель этот — подарок Дементьева, и здесь ничего не сделаешь. Теперь он опять разевает рот и поет. Он поет полным голосом, и никто не слышит его. Вот летит нанай по воздуху. Гаса очень шумная, и от шума ее крыльев ничего не слышно. Лед лежит еще на Амуре. Но скоро лед пойдет по Амуру и уйдет в море. Тогда нанай снова начнут плавать на своих оморочках. У него новый портфель, который подарил ему Дементьев. В этом портфеле лежит нож с тридцатью двумя лезвиями. Алеша скоро придет в стойбище. Они вместе пойдут на охоту. Самые красивые торбоза можно сделать из кожи изюбря, можно из кожи сохатого — то.

Он пел и пел и стал дремать. Самолет качало, и от этого хотелось дремать. Если рождается мальчик, то надо привесить к его зыбке ружейный патрон. Ружейный патрон должен зна-

чить, что мальчик станет первым охотником. Вот его, Заксора, качает, как в зыбке. Он тоже хочет спать.

Его голова склоняется на грудь. Рука крепко держит портфель. Спящий охотник должен всегда крепко держать свое ружье, чтобы злой человек не отнял его у него во время сна. Он удобнее откидывается в кожаное кресло. Рот его, только-что пропускавший звуки песни, раскрывается и издает первый храп. Так хорошо спать, когда качает, как в зыбке. Это напоминает детство и мать. Мать ловкими руками приготавлила коробки из бересты и наносила на них узоры — петухов и рыб. В одной такой коробке хранится у него дробь. А самолет летит. Излучины и протоки Амура еще забиты льдом и снегом. Берега мало различимы, и только стойбища и села отмечают русло реки. До первого аэродрома надо лететь два часа. Здесь самолет делает широкий круг. Круг за кругом, как ястреб, приметивший добычу, кружит он и снижается над стойбищем. Вдруг гул и рев умолкают. Заксор просыпается от тишины. Медленно и в молчании гаса парит над землей. Земля теперь совсем близко, и он различает на ней жилища и людей, и даже собак. Да, это собаки, целая собачья упряжка. Все пять собак лежат возле нарта, и только вожак сидит и смотрит на небо. Сейчас он начнет зевать. Собаки всегда зевают от непонятного беспокойства. А непонятное беспокойство должно быть, когда в молчании и паря над землей спускается с неба птица. Вот глухой удар сотрясает машину, она бежит по земле, подпрыгивает и снова взлетает, как курица. Что-то начинает цеплять позади. Садиться на землю так же неприятно, как и подниматься с нее. Но вот еще толчок, и аппарат останавливается. Спереди вылезает человек в страшных очках. Снаружи открывают дверцу, и зимний воздух врывается в кабину. Заксор сидит, вцепившись руками в сидение. Он оглох и ждет, когда самолет поднимется и полетит дальше.

— Приехали! — кричит ему человек в страшных очках. — Вылезай.

Теперь он улыбается, и Заксор тоже улыбается виновато.

— Вылезай надо! — кричит тот опять.

Он подает ему руку, и Заксор, качаясь, еще не очнувшийся от сна и оглохший, спускается за ним по лесенке. Портфель зажат у него подмышкой. Затем мимо него тащат его сундучок и кожаный мешок с почтой.

— Приехали. Троицкое!

Он стоит на твердой земле. Его еще качает и немного тошнит. Он ничего не понимает и таращит глаза. Только-что вылетели из Хабаровска, и он немного заснул. Теперь, наверное, еще два часа до полудня. До Троицкого надо плыть на пароходе целый день, а если большой встречный ветер, то и часть ночи. Они улетели из Хабаровска только два часа назад, может быть, немного больше. Он виновато улыбается, закрывает и открывает глаза. Тошнота постепенно проходит. Да, это Троицкое, он узнаёт. Шибко летит самолет над Амуром, так шибко никогда еще не летали птицы, и об этом тоже можно спеть песню. Теперь он берет свой сундучок и нетвердыми шагами идет к нартам. Нарты высланы из стойбища, он узнаёт Доли — сына Гензу Киле — и узнаёт даже собак.

«Бачкафу, Доли» — говорит он, и гот отвечает: «Бачкафу», — так просто, как будто он, Заксор, не прилетел по воздуху. Но Доли уже привык возить почту, которую посылают на самолетах, и привычно привязывает к нартам кожаный мешок, гремящий цепью. Теперь можно ехать. Снег плотен, солнце сплывило его в лед, и нарты раскатываются на покатоности дороги. Вдруг вожак делает рывок, все собаки поджимают хвосты, и Заксор едва успева свалиться животом на нарты. Страшный гул и рев раздаются позади, точно целое стадо свиной гонится за ними. Доли Киле тормозит сани, собаки путают построжки и рвутся вперед. Теперь Заксор понимает, что это снова запущен винт птицы. Они стоят рядом возле напуганных собак, и с пригорка видно, как самолет, неуклюже и спотыкаясь, бежит по полю, подлетывает и вдруг отрывается от земли и ровно и уверенно тянет в высоту. Заксор смотрит вслед

птице. Пусть Доли Киле притворяется равнодушным, потому что он зимой и летом возит почту, но все-таки он никогда не летал по воздуху. Что думает человек, когда он летит по воздуху? Доли Киле на это не может ответить. На это может ответить только он, Заксор. Человек поет, когда он летит. И он стоит и смотрит вслед птице. Доли Киле, конечно, думает, что главное дело — это возить почту. Но есть дела поважнее, о которых не знает даже Актанка.

Они поправляют сбившуюся упряжку, и нарты движутся дальше.

День стал большим, и еще совсем светло, когда они подезжают к стойбищу. В стойбище пахнет дымом, и это немного туманит голову радостью, — значит, в домах тепло, и люди отдыхают после работы. Он не был здесь целую зиму, с самой осени, и, наверное, много дел случилось за это время. Наверное, кое у кого родились мальчики и девочки, может быть, кто-нибудь из стариков умер. Он отвязывает от нарт свой сундучок и взваливает его на плечо. Теперь он идет с сундучком и новеньким портфелем подмышкой к своему дому. Из трубы дома тоже тянет дым, как из других домов. Дом наная открыт для всех сородичей, и каждый может войти в него в любое время. Наверное, Дэду, жена Киле, привела к его приезду все в доме в порядок, и огонь очага ожидает его. Но вернувшемуся нужны сейчас не огонь очага, а люди. Прежде всего надо поговорить с людьми, узнать про все дела и рассказать про все дела. Всё в доме в порядке. Всё стоит на своих местах. Теплые каны ожидают его. Но первый же пароход привезет из Хабаровска кровать с блестящими шипками, и тогда Актанке тоже придется завести себе такую кровать.

Он оставляет вещи в доме и с портфелем подмышкой идет в правление колхоза. Актанка сидит за столом и считает на счетах.

— Бачкафу, — говорит Заксор и садится на скамейку напротив.

— Бачкафу, — отвечает Актанка и еще два раза перекидывает костяшки счетов и записывает на бумажке.

Как и сын Гензу Киле, он тоже не выражает удивления, что Заксор вернулся в стойбище. Охотники уходят и приходят, это обычно, и такая жизнь у охотника. Но он тут же забывает, что надо встречать и провожать людей спокойно, и хлопает Заксора по плечу, и тот хлопает его в ответ по плечу. Теперь они оба смеются, они не виделись давно, и есть что рассказать друг другу. Но Актанка замечает портфель. Это совсем новенький портфель из гладкой, сильно пахнущей кожи. Он нюхает портфель, — это, наверное, бычья или свиная кожа.

— Подарил Дементьев, — говорит Заксор коротко.

Он открывает портфель и показывает его отделения и ключ, висящий на ремешке. Актанка мысленно сравнивает этот портфель со своим брезентовым портфелем. Но портфель — это дело второе, первое дело — созвать правление колхоза, пусть все слушают отчет. Это не простой охотник вернулся с охоты, он много может рассказать о своих трудах, есть что послушать. Кроме того, он прилетел из Хабаровска на самолете, не многие нанай летали по воздуху.

Весть о приезде Заксора облетает стойбище, и скоро приходит Гензу Киле и маленький вертлявый Ваоли Гейкэр и Пойа Оненка...

— Сначала будем слушать Заксора. Пусть скажет, — говорит Актанка. — Колхоз послал его, пускай даст отчет.

Все сидят вокруг и курят трубочки. Заксор начинает рассказ. Прежде всего о Дементьеве.

— Дементьеву колхоз говорит спасибо, — перебивает Актанка. — Учебники и тетради для школы получили. Что обещал, то сделал. Все правильно.

Теперь надо рассказать, как ходят поезда от Имана.

— Я ездил на поезде. Был в Ольгохте, — говорит коротко Оненка.

Скоро, может быть, поведут железную дорогу мимо стойбищ, и тогда все нанай будут ездить в поезде. Всё возможно. Есть тайга — совсем другая, чем тайга на Уссури или Амуре. В земле там лед, который никогда не тает.

Ничто не может расти. Деревья вырастают немного и валяются набок. Там в земле всегда зима. Вот как искал нанай воду в этой земле. И Заксор рассказывает все, как было, как ушел один ключ и как нанай нашел другой ключ.

— Вода много? — спрашивает Актанка деловито.

Он уже наслышан об этом деле, и ему незачем переспрашивать подробности.

— Вода много, — отвечает Заксор.

— Это тоже можно считать достижение колхоза, раз наш человек нашел, — говорит Актанка.

Но это еще не всё. Можно показать сберегательную книжку, портфель и нож с тридцатью двумя лезвиями. Все рассматривают нож и портфель.

— Теперь покажем ему постановление, — произносит Актанка немного торжественно. И он достает из стола бумагу. — Вот эта бумага, можно читать. За перевыполнение плана по сдаче рыбы колхоз премируют племенным быком и двумя свиноматками. Что это значит? Эта бумага значит, что в колхозе будут хорошие телята и свиньи, а в стойбище раньше никогда не видели ни одной коровы. Вот что значит эта бумага! Теперь скажем про другие достижения. Скажем о пушнине, сколько был план и сколько заготовили. — Актанка открывает тетрадку, в которой все записано. На охоту вышло восемь бригад. Вместо него, Заксора, бригадиром был Пойа Оненка. Ореху уродилось много, и белка хорошо шла на кедр. Белки набили много. Бригада Ваоли Гейкэра набила пятьсот десять белок, бригада Пассара — триста девяносто четыре. Белка вся синяя, первый сорт. Кроме того, убили одиннадцать штук кабарги, восемь свиней, не считая трех чушек, которых взяли живыми. Отдельно надо сказать о соболе. Соболь ушел далеко, все-таки взяли пять-шесть соболей... Скоро опять на несколько лет запретят охоту на соболя. Соболя стало мало, бить нельзя.

Он читает весь список. Вот как работает колхоз. Хорошо, посмотрим теперь план. По пушнине колхоз выполнил план в этом году на сто двенадцать про-

центов. — Тут Актанка отрывается от чтения. — Сто двенадцать! — повторяет он. — А что было два года назад? Было выполнено тридцать два процента плана, вот что было. Разве не оказались среди охотников такие, которые говорили — нельзя этот план выполнить? Все равно, ничего не получишь. Обещать легко можно, а ничего не дать еще легче можно. Тут только три охотника выполнили задание. Потом они получили столько — и пороха, и дрови, что всем другим целую весну и лето и осень надо было ждать, пока они смогут догнать их. А на второй год уже две бригады охотников шли впереди всех, и надо было остальным торопиться, чтобы не отстать. Теперь легко говорить об этом, а еще недавно пришлось ему, Актанке, сказать инструктору колхоза, что такой план по сдаче рыбы колхозу не выполнить, было такое дело. Посмотрим теперь план строительства. Общественная баня — это раз. Женщина раньше совсем не ходила в баню, теперь ходит. Есть женская секция, которая наблюдает. Руководит Дуся Пассар. Теперь школа. В будущем году начнут строить новую школу. Старая стала тесна. Сейчас учатся в две смены, в новой НСШ¹ будут учиться в одну смену, и это будет не четырехлетка, а семилетка. Старший пионервожатый может рассказать о работе среди пионеров. Шестьдесят два пионера в двух отрядах — колхозном и школьном, разве мало? Пусть Киле расскажет теперь, как работает промартель.

Очередь была Киле.

— Наша женщина работает хорошо. Есть заказы из Хабаровска, есть из Москвы. Раньше нанайскую работу кто видел? Никто не видел. Теперь пускай все видят. Теперь еще вот что. Есть нанайская промартель и есть украинская промартель. Украинская промартель написала нам: присылайте нанайский узор. Хорошо. Мы им послали нанайский узор, они нам послали свой узор. Теперь посмотрим, чей лучше. Может быть, нанайская женщина вызовет их

женщину на соревнование. Все может быть.

Это было хорошее возвращение, и дымы из труб правильно показывали, что в домах все благополучно. Надо было сказать еще, что за эту зиму умер старый Гапчи Бельды, и умер ребенок у Коптоки Одзял, но зато родились три мальчика, три будущих охотника: у Тинхэ Неергу, у Сонкэ Перминка и у новой жены старика Пассар... Никто не мог это думать. Вот какой крепкий старик.

— Про больницу ты сказал? — спросил вдруг Киле укоризненно.

Да, о больнице ничего не было сказано, а это было самое главное. Под больницу отвели лучший дом, и теперь при ней палата, где рожают женщины. Есть доктор, есть сестра. Надо просить Деметьева, чтобы подтолкнул в Хабаровске насчет лекарств и насчет машины для зубов. Зачем дергать больной зуб, когда можно его лечить? И Тинкэ Неергу, и Сонкэ, и жена Пассара рожали в больнице, и дети получились здоровые, хотя роды у одной были тяжелые. Вот это все за одну зиму. Посмотрим, что покажет ход кеты летом. В прошлом году было больше кеты, в этом году может быть больше горбуши¹.

Теперь деловые новости были рассказаны, и можно было каждому делиться своими новостями. Все стали осматривать нож с тридцатью двумя вставками. Надо было решить, для чего предназначены каждый крючок и подпилочек. Тут начался оживленный спор. В первый раз в стойбище был такой нож. Самым большим лезвием можно перерезать главную жилу у зверя, в этом все сошлись. Насчет остальных у каждого было свое мнение. Но это был полезный нож, особенно для нанайца-охотника. Актанке больше всего понравился портфель. Все тоже понюхали кожу и подтвердили, что это свиная отличная кожа.

— Можешь, когда нужно, носи, пожалуйста, — сказал Заксор Актанке. — Придет инструктор колхоза, заходи в дом и бери.

¹ Неполная средняя школа.

¹ Рыба из породы лососевых.

Почему, на самом деле, не носить Актанке в хорошем портфеле бумаги колхоза? Пускай инструктор видит, что и в Хабаровске знают про работу колхоза. Теперь можно порасспросить, как была охота, где били белку, куда она шла по кормовым лесам? Все звали в свой дом, потому что женщины тоже хотели услышать, как нанай искал воду в земле, которая круглый год держит в себе зиму, и как он летал по воздуху. Но у Заксора было одно срочное дело, которое прежде всего нужно выполнить. В его портфеле лежала толстая книга для учительницы Марковой. Сначала он пройдет в школу и отдаст книгу, затем он может притти к Актанке и продолжить рассказ. Так все разошлись, чтобы встретиться у Актанки.

Заксор из правления колхоза направился в школу. Все, кто шел ему навстречу, здоровались с ним и с любопытством смотрели на охотника. Сын Гензу Киле успел уже рассказать всем, как охотник прилетел по воздуху вместе с почтой. Заксор шел, и новенький портфель поскрипывал на своей ручке. В школе занятия уже кончились. Он постучал в окно Марковой, и его впустили.

— Вот приехал. Здравствуй, — сказал он. — Алеша здоровый. Все велел тебе рассказать. Есть еще книга. Прислал тебе.

— Когда ты приехал, Заксор? — спросила Маркова. — Неужели ты на лошадях из Хабаровска?

— Прилетел, — сказал Заксор спокойно. — Утром сел, скоро был здесь.

И он рассказал все об Алеше, о том, как они искали воду, и как расстались в Хабаровске, и как Алеша обещал приехать в стойбище, и как он, Заксор, летел над Амуром. Потом он раскрыл портфель и достал книгу.

— Тут тоже есть насчет вода. Алеша читал, — сказал он и похлопал по книге. — Еще есть письмо.

Это было приятно приносить хорошие новости. Но теперь его ждали в доме Актанки, и лучше он придет еще раз завтра утром.

— Ты мне ничего толком не расска-

зал об Алеше, Заксор, — сказала Маркова с укором.

— Сначала письмо читай надо. Потом приду, все могу рассказать. Алеша мне — как брат немного теперь. Это верно. Если придет, может жить у меня. Хочет на охоту итти, идем на охоту. Хочет долго жить в доме, пускай живет сколько хочет. Что есть — все пополам надо. Это все верно.

Хорошо, он придет завтра и будет все рассказывать по порядку. Завтра выходной день, занятий в школе нет, и он может притти с утра. Хорошо бы так в каждый дом в стойбище привезти по письму или какой-нибудь подарок. Тогда все были бы довольны, и всем стало бы весело.

Он оставил книгу и письмо и обещал притти утром. Был уже вечер, но такой длинный и синий вечер, когда долго не темнеет, и это значит, что весна уже одолела зиму. Но в небе не было звезд, оно было затянуто, как всегда в эту пору. Днем от солнца тает лед на Амуре, и туман стоит над рекой до самого неба и заслоняет звезды. Скоро с грохотом начнет ломать лед, это самое веселое и шумное время. Ему хотелось теперь петь, как тогда в самолете. Но он столько перевидал за день и рассказал всякое, что устал. Самое лучшее было бы вытануться сейчас на теплых канах и уснуть. Но Актанка, его жена и жены сыновей ждут его рассказов, и он идет сейчас туда. Большой колхоз вырос над Амуром, это уже не прежнее глухое стойбище. Завтра он пойдет еще к старику Пассару и поздравит его с сыном. Он шел, потряхивал в руке портфель и жадно нюхал острый весенний ветер с Амура.

Аниська развязала привезенный ей сверток. Это был Пушкин.

«Посылаю тебе Пушкина, которого товарищ Дементьев достал в Иркутске. Если я к вам не приеду, то приезжай к отцу на каникулы. Я, наверное, больше месяца у него не пробуду, меня берет с собой в одну поездку. Мне совершенно необходимо тебя видеть» — писал Алеша. Слово «необходимо» было подчеркнуто. «Я тебе все расскажу,

а в письме не напишешь. Так я тебя жду, и до скорого!». И внизу еще росчерк: Алексей Прямиков.

Аниська прочла это письмо. «Ах, Алешка, Алешка» — сказала она и стала смотреть поверх письма в окно. Слезинка вдруг навернулась и тонко застлала это окно с синевой долгого весеннего вечера над Амуром. Это был уже не прежний размашистый почерк, ежедневный журнал наблюдений смирил его, и даже знаков препинания было больше, чем это полагалось по тексту. Снова он стоял перед ней, сверстник и спутник всего ее детства. «Ах, Алешка, Алешка» — повторила она и покачала головой. Потом она отложила письмо и открыла том Пушкина. Теперь уже не на листках отрывного календаря, а целиком, за страницей страницу, можно было читать его стихи. Она перелистала страницы и нашла знакомое стихотворение.

«В степи мирской, печальной и безбрежной, таинственно пробилась три ключа...». Она перечла его вслух и задумалась. Вот последний год стоит эта старая школа. Весной начнут строить и к осени закончат новую большую школу-семилетку. Сорок два ребенка ложатся сейчас спать в интернате. Многих привезли сюда из глухих стойбищ на протоках Амура. Матери в первый год с опаской расставались с детьми. Но весной они приехали за ними и увидели, что дети поздоровели, умеют читать книги, могут считать, сколько выловлено рыбы, и научились чистить зубы щеткой и порошком. На второй год не надо было уже понуждать матерей везти детей в интернат. Их привезли больше, чем было мест, и пришлось потесниться. Из Ленинграда, из Института народов Севера, вернулся Андрей Иванович Бельды и стал старшим пионервожатым. Еще два нанайца в соседних стойбищах стали учителями. Теперь Дуся хочет ехать учиться в медицинский институт, чтобы стать врачом. Не было еще ни одной нанайской женщины, которая кончила бы медицинский институт. И, может быть, через четыре года первая нанайская женщина-врач будет принимать в больнице у рожениц новорожденных. В шко-

ле рядом с портретами Ленина и Сталина висит портрет Пушкина. Когда дети научатся читать, они прочтут и Пушкина, и Андрей Иванович Бельды обязался перевести его сказку на нанайский язык...

Вечер все же наступил, и за окном стемнело. Знакомые огни зажглись в стойбище. Оно поднимается и растет у нее на глазах, и разве не счастливое дело своими руками помогать ему в этом трудном и начальном росте? И если думать об этом, то как ветер, как весеннее дуновение с Амура, звучат стихи Пушкина. Она отложила книгу, зажгла лампу на столе и мелким своим почерком, торопясь, чтобы ничего не забыть из того, о чем сейчас она думала, начала писать Алеше ответ.

XIII

Тревожную и раннюю весну провел Алеша на Амуре. Он снова был в доме отца Отсыревшим и потемневшим от минувшей зимы показался ему этот дом. Дивясь, как вырос и возмужал сын за зиму, встретил его Прямиков. Как-то сбитым уже по-мужски, с широкими плечами, с черным пушком над губой, поглубевший, вошел он в эту низковатую для его роста комнату. Отец и сын обнялись.

— А и вырос ты, Алешка, — сказал Прямиков. — Куда тебя гонит?

Был сын уже вровень с ним и грозил вытянуться еще выше. Навигация только-что началась, и первые пароходы ушли из Хабаровска в Благовещенск. В низовьях Амура держался еще лед.

— Ну, садись и рассказывай, что успел, — сказал отец, как мужчина мужчине. — Дементьев про тебя мне писал, — добавил он хитровато. Выкладывай всё, как есть.

Они сидели теперь друг против друга, оба большие и рослые и похожие друг на друга, как братья. Удивительно все-таки, как вырастают за полгода подростки, точно на сыром месте трава. Был это уже взрослый сын, подмога и смена, и Прямиков с надеждой смотрел на него.

— С чего же начать? — спросил Алеша. — С работы, что ли?

— Начни с работы.

Но как-то не укладывались в последовательности все трудности и радости этой работы в тайге. Зима была холодная, морозы до сорока пяти градусов. Забайкальская тайга не похожа на уссурийскую тайгу. Вечная мерзлота губит лес. Ключ искали по сбросам пород. Но один ключ обманул их, и они думали, что вся работа напрасна. Потом нашли другой ключ. Теперь начали его разработку, летом построят водопровод. Зимой на этой найденной ими воде пойдут поезда.. Вот, в сущности, и всё. Сейчас эта работа позади, и он думает о том, что начнет делать дальше.

— А я тебе, знаешь, от кого поклон привез? От Грузинова. От машиниста Грузинова, — сказал он вдруг.

Прямиков оживился.

— От Ивана? Ты где его видел?

И Алеша рассказал, где видел Грузинова и как обещал тот взять его к себе в учебу и как берет с собой в пробный пробег.

— Ну, Грузинов научит, — сказал Прямиков обнадеживающе. — Таких бы людей побольше нам на Дальний Восток. Мы с ним и горя похлебали, и всю войну провели в свое время... под Волочаевкой наших полегло — не счесть. А все-таки взяли Волочаевку, как ключом дверь открыли на Дальний Восток. — Знакомые морщинки побежали по лицу отца, но выражение радости от упоминания имени друга не изгладилось. — Что же, — сказал он затем, — на правильный путь выходишь, Алексей. Раз понимаешь, чего от тебя ждут, значит, возьмишь свое. Главное, чтобы, чем труднее, тем охочее ты был. Трудностей человек бояться не должен. А ведь чем больше трудностей, тем становишься злее к работе. Есть одна такая комсомольская застава возле нашего села на Уссури... я их детишками знал кое-кого из пограничников этих, а какие ребята повзросли! Да и тебе тоже через годик-другой в Красную армию итти... — И он взгляделся в загрубевшие черты недавно еще мальчишеского лица сына. Через годик-другой наденет Алешка

красноармейский шишак, и мальчишество, и детство станут уже далеко позади, и в подзорную трубу не увидишь. — Ну, так ты все-таки мне про Дементьева расскажи, чего он там успел наворотить за зиму? — вернул он себя к прерванному.

Были все эти имена, как переключки боевых друзей молодости. Но не было и старости, и в весеннюю пору любил охотничьим привычным плечом почувствовать бакенщик знакомую тяжесть винчестера. Да и глаз, пожалуй, стал зорче в этом пригляде окрест, на разные стороны жизни.

Только неделю назад проводил Алеша Дементьева на хабаровском вокзале. Несколько железнодорожников провожало его вместе с ним. Были еще какие-то последние наставления и деловые незаконченные разговоры, но успел тот все же уделить Алеше последнюю минутку.

— Сейчас я еще поеду по линии, а потом уеду в Москву. Поездку твою с Грузиновым я обеспечил. Обратишься в свое время к начальнику эксплуатации дороги, он это дело устроит. Ну, что же, если не придется увидеться, встретимся, когда станешь ты техником... или инженером, что ли, чорт побери. — С улыбкой, теплота которой побежала и дальше, к сужившимся его глазам, смотрел он на Алешу. Было в отцовском пристальном взгляде нечто от прощального этого взгляда Дементьева. — А будешь инженером, тогда работы у тебя непочатый край.. на одном Дальнем Востоке на всю жизнь хватит. И вот что, Алексей, — сказал он еще, — не уходи отсюда никуда, не пугайся ни дикости края, ни условий работы. Дальнему Востоку нужны люди, и именно люди, которых питал он с детства. Основное несчастье, что на Дальнем Востоке мало местных сил. А самое большое, это — любовь к краю, преданность краю, защита края, гордость за его победы, за его культурный рост... нужно заразить любовью к нему других, поднять его значение. Это хороший патриотизм, Алеша, не местного, не в пределах своего огорода... а в плане широкого преобразования всей страны, осо-

бенно самых глухих и даже еще не за-сенных как следует мест.

Они стояли на перроне, от холодного ветра стыли ноги, но в ветре, как всегда в эту пору, было тревожное предощущение весны... И разом принесся с востока ночной экспресс. Опять к поезду прицепляют служебный вагончик Дементьева. Занавески на окнах спущены, и никто не знает, сколько надежд и разочарований прошло в маленьком, знакомом Алеше каждым медным винтиком салончике. Здесь, на этом полном весеннего ветра перроне, он простился с Дементьевым. Много было возложено на него им, и он должен был все это выполнить. И так же, как и пришел, унесся этот дальневосточный экспресс. Последний красный огонек на вагоне Дементьева долго и волшебным образом истаивал в черноте апрельской ночи и, наконец, исчез совсем. Впервые ощущая весь долг своей жизни, возвращался Алеша ночью с хабаровского вокзала. До города было далеко, и он шел по темной и широкой улице, радуясь одиночеству ночного пути.

Неделю спустя с первым парходом он уехал к отцу, и вот теперь сидел перед ним в этом как бы продрогшем за зиму домишке. Что же, можно рассказать сейчас, что наворотил за зиму Дементьев. Отец слушал.

— Растет, — сказал он затем. — Растет Дальний Восток. Вот построили в три года город Комсомольск-на-Амуре. Я в этом селе Пермском побывал. Жили там староверы, домов тридцать, не больше. А сейчас огнями горит, за двадцать верст по Амуре видно... суда скоро с его завода пойдут, на весь Тихий океан хватит. Были мы с тобой два года назад в Волочаевке, — добавил он в раздумьи. — На сопке памятник стоит. Поглядел я тогда вокруг. Лежат наши партизаны, красноармейцы лежат. Случается, думает человек: эх, ребятки, полегли в землю, а трава растет, как росла, и солнце встает, как вставало, и птицы летят, как летали, и словно вы никогда и не жили... Ну, только нет: подумал я — жили, ребятки, и кровь ваша в землю пролилась не задаром.

Все растет, все построено заново... растет Дальний Восток, а в Красную армию поступишь — узнаешь, что зубом границу не угрызут, как в двадцатом году.

Его лицо стало жестким. Время поселило коротко остриженные волосы отца, но был он для Алеши все тот же — неутомимый охотник и как бы старший товарищ во всех охотничьих и рыбачьих делах.

И весна развернулась широко и шумно. Рыжий мутный Амур полно нес к океану свои воды. Туман и холод от проходящего льда стояли над берегами, и дом выветривали весенние ветры. Конец апреля был неверным и ломким. Лили дожди, светило солнце, по утрам стояли последние заморозки. Но весна наступила в одну ночь, и сразу хлынуло, как из раскрытой двери, тепло. Казалось, свалилась где-то за сопками непогода, и прозрачно и тонко всей своей дымной голубишной встал весенний день на Амуре. Лужи и озера блестели на берегу. Сопки стали лиловыми и голубыми. Начался прилет птиц. Как в пору детства, встречал Алеша эту весну. Его болотные сапоги были доверху мокры, ружье ремнем натирало плечо, и охотничий задор и горячки продолжали день в ночь и ночь в день. Он потерял счет времени и круговороту суток.

Сейчас все жило и дышало птичьим перелетом. На рассвете, невидимые на высоте, пролетели над берегом лебедикликуны. Алеша стоял, задрал голову, и вглядывался в рассветное небо. Туман скрывал птиц. Но они летели шумными полчищами, и он слышал лебединые клики и шум крыльев. Сердце его билось, бессонная ночь, когда ворочался он на постели, ожидая рассвета, — все было отодвинуто этим звонким возвещением весны. Раз прилетели лебеди, — значит, будет тепло. Лебеди пронеслись, но за ними летели другие птицы. Долгохвостая крачка с противным криком уже носилась над озером и схватывала слету рыбешку. Солнце обманывало теплом, и рыба грелась на первых лучах. Алеша бродил с ружьем по обмякшим кочкам. Слабые незабудки и лютики еще робко появлялись на лугах. Жир-

ная земля булькала, насыщенная влагой. Пузыри шли по воде, рыба поднималась со дна, — все жило, дышало, пускало пузыри, куковало голосами кукушек, мухоловка носилась за мухами, и первая иволга насвистывала двойным своим свистом в лесу.

Утки и гуси летели сплошным лётom. Алеша бил их на озерах и на протоке, куда опускались они, утомленные перелетом. Убитые птицы, подвешенные за лапы к поясу, стукали его мертвыми головами по ногам. Он едва двигался от их тяжести. Но охотничий запал перемогал и усталость, и боль в натертых твердыми задниками сапог ногах, и голод. Кепка его была сдвинута на затылок, мокрый лоб обжигало первыми весенними лучами солнца. Анст, высоко поднимая голенастую ногу, непугливо смотрел на приближение человека. По временам он трещал клювом и быстро схватывал лягушку, поднимавшую голову из воды. Белохвостый орлан облюбовал уже на высокой лиственнице прошлогоднее гнездо и слетал подбирать недоеденную выдрой рыбёшку. Первые сазаны попались в морды, поставленные на протоке отцом. Валовой пролет уток и гусей кончался. Запоздавшие стада торопились по их следу. Начинались долгие майские вечера, закаты над Амуром, когда темносиние сопки как бы подпирают собой розоватое небо, земля просохла, зимородок вырыл себе уже норку под берегом и, как бирюзовый камень, падает на воду, чтобы схватить рыбёшку.

Птицы начинали вить гнезда. Все успокоилось после бурного этого весеннего перелета. Близились июнь. Первые комары появились уже над болотом. Поденки начинали свой легкий полет. Чаще по вечерам слышалось на воде бульканье, и широко расходились круги: сазаны охотились на водомеров. Этот месяц был как бы месяцем возвращения к веселым и беззаботным дням детства. Штаны Алеши пропитались птичьей кровью, весь он был в пуху, пахнул пороховом, болотом и солнцем, которое все выше поднималось и дольше стояло над сопками. Пора была приняться за книги. Старые учебники были вытаснены из

стола. И отцу, видимо, напоминали эти Алешины блуждания его далекие годы. Некогда как же с ружьем, приметливый к каждому следу в тайге, бродил он в лесах по Уссури, поднимался на Сихотэ-Алинь, знал тропы китайцев — искателей женьшеня, находил лудева, выкопанные по следу оленей... С охотничьим интересом осматривал он убитых Алешей птиц, одобрил двух замечательных селезней и большого тяжелого гуся, подбитого слёту и найденного потом в камышах.

И лето началось на Амуре. Луга просохли, появились цветы. Створы незряче горели на берегу и освещали путь пароходам. Самолеты давно сменили лыжи на поплавки и низко по утрам проходили над домом. В стойбищах готовились уже к ходу летней кеты. С трудом Алеша принялся за книги. Смазанное и вычищенное его ружье, отслужив свою весеннюю службу, висело на стене.

Большая лодка шла раз под вечер по Амуру. Это была многовесельная нанайская лодка — темче, на которой обычно перевозят нанайцы семью или груз. Лодка сделала широкий разворот, чтобы ее не опрокинуло течением, и направилась к берегу. Отец чинил рыболовные снасти, и Алеша стоял один возле дома и вглядывался, кого везет эта лодка. Обычно пароход, подвозивший припасы, останавливался против дома бакенщика. Но припасы были уже завезены в начале навигации. Вдруг Алеша побежал к месту причала. Он еще минутку вгляделся с высокого берега и в три прыжка сбежал вниз к воде. Аниська сидела между гребцами, он узнал ее. Весла вскидывались, и все ближе и ближе подходила к берегу странная эта лодка с плоским дном, доски которого продолжены за нос... Алеша приложил руки рупором и крикнул: — Аниска!

Ему замахали в ответ, он не ошибся. Это была она, в красной, повязанной туго косыночке, с потертым чемоданишком учительницы, порозовевшая от ветра и от радости этой встречи в отцовском доме... Лодка подошла к отмели, и Алеша по колена в воде почти перенес Аниську на берег. Они неумело

поцеловали друг друга в щеку и нос.

— Ух, здоровенный ты стал... не узнаешь! — сказала Аниська, но глаза ее сияли, и она смотрела на него почти с девчоночьим обожанием, эта учительница.

— Ну, и ты тоже... здоровая стала, — ответил он неуклюже.

Вода капала с его штанов, и надо было прежде всего их переменить... Аниська высадилась с парохода в соседнем стойбище, и рыбаки, которые ехали смотреть поставленные ловушки, перевезли ее на лодке. Учительница учила нанайских детей, и денег с нее взять не хотели.

— Темче колхоза, — сказал нанаяц. — Плати никому не надо. Живи тут. — Потом он оскалил белые зубы, снял берестовую шляпу и сказал: — Пока!

Другие гребцы тоже улыбнулись Аниське и сказали: «Пока!..». Так прощаться научил их инструктор из Рыбаксоюза. Все трое были молодые, и это было совсем нетрудно перевезти учительницу на другой берег. Теперь нужно отправиться осматривать морды: может быть, попался сазан или усатый сом, из которого приготовят много талы... Гребец оттолкнул лодку, весла поднялись в уключинах, и лодка пошла на середину реки, где можно ее пустить по течению.

С чемоданчиком в руке, мокрый по колени, повел Алеша Аниську к отцу. Опять они были вместе — все трое, в этом маленьком домике бакенщика.

— Ты надолго сюда? — спросил Алеша Аниську.

— Я только на два дня, чтобы вас повидать. Еду на учительскую конференцию в Хабаровск. А ты? — спросила она в свою очередь.

— Не знаю еще... жду телеграмму. Меня берут с собой в пробный пробег, — ответил он, но в эту минуту хотелось ему, чтобы подольше отодвинулся этот пробег. Самое странное было то, что оба они как-то неуловимо изменились и теперь стеснялись друг друга. Аниська шла впереди него в гору, и маленькие ее ноги едва оставляли след, — он вспомнил, что всегда она ходила так легко, словно отрывалась на-ходу от

земли. Теперь они дома, все трое, и Прямиков так же, как месяц назад сына, разглядывал приемную дочь. Он не видел ее два года, и она изменилась еще больше, чем изменился Алеша.

— Ну, как учительствуешь, все рассказывай. Работой довольна, помогают тебе? В глушь забралась, не жалеешь?

— Нет, — сказала она и покачала головой. — Я этого хотела, и это самое лучшее, что я могла для себя выбрать... в глуши живет целый народ, для которого впервые открыты и книги, и больницы, и знания.

— Это верно, положим, — согласился Прямиков. — Раньше кто над ними хозяйничал: урядник да поп, да еще скупщик... в долгу кругом, да в хмелю держали. Ханшин — злая водка, чумная... от нее у человека глаза белыми становятся. Да мухомору еще добавляли или табак, чтобы совсем тот чумел.

— А нанайский народ даст еще и учителей, и художников... и, может быть, замечательных людей еще даст, — сказал Аниська убежденно.

Они сидели и говорили, и разговор словно даже не начинался еще, столько нужно было им друг другу сказать.

— Ну, так ты устраивайся покуда с дороги. А мы сейчас уху смастерим. Сазан попался на полпуда, не меньше.

И Прямиков пошел достать рыбу из морды, которую подтянул к берегу. Вот вылетели птенцы из утлого его дома бакенщика и летят вольно, каждый в ту сторону, какую выбрал для себя сам. Все им открыто, все дороги, вся жизнь. А прежде некуда было лететь из крестьянского или казачьего дома на Амуре, это знает он по своей судьбе. Довольная улыбочка дремала на его обычно скупых губах. Давно не было такого праздника на скудном этом и небогатом событиями берегу! Он спустился к воде и вытянул на берег морду. Сазан затрепыхался в ней. Прямиков вывалил его из морды на траву и полюбовался, как бьется и извивается большая эта, в желтоватом серебре чешуи, рыба. Потом он подхватил ее обеими руками под жабры и понес перед собой. Рыба била хвостом и рвалась из его рук. Нет, уху из этого зверя наварят они на-славу!

Алеша встретил его и помог оглушить рыбу. Привычно ударом ножа Прямиков взрезал ей брюхо, опутал пальцы скользкими внутренностями и выдрал их. Потом он стал соскабливать с нее чешую. Пока он разделял рыбу, Алеша развел уже костер в стороне. Уха должна быть полевой, пахнуть немного дымом, свежестью летнего вечера, речным дыханием. Он раздувал огонь, и от дыма приятно кружило голову. Наконец, была рыба разделана, теперь можно было набросать полный котелок ее кусков, подбавить перцу и лаврового листа, который хранился для такого случая. Небо над Амуром зарозовело, спускался вечер. Незречий рожок месяца слабо наливался в вышине. Звезда возле него была вялая, как бы незревшая для своего явления миру. Горьковатый дым костра стлало по земле, и он стоял над рекой, неподвижный в этой вечерней безветренной тишине.

Они сидели теперь рядом у костра, как в детстве. Кипела вода в котелке, и куски рыбы ходили в ней. Узкие знакомые глаза оглядели Алешу.

— Долговязый, Алешка, ты стал... — сказала Аниська, но хотела она сказать другое.

— Да и ты вон какая... верста, — ответил он, и тоже не то, что хотел сказать.

Они засмеялись. Потом Аниська вздохнула. Тонкое ее открытое горло округлилось. Вечер, бегущий Амур, розоватость вечерних красок и тишина. Только где-то там, далеко, сопки, подпирающие летнее небо, и скучившиеся облака, похожие на перья пролетевших птиц, и приамурский простор, на который они оба теперь вышли...

— Уедешь ты скоро, Алеша, — сказала она и не смогла скрыть грусти в своем голосе. — Пойдет учение, там станешь инженером и забудешь все это...

— Что? — спросил он, но к горлу его тоже подступило, и он отвел глаза.

— Ну, вот все это... детство наше, что ли, ну, и меня

— Нет, я тебя не забуду, — сказал он. — С чего ты взяла?

— Ну, будешь помнить: есть где-то в стойбище на Амуре учительница Мар-

кова... и всё тут. Я тебя еще за Пушкина не поблагодарила, — добавила она вдруг.

Сучочки потрескивали, и дым становился красноватым. Нежная плесень месяца проступила виднее. На болоте трещала клювом цапля, и лягушье пение замирало и снова раскатывалось. Лягушки тоже хотели радоваться июньской ночи, месяцу, отраженному в тусклой воде, живой жизни, кишащей в водоемах, и забывали об опасности. Несколько уток цепочкой торопливо потянули над Амуром.

— Ну, и ты тоже забудешь меня, — сказал Алеша, решившись. — Выйдешь замуж, и всё тут.

Она покачала головой.

— Нет, я замуж не выйду.

— Монахиней станешь?

— И монахиней не стану, и замуж не выйду.

— А как же? — спросил он недоуменно.

— А просто так.

— А почему не выйдешь?

— А тебе надо знать?

— Ну, да, надо знать, — хотел сказать он грубовато, но голос его пресекался.

— Много будешь знать, скоро составишься.

— Аниська, скажи... — попросил он жалобно.

Она помолчала.

— Замуж выходят, когда полюбят человека. А я полюбить не могу, — сказала она изменившимся голосом.

— Почему не можешь?

Какая-то тонкая тоска была сейчас в сердце. И вот точно опустошилось оно на минуту, и снова часто и туго билось, и надо глубоко и прерывающимся вздохом вздохнуть, прежде чем заговорить снова. Аниська молчала. Узкие ее глаза с двумя тонкими, почти прямыми бровками смотрели на огонь. Жадно копошился он и обглядывал сучья.

— Зачем, Алеша, спрашивать? — сказала она затем просто. — Мы с тобой вместе росли, и ты мне, как брат, и я тебе, как сестра... ну, и всё тут. И что еще может быть?

Но морщинка стянула ее брови.

— А разве не бывает так, что сводный брат женится на сводной сестре, когда вырастут? — спросил он вдруг.

Она быстро отодвинулась и посмотрела ему в глаза. Так она сидела минутку, и глаза ее в тени были необычно большими и темными.

— Ну, да, — продолжил он снова с усилием. — Вот когда я кончу техникум, разве не может быть все это так?

— Мальчишка ты, Алеша, — сказала она, и он не нашелся, что ответить.

Они сидели теперь молча, и только перекатывалась и кипела вода в котелке. Ему стало вдруг грустно. Слезы — неизвестно откуда взявшиеся — сразу подступили к глазам, и он поднялся и большими шагами ушел к Амуру. Там, на берегу, он остановился. Месяц, как легкая лодчонка, скакал на быстрине воды, и все было уже затянато голубым легким туманом летней ночи. О чем он думал сейчас на берегу любимой реки и почему к радости встречи и вечера у костра и воспоминаний о детстве примешалась эта первая и почти физически ощущаемая грусть? Во рту его было солоно от проглоченных слез, и все стало вокруг совсем, как в детстве, когда от какой-нибудь обиды или несправедливости хотелось зарыться с головой в стожок жесткого, накошенного на болотистом лужку сена. Так он стоял, и Аниська подошла к нему.

— Ну, разве не мальчишка ты, Алеша? — сказала она укоризненно. — Знаешь, что? Давай так: давай ничего не обещать друг другу. Кончишь техникум, и там все будет видно. И я отсюда никуда не уеду, и ты приедешь ко мне, если захочешь... если не изменишь-ся, конечно.

— Я не изменюсь. — Он качнул головой. — Только ты дай мне слово, что будешь меня ждать.

— Я буду тебя ждать, — сказала она.

Они стояли теперь рядом и смотрели на воду.

— Ах, Аниська... дураки мы! Я вот только не умею все сказать, как надо... и даже написать тебе об этом не смог, а хотел.

— Ну, вот и договорились, Алеша... а там покажет время.

И она тряхнула его руку. И он тряхнул ее руку, и они засмеялись. Стало сразу все счастливо и так, как никогда еще не было.

— Ух, глупая ты, Аниська!

— И ты не больно умный!

Она выдернула руку и прижала большим пальцем его нос, — так в детстве подразнивала она его боровком. Он задержал ее руку и поцеловал этот палец.

— Хорошо, Алеша! Хорошо на Амуре.

Легкий ветерок поднялся с реки, лицо Аниськи было бледным под разгоревшимся рожком месяца. И глаза, милые и ставшие с детства близкими глаза, с нежностью и грустью смотрели сейчас на Алешу. Он взял ее за руку, и они пошли обратно к костру. И так же мгновенно, как налетела эта грусть, так же она и истаяла. Уха была готова и пахла лавровым листом и разварившейся рыбой. Отец зажег огонь створ и шел берегом к их костру. Теперь они сидели втроем, уха была разлита в тарелки, и добрый разварившийся зверь блеснул таким сазаньим наваром, что щекотало во рту от предвкушения еды.

— Ну-ка, Алеша, принеси из дома наливочки, — сказал Прямиков. — Ради такого вечера и выпить не грех.

Алеша сбегал в дом и принес наливки. Прямиков разлил ее по стаканчикам.

— Ну, ребята, за вашу жизнь. За то, чтобы оказались полезными людьми... да чтобы не забывали друг другу, да и меня, что ли, тоже...

Они выпили наливку. Все было ясно и очевидно, как эта теплая июньская ночь. Лягушки пели и пели на болоте, давясь от счастья петь, бультаться в неостывшую воду и раздвигать водоросли. Через какую-то между жизни перешагнул он, Алеша, теперь, и его юность шла к зрелости. Но он был сам для себя еще, как та неокрепшая утка, которая подлетывает и снова бежит по земле, пока не наберет в крылья сил. Многие хотели он сказать и отцу, и Аниське, но был их сговор молчалив, и это было крепче слов.

— А теперь примемся-ка за сазана,— сказал Прямыков.

Необыкновенно вкусна была эта полевая уха. Пахло дымком, тинкой, закоптившимся котелком, речной свежестью — всеми этими неотразимыми запахами ночи. Они ели и подкладывали сазаньи куски и не могли нахвалиться. Нет, стоило жить на этой земле, пить все ее запахи, дышать ее воздухом и слушать, как от безотчетного счастья, от надежд, молодости и первой, еще не смеющей признаться любви, то припадает, словно освобождается от крови, то часто почти в самом горле стучит сердце.

Два дня спустя отвез Прямыков дочь к ближней пристани. На том же месте, к которому повезли ее в своей лодке на найцы, простился Алеша с ней. Маленькая сильная рука сжимала его руку, пока шли они от дома к берегу.

— Так ты всё помни, Аниська, — произнес Алеша возле маленького и розоватого ее уха.

Они почти бегом спустились с горы. Отец прилаживал в лодке парус.

— Ну, Алеша, прощайся, пора! — сказал Прямыков.

Они стояли теперь друг против друга, и Аниська вдруг приподнялась на носках и обняла Алешу рукою за шею. Он быстро и неловко поцеловал ее в сухие губы. Еще мгновение спустя она была уже в лодке. Он даже не успел посадить ее. Сдвинутая с отмели им, поплыла эта лодка по Амуру. Аниська стояла на корме, лицом к нему, и прощалась с ним тем же долгим и полным нежности взглядом. Весла поднялись, и Прямыков сильными и уверенными движениями вывел лодку на середину реки. Там он поставил парус.

И вот летит по течению и становится все меньше и меньше эта лодка, и белый ее парус, как платочек в руке Аниськи. Потом кажется, что это птица в косом полете — белохвостый орлан или чайка — коснулась крылом воды, и лодка исчезла за поворотом. Берег опустел, Алеша остался один. Он шел к дому, и дом показался ему нежилым, как в день, когда после долгой зимы отодрали с его окон доски. Теперь он хотел, чтобы

возможно скорее пришла весть от Грузинова. И весть эта пришла.

Служебный пароходишко, подвизивший обычно керосин и припасы, стал на якорь раз против дома. С него спустили лодку, и двое матросов стали грести к берегу. Одного — старого матроса Грошева — Прямыков знал, другой был молодой, с черными блестящими волосами, в розовом тельнике, под которым видна была его крепко сбитая, в крутых мышцах грудь. Он ловко спрыгнул с лодки на берег и подтянул ее на цепи.

— Здорово, товарищ Прямыков, — сказал он. Глаза у него были серые, ясные и чем-то необыкновенно знакомые Прямыкову. — А вы меня не признали, — добавил он весело. — Москалева помните? Я его сын.

— Николашка?.. — спросил Прямыков изумленно. — Неужели это ты?

— Ну, да, я... отец приказывал — как увижу вас на Амуре, непременно кланяться.

— А отец где?

— Отец под Владивостоком. На рыбном промысле нарядчиком.

Неужели это был Николашка Москалев, старший сын односельчанина, с которым вместе за мятый пятак учились в приходской школе?

— Да сколько же тебе сейчас лет? — спросил он озадаченно, — вот как проскочили годы и подвыросла эта молодь...

— Девятнадцать, — сказал тот. — В будущем году в Красную армию итти.

Он дружелюбно посмотрел на Алешу. Вместе с инструкциями госпароходства привез он письмо от Грузинова. Алеша торопливо распечатал и наспех прочел письмо. Грузинов писал, что рейс назначен в первых числах будущего месяца и что, если Алеша еще не раздумал, он захватит его на обратном пути...

— Ведь вот ты и Алешку моего обогнал, — подивился Прямыков.

— А тебе сколько лет? — спросил тот Алешу.

— Будет восемнадцать, — ответил Алеша, краснея.

— Комсомолец?

— Нет, еще не успел. Думаю только вступить осенью...

— Семилетку кончал? — осведомился тот деловито. — А теперь куда?

— Теперь в техникум.

И Алеша рассказал ему вкратце о своих планах, о работе в тайге, о содержании письма Грузинова.

— Что же, все правильно, — одобрил тот. — Я вот на пароходе тоже ради практики плаваю. В Красной армии пригодится.

— А ты что же, во флот? — полюбопытствовал Алеша.

— Ну, да, во флот. Непременно во флот. Амурскую речную флотилию видел? Красота!

И Алеша подтвердил:

— Красота!

Раз ночью дымный сильный луч осветил комнату. Все ослепительно зажглось и засияло в ней. Алеша соскочил с постели и подбежал к окну. Луч прожектора тянулся то в самое небо, то освещал впереди блестящую громаду реки, и все сверкало, сказочно голубело и несло мимо. Шли военные суда Амурской флотилии, шум их винтов был слышен далеко на реке, и силуэт за силуэтом в огнях проходили перед восхищенным всей этой силой, стремительным ходом, огнями — взором... Было кому защищать великую реку, и было для кого зажигать створы на ее берегу! С бьющимся сердцем смотрел он в окно, как проходили мимо суда. Он вспомнил старые китайские пароходы с одним большим колесом позади, со столбом искр из трубы от дровяного отопления. В пору недавнего конфликта с Китаем были возвращены назад эти увиденные в пору интервенции старые амурские суда, свидетели беззащитности великой реки... Они шли в гроздьях искр, как опромный костер, напоминая о временах, которым не суждено повториться. Как хотел он в ту ночь быть на таком боевом корабле, шарить дымным лучом прожектора по небу, освещать на берегу каждый кустик и чувствовать себя защитником всех этих родных берегов с селами, стойбищами и протоками, которые далеко отвечает Амур!..

— И я бы тоже хотел поступить во флот, если примут, — сказал он несмело.

— И поступишь, — ответил Москалев убежденно, — подучись только технике за эти два года. А там можешь и машинистом на канонерке стать или механиком... из флота во какими специалистами возвращаются, брат!

Они сидели на борту лодки, и Москалев болтал крепкими голыми ногами в галошах. И от этой спокойной уверенности, от мускулистой груди под розовым тельником, от всего пропахшего солнцем и водой Николашки Москалева — Алеше стало вдруг весело. Не он один выходил в жизнь, были у него сверстники, — может быть, такие же будущие краснофлотцы, каким хотел стать и он сам.

— Ну, может быть, во флоте встретимся, — сказал он солидно.

— А очень просто. Если с Амура никуда не пошлют, — значит, встретимся.

Припасы были выгружены, и надо было возвращаться на пароход. Он протянул Алеше свою запрубевшую жесткую руку, и они простились.

— Ну, так кланяйся отцу, — сказал Прямиков.

— Буду кланяться.

Матрос поднял весла, и Москалев столкнул лодку в воду. Расставив ноги, с бывалой сноровкой, стоял он на корме лодки, и белые его зубы улыбались Алеше.

— Так ты в случае чего спроси Москалева! — крикнул он издалека.

Может быть, предстояло им, будущим краснофлотцам, встретиться на одном боевом корабле. И Москалев уплыл. Пароход принял лодку, выкинул три прощальных гудка и пошел дальше. В недалний путь проводил на этот раз Алеша пароход. Три недели спустя он простился с отцом и с этим берегом детства. На той же лодке, на которой выходил он в протоку выбирать морды с рыбой, отвез его Прямиков к пристани казачьего большого села. Здесь должен был он дожидаться парохода в Хабаровск.

— Ты что же, вернешься еще после

поездки? — спросил Прямыков сына. — Или уже прямо в учение?

Нет, мало оставалось времени для возвращения.

— Ну, так ты не пропадай же, Алешка, пиши!

В первый раз почувствовал он, что прощается с сыном надолго и что кончилась одна пора жизни сына — детство — и наступает юность. Они обнялись. Большое село широко было раскинуто на берегу, и на рыбалке у самой воды сушились сети. Алеша стоял и смотрел, как по розовой от заката воде уплывает отец. Все менялось в его жизни, и только вода Амура так же стремительно и безостановочно неслась в океан, унося сроки, воспоминания детства и годы... Большая рыба плеснула на середине хвостом, — вероятно, охотился за плавунцом верхогляд. Белые поденки кружились над водой, как слунутые лепестки, и разом вдруг одна за другой понеслись в сторону, в тень, — к острову, заросшему тисом и сладостно пахнущим к ночи багульником.

XIV

Потрепанный фордик повез Дементьева в город. Все скрипело и ходило в разболтанном его кузове. Неважно был задуман этот городишко в тайге. Так и остался он подобием золотоискательской слободки с тесовыми крышами досчатых домов и острожными острями заборов. Высоко, у самого подножия рыжеющей сопки, жил Черемухин. На этот город променял он и приморский Владивосток с его профессорской кафедрой, и академические приглашения в Москву. На карте, висевшей в салончике его, Дементьева, вагона, была нанесена запроектированная трасса вторых путей на Дальний Восток. К строительству ее приступили, и новые задачи отодвинули недавние планы Черемухина. Он нужен был здесь, и значит — и Москва, и удобная квартирка во Владивостоке с видом на бухту и на Уссурийский залив — подождут.

Только множество собак — этой старой охотничьей слабости не мог он преодолеть даже здесь, — завелось уже

во дворе его домика. Машина подняла облако пыли и остановилась. Дементьев вылез. Прямо, сейчас же за домом, поднималась в небо сопка. Летнее солнце успело уже коричнево выжечь листву дубового леска. С десятков собачьих голосов недоброжелательно возвестил приезд постороннего. В чесучевом пиджачке (экая китайская добротная ткань, служил пиджачок ему наверно не один пяток лет) открыл Черемухин калитку. Серенький, с блестящими своими черными глазками, похожий на птицу, — предстал он в домашнем своем виде Дементьеву.

— Петр Иванович, — сказал он удивленно. — Не ожидал. Я думал, за мною машина из управления.

— Я вам не помешал?

— Помилуйте. Весьма рад. Заходите. Собак у меня... чорт их знает, откуда их столько заводится! — Он побежал вперед и свирепо разогнал собак. — Как же вы так — без предупреждения, без разговора по проводу?

— Я ведь насквозь качу... ночью снова прицепляюсь к экспрессу. Теперь уже с подробным докладом в Москву. Было у меня здесь несколько дел в управлении.

Они поднялись по лестнице в дом.

— Тубо, проклятая! — закричал вдруг Черемухин. — Сука у меня в доме... золотое чутье, но глупа! Боже мой, бывают же такие дуры собаки!

Правды, однако, он не сказал: что у суки дурная способность хватать незнакомых за ногу. Он прогнал собаку в соседнюю комнату. Теперь можно было расположиться в низеньком креслице. Дешевеньким пестрым репсом было обито неподходящее это будуарное креслице. На полочке образцы обломочных пород — гнейсы, граниты, порфиры. Гиляцкий божок, берестяная коробка с нанайским узором — память экспедиций. Дальше — книги. Дементьев издали оглядел знакомые тома по водоснабжению, петрографии, вечной мерзлоте. Многие из них пришлось и ему самому прочесть в порядке срочного ознакомления.

— Я к вам ведь, в сущности, без особого дела. Хотел перед отъездом в

Москву повидать... ну, и похвастаню, конечно, кое-какими приятными сведениями. В частности, водопровод от ключа номер два — или от нанайского ключа, как его называют — начинаем строить. Новая трассировка дает экономию в три километра. Вместо предполагавшихся восьми придется проложить до станции всего пять километров. Такие же сведения и с других ключей. — Новости были приятные. Он улыбнулся. — Надеюсь, меньше чем через полгода мы сможем рапортовать, что водная проблема в районе «безводных амурских участков» разрешена.

Рыжеватая сопка смягчала день за окном. Ее ответы ложились в комнате закатной теплотой. И от всех этих книг, разбухших от рабочих заметок и вложенных листков с записями, от рукописи, чернеющей строками мельчайшего почерка, от каменных пород на полочке и на этажерке. — от всего этого вдохновенно пахло на Дементьева тридцатипятилетним трудом, упорством, настойчивостью, непримиримостью... Нет, был непримирим этот хохлатый, как свирестель, человек, когда дело касалось его науки. Со своими собаками, в этом углу домишке, был он богаче, чем в академической квартире в Москве с научными заседаниями, докладами и размеренными часами профессорских лекций. Здесь была практика, грубый вкус земли, месяцы, проведенные в тайге, живое претворение в жизнь того, что чертежами обозначается в научных трудах и докладных записках. Этим был он близок ему, с юных лет узнававшему трудный и настойчивый опыт борьбы.

Самые тревожные дни были теперь позади, и впервые за много месяцев можно было сидеть в этом низеньком креслице и никуда не торопиться.

— Что же, пройдет еще годик-другой, и вся эта проблема будет отодвинута другими срочными проблемами. Одни паровозы-конденсаторы сделают ее уже устаревшей, — сказал он по года.

— Это и составляет прелесть нашей работы. Двигаться от одной проблемы

к другой, всегда двигаться, никогда не застывать, — вот что должно быть девизом науки.

Опять сипела пустая трубочка, и снова Дементьев достал свой флотский табак. Дымки идут кверху, и комната синеет.

— Дело, конечно, не в одной этой конкретной проблеме, — сказал Черемухин снова. — Знаете ли, в нашем деле надо всегда немного помечтать... даже самые точные науки не чужды мечтаниям! А мечтать хорошо, когда для этих мечтаний есть все деловые предпосылки. В конце концов, вечную мерзлоту мы только начинаем преодолевать... еще очень робко, с ошибками и неудачами. Но можно уже увидеть горизонты. Освободить от плена вечной мерзлоты почти треть территории всей нашей страны... сделать, скажем, Якутскую область земледельческой, изменить климат, поверхность почвы, флору и фауну в районах, которые до сих пор считались мертвыми, — все это в наших руках! Надо лишь мыслить масштабами десятилетий... а ведь только за десять последних лет наша страна подвинулась по крайней мере на полвека вперед.

Он вдруг преобразился. Дементьев любил, когда по-петушиному, с сероватым хохлом своих ерошенных волос, начинает он наскакивать на старые истины. Тогда любое возражение только петушит его больше, и даже занятно иногда подбросить уголек противоречия или сомнения под этого горячего человека.

— Энергетика! Вот могущественный козырь в руках человека. Энергетика бьет и отсталость, и сопротивление природы, и организует ее силы, которые столетиями были обречены на бесплодность. На самом деле, Петр Иванович... взгляните сюда, вот эта карта Азиатской части СССР. Я все смотрю на нее. Кто здесь хозяйствует больше — природа или человек? Пока еще природа. К сожалению, природа. Но очень скоро человек преобразит эти пустые районы. Он двинется на них с энергетикой, величайшим оружием для борьбы с темной землей. Вечная мерзлота — тем-

нота, энергетика — просвещение... если позволено будет так сказать!

Это была тема его жизни, и он как бы переходил в наступление, как много раз в салончике служебного вагона Дементьева.

— Вы знаете, что один Ангарстрой даст энергию, равную десяти Байкалам! А Бурейстрой, а Зеястрой, а Селенгастрой — миллионы киловатт, загоны для мировых табунов, которые всеми своими лошадиными силами ринутся на вечную мерзлоту, на бескультурье! Запрудами рек мы образуем гигантские водохранилища. Вода теплее, ее огромные массы смягчают климат. Океан теплее суши, поэтому создавалось высокое давление, подвижка полярного воздуха на эти районы, суровый климат. Запруженные массы воды создадут потепление, климат смягчится, подвижка полярного воздуха будет ослаблена. Тогда появятся осадки, станет более влажная зима, возникнет новая растительность, а с ней новая жизнь. Флора вызовет изменение фауны. Начнется борьба растительного мира сначала, а вслед за тем и животного мира. Солнечная радиация здесь очень большая. Солнечную энергию можно будет тоже использовать в виде растительного фактора! А это значит — преодоление ледников, обновление жизни...

Серый его хохол теперь как бы дымился. Мечтания опережали жизнь, но и жизнь догоняла мечтания.

— А прежде всего надо довершить борьбу в человеческом мире, — сказал Дементьев. — Много наносных пород приходится пройти, прежде чем достигнешь коренных пород. Этот Магафонов, — добавил он вдруг, — вы думаете, так представляется упрямым старичком? А камнями выход ключа кто закидывал? Такой же, как Магафонов, закидывал. У врага своя клиентура, и приемы свои, будь это приверженность к старому или недоверие к новым делам. На ледниковых реликтах происходит борьба, такая же, как и во всей нашей жизни... кое-кому ненавистна эта наша активность, кое-кто заинтересован в минимальной пропускной спо-

собности наших дорог, в бескультурье, отсталости, нехватке воды, плохой работе. — Его лицо стало темным, брови сдвинулись. — По пути ваших мечтаний, Александр Михайлович, — враг. Разглядеть его во-время так же важно, как найти в тайге ключ. Я этого Магафопова держу на примете... он вашу солнечную радиацию японцам продаст, если только не доглядеть за ним во-время. А повидать вас перед отъездом я хотел еще вот по какому поводу...

Он сидел в этом низеньком креслице, скрестив ноги, отдавшись покою. Жизнь не остановилась в маленьком домике, а двигалась в заметках, рассованных в книги, в начатой рукописи, даже в этом зеленоватом наивном рюкзаке, в котором, как натуралист и изыскатель, приносил тот наверное породы с собой...

— Сегодня я уезжаю в Москву... вероятно, раньше начала зимы не вернусь. К зиме должны быть готовы водопроводы на трех станциях, к весне — на остальных. На месте «безводных амурских участков» мы отмечаем на карте действующие водоисточники. В этом много вашего труда, ваших знаний, и я хорошо это помню... поэтому мне и хотелось увидеть вас перед отъездом.

Он многое мог бы добавить еще. С юных лет в памяти осталась большая река Амур. Широко несла свои воды эта дорога юности. Много лет позднее, уже став инженером, он вспоминая первые впечатления жизни, которые были связаны с этой рекой. Пятнадцать лет спустя он вернулся сюда искать воду. И, подобно живой воде этих подмерзлотных глубоких источников, он нашел здесь людей. В юности, охотясь в уссурийской тайге, спускаясь вдоль каменистого ложа горных ручьев, он видел, как сливаются они свои воды с мощным и стремительным потоком реки. Так сейчас как бы в одно русло сливались все эти найденные ключи и источники, вся совокупность усилий людей, отысканных им после пятнадцатилетней разлуки. Казалось ему, что с давних лет знает он этого человека, сидел не раз в низком креслице его профессорской комнаты и разделял его труды и мечтания...

— Что же я так... одними разговора-

ми потчую, — заторопился вдруг Черемухин. — Не хотите ли чаю? Может быть, не обедали... могу покормить. Жена в отъезде, хозяйственную сам. Готовлю отменно, могу поручиться. Привычка обходиться самому в экспедициях.

— Нет, спасибо. и обедал, и сыг. Машина ждет внизу... еще совещание в управлении с шести.

— А жаль, — сказал Черемухин огорченно. — Блинчики я напек — первый сорт. С ежевикой.

— Ну, дайте блинчик, — сказал Дементьев вдруг.

И Черемухин побежал доставать удачное свое изделие.

— Отличные блинчики, — похвалил Дементьев минуту спустя.

Он не хотел есть, но съел все же один и второй экземпляр этой профессорской домашней работы.

— Вы сами знаете, что и я могу ответить вам тем же, — сказал Черемухин. Appetit Дементьева его порадовал. — Самое большое удовлетворение за всю свою жизнь я получил на этой работе. Знаете, когда научная теория получает каждый день живое практическое подкрепление, и размах работы при этом, и ясная цель, и уважение к человеку, к его труду и возможностям... я ведь прежде никогда вслух не мечтал, — признался он. — Не было ни желаний, ни повода. А теперь я мечтаю, как видите... Практика последних лет показала, что громадные преобразовательные процессы ускорены до планов одной-трех пятилеток... отчего же не включить эти свои мечтания в план пятой или шестой пятилетки, а ведь до этого можно, пожалуй, и дожить.

— И доживем... отчего не дожить, — сказал Дементьев.

На самом деле, отчего не дожить? Все сделано для того, чтобы жить, действовать и претворять в живую практику планы. И, расставаясь, пожимая руку друг другу, они улыбнулись этой улыбкой взаимного обещания непременно дожить, совершить еще множество дел совместно или каждый по-своему... Опять с десяток собачьих голосов отметгл отъезд постороннего. Опять сука с золотым чутьем просунула в дверь

острую морду, с интересом приглядываясь к икре приехавшего, опять Черемухин погнался ее прочь.

— Сумасшедший дом, — сказал он бессильно, — собак, собак... откуда только берутся!

Шум запущенного мотора вызвал новую собачью разноголосицу.

— Собаки — это хорошо, — похвалил Дементьев. — Собак уважаю.

— Ну, в том-то и дело... и я уважаю, — признался Черемухин наконец.

И вот — с серым торчащим хохлом, в чесучевом пиджачке, на слабых ногах — занесло его пылью. С чувством душевной теплоты покидал Дементьев этот маленький дом. Машина пошла нырять по ухабам. Пришлось в своем здании потесниться управлению железной дороги, впуская десятки отделов нового строительства. Еще на синьке, в проектной трассировке лежали эти вторые пути. Сотни тысяч кубометров скальных пород, которые предстояло взорвать, сотни тысяч кубометров грунта, необходимого для насыпей, десятки новых мостов через реки, станционные службы, водокачки, вокзалы, — все это было уложено в планы ближайших трех лет... Он мог здесь снова вспомнить Черемухина. Грандиозное преобразование края начиналось с путей. Как кровеносная основная система, они должны были начать питать глухие районы, заброшенные берега Приамурья, а впоследствии — сквозным разбегом через Амур на Советскую Гавань — и океанский берег с его глубокими бухтами, которые могут вместить целый флот... Вода, найденная ими, подопрет эти вторые пути, и немало еще, по мере продвижения в тайгу, придется поработать Черемухину над поисками ее и над всем тем, что он предпочел спокойному и неторопливому существованию в Москве.

Был уже первый час ночи, когда Дементьев вернулся в свой вагон. Курьерский приходил с опозданием. На столе стоял приготовленный ужин. Дементьев умылся и сменил гимнастерку на ночную пижаму. От табачного дыма на совещании еще щемило в глазах. Он сел на диван и отпил глоток крепкого чаю. Прошло меньше полутора лет с той по-

ры, когда вернулся он на Дальний Восток. Вслепую, в маленьком служебном вагончике, ехал он сюда для ответственной и срочной работы. В предотъездной сумятице были наспех опрошены необходимые люди, записаны данные, добыты нужные книги, труды и пособия, завалившие весь этот салончик. Обычных инженерских знаний было здесь недостаточно. Проблема вечной мерзлоты, изысканий в ней водоисточников и даже самая постройка зданий — мало изучены. До сих пор здания деформировались выпучинами, и выпучины ломали и выгибали полотно железной дороги.

Ему нужно было найти местных людей, сочетать науку с народным опытом, опереться на самые надежные силы — на науку и на силы народа. Он вспоминал опыт юности, свою близкую гибель в уссурийской тайге, охотников, вернувших его к жизни, — но все это было как неверные воспоминания прошлого... Он сомневался в этих сведениях своей памяти и заранее готовился к сопротивлению, косности и непониманию целей. Меньше полутора лет прошло с той поры, и вот десятки преданных и верных людей оставляет он теперь с сожалением и грустью. Охотник, который по голосу верности пошел за ним, как только он его позвал с собой; Алеша («ах, Алешка, парнишка, друг» — подумал он с теплотой); маленький лохматый энтузиаст, этот профессор-мерзлотник, мечтающий о покорении вечной мерзлоты, об энергетике и изменении климата; десятки рабочих, бурильщики и гидробиологов, — целая армия новых строителей, продолжающих работу в тайге... В этом были правда и размах революции. Председатель нанайского колхоза требовал ускорения присылки учебников для школы взамен охотника, которого колхоз отпускал для работ... Жил Дальний Восток. Новые люди спускались с его сопек в долину. Многие из них помнили годы, когда они отбивали его, оставляя могилы в распадках или целое братское кладбище, как на Волочаевской сопке.

Сыновья знали об этом из рассказов отцов. Новое поколение выросло за эти

пятнадцать лет. Оно стоит на границах, и боевой ветер юности проносится над сторожевыми его постами. Надежные руки сжимают винтовку, и молодые глаза привыкли примечать малейшее колебание листвы и даже далекий полет белохвостого орлана... Зажигает где-то, на глухом амурском берегу, бакенщик Прямиков створы для проходящих судов. Но стбит прозвучать только зову тревоги, и все эти бакенщики и буровые мастера, и машинисты, и стрелочники поднимутся, как в минувшие годы, один рядом с другим, остатками той поредевшей колонны, которая штурмом брала волочаевские высоты и открывала путь на Дальний Восток...

Крепкий чай стынул в стакане на столе. Там, позади, была его, Дементьева, юность. Но, вернувшись пятнадцать лет спустя, он как бы воскресил для себя эту юность, и миновавшие годы могли казаться только подступами к ее вторичному приходу. Он допил чай и утомленный, разделся и лег. Ночью уже в полусне, услышал он знакомый шум колес под полом вагончика, — раскачивая этот последний вагон, давно нес его поезд сквозь район вечной мерзлоты, сквозь Забайкалье, тайгу Восточной Сибири, Барабинскую степь и Урал — в Москву.

XV

Четыре дня ожидал Алеша в Хабаровске поезда. Четыре дня ходил он по городу, забредал в отдаленные его части, спускался к Амуру. Широкая лестница вела вниз, в конце главной улицы, к пристани. Отсюда далеко можно было оглядеть реку. Непохожи были эти берега Амура на скудные и пустые берега в его среднем течении. Пароходы, катера, моторные лодки, суда военной флотилии, — все это шумно двигалось, обменивалось гудками, грузилось и выгружалось, и широкими стежками, синеватый, как сетка дождя, лежал железнодорожный мост через реку. Медленно, игрушечными своими вагончиками, заползал в него товарный нескончаемый поезд и как бы протачивал его сердцевину, — поезд, который шел, может быть, из Москвы... Тогда

легкий ветер проходил в сердце от мысли о пространствах, о путях, о скитаниях, обещавших первые свои радости.

Пришлось-таки ему встретить еще раз Николашку Москалева. В матросской полосатой фуфайке, в кепке с лихо надвинутым на глаза козырьком, засунув руки в карманы брюк, шел неспеша он мимо портовых складов и пристаней. Множество знакомых судов стояло у причалов. Были здесь суда с Николаевской и Благовещенской линий, обгонявшие не раз тихоходный служебный пароходшко.

— А, Прямиков... ты уже здесь? — сказал он, не удивившись. — Давно ли?

На то, впрочем, и была река, чтобы люди передвигались по ней взад и вперед. Они поднялись по ступеням и остановились на площадке первого перехода лестницы.

— «Достоевский» с низовьев идет, — сказал Москалев, еще издали узнав пароход. — Прибавляется пароходишек, ничего не скажешь. — Хозяйственно, как бывалый моряк, оглядывал он сверху суда, пристани, нефтяные баки и портовые склады, — все это большое речное хозяйство. — Еще через годик-другой Комсомольск подбросит суденышек. Пойдут пароходы — глядеть будет дорого. Красота!

Серые его глаза спокойно и деловито смотрели на простор знакомой реки. Был он здесь одним из хозяев всех этих богатств, твердо знал, как предстоит этим богатствам расцвести и как будет он их защищать краснофлотцем. Все было для него очевидно и ясно. Была разница только в двух годах между ними, но Алеша позавидовал и его деловитой уверенности, и тому, что много раньше его поплывет он, может быть, на быстроходном военном судне по Амуру.

— Тебе когда в Красную армию идти? — спросил он не сразу.

— А осенью призываться... моя первая очередь. А тебе наверное по техникуму отсрочку дадут. Ну, я в ту пору уже до командира дотяну, не иначе, — сказал Москалев уверенно. — Если на Тихий океан не пошлют, буду по Аму-

ру плавать. Река большая, дел для нас хватит. За Казакевичевым на Уссури по правому берегу Манчжурия тянется. Глаз здесь много в нашу сторону смотрит, да и руку протянуть кое-кто тоже не прочь. Мне за старшего брата еще рассчитаться надо, — добавил он вдруг, — да за дядьку. Оба легли под Бикином.

Он стоял, расставив ноги, и серые его глаза смотрели куда-то мимо, поверх реки, на далекие сопки, как бы обозначающие пограничный рубеж. Потом он вздохнул.

— Ну, что же... а теперь прощай, Прямиков. Мне еще в пароходство идти. Здесь не встретимся, — во флоте встретимся... будут призывать — присись во флот или в пограничники, что ли. Рост у тебя подходящий.

Он крепко и по-мужски пожал его руку и с той же развальной, хозяйственно и деловито, направился в пароходство. Гудел пароход, возвращавшийся с низовьев Амура, катерок стремительно бежал по воде, и легкие путевые облака лежали над этим речным простором и над синеватыми далекими сопками. Алеша постоял еще один на площадке лестницы. Похожие на парусники, проходили мимо облака, и вместе с ними, казалось, уплывали навсегда годы детства. Юность наступала со всеми предстоящими ей испытаниями. Но он уже знал путь и цели, к которым поведет свою жизнь. Может и он так же хозяйственно, как и Николашка Москалев, оглядеть все эти богатства, которые вместе с ним будет он умножать и защищать, если нужно. Так он простился с Амуром.

В четыре часа утра, на рассвете, пришел наконец необычный этот поезд из Владивостока. Необычными были и его состав, и график, по которому он двигался. Сто вагонов вытянулись далеко за пределы станции. Бессонную ночь провел Алеша на хабаровском вокзале в ожидании поезда. Не один десяток железнодорожников встречал его вместе с ним. И вот из тишины этого туманного утра, с востока, стало нарастать движение. Блистающий медными своими частями, с заостренной грудью, воз-

ник декапод. Он как бы вел за собой целую армию. Вагоны шли и шли мимо, растягиваясь на километр, и все еще где-то в тумане терялся хвост.

С чемоданчиком в руке, сначала ускоряя шаг, потом почти бегом, спешил Алеша к паровозу. Уже соскакивали на ходу со своими лейками смазчики, и сквозь открытую дверку он увидел Грузинова. Лицо его было в полосах масла. Еще несколько движений, ляг сцепок — и поезд остановился.

— Готов, Алексей? — крикнул Грузинов. — Залезай. — Он помог ему подняться по лесенке. — Ну, вот, брат, поставь-ка чемоданчик в сторонку. В дороге поговорим обо всем.

Он был озабочен. Впервые тяжеловесный поезд шел по этим путям, и все зависело от паровоза. Без промывки и без захода в депо должен был он пройти весь этот путь, жестким графиком, почти по нитке пассажирского поезда. Главный кондуктор шел уже к диспетчеру получать отправление. Сто вагонов могли бы занять почти весь мост над Амуром, и вот ведь грелась эта проклятая пятая паровозная букса, и опять лезли кочегары и Грузинов под паровоз...

В первый раз видел Алеша так близко весь блестящий и жаркий механизм машины. Дрожали в манометрах стрелки, глухо хлопотало пламя в топке, все кругом — помощники Грузинова и кочегары — подливали масло, обтирали части, кляли проклятую буксу и инжектора, которые на перегоне вдруг отказались качать. Но были исправлены в пути и эти инжектора, и обуздась букса, и на полтора часа раньше срока пришел поезд в Хабаровск. Только сорок минут простоял он на станции. Пассажирский поезд шел впереди, и нужно было следовать за ним, не отставая, чтобы не спутать всего движения.

Впервые всеми своими сигналами, поворотами, спусками и подъемами, крыльями семафоров, жезлами, передаваемыми на ходу, — открылся для Алеши этот путь. Сложны и многочисленны были обязанности машиниста. Только на минутку, отрываясь от них, присаживался Грузинов к Алеше.

— Ты, брат, присматривайся и все примечай, если транспортником думаешь быть по-серьезному. Такую школу ты не скоро увидишь. Сначала скажем об этом пробеге, и какие у нас здесь задачи? — Ветерок из окошка жадно обглаживал его папироску. — Прежде всего доказать, что при правильном уходе можно вести поезд с одним паровозом на тысячи километров. Второе: вес поезда. Норма, скажем, тысяча тонн, а попробуй вести поезд в две тысячи тонн, вдвое тяжелей против нормы. Мы когда это дело затеяли, над нами не один паровозник смеялся. Тут ведь и под'емы, и петляет путь, и морозы, каких на других дорогах не знают. Ну, мы взялись все-таки и ведем, видишь сам. И еще дальше поведем, до самой Москвы поведем с одним паровозом и со скоростью, с какой никогда товарных поездов не водили...

Снова надо было понаблюдать за левым инжектором, продуть котел, соразмерить скорость подхода к под'ему, на который нужно поднять весь этот бесконечный и тяжеловесный поезд. И Грузинов покидал Алешу, и снова через часок возвращался. Рукава на его сильных руках были закатаны до локтей, ветошью обтирал он пальцы от масла, и брызги масла лежали в рябинах его лица.

— А главное тут, чтобы каждый человек был подобран один к одному, как части механизма. Каждый знает свою обязанность и за нее отвечает. Я, к примеру, за ремонт паровоза, второй машинист — за его чистоту... один помощник отвечает за фитили, другой — за набивку сальников, третий — за инструмент. Ты про эти дела, конечно, и ничего не слышал, — засмеялся он. — Ну, да ведь все не сразу дается. Присмотрись к паровозу сначала. Если по этой части пойдешь, тебе эта поездка для техникума вот как пригодится! Все равно, годика через два посадят помощником на паровоз.

И Алеша присматривался. Прежде всего поразила его слайка людей. Кочегары, смазчики, машинисты — каждый отвечал за себя и за всех. И кочегары лезли под паровоз, смазчики, едва под-

ходил поезд к станции, бежали во своими лейками и молоточками проверять буксы и бандажи; машинисты каждые сто километров продували котел, следили за топкой, за напряжением пара, — громадный поезд должен был двигаться, как часовая стрелка в контрольных часах, а для этого прежде всего нужна была четкая работа людей и такое же четкое понимание цели... Тысячи тонн грузов мог перевезти за один только рейс такой поезд. Уральская сталь и руда, пшеница сибирских степей, нефть, уголь, сотни тракторов и сотни танков, и целую дивизию, если это будет когда-нибудь нужно. Зимой, на промежуточных станциях, не будут уже паровозы нуждаться в воде. Последние километры водопроводов подводятся к станциям, вода подмерзлотных ключей побежит по проложенным трубам, и есть в этом часть и его, Алешиных, начальных усилий. Не случайным, посаженным по дороге Грузиновым спутником может чувствовать он себя на этом паровозе!

Дорога петляла, огибала промоины, шла в распадках между стенами сопок, горные реки стремительно свергались по своим каменистым ломам. По временам вдоль такой горной реки, следуя ее изгибам, шел поезд, и холодная пенящаяся вода доносила снизу до разгоряченного лица свое прохладное дыхание. Тогда дальше к горизонту отодвигалась голубая и лиловая гряда сопок. Дальний Восток сопровождал горными своими цепями, долинами с жесткой травой, водоразделами рек, — и казалось, что не сотни тяжелых вагонов следует за паровозом, а летит пассажирский поезд. И Грузинов заглядывал Алеше в глаза и кричал: — Как, доволен? — и Алеша кричал ему в ответ: — Еще бы не доволен!.. — Обжигало и слепило глаза белое пламя открываемой топки, и все дрожало, напрягалось и несло вперед послушную и могучую машину.

Множество сложных дел узнал Алеша за трое суток пути. И Грузинов, и помощники его, и кочегары, и смазчики, — каждый объяснял ему свое дело, и он стал понимать понемногу, какого ухода требовал за собой паровоз, как

надо следить за его котлом, чтобы не было в нем ни течи, ни накипи, и что каждый человек в этом деле дополнял другого. Нравился ему второй помощник Грузинова — молодой веснушчатый машинист Ерикеев. Чаще других присаживался он к нему, чтобы подробнее все объяснить.

— Ты, друг, когда на дорогу выйдешь — будет все наше железнодорожное горе уже позади. Тут за один год все кругом изменилось. Возьмем, скажем, смазчика. Раньше он знал только одну свою буксу, а сейчас в нашем поезде он тебе и слесарь, и автоматчик... и может все исправить сам, а не дожидаться станционного слесаря. Возьми машиниста. Раньше чуть что — и сейчас же в депо... а сейчас весь мелкий ремонт сами делаем. Значит, и знаний у меня больше, и цена мне другая.

Он сидел рядом на железном стульчике, положив ногу на ногу. Крылья веснушчатого его носа были испачканы маслом. И хоть по-комсомольски заломлена кепка, а есть уже сноровка бывалого машиниста в сильных его, с закаченными рукавами, руках. На новую большую дорогу выходила молодежь, и было ей больше простору, чем в свою пору старому машинисту Грузинову. Вторично, как и на работе в тайге, почувствовал Алеша круговую спайку людей и общую цель, которую твердо знали они.

Весело было, просунув голову в окошечко двери, отдавать себя потокам, ливням теплого воздуха, нюхать запахи тайги, горных рек, робких, неярких и уже отцветающих на небогатых лугах цветов. Большие реки проходили иногда под мостами. Они были беднее Амура, и скудные их берега еще не тронул человек. Тысячи их неразбуженных сил еще дремали, готовые ринуться, чтобы преобразить этот край. И Алеша вспоминал мечтания Черемухина. Он вспоминал еще Дементьева, первого своего учителя, шаткий вагончик, голубые занавески на окнах и долгий ночной разговор, похожий на посвящение в жизнь...

На четыре часа раньше срока привел Грузинов к конечному пункту свой по-

езд. Их ждали. Играл оркестр. На кучмачевых полотнищах были написаны имена машинистов и смазчиков, участников этого рейса. С жезлами на промежуточных станциях передавали на паровоз букеты цветов. И рукопожатия, и толпа встречавших людей, и музыка, — от всего этого застилало Алешу тем легким туманом волнения, когда хотелось самому стать участником каких-то будущих славных и необыкновенных дел...

Три дня, полный еще всех этих впечатлений, провел он в доме Грузинова. На стене в черной рамке висел портрет утонувшего сына. Был бы длиннолицый мальчик сейчас ровесником Алеши, и Грузинов снова, как и в первую встречу, искал в юношеских Алешиных чертах черты сходства с сыном. Нет, другим был этот коренастый паренек, с ежиком коротких волос, с золотой шелухой загара, слезавшей с обгорелого носа, — но в одном было сходство: в его устремленности, в том, как с широко раскрытыми глазами встречал он каждое впечатление жизни... Теперь пора была возвращаться в Хабаровск. Еще через две недели начнутся приемные испытания в техникум. Вдвоем со старым своим школьным товарищем хотел Алеша повторить некоторые пройденные в школе предметы.

— Ну, думаю, будет полезен для тебя этот пробег, — сказал Грузинов. — Подожди, войдешь в дело, поймешь механику, узнаешь, за что мы здесь боремся, — вдвое больше машину оценишь. Машина, как человек: чем больше за ней ухода, тем лучше она себя перед тобой оправдывает. На живое ты дело идешь, Алексей, — заключил он. — Раньше я бы тебе на транспорт итти никак не советовал. Мертвые люди сидели, и было это дело самым отсталым делом в стране... тут инструкций одних, да правил эксплуатации, да ревизоров, да чиновников — утонешь. А теперь мы здесь, на Дальнем Востоке, за восемь тысяч километров от Москвы, только первую пробу делаем, а за нами уже следят, одобряют. Погоди, погоним мы с этим паровозом поезд до самой Москвы, покажем, что при хорошем уходе

может дать паровоз, сломаем старые нормы и правила. Дух, Алеша, в человеке другой, а отсюда и смелость, и уверенность. Да и знаешь, за какое дело ты борешься... Может быть, придется еще и нам, старикам, Красной армии послужить. — И Грузинов задумался. Дубовый шкафчик у стены был полон книг. — Квартирку эту мне дали, — сказал он еще, отвечая какой-то внутренней горечи, — жена-покойница не дожила, не узнала. Цветы вот люблю, да ухаживать некому.

И Алеша увидел такие же слабенькие голубенькие примулы в горшке, какие стояли в вагоне Дементьева. Чем-то сближали сейчас цветы двух этих непохожих людей. И синяя рубашка с широким отложным воротничком, и пиджак, сменивший рабочую куртку, — все это изменяло знакомый облик машиниста Грузинова, и только вешееся масло под ногтями никак не отмыть.

Два дня спустя Грузинов подсадил Алешу к знакомому проводнику пассажирского поезда. Он стоял на перроне, высокий, худой, в фуражке машиниста с серебряным галуном.

— Ну, брат, отца увидишь — скажи: шурует еще Грузинов, вперед глядит... нынче на полустанке не пропадешь за пятак. Работу покажешь, тебя и на полустанке найдут, стрелочники ордена получают, машинисты начальниками дорог становятся. Все пути в этом деле — главные, а запасные и тупики отменили...

И он улыбнулся, и длинная худая рука долго еще махала на прощание фуражкой машиниста. Уже стремился ускорять ход поезд — на восток. Алеша стоял у окна вагона. Ветер пугал его волосы и забирался в рукава. Пожелтел и готовился к осени мелкий кудрявый лист дубового подростка. Скоро знакомо задуют с севера ветра, и короткое это, последнее для его, Алешина, детства лето останется далеко позади. Не выйти ему уже бродяжить с ружьем, встречать птичьи перелеты и бить тяжелых гусей, с гоготом и хлопаньем крыльев приносящих весну. Всеми помыслами, всеми соками жизни, которые впитал он в себя с детских

лет, он любил этот край. Далекие хребты, похожие на хребты Сихотэ-Алиня, знакомый бурелом тайги, однорукие березы на каменистой почве, — все пронеслось назад, с каждым километром приближая к Амуру... Он смотрел на эти знакомые видения края, губы его шевелились. «Люблю тебя, Дальний Восток! Люблю твои сопки, твои пади, твой колючий кустарник... Кто раз пил воду из твоих рек, бродил по твоим сопкам, продираясь сквозь заросли, встречал охотничью весну на Амуре, — тот не покинет тебя никогда...» — так или похоже на это мог бы сказать он сейчас.

Печальная по-вечернему тайга бежала за окном. Три домика стояли среди леса на сопке. В двух горел уже свет, один был темен и пуст. Он напомнил ему дом отца над рекой, сырой вечер весны, когда отрывали они доски с заколоченных окон, и как дом этот ожил и наполнился теплом, и как в него вернулась Аниська... Счастье и грусть — всего было понемножку на душе в этот час, но все же больше всего было счастья. Почти ощутимо лежало в груди счастье двигаться, жить и любить, чувствовать свою жизнь отданной этому краю, а через него всей стране, которая с надеждой и ожиданием встречала его юность.

... Он рано проснулся в маленьком и тесном служебном купе. Пахло здесь хозяйственно хлебом и многодельным холостяцким жильем. Сейчас на рассвете должна была пройти та знакомая станция, куда привез его в свое время Дементьев. Он вышел в коридор и встал у окна. Желтый лист у березы, и смуглые отсветы ложились в вагон. И вот прошла она, эта маленькая станция, некогда забайкальский глухой полустанок. Была она как бы началом его вступления в жизнь, откуда только простиралась основная дорога, предстоящий ему главный путь. И, может быть, еще через полгода, остановится у ее водокачки Грузинов, чтобы набрать воду для своего паровоза, с которым поведет он поезд до самой Москвы...

XVI

Острова на реке зарыжели бурой травой. Стремительно, не останавливаясь, летели птичьи стаи на юг. Было среди птиц беспокойство, предвещавшее раннюю зиму. Осенняя кета уже кончала свой ход. Последние рыбины разделялись и вялились на вешалах. Берег был покрыт чешуей. Собаки сидели возле женщин и слизывали с земли рыбью кровь. Их тощие бока были поджаты. Утки цепочкой тянули над рекой. Лес на правом берегу стоял в воде. Амур тучнел и разливался, как обычно осенью. Дальние сопки белели по утрам, становились опаловыми, — это значило, что на вершинах уже держится иней.

Под вечер Аниська услышала, как летят гуси. Высоко в небе острым своим треугольником, с вожатым впереди, летели они на юг, и одинокое перо, крутясь в воздухе, упало к ее ногам. Она подняла это нежное гушиное перо, как бы сброшенное ей на прощание. Бледнозеленое небо стыло. Красные, как драконы или рыбы из южных морей, лежали неподвижно на нем облака. Солнце садилось в Амур. Рыжеватый его глянец был чешуйчат от воронок быстрин. Она вспомнила вечер в доме отца, большого золотистого сазага, которого волочил он под жабры, уху в котелке и чувство грусти и ожидания, подсылавшего ветерок в самое сердце... Но лето было позади, и начиналась осень. Уже привезены материалы для школы, которую начнут строить с весны. Нужно было выбрать теперь подходящее место, чтобы видна она была далеко с реки.

И Актанка выбрал такое место. Дубовый лесок спускался от этого места с холма, и солнце должно на закате отражаться в окнах будущей школы. Летней кеты в этом году было мало, но осеннюю взяли хорошо, и колхоз опять выполнил план. Весной начнут строить новую школу, кирпич, доски, кровельное железо и оконное стекло уже завезены пароходами и лежат сложенные на берегу. Все хорошо. Теперь кончат с рыбой и начнут гото-

вить нарты и снаряжение для охоты. Может быть, удастся сколотить еще одну бригаду из молодых охотников. Дети уже кое у кого подросли, и пускской приучаются к охотничьему делу. В промартель прислали заказ на нанайский рисунок из самой Москвы. Будут готовить торбоза и рукавицы для выставки. Кажется, еще дальше повезут эту выставку — в самый большой город на свете.

Пароходы завезут еще материалы и продовольствие на зиму. Потом Охотсоюз должен прислать порох и дробь. Занятия в школе уже начались, и в этом году не нужно было напоминать родителям, чтобы везли детей в интернат. Теперь коровы. От бычка, которым в прошлом году премировали колхоз, есть уже потомство: двенадцать коров принесли телят, и только две коровы оказались яловыми. Приплод дали и свиньи, и куры неслись все лето и еще несутся. Для детей есть молоко и яйца, это тоже хорошо. Печь в пекарне исправили, она больше не дымит, и Чепуренко выучил двух нанайских женщин месить тесто и ставить хлеба в печь. Актанка пробовал их хлеб, это совсем хороший хлеб.

Теперь больница. Облздрав обещал прислать медикаменты и сверильную машину для зубов. Нельзя, если у человека заболел зуб, просто его дергать. Нужно лечить сначала. Насчет сверильной машины он, Актанка, писал в Хабаровск, и из Хабаровска писали в Москву. Теперь прислали машину. Она стоит в амбулатории. Сам Актанка дал себе сверлить зуб. Фельдшер нажимал педаль, и иголка визжала в зубе, но он вытерпел. Теперь зуб не болит, и в него налили железо. А железный зуб может долго служить человеку. Значит, с больницей тоже хорошо. Люди хорошо работали в эту осень, и каждый получил по своей работе столько рыбы, что хватит до самой весны. Весной пройдет лед, и тогда до хода летней кеты можно прокормиться сазаном или даже убить острогой большую ади — калугу, случается и это.

Кроме того, это третий год, как прибавляется население в колхозе.

Раньше больше умирало людей, чем рождалось. В этом году умерло пять стариков и старух, а родилось девять детей, из них четыре мальчика. Это, конечно, тоже большое достижение, если нанайского народа будет становиться все больше, а не меньше, как было до сих пор. Да, еще одно дело, которое тоже касается колхоза. Дуся Пассар уехала учиться в Институт народов Севера. Много людей из колхоза провожало ее, когда она садилась на пароход. Это первая нанайская женщина из стойбища, которая поехала учиться так далеко. Теперь она вернется уже не «ликбезкой», а врачом, может быть. К тому времени построят новую больницу, это тоже возможно.

Но вот еще одно большое событие: из Хабаровска прислали для школы новый букварь. Букваря до сих пор не было, и учительнице приходилось писать слова на доске. Актанка пришёл раз под вечер к Заксору. Заксор набивал патроны — готовился к охоте. Новую никелированную кровать уже привезли из Хабаровска, и она блестела у стены своими шишками. Над ней висело ружье, которое он получил за работу в тайге. Начальник партии прислал ему две фотографии: как охотник стоит у ключа, и вода льется из колоды. Эти фотографии висят на стене. И большой новенький портфель лежит у стены, на самом лучшем месте, где в нанайском жилище стояли обычно сеоны. Было у него, Актанки, с сеонами такое дело. Его старуха ни за что не хотела, чтобы он унес их из дома. Ая-ми она еще отдала, но Джулин¹ считался покровителем дома, и с ним она не хотела расстаться. Он, правда, так хорошо стоял на своих широко расставленных ногах с согнутыми коленями. Тогда Актанка перехитрил старуху. Он сказал, что и амбар ведь тоже относится к их дому, а значит, где бы ни находился сеон, покровительство от этого не станет меньше. И он унес последнего сеона в амбар.

Два дня Актанка теперь не был до-

¹ Аями и Джулин — идолы, считавшиеся покровителями семьи и дома.

ма, уезжал по делу на большой лодке в соседнее стойбище. За эти два дня пришел пароход и выгрузил груз. Часть груза Актанка видел — это была мука и несколько бочек с керосином, но ему сказали, что Заксор унес с парохода большой ящик. Что было в этом ящике? Теперь Заксор мог улыбнуться. В ящике были книги для школы. Но самое важное, что прислали нанайский букварь, восемьдесят чистеньких новых книжек букваря. Он сейчас покажет этот букварь. Книжки были недавно отпечатаны, и можно даже понюхать, как они пахнут краской. Учительница дала ему одну такую книжку, чтобы он посмотрел в ней картинки.

Он отложил патроны и достал из портфеля красную с черным книжку. Его, Актанку, крестил в свое время русский священник. Православное имя ему дали Иван, Ваня. Он даже знал наизусть «Отче наш» и «Богородицу», и другие молитвы. Читать он не мог, писать тоже не мог. Была одна нанайская книжка прежде — «Хонггуль пичьха Матффейдди»¹, но это было тоже про бога. Вот теперь есть книга, по которой нанайские дети могут учиться читать и писать. Это очень нарядная книга с нанайским елга² на переплете, и называется она «Новый путь». Это наверное очень хороший новый путь, если на переплете нарисованы еще нанайские пионеры с красным знаменем, на котором написано «Ленин».

Потом Заксор открыл книгу. Большая усатая рыба лежала на дне реки. Это лаха — сом, тут нечего сомневаться. А хулу — белка — тоже нарисована здесь. Есть здесь и хомут собачьей упряжки, есть скребок для обработки кожи, есть утка — гаса, есть навес, под которым сушится юкола, есть рыбья кожа, есть бурундук. Вся нанайская жизнь тут есть в картинках. Они листали книгу и узнавали знакомые предметы.

— Муэду! — воскликнул Заксор, — он узнал выдру. — Согбо — рыба кожа — тоже есть! И хурмэ³ есть!

¹ Евангелие от Матфея.

² Орнамент.

³ Игла из рыбьей кости.

Теперь Актанка был доволен — толковый человек составлял книгу, ничего не забыл из нанайских дел. Нанайские люди составляли книгу, нанайские люди, которые учатся в Институте народов Севера. Дуся Пассар тоже уехала учиться в институт, колхоз ее выдвинул. Теперь есть Майла Оненка, которая осталась вместо нее работать среди женщин. Все четыре мальчика родились в родильном доме, и теперь еще две женщины готовятся скоро рожать. Эти будут тоже рожать в родильном доме. Тут летом он собрал правление колхоза и женщин из женской секции, чтобы осудили Чунсэ Киле, который заставил жену рожать в шалаше. Постановили: осудить поступок. Даже его старуха, которая не хотела расстаться с сеоном, и та говорит, что правильно рожать женщине в доме для родов.

Много разных мыслей и разговоров вызвала эта нанайская книга. Хорошо. Теперь он спросит еще охотника про другое: видел ли тот рано утром, как на дальней сопке лежал первый снег? К полудню он растаял. Но птицы сильно беспокоились и рано начали перелет. Теперь уже почти все улетели. Значит, зима близко, и надо собрать охотников и распределить бригадиров. Что он думает насчет сыновей Одзяла, Оненка, Пассара и его, Актанки, младшего сына? Мальчики уже подросли, и хорошо бы из них сколотить бригаду, назначить им опытного бригадира и дать задание. Пускай соревнуются с другими.

Что же, можно сделать бригаду из молодых и назначить бригадиром, например, Онгачи. Онгачи был инструктором по физкультуре, он должен справиться. Нужно было посоветоваться еще насчет других дел. Охотсоюз прислал план заготовки пушнины. В прошлом году белка шла хорошо, был урожай, на кедрах было много орехов. Этим летом дождей совсем не выпало, даже пожгло траву, и неизвестно, хватит ли для скота сена. Если белка не пойдет, за счет какого другого зверя можно выполнить план? Тут было много срочных вопросов. И есть еще

один самый срочный вопрос, но для этого нужно созвать совещание охотников.

И Актанка пошел дальше. Прежде всего следовало зайти в промартель передать телеграмму из Хабаровска, потом побеседовать с инструктором колхоза, приехавшим в его отсутствие из Малмыжа. Затем созвать совещание. Тут будут два вопроса: предстоящая охота и оборона. И он проделал все эти дела и созвал совещание.

Совещание началось в правлении колхоза. Скамеек нехватало, и сидели на окнах. Пришли все охотники, даже самые молодые, из которых впервые формировали бригаду. Первому Актанка предоставил слово Бельды. Бельды был старшим пионервожатым и имел значок ворошиловского стрелка и значок ГТО. Значки зря не дают, и Актанка смотрел на них с уважением.

— Каждый нанай должен быть готов к обороне, — сказал Бельды. — На Уссури на одном берегу наши люди живут, на другом берегу живут чужие люди. Каждый день какие-нибудь чужие люди могут пробраться на нашу сторону. Японские люди в Манчжурии делают сейчас совсем худо китайским людям. Японских начальников и солдат нанайские охотники на Уссури и Амуре должны помнить. — Актанка кивнул головой — очень хорошо нанайские охотники помнили японцев. — Теперь вопрос обороны. Что нанайские люди могут сделать, если японские или манчжурские люди нападут? Охотник может стрелять. Хорошо. Наверное, нанайские охотники лучше других могли бы сдать норму на ворошиловского стрелка. Будет совсем хорошо, если молодые охотники запишутся на соревнование. — Все молодые охотники хотели записаться на соревнование. — Хорошо. Но это еще не всё. Худые люди могут прилететь на самолете и бросить бомбу на стойбище. Есть такие бомбы. Если разрываются, то одних убивают, а другие начинают чихать или плакать, так есть им глаза, и яд сжигает внутренности. Мало уметь хорошо стрелять из ружья, нужно уметь пользоваться маской, которая оберегает от яда, и жен-

щины должны учиться перевязывать раненых.

Актанка слушал и кивал головой. Он хотел дополнить речь Бельды.

Если колхоз выходит на одно из первых мест по выполнению плана, то он должен не отставать и по обороне. Недавно из Хабаровска опять передавали по радио, что японские люди перебрались на нашу сторону и начали бой. Если нанайских людей очень мало, чтобы идти в Красную армию, пусть учатся, как защищать. Японские люди, манчжурские люди могут начать на Амуре войну. Что тогда должен делать нанай? Вот он, Актанка, и Заксор, и Кие — все старшие могут рассказать, как были японские люди на Уссури. Его, Актанку, били ружьем по спине, потом японский начальник ударил его саблей по голове — вот след, можно видеть.

И он наклонил свою голову и показал след от сабли. Теперь он говорил горячо, и кривой длинный его зуб, росший, как клык, вызывал уважение. Такой зуб мог быть только у старшего человека, и Актанка был здесь старше всех. Пусть Заксор теперь расскажет, как они спасали от японских людей Дементьева. Кто не забыл нанайских охотников за пятнадцать лет? Дементьев не забыл. Кто позаботился, чтобы прислали для школы тетради и книги? Дементьев подтолкнул. Раньше что имели нанайские люди? Китайский купец приходил, все отнимал. Все кругом обманывали нанайского человека. Сейчас школа есть. Молоко есть в колхозе. Рыба есть, для всех хватит. Интегралсоюз, Рыбаксоюз — все помогают. Нанайский человек пропасть не может. Это много лет не все понимали. Были такие — думали, как нанай прежде жил, пусть так живет. Перминка шаманил, Мокона шаманил — для них лучше, когда нанайский народ темный, тогда шаман старший человек, самый главный. Теперь светло немного стало, все видеть можно. Куда Перминка вел — тоже видеть можно. Перминка человеку, который пришел из Манчжурии, песни собирал, в колхоз уговаривал не идти — Перминка ему первый помощник был. Те-

перь все видно стало. Если он не так говорит, пускай другой скажет.

Но все сказали:

— Все верно говоришь!

— Если верно говорю, пусть Бельды дальше насчет обороны скажет.

Но Бельды перебил Заксор. Он раньше хотел сказать по порядку. Все замолчали и стали смотреть на него. Теперь он почувствовал, как быстро вдруг стучит его сердце.

— Дементьев — анда¹, друг нанайских людей. Давно стал друг. Еще когда японские люди были на Уссури, стал друг. — Он поднял руку, потом опустил ее. — Теперь идет вода. Пускай нанайские люди тоже помогают немного. Москва далеко, тысячу солнц наверное надо итти до Москвы. Если какой нанай пойдет Москва, пускай скажет: нанайские люди живые стали. Раньше были как мертвые. Нанайские люди и удэ, и гилацкие люди, и все люди, которые живут на Амуре и на Уссури, и на Сунгари, и на Даубиху, и на всех реках живут до самого моря, — все живые стали. Вот. Я сказал.

Теперь он дышал так, как будто бежал издалека или поднимался на сопку.

— Все верно, — сказал Актанка. — Теперь имеет слово Бельды по порядку. Сначала запишем вопрос обороны в протокол. Пускай пишет Бельды. Слушали насчет сдачи нормы. Постановили: сдать норму всем молодым охотникам. Пускай кто записался, скажут имена.

Все стали произносить свои имена. Бельды записывал.

— Хорошо. Второе дело насчет обороны: провести собрание женской секции. Почему Дуся Пассар может иметь значок ворошиловского стрелка, а другие не могут?

Это было горячее совещание. Насчет обороны колхоз тоже не останется на последнем месте. Теперь в школе учатся физкультуре и сдают нормы. Ворошиловский стрелок также и хороший охотник, и это тоже нужно колхозу для подготовки молодежи. Потом от вопросов обороны перешли к вопросам предстоящей охоты. Актанка доложил план

заготовок, присланный Охотсоюзом. Тут начались споры. Споры шли о белке. По одним приметам белка не пойдет в этом году по кормовым лесам. Ореха родилось много на месте, и ей незачем кочевать. Но были и другие приметы: зима начинается рано, и может случиться, что заготовленных запасов белке нехватит, и ей придется выйти из гнезда на охоту. Затем еще вопрос: возьмется ли Онгачи быть бригадиром в бригаде молодых? Перечислим имена пятерых молодых: сын Одзяла, сын Актанки, сын Оненка, сын Пассара. Еще сын Дигра. Но мнения разделились: Ходжеро Тумали полагал, что лучше придать к каждой бригаде взрослых одного молодого, чем формировать бригаду из одних молодых. Со взрослыми молодые лучше научатся опыту. Это было, пожалуй, правильно, и большинство склонилось к мнению Ходжеро Тумали.

Только к вечеру кончилось это долгое совещание. Актанка был утомлен и доволен. Жил и шумел колхоз, и совещание было бурное, и люди горячились. А раз все это так, то значит, что все идет своим правильным путем и вперед, и колхоз занятого места не уступит. Трудно он занимал это место. Был год — сам Актанка не верил, что получится что-нибудь из этого. Очень много сил было против. Много стариков было против. Еще разные люди тоже вели агитацию, теперь это ясно. Но вот второй год колхоз выполняет план, и есть уже люди, которым можно доверить дело. Молодые тоже выросли, стали помощниками. Все идет вперед, а раз пошла вода вперед, никто повернуть ее назад не сможет. Теперь можно отдохнуть на канах, выкурить трубочку и рассказать старухе обо всех новостях, какие полагается знать женщине. Охотничьи дела — особые, и о них женщине много не расскажешь. С Амура дул ветер, и явственно старым охотничьим нюхом чувствовал Актанка в нем приближение зимы.

И он вернулся домой и прилег отдохнуть на каны, и поделился новостями со старухой и с женами сыновей.

¹ Друг.

Все в классе прибрано, и дети сидят на своих местах, все тридцать шесть человек — мальчиков и девочек. Один букварь полагается на двоих, и на каждой парте раскрыта книга. Осень уже оборвала листья на деревьях, и дубки за окном стоят голые. Теперь по утрам можно увидеть снег на далеких сопках.

Скоро первое сало поплывет по Амуру, и настанет зима. Все в школе готово для зимних занятий. За лето отремонтировали крышу, поправили парты; прислали учебные пособия и тетради. Новенький букварь лежит перед школьниками. Уже прошли в нем все начальные простые слова, и теперь дети читают и составляют фразы. Столик учительницы стоит перед всеми этими партами, и отсюда видно, кто и как себя ведет за уроком. Два мальчика из соседнего стойбища ссорятся из-за перьев, и их пришлось рассадить. Девочки имеют привычку охорашивать друг дружку гребенкой. Это тоже не годится во время урока. Теперь диктант состоит уже не из коротких односложных слов, а дети пишут целые фразы. Некоторые из них еще год назад не видели ни карандашей, ни тетрадей. Их привезли из самых глухих стойбищ где-то в стороне, на протоке.

— Тихо! — говорит Аниська. Становится тихо. Все смотрят на нее. — Пусть читает Уку, — говорит Аниська.

Девочка встает с последней парты и берет книжку. Халатик на девочке — татуо — аккуратный, и черные ее волосы поддерживает круглая гребенка.

— В нашей школе библиотека есть, — начинает читать Уку. Так она и произносится по-нанайски: библиотека. — В библиотеке много книг есть. Учиться кончив, Онгачи в библиотеку книгу взять отправился, чтобы читать. Во взятой им книге написана Ленина жизнь, — как жил и работал. Онгачи вечером взятую книгу семье всей, вокруг стола севшей, читал. Ту читавшуюся книгу семья с большим интересом слушала. Старший брат Онгачи сказал: «Верно, Ленин, когда стал взрослым, до

смерти за власть рабочих и бедняков с богачами и царем дрался¹.

Голос у девочки звонкий, и читает она, чуть запинаясь. Аниська стоит у стола и слушает.

— Хорошо. Садись, — говорит она. — Теперь пусть продолжает Киксо.

Она идет к его парте и показывает, какой отрывок он должен прочесть. Киксо — сын Самара, бригадира по лову. Киксо — пионер, и красный галстук повязан вокруг его шеи. Почти у каждого в классе повязан пионерский галстук, и только новенькие в младших классах еще отстали. Киксо читает отрывок. Недавно он выступал в радиостудии с чтением стихов, и читает он громко и свободно.

— Нанайские колхозы рыбу, мясного зверя мясо привезли; русские колхозы муку, картофель, коровье молоко привезли; корейские и китайские колхозы рис, морковь, огурцы, еще разные огородные овощи привезли. Колхозы свои товары в городе живущим рабочим людям продают. Рабочие люди из города на заводах и фабриках сделанные вещи колхозам посылают. Кулаки колхозной торговле мешают! Их не слушайте! — заключает он громко, как читал в радиостудии стихи.

Урок русского языка продолжается. Вот уже научились читать эти недавно дичившиеся девочки и мальчики. Испуганно и исподлобья смотрели они в первый день, и девочек приходилось отрывать от матерей, и матери не верили, что дети их будут в порядке. Интернат при школе открыт третий год, и теперь нехватает мест, и в новой школе придется число мест удвоить. Пусть прочтет теперь Моми — маленькая девочка, самая тихая и самая способная. На школьной выставке рисунков ее рисунки были самыми лучшими. Пусть она продолжит отрывок, который начала читать Уку. И Моми читает, — голосок у нее трогательно-тонкий, и старательно, чтобы не запнуться, она произносит слова.

— Ленин трудящихся и бедняков

¹ Так в дословном переводе располагаются слова на нанайском языке.

вождь, — читает Моми. — Все трудящиеся и бедняки Ленина уважают. Богачи поэтому Ленина ненавидят... Ленин умер, но все, что он делал, все живое. Вождь партии — Сталин. Сталин — самый лучший ученик Ленина. Сталина каждый человек знает.

Вот уже вырастает это новое поколение. В будущем году построят семилетку, и из семилетки можно идти в техникум и дальше — в высшую школу. Теперь еще диктант. Книги отложены, и ученики с шумом достают тетради. Аниська ходит между рядов и диктует. Наклонены над партами стриженные головы, скрипят перья. Некоторые девочки от усердия подпирают щеку языком изнутри. Диктант труднее чтения.

— Канчу по реке вверх поднялся. Потом в тайгу пошел. В тайге изюбря увидел. Изюбря увидев, выстрелил.

Все понятия знакомы, и так скорее запомнишь, как изображать их этими новыми крючочками в тетрадях. Пароход идет по Амуру. Аниська теряет на минутку нить, она смотрит через окно на пароход, потом продолжает:

— Изюбря убитого острым ножом освежевал. Потом мясо и шкуру отнес к оморочке.

Теперь кончен урок русского языка, и следующий — после перемены — арифметика.

И зима наступила. Ночью пошел снег. Сразу вдруг забелело за окном. Аниська накинула платок и вышла во двор. Густо и торопливо валил с неба снег. Она стояла в темноте ночи и слушала. Ни одного звука не было слышно в стойбище, не лаяла ни одна собака. Огромный скованный Амур смутно белел внизу. Мгла стояла над ним. И, как в далекую весеннюю ночь пролетали полчища гусей, сыпая вниз легкий подкрыльный свой пух, так полчищами неслась зима, и белые нежнейшие хлопья покрывали плечи Аниськи. Одна, в тишине ночи, встречала она зиму. Грудка ученических тетрадок с диктантом о Кунчу, убившем в тайге изюбря, осталась лежать на столе в ее комнате. Далеко в Хабаровске был Алеша. Наверное, вернулся уже на зиму в родное

село на Уссури отец. Она выбрала для себя это далекое стойбище. Не одинока ли она здесь, не переоценила ли она свои силы? Нет, непередаваемо богата она здесь и необыкновенно счастлива. Годы разлуки пройдут, и тогда сможет она рассказать Алеше, чем жила она все это время, как поднимается и растет на ее глазах маленький народ, как растут его новые дети, которые принесут ему культуру и грамотность; как горит огнями на десятках верст Комсомольск, к которому еще через год или два протянется уже линия железной дороги...

Вот он лежит перед ней, засыпаемый снегом, одеваемый зимой Дальний Восток. Она стоит одна на пороге старой школы. Через год новая школа уже поднимется на холме, видная с любого парохода, который идет по реке. Охотники уходят в горы бить зверя. Где-то, в сторожкой тишине этой ночи, на подступах и на рубежах страны стоят дозоры. Они всматриваются в снежную и непроглядную ночь, поднимают нижние ветви деревьев, под которыми может укрыться человек, об'езжают верхом границу. Может ли с ними, с ученическими тетрадками, которые ждут ее поправок, со всей этой новой и разбуженной жизнью, чувствовать она себя одинокой? Летит зима, и такое же невнятное счастье и предчувствие от нее в сердце, как в далекие ночи весны. И легкий холодный пух, который касается лица и тает на щеках и губах, и тишина спящего стойбища, и охотничьи нарты, готовые уже для похода в горы, и большая река Амур, простертая до океана, как дорога в будущее.

Так, с похолодавшими от снега щеками, стояла она возле дома. Все было по рукой юности, юности впервые пробужденных народов, и самой страны, и ее, Аниськиной, и Алешиной юности. И тогда не страшны ни эта первая зимняя ночь в глухом стойбище, ни одиночество на речном берегу, ни оторванность от всего мира. Тысячами нитей и голосов связан он сейчас с ней, — может быть, больше, чем если бы она сама была там, в самом шумном и большом его городе.

И где-то, в далекой его сердцевине, есть сейчас человек, который наверное тоже не спит, ходит по большой ночной комнате, курит, присаживается к столу, всматривает иногда на карту страны, где и не найти даже следа этого стойбища. Но он думает и об этом стойбище, и о маленьком народе, который должен работать и жить, и даже о ней, Аниське. Всем существом чувствует она, что не безразличны для него ее труд и первые ее надежды, и судьба ее юности...

Теперь можно вернуться в дом и с облегченным сердцем, освеженной этим приходом зимы, сесть за ученические тетради, где со столькими ошибками и старанием описано, как охотник Канчу убил в тайге зверя.

XVII

Медведь спускался к реке есть поспевающий виноград. Если хорошо взглядеться в следы, можно увидеть, как обламывал он на ходу вершины плодовых дичков и драл пихту. Ее ободранная кора висит до сих пор затвердевшими клочьями. Шерсть с его лап вклеилась в смолу, и это тоже хорошо видно охотнику. Снег еще рыл и пушист, и трудно отличить, какой зверь дырявил его своими следами. У каждого зверя по особому устроена лапа. Вот может показать он, Заксор, молодым охотникам, как бежал по снегу глухарь или рябчик. Тонкая витая ниточка следа словно проведена веточкой елки. Иногда и тяжести птицы не выдерживал снег, и видны ямки от ее лапок.

Охотники уже перевалили через главный хребет, и далеко в долине остался Амур. С последней сопки увидели они его сверкающим своим льдом под солнцем. Уже разошлись бригады, каждая в своем направлении, и по вечерам дым поднимается над унтэха, в который возвращаются к ночи охотники. Но сейчас утро, свежий снег выпал за ночь, лыжи легко скользят по нему. И Заксор спускается с сопки в распадок. Все блестит под солнцем, и голубой порошок инея сыплется с сучьев. Белка деловито бежала по снегу, вот остатки об'еденной

ею шишки, следы лапок и четыре горошинки помета. Он наклоняется и осматривает следы зверя. Шел сначала гот прямо, потом забрался в пустую колоту, поискал пищи в дупле. Все блестит, зима началась солнцем. Это хорошая примета для охотника. И он продолжает свой путь.

Ручей завален снегом в распадке. Он бежит с гор, и быстрое его течение буровит снег и оставляет проталины. Много белки нужно набить в эту зиму, не одну шкурку кабарги принести в унтэха, и если попадется сохатый, хорошие торбоза сделает он, Заксор, из его шкуры для Алеши. В таких торбозах не страшно выходить в самые большие морозы в тайгу, и ноге в них тепло и удобно, как в мягком чулке.

Вдруг он замедляет свой шаг и останавливается совсем. Грудка темного помета лежит в стороне под деревом. Он откидывает с плеч боковины гармасы¹ и прислушивается. Все тихо. Помет еще теплый, и неровный перемежающийся след говорит о том, что кабарга только что прошла здесь. Это круглый след самца, у самки он длиннее и уже. Самец дает, кроме шкурки, еще мешочек дорогого мускуса. Кроме того, из его клыков можно сделать отличные шилья. Теперь он сворачивает по следу зверя. Он медленно движется и раздвигает кусты. Главное, чтобы кабарга не увидела человека. Глаз у нее острее чутья, и можно идти к ней из-под самого ветра, только бы она не заметила приближения. След идет вдоль обрыва и вдруг обрывается. Отсюда, с высоты, испуганный человеком, зверь прыгнул вниз, перемахнул через ручей и ушел. Без собаки его теперь не нагнать, а собаки с собой охотник не взял, — шел он налегке на разведку.

Заксор постоял над обрывом. День начался с неудачи. Теперь следует закурить трубочку. Табак всегда возвращает спокойствие охотнику. Если один зверь ушел, нужно искать другой след и вернуться по следу с собакой. Он выкурил в несколько затяжек свою трубочку. Потом он сдвинул шапку и вы-

¹ Матерчатая шапка с наушниками до плеч.

тер пот на лбу. Путь дальше лежал через сопку. Глаза начинали болеть от блестящего снега. И он пошел дальше. Если много удастся набить зверя в этом году, — может Охотсоюз прислать грамоту колхозу, как прислал Рыбаксоюз за сданную рыбу, и тогда вторая грамота будет висеть в правлении колхоза над столом Актанки. Тогда на первое место по Амуру может выйти колхоз, — вот какие возможны дела.

Он стал подниматься на сопку. Внизу, где протекал ручей, лежали поваленные мелкие деревья. Следы крепкого зуба видны на стволах деревьев, есть деревца, с которых содрана недавно кора, и желтоватую маслянистую их сердцевину едва затянуло серым жестким налетом: сохатый проходил здесь не позднее осени. Может быть, это был большой сильный самец, или корова приходила на водопой с теленком. Нет, свежих следов не было на снегу, лоси давно ушли. Солнце поднялось выше, каменная круча, не занесенная снегом, торчала своими ребринами. Дубовый лес рос на горе. Много жолудей падало с его деревьев и перегнивало зимой под снегом. Еще остались кое-где на сучьях сухие, схваченные морозом листья, звеневшие на ветру, как жестяные.

Охотник углубился в лес, стало темнее. Он шел теперь по тропе, торопясь к кедром. Вдруг в стороне, в дубовой поросли, увидел он грудку натасканного мху и молодых веток. Снегу на этой грудке было мало, и видно было, что недавно ее ворошили. Он остановился за деревом и стал всматриваться. Рука его гем временем привычно стянула с плеча ружье. Это было громадное кабанье гнездо, в котором могли сейчас спать кабаны. Он осторожно приблизился. Никто не выскочил из гнезда навстречу, гнездо было пусто. Но свежий кабаньих помест и следы указывали, что свиньи близко. Летом, до осени, расходились кабаны порознь, зимой жили татами. Ни один зверь не слышит так хорошо человека, как кабан — нектэ. Нектэ — самый страшный зверь, в его слыках есть огонь. Щетина его тоже горит, когда он сердится.

Снегу в лесу было немного, и он снял лыжи. Так можно было незаметнее двигаться. Кабан крепкий на пулю зверь. Надо бить его под ухо или прямо в сердце. Если попадешь в другое место, пуля застрянет в его сале, и тогда он станет, как бешеный. Заксор стал наблюдать теперь след. Самец шагает шире, чем самка, и круглые его копыта ясно видны на снегу. Несколько секачей было в стаде. Другие охотники далеко, надо самому взять хотя бы одного секача. Вот вся земля изрыта свиньями. Крепкими своими носами подкапывали они деревья и сваливали гнилые пеньки. Зимой надо жить всем вместе, вместе делать гнезда — натаскивать мох, молодые ветки и дерн, вместе искать пищу под снегом. Под корнями и дерном водились жирные черви, корни папоротника и дикого хрена.

И охотник увидел свиней. Ветер дул ему навстречу, и они не чувствовали человека. Старый матерый секач двигался впереди всех. Земля еще не промерзла, и он поднимал ее носом, как плугом. Его длинные кривые клыки торчали по обе стороны носа. Четыре или пять секачей поменьше искали вместе с ним жолуди. Отдельно паслось несколько чушек с поросятами. Секачи терлись по пути о деревья и хрюкали. За лето шерсть на них сбилась, бока их были черны и тверды от смолы. Только под горлом и брюхом переходила она в желтоватый цвет. По временам они поднимали вздернутое рыло и нюхали воздух. Ветерок дул в сторону охотника, и они не чувствовали его приближения. Поросята, уже подростшие с весны, бежали за матерью. Когда останавливалась она подрить деревцо, поискать под его корнями червей, — некоторые просовывали еще по привычке голову под материнское брюхо. У секачей уже отрастали клыки. Заксор облюбовал себе малого секача. Было ему наверное четыре года, не более. Клыки его уже торчали, как два кривых ножа. Матерый секач тяжел и невкусен, а у молодого секача мясо нежно, и из ровных, несточенных его клыков тоже можно сделать поделку.

Охотник стоял теперь за деревом и выслеживал. Вот чушка с поросятами заслонила этого выбранного им секача. Он выждал. Дуло ружья приходилось между двумя ветками дуба. Теперь секач был на прицеле. Выстрел прокачался, и с деревьев посыпался иней. С хрюканьем и топотом стадо бросилось напролом в сторону леса и мгновенно исчезло. Только два замешкавшиеся поросенка пометались еще по поляне, разом потеряв мать. Секач лежал на боку. Рана под самым ухом дымилась. Длинные зубы были ощерены, и только легкая дрожь пробегала еще в его ногах. Это была хорошая добыча — молодой нектэ, кабан. Раньше старый охотник шел с гидой¹ на кабана и на изюбря, и на сохатого. Есть и у него такая отцовская гида в деревянном футляре. Вот какие глаз и рука были прежде у нанайского охотника!

Заксор достал нож и сильным ударом вспорол брюхо зверю. Толстый белый слой сала хрустел под ножом. Надо было выбросить внутренности, которые прежде всего начинают гнить. Он вырезал сердце, печень и легкие и засовал внутрь снегу. Так зверь сможет пролежать, пока он вернется за ним с другими охотниками. Потом тем же ножом он вырезал у него нижнюю челюсть с клыками. Дома он очистит эту челюсть от мяса, подрубит ее у основания и высушит. Тогда может стоять она на столе, можно на клыки класть карандаш или перо, и пусть будут стоять эти клыки на столе у Дементьева. Он их пошлет ему осенью вместе с торбозами Алеши, чтобы тот не забыл, как бьет нанай зверя на Амуре. Он вытер челюсть о снег и сунул ее в охотничью сумку у пояса. К вечеру они вернутся за убитым кабаном, и тогда весело будет в унтэха, и все будут есть много мяса, пока не свалятся и не заснут от сытости. Можно было убить чушку, поросята не убегают обычно от убитой матери. Иногда удается захватить поросенка живьем. Но у свиньи нет клыков, как у секача, а он искал такие вот клыки для Дементьева.

Солнечный день разгорелся и стоял над тайгой. За дубовым лесом начинались пока еще редкие кедры. Но кедровые шишки обедены и лежат на земле, и это значит, что белка промышляла за пищей. Вот спускается она из своего гнезда и идет вёрхом. Острые иголки колют ей лапы, и тогда она бежит низом по снегу. Множество белчих следов замечает на снегу глаз охотника. Он идет шаг за шагом по следу, след замыкается кругом, и острый охотничий глаз видит белку. Большая сняня белка сидит на вершине пихты. В передних ее лапах шишка, которую она быстро обгладывает. Иней сыплется вниз вместе с шелухой. Выстрел ударяет в высоту, и белка камнем, стучаясь о ветки, падает к его ногам. Пулька попала ей в глазок, и голубая шкурка не повреждена выстрелом. Он привешивает белку к поясу и идет дальше.

Так же идут тайгой другие охотники. Далекие выстрелы слышны иногда — это колхоз бьет белку, колхоз хочет выйти на первое место. И он, Заксор, в тайге не сам для себя ищет удачу, как прежде, а он посланный колхоза. Чем больше он набьет белки, тем будет лучше для всех. Всем нанайским людям будет лучше. Все дети будут ходить в школу. Охотсоюз пришлет много товаров, и каждый сможет купить для себя самое лучшее. Белки болтаются у его пояса. Их одиннадцать штук, на сегодня этого достаточно. Кроме того, убитый кабан. Надо за ним приехать на нартах. Солнце зашло за тучу, и в лесу стало сумрачно. Мелкий слабый снежок посыпал сверху. Теперь хорошо итти к дому, белки болтаются у пояса, он видел следы кабарги, которая все равно далеко не уйдет, и убил нектэ — секача.

И он поворачивает назад и идет к лесному дому. Сегодня можно досыта накормить собак отходами рыбы и свиной требухой. Лыжи легко скользят, палки упираются в снег, ветер бьет в лицо. Когда охотник доволен, он может петь песню. И он поет песню, как пел песню летом на оморочке, и как пел песню, когда летел на самолете.

¹ Копье.

— Зима наступила, — поет он. — Нанайский охотник вышел на охоту. Хана-на-ла, хана-на! Сегодня Заксор убил нектэ. У него были большие клыки.

Удар палками в снег, и он легко, в один прыжок, слетает вниз с увала. Ветка чуть не ударяет его в лицо, он едва успевает наклонить голову.

— Нанайские люди хорошо стрелять могут, — поет он. — Нанайские люди Сегзен еохани¹ помогать будут. Хана-на-ла, хана-на! — Нанайские люди совсем не жили прежде. Теперь живут! — поет он.

Вот место, где он убил кабана. Две вороны поднимаются с туши и садятся на ближнее дерево. Они успели уже выклевать у зверя глаза.

— Заксор убьет большого тд, — поет он. — У Алеши будут хорошие торбоза. Хана-на-ла, хана-на!

¹ Красная армия.

Март 1937. Москва.

И все летит и проносится мимо. Теперь он спускается с сопки в распадок. Здесь под деревом еще виден помет кабарги.

— Кабарга — хитрый зверь, — поет он. — Но Заксор хитрей кабарги. Заксор убьет кабаргу! — Снег густо лежит на сопке, и с такой же сопки, переваливая через главный хребет, в последний раз видели они Амур.—Амур — большая река, — поет он. — Далеко идет, дальше всех рек идет.

Снег сыплет чаще, его срывает с уступов ветерок и поднимает легким дымом над долиной. Скоро все окутывается этим дымом. Один только человек идет сквозь дым, снег стынет на его губах, и белки у пояса покрываются снегом... И еще задолго до его прихода поднимают лай и начинают беспокоиться собаки у дома, — так шумно возвращается с гор человек, и поет песню, и легко скользит на лыжах сквозь дым туман зимы.

Из немецких поэтов

Переводы П. Железнова

ОБРАЗ СВОБОДЫ

Фридрих Геббель

Ты видишь — низвергающийся
с кручи
Поток воды, грохочущий могуче?
Поток, что может на своем пути
Тебя иль уничтожить, иль спасти.

Пророй канал в своей земле — потоку,
Твои поля нальются свежим соком.
Но если встать посмеешь поперек,
Все, что имеешь, унесет поток!

НУЖДУ ГНЕТ ЖЕЛЕЗО

Людвиг Зеегер

«И железо гнет нужда!» —
Хнычет робкий раб труда.
Лижет ручки господам он.
«И железо гнет нужда», мол.
С поговоркой этой горькой
Отправляет хлеб он в рот.
Мы ответим поговоркой:
Нет, нужду железо гнет!
Нет, железо гнуть нужде
Не позволим мы нигде.
Мы за равенство, за братство,
Взяв железо, будем драться.

Мы по всей земле восстанем,
Чтоб сломить тиранов гнет.
Повторять мы не устанем,
Что нужду железо гнет!
Гни нужду, железо, сталь,
Стань кроваво-красной, даль!
Разобьем железом к чорту
Все, что жмет нас хваткой мертвой.
Распростись с женой и сыном
И пускай оружие в ход.
Боже, жен с детьми спаси нам!
В бой! Нужду железо гнет!

Люди и факты

1. Герой Советского Союза М. ВОДОПЬЯНОВ. — Как сбылась мечта 2. Н. ГИЛЬЯРДИ. — Пожар в степи 3. Вадим ОХРЕМЕНКО. — Пляска.

Как сбылась мечта

Герой Советского Союза

М. ВОДОПЬЯНОВ

Утро. Шумные московские улицы. По тротуарам бегут люди. Они вечно спешат, боясь куда-то опоздать. Но сегодня в их торопливой походке чувствуется неуверенность. Все они как будто впервые в жизни привинтили коньки и неуклюже скользят по льду огромного катка. Вот три пионера, схватившись за руки, весело вскрикивают:

— Держись! Не упади!

... В воздухе стояла сырая дымка. Она тонкой пленкой ложилась на асфальт, покрывая его еле заметной, но прочной коркой льда. Март кончался. Погода была отвратительная. Через Москву проходил влажный циклон, сопровождаемый трехградусным морозом.

Затянутое ледяной вуалью окно автомобиля пропускало изломанные силуэты людей, встречных машин, лошадей. Обледеневший стеклоочиститель не работал.

Шофер Павел Иванович мрачно проворчал:

— Ну и погодка! Того и гляди, забросит машину.

— Да, — поддержал я его, — не хотелось бы мне в такую погоду оказываться в воздухе. Не успеешь опомниться, как крылья самолета обледенеют...

А ведь завтра-послезавтра я лечу в Арктику... Услужливое воображение вдруг нарисовало мне такую картину «гроба», что меня мороз по коже подрал!

Я постарался отвлечься воспоминаниями о замечательных конструкциях наших самолетов, о великолепных пилотах, летающих с помощью приборов в любую погоду. Туманы не страшны для современной техники. Летчик свободно летит, не видя земли и неба...

Тут невольно мой взгляд опять упал на покрытое тонким слоем льда стекло автомобиля, и мысли потекли по старому руслу...

— Знаешь, — сказал я шоферу, — вот этого злейшего врага авиации еще не победила техника. Полярники всех стран ломают головы, как изобрести средство против обледенения. Но все опыты кончались неудачей. Враг по-прежнему беспощаден и опасен, а мы бессильны с ним бороться.

... Незаметно мы подехали к Управлению Главсевморпути.

Марк Иванович Шевелев, начальник полярной авиации, поднялся из-за стола. Крепко пожимая мне руку, он спросил:

— Как машины? Готовы?

— Все в порядке, — ответил я.

— Повторяю, — сказал Марк Иванович, — по пути на Землю Франца-Иосифа обследуйте все существующие авиабазы и, если они окажутся недостаточно подходящими для передета основной экспедиции, — наметьте новые.

— А самая главная ваша задача, — продолжал он, — хорошенько изучить условия трассы перелета и обследовать весь архипелаг. Хорошо, если бы вам удалось выбрать базу для экспедиции на одном из островов севернее бухты Тихой.

Шевелев говорил спокойно. Его бледное худощавое лицо было серьезно и холодно. Вот он склонился над папкой со срочными бумагами... внимательно читает... Неожиданно тянется за папирсой, несколько раз подносит ее незаженной ко рту и бросает на стол.

«Волнуешься», — подумал я.

Перед глазами опять, как из шкатулки фокусника, выпрыгнула ледяная вуаль на стекле автомобиля.

— Когда думаете вылететь? — прозвучал ровный голос Марка Ивановича.

«Задание партии и правительства... — мелькнуло у меня в голове. — Просторы Арктики... новые, неизведанные пути, о которых я так страстно и долго мечтаю. Туда — к манящей таинственной точке, к полюсу... Обледенение... Но я верю в свою удачу. Погода, конечно, изменится».

— Какое сегодня число? — спросил я и сам же спохватился: 28 марта.

— Вылетаю завтра утром.

Шевелев довольно улыбнулся.

— Ол райт! Все? Вопросов у вас нет?

Мы расстались, чтобы встретиться на старте.

***

Я спешил домой. Времени в моем распоряжении оставалось очень мало. Надо было успеть еще раз обсудить с участниками перелета некоторые вопросы, а также привести в порядок свои личные дела. Как-никак я улетаю в Арктику: никогда нельзя определенно сказать, сколько времени задержит нас у себя эта «гостеприимная хозяйка».

... У Маруси, моей жены, предательски чуть-чуть дергаются уголки губ, когда она спрашивает о дне вылета.

Я ласково обнимаю ее.

— Чудачка, неужели еще не привык-

ла? Ведь ты мой старый боевой товарищ...

Маруся улыбается:

— Какой там боевой товарищ! Сижу дома и жду от тебя вестей. Вот была бы я механиком, тогда другое дело. Летала бы всегда с тобой. Ни за что бы от тебя не отстала.

— Зачем тебе быть механиком? Ты замечательная мать и жена.

Маруся хотела что-то сказать еще, но ей помешали мои товарищи. Легчик Махоткин, штурман Аккуратов, бортмеханики Бассейн и Ивашина, радист Иванов — гурьбой ввалились в мой кабинет. Экипаж обоих самолетов, готовых к вылету на Землю Франца-Иосифа, был в полном сборе. По обыкновению начались горячие споры. Близость вылета возбуждала мысль, рождались новые идеи и предложения. Меня радовала инициативность товарищей, но как командир я поневоле охлаждал их пыл, когда они уж слишком увлекались.

Махоткин с места в карьер заявил, что он хочет предложить кое-какие изменения в маршруте.

— Какие изменения? Лететь из Архангельска прямо на Землю Франца-Иосифа через Баренцево море? — улыбнулся я.

— Нет, командир, — серьезно возразил Махоткин. — Прекрасно знаю, что это не входит в наши планы. Я хочу предложить глубокую научную разведку в Карском море для составления длительного ледового прогноза. Давайте, полетим из Амдермы через Карское море прямо на мыс Желания, не заходя на Маточкин Шар. Подумайте только, сейчас там зима: какой ценный материал мы соберем. Арктический институт будет нам за него крепко благодарен.

— Об этом еще рано говорить, — возразил я. — Все будет зависеть от того, как мы выполним наше основное задание.

— Как самолеты? — обратился я к Бассейну и Ивашине.

Они ответили мне в один голос:

— В полном порядке.

Тогда я спросил Иванова:

— Рация?

— Проверил, работает хорошо.

— Завтра в 8 утра вылетаем, — напомнил я еще раз. — Советую вам сейчас пойти домой и хорошенько отдохнуть. Остальные указания получите на старте.

Маруся только и ждала, когда я останусь один. Притащила доверху набитый чемодан.

— Вот видишь, все готово.

— Молодец! Ты уверена, что ничего не забыла?

— Давай проверим вместе, — уклоняясь от прямого ответа, сказала она.

— Бритву положила?

Жена подняла руку, как пионер, но ее слова совсем не соответствовали этому жесту:

— Бритву-то я и забыла... Я больше думаю о тебе самом, чем о твоих вещах, — грустно закончила Маруся.

— Ах!.. Подожди минуточку. Сейчас я тебя обрадую.

Жена убежала к себе в комнату и быстро вернулась, держа в руках три новенькие книжки.

— Вот твоя «Мечта пилота». Сегодня днем прислали из издательства.

Я очень обрадовался. Главное — вовремя. Возьму эти книжки с собой, покажу их зимовщикам. Кстати, проверю — такая ли обстановка в бухте Тихой и на Земле Франца-Иосифа, как это описано в моей «Мечте пилота».

— Один экземпляр надо обязательно послать Отто Юльевичу. Надеюсь, не забудешь, Маруся?

Тут неожиданно для самого себя я встал в позу, как будто передо мною большая аудитория:

— Дорогая моя! Ты знаешь? Я уверен, что при нашей советской технике мечта пилота осуществится очень быстро. Она превратится в реальную действительность!

— Я в этом не сомневаюсь, — сказала Маруся. — Но сейчас давай проверим вместе содержимое чемодана.

Когда я поднял крышку чемодана, первым бросился мне в глаза небольшой пакет.

— Что это такое?

— Деньги, 500 рублей.

— Деньги? — Я захлебнулся от хохота. — Что же с ними в Арктике делать? У белой медведицы медвежат покупать? Забирай скорее и не смей людей.

— Ну, остальное, кажется, все в порядке, — сказал я после того, как содержимое чемодана было тщательно пересмотрено. — А теперь пора спать. Завтра — улетаю.

Прежде чем я успел лечь, ко мне подбежал четырехлетний сынишка Мишук.

— Папа, спокойной ночи!

Следом за ним старший, Вова:

— До свидания, папа!

— Надеюсь, будешь хорошо учиться? Неуд не получишь?

— Постараюсь, папа, — ответил он, ласкаясь.

Больше всех меня порадовала дочурка Верочка. Она пришла заключить со мной договор:

— Будем соревноваться: ты, папа, лети на «отлично», а я буду учиться на «отлично».

Долго я не мог заснуть. Собираюсь я в серьезный перелет не в первый раз. Самому смешно, что так волнуюсь.

Арктика, ледяная властительница многих отважных смельчаков, не давала мне покоя в эту ночь. Кажется, все есть для того, чтобы мечта осуществилась: люди, машины, приборы. Чего нехватает?

Вспомнил, как долго мучила меня мысль, найдем ли мы на полюсе большую ровную лдину. Сколько книг о Севере перечитал, сколько раз переходил от отчаяния к надежде!

Нансен, Пири, Амундсен — к ним, старым опытным полярникам, прежде всего обратил я свои жадные взоры. Генерал Берд, конечно, ничего не мог мне дать. Он долетел до полюса только ради рекламы. На фюзеляже его самолета горело имя дочери миллиардера Форда. А вот Амундсен заставил меня крепко призадуматься. В своей книге «Перелет через Ледовитый океан» он пишет:

«Мы не видели ни одного годного для спуска самолета места в течение всего нашего долгого пути от Свальбарда до Аляски. Ни одного-единого! Но требуется опытность для подобного заключения. Я помню, что много раз тот или другой из наших товарищей на борту «Норвегия» восклицал с воодушевлением: «Смотрите, какое замечательное место для спуска!» Четверо из нас, выдавших такие замечательные места для спуска и живших среди них, только взглядывали с улыбкой друг на друга. И эта улыбка лучше всяких слов выражала наше мнение. Несмотря на блестящий полет Берда, наш совет таков: «Не летите вглубь этих ледяных полей, пока аэропланы не станут настолько совершенными, что можно будет не бояться вынужденного спуска!»

Невесело! Выходит, что на дальних широтах аэродрома не устроишь.

Читая того же Амундсена, я познакомился с историей другой его экспедиции 1925 года — на 88° северной широты. Трудно пришлось беднягам! Один из самолетов экспедиции сел на лед, второй — в разводья. Однако обе посадочные площадки оказались очень неудачными. На льду ропаки. Разводья стягивались, грозя раздавить машину. Экипаж самолетов мужественно боролся с природой. И только на 24-й день, бросив один самолет, люди вырвались из когтей белой смерти.

Мне пришлось серьезно призадуматься: машины Амундсена могли садиться и на лед и на воду. Это огромное преимущество, а все же результаты экспедиции — печальные. Но я никак не мог примириться с мыслью, что в районе полюса и на полюсе нет льдин, годных для посадки самолета на лыжах. Сердце Арктики — огромное ледяное пространство. На расстоянии тысячи километров не встретишь ни одного острова. Берегов не видно. Почему же лед должен крошиться? Очевидно, Амундсену просто «не повезло».

Посчитал Фриттиофа Нансена. 14 марта 1895 года Нансен вместе со своим

спутником лейтенантом Иогансеном покинул судно «Фрам» на 84° 04' северной широты и направился к полюсу. В первый же день путешественники прошли, не отдыхая, 11 километров — это не мало! Ясно, что там льды лучше, чем в Чукотском море.

Настроение у меня начало улучшаться. Но особенно порадовала меня одна фраза из повести Нансена:

«Перед нами расстилалась ровная ледяная поверхность».

Я невольно воскликнул: есть там поля для посадки! Можно лететь.

Помню, как лихорадочно схватился я за книги Пири. У него я надеялся найти подтверждение самых смелых своих предположений, и я не ошибся. Правда, Пири, описывая свой поход к полюсу на собаках, говорит:

«Этот маршрут был самым тяжелым за много дней. Сперва мы шли по взгромоздившимся острым льдинам, которые кололи наши ноги сквозь оленьи сапоги и меховые чулки, а затем по крупно-битому льду, покрытому высокими сугробами снега, через которые мы с адским трудом, еле переводя дух, поднимали и тащили сани».

Дальше он рассказывает о тонкой молодой льдине, которая гнулась и трещала под тяжестью саней. Но у того же Пири я нашел такие замечательные места:

«Утро выдалось на-славу, ясное, солнечное: стоял тридцатиградусный мороз и дул легкий ветерок. Итти было значительно легче, чем в предыдущие дни, — широкие многолетние льдины чередовались с высокими, но сравнительно отлогими торосистыми нагромождениями».

Дальше:

«Залитая солнцем неплохая дорога... 3 апреля погода продолжала стоять ясная и безветренная. В начале перехода бесформенные высокие торосы замедлили продвижение, но затем, как только моя партия оказалась на ровном старом льду, мы постарались наверстать упущенное время».

Для меня стало ясно, что ледовая обстановка в центре Полярного бассейна благоприятствует самым смелым нашим дерзаниям...

Теперь совсем по-новому зазвучали для меня слова Пири:

«Мы забрели на самый край от ближайшего клочка суши нашей матери-земли. Нас отделяли многие мили враждебного льда и еще гораздо более враждебной ледяной воды».

«Придет время, — подумал я, — и нас тоже будут отделять от Большой земли бесконечные ледяные пространства». Мне показалось, что я уже ощущаю свежее дыхание Арктики. Скорее туда, на крышу мира! Легко сказать — скорее... 23 года своей жизни отдал Пири, чтобы добраться до оси мира и на этой, прежде недоступной для человека таинственной точке, взять полуденную и полуночную высоту солнца.

Меня манила другая мечта. Простая, реальная, почти будничная, и вместе с тем фантастическая, грандиозная: создать на полюсе зимовку для научной экспедиции и создать ее с помощью наших, советских самолетов.

Снова выплыли тени прошлого, и я склонил голову перед смелыми и талантливыми неудачниками, вписавшими свои имена в историю покорения Северного полюса.

Славные соратники Нансена, Амундсена и Пири — им не было суждено проникнуть в сердце Арктики. Но их дела, большие и малые, не пропали даром: шаг за шагом они разрушали одну за другой неприступные крепости на пути к заветной цели — отвоевывали высокие широты для науки, для цивилизации, для человечества. Нередко этих отважных одиночек считали безумцами. На чью помощь могли они рассчитывать? Только на самих себя и на близких своих друзей.

Совсем иное положение у меня и моих товарищей. За нами стоит родина, могучая и любящая. Ее теплое дыхание согреет нас в ледяных просторах Арктики. Мы не погрузимся в страну безмолвия. Мы будем слышать бодрые, радостные голоса наших близких.

Нам много дано, но с нас много и спросится. Мы не имеем права думать только о рекордах. Нужна большая созидательная работа.

И я нисколько не удивился, когда начальник Главсевморпути Отто Юльевич Шмидт предложил мне разработать проект летной части экспедиции на Северный полюс.

Но тут-то я неожиданно попал в тупик. Как изложить на 3—4 листах докладной записки все свои сомнения, волнения, тревоги? Как дать понять официальной бумажкой, что, перечитывая Пири, Амундсена, Нансена и других замечательных полярных исследователей, я вместе с ними путешествовал по бескрайним просторам Арктики? Вместе с ними переживал десятки опасных моментов, напряженно искал выхода из тяжелого положения, накапливал опыт, учился на ошибках. Часами я обдумывал мельчайшие детали полета на полюс. Почти наяву я видел себя там — на крыше мира.

Говорить об этом сухим канцелярским языком? Нет, не умею! Лихорадочно схватился я за перо и бумагу. Я писал то, о чем думал бессонными ночами. Я рисовал мельчайшие детали подготовки к перелету так, как это рисовало мне мое воспаленное воображение, когда я в сотый раз переживал в мечтах полет на полюс.

Для того, чтобы самому было яснее, какие люди завоюют Арктику, я представил себе, что на полюс летят два отряда на совершенно одинаковых самолетах и с одинаковым оборудованием. Только характеры летчиков, возглавляющих эти отряды, разные: Бесфамильный дисциплинированный, выдержанный, уверенно спокойный. Блинов — чересчур увлекающийся, с замашками рекордсмена.

Сознаться: я видел себя и в том, и в другом.

Блинов, желая опуститься на полюс первым, поторопился, не проверил машину и потерпел аварию.

Советский флаг на полюсе водрузил летчик Бесфамильный.

«Надо быть Бесфамильным, а не Блиновым», — твердо решил я, кончая рукопись.

Так родилась «Мечта пилота» — фантастическая повесть о покорении полюса.

— Отто Юльевич, — сказал я Шмидту, — прочтите, пожалуйста, мое сочинение: это, по существу, проект летной части экспедиции, а бюрократические бумажки я писать не умею.

Прошел месяц... Я получил от Отто Юльевича приглашение явиться к нему вместе с Марком Ивановичем Шевелевым. Этот наш разговор я никогда не забуду. Спокойно и торжественно прозвучал голос нашего любимого ледового комиссара:

— Товарищ Сталин одобрил проект высадки научной экспедиции на дрейфующую льдину в районе Северного полюса.

И тут же добавил, ласково улыбаясь:

— Прочел я вашу рукопись, Михаил Васильевич. Откровенно говоря, она мне понравилась. Начинайте действовать. Прежде всего, я хочу сделать вас стопроцентным полярником. Слетайте на Землю Франца-Иосифа. Выберите базу для экспедиции поближе к полюсу. Этот полет даст вам большой полярный опыт.

Я ушел окрыленный.

... В эту ночь я перебирал в памяти все подробности подготовки к перелету. И когда я снова мысленно прошел путь от зарождения дерзкой мечты к ее осуществлению — уснул так крепко, хорошо, что на рассвете чувствовал себя совсем бодрым и веселым, как будто спал не несколько коротких часов, а всю долгую зимнюю ночь.

В 9 часов утра я оторвался от мотковского аэродрома и взял курс на север.

Здравствуй, Арктика!

Снова мои легкие жадно вбирают чистый, прозрачный воздух. До чего же хорошо дышится здесь на великих северных путях! Сквозь окно пилотской кабины я вижу белые снеговые грома-

ды. Горизонт затянут дымкой тумана... Внизу под нами тишина ледяной пустыни.

Самолет пожирает пространство...

Впереди Амдерма... Погода нас немного беспокоила. Видимость всего два километра... начиналась мелкая поземка. Приземлились мы благополучно.

Я принял предложение Махоткина лететь из Амдермы через Карское море, но здесь нас постигла неудача: не успели мы пролететь 200 километров, как погода испортилась, попали в сплошной туман. Пришлось вернуться обратно. Больше мы не возобновляли попытку изменить указанный нам маршрут.

Из бухты Тихой на остров Рудольфа я вылетел один. Самолет Махоткина временно выбыл из строя из-за небольшой аварии. Достигнув 83° северной широты, я облетел остров Рудольфа и сделал посадку в бухте Теплиц.

В бухту Тихую я прилетел через несколько часов. Махоткин остался там для полярных разведок, а я вернулся в Москву.

— Видишь, как хорошо мы слетали, а ты волновалась, — сказал я жене. — Скоро полечу еще дальше.

— Леги... Разве тебя удержишь? — смеялась Маруся.

На другой же день в кабинете Шмидта я делал доклад о результатах перелета. Все слушали меня внимательно. Вдруг Отто Юльевич спросил:

— Михаил Васильевич, есть ли какое-нибудь сходство между описанием высоких широт в «Мечте пилота» и действительностью?

— Не знаю, как на полюсе, — ответил я, — а до 83° все совпадает. Помните, я писал, что бухту Тихую вынесет в мае. Так ее действительно в мае вынесло. И погода на острове Рудольфа точно такая, как в моей книге.

— А есть ли недалеко от острова Рудольфа льдины, годные для посадки тяжелых самолетов? — продолжал спрашивать меня Шмидт.

Я невольно замялся. Необходимо владеть особенно высоким искусством пилотирования, чтобы не сломать машину на ледяном аэродроме у 83° северной широты. Но я уверен: чем ближе к полюсу, тем чаще встречаются ровные ледяные поля (об этом писал Пири).

— Конечно, мы сумеем найти удобную льдину для нашей научной экспедиции.

Отто Юльевич одобрительно кивнул головой.

— Пора готовить базу и самолеты, — решительно заявил Шевелев. — Иван Дмитриевич, — тут же обратился он к Папанину, — мы даем в ваше распоряжение ледокол «Русанов». Постройте на Рудольфе дома, отвезите туда зимовщиков и основное оборудование для экспедиции на полюс.

— Есть, — коротко, по-военному ответил Папанин.

— Вам, Марк Иванович и Михаил Васильевич, — предупредил нас Отто Юльевич, — придется сейчас же заняться самолетами. Поезжайте на заводы и договаривайтесь обо всех деталях.

Тут же было решено, что самые подходящие для экспедиции машины, это — АНТ-6. Нам была нужна еще одна машина, более легкая, но с большим радиусом действия. Марк Иванович предложил двухмоторный самолет АНТ-7. Мы охотно согласились, считая его выбор очень удачным.

— Скажите, Михаил Васильевич, — Шмидт прятал в бороде веселую улыбку, — что вы теперь думаете о своей мечте пилота?

— Уверен, что мечта пилота станет былью, — ответил я.

Наше первое заседание, посвященное подготовке экспедиции к Северному полюсу, закончилось.

Возвращаясь домой, я думал:

«Сколько энергии вселяет в нас этот человек. Нередко он несколькими словами решает самый сложный, запутанный вопрос. И всем сразу становится ясно, что иного решения и быть не может. Я убежден: раз Отто Юльевич

Шмидт возглавляет нашу экспедицию, — мы будем на полюсе!».

До старта на полюс оставалось немного более полугода. Я невольно усмехнулся, когда вспомнил, что Пири для осуществления своей мечты пришлось отдать 23 года жизни.

Хорошо, что мы живем в другое время и в другой стране. Наши теории быстро наполняются живой, горячей кровью великолепной советской практики. Родина не жалеет затрат на любое дело, приносящее пользу социалистическому строительству.

***

Какие это были замечательные дни! Мы все горели желанием блестяще подготовить нашу сказочную экспедицию. Трудности никого не пугали. Невозможное становилось возможным под напором горячих энтузиастов.

Ледокол «Русанов» уверенно пробивался сквозь тяжелые льды к Земле Франца-Иосифа. Папанин вез оборудование новой, самой северной авиабазы. Среди других грузов на ледоколе находилось немало ящиков с волнующей надписью: «полюс».

Наступит время, и мы погрузим эти ящики на самолет, а потом выгрузим их на сверкающую под лучами незаходящего солнца дрейфующую льдину... О, как жду я этого момента!

Меня прозвали фантазером, мечтателем. Но я — советский летчик. Мне поручили партия и страна возглавить летный отряд самой замечательной экспедиции в мире. Я горд и счастлив. Горды и счастливы все участники этой экспедиции, все, принимавшие участие в ее подготовке.

С каким воодушевлением взялся завод за переоборудование тяжелых самолетов! Бережно проверялся каждый винтик. Все конструкторы, инженеры, рабочие старались вложить творческую мысль в гигантскую стальную птицу... И так везде. Другой завод взялся изготовить специальные моторы с увеличенной мощностью, безотказно работающие при любой температуре. Одновременно несколько заводских лабораторий начали

выпускать для нас великолепную аппаратуру, всевозможные точные приборы.

Институт общественного питания порадовал будущих зимовщиков вкусными и разнообразными высококалорийными концентратами. Уезжая на остров Рудольфа, Папанин с аппетитом говорил о борще, свежих щах, куриных котлетах и других вкусных вещах, в изобилии приготовленных для будущих зимовщиков.

— Будьте спокойны, — усмехался Иван Дмитриевич, — голодать нам не придется. Ежедневное меню у нас будет не хуже, чем у вас на Большой земле.

Специальное полярное оборудование готовилось тоже с исключительным вниманием. Вместе с Марком Ивановичем и его помощником по Управлению полярной авиации тов. Ураловым я почти ежедневно ездил на заводы и предприятия: проверял, как выполняются наши заказы. Подгонять не приходилось! Люди работали, что называется, «не за страх, а за совесть».

Каждую пятидневку мы докладывали Шмидту, его заместителю Янсону и начальнику Политуправления Главсевморпути Бергавинову о ходе подготовки. Вместе мы обсуждали предложения участников будущей экспедиции и, если эти предложения были ценны, проводили их в жизнь. Все шло хорошо. Работа кипела. Каждый день, каждый час, наполненный радостью созидания, приближал нас к заветной цели: старту на полюс.

Весь летный состав экспедиции серьезно готовился к выполнению исторического задания. Командиры кораблей и их помощники, несмотря на большой опыт, снова и снова проходили слепой полет, изучали искусство вождения тяжелых самолетов. Я вместе с другими товарищами попал в ученики к майору Бабкину — инструктору тяжелого самолетовождения. Меня, как мальчишку, радовали его похвалы.

Наши штурманы учились определять по солнцу, водить машину по солнечному компасу. Бортмеханики слуша-

ли специальный курс по моторам АМ-34. Будущие зимовщики тоже не дремали. Они усиленно готовились к предстоящей экспедиции. Папанин выбрал надежных, смелых и талантливых людей. Вместе с ним на дрейфующую льдину собирались лететь: радист Кренкель, гидролог и гидробиолог Ширшов, метеоролог и магнитолог Федоров. Мы их сразу же прозвали «папанинцами».

Так вот, наши «папанинцы» выехали на озеро под Москвой, построили там полярную станцию, оборудовали ее, как зимовку на полюсе. Живут и не тужат. Генеральная репетиция прошла блестяще. Все оказалось в порядке.

Одна беда — Ширшов, сколько ни мечтал, не смог здесь применить на практике свои новые знания. Он успел получить квалификацию врача. Работал в ленинградских клиниках серьезно и упорно под руководством лучших профессоров.

Не в первый раз я готовил экспедиционные полеты на Север. Но должен признаться, что подготовка к полету на полюс проходила с небывалой еще тщательностью и продуманностью. Задолго до полета весь коллектив Главсевморпути принял горячее участие, в высокоширотной экспедиции. Каждое поручение выполнялось с огромным удовольствием. Заводы тоже с большим подъемом выполняли наши заказы. Все это, вместе взятое, позволило нам подготовиться в очень короткое время.

Наша родина располагает мощной авиационной промышленностью. А для полета на полюс были предоставлены лучшие машины, самые мощные моторы.

К самолету мы предъявляли два основных требования: максимальная грузоподъемность и максимальная дальность полета без посадки. Поэтому-то и было решено остановиться на АНТ-6. Всеми миру известны исключительные летные качества этих машин. На АНТ-6 в прошлом году майор Юмашев поста-

вил международные рекорды высотных полетов с нагрузкой в пять и десять тонн. Он же поднял на АНТ-6 12 тысяч кгр. — небывалый для того времени груз. Скорость и предельная дальность полета по прямой этой машины вполне нас удовлетворяли.

Мы летели в самые северные широты земного шара. Никакие предварительные расчеты на Большой земле не могли дать нам полную картину того, что ждет нас в центре Полярного бассейна. Мы были готовы к любым неожиданностям, к самым злым шуткам Арктики. Мы хорошо знали, что самолет решает успех экспедиции. Нужна такая машина, которая даст нам возможность преодолеть ледяные пространства и посадить научную экспедицию на дрейфующую льдину.

При всех своих блестящих качествах АНТ-6 не был лишен и кое-каких недостатков, с которыми мы не могли мириться. Завод взялся реконструировать самолет АНТ-6. Внутренние помещения кораблей были значительно расширены для того, чтобы легче было разместить грузы.

Используя богатый опыт полетов в Арктике, мы, летчики и механики, внесли ряд важных изменений и дополнений в конструкцию АНТ-6. Основное: самолет не должен зависеть от базы. Он должен легко и быстро подниматься с любого места вынужденной посадки. Для этого необходимо, чтобы запуск мотора не зависел от температуры воздуха и условий местности. Специально для моторов были сконструированы особые подогревательные чехлы с люлькой. Автор этого ценного проекта — мой бортмеханик Бассейн.

Теперь ни холод, ни бураны, ни пурга не страшны для моторов, крепко закутанных специальной прорезиненной материей на байковой подкладке. Там, где чехол прилегает непосредственно к верхней части мотора, положен еще слой шерстяного ватина.

Чехол так сконструирован, что можно, не снимая его, запускать мотор. И только, когда механик убедится, что мотор работает безотказно, — он стянет

чехлы с помощью амортизационных шнуров и уберет их в крыло машины.

Бассейн ходит сияющий, как именинник.

Еще бы! Все участники экспедиции восхищались чехлами. Инженеры полярной авиации Уралов, Готовский, Трофименко горячо одобрили идею Бассейна и очень быстро ее реализовали.

Для наших самолетов требовались надежные, устойчивые обогревательные лампы, дающие большое количество тепла. Механик Сугробов помог получить с завода не только чертежи подходящей для нас лампы, но и образец, который при испытании дал блестящие результаты.

Сугробов же предложил перенести масляные баки из отъемных частей крыла на пожарные перегородки. Это сильно облегчит подготовку моторов к запуску.

Мне тоже пришлось порядком поработать, прежде чем была разрешена важнейшая для полетов в арктических условиях проблема: запуск мотора на морозе.

За полярным кругом ангаров нет. Самолет стоит под открытым небом, нередко при сорокаградусном морозе. Моторы заледеневают, и запустить их — задача сложная и нелегкая. Помню, как в 1930 г., открывая линию Хабаровск—Сахалин, я вместе с бортмехаником Аникиным мучился 12 суток, прежде чем удалось разогреть мотор. Естественно, что, когда мечта об экспедиции на полюс превратилась в реальную действительность, я в первую очередь задумался, как избежать замерзания моторов. Сделал ряд расчетов, проверил их на практике. Оказалось — удачно. Мое предложение по взаимному разогреву моторов было одобрено. Это, на первый взгляд очень незначительное, усовершенствование дает большой эффект. Благодаря тому, что водяные магистральи всех моторов корабля соединены между собой, отпадает необходимость греть каждый мотор в отдельности, и стоит только запустить один мотор, как в остальных в течение нескольких минут можно нагреть жидкость до 80—90 градусов. Таким обра-

вом, один за другим разогреваются все четыре мотора. Эта операция занимает не больше 15—20 минут. 15—20 минут вместо 12 суток!

Все это очень важно там, где нет аэродромного оборудования, базы, где экипажу приходится самостоятельно справиться с запуском моторов.

Впервые на самолетах установили мою систему.

«Оправдает ли она себя?» — не раз задумывался я, мысленно переживая полет в неизведанных глубинах Арктики.

Предварительные испытания дали хорошие результаты. Значит, можно не волноваться, тем более, что радиаторы наших машин наполнены особым раствором, незамерзающим даже при 40—45 градусах ниже нуля. Эту жидкость не надо сливать во время стоянки. В случае необходимости радиаторы будут пополняться во время полета раствором из запасных баков, установленных на самолетах.

Центральный институт авиационных масел и топлива приготовил для экспедиции масло очень высокого качества, незамерзающее при низких температурах. Но если мороз будет настолько силен, что масло все же застынет в маслопроводах, то благодаря специальным чехлам Бассейна оно будет подогреваться при разогревании мотора. Это сильно облегчает нашу работу: не надо на остановках возиться со спуском и подогревом масла.

Но это еще не все. О том, с какой исключительной любовью, с каким огромным вниманием готовили нас в экспедицию, убедительно говорят следующие факты: в порядке перестраховки на самолетах устроена электрическая подогревальная масляных баков. Для этого использован аварийный электрогенератор, обеспечивающий аварийную работу радиостанции.

Кроме того, на каждой машине есть несколько переносных баков для сохранения запасов авиационного масла. Эти баки изготовлены из материала, позволяющего подогревать масло с помощью ламп.

Наши конструкторы позаботились и

о лучшем воспламенении смеси при запуске моторов. На самолете установлен индукционный вибратор, дающий интенсивную искру при незначительных оборотах двигателя. Не то, что обычный пусковой магнето!

Можно запустить мотор и от амортизатора, но это, конечно, только в исключительных случаях.

Словом, на заново переконструированных самолетах можно лететь, куда угодно. Нам не страшны ни длительное отсутствие базы, ни любые тяжелые метеорологические условия.

В нашей стране забота о людях стоит на первом плане. Товарищ Сталин колебался, разрешить ли полет на Северный полюс, до тех пор, пока не убедился, что эта экспедиция не грозит опасностью человеческим жизням. Вполне понятно, что наши конструктора употребили все усилия для создания благоприятных условий экипажу кораблей.

Это было нелегко сделать. В распоряжении заводов были серийные машины определенной, ярко выраженной конструкции. Объем самолета настолько велик, что отопить его невозможно. И все же у нас, пилотов, при полете на Северный полюс будут такие удобства, о которых мы раньше и мечтать не смели. Над пилотской кабиной уже установлен специальный фонарь (колпак), предохраняющий от резких арктических ветров. Фонарь снабжен люком для проникновения в самолет. В случае аварии в этот люк можно выбраться с парашютом.

Штурманы тоже очень довольны. Штурманские кабины прекрасно оборудованы. Я видел, с какой довольной улыбкой оглядел Иван Тимофеевич Спиринов свою просторную, светлую, закрытую воздушную комнату. Все лишнее убрано. Приборы размещены так, что стоит к ним только руку протянуть. Не забыта и такая «мелочь»: каркас кабины частично сделан из диамагнитного металла, чтобы свести до минимума влияние металлических частей самолета на работу магнитных

компасов. И в пилотской и в штурманской кабинах собраны самые лучшие современные приборы для самолетовождения.

Мы везем с собой все оборудование экспедиции на полюс. Грузов много. Очень важно разместить эти грузы компактно и удобно. Подумали и ввели стандартную тару для большинства грузов. Мягкие же вещи — спальные мешки, палатки и т. д. — разместят в крылья самолета. Для этого там уже устроены особые отсеки, отгороженные веревочными сетками. Теперь можно не беспокоиться, что во время полета или при посадке вещи разлетятся по машине и будут мешать управлению.

В центр Полярного бассейна летит отряд самолетов. Возможно, один из них сделает вынужденную посадку на лед. Как его искать? На ослепительно-белом снеге, на голубовато-прозрачных льдах будет ярко выделяться наши светлоранжевые с синей каймой птицы. Флагманский самолет еще наряднее и ярче. Он отделан и вишнево-красной.

Время шло... Началась летняя навигация. Из Ленинграда, Мурманска, Архангельска, Владивостока по Великому Северному морскому пути полплыли в Арктику пароходы с разными грузами. Из Москвы, Тюмени, Красноярска, Иркутска вылетели на дальние зимовки самолеты.

У Шмидта, Янсона, Бергавинова. Шевелева начались горячие денечки. Грандиозное арктическое хозяйство требовало пристального внимания. Отто Юльевич уехал на Север, чтобы непосредственно руководить важнейшими операциями. Бергавинову, как начальнику Политуправления, необходимо познакомиться с партийной работой на всех зимовках. Поэтому он вылетел вместе с Героем Советского Союза Молоковым в большой кольцевой перелет по Арктике. Шевелев проверял на местах, как идут ледовые разведки, успешно ли работают самолеты по проводке судов. Будущие участники экспедиции — летчики и механики — были заняты полетами на линии и проводкой судов.

В Москве остались только Бассейн и я. Откровенно сознаться, нелегко нам пришлось. Ежедневно всплывало что-либо новое. Особенно много пришлось уделять внимания оборудованию самолетов. Но настроение у нас было великодушное. Ни тени сомнения в том, что мы с честью выполним почетное задание.

Июньский день. На небе ни облачка. И вдруг — «гром среди ясного неба»... Резкий и тревожный звонок телефона разбил мое благодушное настроение. Меня вызывал заместитель начальника полярной авиации Жигалев.

— По очень важному делу, тов. Водопьянов, — предупредил он, вешая трубку.

Пришлось поехать. Дорогой мне казалось, что солнце, дразня меня, высывивает свой раскаленный язык, сейчас коснется моего лба. С тоской вспомнил прохладу своего кабинета.

«И зачем я ему понадобился именно сегодня» — недовольно подумал я, здороваясь с Жигалевым. Тот молча протянул мне радиogramму. Смотрю подпись: Махоткин. Прочел раз... другой... Ничего не понимаю...

«Москва, Авиарктика Шевелеву.

* Вылетел на Рудольф восьмого. Десятого полетел в бухту Тихую. Вся серия островов от Тихой до Рудольфа для базы не годится. Рудольф абсолютно непригоден. На обратном пути я сядил на острове Кетлица. Его северная часть представляет плоскость, внутренний ледник, который нигде в море не впадает. Берега каменистые, высотой до 20 метров. Мне известна природа ледников. Возможно, через десять лет лед вырастет настолько, что будет перерываться на берег, впадать обрывами в море, тогда образуется трещина и база выйдет из строя.

Махоткин».

Жигалев смотрит на меня и смеется, а глаза у него серьезные. Я только развел руками: неужели я мог так грубо ошибиться. Жигалев начал меня успокаивать:

— Мы все проверим. Пожалуй, Махоткин чересчур предусмотрителен. Он

предлагает строить авиабазу на 10 лет. Кстати, ты понял из радиogramмы, что через 10 лет и остров Кетлиц выйдет из строя?

— Ничего не понял, — безнадежно махнул я рукой и подошел к окну.

Но сияющее солнце уже померкло. Густой серый туман закутал синее июньское небо...

— Обледеневаю! — громко сказал я.

— Разберемся, — так же громко ответил мне Жигалев.

— Но почему Махоткин пишет, что остров Рудольфа абсолютно непригоден, — продолжал недоумевать я. — Правда, на острове Кетлиц хороший аэродром — около самой зимовки. На Рудольфе — другое дело. Там придется строить аэродром на куполе в 2—3 километрах от зимовки. Но Махоткин забыл о том, что механизация проникла и в Арктику. На Рудольфе у нас будут вездеходы и тракторы. Для механиков придется построить жилой дом и мастерские около аэродрома. Все это не страшно. А остров Кетлиц? Нет, не годится. Слишком далеко лететь до полюса, нехватит горючего. Ты подсчитай хорошенько, тов. Жигалев. Запас горючего у нас на 14 часов. Скорость самолета 170—180 км. Возьмем среднюю — 175 км. За 14 часов мы пролетим приблизительно 2430 км. Так? А расстояние от острова Кетлиц до полюса и обратно — всего 2120 км. Как будто, товарищ Жигалев, горючего с избытком хватит. Беспокоиться не о чем. Но ты учти, что лететь мы будем в Арктике по новой, неизведанной воздушной трассе. Какая будет погода, никому неизвестно. А если встречный ветер? Кроме того, на полюсе никто нас не ждет. Аэродрома там приготовить некому. Возможно, придется нам сделать не один круг в районе полюса, прежде чем мы решим вернуться на базу. Лететь же с запасом бензина почти в обрез — бессмысленно и опасно. Нехватит горючего, и придется расплатиться машинами, а может быть, и жизнью. Помнишь, в 1932 г. летчик Кошелев, зимовавший в бухте Тихой, полетел в разведку и заблудился. Когда у него кончилось горючее, пришлось бедняге

сделать вынужденную посадку в южной части острова. Он чуть не погиб тогда, отморозил руки и ноги. С Арктикой надо обращаться на «вы». Она шутить не любит. Лучше затратить энергию на организацию более близкой к полюсу зимовки. С о. Рудольфа до полюса и обратно — 1800 км., на 300 км. меньше, чем от Кетлица. Помоему — это решает вопрос. Не должно быть никаких колебаний. Знаешь, я сейчас же пошлю Махоткину радиogramму.

Жигалев со мною согласился. Я радировал:

«Бухта Тихая. Махоткину.

Немедленно сообщи точнее, почему не может быть база на Рудольфе. Обследовал ли ты, начиная с мыса Флигели до мыса Рат, где наклон в два раза меньше, чем в бухте Теплиц. В каком состоянии пролив Неймайера? Все внимание сосредоточьте на Рудольфе и проливе. Насколько я помню, мыс Флигели — земля. В бухте Теплиц — перевозка тракторами вездеходами. Трещина неопасна. Меньше занимайся теорией, больше своим делом. Нам с тобой летать не летом, а зимой.

Водопьянов».

Ответа от тов. Махоткина я так и не получил. В августе он сам вернулся в Москву. В эти дни Папанин пробивался к Рудольфу. Ледокол «Русанов» затирали льды. Временами его отбрасывало по Британскому каналу обратно к бухте Тихой. Но люди, воодушевленные стремлением победить, упорно вели ледокол к намеченной цели... Махоткин же настойчиво доказывал мне, что «Русанов» не увидит Рудольфа. А если как-нибудь чудом удастся дойти до острова и сделать выгрузку, то второй рейс, обязательный для успеха экспедиции, все равно кончится полной неудачей.

Я посоветовал ему пока не мешать Папанину, — тому, мол, на месте виднее.

8 сентября мне пришлось уехать в г. Горький проверить, как заводы готовят для нас радиоаппаратуру. Возвращаясь обратно, тов. Жигалев снова преподносит мне «сюрприз», — на этот

раз не радиограмму, а рапорт Махоткина. Привожу его полностью:

«Начальнику Управления Полярной
Авиации Главсевморпути

от пилота Махоткина.

Рапорт

По сложившейся обстановке на Земле Франца-Иосифа считаю необходимым вынести срочное решение о постройке базы на о. Кетлиц по следующим соображениям:

1. Остров Рудольфа как база — место непригодное. Пошли на жертву и решили вынести аэродром на кúпол вдали от жилья.

2. «Русанов» пришел на о. Гукер 30/VIII, в тот же день он достиг северной части острова Кетлиц. Это говорит о легкости пути до Кетлица.

С 30/VIII до 10/IX «Русанов» пробылся на о. Рудольфа. Сейчас из-за льдов не может войти в бухту Теплиц, начать разгрузку и обследование кúпола.

3. «Русановым» взято только 15 тонн горючего из необходимых 60 тонн.

4. «Герцен» еще не вышел из Архангельска с остальным авиагрузом. Землю Франца-Иосифа он пройдет 5 суток. «Русанов» шел от Тихой до Рудольфа 12 суток. Нет никаких надежд, что он от него к «Герцену» пойдет меньше. Далее перегрузка и обратный путь к Рудольфу в тяжелых условиях. Сейчас на Земле Франца-Иосифа стоят морозы, наблюдается интенсивное образование молодого льда. Приходится ждать только ухудшения.

Если «Русанов» не дойдет вторым рейсом до Рудольфа, грузы будут разобщены, и постройка базы сорвется. Иначе говоря, вся работа сорвется. Кроме того, о. Рудольфа — очень плохое место как авиабаза.

11 сентября 1936 г.

Пилот Махоткин».

Откровенно сознаться, я вскипел:

— Почему ты подал такой рапорт, даже не поставив меня в известность? — немедленно позвонил Махоткину.

— Михаил Васильевич, я не считал

себя вправе молчать о своих сомнениях. Тебе ведь я тоже говорил о том, что считаю остров Рудольфа непригодным для базы. «Русанов» застрял во льдах — тебя в Москве нет. Пришлось поневоле поспешить с рапортом.

Неужели все пропало?.. Грузы не попадут на базу? Я бросился к прямому проводу и заказал разговор с Папаниным:

«Русанов» — Папанина. У аппарата Водопьянов.

Привет всем. Почему молчите? Где организуете основную базу? Обследовали ли Рудольф? «Герцен» сегодня выходит, возможно, вышел. Успеете ли с ним встретиться? Если нельзя построить основную базу на Рудольфе, то не мешало бы устроить там промежуточную базу, оставив 10 тонн бензина и людей для связи. Действуйте по своему усмотрению. Регулярно сообщайте о своих решениях, действиях.

Ожидаю немедля ответа.

Водопьянов».

Ответ тов. Папанина:

«Привет с Рудольфа!

Аэродром обследовали. Хороший. Длина его в разных направлениях от километра и свыше 2 километров. Завтра снова посылаю утром Иеске, Рубинштейна, чтобы составили карту — точную разных румбов, чтобы тебе привезти в Москву.

Основную базу создаю на Рудольфе и только на Рудольфе. Разгрузка идет полным ходом, несмотря на то, что находимся в 4 километрах от берега. Разгрузка идет за мыс Столбовой. За полкилометра от старой зимовки ставим все строительство. Через два дня закончу всю выгрузку. Завтра приступаю к строительству дома и радиостанции. После выгрузки немедленно направимся в Тихую. Надеюсь, что «Садко» поможет пробиться. Заберу весь груз с «Герцена» — снова пойду на Рудольф.

Учти: в случае я вмерзну у Рудольфа со вторым рейсом, база все же будет сосредоточена на Рудольфе. Дело не пострадает. Я очень рад, что у тебя все идет полным ходом. За базу не беспокойся. Будет полностью обеспечена.

Принимаем все меры. Кровь спустим с себя, не жалея. Работа идет полным ходом...

Папанин».

Ответ Водопьянова:

«Русанов», Папанину.

После вашего сообщения считаю экспедицию состоявшейся. Целую всех крепко.

Жду регулярной информации.

Водопьянов».

После разговора с Папаниным я вздохнул облегченно. Все в порядке. У нас есть база на 82° северной широты.

Дискуссия с Махоткиным закончилась. Я охотно пожал ему руку, так как знал, что им руководило искреннее желание создать самые лучшие условия для полета на полюс.

И не один Махоткин — многие наши летчики приняли горячее участие в обсуждении предстоящей экспедиции. Развернулась широкая дискуссия на страницах центральных газет. Много ценного и важного почерпнул я не только у тех, кто защищал мой проект, но и у самых ярких оппонентов.

В «Известиях» был напечатан фантастический рассказ Героя Советского Союза М. Слепнева: «Десант на полюс».

Рассказ Слепнева вызвал живые и разнообразные отклики.

Герой Советского Союза Молоков писал:

«Если бы меня спросили: «Какой вариант полета на полюс нужно выбрать?» — я поддержал бы предложение Проваторова (один из героев рассказа. — М. В.) — лететь к Северному полюсу на тяжелой машине и сделать там посадку.

Практики парашютных прыжков в условиях Арктики у нас нет. Вряд ли можно сбросить на грузовом парашюте ряд хрупких, необходимых для научной работы на полюсе, аппаратов и приборов. Сомнительно, останется ли целой после приземления спущенная на парашюте радиостанция.

Способ Проваторова надежнее тем, что он предполагает посадку на полюсе

тяжелых самолетов. Авария, которая описывается в напечатанном «Известиями» рассказе «Десант на полюсе», не так уж страшна. В экспедиции на полюс, если она будет организована, должны принимать участие несколько самолетов. Их будут пилотировать испытанные советские арктические пилоты, и посадка должна удалась».

Анатолий Дмитриевич Алексеев, получивший звание Героя Советского Союза за мастерской полет на Северный полюс, сначала был диаметрально противоположного мнения. Он считал, что:

«... рассчитывать на хороший естественный аэродром на полюсе не приходится. Там могут оказаться ровные площадки в виде молодого тонкого льда между торосистыми полями. Но он не выдержит веса тяжелой машины. Толстые же ледяные поля, толщиной по 5—6 метров, всегда будут покрыты торосами, высотой от 1 до 6 метров. Выбрать с воздуха неторосистое поле для посадки почти невозможно.

Вполне вероятной кажется мне возможность найти сравнительно малоторосистую площадку, которую 4—5 человек в течение 3—4 дней могли бы превратить в сносный аэродром.

Поэтому весь вопрос сводится к высадке на полюс первой партии людей, которые могли бы найти и разровнять поле для аэродрома.

Для решения этой основной задачи наиболее удобным представляется широкое применение грузовых парашютов».

Меня очень заинтересовали все эти высказывания. Ясно, что наши летчики с огромным вниманием относятся к возможной экспедиции на полюс. Я-то не сомневался в правильности своего варианта посадки тяжелого корабля на льдину в районе полюса, но мне очень хотелось убедить в этом и других. Я писал:

«... Северный полюс, разумеется, интересуется нас. Многолетние научные исследования советских полярников в Арктике дали чрезвычайно ценные и богатые данные о морях Полярного бассейна, режиме льдов, направлении течений, движении воздушных потоков. Все эти

данные используются для социалистического строительства на Севере. В частности, метеорологические наблюдения полярных станций служат основой для долгосрочных прогнозов погоды во всем Советском Союзе.

Вполне понятно, какое огромное значение для правильности этих прогнозов, да и вообще для всех наших знаний об Арктике, имели бы наблюдения, сделанные непосредственно на самом полюсе.

Можем ли мы достигнуть Северного полюса? Я уверен, что да. Систематическая многолетняя работа в Арктике подготовила серьезную и весьма внушительную базу для наступления на полюс. Мы располагаем также и материальной частью, с помощью которой возможно осуществить такую экспедицию.

Гигантские успехи советской авиационной промышленности известны всему миру. Советские авиационные конструкторы создали такие самолеты, которые в состоянии, вылетев с какой-нибудь оборудованной базы, долететь до Северного полюса, сделать там посадку, высадить и оставить на льду группу научных работников, снабженную всем необходимым снаряжением, научным оборудованием и продовольствием, а затем вернуться на базу. Через известный промежуток времени, скажем, через год, самолеты могут снова прилететь и забрать зимовщиков, куда бы их ни отнесло.

Естественно, что такая экспедиция возможна только при тщательной подготовке. В путь должны отправиться не один, а несколько самолетов. Самая посадка на полюсе будет зависеть, разумеется, от обстановки, сложившейся на месте. Возможно, что сразу сесть всем самолетам будет невозможно. Тогда одна из машин пойдет на посадку (и, может быть, подломает при этом шасси). Высадившаяся партия людей быстро подготовит площадку для посадки остальных самолетов. Если подготовка аэродрома затянется, остальные самолеты возвратятся на базу и затем, когда аэродром будет готов, прилетят обратно.

Успехи советских парашютистов наводят некоторых на мысль о сбрасывании на Северном полюсе десанта. Вряд ли такая операция возможна. Обстановка на Северном полюсе, как известно, несколько иная, чем, например, на Тушинском аэродроме. Парашютисту, сбрасываемому на Северный полюс, нужно дать не букет цветов, как во время авиационного праздника, а двухлетний запас продовольствия, палатки, снаряжение, оборудование, оружие и запас патронов, десятки точнейших научных приборов. Сбросить все это на парашюте невысказимо. Помимо того, не все научные работники — парашютисты».

Моя статья, что называется, подлила масла в огонь. Дискуссия разгорелась еще сильнее. Но некоторые товарищи согласились со мной, в том числе и Алексеев. Он выступил на другой же день.

«Водопьянов в своей интересной статье, напечатанной в «Правде», поставил исключительной важности для мировой науки вопрос о создании полярной станции на полюсе.

... Успех полета на полюс решает подготовка. Коллектив советских полярных летчиков был бы счастлив, по заданию партии и правительства, завоевать Северный полюс».

Поддержал меня и Бабушкин, старый полярный летчик, настоящий мастер посадок на льдинах.

Несколько иных взглядов придерживался Дорониц, Герой Советского Союза, считавший, что головным самолетом экспедиции должна быть лодка, а не сухопутный самолет на лыжах.

В этой дискуссии приняли участие не только летчики, но и ученые. Профессор Молчанов, директор Главной геофизической обсерватории и Аэрологического института, опубликовал статью «Посадка на полюс или прыжок с парашютом?», в которой он, между прочим, заявил:

«Для меня совершенно ясно, что непосредственная посадка на лед в неисследованных частях Арктики тяжелого

самолета опасна не только для самолета, но и для экипажа. Поэтому я не согласен с тов. Водопьяновым, считаящим, что самолет должен высадить людей на полюс, опустившись на лед. Совершенно необходима предварительная высадка участников десанта с парашютами. Они должны будут подготовить площадку для посадки самолета.

... Полезно также поставить вопрос о применении в этой работе дирижаблей. Советский Союз строит уже достаточно большие дирижабли. Дирижабли же в Арктике, как показал нам опыт полета в Арктику на «Цепелине» в 1931 г., имеют несомненное преимущество. Они не требуют для высадки площадки, могут высадить десант и вернуть его на борт без особой подготовки».

Дальнейшее развитие дискуссии не принесло ничего нового, что могло бы поколебать во мне уверенность в правильности моего плана экспедиции. Я ответил своим многочисленным оппонентам статьей, в которой доказывал, что единственный путь, по которому можно с наименьшим риском и с наибольшей пользой для дела осуществить первую зимовку на Северном полюсе, это — посадка тяжелого самолета или летающей лодки (безразлично) на случайную, выбранную с воздуха льдину. При чем лететь должен не один самолет, а звено, состоящее из трех-четырех машин. Одна из них садится с риском подломать шасси. На этот риск придется идти. Само собой разумеется, что при этом самолет не провалится и не потонет, это сказки. На борту самолета, кроме экипажа, должен находиться весь состав зимовки, все основные научные приборы и полугодичный аварийный запас продовольствия.

... Если советские летчики и ученые пойдут когда-нибудь на полюс, то они это сделают не ради того, чтобы показать свою храбрость и установить новый мировой рекорд. Они пойдут на полюс для большой научной работы, которая должна раскрыть до конца тайны Арктики, чтобы освоить Северный полюс так же, как мы уже освоили Великий Северный морской путь. Толь-

ко на такую цель есть смысл тратить народные деньги.

Освоить Северный полюс! Задача, как видите, серьезная. Выполнение ее потребует немало времени. Такие задачи решаются не в дни, не в месяцы, а в годы. Во всяком случае, для первой экспедиции потребуется не меньше года. Значит, людей — научных сотрудников зимовки на полюс — надо снабдить всем необходимым, чтобы они могли без лишней прожить это время. Посчитайте, сколько будут весить все припасы, если даже состав зимовки будет крайне ограничен.

Ученым придется провести на полюсе комплекс научных наблюдений и исследований. Сюда входит исследование атмосферы и стратосферы, длительное наблюдение за морскими течениями и состоянием льдов, над явлениями земного магнетизма и т. д. Значит, участников зимовки на полюсе надо снабдить всем необходимым для того, чтобы они были в состоянии на месте провести эти наблюдения, используя десятки точнейших и сложнейших приборов и аппаратов. Все это тоже будет весить немало, не говоря уже о том, что эти приборы потребуют сугубой осторожности при транспортировке.

Наконец, надо обеспечить зимовку надежную и непрерывную связь с базой. Кроме систематической передачи научных наблюдений, зимовщики должны непрерывно сообщать о передвижке льдов, а в связи с этим и свои координаты.

Так я представляю себе экспедицию на Северный полюс. Можно ли все эти задачи разрешить при помощи парашютного десанта, учитывая даже блестящие качества советских парашютистов? На мой взгляд — безусловно нельзя.

Такой десант потребует многих десятков, если не сотен, грузовых парашютов. А ведь стоит только одному из них неудачно приземлиться, стоит при этом разбить или поломать какую-нибудь мелочь — лампы рации или термометры метеостанции, — и зимовка будет лишена возможности вести научные наблюдения по всему комплексу. А

ведь такая неприятность весьма возможна.

Только высококвалифицированные парашютисты смогут благополучно совершить прыжок в столь рискованной обстановке. Значит, придется подбирать научных сотрудников зимовки, руководствуясь не столько степенью их научной подготовки, сколько их физическими данными. Найдем ли мы людей, happily сочетающих в себе солидную научную подготовку с качествами заправского парашютиста? Вряд ли...

Хорошо. Можно пойти на компромиссы. Можно ограничить обязанности десанта подготовкой посадочной площадки. Как будет это выглядеть на практике? Попробуем разобраться.

Мы не знаем точно, каково состояние льдов в районе географического полюса. Одни предполагают, что там должен быть молодой торосистый лед с большим количеством разводьев и полыней. Другие, наоборот, пытаются доказать, что полюс покрыт мощным паковым льдом, имеет много просторных и ровных ледяных полей. Я склонен поддержать второе предположение. Основание к этому мне дают, прежде всего, собственные наблюдения.

В прошлом году я достиг на самолете 83° северной широты. Я шел от острова Рудольфа прямо на север, по направлению к полюсу. Картина льдов под крылом моего самолета постоянно менялась, но бросалось в глаза одно: чем дальше на север, тем ровнее становился ледяной покров. Уже после 83° я мог бы посадить легкий самолет на одно из многочисленных ледяных полей. Мои наблюдения подтверждаются наблюдениями летчика Бабушкина, побывавшего в высоких широтах дважды. Американец Роберт Пири, достигший если не самого Северного полюса, то по крайней мере 89° северной широты, уверяет, что после 86° — 87° он часто встречал ровные поля.

Но допустим, что правы те, кто утверждает, что на полюсе — молодой торосистый лед. Обнаружив это, начальник экспедиции приказывает своему десанту выбраться. Парашютисты приземлились среди острых торосов, рис-

кую жизнью. Благодаря счастливой случайности никто из них не убит и не покалечился об острые ледяные глыбы, никто не утонул в полынье.

«Приледились» они и установили, что посадить самолеты не могут. Для подготовки посадочной площадки им понадобится несколько дней. Самолеты сбросили своему отважному десанту продовольствие, инструменты и ушли на базу.

Допустим дальше, что сброшенная на парашюте рация оказалась цела. Десант имеет связь с базой. Он сообщает: «Несмотря на все усилия, подготовить площадку так и не удалось»... Позвольте спросить, как же самолет снимет с льдины героических парашютистов? В связи с этим вспоминается статья проф. Молчанова, напечатанная в газете «Рабочая Москва». Допуская только что обрисованное нами положение, он находит, что в положении десанта не будет ничего трагического. Просто, мол, нужно установить регулярное воздушное сообщение между материком и десантом на полюсе, при чем самолеты должны летать по этому маршруту «по крайней мере раз в шестидневку» (?!). Подумать только: уважаемый профессор требует открытия почтово-пассажирской линии Материк — Полюс с такой же легкостью, будто речь идет об установлении связи Москвы с Харьковом!

Не так-то легко летать в изменчивой и коварной Арктике, как это кажется некоторым!

Как видите, десант попал в довольно плачевное положение. Но допустим и обратное. Предположим, что десанту все же удалось расчистить подходящую площадку. Даже если база экспедиции будет находиться не на материке, как полагает проф. Молчанов, а на о. Рудольфа (Земля Франца-Иосифа), т. е. в точке, ближайшей к полюсу, и то десант окажется в 900 километрах от нее. Для тяжелых самолетов это 6 часов пути. Как же быть с погодой? Когда наступит тот счастливый день, когда и на базе, и на полюсе установится одинаково хорошая погода? Как мы уже знаем, такие случаи в Арктике име-

ют место довольно редко. Первая же передвижка льдов раздробит площадку...

Тов. Махоткин в своей статье вполне уместно вспоминает, что Амундсену удалось улететь только с седьмой площадки. А ведь у него и самолет был под боком, не нужно было вызывать его с базы! Десант тов. Мошковского, вероятнее всего, постигнет такая судьба: парашютисты еще не успеют закончить работу, как площадку или расколется на несколько частей, или сожмет гармошкой...

Вместо того, чтобы высаживать зимовщиков и вести научную работу на полюсе, экспедиции придется заняться спасением собственного десанта.

Теперь — о втором варианте. Допустим, правы те, кто полагает, что на полюсе есть ровные ледяные поля. Их обнаружили с самолета. В такую экспедицию поведут машины опытные полярные пилоты. Они смогут спокойно посадить свои самолеты на ледяное поле без высадки десанта. Спрашивается, зачем же тогда была вся эта сложная дорогостоящая подготовка, зачем было везти десант на полюс?

Разбираясь в поднятом вопросе со всех точек зрения, я прихожу к выводу, что парашютный десант — совершенно неприемлемое средство для осуществления столь серьезной задачи. В нашем распоряжении могут быть более надежные средства. Правда, они менее эффективны. Но ведь мы обсуждаем возможность решения большой научной проблемы, а не тему фантастического романа...

Вместе с тем я не стою на позициях огульного отрицания парашюта. В этом деле он неспособен послужить основным средством, но он может и должен сыграть свою роль. По-моему, экипаж самолетов, с которых будет высажена зимовка на полюс, должен быть снабжен парашютами. В том случае, если этого потребует обстановка, 2—3 человека из экипажа смогут прыгнуть на лед. Но они прыгнут только в том случае, если потребуется небольшое исправление выбранной площадки и руководством экспедиции уже будет решен вопрос о бе-

зусловной посадке самолетов (или самолета) на этой площадке.

Дискуссия закончилась, но каждый из нас прекрасно знал, что последнее слово еще не сказано. Только полет на полюс окончательно докажет, кто автор наиболее правильной теории.

На Московском центральном аэродроме для нас отведены две комнаты. Одна служит складом. Каждый день привозят сюда детали оборудования наших кораблей, имущество папанинцев и т. д. В маленькой комнатке уже становится тесно. По всем углам в хаотическом беспорядке валяются ящики, свертки, пакеты. Рядом со специальными лампами для подогрева моторов лежат резиновые матрацы и теплые чехлы для моторов.

Я грустным взглядом окидываю это драгоценное имущество.

— Лежишь без движения... Когда-то мы сможем тебя использовать?

Сегодня уже 17 марта, а по первоначальному плану старт был назначен на 15 марта. Но что поделаешь? Погода держит! Из-за плохой погоды до сих пор не удастся испытать самолеты, оборудование, проверить, как работает рация. В заводских лабораториях все испытания прошли очень удачно. Но что будет в воздухе? А в воздух подняться нельзя. Мешают туманы, низкая облачность.

Мы рассчитывали полететь на 4 тяжелых кораблях в сторону Архангельска, выбрать на расстоянии 600—700 километров от Москвы озеро, сесть на этот естественный аэродром и пожить недельку. Для нас очень важно проверить, легко ли своими силами запустить моторы и вернуться обратно.

Но увы! Сейчас уже ясно — нам нехватит времени на генеральную репетицию. Весна подкралась неожиданно. Зимний аэродром доживает последние дни.

Сегодня денек удался на-славу. Ясный, теплый. Солнце греет мягко, лас-

ково. Кажется, никогда и не было туманов и надоедливой, мокрой снежной крупы. Но могли ли мы радоваться солнцу, весеннему шуму, проталинкам, бриллиантовым капелькам с крыш? Наши самолеты — на лыжах. Попробуйка подняться в воздух, когда на аэродроме не только мокрый снег, но и самые настоящие лужи. Скорее менять лыжи на колеса! Но не успели механики проделать эту сложную и трудную операцию, как погода изменилась: низкие облака нависли над землей..

На другой день я приезжаю на аэродром очень рано. Но товарищи уже на своих местах. Механики берутся склос самолотов, готовя их к испытательным полетам. Флагштурман Иван Тимофеевич Спирин, невысокий, коренастый, по-военному подтянутый, сухопокашливая, разглядывает какой-то чертеж. По этому сухому кашлю я сразу понял: Спирин сильно беспокоится, успеет ли мы испытать самолеты. Я — не сентиментальный человек, но неожиданно для самого себя я почувствовал прилив нежности к этому талантливейшему штурману. К нам он пришел недавно из Красной Армии со специальным заданием провести отряд тяжелых кораблей точно к полюсу. Авторитет его огромен. Все мы знаем его не только как великолепного штурмана, но и как прекрасного опытного летчика. Иван Тимофеевич все успевает делать: и писать научные труды о штурманском деле, и водить самолет вслепую в самом густом тумане.

Но сегодня впервые я так ярко почувствовал, что этот очень сдержанный, холодноватый человек отдал предстоящей экспедиции всю свою скрытую под спокойной внешностью мятежную душу.

— Сегодня погода нас не подведет, — говорю я, крепко пожимая руку флагштурмана, а сам думаю: вдруг опять испортится.

— Обязательно закончим испытания, — отвечает мне Спирин и улыбается, словно он прочел мои затаенные мысли.

К нам подходят штурманы: Ритслянд, Жуков и Аккуратов. Они внима-

тельно выслушивают последние инструкции Спирина:

— Сегодня в воздухе самостоятельно, без инженеров, проверить еще раз радиопередатчики и приемники. Не забывайте, что радист будет только на флагманском корабле. Вы — и штурманы и радисты. Надо также посмотреть, как работают радиопеленгаторы (радиокомпасы).

— Иван Тимофеевич, — не утерпел я, — не забудь, что нам надо вылетать, потсропи своих штурманов.

— Нам осталось очень немного, — заявил штурман Жуков, — пройти по зоне радиомаяка и еще раз по солнечному компасу.

В этот момент в комнату быстро входит Шевелев.

— Что, Марк Иванович, летите с нами? — спросил я его.

— Ол райт! Для этого я сюда и приехал.

Скоро мы пошли в воздух. Денек выдался удачный. Все успели сделать. Теперь, если погода позволит, можно хоть завтра вылетать на полюс. Особенно я доволен испытанием моего воздушного тормоза: весит он очень мало, а работает прекрасно.

Мысль о воздушном тормозе родилась у меня во время дискуссии: как посадить самолет на маленькую площадку?

Парашют должен помочь. Это решение пришло в голову после долгих размышлений. Я обратился к парашютистам. Они посоветовали мне потолковать на эту тему с конструктором Титовым — специалистом по парашютному делу. Оказалось, что Титов раньше работал над этой идеей, но не довел дела до конца. Он охотно согласился мне помочь. Предложил приспособить тормоз в хвосте самолета, а конец троса прикрепить за болт костыля.

— Костыль очень прочный, он удержит, — сказал мне Титов. — Вы во время посадки дерните за шнур, и парашют отскочит.

— А вдруг он в воздухе откроется, — тогда гроб?.. — смеясь, спросил я.

Титов ответил мне, тоже весело смеясь:

— Да вы и не почувствуете, когда парашют оторвется. Ведь он рассчитан на скорость приблизительно 80 км. в час, а в воздухе скорость самолета вдвое большая.

Я просил сделать тормоз как можно скорее. И вот, наконец, у меня есть тормоз.

Все было готово к вылету. Летчики, практиковавшиеся на тяжелых машинах АНТ-6, заслужили прекрасную летную аттестацию. Штурманы тоже получили великолепную тренировку на этих же машинах. Наши старые, опытные механики еще раз детально проверили свои знания по моторам АМ-34.

Накануне выпал снег и слегка подморозило. Самолеты опять поставили на лыжи. Но вылететь нам так и не удалось из-за плохой погоды по маршруту.

Вечером в кабинете Отто Юльевича собрались Бергавинов, Шевелев и командиры кораблей. Советствие открылось докладом о погоде. Наш замечательный синоптик Вера Александровна Самойлова уже давно забыла, что такое нормальный сон. День и ночь собирала она погоду со всего Советского Союза и вместе со своими помощниками наносила на специальную синоптическую карту. С этой картой в руках она каждый вечер делала нам коротенькие доклады.

Сейчас она вошла со смущенно-виноватой улыбкой. Я сразу понял, что вести плохие.

— Завтра погода на участке Москва—Архангельск ухудшается. Видимость от 200 метров до 1 км. и почти наверняка грозит обледенение, — сказала она, не поднимая глаз.

Несмотря на серьезное беспокойство за старт, я не удержался от улыбки. У нашего синоптика был такой вид, как будто от нее зависело сделать хорошую погоду, а она, вот, не сумела и теперь ждет от нас достойного возмездия за свой промах.

Отто Юльевич взял карты, внимательно все просмотрел и обратился к нам:

— Товарищи командиры, завтра опять нельзя лететь. С юго-запада идет мощный циклон.

— Разрешите слово, — попросил я. — Завтра нам не удастся вылететь. А, судя по всему, ожидается потепление. Придется опять менять лыжи на колеса, иначе мы с трудом оторвемся от аэродрома.

Тов. Уралов — помощник Шевелева по полярной авиации — славится у нас как прекрасный организатор. Я тут же предложил поручить Уралову отправить лыжи поездом в Архангельск, а оттуда на аэродром в Холмогоры.

— Предложение ценное, — поддержал меня Шмидт. — Что вы скажете, товарищи командиры, и вы, Марк Иванович?

— Я настаиваю, — сказал Шевелев, — подождать еще денек. Может быть, удастся улететь на лыжах. Тогда мы избавимся от лишних хлопот.

— Это верно. Хлопот будет немало, — согласился я.

Решили подождать еще один день.

При расставании Отто Юльевич предупредил, что завтра в 6 часов вечера мы должны снова собраться у него. Пожимая ему руку, я невольно подумал: как непохож наш начальник экспедиции на руководителей экспедиций других стран. Ежедневно он вызывает нас. Просит каждого высказаться. Внимательно выслушивает каждое предложение. Советуется. Обсуждает. И только потом делает распоряжения.

Так воспитывается тесно сплоченный большевистский коллектив.

Как много значит для каждого из нас такой метод командования! Мы растем, и сильно растем. Одно сознание, что непосредственно участвуешь в решении важнейших государственных вопросов, заставляет очень много работать над собой и приучает особенно тщательно взвешивать все слова и поступки.

Совсем другое дело в капиталистических странах. Там — единоначалие не в нашем, в худшем смысле этого сло-

ва. Вернее, не единоначалие, а полный произвол желаний человека, стоящего во главе дела. Все остальные — беспрекословные пешки, слепо выполняющие приказания начальника. История полярных исследований знает примеры, когда борьба за власть, за единоначалие не в нашем, в худшем смысле этого слова приводила к полному краху все самые лучшие начинания.

Так бесславно закончилась богатейшая экспедиция герцога Абрुцко, успевшая добраться до бухты Теплиц на острове Рудольфа. Пока участники экспедиции спорили между собой о том, кому командовать, — беспризорный пароход, на котором они добрались до острова, был раздавлен льдами. В конце-концов, пришлось им думать не о дальнейшем продвижении, не о научных изысканиях, а о спасении собственной шкуры.

Для нас, воспитанных великой партией Ленина — Сталина, весь этот эпизод кажется нелепым кошмаром.

Разве что-либо подобное могло случиться у нас, в Советской стране?

У под'езда дома я встретил свою родственницу — Надю, мать Юрия Бесфамильного. Она попросила меня передать ее сыну посылку. Юрий уже около года работает механиком на зимовке Рудольфа. Когда он пятнадцатилетним мальчиком окончил семилетку, я взял его с собой в экспедицию по борьбе с саранчей. Он пристрастился к авиации. Сейчас он механик.

— Знаешь, Миша, — оживленно заговорила Надя, подымаясь по лестнице. — Я от Юрия получила радиограмму. У зимовщиков огромная радость! Наконец-то они дождались солнца. Юрий знает, что ты скоро прилетишь к ним, и просил меня прислать с тобой побольше сладостей, — все остальное у них есть в избытке... Слышишь? — неожиданно прервала она свой рассказ.

Сверху, по лестнице неся заливчатый плач ребенка. На секунду он

умолк, а потом разразился с новой силой.

— Это твой Юрка, — засмеялась Надя.

Я нажал кнопку звонка.

— Эй ты, горлан! Замолчи! — шуточно прикрикнул я на Юрку, войдя в комнату. — Дадим ему пустышку, что ли? — обратился я к Наде. Та меня поддержала.

И чудачок же Юрка! Сунули ему в рот резинку, а он довольно чмокает губами. Эх, обманули тебя, дорогой товарищ!.. Теперь и мне можно спокойно ложиться спать. Неизвестно, что будет завтра...

Сумрачное утро рано заглянуло в окно спальни. Мокрый снег оставлял на стекле следы слез. Печально... но ничего не поделаешь. На аэродром я поехал в очень скверном настроении.

Вместе с т. Райвичером, комендантом аэродрома, мы долго ездили на аэросанях, разыскивая место для взлета на лыжах. Конечно, проталины можно забросать снегом, но риск большой: вырвавшая на старт, мы можем так ободрать лыжи, что они потом никуда не будут годиться.

После осмотра аэродрома я направился к самолетам. Там продолжали работать механики, любовно проверяющие в десятый раз каждый винтик. Машины давно стоят в полной готовности к вылету. Но это уж такой беспокойный народ наши механики: все им кажется, что какая-то деталь еще не в полном порядке.

Меня закидали вопросами:

— Когда вылет?

— Долго еще будем тянуть?

— Когда будет хорошая погода, — коротко и сердито ответил я, хотя прекрасно понимал, что для них, как и для меня, мучительно ожидание. Слышом затянулся наш вылет.

— Скорее бы! — эти слова я читал в глазах каждого участника экспедиции.

— Товарищ командир, разрешите доложить, — подходит ко мне командир корабля «169» Илья Мазурук. — Самолет в полном порядке, но при рулежке что-то попало под левую лыжу. В

результате лыжа продавлена и сильно поцарапана. Разрешите заменить лыжи. — Подожди немного. Я узнаю на Центральной авиационно-метеорологической станции погоду, — тогда окончательно решим, что делать.

Ура! Радость! Завтра ожидается улучшение погоды. Надеюсь, улетим!

Я немедленно даю распоряжение переменить лыжи на колеса у всех кораблей, кроме двухмоторного разведчика, пилотируемого летчиком Головиным.

— В последний раз меняем? — недоверчиво спросил меня мой механик Басейн.

— В последний, — уверенно ответил я.

Следить за заменой лыж колесами я поручил инженеру полярной авиации тов. Руденко. Это — большое и сложное дело. Машина тяжелая, вес ее достигает 23 тонн. Домкрат упирается не в ось, а с помощью специальной стальной стойки в центроплан. Лыжи, в свою очередь, весят около 900 кг. Я договорился с инженером Руденко, что он вызовет с завода бригаду рабочих, а, если понадобится, то и две, и сам лично будет ими руководить.

После этого я поспешил в Управление Главсевморпути.

В коридоре управления я столкнулся со своим радистом Симой Ивановым, верным моим спутником во всех полетах за последние годы.

— Михаил Васильевич, — обрадовался он мне, — надеюсь, ты не забыл взять с собой домино? Поиграем?

— Вот молодец, Сима, что напомнил. Сейчас зайду на минуту к Отто Юльевичу и поеду прямо в Братцево, там попрошу сестру-хозяйку одолжить нам домино.

В Братцевском доме отдыха Главсевморпути меня встретила симпатичная девушка.

— Вы кого ищете?

— Сестру-хозяйку.

— Она наверху. Я сейчас ее разыщу. Подождите минуточку.

И, не дожидаясь моего ответа, побежала по лестнице.

— Иду в биллиардную, — крикнул я ей вслед.

Иду по коридору... невольно останавливаюсь у окна. Как здесь красиво... особенно летом. Но и зимой неплохо. Курсанты Николаевской авиационной школы с громким хохотом, обгоняя друг друга, кружатся на коньках около закрытого фонтана. Хорошая молодежь. Искренняя, веселая, здоровая. Приятно смотреть. Скоро эти юноши полетят на Север, помощниками нам будут. С такими молодцами не пропадешь.

Взгляд мой еще раз остановился на фонтане, неожиданно я вспомнил один веселый эпизод. Это было летом, когда серебристые струи фонтана непрерывно рассекали июльский воздух, напоенный ароматом цветов. Цветы распустились так пышно, что посыпанные желтым песком дорожки еле-еле просвечивали сквозь зелень клумб.

Иван Дмитриевич Папанин мечтательно стоял у фонтана.

— И до чего же хорошо здесь! — восторженно повторял он. — Вверх смотрю — зелень, вниз — зелень и цветы. А там, вдали... полюбуйся-ка! — схватил он меня за руку.

Сквозь густую листву деревьев просвечивают электрические лампочки, и кажется, что нарядная красавица-елка, залитая огнями, ожидает веселый хоровод счастливых, звонкоголосых детишек.

— Ты поэт, Иван Дмитриевич, — усмехнулся один из наших спутников. — Растрогался... Цветочки, огоньки увидел. А еще на полюс собираешься. Там ведь этого нет.

Папанин искренно удивился:

— Разве арктическая природа нехороша? Вспомните-ка бесконечные голубоватые просторы. А суровая и могучая красота айсбергов! Разве можно не любить великолепную искристую Арктику? Мы, большевики, разгадаем ее тайны, покоришь ледяное царство! Правильно, товарищ Водопьянов?

— Правильно, Иван Дмитриевич, — откликнулся я.

— Браточки! — продолжал Папанин. — Что-то жарко от воспоминаний об Арктике. Не принять ли на ночь холодный душ?

И, недолго думая, он начал быстро раздеваться.

— А-ах! И хорошо же! — Иван Дмитриевич закружился в хрустально-ледяном каскаде брызг.

— Совсем как у себя в Арктике!

Мы хохотали до упаду...

Получив домино, я зашел в билиардную. Там играли курсанты. Они встретили меня веселыми шутками.

— Это вам не в Арктике летать, товарищ Водопьянов. Надо уметь играть.

Я молча взял кий и натер его конец мелом. Мне «не повезло». Обыграли меня. Отыгрываться было некогда. Уже около 5 часов, а в 6 часов заседание у Шмидта.

— Когда вернемся с полюса, я вам отомщу! — сказал я, прощаясь.

— Счастливого пути, товарищ Водопьянов! Ни пера, ни пуха!

Курсанты проводили меня до машины.

... Облака — высоко-высоко в небе. Временами они закрывают спускающееся к горизонту солнце. Даль видна — чистая, прозрачная. Завтра будет хорошая погода. Завтра — в путь!

Нас уже давно ждут в Холмогорах... беспокоятся... Когда выяснилось, что, возможно, придется вылетать на колесах, во все концы полетели телеграммы. Мы запрашивали об аэродроме Казань, Свердловск, Тюмень, Вологду, Архангельск.

Радиограмма из Архангельска сообщила, что мы можем посадить наши тяжелые корабли в 70 км. от города в местечке Холмогоры.

Интересно, в каких условиях будет происходить наш перелет... Когда погода хорошая, мы, летчики, не думаем о возможных осложнениях дальнейшего пути. Наслаждаемся таким знакомым и все же вечно новым ощущением полета. А попадем в туман или пургу, — тогда держи штурвал, зорко следи за малейшими колебаниями приборов.

Оказывается, — сделал я сам для себя открытие: только на земле летчик думает о новых опасностях и вспоминает пережитые в воздухе тяжелые часы и минуты.

Сегодня на совещании присутствуют командиры кораблей и штурман флагмана Спирин. Федоров, секретарь Шмидта, предупредил нас, что Отто Юльевич опоздает минут на 10. Я решил, не теряя золотого времени, еще раз расспросить Молокова, Алексеева и Мазурука о готовности машин.

У Молокова и Алексеева все в порядке. Хоть сейчас вылетать. Самолет Мазурука будет на колесах к 8 часам вечера. Это не страшно. Но у него, оказывается, нет теплых чехлов для мотора и одной подогревательной лампы. Его механик обыскал весь склад, но так ничего и не нашел.

— Николай Александрович! — обратился я к Уралову. — Ты же главный организатор технического снабжения. Неладно получается...

— Не беспокойся, — заявил Уралов. — Не задержим. Лампа уже на складе. А за чехлами уехали в мастерскую. После совещания я сам поеду на аэродром и еще раз проверю.

Машина Головина давно уже была готова. Завод подготовил двухмоторный АНТ-7. Он шел с нами в экспедиции, как разведчик. На него мы возлагали большие надежды. Головин должен был вылететь на несколько дней раньше и проверить аэродромы по маршруту Москва — Архангельск — Нарьян-Мар — Амдерма — Маточкин Шар — мыс Желания — остров Рудольфа.

С Рудольфа ему предстояло делать глубокие разведки по направлению к Северному полюсу.

Но, к сожалению, его задержала погода. Решено, что он летит вместе с нами...

— Где же Марк Иванович? — спросил Спирин.

— Я здесь... — неожиданно раздался голос Шевелева, вошедшего вместе с Верой Александровной.

— Прямо с аэродрома. Две бригады работают по смене лыж. Механиков я отправил домой. Пусть высыпятся. Есть надежда на хорошую погоду. Вера Александровна обещает. Возможно, завтра вылет.

Появился Отто Юльевич, на-ходу снимая свою короткую кожаную куртку.

— Вы уже здесь, Вера Александровна? Вот и хорошо! Расскажите-ка нам, какие у вас виды на завтра?

Вера Александровна разложила на столе синоптические карты.

— Вот утренняя погода. Циклон прошел, как я и предполагала, между Вологдой и Архангельском. Если бы вы вылетели сегодня, вам пришлось бы пересекать главный фронт циклона. Могли быть крупные неприятности.

Отто Юльевич одобрительно кивнул головой в ответ.

— Умница вы. А что завтра?

— Завтра тоже идет циклон, только более слабый, и движется он очень медленно, так что ваш маршрут он будет пересекать не раньше, чем в половине дня. Я советую вам вылететь как можно раньше, чтобы не наткнуться на циклон в районе Вологды. Облачность по всей трассе полная, с редкими разрывами. Видимость предполагается от 4 до 10 км. Вот и все, что я могу вам сказать.

— Ну, товарищи командиры, что вы скажете? — обратился Отто Юльевич к нам.

Зима уходила стремительно. Ранняя весна уже вступила в свои права. Московский аэродром раскисал. Что-то делается в Холмогорах? Нет, ждать больше нельзя!

Мы решили: надо вылетать завтра в 6 часов утра. Тогда успеем до полудня попасть в Холмогоры и избежим встречи с циклоном.

Отто Юльевич внимательно нас выслушал.

— Вам виднее, — ответил он. — Я, товарищи, человек не авиационный. Вы говорите, что лететь можно, значит, завтра вылетаем. В 5 часов утра все будьте на аэродроме. Совещание считаю закрытым. Идите отдыхать.

— Куда поедет? — спросил меня Павел Иванович.

— Домой.

Пересекаем Красную площадь. Часы Спасской башни показывают 25 минут восьмого.

А вот и мавзолей. Сколько раз бывал я здесь, жадно всматриваясь в давно знакомые черты гениального человека, создавшего счастье миллионов!

Как жаль, что нельзя сейчас перед отлетом еще раз взглянуть на него и сказать ему: ты дал жизнь таким, как я.

Едем дальше. Москва сверкает огнями. Я наклонился к стеклу и посмотрел вверх. Темно... Звезд не видно... облака... А вдруг завтра не удастся лететь... Машина мчится мимо Реалистического театра. У подъезда толпится народ. Я успел прочитать афишу. Сегодня идут «Аристократы».

В этот театр я отдал свою пьесу «Мечта». Репетиции уже начались. Неужели Бесфамильный на сцене водрузит флаг на полюсе раньше, чем мечта пилота станет реальной действительностью?

— Павел Иванович, поворачивай на аэродром!

— Сколько раз уходил я с этого аэродрома в большие перелеты. Пять раз летал в Хабаровск, два раза на Чукотку, на Землю Франца-Иосифа, а завтра лечу на полюс.

Знакомая картина: Бассейн возится у самолета.

— Ты что здесь делаешь, Флегонт? Шевелев сказал мне, что отправил тебя домой отдыхать.

— Не сидится мне дома, Михаил Васильевич.

Из самолета вылезли инженер Морозов и механик Петеник. Сознаться, я не очень удивился, увидев их здесь. «Разве усидишь дома», — мысленно повторил я слова своего бортмеханика.

— Завтра в 6 часов улетаем. Смотрите, товарищи, не подкачайте!

— Не подкачаем, Михаил Васильевич! — дружно ответили мне механики.

Я пошел посмотреть другие машины. Конечно, застал на местах и командиров, и их экипаж.

Когда я вернулся домой, было уже около одиннадцати. Весть о том, что мы

завтра улетаем, уже разнеслась среди родных и знакомых. Столовая была полна народа. Меня встретили упреками, что я заставил себя очень долго ждать. Рассказав о причинах позднего возвращения, я подсел к моему старому другу Федору Ивановичу Грошеву. Он смотрит на меня молча и улыбается. Мы научились без слов понимать друг друга. Еще в 1919 г., работая возчиком бензина в дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец», я очень привязался к старшему механику корабля Федору Грошеву. Меня восхищало, что этот невысокий черноусый человек с такими острыми глазами, что, кажется, он видит тебя насквозь, — никогда не знал усталости.

С измазанными руками он переходил от одного мотора к другому, помогая мотористам готовить самолет на фронт. И все же он находил время для меня, простого красноармейца. Раскрывал мне тайны механизмов. Учил меня, радовался моим успехам. Именно благодаря Федору Ивановичу из меня вышел неплохой бортмеханик.

Мы не упускали друг друга из вида: «старая дружба не ржавеет». В дальнейшем Грошев часто летал с Бабушкиным на разведку морского зверя. И опять же с Бабушкиным он в 1928 году летал на розыски Нобиле. Тогда-то он и получил орден Красного Знамени. В 1930 году, когда я впервые пошел в большой перелет Москва — Хабаровск, моим бортмехаником до Иркутска был Грошев. Сейчас он не летает. Его назначили начальником испытательной станции на заводе. Главным инженером этого завода работает мой друг детства Петр Михайлович Виньков. Конечно, он тоже не утерпел — пришел позвать мне на прощание руку.

Сколько всевозможных лишений пришлось испытать нам с Виньковым! Но он никогда не падал духом. Добродушный, всегда веселый, он нередко поддерживал меня в трудные минуты жизни.

— Подожди, Миша, — говорил он мне, — теперь советская власть. Дай ей только немного окрепнуть, и заживем мы с тобой лучше буржуев.

Мои пути летчика постоянно скрещиваются с путями главного инженера завода. Этот завод не раз готовил машины для моих больших перелетов: на спасение челюскинцев, на Чукотку, на Землю Франца-Иосифа. Петр всегда повторял мне при приемке самолета:

— Будь сам осторожен, а машина, моторы тебя не подведут. На совесть сделано.

Как хорошо, что эти два по-настоящему близких мне человека пришли провести со мной последний вечер перед отлетом вглубь Арктики.

— Маруся, а где ребята? — спросил я жену, беря из ее рук стакан горячего, крепкого чая.

— Дети уже легли спать. Время позднее, — в один голос ответили мне жена и мать.

— Мы не спим! — закричали веселые голоса из детской. — Папа, иди к нам скорее. Мы тебя ждем!

Я открыл дверь в детскую.

— У вас тут темно. Где же выключатель? Никак не найду.

Из темноты доносится возбужденный голос пятилетнего Миши:

— Я знаю, знаю! Сейчас открою!

Я подхватил Мишу на руки.

— Вы что не спите?

— А я говорил Вовке — давай спать, а он не спит, — смущенно лепечет Мишук.

Я поцеловал его, уложил в постельку, закрыл одеялом.

— Теперь спи... Будешь спать?

Он моргнул в знак согласия слипающимися от набегавшей дремоты веками, но все же пробормотал:

— Папа, ты завтра уезжаешь?

— Не уезжает, а улетаем, — поправила его Вера.

— Улетаю, Миша, далеко на север. Если ты будешь умником, послушным, знаешь, что я тебе оттуда привезу?

(Что можно привезти с полюса — и сам не знаю).

Меня выручил Вова:

— Медвежонка привезешь ему, папа?

— Правильно, белого медвежонка привезу, если не будешь шалить. Хорошо?

У мальчугана сна, как не бывало,— глазенки засверкали, порозовел.

— Живого, папа? Живого?

— Ну, конечно, живого, обязательно привезу. А сейчас спи.

Расцеловав ребят, я вернулся в столовую.

Я вспомнил и рассказал присутствующим замечательный случай.

Это было в тот памятный день, когда мы, участники челюскинской эпопеи, вместе с нашими вождями поднялись на трибуну у Кремлевской стены. Нас приветствовали восторженные москвичи. Цветы... музыка... Лица, сияющие особенной лаской и теплотой. Что-то кричат нам. Не слышно, но понятно.

Вдруг около трибуны я увидел своих ребят: Веру и Вову. Я позвал их. Часовой посторонился, и дети забрались на трибуну. Я дал им маленькие флажки: — Приветствуйте демонстрантов!

Но Вера и Вова только мельком взглянули на красиво убранные колонны. Их глазенки бегали по трибуне, кого-то искали.

— Папа, где Сталин? — шепнул мне на ухо сынишка.

Я не успел ответить: Иосиф Виссарионович, улыбаясь, подошел к нам.

— Здравствуйте, — пожал он ручки детям. — Как тебя зовут?

— Вера.

— А тебя?

— Вова.

— Вова... Так это ты побоялся сказать учительнице, что твой папа спас челюскинцев?

Вова храбро поднял глаза на Сталина:

— Я совсем не боялся. Но как я мог ей это тогда сказать? Я сам еще не знал, удалось ли папе спасти челюскинцев.

Сталин весело рассмеялся.

Меня до глубины души поразило, что этот человек, загруженный важнейшими государственными делами, удержал в памяти этот маленький эпизод, рассказанный моей женой на страницах «Правды». Я живо почувствовал, какой большой любовью к детям согрето сердце этого величайшего человека нашей эпохи.

... Время шло незаметно, стрелки часов показывали без десяти двенадцать, когда гости распрощались со мной, пожелав мне счастливого пути.

Пора спать. Завтра — вылет.

— Ну, что, опять беспокоишься? — спросил я шутливо жену.

— Конечно. Ты ведь летишь туда, куда еще никто никогда не летал. Но,— продолжала она, и в ее голосе зазвучали какие-то новые, незнакомые мне ноты, — я ни за что на свете не хотела бы, чтобы ты отказался от этого полета.

— Почему? — заинтересовался я.

— Беспокоюсь, но еще больше мечтаю о твоём полете. Я верю, что ты выполнишь задание Сталина. Полюс будет наш!

... Хорошо сказала Маруся: «Я верю, что ты выполнишь задание Сталина». Разве можно не выполнить его задание? Жизнь отдам за Сталина и пожалею только об одном, что у меня нет второй жизни, чтобы тоже отдать за него.

... В последний раз я его видел в Кремле на встрече Чкалова, Байдукова и Белякова. Когда очередь дошла до меня, я сказал:

— Товарищи, мы, советские летчики, не страдаем профессиональной завистью. Мы искренно и горячо радуемся успехам наших товарищей. Но при этом каждый из нас мечтает совершить еще более замечательный полет во славу нашей родины. Чкалов, Байдуков и Беляков совершили дерзкий прыжок, прошли без посадки 9 тысяч километров по новой трассе. Всему миру показали они, на что способна Советская страна.

И, обратившись к товарищу Сталину, я добавил:

— Дорогой Иосиф Виссарионович, разрешите мне полететь туда, куда еще никто не летал. Вернее, летал, но не садился: на Северный полюс. Там, на крыше мира, я посажу советский самолет.

Сталин улыбнулся и ничего мне не ответил, но я не сомневался, что он разрешит полет на полюс. Он верит нам.

И вот, завтра я лечу на полюс.

Ровно в 5 часов утра я был на аэродроме. Наши самолеты стояли в разных местах. Мой и Мазурука — около центральной станции; Молокова и Алексеева — вблизи ангара ЦАГИ. Расстояние между самолетами около километра, а до машины Головина еще больше. Пешком идти трудно. Снег рыхлый, а внизу вода. На автомобиле не проедешь. Пришлось воспользоваться аэросанями. Я быстро проверил все машины. Механики на местах. К самолетам подвозят горячую воду. Скоро начнут запускать моторы.

Договорился я с командирами кораблей: первым на старт вырulingваю я, за мной Молоков, Алексеев, Мазурук и последним — Головин.

Теперь дело за погодой. В Москве небольшие порывы ветра. Лететь можно.

Как только в половине шестого на аэродром приехал Отто Юльевич — я вместе с ним поднялся на второй этаж здания Центрального аэродрома. Вера Александровна по телефону принимала сводку погоды по нашему маршруту.

— Как погода?

— Минуточку подождите. — Вера Александровна продолжала слушать. Вот она, наконец, повесила трубку.

— Погода удовлетворительная. Лететь можно. Местами будут небольшие снежные заряды. Видимость ухудшается до 4—2 километров.

— Разрешите, Отто Юльевич, запустить моторы, — обратился я к начальнику экспедиции.

— Запускайте.

Я отдал распоряжение, и механики поспешили к самолетам. На корабле Н-170 один за другим заработали три мотора. Водомаслогрейка отъехала к самолету Мазурука. Я внимательно прислушиваюсь... на самолете Молокова заработал один мотор... второй... третий... Гудят моторы машины Алексеева. А у меня четвертый мотор забастовал, — остыла вода, а водомаслогрейка застряла у самолета Мазурука. Приходится ждать.

Механики самолетов Молокова и Алексеева перевели свои моторы на незамерзающую жидкость — антифриз. Но у них тоже что-то не в порядке — четвертый мотор не работает. Время идет... Уже девять часов. Решаем послать Головина первым. Пусть выполняет свою роль разведчика. Дорогой он будет по радио передавать нам состояние погоды. Ко мне подходит Сергей Адамович. Он заметно не в духе.

— Что случилось? Почему не все моторы работают?

— В одном из моих моторов необходимо сменить воду. Тогда все будет в порядке.

— А на других машинах?

— Не знаю. Сейчас поеду к Молокову и Алексееву.

— Я с вами.

Через минуту аэросани доставили нас к ангару ЦАГИ. Картина невеселая. Дела много хуже, чем у меня. Оказывается, в моторах Молокова и Алексеева остыл антифриз. Эту дорогостоящую жидкость придется сливать и снова нагревать. Сколько это займет времени — подумать страшно.

... Инженер Гувовский включил на своем самолете мою взаимно-обогревательную систему.

В Москве, конечно, легко обойтись и без этих усовершенствований. Но что будешь делать, когда в водомаслогрейке нет больше антифриза? Пришлось взять пример с Гувовского всем механикам. «Арктические усовершенствования» выручили нас и на Московском аэродроме. Через несколько минут во всех моторах жидкость нагрелась до 80 градусов.

— Сейчас пойдут, — облегченно вздохнул я.

— Пойдут ли? — усомнился Бергавинов.

— Даю слово, через полчаса все машины будут готовы к отлету.

— Это ведь только начало, Сергей Адамович, — невольно начал оправдываться я. — Посмотрите, около каждого самолета родные и знакомые, совет-

чиков слишком много, суета, спешка. Уверяю, в дальнейшем у нас будет ити «как по маслу».

— А вот тебе и вещественное доказательство, — обрадовался я: мотор, капризничавший больше всех, начал прекрасно работать. У механиков довольные лица. Ивашина смеется. К нам подошел Алексеев.

— Когда будете готовы к вылету? — спросил его Сергей Адамович.

— Через десять минут. Молоков тоже. А как погода?

— Портится, — махнул рукой Бергавинов. — Ты ведь слышал, как вчера Вера Александровна уговаривала лететь пораньше.

Я прислушался. Моторы самолетов, моего и Мазурука, работают хорошо.

— Улетим, Сергей Адамович!

Доложил Отто Юльевичу о готовности машин к отлету. Шмидт поспешил к Вере Александровне. Та уже в шестой раз получила сводку о погоде.

— Как, Вера Александровна, можно лететь? Головин уже прошел Вологду.

Она ответила Шмидту очень нерешительно:

— Не могу поручиться, что погода будет настолько же благоприятная, как во время полета Головина. Более того, я знаю, что погода портится с каждым часом, — и Вера Александровна начала читать нам последние малоутешительные сводки.

Я призадумался. Сколько мы сегодня мучились сами и мучили других. Конечно, это неплохая репетиция. Если вылетим завтра, — моторы запустим без задержки. Но какая будет завтра погода?..

— Как вы думаете, Михаил Васильевич, можно лететь? — прервал мои грустные размышления Шмидт.

— Если погода по нашей трассе ухудшится еще в два раза, то все же лететь можно, — твердо заявил я.

— Я присоединяюсь к Михаилу Васильевичу. Погода все-таки летная, — поддержал меня Шевелев.

Отто Юльевич дал распоряжение немедленно вылетать. Началось прощание с родными. Нас улетало сорок три че-

ловека. Можно представить, сколько было провожающих....

Подождав, пока будущие зимовщики: Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров еще раз обняли своих близких и сели в кабины самолетов Молокова и Алексеева, я вырулил на старт. За мной пошли машины Мазурука, Молокова и Алексеева. Впереди на аэросанях ехал товарищ Райвичер, указывая нам дорогу.

Погода испортилась. Начался сильный ветер. Но все четыре корабля уже на старте.

Вдали, около центральной станции, толпа. Это провожающие. Интересно, о чем они сейчас думают? Конечно, о нас, о нашей экспедиции... Некоторые, наверно, сомневаются, долетим ли мы... волнуются за нас. Но есть ли среди них хотя бы один, не желающий нам удачи от всей души? Нет таких. Я сам видел, какой надеждой и хорошей человеческой тревогой горели глаза людей, пожимавших нам руки перед стартом.

Страна еще не знала о нашем полете. Мы, большевики, не любим шумихи. Но если бы весть о вылете на Северный полюс разнеслась по городам и селам, миллионы дружеских глаз смотрели бы в этот час вверх, мысленно желая нам полной удачи.

Я взглянул на Бабушкина, он улыбнулся мне: ничего, ведь мы не впервые летим в Арктику.

Тов. Райвичер держал красный флажок. Сейчас он поднял белый. Готовься!

«Мечта пилота сбывается», — успел подумать я.

Взмах белым флажком... Немедленно даю полный газ... Четыре мотора с ревом отрывают машину от аэродрома.

22 марта 1937 года, 12 часов 30 минут... Полет на Северный полюс начался.

Самолет в воздухе. На границе аэродрома нас так сильно бросило вверх, что, если бы не помощь Бабушкина, — не знаю, как бы удалось удержаться. Я все же успел увидеть под левым крылом Ленинградское шоссе. В это время — нольый бросок вниз.

«Если так будет продолжаться до Архангельска, плохо нам придется, — подумал я. — Автопилот при такой болтанке включать опасно: может не только сам поломаться, но и управление испортить...»

Внизу мелькают: бега... Белорусский вокзал... площадь Маяковского, площадь Пушкина... Разворачиваться опасно... Постепенно набираем высоту. 200 метров над землей... Вот он, Кремль... Сюда мы вернемся только победителями, поверь нам, Сталин.

...Бабушкин указывает по направлению к Ходынке. Знаками объясняет мне, что два самолета уже в воздухе. Хорошо. Бассейн внимательно прислушивается к работе моторов, но все же не забывает заглянуть в окно — окинуть прощальным взором красавицу-Москву. Эх, и хороша же она, наша красная столица! Часто смотрел я на нее с высоты — и каждый раз она меня волнует по-новому.

Мои спутники, очевидно, переживают те же настроения. Они машут руками и шлемами... До свидания, Москва! До скорой встречи!

Пролетаю над Садовым кольцом. На эту широкую ровную улицу можно в случае необходимости сесть. Дальше... дальше...

Трамваи, как букашки, движутся между крохотными игрушечными домиками. Людей отсюда не различишь. Но мне кажется, я вижу их стремительный бег по асфальтовым улицам...

Открывается дверь штурманской рубки. Показывается Спирин. Он старается быть спокойным, серьезным. Но это ему не удается, — необычная, задорная, почти мальчишеская улыбка освещает его строгое лицо: летим!..

— Норд, — сказал Иван Тимофеевич, подходя ко мне, и сам перевел стрелки компасов, моего и Бабушкина, на север.

— Есть норд, — торжественно произнес я.

Спирин весело махнул рукой и вернулся в штурманскую рубку.

... Самолет в воздухе.

12 часов 40 минут. Все четыре корабля легли на курс. Впереди я на флаг-

мане, слева — Молоков, справа — Мазурук и Алексеев. Идем строем. Стоит мне только повернуть голову: вот они — сине-оранжевые птицы! Перед глазами аэронавигационные и контрольные приборы. С их помощью летчик находит дорогу в густом тумане, в темноте. Мне пришло в голову: человек идет ночью по неосвещенной улице, идет неуверенными шагами... спотыкается... вот-вот упадет. Вдруг он вспоминает, что у него в кармане лежит электрический фонарик. Секунда — и фонарик освещает дорогу. Человек спокойно продолжает свой путь. Так и летчик. Он рискует споткнуться в слепом полете, но вот он включил приборы, и воздушный путь освещается ярче, чем темная улица электрическим фонарем. А автопилот... летчик может спокойно отдыхать — машина будет идти по указанному курсу...

Авиационная техника изумительна, но все же она не всеильна. Обледенение... Неужели мы так и не найдем средства борьбы с этим заклятым нашим врагом? Эта мысль преследовала меня, когда я вылетал на Землю Франца-Иосифа. Сейчас она тоже не дает мне покоя.

Скорость, высотность машины, — вот что дает возможность раз навсегда покончить с обледенением.

Позже я узнал, что, сидя за столом в просторной штурманской рубке, Спирин не переставал думать о том же.

Что сейчас делают механики? Перед Бассейном стоит доска с приборами, контролирующими работу моторов. Он следит за давлением масла и бензина в моторах, за температурой воды и масла. Одновременно он не выпускает из поля зрения пожарные краны и помпу. Загрузка у механиков большая. Не меньше, чем у летчиков.

Петенин внимательно проверяет приспособления для запуска моторов и маленький компрессор, накачивающий в баллоны сжатый воздух для запуска моторов.

В хвостовой части самолета установлены два бака на случай, если понадобится лить воду из радиаторов мотора,

и два бака для масла. Тут же сложены стремянки, люльки для подогрева моторов, воронки, ведра и т. д. Все это сложное и многообразное хозяйство принадлежит целиком и полностью Бассейну и Петенину.

Наше же общее хозяйство аккуратно уложено между кабиной механиков и просторной радиорубкой. Мы взяли с собой: спальные мешки, резиновые матрацы, оранжевые шелковые четырехместные палатки. На случай вынужденной посадки на воду и для переправы через разводья у нас есть резиновые надувные лодки. Они весят очень мало, а поднимают груз до 300 килограммов. Запаслись мы и нартами. Пока они лежат в разобранном виде. Рядом с ними — лыжи для участников экспедиции и аварийная радиостанция. Здесь же хранится неприкосновенный запас полярного обмундирования: меховые куртки, унты, собачьи чулки, теплое белье и неприкосновенный запас продовольствия.

Мы захватили с собой трехмесячный запас высококалорийных продуктов из расчета 1 килограмм на человека в день. Рядом с продуктами примостился легкий фанерный ящик с кухонной посудой: примусы, сковородки, кастрюли, чайник, кружки; даже иголки для чистки примусов не забыли...

Москва уже далеко... Летим на высоте 300 метров... Видимость хорошая. Но болтает нас зверски. Я часто меняюсь с Бабушкиным. Вести самолет сегодня нелегко. Но настроение у всех прекрасное. Я присматриваюсь к своим спутникам. На корабле 11 человек: Шевелев, Бабушкин, Бассейн, Иванов — все они, как и я, крепкими нитями связаны с полярной авиацией. Спирин пришел к нам недавно, но успел уже сродниться с нами и завоевать огромный авторитет. Инженер-механик Морозов много лет работает по испытанию новых моторов. Инженер-радиотехник Радаминов известен как большой знаток своего дела. Техник по приборам Ваня Кистанов — общий любимец и прекрасный работник. Все свои, давно знакомые люди.

Бортмеханик Петенин попал к нам

в экспедицию почти случайно. Раньше я его не знал. Познакомились мы, когда я тренировался на АНТ-6. Он был на этой машине старшим бортмехаником. Я внимательно изучал материальную часть самолета, многочисленные краны, моторы... Поневоле приходилось обращаться за объяснениями к Петенину. Он очень охотно давал всегда толковые и подробные ответы.

Однажды в воздухе он выключил один мотор. Наш инструктор пошел на посадку. Спрашиваю Петенина:

— В чем дело?

Оказывается, сгорел выпускной клапан правого мотора.

Придется ему повозиться, бедняге. Сменить этот клапан дело нешуточное. Тем более, что морозы стояли крепкие, не меньше 20°.

На другой день приезжаю на аэродром. Смотрю, три мотора уже вертятся, клапан сменен.

Стали запускать четвертый мотор: воздух просачивается... Винт ни с места.

— Что случилось? — спрашиваю Петенина.

— Пустяки, — успокаивающе машет он рукой, — сейчас все налажу.

Быстро вытаскивает распределительный золотник, осмотрел его, подвернул винт, поставил на место. Мотор заработал.

Мне понравился этот круглолицый, невысокого роста, расторопный человек. Я подумал, что он будет под парю Бассейну. Пусть «маленькие» механики управляют большим кораблем. Руки-то у них золотые, да и головы тоже.

— Петенин, пойдешь со мной на полюс?

Мой вопрос прозвучал для него слишком неожиданно. Он, вероятно, подумал, что я шучу. Замялся.

— Как ты думаешь, Михаил Сергеевич, если он согласится, возьмем к себе на корабль?

— Его взять можно, — согласился Бабушкин.

— Петенин, ты что же не отвечаешь на вопрос? — вмешался в наш разговор инструктор майор Бабкин.

— Если это не шутка, пойду с огромным удовольствием, — у Петенина загорелись глаза.

Я не ошибся в своем выборе. Наша экспедиция приобрела еще одного великолепного механика. Мой экипаж быстро с ним сдружился. Особенно радист Сима Иванов. Сима — мой старый приятель. С тех пор, как я снял его со льдины вместе с последними еще оставшимися в лагере челюскинцами, он уже третий раз летит со мной. Я к нему привязался. Он — хороший товарищ во время опасных и тяжелых перелетов. Всегда удивительно спокойный, ровный... В каких только «переплетах» ни приходилось ему бывать. Но он и виду не подает, что заметил, если что-нибудь случается. Откроет большие удивленные глаза и спросит:

— Разве что-нибудь страшное было?

С главным синоптиком экспедиции тов. Дзержневским у нас тоже установились прекрасные отношения. Я был рад, что он летит на моем корабле.

Сейчас он только что прошел в штурманскую рубку, побыл там две минуты и вернулся. Подошел ко мне:

— Погода ухудшается, товарищ Водопьянов. Местами снегопад.

— Ничего, пройдем.

— Пролетели 250 километров. Путевая скорость — 211 километров в час, — сообщает Спирин.

Мы идем с попутным ветром на высоте 300 метров. Впереди что-то чернеет... Попадают облака. Земля постепенно скрывается... Пришлось снизиться до 200 метров. Впереди черная стена. Вот-вот она надвинется на наши самолеты и скроет от нас землю. Но это только кажется. Мы, летчики, уже знаем, что это не туман, а снегопад или дождь. Правда, впереди видимость сильно ухудшилась, но по вертикали земля видна. Я прошу Кистанова включить автопилот, только курс ТС, чтобы сохранить строго-прямое направление и не спутать расчеты нашего штурмана. Сильный снегопад заставил нас снизиться еще на 100 метров. Летим над самыми деревьями. Крыши домов мелькают тоже совсем близко.

Воображаю, сколько шума наделали мы, пролетая над деревнями и селами. Вероятно, стекла в окнах дрожали и звенели, когда четыре гиганта пронеслись мимо, разрезая крыльями встречный воздух.

Машина Молокова идет, сохраняя строй. Значит, и я должен подтянуться, не уклоняться от прямой! А то при такой плохой видимости одна машина легко может наскочить на другую.

Настроение у нас бодрое, уверенное. Но усталость все же начинает сказываться, и не удивительно: все мы не спали уже вторые сутки.

... Снег все усиливается и усиливается... Мы уже к нему начали привыкать. Идем по компасу. Железная дорога ушла далеко вправо. Мелькнула Волга.

... Оживленный разговор по внутреннему телефону. Я шутливо предупреждаю: берегись, скоро зацепим деревья.

Мне присылают в ответ с помощью пневматического прибора записку: «Видал, как мчится с колхозного двора напуганный скот? Куры тоже разбежались».

Я могу разговаривать, не покидая своего места, с любым кораблем. Радиосвязь прекрасно налажена. Сбоку у меня висит микрофон, прямо в шлем вделаны наушники.

Мы в воздухе уже 2 часа 15 минут. Вологда осталась правее. Ко мне подходит Спирин. Указывает на землю...

— Видишь, Кубенское озеро... Теперь посмотри на карту.

Красным карандашом прочерчен прямой курс на Архангельск.

— Идем хорошо. Через 5 часов будем в Холмогорах, — говорит Спирин.

— Как через 5 часов? Согласно путевой скорости должны быть раньше.

— Ветер боковой. Скорость уменьшилась до 200 километров, — сообщил мне Иван Тимофеевич.

... Недалеко от Архангельска я за беспокоился:

— Где же Алексеев? Мазурук и Молоков идут за мной, а самолета Алексеева не видно.

Спешу в штурманскую рубку.

— Марк Иванович, Алексеев пропал.

Шевелев берет микрофон:

— Алло-алло, 172-172...

Алексеев просит убавить скорость. Ему трудно нас нагнать. А вообще у них все в порядке. Могут и самостоятельно добраться до Архангельска.

— Что такое с ними? — поинтересовался Спирин.

— Говорят, скорость у нас велика — трудно догнать.

Спирин посмотрел на указатель и пожал плечами:

— Ничего не понимаю. Скорость нормальная.

Вот и Холмогоры. На аэродроме нас ждут два самолета — Головина и У-2, присланный из Архангельска специально для обслуживания нашей экспедиции. Мы залюбовались аэродромом: огромное поле, покрытое снегом...

Никаких признаков оттепели. Наконец-то, мы вырвались из объятий преследовавшей нас весны. Отсюда мы сумеем улететь на лыжах.

Делаю большой круг... Внимательно всматриваюсь: вижу границы, отмеченные красными флажками. Но что это такое? Спирин спрашивает:

— Ты видишь?

Молча киваю ему головой. В начале аэродрома обнесено красными флажками опасное место... Кажется, что здесь растянулся гигантский кит, в бока которого люди вонзили десятки острог.

Я сел первый. Снег очень глубокий. Но для наших двухметровых колес этот снег не страшен. Машина остановилась, и я поспешно отрулил в сторону, давая дорогу другим. Молоков и Мазурук сели следом за мною.

Через десять минут на горизонте показался Алексеев.

Когда он вышел из машины, я спросил его:

— Анатолий Дмитриевич, почему ты отстал?

— За вами, Михаил Васильевич, очень трудно угнаться. Вы развили такую скорость. Я держал моторы почти на полных оборотах все время.. А вы уходите и уходите от меня.

— Ничего не понимаю, — удивился я. — Скорость у нас нормальная. Молоков и Мазурук не отстали же. Ваша машина менее летучая, что ли? Или ваши счетчики оборотов врут? Придется мне, повидимому, в дальнейшем идти с меньшей скоростью, чтобы ты не отставал...

Отто Юльевич вылез из машины Молокова и внимательно вглядывается в снежный покров аэродрома. Я доложил ему, что все в порядке. Как только получим лыжи, приступим к их установке.

— А как вы думаете, Михаил Васильевич, мы легко оторвемся на лыжах?

— Конечно. Посмотрите, снег, как скатерть, ровный.

Пора было отдыхать... Некоторые члены экспедиции остались в селе Холмогорах, другие уехали в дом отдыха Архангельского крайисполкома.

Крепко спали мы в эту ночь. Утром встаем — «приятный сюрприз»: мокрый снег. С крыш течет.

— Где же Арктика? — спрашивал нас Спирин. — Мне в мрачных красках описывали арктический холод, и я с перепугу оделся так, что и шестидесятиградусный мороз до меня не доберется. А на улице дождь. Что же мне теперь делать?

— Это еще только ворота в Арктику... Погоди, минуешь «заставу», намерзнешься и в своем теплом одеянии, — насмешливо успокаивает его Бабушкин.

На третий день мы получили лыжи, а Папанин свое имущество. Началась горячка... Впрочем, Иван Дмитриевич и раньше не сидел без дела. Живой, энергичный весельчак, он с шутками и прибаутками тащил на самолет все, что только можно.

— Ребятки, — обращается он к механикам, — я купил теленочка и поросеночка, — прихватим? А?... Пригодится.

Смотрю: тащит не поросенка, а целую свиную тушу. «Теленочек» тоже оказался солидного веса — целая ко-рова.

— А вот немножко сметанки. Можно? — Папанин, ласково улыбаясь, вкатывает в складочное помещение целую кядку сметаны.

— Давай, давай, Иван Дмитриевич, — охотно соглашались механики. — Машины недогружены, довезем все.

Механики и сами непрочь были захватить с собой кое-что лишнее, не указанное ни в каких списках, хотя бы, например, целый запасный мотор. Мало ли что может пригодиться дорогой. Поэтому они сильно поощряли хозяйственные наклонности Папанина.

А Папанин прекрасно знал, что на полюс можем доставить только 9 тонн груза вместе с зимовщиками, и ни одного кило сверх этой нормы. И все же он накапливал и накапливал новые «богатства».

— Иван Дмитриевич, — подшучивали над ним летчики, — вы бы отдали приказ своим подчиненным — Кренкелю, Ширшову и Федорову спустить несколько килограммов веса. Да и вам похудеть не мешало бы. Подумайте, сколько новых грузов можно будет захватить за счет живого веса...

— Ладно, ладно, — ухмылялся Папанин.

... Четыре дня прошло... Машины — на лыжах. Моторы еще раз осмотрены. Баки наполнены бензином. Подсчитали грузы: оказалось 22 с лишком тонны. Из них две с лишком тонны — Папанина. А его основной груз еще осенью 1936 г. отвезли на Рудольф. Придется нам с ним сильно ссориться, когда будем грузить самолеты на полюс.

Сора с Папаниным — это в будущем, а вот с Дзержиевским я чуть сегодня не поспорил. Хочется вылететь скорее. Погода не пускает. Спрашиваю Дзержиевского:

— Лев Борисович, когда можно вылетать?

— Еще самое меньшее три дня продержится плохая погода, — спокойно отвечает синоптик.

Ну, а я ему заявляю самым серьезным тоном:

— Не верю я вашим сводкам. Всегда они говорят обратное. Завтра улетим.

— Не знаю, откуда у вас такое представление о сводках, — обиженно заявляет Дзержиевский. — Да и откуда может быть завтра хорошая погода, когда с юга идут тучи?

— Ничего, до завтра погода изменится, — настаиваю я. А сам смотрю на небо. Пльвнут темносерые облака. Нет снега и дождя... Но я не падаю духом и продолжаю подшучивать:

— Вот с этим-то ветром мы и двинемся утром пораньше в путь. Ветер попутный, живо в Нарьян-Маре будем.

Дзержиевский рассмеялся:

— Ветер сильный, — попутчик хоть куда.

— Товарищи, едем в дом отдыха, — придется поверить «предсказателю погоды», — печально махнул я рукой.

Дом отдыха в сорока километрах от аэродрома. Накануне вылета мы должны ночевать в Холмогорах.

В ожидании хорошей погоды участники экспедиции развлекались: читали, играли в шахматы, сражались на бильярде. Отто Юльевич объединился с Бабушкиным против меня и Симы Иванова, и мы часами не отрывались от домино. Думаю, что во время экспедиции мы сыграли не меньше 200 партий. Недаром я с'ездию в Братцево!

Как хотелось нам поскорее выехать! Вынужденное бездействие очень утомляло. Каждое утро Отто Юльевич обращался к Дзержиевскому:

— Какова погода по маршруту?

— Лететь не рекомендую, — отвечал Дзержиевский.

— А завтра?

Мы окружаем нашего синоптика и обиженно уговариваем:

— Брось, Лев Борисович, хватит нас мучить. Завтра же, вынь да положь хорошую погоду...

27 марта я, Спирин и Мазурук поехали на аэродром. Весна уже успела навредить нам. Холмогорский аэродром начинал походить на Московский: лужи, проталинки. Как оторваться на лыжах? Что делать? В Нарьян-Маре нет железной дороги. Придется подвешивать лыжи к крыльям самолетов.

— Для подвешивания лыж требуется целое сооружение, — мрачно заметил Спирин.

Я его успокоил: Бассейн уже кое-что изобрел. Придется только сделать специальные хомуты. Придумали же Бассейн вместе с Готовским, как подвесить колеса весом в 700 кило. И как еще остроумно придумали! Колеса можно снять в течение десяти минут.

Мазурук сказал:

— Может быть, еще снег и не растает. Его очень много. Плохо только, что снег рыхлый. Вчера Головин пробежал более километра. Думали, не оторвется. А его машина гораздо легче наших.

— Здорово вчера досталось Головину, — перебил я Мазурука. — Он даже хотел вернуться. В такую погоду на наших самолетах опасно лететь. Потеряем друг друга в тумане. Кто знает: какие могут быть последствия. Лучше подождать хорошей погоды и лететь без какого-либо риска.

— Кто это читает нам мудрые лекции? Ах, это Водопьянов, — насмешливо протянул Спирин. — Давно ли ты стал таким предусмотрительным? Насколько мне известно, ты раньше летал в любую погоду.

— Я и сейчас летаю в любую погоду, если это нужно для успешного выполнения задания, — спокойно отпарировал я. — Конечно, когда я возил из Москвы в Ленинград матрицы «Правды», о погоде не размышлял. В 6 часов утра матрицы во что бы то ни стало должны были быть на аэродроме, иначе задерживался выход газеты. А сейчас дело другое. Задание у нас исключительное, ответственное, не связанное с точными сроками. Какое право имеем мы рисковать собой, машинами, исходом экспедиции.

Помню, как-то раз встретил я в Совнаркомке тов. Молотова. Он очень интересовался, как идет у нас подготовка. Расспрашивал о мельчайших деталях. Прощаясь, он несколько раз мне напомнил: «Не торопитесь». Я хорошо помню его мудрый совет.

Я убедился на собственном опыте,

что надо уметь не только летать, но и ждать...

Стоп! Машина резко затормозила у берега Двины. Надо переезжать на ту сторону. К нам подошел какой-то гражданин.

— Товарищи, ехать через реку нельзя. Смотрите, как размыло, машина провалится.

Мы немного поколебались. Поверх льда видна вода. Риск, конечно, есть. Но что делать? Надо попасть на аэродром. Решили — поедем тихим ходом. Авось, не провалимся.

На реке уже много воды поверх льда. Но нам повезло. Перебрались через Двину благополучно. Сразу отлегло от сердца. Начали шутить и смеяться.

— Илья, — обратился я к Мазуруку, — помнишь, как мы с тобой в детстве в Липецке жили: я в деревне пахал, а ты работал мальчиком на электростанции. Ну, и времячко было! А если бы нам кто-нибудь предсказал тогда, что мы с опасностью для жизни будем переправляться на автомобиле через реки, а потом вместе полетим на полюс, — ты бы поверил?

— Конечно, нет! — громко расхохотался Мазурук. — Я подумал бы, что это сумасшедший.

Невольно мы начали вспоминать нашу прошлую жизнь, людей, окружавших нас в детстве и юности.

Мелькают события... несложные, иногда трогательные... забавные. Я напомнил Илье о похоронах богатой липецкой купчихи. По фамилии, кажется, Гаршина. Она была очень богомольна, и после ее смерти родственники, согласно оставленному завещанию, раздавали на помин ее души двугривенные и пшеничные пышки. Каждый получивший двугривенный и пышку обязан был помолиться за новопреставленную купчиху.

Сознаться, получив деньги и пышки, мы позабыли о нашей обязанности замаливать грехи покойницы. Но не это важно...

Меня сильно поразила и навсегда врезалась в память картина этих поминок: народ давит друг друга, чтобы

урвать деньги и пышки. В толпе доби- вающихся подаяния немало зажиточных крестьян, приехавших сюда в новых овчинных тулупах, на сытых конях. И крепко же наминали им бока, прежде чем они добирались до «благодетелей» и получали подачку. Как сейчас вижу степенного мужика с окладистой рыже- ватой бородой, с сытым, лоснящимся от пота лицом. Он только что продал на базаре овес за 13 рублей и теперь воз- вращался домой в деревню. Узнав о раздаче денег, он остановил лошадь, привязал ее к столбу, а сам начал рас- талкивать толпу. Ему удалось пробить- ся, получить двугривенный, но в давке у него вытащили 13 рублей. Вот шуму- то было! Проклял он ни в чем неповин- ную купчиху вместо молитвы за упокой ее души. И доволен же я был тогда. Прямо захлебывался от восторга: так тебе и надо, не жадничай!

Жадность, темная, бессмысленная, тупая, завладела моими земляками. За грош готовы были горло перервать друг другу.

Другая жизнь и жадность другая. Мы тоже очень жадны к знаниям, к накоплению технических богатств, к вели- ким открытиям, к научным достижениям, к славе нашей родины. Нашу жад- ность мы не размениваем на мелкую мо- нету. Мы завоевываем опромные ценно- сти для страны, для народа. Это не купчихин двугривенный!

А как тяжело и трудно жили раньше люди. Помню свою бабушку. Хорошая старуха, добрая, честная. Вся ее жизнь прошла в нужде, лишениях. Единствен- ной ее надеждой было после смерти по- пасть в рай и там хорошенько отдох- нуть. Поэтому она всегда очень усердно молилась и нас, детей, заставляла по- долгу бить поклоны. Священнику отда- вала последние гроши.

— Не грехи — в рай попадешь, — поучала она нас, внуков.

Однажды я не выдержал и спросил бабушку: «Почему всем известного грешника Шаматкина, отдававшего бед- някам-крестьянам деньги в рост за боль- шие проценты, сдиравшего с них послед- нюю шкуру, похоронили в церковной ограде?»

— Грешный, грешный, Мишенька, — согласилась со мной бабушка, — но он ведь на церковь пятьсот рублей пожер- твовал и священникам ризы подарил. Теперь его грехи замолят. А нам, бед- някам, самим надо грехи свои замали- вать. Не лениться.

Спирин, внимательно слушавший мой рассказ, задумчиво покачал головой:

— И у нас в деревне старики такие же были, как твоя бабка.

В разговорах и воспоминаниях время пролетело незаметно. Вот и аэродром. Посмотрел я на снег. Вижу, вода про- сачивается. Попросил летчика поднять- ся на самолете У-2.

Хотелось мне посмотреть, как побегит машина по такому рыхлому снегу. Летчик охотно согласился. Запустил моторы, дал полный газ. Лыжи совер- шенно не скользили. Их присасывало к снегу так сильно, что летчик не успел и опомниться, как хвост машины под- нялся вверх. Самолет, не пробежав и 100 метров, стал на нос. Пропеллер сло- мался.

«Плохо наше дело! — подумал я. — Если не подморозит, придется менять лыжи на колеса».

Вместе с Шевелевым я обошел весь аэродром. Надо было немедленно ре- шать, что делать дальше. Мы при- шли к выводу, что для взлета машины нужно укатать дорожку с помощью тя- желого катка и трактора.

На другой день на аэродроме нача- лись новые работы. Жители села Хол- могор активно нам помогали. Вообще холмогорцы многое сделали для нашей экспедиции. Подвозили бензин, помога- ли механикам наливать этот бензин в баки. Все, особенно молодежь, работали с огромным энтузиазмом. Они знали, что самолеты летят на Северный по- люс.

29 утром Дзержиевский, наконец, сообщил нам радостную весть: завтра предполагается улучшение погоды. На- до готовиться к вылету. Если задер- жимся, — погода может испортиться, и придется нам опять сидеть в Архан- гельске дней 7—8. Нет, лучше не терять золотого времени.

Мы быстро перебрались в Холмогоры. Весна гналась за нами. Наступила оттепель. Решили вылетать рано утром. Может быть, подморозит...

Еще затемно я был на аэродроме. Пока механики разопревали моторы, осмотрелся кругом. Увы! Укатанная специально для взлета дорожка оказалась очень мало подходящей. Каток обнаружил раньше закрытые снегом ямы, на буграх выступила голая земля.

Мне, наконец, удалось выбрать возвышенное место. Снег здесь лежал ровно, воды под ним не видно... Не то, что в лощинах... настоящие лужи...

В 9 часов утра все на местах. Получаем сводку. Хотя по трассе погода не вполне удовлетворительная — решили не откладывать вылет. Ждать больше нечего. Я начал подруливать к выбранному мною месту.

Из-под лыж во все стороны полетели брызги воды. В среднем правом моторе закипела жидкость. Пришлось выключить моторы и ждать, пока они остынут. Оказалось, что лыжи зарывались с такой силой, что снег, перескакивая через них, попадал в радиатор, и охлаждение воды в моторе прекратилось.

Дав моторам остыть, я вырулил на выбранное место. Оно, к счастью, оказалось очень удачным.

Лыжи, легко скользя, оторвались от снежной пелены. Самолет набрал скорость... Одна за другой машины поднимаются в воздух.

Пока я описываю круг, Спирин определяет направление ветра, снос, путевую скорость.

Направление дано. Мы легли на курс.

(Продолжение следует).

Пожар в степи

Н. Гильярди

I

Стояли знойные августовские дни. Безветренные, сухие, они сменялись еще более душными, и по всей Карасайской степи негде было укрыться от изнуряющей жары.

Солнце с утра подымалось быстро, пока не замирало над головой, нестерпимо палая зноем. Притихла вся Карасайская степь с ее пожелтевшим ковылем. Степь раскинулась на сотни километров вширь и вглубь, теряясь к северо-западу в невысоких отрогах Большого хребта.

В хаосе причудливых переплетений нагромождены отроги гор. Будто сделал в глубоко-давние эпохи горообразования гигантский прыжок, Джанытау отделилась от прочих гор и встала торчком здесь, почти в центре равнины, изрезав ее холмами скалистых выходов. Их непривычно видеть в степи, сплошь заросшей травой: диким ячменем, маком, луком, кустарниками.

Степь побеждает горы, упорно наступает на них, устилая путь травой. Ее многовековые усилия не пропали даром: скалы крепко скованы цепкими корнями бурьяна. Только в редких, более высоких местах, пробиваются на поверхность остроконечные выходы гранита.

По этим гранитным обнажениям изо дня в день лазят отряды разведочной партии геолога Ванина. Сам Николай Андреевич Ванин, вместе со своим проработом Алексеем Коробовым, проводит изыскания на Джанытау. Им сопутствует пожилой узбек, проводник. Ванин обращается с ним почтительно и назы-

вает его «Ходжемат-ата» («ата» — отец). Так зовут Ходжемата все, но вежливое обращение начальника отряда доставляет ему особенное удовольствие, и он внимательно прислушивается к словам Ванина.

Ванин смахивает рукавом обильный пот со лба и спрашивает:

— Я слышал, что скоро должен пройти гармсилъ (горячий ветер). Не он ли обжигает нас сейчас?

— О, это не гармсилъ, — отвечает Ходжемат, — гармсилъ там идет. — Он показывает рукой в сторону Карасая, где расположен склад динамита разведочной партии, и добавляет: — Там, когда пожар — ой-ой-ой... Яман! (плохо). Туда людей послать надо, много людей.

Ходжемат рассказывает Ванину о пожарах, которые здесь часто бывают, и, не то успокоительно, не то предостерегающе, заканчивает:

— Сейчас они далеко. За Карасаем. Но скоро и тут начнутся.

Все трое, даже привыкший ко всему Ходжемат, избегают от жары. Но Ходжемат с Коробовым еще могут терпеть: они работают пониже, за небольшим уступом, их прикрывает падающая от него тень. Здесь же, на верхушке Джанытау, лицо опалается горячим ветром. Эти места, вероятно, самые жаркие в Средней Азии. Тут не бывает утренних рос, а трава и деревья быстро высыхают. Те, кто умудряется выжить, являют собою жалкое зрелище: дикая вишня тут не выше лопухов, ягоды ее худосочные — косточки, покры-

тые сморщенной кожицей. Выживают кустарники да бурьяны. Преобладают лопухи. Они огромны, эти лопухи, они быстро высыхают и, сорванные ветром, стремительно летят с горы во все стороны.

От бурьяна остались одни стебли, от кустарников — колючие прутья, от горных речек — сухие, узенькие русла. Воды в них очень мало, и Ходжегат уже давно расставил между рядами хлопкового поля своего колхоза камышевые трупки, которые должны сберечь воду. Ходжегат говорит Ванину о том, как они в колхозе думают распорядиться водою, чтобы ее хватило на весь сезон.

— Су-йок (воды нет)! Мало воды. Воды не должно пропадать ни одной капли.

Ванин бормочет что-то в ответ и, приложив козырьком ладони ко лбу, озабоченно вглядывается вдаль.

— Ходжегат-ата, посмотри, что там? — спрашивает он хриплым голосом.

У динамитного склада, за небольшим холмом, скрылась чья-то одинокая фигура. На лице Ходжегата витает неуловимая улыбка радости: человек у погреба — сын Ходжегата. Его отцовское сердце наполняется гордостью: Учкуну, его сыну, доверили самое почетное, хотя и опасное, дело на разведках — охрану динамитного склада. Вспомнив что-то, повидимому, неприятное, Ходжегат насторожился: почему Ванин обращает внимание на динамитный склад? Неужели Ванин думает, что Учкун сбежал от склада?

Ходжегат скрыл от начальника, что уже дважды ссорился с сыном: Учкун недавно заявил отцу, что не хочет работать сторожем, не хочет быть бакарчи («бездельником»).

Ходжегат напряженно вглядывается вдаль и, заметив сына, облегченно вздыхает:

— Я вижу Учкуна. Он не спит, — говорит Ходжегат. Улыбка снова играет на его суховатом, строгом лице. — Учкун никогда не спит, если он на страже. Он...

— Да нет... — перебивает его Ва-

нин, — я знаю. Ты правей посмотри, Ходжегат-ата.

— Дым,—показывает он рукою. — Много дыму. Это пожары. Они далеко, но скоро и сюда дойдут. Плохо будет. Встречать пожар надо. А лошадей наших гонят. Куда? Зачем?

— Я и сам вижу. Вернуть, обязательно вернуть нужно, — забеспокоился Ванин. Он догнал Зыкова в полукилометре от динамитного склада.

— В чем дело, куда вы их гоните? — кивнул он головой на табун лошадей.

— Пасти... куда же еще?

— Пасти-и?! — переспросил Ванин.—Не пойму что-то. Никогда в эту пору не выгоняли, а сейчас...

— Лошадям прогулка нужна, Николай Андреевич. Вы не знаете наших дел.

Ванин вспыхнул.

— Я приказываю. Лошадей на конюшню. Немедленно.

Зыков нехотя повернул лошадей обратно.

Ванин направился к динамитному складу. Учкун, стоя у склада, молчаливо наблюдал за Ваниным и, заметив его, помахал рукой, приглашая к себе.

II

Учкун с нетерпением ждал начальника. С ним он уже давно пытался поговорить насчет... насчет... но это слишком щекотливое дело.

В ожидании Ванина Учкун принялся рассматривать (в который раз!) свою винтовку. По всему видно было, что Учкуна одолевает скука. В его узких, несколько раскосых глазах застыло выражение уныния, смешанное с недовольством.

По мере приближения геолога Учкун все более нахмурился, губы его как-то потешно надувались. Но, вместо злости, которую он старался изобразить, на его оживленно-простодушном лице выразилась детская обида. Почему его назначили сторожить этот склад? Учкун проводит здесь дни и ночи, а что охраняет он? Динамит! Динамит, который никому, кроме геологов, не нужен. Не нужен потому, что его боятся брать в

руки даже запальщики. Учкун должен заявить начальнику (раз тот сам не догадывается) о том, что с ним, с Учкун-ом Ходжематовым, поступили не по заслугам. Вместо того, чтобы его, Учкуна, выдвинуть здесь, на разведках, каким-нибудь начальником, его назначили сторожем.

Да, да, сторожем! И кто так устроил? Это сделал Ванин, тот самый начальник разведчиков, который пришел сюда с целым отрядом других геологов только потому, что так сумел сделать Учкун. Да... Не случайно Ванин всегда называет Учкуна своим другом!

На словах друг, а на деле... Учкун бросил обиженный взгляд на вынырнувшего из кустарников геолога, уже находившегося в десяти минутах ходьбы от склада динамита.

Недовольство Учкуна имело основания. Честь открытия Джанытауского месторождения меди принадлежала Учкуну, и только ему. Учкун первый обратил внимание на зеленый налет, имевшийся на всех гранитах Джанытау, лежащих наверху. Издали они были похожи на ржавое железо.

Хотясь, Учкун с отцом не раз забредали в самые отдаленные, глухие уголки. Здесь, в непроходимых зарослях карасайских предгорий, начинавшихся от неглубокого сая у Джанытау, дичь водилась в неисчислимом количестве.

Однажды на привале Учкун показал отцу странные налеты, осевшие ржавчиной на гранитах Джанытау. Учкун вспомнил, с каким равнодушием отнесся отец к восторженному ликованию сына. Учкун был немало озадачен тем, что отец, всегда с интересом рассматривавший камни, на этот раз не обращал на них внимания.

Учкун не скрыл своего удивления, и тогда Ходжемат-ата рассказал ему, как еще до революции он показывал кокташ (зеленый камень) Джанытау в городе. «Там посмеялись надо мной, — сказал он Учкуну, — там говорили: «для мостовых есть камень и поближе вашего Джанытау». Они смеялись и сказали: «уходи». И я ушел. Ты тоже ушел. Заплакал и ушел. Ты тогда был

маленький», — закончил Ходжемат-ата.

— В те времена были другие люди, ата, — возразил ему Учкун, — может быть, они не знали, что делать с кокташем?

Ходжемату не хотелось омрачать тяжелыми воспоминаниями солнечный день, и он не стал рассказывать сыну о том, какие люди бывали тут раньше.

— Здесь и золото есть и серебро есть, — не отвечая на вопрос Учкуна, сказал Ходжемат. В доказательство он привел сына на вершину Джанытау и показал древние рудники, где, по преданиям, тысячу лет назад добывали бирюзу, золото, серебро.

Учкун собрал образцы и, когда отвозил в город колхозный хлопок, занес их в комсомольский комитет. Там с ним долго беседовали, а потом повели в редакцию газеты. Этого нельзя забыть. Все, что говорил Учкун, напечатали в газете вместе с его портретом. С этой газетой Учкун никогда не расстается... А на другой день Учкуна разыскал молодой геолог, назвавший себя Колей Ваниным. Он сказал, что он тоже комсомолец и что недавно возвратился из поисковой экспедиции, нашел олово, за что его представили к награде.

Еще он сказал Учкуну, что и Учкун может получить награду и даже орден... Учкун возразил Ванину: зачем он говорит об ордене? Орден легко не зарабатывают. Учкун показывал Джанытау без всякой корысти. Однако замечание Ванина крепко запало в сознание Учкуна. Ну, не орден, а какой-нибудь другой меньшей награды Учкун все же был достоин...

Они долго беседовали, и Учкун, опасаясь, что Ванин может не приехать, красочно описывал свой край.

— Птица — руками брать можно. Лисица — в кибитку ходит. Бурьян — лес.

На прощанье Учкун подарил Ванину свою коллекцию. Опытному геологу достаточно было одного взгляда, чтобы определить наличие в этих гранитах значительного количества меди. Исследование учкуновских образцов в лаборатории показало, что в них содержится большое количество молибдена, вольф-

рама, серебра, золота и особенно много меди. Это были, как Ванин и предполагал, медно-пурпуровые руды. Ванин съездил в Джанытау. Его статья о высоких перспективах месторождения произвела большое впечатление. Ванин сумел добиться солидных ассигнований на разведки. Учкуну представили к большой награде.

Все это время Учкун ходил героем, хвастался, заносился перед товарищами и все ждал. Ждал долго, ничего не делая. Чего ждал, он сказать не сумел бы, но знал, был уверен; что-то необычное должно притти, что-то он еще совершит такое, такое!.. И вместо этого он — сторож! Учкун горько усмехнулся: «Самый лучший сторож из имевшихся двух на всю Карасайскую степь».

Из нерадостного раздумья его вывел голос Ванина.

— Харман! (Не уставайте), — отвечивал геолог юного узбека. Видя, что Учкун занялся винтовкой, не намереваясь отвечать, Ванин воскликнул вопросительным тоном:

— Якшимы-сыз?! (Хорошо ли вам?).

— Якши, якши, — буркнул Учкун. С минуту они стояли молча. Первым нарушил паузу Учкун.

— Ты говоришь «харман». Тут не устанешь.

— Чего такой злой? — спросил Ванин.

— Я не злой. Я не хочу тут быть. Все говорят: «Учкун — бакарачи (никудашный), он работает сторожем».

— Это неправда. Нехорошо говорят, Учкун. Сторож у динамита...

— Я тут не хочу, я...

— Мы тебя заменим, Учкун, обязательно заменим. Дело это очень важное. Все может случиться.

— Старика назначить можно...

— Нельзя старика. Надо здорового, крепкого.

— Крепкого! Зачем крепкого? Динамит не едят, кто возьмет динамит? Его можно совсем не сторожить...

— Такие слова, Учкун...—Ванин подошел к Учкуну, взял его руку и горячо зашептал, словно здесь, кроме них, на-

ходилась кто-нибудь еще. Учкун слушал внимательно, изредка кивая головой, иногда весело смеясь вместе с Ваниним. На прощанье Ванин крепко пожал руку Учкуна.

— Ты комсомолец? — спросил Ванин, хотя он и раньше знал с первого знакомства, что Учкун был даже секретарем комсомольской ячейки.

— Спрашиваешь! — воскликнул Учкун.

— Ну вот. Такие слова, Учкун... Надо глядеть во все глаза! У тебя дело государственное!

Его прервал оглушительный взрыв, донесшийся с Джанытау. Там работы велись усиленными темпами. Об этом можно было заключить по грандиозным взрывам, непрерывно оглашавшим окрестность. Эхо взрывов раздваивается по горам, оно несется почти до хребта, а здесь в степи гложет тотчас за складом динамита, который охраняет Учкун. Ванин внимательно прислушивается и по характеру эха определяет качество взрыва. Каждый взрыв он встречает радостным или негодующим восклицанием: «Пустили в небо, черти!... Опять размазали!.. Молодец Ходжемат!..».

Учкун, видимо, не привык к взрывам и постоянно вздрагивает. Иногда он инстинктивно шарается в сторону, не в силах преодолеть испуг. Ванин замечает это, но не подает виду. Учкун никак не мог привыкнуть к грохоту взрывов. Сколько Ходжемат ни брал Учкуна с собой на отпалку, он всегда прятался или убегал.

Ты не бойся, Учкун, — говорит Ванин, — сюда не долетит.—Учкун смущенно улыбается, но преодолеть испуг не может.

— А если бы весь наш склад взорвался, — спрашивает он, — что было бы?

— Ничего, — отвечает Ванин с загадочной усмешкой.

— Как ничего?

— Так. Ничего не осталось бы. Ни от этой горы, ни от нас, ни от нашего лагеря. Пыль осталась бы.

— О-о!

— Страшно?—смеется Ванин. — Ты

не бойся, Учкун. Завод ставят. Большой завод. На всю страну меди хватит!

— Динамит!—уже восторженно кричит Учкун, позабыв про свои обиды.

— Да, Учкун, ты стереги динамит. Как свой глаз, стереги. Завод будет, скажут: «Учкун завод строил...».—Ванин сделал паузу, и, улыбаясь, предложил: — Может, поедешь со мной, Учкун, вместе Джанытау взрывать будем.

— О... нет! нет! — замахал руками Учкун и рассмеялся.

III

Гармсилль налетел неожиданно и захватил Ванина врасплох на западном склоне Джанытау. Ванин быстро огляделся еще не зная, что предпринять. Его не столько испугал, сколько удивил этот внезапно возникающий горячий ветер— «гармсилль», как его здесь называют. Такого урагана ему еще не приходилось видеть. Ванин знал, что горячие ветры несут с собою грандиозные степные пожары. Обычно они возникают в нескольких местах одновременно и захватывают десятки и сотни квадратных километров. О них Ванину много рассказывал Ходжемат, сидя в долгие летние вечера у прохладного арыка.

Пожары в степи редко бывают опасны, если вызваны самими дехканами-колхозниками, когда надо сжечь камыш или траву, чтобы очистить поля.

Но совсем иное дело, когда пожары возникают стихийно, когда нагрянет неукротимый гармсилль, и огонь распространится по всей долине, предавая уничтожению посевы, сады, хлопок... Так в прошлом году был уничтожен весь хлопок Ходжематовского колхоза. Тогда сгорело около полумиллиона пудов сена.

Рассказы Ходжемата сейчас встали в глазах осязаемой явью — неумолимо надвигающейся опасностью пожара у динамитного склада. Стихийность тут была не при чем. Как ни плохо было выбрано место под склад динамита, он все же был отрезан от главного массива степи оврагом. Пожар мог перекинуться туда лишь в случае, если бы ветер шел с Джанытау, а не с противополож-

ной стороны, как было сейчас. Для Ванина не было сомнений, что тут действовала чья-то вражья рука. Но кто? Кого можно было подозревать в таком страшном преступлении?

История с лошадьми, как ни странно она выглядела, еще не давала повода для подозрения завхоза во вредительстве. Правда, Зыкова Ванин знал мало. Ему было известно, что Зыков когда-то был членом партии и работал здесь на разведках прорабом. Он был замешан в какой-то истории, его сняли с работы и исключили из партии. Зыков куда-то ездил, добываясь, как он говорил, реабилитации, и потом внезапно появился здесь на разведках снова с командировкой на работу в качестве завхоза. Подозревать Зыкова в таком черном деле, как поджог степи, Ванин оснований не имел. Да и некогда было заниматься этим. Туда, туда! Всеми силами, через все препятствия, только бы не опоздать к Учкуну!

И Ванин бежит. «Бежит», это звучит, как насмешка: в такой ветер не то что бежать, нельзя ускорить шага, — от учащенного дыхания горит в горле. Раскаленный ветер сечет лицо, руки, ноги... Защититься от него нечем. И все же Ванин бежит. Он не сводит глаз с учкуновской возвышенности, ставшей вдруг такой далекой. Прямая, стройная фигура Учкуна как бы застыла на гребне погребя и светлеет белой точкой на фоне полотняных палаток лагеря, складов, конюшен и кишлаков на заднем плане. Этот погреб является как бы водоразделом, преодолев который бешеные волны огня, как вода с гор, ринутся на посевы колхозов, на кишлаки.

— Учкун крепится. не струсил, значит, — проносится у Ванина. — «Держись!» — кричит он самому себе.

Но вот уже и склоны Джанытау.

Здесь гранитные выходы встречаются реже, покрываясь наносами лесса. Над бурьяном, высохшим еще на июньском солнце, струится бесшумно летящий эфир. Он бесцветен, но его видишь и ощущаешь. В других местах это бывает только весной, когда земля выделяет пары, а здесь — жара, кажется, из гранита выжимает влагу.

В воздухе стоит неумолчный звон, смешанный со странным потрескиванием. Это — лопухи. Они перекатываются по скалистым разрывам и издают звон, похожий на звон жести.

Не замечая ничего вокруг, охваченный одной мыслью — поскорее добраться к лагерю, Ванин ускоряет шаг. Он уже пересекает ложину, лежащую в четверти километра от Джанытау. Ему осталось перебраться через небольшой перевальчик, и вот он наверху, отсюда виден лагерь. Еще полчаса ходьбы — и... Ванин в ужасе попятился назад.

Перед ним внезапно выросла пылающая стена из дыма, пламени и искрящейся пыли. Стена пахнула на Ванина сухим, едким дыханием. Ванин едва успел отскочить. Только сейчас он заметил, в какую ловушку попал.

В этом месте были небольшие заросли. Там, где Ванин был минуту назад, внезапно поднялся смерч. Он закружился с воем и треском на одном месте и с такой быстротой, что казался каким-то чудесным неподвижным сооружением.

Вскоре небо запрудила огромная туча, мглисто синяя, непроницаемая и, казалось, недвижимая. Ее образовали неизмеримые потоки дыма, не успевающие рассеиваться.

Но эта «мирная» картина представилась взору лишь на короткое мгновение. Застывший, казалось, смерч, наконец, как бы преодолев самого себя, с треском рванулся и закрутился в бешеном вихре, влячивая в себя все, что попадалось на его пути.

Вихрь понесся, разрываясь на столбы, участки пламени — пепельно-серые, огненно-черные, пурпурные, золотисто-лняные...

Ванину было не до этих жутких красот. Там, за этими огненными оврагами, перевалами и хребтами, надо было с минуты на минуту ожидать страшной катастрофы. Там многие сотни тысяч пудов колхозного сена, там хлопок, там все хозяйство разведочной партии... а взрыв динамитного склада! Катастрофа была неизбежна, если во-время не пресечь путь огню. Ванин боялся об этом и думать. Это означало бы полный провал разведок, уже подходящих

к концу. Но там и Учкун!... Молодой, веселый сын Ходжемата, общий любимец всего лагеря. Бедный Учкун... не сбежал ли он? Этой мысли Ванин страшился больше всего. Учкун без сомнения испугается опасности взрыва склада, ведь он так боялся простых и безопасных взрывов на Джанытау... но если он выдержит, он сумеет все спасти...

Между тем у самого Ванина положение создалось безвыходное. Крайне возбужденный, он не обращает внимания на полученные ожоги. Все его мысли там, за этой непреодолимой стеной огня. Надо пробраться к лагерю, чего бы это ни стоило, хотя бы и пришлось ползти через огонь.

Прикрывая глаза рукавом, Ванин подходит к огню вплотную. Он внимательно вглядывается. Перед ним лежит тлеющая полоса, по которой главный пожар уже прошел. Лишь местами вспыхивают небольшие очаги. «Вот тут и пробежать бы... Но нет, не прорваться, не спастись...» — в отчаянии думает Ванин и не знает, броситься ли ему в огонь, чтобы сразу погибнуть, или ждать медленной смерти... Вдруг у него вырвался невольный крик радости: «да ведь у меня рюкзак». Он высыпал из рюкзака собранные образцы в кучку, разрезал его на две части и, обмотав ими ноги, направился к дороге, тщательно выбирая наименее опасные места.

Медленно подвигаясь вперед, он не сводит взгляда с того места, где должен находиться динамитный склад. Но увидеть его Ванину не удалось. Дым закрыл весь лагерь густою, темною стеной. Стена то стояла неподвижно, то перескакивала рывками по всему горизонту, подкатывая к складу динамита со всех сторон.

Ванин пересек тлеющее поле, но лучше бы он этого не делал. Он попал в центр нового завихрения и, обожженный, едва успел отскочить на уже обгоревшую площадку. Падая, он различает в нескольких десятках шагов мчащегося во весь опор всадника и из последних сил закричал:

— Ходжемат! Сюда-а!...

IV

Пожар, как и гармсилы, возник внезапно. Ходжемат затруднялся определить направление пожара. Впрочем, это было и бесполезно. В течение каких-нибудь получаса равнина на площади до двух десятков километров превратилась в огненное поле. Пламя двигалось широкой полосой.

Ходжемат быстро определил, что надо было делать. Он вскочил на своего коня и помчался что есть духу к разведочному лагерю, сзывая по пути людей.

— Все-е! На пожар! — непрерывно кричит он.

Пожар неумолимо рвался вперед, окружая Джанытау и в первую очередь отрезая Карасай, где, прижатый огнем к складу, находился Учкун, его сын, единственный сын Ходжемата.

К нему! Лететь, прорываться к сыну, пробираться сквозь огонь, сквозь ураган и смерть, лишь бы спасти Учкуна! — Ге-е-эй!

Вот скоро и Карасай. Сердце Ходжемата бьется. Он заметил Учкуна, бежавшего взад и вперед по погребу.

— Якши-и!

Вдруг лошадь отскочила в сторону, испуганно захрапела. Ходжемат услышал отчаянный крик Ванина. Вслед за тем он увидел и самого геолога, лежавшего на краю обгоревшей площади. «Ну, и занесло его! — подумал Ходжемат. — Но кого спасать! Родного сына или этого человека? Его вот-вот захлестнет новая волна огня. Надо спасти... Но сын, сын! Его славный Учкун. Скорей к нему». Ходжемат рванул коня, но в спину будто камнем ударил протяжный стон: «Ходжема-а!».

Стиснув зубы, Ходжемат на полном ходу круто повернул лошадь, подскакал к месту, где надо было преодолеть небольшой ров. Лошадь остановилась на полном ходу. Ходжемат хлестнул ее изо всей силы, и она, сделав прыжок, очутилась подле Ванина.

Захватив Николая, Ходжемат понесся в противоположную сторону к складу. Об Учкуне он старался не думать, он боялся думать о нем. Склад дина-

мита мог взорваться каждое мгновение и похоронить Учкуна...

Ходжемат нещадно хлещет мчавшегося во весь опор коня.

— Якши-и! — весело кричит Ходжемат, чтобы заглушить тяжелое предчувствие.

Осталось немного: обогнать огонь, доскакать до лагеря геологов, там Алеша Коробов, вероятно, уже подготовил людей. С ними надо успеть отрезать путь огню к динамитному складу и спасти сына... Они скачут, и на всем пути этой бешеной скачки Ходжемат не отрывает взгляда от динамитного склада. Но, но... что же это? Ходжемат не верит своим глазам: Учкуна у погребов нет, его сын сбежал? Не может быть! Ходжемат спрыгнул с лошади, отдал ее Ванину, а сам взобрался на ближайшую возвышенность. Отсюда динамитный погреб был виден, как будто лежал на ровной скатерти. Напрасно! Сына на посту не было.

Впрочем, Ходжемат заметил Учкуна. На расстоянии километра в сторону лагеря бежал человек... Это был Учкун. От погребов больше никто не мог бежать. Ходжемат знал: кроме Учкуна, никто не имел права находиться у динамитного склада. Свое дело Учкун исполнял хорошо. Ходжемат даже улыбнулся, вспомнив, как Учкун сказал однажды: «Я и тебя не пушу, ата». С непередаваемой гордостью сообщал Ходжемат эти слова Учкуна всем своим знакомым.

Да... Учкун — хозяин динамитного склада, и вот он бежит... бежит?!

— Учкун-ун! — вне себя от негодования закричал Ходжемат.

Его крик повис в воздухе. Человек, к которому он был обращен, спокойно бежал к лагерю, делая зигзаги, должно быть, минуя горящие кусты. Это был его сын, его позор. Учкун, его родной сын, не выдержал, он бежал от опасности, бежал, чтобы спасти себя, свой огород, свою кибитку, предоставив запасы динамита огню...

Ходжемат вдруг почувствовал, как непреодолимая усталость разлилась по всему телу. Он грузно сел на камень. Тяжелые мысли охватили его. Куда и

зачем теперь спешить? И эти геологические разведки зачем? Ничего этого не нужно, раз теперь честь Ходжемата опозорена на все времена. Сейчас взорвется склад динамита, и кончены разведки. Здесь уже не ждать медеплавильного завода, о котором он, Ходжема, мечтал с Учкуном... когда они вместе показывали геологам Джанытау.

Ходжема поднялся и, понурился головой, направился домой. «Ушел?.. бежал?..» — непрерывно повторял он, автоматически переставляя ноги.

Он брел, ни о чем не думая, ничего не замечая вокруг. Не помнил он, и сколько прошел и как заинтересовался неожиданно появившимися впереди Коробовым и Зыковым. Ходжема, не давая себе отчета, механически направился вслед за ними. Ближе он побоялся подойти к ним: Коробов, которого Ходжема издали по ошибке принял за сына, возбужденно шел с вытянутой рукой, в которой был зажат револьвер. Впереди, согнувшись, шел Зыков.

V.

Учкун, на долю которого выпало охранять в эту пору динамит, вылез на крышу динамитного склада. На протяжении многих километров, со всех сторон, в завихрениях, подымались необятные, остроконечные языки пламени. Они то затихали, исчезая в урагане, то вырастали вновь и мчались в направлении к погребу.

Из мягкого ковыльного ковра степи возникла необычно оголенная площадь. Черные километровые озера пепла и тления и желто-зеленые островки в несколько метров. Вблизи на них можно было различить бесчисленное количество ящериц, тушканчиков, жаб... Все это искало спасения на зеленых островах.

Учкун в оцепенении попятился назад. Необразимое полчище существ, населяющих Карасайскую степь, — шакалы, зайцы, волки, дикие кабаны, масса лисиц — молчаливо мчалось на единственный, пока уцелевший, зеленый островок — динамитный склад Учкуна. Они клубились в паническом хаосе, позабыв вся-

кий страх перед своими извечными врагами. Позади всех ковыляла не то утка, не то фазан.

Еще секунда, и все это рычащее от страха зверье очутится на погребу. Однако предосторожность оказалась излишней: внезапный порыв ветра в одно мгновение перенес пламя шагов на двадцать к погребу, отрезав ложину со всем зверьем. Раздался пронзительный, разноголосый вой, рев, писк и тотчас умолк.

Прямо из пламени выскочили два зайца. Один из них прыгнул на Учкуна, уткнул голову к ногам и замер, дрожа. Другой, обгоревший, летел вслед за ним, разбрызгивая искры. Заметив Учкуна, заяц внезапно остановился, вперив в него ошалелые глаза. Постояв так мгновение, бедный заяц заметался, повернул в противоположную сторону и бросился прямо в огонь.

Учкун подбежал к погребу. Медлить нельзя. Надо окопать, очистить от растительности местность вокруг склада, где еще можно успеть. Погибнуть, но не допустить огонь к складу динамита. Сам Учкун мог бы легко спастись: достаточно прыгнуть через небольшую канавку, и он был бы вне опасности. Но о собственном спасении Учкун даже не подумал.

Он работал молча, не ощущая ни усталости, ни ожогов. Он уже очистил от травы широкую площадку вокруг погреба и прорыл у самой границы огня узкую канавку. Она предохраняла погреб от первой опасности. Но пламя возникало в неожиданных местах, вырастая вдруг, ни с того ни с сего, как будто горела сама земля.

Какие вредители строили этот склад! Коробов, еще до увольнения старого прораба, обратил внимание Ванина на преступный выбор места под склад динамита. Меры были приняты немедленно, но от растительности у склада успели очистить лишь незначительную часть территории. Место это представляло невысокий холм, поверхность которого заросла непоодоходимо чашей кустарников, окутанных густой травой...

Новый склад, к постройке которого приступил Коробов, еще не был готов.

...Пламя подкатывало все ближе, обгибая крепость Учкуну со всех сторон. Учкун безостановочно бежит вверх и вниз. Он яростно вырывает с корнем траву, подкапывает ножом горячую землю. В то же время он не перестает зорко следить за прорывающимся, в зависимости от перемены ветра, пламенем. Когда оно настигает Учкуну, он не убежит. Прикрывая влажным от пота лбом побагровевшее от жары лицо, он ищет момент, чтобы лишней раз копнуть своим длинным охотничьим ножом. Иногда мощное пламя, как бы издеваясь над своим упорным противником, на мгновение утихает, чтобы вслед за тем прорваться с неожиданной стороны. Тогда Учкун отбрасывает нож и, обходя пылающие кусты с подветренной стороны, сидя на корточках, подкапывает и вырывает их руками.

Однако... как долго нет помощи! Руки Учкуну в садинах, в крови, он даже не чувствует их. Окапывать дальше нет смысла. Он мечется вокруг погребка, стараясь поспеть в наиболее опасные места. К счастью, он нашел кетмень, кем-то позабытый тут, — весь же пожарный инвентарь куда-то исчез, и принялся снова окапывать кустарники. Вот... осталось немного... Надо успеть потушить еще вот этот куст.. Обязательно этот последний куст. Но чем! Что же делать? А... вот! Учкун подскочил к погребу, стукнул ногой в дверь, — не поддается. Тогда он вцепился в расщелину, с трудом оторвал доску, подбежал к пылающему кусту. Учкун яростно хлещет по горячему кустарнику. Он уже потушил его, как вдруг снова рванувший ветер засыпал искрами глаза и лицо Учкуну. Обессилев вконец. Учкун с трудом подполз к двери погребка и упал.

VI

Над лагерем повис разноголосый шум тысячной толпы. Ванина, ворвавшегося на лошади Ходжемата прямо в гущу людей, встретили визгом, криками, плачем.

Сюда сбежался народ из всех ближайших кишлаков. Женщины металась в панике. Не только женщины — тре-

вога охватила всех. Огонь, если он перекинется через лошину у Карасая, это прежде всего катастрофа у динамитного склада, ужасные последствия которой были ясны всем. Знали также, что от склада откроется беспрепятственный путь огню в западную часть степи, а оттуда к посевам и огородам колхозов.

Ванин, разумеется, представлял себе это не хуже других. «Хорошо, что народ сбежался», — подумал он и даже немного повеселел.

В палатку ворвался Коробов. Он еле переводил дух. Оказывается, он бежал к динамитному складу, чтобы выяснить угрожающую ему опасность, но подойти близко не смог. На обратном пути, в ложине, он вдруг заметил крадущуюся фигуру. Человек полз, как змея, вращая головой по сторонам. Думая, что человек терпит бедствие, Коробов поспешил на помощь. Каково же было его изумление, когда он узнал Зыкова.

— Ты чего здесь?

Зыков побледнел. Было видно, что он испугался неожиданной встречи.

— Я... я, товарищ Коробов, — глаза его воровато прыгали. Вдруг он сорвался и побежал в кусты. Коробов погнался за ним и выстрелил. Зыков остановился.

— Что делаешь? С ума спятил! Я буду жаловаться Ванину.

— Марш вперед! — командовал Коробов.

— ... Беда, Коля, беда!.. Был у склада. Вот, гадину привел.

Ванин с удивлением взглянул на Зыкова. Зыков храбрился.

— Я... я бежал от огня.

— От огня? Да ведь огонь — откуда! Ты к огню бежал.

— Нет... ветер завернул...

— А лошади — помнишь?

— Мы... я думал.

— Хватит. Задержать его!

Ванин обернулся к Коробову:

— Учкун у погребка? — коротко спросил Ванин.

— Сбежал, ч-чорт! А еще комсомолец.

— Ты встретил его?

— Я подходил к погребу, но Учкуну не видел.

— Я думаю, Учкун не мог сбежать, — в раздумьи сказал Ванин. И вдруг закричал: — Лошадей! Лошадей!.. Звони-и! Все к погребу! Давай кошмы...

Ванин побежал в палатку и с удивлением увидел, что Ходжемат спокойно сидел, погруженный в глубокое раздумье. Он даже не обернулся к вошедшему.

— Ходжемат, что же ты! Скорей тушить!

Невеселыми глазами взглянул Ходжемат на Ванина. Медленно, разделяя слова, он ответил:

— Я — нет. Я — домой:

— Как! В чем дело?

— Я не поеду, — твердым голосом повторил Ходжемат и отвернулся.

— Но там же твой сын!

Тут Ходжемат встал и выпрямился во весь рост.

— Ты говоришь, сын. Моего сына там нет. Учкун сбежал... У меня теперь нет сына. Я поеду домой. Я разыщу его и...

Когда геолог выбежал из палатки, оставив Ходжемата одного, старик поднялся и направился к своей лошади. Он решил немедленно разыскать своего сына. В том, что Учкун жив, Ходжемат не сомневался ни на минуту; ведь склад динамита не взорвался до сих пор! Ясно — Учкун просто сбежал...

Ходжемат вскочил на свою лошадь. Ванин, возившийся вместе с другими у кошмы, к концам которой он привязывал канаты, заметил Ходжемата, когда тот уже отделился от толпы. Полагая, что Ходжемат намеревался ехать для новых наблюдений, он крикнул:

— Сюда! Закрепляй кошмы, Ходжемат! Поскачем вдвоем!

Вместо ответа Ходжемат махнул рукой:

— Я не туда. Я не поеду с вами, — тихим голосом, но твердо произнес он и тронул лошадь. Ванин подбежал к нему.

— В чем дело? Почему, Ходжемат?

Ходжемат вернулся снова в палатку, очевидно, не решаясь уезжать в такой опасный момент. Долго не выходил он из своего убежища. Он был уверен, что о постыдном бегстве Учкуна уже зна-

ют и говорят все. Он даже слышал крики, доносившиеся со двора. Конечно, это были вопли проклятий и презрения.

Не о том мечтал Ходжемат. Он видел в своем Учкуне себя, свою молодость, но не ту молодость, которую он отдал непосильной работе на баев. Учкун встретил по-иному юность, новая, солнечная юность.

Недаром Ходжемат назвал своего первого сына «Учкун» — «Искра». Искра должна была вспыхнуть и в нем запалить и сжечь старый, проклятый мир нужды и унижений. Теперь Ходжемат забыл и думать о старом. Сейчас он в колхозе. В колхозе он окружен почетом. Разве это — первый отряд геологов, пришедший сюда потому, что старый Ходжемат, показал ценные месторождения? К востоку от Джанытау, например, уже работают свинцовые, ванадиевые и даже радиевые рудники-месторождения, все до одного открытые старым охотником Ходжематом.

Джанытау — тоже. Но Джанытау Ходжемат гордился особо. Это первое месторождение, открытое его сыном.

И вот гордость превратилась в позор...

Ванин уже исчислял запасы меди не менее, чем в миллион тонн. Однако это были пока теоретические предположения. Чтобы их подтвердить, надо было произвести большие взрывные работы. На Джанытау они сейчас подходили к концу: с подвозом крупной партии динамита эти работы должны были быть закончены раньше срока. Но что будет, если склад взорвется?!

Ванин подошел к Ходжемату и взял его за плечо.

— Ходжемат-ата — надо ехать. Ты сумеешь наказать Учкуна в другой раз, а тут — подумай, что будет? Пожар перевалит через Карасай, за ним огорды, посевы, хлопок, сено, а динамит? Взрыв — и наши труды ни к чему. И твой и Учкуна... Тебе твоя честь дорога, но страна скажет: «Ушел Ходжемат, ушел и его сын, и динамитный склад взорвался...» А Учкун...

— Учкун! — крикнул Ходжемат, — нет Учкуна, но склад не взорвется. Уч-

куна нет, есть Ходжемат. Страна не будет ругать Ходжемата!

VII

Сборы были недолги. Пока Ходжемат тщательно завязывал глаза лошади, Ванин прикрепил веревками к хомуту две кошмы, облил их водой и прыгнул на правую, ту, что побежит по горячей грани.

— Кто со мной? Садись! — крикнул Ванин.

Всем было известно, что означало тушение кошмами: это был опаснейший, но единственный способ тушения степного пожара. На каждую кошму, чтобы она плотно прилегала к земле, должен сесть человек. Им предстоит проделать путь по грани огня, чтобы примять траву к земле и этим не допустить огню распространиться дальше. Здесь же, пожалуй, придется скакать и через огонь. При этом хребцы должны иметь ловкость и силу, чтобы удержаться на кошмах, концами от которых они могут укрыть только ноги.

— Туши-ить! — снова крикнул Ванин, сидя на кошме и наматывая концы каната на руки.

— Поше-ел! Ге-эй!

Из-под кошмы Ванина пышет жар, искры летят огненным дождем на спину Коробова, на круп лошади, на Ванина. Лошадь храпит и то и дело шарается в сторону, подчиняясь, однако, твердой руке Ходжемата. Он искусно направляет лошадь по грани огня, так, что его касается лишь край кошмы Ванина. Он уже пообжегся и еле держится. Однако самый опасный путь впереди. Ходжемат это видит и останавливает лошадь в двухстах-трехстах метрах от погребца:

— Сюда! Скоро!

Ходжемат, не считаясь с протестами Ванина, усадил его на свою лошадь, а сам сел на кошму.

— Ге-е-о-ой!

Ванин оглянулся назад. Вслед за ним мчались еще несколько пар таких же упряжек. После первого ходжематовского тура огонь утихал, но трава кое-где вспыхивала вновь.

По следам скачущих выстроились сот-

ни людей. Они двигались рассеянными группами или цепочкой, уничтожая на пути огонь уже окончательно. В ход пускали все: кто свою рубаху, кто пиджак, кто веник из травы, кто халат, ковер... Женщины срывали с себя платки, одежду и, обжигаясь, яростно бросались в огонь, глуша его там, где это было возможно и невозможно.

Ванин крепко держит поводья. Малейшая ошибка, и с лошадью не справиться. Вот-вот скоро и погреб... успеют ли, опередят ли огонь? Если мчаться через лошину — поспеют наверняка... но там горит!

— Э... эй! Гони-и!

До погребца осталось полсотни метров, но уже выбился из сил Коробов, изнемог от ожогов Ходжемат. Он судорожно вцепился в концы канатов, обмотав ими себя. Он задыхается от раскаленного ветра и тщетно пытается прикрыть рот и лицо рукой.

Ванин с ужасом замечает, что Ходжемат выпустил один конец кошмы, но останавливаться нельзя. Еще скачок, и будет, наконец, достигнут желанный склад.

Лошадь сделала огромный прыжок, миновала главную опасность, стрелой пронеслась мимо погребца и вдруг встала, как вкопанная, пятясь с храпом назад. Ванин спрыгнул на землю, не понимая испуга лошади. Дальше ехать было нечего. Осторожно ощупывая обожженные места, Ванин радостно кричит:

— Слезай! Остановка! — Коробов вскочил. Он пострадал несильно, так как его кошма большую часть пути шла в стороне от огня. Но Ходжемат попробовал приподняться и тотчас повалился снова.

— Давай возьмем его на руки, — предложил Ванин.

Они заботливо подняли стонавшего Ходжемата и двинулись к погребу. У лошины все трое остановились. Так вот чего испугалась лошадь!

Лошина была густо усеяна трупами погоревшего зверья. Обожженные, скрюченные, они лежали почти правильным кругом, причем в центре было наибольшее скопление.

Свернувшись калачиком, мирно лежит лисичка. Огонь ее пощадил. Ее шерсть не тронута огнем вовсе. Шерсть играет на заходящем солнце радужными переливами степных красок. Кажется, что лисица притаилась, вот сию минуту вскочит и умчится. Поодаль выделяется пара шакалов. Один — большой, другой — поменьше. Они сплелись, как бы ища спасения друг у друга, и так и испустили последний вздох.

В этой мертвой долине только и осталось одно живое существо, неизвестно, как уцелевшее. Это — змея. Она поднялась над этой грудой трупов и застыла неподвижно. Ее можно было принять за ствол обгорелого кустарника. Так могут стоять только ок-иланы (стрелы-змеи). Постояв с минуту, стрела-змея сделала прыжок и исчезла.

Там и сям, как бы в недоумении, застыли черепахи. Их много, очень много. Катастрофа нагрязнула на них во время спячки. Бессмертные муравьи (их ничто

не берет!) суетно бегают по еще неостывшей броне черепах, по зубам шакалов...

Над всем этим застыла непроницаемая дымная мгла.

— Сын... Где Учкун? — простонал Ходжемат.

— Там, у погреба — человек! — крикнул Ванин.

Ходжемат взглянул, подавшись вперед. Не чувствуя боли, побежал к погребу. У двери динамитного склада лежал Учкун. Ходжемат нежно взял сына за плечо.

— Учкун! — прошептал Ходжемат, прижимая сына к себе.

Учкун приподнял голову и глубоко вздохнул. Увидев отца, он улыбнулся. По сухим обгоревшим щекам Ходжемата покатались крупные слезы. Он склонился над сыном, прикрыв его клочьями истлевшего халата.

— Учкун... Учкун...

ПЛЯСКА

Вадим Охременко

Громадный двухъярусный пароход шел сквозным рейсом из знойного Херсона к суровым чащобам Полесья. Вся его средняя палуба была загружена фруктами, струящими густой одуряющей аромат.

Янтарные гроздья винограда тяжело покоились в особых плетенках, — на днищах этих корзин пестрели налипшие морские ракушки. Ящики с нежными бергамотами и дюшес, с золотым американским ранетом, казалось, ревниво хранили в своих недрах медвяное солнце Скадовска и Гопри. За дощатым отсеком громоздились к самому потолку пудовые узорчатые арбузы. Юг делился могучим изобилием с республикой сосновых боров, гречихи, картофеля и конопли.

Путь лежал дальний. К исходу первых суток почти все пассажиры уже успели присмотреться друг к другу, завязать знакомства.

Топографы, едущие на с'емку, — веселые свойские ребята, — дружно атаковали группу работниц табачной фабрики — экскурсанток. Особенно завзято нападал один, казалось, совсем молодой и вместе с тем седоволосый.

Он сидел верхом на ящике с теодолимом, в синей майке, — черный, голый, ясноглазый, белозубый, в'едливый, как бес.

От него не было житья руководительнице экскурсии. Сорокалетняя тетя, с лицом провизорши и фигурой кулачного бойца, отмахивалась притворно-сурово:

— Идите к чертям, Сойкин!

С легкой руки топографа все на пароходе звали ее не иначе, как «мать-настоятельница».

— Ну, ладно, — ероша серебряный чуб и делая страшные глаза, говорил Сойкин. — А что, если мы налетим на этакий подводный риф и случится авария... Я бы, конечно, кинулся на помощь Лизе, но она сама получила первенство по городу Одессе за прыжки в воду с высоты... трехсот метров! Теперь Таня... Нет; пусть её выручает... дикетажист Семененко! И вот мне придется спасать именно вас, мать-настоятельница. Долг гражданина! Подумайте, какой ужас! Вы падаете в воду, я бросаю вам круг... А вы в него не можете влезть, диаметр не тот...

Девушки задыхаются от смеха.

— Идите к чертям, Сойкин! — хохочет руководительница, трясясь всеми своими шестью пудами и вытирая платочком глаза.

И вдруг настороженно выпрямляется: — Эскадрон, смирно! Равнение налево!

«Мать-настоятельница» когда-то служила каптером в одном из полков Первой Конармии и частенько любит щегольнуть знанием военного строя. Сейчас она, суетливо шелкая замками и пряжками, вытаскивает из футляра громоздкий фотоаппарат.

— Равнение налево!.. Смотрите, чудачки, какой ландшафт!

И впрямь. Пароход движется у самого берега. Красно-сизые лозы раскинулись по буграм. Мягкий осенний вечер приближает к реке свой внимательный взор. Колхозные волны пересекают закраину песчаной затоки. — в мелкой прозрачной воде отражается опрокинутое стадо...

Напряженная тишина. Староста прицеливается. Женщина, вся охваченная азартом, кажется молодой. С непостижимой живостью перелезает она через барьер. Пикетажист Семененко предсмотрительно держит ее за юбку. Вот, мельком глянувши в зеркальце видискателя, щелкнула затвором. Удовлетворенно вздыхает:

— Вольно! Можно закуривать!

И с огромной бережностью укладывает в коробку свой древний, смахивающий на скворешницу, «Кодак».

На ступеньках, у будки рулевого, сидит загорелый, круглолицый старик в соломенном бриле и просторной полотняной паре городского покроя. Пассажирам давно известно, что Афанасий Петрович Бесконечный, полесский колхозник, возвращается с курорта на хутор Глушки.

Старик полон новых, незнаемых дотол впечатлений. Живая, светлая радость играет в его сердце. Он охотно, в сотый раз, отпирает свой сундучок и показывает всем желающим драгоценные сувениры: ветку олеандра, кипарисовый мундштук с надписью «Привет из Крыма», сушеного краба, ракушки, стандартный альбом видов Черноморского побережья.

— Вот это Ливадия, на лестницах, снимаете, львы, все равно, как живые. Царь, говорят, большие тысячи за них отвалил. Предметы великолепные... Ну, теперь Симеиз. Вон там, где будка показана, я купание делал, каждыйдневно!

Здесь Афанасий Бесконечный замуривает глаза и чешет глубоко, под скулами, свою щетинистую бороду.

— Лежишь... Море теплое, пахучее — плюсь, плюсь!.. И небо распахнулось над тобой высокое, ласковое. Тянется душа в просторы, не то спишь, не то бодрствуешь...

Старик детально рассказывает о щедром санаторном рационе, о военных кораблях, стоявших на рейде, о заведенных на курорте знакомствах.

— Что народу перевидел — не счесть. И всё, понимаете, народ отборный, — оно и то сказать, в такие сады-красоты

кого попало не пошлю! С некоторыми даже дружбу свел...

Вот, помню, на второй день по приезде, утречком, откушал я тройку яиц, ну кофе там; того-сего, и к морю подался. Мочалку с собою взял. Пляж во какой — глазом не окинешь. Все голые.

И я, понятно, раздеваюсь. Молодые парни да девчата с лестницы прыгают, пирамиды всякие строят. Мне с ними в компании — не рука, я кого постарше ищу. Да. И аккурат вижу, старичок один по пояс в воде сидит, хлюпается...

Вошел и я, пену ногой разогнал, рядом пристроился. Теплота, синь такая, и парусочек далеко, на виднокруге бежит.

— Вот, — говорю, — благодать какая и просторность, а у нас всё больше лес, мочажины, клюква!

— Да, — он отвечает, — это где какой климат!

Посидели.

— А что, — говорю, — дед, не погреть ли ты мне малость спину, одоления пошу, свербит, проклятая!

Он — с удовольствием. Сейчас мочалку взял и давай меня сандалить. Уважил доотказу.

— Ну, — говорю, — хватит, теперь садись, я тебя поскребу, небось, чешется...

Он благодарствует, отказывается.

Ну, ладно. То, сё, покряхтели.

— А ты, — говорю, — друг, тоже впервые море видишь? Он плечами повел. — Нет, случалось! Да и в моей стороне, — говорит, — море недалеко лежит, только другое, Балтийское. — Ага! А что ж это за сторона такая? Он говорит: сторона моя — Ленинград!

Так. — А какой у вас нынешний год трудовень? — Это я спрашиваю.

Усмехнулся он, рукой воду погладил.

— Прямо, — отвечает, — и не скажу! Не в колхозе я!

— Неужто единоличник?!

Улыбается старый. — Зачем, — говорит, — единоличник, я даже член партии... Только другая у меня специальность. Я, — говорит, — профессор астро-

номических наук. Небо,—говорит,—и звёзды!

Упустил я мочалку...

А он за плечо меня взял и мокрую голую руку протягивает. — Ну, давай, будем знакомы. Лукомский, Григорий Александрович!

Куда деваться! Крепко пожал я мокрую эту руку. — Что ж,—говорю, — выпала мне доля быть профессором по картошке. Семьсот центнеров,—говорю,—с гектара.

Тогда затряс он меня еще пуще за плечи.—Это правильно, — говорит, — очень приятно, ты должен понимать, старик, что никакая астрономия без картошки существовать не может...

Темнело. Дикие утки свистящими косяками тянули на кормежку, к гречишным и просяным полям. Буксиры, ведущие караваны барж, хрипло перекликались во мраке, они выбирали места для ночлега, забрасывали у тихих плёсов якоря.

Вдоль по фарватеру уже мерцали сигнальные бакены.

Рыбалки выехали на ночную ловлю. Пароход промчался мимо, слепя прожекторами, обдавая грохотом, свистом, машинной гарью, — и вот уже пошло швырять с волны на волну легкие смоленые челночки...

На корме, огороженной веревочным барьером, было особенно уютно: высывая из сеток пегие головы, мирно кудахтали куры; в специальной загородке добродушно таращила глаза светлокочевная телочка-симментала.

Эту замечательную племенную телку везла из Каховской фермы к себе на Черниговщину знатная доярка Дуня Черец.

Здесь, на корме, собралась группа, человек в десять, — усатые хлеборобы, рабочие Дзержинки, горловские откатчицы, пожилой очкастый инженер из Укрэнерго. Мужчины, сидя на корточках, у самой воды, сосредоточенно покуривали. Женщины, не спеша, уничтожали брызжащий карминным соком гранат.

Шел разговор по поводу Конституции.

Инженер разбирал «по косточкам» статью о женском равноправии. Он сомневался. Его во всем поддерживали два рабочих бессемеровского цеха и один конюх. Остальные были на стороне Дуни Черец.

— Я многое видел, сердцем своим пережил, — говорил инженер, близоруко склоняясь к ладоням колхозницы и выбирая оттуда отдельные зернышки граната. — У меня самого есть жена, очень милый, душевный человек, две дочери-невесты. Одна — химик, другая, представьте себе, техник по железобетону. Я, как отец, вероятно, могу интересоваться их судьбой, правами... Ну вот. Химичка, Варя, сидит себе в лаборатории, многих аспирантов, надо сказать, за пояс заткнула... Все это понятно — обстановка, микроскопы, анализы, приличная публика. Здесь женщине определенное место, — если она не дура и хочет понастоящему работать...

— Правильно! — пыхнул табачищем один из бессемеровцев. — Я с вами вполне! Сиди и в большое стекло заглядывай, крути арифметику!

— Да, да, в большое стекло, — подтвердил инженер. — А вот вторая, Саша, в такое стекло смотреть не хочет. Девчонке семнадцать лет, ей бы стихи, лепесточки, музыку. А она надевает резиновые штаны и лезет под воду, в кессоны. Ребята вокруг кирками стучат, матом кроют, а ей хоть бы что. Разве это для девушки посильное дело!

— Никак не посильное, — поддержал рыжий бородатый конюх. — У нас недавно зоотехничку новую прислали, молодая, светлая, как стеблинка пшеничная, разве могу я показать ей, скажем, производителя?..

— То дело другое, — отмахнулся второй бессемеровщик, — при чем тут жеребцы. Давай, инженер, дальше!

Инженер протер очки. Хмыкнул.

— Что ж дальше... Женщин пока в армию не берут? Не берут! Забойщиками тоже они не работают. Нужно бы в новом законе оговорить: ввиду того-то и того-то и принимая во внимание особые женские свойства, не допускать их

на некоторые тяжелые, сугубо мужские работы...

Засмеялась Дуня Черец.

— Тяжелые мужские работы. Это от вас, мужиков, зависит, чтобы вокруг женщины осторожно ходить, заботливо. Сейчас дело мирное. А случись война, — разве постесняюсь я жеребца, или в окоп не лягу, или в забой не полезу?..

— Баба дельное слово говорит! — неожиданно бросил Афанасий Бесконечный. Он давно стоял наверху у кормы, навалившись грудью на перила, слушал. — Выходит так, товарищ инженер, что заваялся у вас в кармане старый аршин, а теперя надо бы по-другому мерить, на метры...

Почесал макушку первый бессемеровщик.

Инженер смущенно и обиженно засопел. Дуня Черец тронула его за руку. Сказала окружающим примирительно:

— Вы инженера не троньте. Когда он плотины ставит, чай, не аршинами измерение ведет...

Помолчали.

— А я вот что у вас спрошу, — еще мягче и душевнее заговорила доярка, придвигаясь вплотную к инженеру. — Скажите только одно... Две дочки у вас, у отца. И какая из них сильнее сердце ваше... ну... особой такой радостью да гордостью шевелит: та ли, которая в большое стекло глядит, или другая. Саша, что, резиновые штаны надевши, под ледяной водой бетонные столбы гонит?!

Нечем было крыть инженеру. По виноватой нежной усмешке, по увлажнившимся глазам, по тому, как запрыгала в его руке тлеющая папироса, все поняли, что самый светлый, самый теплый и сокровенный угол в сердце старика принадлежал Саше, бетонщице, маленькой, отважной комсомолке.

На верхней палубе пели топографы и табачницы.

— Ой вербо, вербо, де ты росла, — затягивал Сойкин тихим задушевым тенором.

— Що твое листячко во-о-ода знесла, — подхватывал вполголоса хор.

— Зне-есла-а-а... — долго дрожал над водой и таял где-то у береговых остров грустный покорный припев.

Но вот на смену безнадежно-печальному тенору вступало решительное густое контральто:

— Ой знесла, знесла тыха вода... А я мо-олода, как яго-ода...

— Это какалеристка выводит, «мать-настоятельница», — прошептала Дуня Черец, подпирая щеку ладонью. — Ох и голос!

А я молода,
Як ягода,
Не пийду замиж
За рик, за два...

Голос работницы крепчал. В нем уже можно было различить несказанную обиду, возмущение:

А пийду замиж
Аж пятого. —
За того пьяницу
Распроклятого...

И уже хор звучал по-иному, взволнованно и гневно. Он был полон тревоги за девичью долю:

Ой, кажуть люде,
Що вин не пье,
А вин из корчмы
Щодня иде....

Ночь неслышно скользила над рекой. У левого борта, среди звездной россыпи, отраженной на червленом бархате Днепра, полыхал громадный и яркий Волосожар.

— Летят над землею годы, — задумчиво сказала доярка, — а люди, сколько я ни помню, всё поют про несчастную любовь. Хорошие, правильные песни...

Откатчица, коренастая, суровая женщина, за весь вечер не сказавшая почти ни слова, глянула на Дуню Черец.

— Да уж куда правильней! Тебе и самой, небось, такая доля знакома, — мужа из корчмы водить...

Доярка обернулась Синий суконный платок ее с'ехал на плечи, обнажив седеющие косы, связанные тугим узлом.

— Отчего же, бывало!

— Все вы, какую ни спроси, мужей за тиранов считаете, — буркнул коных. — А сама говорила недавно, зерно по трудовням выдали — в хате не помещается. Откуда это? Одними своими силами нажила?

Дуня Черец шевельнула бровью:

— Почему своими? Сообща работаем. Но это тоже полный факт, что еще лет десять назад была я самая забитая в селе. Как есть забитая, — и умом, и в смысле кулачных ударов, ну и других там разных, то ли... лопатой, то ли палкой... А сейчас, кроме доярского своего дела, вог уж четвертый год, как состою членом сельсовета, председателем дорожной секции...

Могу с карандашом и бумагой доказать всякому, сколько пластин да бревен требуется для какого мостка и сколько опять же подвод, трудодней, булыжника, песку, щебня... Дороги у нас действительно сейчас, как полотенце. Недавно, в маневры, люди проезжали, дождались: кто и что. — Ну, — сказали, — люди передавали, — это ж не баба, а прямо профессор путей сообщения! Вспыхнула, утерлась платочком.

Слушатели переглянулись молча. Расширили глаза.

— А что насчет побоев? — не вытерзела откатчица.

Дуня Черец повела плечом:

— Всякое было. Бил меня муж по чем попало, ногами, случалось, топтал... Правда, больше босыми, бессапожными... Бедность...

— Какая там бедность! — закричал инженер. — Сослали его, изолировали?!

— Таковую сволочь и утопить мало! — возмущенно подхватил Афанасий Бескопечный.

Лицо Дуни на этот раз уже не вспыхнуло, а запылало багрянцем.

— Зачем топить, изолировать, — помедлив, ответила колхозница. — Я ему, мужу, Федору Черцу, давно это простила... Разве он меня бил? Бедность была, темнота, отчаяние, законы тогдашние...

А сейчас, вот он — первейшим в районе бригадиром по льну... Большая

любовь... Пятого сына ждем... Всё у меня, знаете, сыновья...

Молчал народ. И в этой торжественной тишине отчетливо выстукивали пароходные лопасти: так-так, так-так...

Утром подвалили к городу имени Петровского. В сплошной завесе, сотканной из дымов самых диковинных оттенков, полыхали красные языки домен.

Шла обычная погрузка. Пассажиры толпились на палубе.

Общее внимание привлекала группа празднично одетых людей, собравшихся невдалеке от пристани, на песчаном берегу. Многие были с букетами. Блестели на солнце ярко начищенные трубы маленького оркестрика. Очевидно, кто-то кого-то провожал.

Вскоре все разъяснилось: это отбывала в очередной рейс, к верховьям Припяти, стахановская бригада плотовщиков. Ее провожали представители Украинлеса, рабочкома, сплавной базы. Бригада привела караван в исключительно короткий срок, без малейших потерь; такелаж — лебедки, якоря, стальные и пеньковые троссы — был сдан в отменном состоянии.

Вот, видимо, там, на берегу, закончилась официальная часть. Люди обнимались, били друг друга по плечам, жали руки. Потом все шумной ватагой пошла к пристани.

Впереди выступал усатый суровый старик атлетического сложения в новенькой «лоцманке» с лакированным ремнем у козырька. Он, растопырив локти, бережно, словно ребенка, нес сверкающий никелевыми наугольниками темнозеленый патефон.

За ним шагали вразвалку ребята, нагруженные вещевыми сундуками и подарками.

Но внимание пассажиров было сосредоточено на особой паре.

Молодой травильщик, специалист по запуску якорей, — стройный, как тополь, и рябой, как сорочье яйцо, — тащил на себе добрый центнер баулов, мешков, корзинок, тюков с книгами.

Парень был одет щеголем, из-под черной фигуристой кепки выбивались золотисто-рыжие кудри.

Травильщика провожала девушка в светлой платье. Она, черноволосая, загорелая, держала в руке маленькую темно-красную гвоздику.

— Расстанутся, — тихо заметил инженер. — Это ясно!

И палуба притихла, насторожившись.

«Мать-настоятельница», давно успевшая сбегать на берег и разузнать, в чем дело, сообщила пассажирам:

— Рыжего Андреем зовут, а её — Веркой. Вместе на караване служили, два рейса сделали. Она — кухаркой работала и красным углом заведывала... Теперь у Веры имеется большой план, в мореходные, штурманские классы итти, а парень ее на реку тянет. В интересах женитьбы и большого счастья! Говорит — на осень оба учиться пойдем, стипендия обеспечена. Ты, говорит, по эксплуатации, а я по лесосплаву. Не хочешь...

Предостерегающе, тревожно прозвучал первый гудок.

Вся бригада плотовщиков уже взбиралась на пароход. Седоусый старшина подошел к молодой паре, охваченной грустью разлуки.

— Ну, Верка, — сказал он, поскребывая безукоризненно выбритую скулу. — Ты или дура, или чорт знает какие у тебя мысли! Прямо чепуха получается! Кто ж теперь будет в караване такую кашу варить, которая прилична стахановцам, кто нам, плавающим людям, без тебя нужную культуру преподаст? Прощай, Верка!

Старшина, отвернувшись, коротко стиснул своей клешнею руку девушки и двинулся к сходням...

Андрей и Вера присели на бревнах. С Днепра тянуло водорослями и тонким, еле уловимым запахом рыбы. Вода у пристани, разузоренная нефтью, сверкала всеми цветами радуги.

— Подумай, страна заботится, — бубнил травильщик, прижимая к своему подбородку тяжелую шершавую руку девушки. — Вот еще бы рейс последний... К чему оно, море... Недельки три

погуляем, отдохнем... А там и техникум, будем вместе науку долбать...

Вера мельком глянула на палубу: десятки глаз, чужих, любопытных, следили за ней. Отвернулась, сурово насупив брови.

— В море просторней! Большие корабли, Порт-Саид... Я всё равно буду тебя любить...

Затрезвонил колокол. Расставались молодые. Глаза травильщика были налиты отчаянием.

— А помнишь, а помнишь, — заговорил он прерывисто. — Под Чернобылем, где Ольховый остров, зажало, затянуло в прорву головной плот... Разве не мы с тобою четверо суток по шею в воде такие силы теряли? Каждое бревно шестьдесят пудов! Выручили... К чему это всё теперь...

В эту секунду оба внезапно подняли головы, встали: закричала с палубы Дуня Через:

— Что море, что река, одинаково нужный труд! Скажите на милость, океанские капитаны! Решай, Верка, не видишь, — человек убивается!

Руки девушки вздрогнули в потных руках Андрея. Глянула с растерянной полуулыбкой. Кивнула отрицательно...

— Придется нам, рыжий, без тебя отвалить! — деловито напомнил сверху вахтенный, облачиваясь на перила. — Сказки-глазки!

Гудок выбросил пружинистую струю пара, зашелся басовитым ревом.

Инженер и колхозница разом, словно сговорившись, досадливо прицокнули языками.

— Отдай носовую! — гаркнули с мостика.

Чернокобая девушка на мгновение зажмурила глаза... Вырвалась из рук травильщика. И вдруг опрометью побежала к кассе...

— Отставить! — бросил снисходительно старый капитан, и этот возглас его потонул в единодушном восторженном гомоне пассажиров.

Андрей и Вера, пунцовые, мокрые, с грохотом пронеслись по лестнице, перемахнули сходню. И тут же обнялись, замирая от счастья.

— Это ж ужас что за люди! — деликатно отворачиваясь, изрекла Дуня Черец.

Бригада сияла. Девушку усадили на лучшее место, подставивши новенький бушлат. Кто-то, лежа на поручнях, отчаянно кричал дежурному по пристани, чтобы со следующим пароходом передали на Мозырь Верины вещи. Кто-то ринулся в буфет за вином.

Тогда, с необычайной торжественностью, подошел к молодым Афанасий Петрович Бесконечный. Он держал в руках новенький градусник, — синюю стеклянную колбочку на оранжевой, несуровой широкой сосновой доске.

— Вот, — сказал мастер картофельных полей. — Не обессудьте, прошу принять от чистой души, на новое хозяйство! Я четыре штуки закупил в Севастополе, для домашних подарков.

Старшина, широко расставив колени, отдуваясь, сидел рядом с Веркой. Все в этом суровом человеке говорило о том, что он счастлив непомерно. Чего же еще можно было желать: стахановская бригада в сборе, два молодых славных сердца соединились теперь уже накрепко, навсегда, дела сложились как нельзя лучше. Он видел — весь пароход разделял с ним эту замечательную полноценную радость.

Один из плотовщиков, низенький, хитроглазый, стриженный модным полубоксом, — по всем видимостям, бригадный закоперщик и балагур, — словно невзначай, приподнял лежащую на коленях дорогую хроматическую гармонию и пробежал по ладам. Потом вскинул ремень повыше.

Парень играл отлично. Все чувствовали, видели: стояла южная солнечная осень, лесистые берега уже тонули в золоте и багрянце, но гармония явно пела осени наперекор. Исполдволь, почти неуловимо возвращалось назад звенящее кузнечиками лето, пышные хлеба вставали на полях. И как бы менялся на глазах у всех самый характер пейзажа: уже шумели вокруг полесские сосны, вились над озерами чайки, среди ковров вереска белели стройные березы.

И вот уже вовсе не лето: клейкая пахучая листва смеется вешнему солнцу.

Цветут медуницы, текут ручьи, рассыпая серебряные всплески, девчата завели хоровод, — весна, весна! Медленным топотком, особым выстуком пошла, поехала национальная, белорусская «Лявониха». Темп ускорился. Взвихрилась вширь плясовая.

Долговязый, бородатый плотовщик, со странным прозвищем Карахоня, не выдержал первый и, замысловато кренделяя, подмигивая окружающим, пошел по кругу.

Две девушки, табачницы, взмахнувши подолами, пустились следом за ним.

Потом вылетел Сойкин в широких бриджах, в синей спортивке. А гармонист раззадоривал, наддавал, жег.

Дуня Черец неожиданно сделала обеими руками плавный жест, как бы расчищая перед собою место, и, жеманно улыбаясь, пошла дробушечками навстречу Карахоне.

Тогда сорвался со скамьи Андрей. Он сразу ударил вприсядку, отрезая Дуне путь к бородатому. Та поняла, закружилась павой, и травильщик двинулся за нею широким цыганским махом.

Вокруг подсвистывали, притаптывали, били в ладоши: «мать-настоятельница», конюх, пикетажисты, литейщики, землеробы...

Гармонист, склонивши голову к самым мехам, вдруг зачестил, зашелся сложными переборами, шевельнул звоночки.

Сменившийся кочегар, — пожилой уже дядя в полосатом тельнике, в галошах на босу ногу, — решительно пробился сквозь гущу зрителей и очутился в центре круга.

Выдержав нужную паузу, он вдруг чудаковато подпрыгнул и разом пошел чесать впришлёпку. Лицо этого человека было невозмутимым, почти сердитым, а ноги в это время выделявали диковинные выкрутасы. Ни на секунду не теряя размера, кочегар то семенил на каблуках, то оглушительно бухал резиновой подошвой о просмоленные доски, то снова пускался петлять по-четечному, через два такта.

Хохотала палуба, подстукивала, подавала жару.

Вскочил старшина, глянул чортом, подкрутил серебряные усы, притопнул и,

бережно взявши Веру за руку, вывел ее на линию огня.

И вот уже загрохали кованые сапожища, замелькали стройные Верины ножки.

Андрей, смеющийся, непомерно счастливый, вился вокруг.

Захватывало дух. Казалось, даже машинные лопасти стучали в такт этому бешеному танцу.

Неистовствовала гармошка. Гремела палуба. Весь пароход ликовал, охваченный несказанной радостью бытия.

Инженер долго крепился, притопывал ногой. Потом, поправив очки, сорвал с себя пиджак и, замысловато подпрыгивая, вклинился в гущу танцующих.

Гармония рванула огненную «Метелицу».

За рубежом

ВОИНА ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ

Ричард Роуан

(Окончание ¹)

ГЛАВА IX

Когда мы станем жить в домах из стекла, когда будут уничтожены границы, работа шпионов и контрразведчиков станет предметом научных исследований. До тех пор она останется малоизвестной. Правительственная тайная служба, или, в еще более строгом смысле, военный шпионаж, имеет в себе и, повидимому, всегда имела какую-то темную заманчивость. Конечно, нет ничего другого, что соединяло бы в себе такие заманчивые элементы опасности и игры, наглости и хитрости, жестокого обмана и холодной неразборчивости в средствах.

Шпионы либо жалко погибают, либо уходят на отдых, чтобы писать воспоминания, но шпионаж никогда не умирает и не обнаруживает склонности уйти на покой. Он игнорирует мирные договоры, не чувствует на себе последствий экономической депрессии, и заставить его отдохнуть можно только под угрозой револьвера.

Работа шпиона в мирное время всегда являлась трудной и зачастую довольно опасной. Все же до войны она была довольно будничным занятием. Теперь же шпионаж и контрразведка в состоянии хронической мобилизованности. Начиная с 1919 года агенты оказались вынужденными действовать с

подлинно военным благоразумием и хитроумием. Крайнее напряжение международных отношений и всеобщее острое взаимное недоверие государств заставляют шпионов и диверсантов прибегать к трюкам и схемам немислимой новизны и хитрости.

Возьмем для примера случай наиболее ультра-современного шпионажа, когда для этих целей было использовано такое обычно невинное занятие, как мытье окон. Некая старая уборщица моет окна в посольстве, помещающемся в одной из величайших мировых столиц. Посольские служащие проявляли должную бдительность и осторожность. За уборщицей, как и за другими служащими, уходившими после рабочего дня, часто посылали шпионов; служащим никогда не позволяли вынести что-либо без предварительного осмотра. Уборщицу много раз подвергали обыску, но никогда не находили ничего, что указывало бы на ее причастность к какому-либо заговору. Оказалось, однако, что, когда эта образцовая работница с таким старанием трудилась над окнами, откуда-то на нее был направлен сильный бинокль. Для протирки окон она пользовалась белой тряпкой, с помощью которой по довольно простому коду сигнализировала отдаленным наблюдателям, вооруженным биноклем. В ее упрощенном коде только шесть движений: вверх, вниз, вправо, влево по диагонали; вращательное движение слу-

¹ См. «Новый мир», кн. 7 с. г.

жило для обозначения точки или иного знака препинания.

Понимала ли она собственные сигналы? Вероятно, нет. Но это не имело почти никакого значения. Перед тем как приняться за протирку одного из окон посольства, она находила спрятанный в тряпке или в ведре кусок бумаги — обертку от обыкновенного куска мыла. На белую сторону бумажки были нанесены мелкие карандашные отметки-черточки, направленные вверх, вниз, по диагонали. И эти черточки она честно воспроизводила белой тряпкой на стекле.

Упомянутая столица славилась как центр шпионажа; много лет шпионы вертелись вокруг этого посольства, как вороны над полем битвы. Трое низших служащих, которые в прошлом дали себя подкупить, таинственно исчезли один за другим вскоре после того, как их предательство было открыто. Теперь там появился четвертый, атташе, тоже оказавшийся весьма продажным, однако слишком любящий жизнь, чтобы рискнуть быть пойманным своими соотечественниками в момент, когда он будет выносить или посылать посольские секреты на рынок. Тогда-то покупатели продаваемой им информации, осторожно действующие с наружной стороны, и нашли способ преодолеть боязливость предателя, наняв женщину, мывшую окна.

Хотя многие хитрости и приемы тайной службы представляются обывателям занятыми развлечениями, но опытные практики этого дела хорошо знают всю их полезность. Все эти хитрости нужны не только для того, чтобы возможно лучше обмануть контрразведчиков неприятеля, но и потому, что, посылая агентов со шпионскими заданиями, лучше не слишком осведомлять их о планах и директивах руководства. Если агент пойман, то может быть подвергнут такому мучительному допросу, в сравнении с которым «третья степень», изобретенная американским полицейскими инквизиторами, покажется дружеским похлопыванием по плечу. Но, сколько бы его ни пытали, пойманный шпион не сможет рассказать того, чего не знает.

В течение всей мировой войны все пойманные немецкие шпионы немедленно выражали готовность спасти свою жизнь за счет разоблачения тайн своих нанимателей. Они обещали «рассказать все». Искушенные чиновники контрразведки выслушивали их, ожидая немного, и во всех случаях без исключения тем было мало, что рассказать, разве что предать какого-нибудь злоплучного и незаметного сообщника. Даже те, кто пишет разоблачительные книги, — в отличие от тех, которые заняты более благодарной задачей описания своих личных приключений на тайной службе, — обнаруживают на каждой странице, как мало им дано было знать о внутренней стороне работы той самой службы, в которой, судя по их словам, они занимали весьма видное положение.

Сколько бы ни обвиняли тайную службу в разных грехах, однако, в отличие от других официальных учреждений, ее нельзя обвинять в одном — в кастовом высокомерии. Руководитель шпионажа принимает помощь из всех доступных ему источников. Не случайно некоторые наиболее выдающиеся руководители тайной службы — Шулмейстер и Штибер, Джон Барнетт, Лафайет, Бэйнер, Аллан Пинкертон или, если перейти к нашему столетию, прославленная «женщина из Антверпена» — мадемуазель Доктор, германская шпионка, — все они ранее не были чиновниками официальных учреждений.

Много раз случалось, что чиновник, переведенный в разведку, презирает низовых агентов-исполнителей, нанимает, подкупает их и презирает. А они в свою очередь платят ему тем, что с легкой душой предают и продают его. Можно сказать с совершенной точностью, что в цивилизованном обществе они обычно занимают довольно низкое положение.

Все правительства, принимавшие участие в войне 1914—1918 гг., пользовались услугами фальшивомонетчиков и поддельвателей, но в качестве узких лабораторных специалистов. Несколько из них были переведены из тюрьмы в Ат-

ланте в Вашингтон, где своей работой они вполне заслужили «отпуск». Но еще задолго до этого французы выпустили из Кайенны одного мерзавца, талант которого в области подделки печатей, подписей и других эмблем официальных документов, в конце-концов, заслужил ему президентскую амнистию.

На третьем году войны к шпионской деятельности одной из стран Антанты была привлечена знаменитость подпольного мира—Батистин Травайль. Он прославился как «король алиби», потому что обладал сверхъестественным умением доказывать, что в твердо установленный час совершения какого-либо преступления, в котором подозревали именно его, он играл на биллиарде с каким-нибудь жандармом.

Члены тайной разведки мало чему могли его научить для выполнения данного ему задания, но они снабдили его полным комплектом орудий взломщика и противогазом. Тогда Травайль начал орудовать.

Прежде всего он вломился в большое, изолированное жилое здание на окраинах Берна, столицы нейтральной Швейцарии, служившей важнейшим центром германского шпионажа. Он пробрался в потайную комнату в подвале. Она была защищена сложной системой сигналов тревоги и даже баллонами с ядовитыми газами. Травайль хорошо знал сигнальную электропроводку и перерезал провода. На случай, если из баллона пойдут удушающие газы, при нем был противогаз. Когда, в конце-концов, целый и невредимый, он вернулся к своим нанимателям, то принес с собою типичную, методично составленную сводку расходов на операцию.

Итальянская разведка побила все рекорды признательности за преступление, совершенное ради нее французским жуликом. Дело в том, что в 1923 г. Батистину Травайль не удалось смастерить очередное беспорочное алиби. Парижский суд приговорил его к двадцати годам каторжных работ в Кайенне, что означало последующее пожизненное изгнание. Пока он сидел в тюрьме, задержалась отправка парохода, который должен был отвезти его в Кайенну. О

бедственном положении Травайля узнал один офицер итальянской разведки. Было сделано соответствующее представление королю Италии, который в свою очередь обратился к премьер-министру Франции. Батистин Травайль был амнистирован ввиду услуг, оказанных им «союзнику».

Знать, кого в чем подозревать, в этом заключается первейшая обязанность контрразведки при нынешнем развитии этого оборонительного отдела тайной военной службы. В Европе, где разведки вообще мало считаются с тем, имеет ли место сейчас мир или война, поведение очень многих лиц считается сомнительным в достаточной мере, чтобы занести их в «список» или «досье» даже в период длительного мира.

Во время мировой войны, когда инстинктивная подозрительность французов соединилась с любопытством англичан и со стремлением к собиранию новостей со всего света, свойственным американцам, было создано действительно монументальное собрание подозрительных имен. В распоряжении департамента по наблюдению за портами во Франции был список, насчитывающий 141 тысячу имен. Американская тайная разведка всегда имела на учете не менее 150 тысяч имен.

Проверив еще большую территорию, морской департамент Америки составил свой список, содержавший около 150 тысяч имен. Уже после того, как списки были подготовлены к печати в государственной типографии, их уничтожили по распоряжению президента Вильсона, потому что, по его заявлению, в эти списки было включено слишком много его личных друзей и единомышленников, за чей «патриотизм» он ручался.

Германская разведка, редко отстававшая от других в науке тайной игры, успела еще в предвоенные годы подготовить свою книгу—«Книгу 47.000». Установлено, что в этом издании был собран список людей, за которыми числятся какие-либо прегрешения. Все это

были видные люди, чьи антиморальные или другие отклонения могли сделать их уязвимыми для шантажа при определенных обстоятельствах.

В тайной службе ни шантаж, ни взятки нельзя применять теми грубыми методами, которые столь распространены среди штатских политиков и уголовных элементов. Применяется известная ловкость, чтобы уметь вручить взятку человеку так, чтобы его сознание собственного достоинства не слишком пострадало от того, что он продает свою родину. Один из наиболее наглых шпионов, который лично шпионажем не занимался, считал, что взятка—лучший метод шпионажа. Он смеялся над распространенным представлением, будто никто, кроме высокопоставленных лиц, не может иметь доступ к ценной информации неприятельских штабов. Случайно можно украсть или подобрать какой-нибудь материал, кое-что можно узнать от болтливых или пьяных офицеров, но, как правило, он предпочитал покупать товар с гарантией. За то, что было нужно ему или его хозяевам, он платил хорошо, и свои личные достижения и множество чрезвычайно удачных предательских сделок он приписывал своей привычке никогда не давать взяток лицам в чине, меньше полковничьего.

Основным во всяких схемах шантажа является боязнь разоблачения, но этот фактор теряет свое значение, когда угрожающий тоже подвергается опасности быть разоблаченным как агент неприятеля или как человек, сочувствующий неприятелю, что влечет за собой тюремное заключение.

Контрразведчикам в прошлых войнах, а также в будущей войне приходилось и придется бороться против широкого использования военной формы в целях маскировки, ибо военная форма, особенно среди штатских людей, является своего рода паспортом. Можно легко понять, почему в Германии после 1914 г., где значение военной формы даже в мирное время было особенно вели-

ко, ибо все годное носить оружие население было мобилизовано, иногда шпионы Антанты шли на огромный риск, сопряженный с маскировкой в военную форму. В течение первых трех лет войны в одном только Берлине за ношение фальшивой формы было предано суду 1785 человек, в том числе 385 лжеофицеров, двое из них— в форме генералов. Как ни странно, среди пойманных не было ни одного в мундире фельдмаршала.

Число неприятельских агентов, пойманных в Германии в течение мировой войны, представляет лишь небольшую часть того легиона шпионов, которые активно орудовали в кайзеровской армии. Из пойманных значительная часть была мелкой рыбешкой, так как важные предатели и крупные шпионы умели обходить сети контрразведки. Небольшое число пойманных шпионов говорит далеко не в пользу германской контрразведки.

В Германии недавно были опубликованы любопытные официальные цифры, показывающие, сколько лиц было осуждено по обвинению в государственной измене. Цифры даны по отдельным национальностям:

Немцев	168
Немцев (эльзас-лотарингц.)	67
Французов	45
Голландцев	31
Швейцарцев	25
Бельгийцев	20
Люксембургцев	13
Датчан	5
Австрийцев	4
Англичан	3
Итальянцев	3
Шведов	3
Перуанцев	1

Были получены доказательства того, что в 175 случаях шпионаж велся в пользу Франции, в 59 случаях в пользу Англии, в 21 случае в пользу Бельгии и только в двух случаях в пользу Италии и в 14 случаях в пользу нескольких союзников одновременно. В 33 случаях были вынесены приговоры по диверсионным, вредитель-

ским актам, которые все, за исключением одного, были сделаны по заданию французов.

Выяснилось, что большая часть немец, осужденных по обвинению в измене, работали в пользу Англии, а все эльзас-лотарингцы, без единого исключения, работали в пользу Франции. Шпионы, завербованные в Голландии, большей частью работали в пользу Англии, швейцарцы и уроженцы Люксембурга — в пользу Франции.

Из приведенных цифр можно понять, что сотни шпионов избежали суда просто потому, что им удалось выполнить свои задания и не быть обнаруженными. Однако этот успех союзнических агентов активного шпионажа нельзя приписывать исключительно их уму или смелости. В то время как Англия насчитывала свыше 6000 агентов для активной контрразведки против одной только Германии, по немецким данным, мы видим, что в тех местностях, где было больше всего английских шпионов, имелось не больше тысячи агентов немецкой контрразведки. К тому же эти самые местности привлекали немало внимания со стороны французской разведывательной службы, а также со стороны в значительной мере возникшей экспромтом, но поразительно хорошо работавшей бельгийской системы шпионажа.

В течение первых месяцев великой схватки в Бельгии и в завоеванных департаментах Франции были организованы гражданские комитеты, которые стали заниматься переправкой людей призывного возраста и легко раненных, оставших во время Марнского отступления. Переправа этих людей через границу была своего рода подготовкой к шпионской деятельности, а в некоторых случаях к диверсиям, которые явились вторым видом деятельности этих комитетов. Надо отметить, что новый вид деятельности комитетов несколько не увеличивал опасности, которой подвергались их члены, поскольку, согласно статье 58 германского военного кодекса, «переправа солдат к неприятелю» расценивалась наравне с шпионажем. Это преступление каралось смертной

казнью, которая беспощадно применялась.

Риск только увеличивал рвение комитетов. Одной группе удалось за четыре месяца переправить через границу 8000 годных к военной службе молодых людей. Другой группе за такое же время удалось переправить 800 человек по очень длинному и опасному маршруту. Один из комитетов выработал, справедливо считающийся удачным, трюк с «возом сена» — наиболее смелый из всех трюков, придуманных комитетом для обмана врага. Фокус в том, что брались два воза сена, при чем возницы по своей внешности резко отличались друг от друга. Первый воз под'езжал к границе, нагруженный сеном, и только сеном; на втором возу лежала такая же копка сена, как и на первом, только под сеном на дне повозки лежало иногда до семи человек, жаждущих перебраться через границу. Оба воза под'езжали к пограничному посту, где немецкие часовые осматривали груз. Солдаты штыками протыкали первый груз сена и не находили ничего, кроме сена. Вслед за этим наступал роковой момент. Во что бы то ни стало требовалось хоть на минуту отвлечь внимание часовых, которые чаще всего были пожилыми резервистами, утомленными многими днями и месяцами скучной рутины. Малейший промах грозил тем, что они тут же проткнут штыками и саблями второй воз сена, где спрятаны люди. Чтобы отвлечь их, надо было внезапно затеять с ними спор, дружески угостить едой или папиросами, или каким-либо другим способом. В это время возница первого, осмотренного воза заходил в пограничный пост для подписания разрешения на в'езд. Возница второго, еще не осмотренного воза с сеном должен был бросить свой груз и направиться к посту как-раз в тот момент, когда первый выходил из поста с подписанными бумагами. Это был самый острый, критический момент. В отсутствии возниц оба воза ничем не отличались один от другого. Одинаковый вид возов был так же необходим, как и резкое несходство возниц. Первый возница, вышедший с подписанным раз-

решением на выезд, хладнокровно забирался на передок неосмотренного воза с сеном и выезжал в Голландию. Второй возница, тоже снабженный подписанным разрешением, спокойно смотрел, как часовые уже во второй раз вонзают штыки в его груз сена. Потом он тоже гереезжал в Голландию, где присоединялся к другому вознице и к торжествующим беглецам.

Импровизированная тайная служба в Бельгии настолько выросла и разрослась, что немцам, наконец, стало казаться, что даже дети подглядывают из своих колыбелей, чтобы приметить величину артиллерийских парков и подсчитать число поездов с подкреплениями. И на самом деле, школьники из окон своих классов после одной из больших битв во Фландрии умудрились сосчитать число проходящих госпитальных поездов и количество вагонов в каждом поезде. С самого начала войны мальчиков и девочек использовали как посыльных для передачи шпионских донесений; для этого же пользовались даже комнатными животными. Бельгийские и французские шпионы, кроме того, научились использовать такие предметы, которые никогда раньше не употреблялись в военных целях: игрушечные воздушные шары, церковные колокола, плитки шоколада, грубые детские рисунки, зонтики, куклы, клубки шерсти и даже деревянную ногу одного ревностного патристического инвалида. С помощью небольших, наполненных газом шаров, выпускаемых из какой-нибудь дымовой трубы при попутном ветре, удавалось передавать через окопы срочные и важные донесения; церковный звон использовался для сигнализации. Рассказывают также, что в целях сигнализации благодаря особым приспособлениям делалось так, что ветряные мельницы начинали вертеться против ветра и что целям сигнализации служили даже борозды на пашне, проведенные по условному коду. В шоколаде, в зонтиках, деревянной ноге запрягивали мелко исписанные шпионские донесения. В кукле один раз было спрячено взрывчатое вещество для агента-диверсанта. Клубок пряжи посредством простого узелкового

шифра был использован для передачи донесения. Точно так же под видом детских рисунков, изображающих танцующие фигурки мышей, собак или коров, скрывались слова шпионских донесений.

Знаменитой Алисе Дюбуа и ее сообщникам удалось переправить через опасную зону миниатюрный план местности, запрятанный в оправу очков. Этот план дал возможность сосредоточить огонь тяжелой артиллерии на четырнадцать новых германских батареях и артиллерийских складах. Все они были уничтожены. Этот же мастер шпионажа один раз имел редкое удовольствие присутствовать при том, как сержант-майор приставил штемпель с имперским орлом к фотографии, прикрепленной к ее новому паспорту. Фотография имела необычайно гладкую блестящую поверхность, при чем блеск достигался тем, что к фотографии была приклеена пленка из тончайшей прозрачной бумаги, на которой искусный график сумел посредством тончайших царапин уместить более 3 000 тысяч слов в шифре с сообщением о последних передвижениях немецких войск.

Условия, создавшиеся во время свирепой схватки 1914—1918 гг., вызвали к жизни целый ряд остроумнейших шпионских уловок. В будущих схватках шпионы, может быть, будут больше использоваться в качестве боевой силы, и их участие в достижении победы будет более ощутительным. Шпионаж в пользу Антанты процветал в течение всей войны не только в оккупированной Бельгии и части Франции, но также среди беспощадно угнетенных национальных меньшинств, среди чехов, словаков, кроатов, итальянцев и румын развалившейся Австро-Венгерской империи. Во всех случаях, когда враждебно настроенные и находившиеся в большой опасности национальные меньшинства обращаются к шпионажу, как это имело место в Ирландии во время гражданской войны, мы неизменно наблюдаем возникновение огромного количества неизменно остроумных трюков, измышляемых изобретательными умами, разжигаемыми ненавистью и страхом перед сильно вооруженным угнетателем.

ГЛАВА X

Когда начинается война, немедленно вслед за этим воздвигаются жесткие цензурные барьеры, так как правительства считают, что бдительное наблюдение контрразведки за шпионами в соединении с контролем над средствами связи должно поставить агентов неприятеля в опасное и затруднительное положение. Нужно и можно предотвратить утечку по ту сторону неприятельской границы сведений, даже имеющих весьма малое секретное значение и актуальность. Отсюда цензура становится фактором первейшей необходимости для современной оборонительной тайной службы.

На практике оказывалось, что военная цензура создавала лишь незначительные дополнительные затруднения для опытного шпиона, вызывая появление множества хитроумных шпионских уловок и помогая обнаружить лишь менее ценных, неуклюжих или неизобретательных агентов. Главная положительная ценность военной цензуры для контрразведки состоит в задержке сведений, что достигается одной только бюрократической процедурой. Искуснейшим образом зашифрованные сообщения так или иначе задерживаются военной цензурой на такой долгий срок, что содержащаяся в них информация теряет свою актуальность.

Бюрократическая задержка представляет собой единственную реальную защиту против различных шифровальных трюков, которые почти неуязвимы благодаря своей внешней естественности и простоте.

Если почему-либо не удастся придать невинную внешность шпионскому донесению при помощи шифров, кодов и шаблонов, то тогда шпион вынужден прибегнуть к потайным чернилам. Разные виды симпатических, или «невидимых», чернил были известны в течение многих столетий, однако наиболее сильное распространение и развитие они получили главным образом во время и после мировой войны. В начале войны они мало применялись. Густав Штейнхауер рассказывает о том зловещем

предчувствии, которое охватило его, когда он встретил германского шпиона Лоди, направлявшегося в Шотландию. Этого шпиона так спешно снарядили, что его даже не проинструктировали в отношении способов тайных сообщений и не дали ему других полезных указаний, которые помогли бы ему продлить и его шпионскую службу, и его жизнь.

Когда немцы обнаружили, насколько легко читается их секретная корреспонденция, они обратились за помощью к опытным химикам. В начале 1915 г. начали появляться действительно невидимые чернила. Появлялись они одно за другим, так как секрет их неизменно раскрывался химиками Антанты, так что чернила, употребляемые немецкими шпионами, становились все более и более сложными.

М. Бейль, знаменитый французский химик, стоявший тогда во главе лаборатории судебной экспертизы, продолжал свои опыты и вырабатывал реактив за реактивом, упорно держась на уровне последних достижений неприятеля. Немцы не верили успехам французов и начали подозревать измену в своих рядах. Иначе почему столько шпионов попадалось? В действительности же французской контрразведке теперь всякий раз удавалось перехватить новые «чернила» еще до того, как они применялись немцами.

Шпионы еще более часто стали попадаться в сеть контрразведки. В конце концов ни один из подозреваемых не стал носить с собой что-нибудь, что хоть отдаленно напоминало бы флакон чернил. В тюбиках и бутылках одеколона теперь держали только то, что было обозначено на этикетке, а не хитроумно приготовленное химическое соединение. У одного из подозреваемых оказалась пара носков, в которых было обнаружено несколько миллиграммов соли серебра, которых однако вполне хватило бы для его шпионских целей. Одного такого носка, опущенного в воду, было достаточно, чтобы сделать целый стакан одного из самых сложных химических чернил.

Даже в случае, если применяется какой-либо из самых совершенных видов чернил, то, тем не менее, в дополне-

ние к этому агент скрывает свое сообщение под каким-либо более или менее трудным шифром. По уверению экспертов - криптографов, неразрешимых шифров нет. Ревностные изобретатели пытались неоднократно создать такой шифр, в котором не было бы уязвимых точек, то-есть повторений. Один способный ум в действительности выработал для будущих войн шифр, в котором на четыре миллиона слов не встречается ни одного повторения. Тем не менее известные криптографы чувствуют себя в безопасности, так как имеют в своем распоряжении математические формулы; которые выявляют повторения внутренние, присущие написанному посланию даже в том случае, когда внешне техника шифра сумела избавиться от них.

Мечтой многих современных изобретателей являются машины, которые сами шифровали и расшифровывали бы тексты. Может наступить такое время, когда правительства, чьи сообщения перехватываются извне, могут прибегнуть к сложным шифровальным механизмам. Говорят, что одно из таких существующих приспособлений может давать 1925 вариантов шифра, так что любопытный наблюдатель имеет 1924 шанса ошибиться. Когда машина находится в действии, она выпускает узкую ленту бумаги, на которой особым образом расположены отверстия, посредством которых сообщение передается в одном из возможных вариантов.

Получатель также должен иметь у себя такую машину и должен знать секретную комбинацию, на которую должна быть установлена машина, и тогда он может быстро перевести зашифрованное сообщение на обычный язык, пропустив ленту, напоминающую в известной мере ленту, употребляемые в механических пианино. Вполне возможно, что блестящие криптографы найдут способ победить машину, но им, вероятно, понадобится бесконечное количество времени или подкупленный предатель на одном из концов цепи. Однако ни один шпион не может надеяться разре-

шить свои затруднения посредством машины, даже в том случае, если она будет уменьшена до карманных размеров.

В истории был один любопытный период в конце восемнадцатого столетия, когда агенты широкого роялистского заговора стали столь многочисленны в бонапартистской Франции, что они буквально стали наткаться один на другого. Под руководством знаменитого де-Батца они издевались над бдительностью Фуше и его полицейских шпионов и открыто носили куртки с своеобразным вырезом в воротнике для того, чтобы иметь возможность сразу узнавать друг друга. Заговорщики женского пола, преданные делу Бурбонов, носили отличительные знаки в виде особых мушек.

Некоторые департаменты разведки избрали эмблемой своей загадочной профессии нагрудный значок с изображением сфинкса.

Изящное белье одной женщины было вышито сообщением, содержащим более ста слов. Она была избалована женщиной — агентом контрразведки, случайно заметившей, что материал ее белья слишком дешев для такой богатой отделки — любопытный образец характерного для немцев неуклюжего промаха, разоблаченного враждебной остротой латинского ума.

Еще до того, как шпион подойдет к опасной стадии передачи своего сообщения и вступит в единоборство с цензором, перед ним стоит сложная проблема сокрытия собранного им материала.

Признавая всю положительную работу, проделанную организациями помощи голодающим в пораженных войной провинциях Европы, все же нельзя не отметить, что они всегда до некоторой степени были замешаны в работе департаментов пропаганды и разведки. Шифрованные записки помещались на этикетках жестяных банок и пакетов с продовольствием, и секретные донесения путешествовали в обе стороны от границы, в Бельгию и в Германию, в продовольственных посылках организаций помощи и даже в посылках, посы-

лаемых Красным Крестом военнопленным.

Прибегали к этому обе стороны — для шпионажа нет ничего святого. По мере того, как среди бунтующих национальных меньшинств Австрийской империи все более открыто крепились просоюзнические настроения, пропаганда и связь тайной службы все более увязывались с продовольственной помощью этим меньшинствам.

Многие важные шпионские донесения передавались во время мировой войны в подушках для булавок. Дошли даже до того, что самое расположение булавоочных головок могло быть использовано как особый код, где две булавки изображали тире, а одна — точку, т.-е. телеграфную азбуку. Почтовые открытки с видами, которые миллионами проходили через руки правительственных цензоров, редко использовались шпионами, потому что нанесенные на них надписи невидимыми чернилами, как правило, очень легко поддавались проявлению. Тем не менее один изобретательный немецкий агент нашел способ использовать эти почтовые открытки. На открытке могло быть изображение театра на Дрюри-Лэйн или памятника Альберт Мемориал в Лондоне, с другой стороны тонким женским почерком было написано внешне невинное сообщение.

Можно себе представить такую войну, в которой язык или диалект одной из воюющих сторон настолько малоизвестен и сложен, что сам по себе является совершенным шифром. Ирландские республиканские силы умышленно прибегали к этому во время гражданской войны, так как даже английская тайная служба не имела достаточного числа работников, хорошо знакомых с гельским языком. Трудный и мало изученный язык может стать «тактическим языком» какой-нибудь шпионской системы в будущей европейской войне.

Японцы имеют возможность создавать почти неразрешимые шифры, главным образом благодаря тому, что те слова и фразы, которые они скрывают под шифром, сами по себе являются трудным «шифром» для всех, кроме самых блестящих лингвистов.

Возможно, что в будущей войне шпионы-диверсанты будут работать независимо от чисто разведывательных отделов тайной службы, тем не менее им не удастся избежать риска, связанного с проблемой тайной связи. Им придется поддерживать контакт с руководством и своими коллегами по работе, посылать донесения и получать директивы и приказы. Попрежнему для спасения своей жизни и для успешной работы изобретательный агент будет прибегать к фокусам и уловкам, чтобы обмануть бдительность контрразведки и цензуры.

Весьма вероятно, что впоследствии шпион будет сообщаться с нужными ему лицами по радио, посылая сообщение, в котором некоторые «безобидные» слова будут иметь другое значение в определенном коде.

Во время мировой войны офицеры английской разведки записывали на грамофонные пластинки шифрованные сообщения, передававшиеся мощной радиостанцией в Науэне немецким представителям в Южной Америке. Эти пластинки проигрывались сотни раз на разных скоростях, пока, ценою долгих усилий и ошибок, удалось разгадать неприятельский шифр.

Во всех войнах, существовавших мировой войной, никто не возлагал больших надежд на местную цензуру, как на вид контрразведки. В первые же дни августа 1914 г. можно было видеть, как все новые воюющие стороны, за исключением оккупированной Бельгии, лихорадочно старались создать на скорую руку эффективную систему контроля. Англия была особенно встревожена, так как почти каждое новое судно, заходившее в какой-либо английский порт, лишь увеличивало горы мешков с почтой. В первом же из вскрытых мешков были найдены повестки о мобилизации, адресованные немецким резервистам в британских владениях. Английские цензоры с остервенением набросились на переписку, и таким образом им удалось дать разведке своевременные сведения о собираемых неприятелем полчищах.

Там и сям попадались шпионские донесения. По ним были произведены аресты. Шпионов приговаривали к тюрем-

ному заключению, а впоследствии стали казнить. Задержка корреспонденции или ее повреждение — единственное, что мешает вражеским шпионам в их работе.

ГЛАВА XI

На одной из глухих улиц Мюнхена в красивом старом доме живет женщина, относительно которой французская тайная служба до сих пор не уверена, действительно ли она удалась на отдых. Агенты французской полиции, однажды открыв ее местопребывание, ни на минуту не ослабляли наблюдения за ней, и настолько, насколько позволяют международные обстоятельства, продолжают наблюдать за нею и поныне.

Эта женщина — одна из самых известных шпионок, талант которой был открыт мировой войной. Она быстро выдвинулась из рядов тайной агентуры и стала мастером шпионажа. Ей первой из представительниц ее пола было поручено руководство школой для подготовки шпионов, и ей первой удалось выделиться тем, что она во время войны организовала в Антверпене школу шпионажа и руководила им.

Здесь мастеру шпионажа приходилось иметь дело с учениками самых разных видов, так как ей в ее работе нужны были как наемные профессионалы, так и ренегаты и осведомители, включая уголовников самого низкого пошиба.

В школе шпионов умели извлекать пользу из предателей и перебежчиков, трусов и самозванцев, фанатиков и дураков.

Для обучения в школе вербовались люди самых разных сортов: одних привлекала надежда на повышение, других — возможность наживы, третьих вовлекали обманном путем, четвертых — угрозой привлечения к суду за ранее совершенные преступления, пятых — прямым шантажем.

Прежде чем послать выпускника школы шпионов испытать свои способности в мрачном море шпионажа, его подвергали последнему экзамену, так как главный шпион должен был убедиться, что ученик усвоил все ее правила и установления.

Благодаря своим исключительным исполнительским способностям она умела дотягиваться до своих сотрудников даже, когда последние пытались скрыться от нее во внутренних зонах враждебного государства.

Эта мастерица шпионажа сумела сделать памятным свое имя благодаря изобретению, которому редко пытались подражать и которое кажется наиболее жестоким из всех когда-либо придуманных. Она впервые ввела особый тип так называемого шпиона-болвана, чья жизнь намеренно приносится в жертву.

Ее типичной жертвой становился либо агент, которому она перестала доверять или начала подозревать в двойничестве, либо просто такой агент, для которого она не могла найти полезного применения. Это могло случиться потому, что шпион оказался слишком болтливым или грубо пытался сблизиться от своего начальника большего жалованья, чем было оговорено; так или иначе «Фрейлин» отвечала тем, что предавала «шпиона-болвана» неприятелю с тем, чтобы его поймали, судили и в конце-концов казнили. Постепенно эта мера дисциплинарного наказания приобрела некоторое стратегическое значение. Случалось, что какой-нибудь из ценных выпускников антверпенской школы оказывался в таком положении в неприятельской стране, когда над ним вилотную нависала угроза разоблачения и ареста. «Фрейлин» считала, что если французы, бывшие ее главными противниками, поймут какого-нибудь нестоящего шпиона, скрывающегося где-нибудь поблизости от ценного, находящегося в опасности агента, то угроза, которой подвергается последний, уменьшится хотя бы на время.

Одно время «женщина из Антверпена» использовала у себя на работе одного голландца по имени Хегнагель, неуклюжего простака, негодного ни для чего, кроме самых простых поручений. Глупость возмущала ее не меньше, чем предательство, и, в конце-концов, она приказала ему отправиться в Париж, где в то время активно действовал Карл Генрихсен, один из «тузов» германской

разведки. Он и был тем находящимся в опасности шпионом, многочисленные достоинства которого оправдывали даже человеческую жертву для его сохранения.

Хегнагель должен был установить контакт с Генрихсеном, которого знал не по имени, а по номеру. Инструкции о том, как найти Генрихсена, так и не были посланы Хегнагелю. Видя невозможность начать работу в Париже, Хегнагель написал письмо, пользуясь чрезвычайно простым шифром. Некогда этим шифром пользовался Генрихсен, но так как предполагалось, что французская контрразведка «раскрыла» этот шифр, то Генрихсен получил из Антверпена предупреждение не пользоваться данным шифром.

Хегнагель в своем письме сообщал, что он благополучно прибыл, ждет приказаний и удивлен, почему до сих пор никто не требует от него работы. Легко перехватив это донесение, французы, как и рассчитывала «Фрейлин», немедленно арестовали «опасного германского шпиона» Хегнагеля. Генрихсен благополучно закончил свою миссию и исчез, как дым, по срочному приказанию «Фрейлин».

Сэр Баден-Пауэлл был тайным военным агентом. Ему принадлежит изобретение использования рисунков бабочек, жуков и пауков в потрепанной записной книжке ученого, под видом которых изображались очертания фортов, морских баз и складов снаряжения.

Шпионка из Антверпена взяла из своих классов рыхлого, неохотно согласившегося на поездку, Джозефа Маркса и послала его в Англию. Он вез с собой такой невинный на вид предмет, как альбом марок. Посылая комплекты марок по «условному» адресу в Голландию из разных английских морских портов, он таким образом давал знать, что в день отправки письма в данном порту находилось столько-то различных типов судов, согласно числу марок каждой разновидности. Три монтегринских марки, две Перу, четыре галийских, три колумбийских обозначали, что шпион заметил три линкора, два крейсера, четыре легких крейсера и т. д.: Джозеф

пытался в течение одной полной страхов недели играть роль голландского торговца марками. Потом он явился в ближайший полицейский участок и сдался, умоляя только, чтобы его заперли в тюрьму или куда угодно, чтобы он мог чувствовать себя в безопасности и вне досягаемости «ужасной женщины» из Антверпена.

С некоторыми из своих агентов «женщина из Антверпена» сносилась через нейтральные города, посылая туда ноты и рулоны к механическим пианино. Эти ноты и рулоны вряд ли могли дать приятную музыку, так как представляли собой хитроумные шифры.

Когда Америка вступила в войну, главной задачей этой шпионки стало раздобывание сведений об отправках войск и передаче этой информации командованию подводного флота.

... По заданию тайной службы Бельгии детям поручалось играть возле таинственного дома антверпенского шпиона. Их научили пользоваться небольшой, сделанной в виде часов, фотокамерой, с помощью которой им удалось заснять множество людей, входивших и выходивших из штаба немецкого шпионажа. После сложного процесса проявления, разномониторинга и рассылок фотографий они начали появляться в конфиденциальных изданиях различных союзников, вроде американского бюллетеня контрразведки, выходящего под умелым руководством майора Ричардсона.

В следующей войне мастера шпионажа и те, кому будет поручена подготовка тайных агентов, будут иметь возможность выбирать только самых многообещающих кандидатов из целых орд желающих. Новая война с ее газами, с новыми и еще более эффектными взрывчатыми веществами, с зажигательными снарядами и другими средствами разрушения и истребления, угрожающими с воздуха, на земле и под землей, приведет к тому, что азартная игра шпионажа станет особенно заманчивой. В числе шпионов будет также много людей с большими специальными познаниями, так как в настоящий момент шпионаж широко развернулся в области торговли и промышленности. Торговые войны

и коммерческий шпионаж в одно и то же время являются и симптомами, и резко выраженными предварительными фазами будущих войн.

По мере того как военная техника совершенствуется, шпионам приходится специализироваться в технических вопросах. Знаменательно, что профессор Шарль Эйду, недавно приговоренный итальянским судом к пяти годам заключения, является выдающимся французским инженером, экспертом в вопросах гидравлики и видным офицером запаса.

Знание людей, изобретательность, остроумие и хорошая память — все это остается основными необходимыми качествами для активного шпионажа. Германский агент фрау Элизабет Зейдлер была профессиональной ясновидящей: она совместила свои шпионские занятия с ясновидением, открыв таким образом совершенно новую разновидность шпионажа. Вся подготовка другого знаменитого агента французской разведки, Марты Ришар, заключалась в том, что она была одной из первых довоенных женщин-пилотов, известной под именем «Ласточки». Эта решительная молодая женщина, вдова убитого французского офицера, в июне 1916 г. отправилась в Мадрид с тем, чтобы завлечь в свои сети главу немецкой разведки фон-Крона. И действительно, удалось завлечь его и не только заставить вести нескромные разговоры на профессиональные темы, но также раздобыть у него письменные документы, шифры и ключ от его личного сейфа. Больше того, ей удалось узнать о секретной «туннельной» переправе в Пиренеях, служившей немецким агентам путем сообщения с Южной Францией. Ей удалось также достать у него большую сумму наличными, которую она честно передала капитану Ляду, начальнику контрразведки.

Артисты театров и кабаре потенциально всегда могут быть полезными в качестве шпионов и контрразведчиков, так как сама профессия учит их выступать в чужом обличьи. Например, начиная с 1923 г. генеральный штаб одной европейской державы регулярно получал конфиденциальные сообщения

о всех новых изобретениях и всех новых типах машин, производимых на одном известном авиационном заводе. Эти сообщения посылались человеком, которого его друзья считали талантливым актером и только актером. Однако он нашел возможность в качестве побочного занятия узнавать все о наиболее ценных и засекреченных конструкциях этого завода, когда они еще находились в экспериментальной стадии.

Тем или иным путем шпионы доставляют сведения почти обо всех новых изобретениях во враждебных странах, как только они выходят из экспериментальных стадий. Тайны новых военных газов продавались после первых лабораторных испытаний. Софи Дротц, известной завсегдатаем европейских кафе под именем «прекрасной Софи», удалось заполучить в свои руки целый новый пулемет за день до того, как он должен был быть испытан в полевой обстановке.

В отличие от какого-нибудь крейсера или орудия опытный агент становится устарелым лишь по прошествии очень долгого времени. Некоторые из так называемых «боевиков» шпионажа уже достигли значительного возраста, однако в основном шпионаж остается поприщем молодых.

Большинство шпионов и диверсантов будут поселяться в той стране, где им предстоит выполнить свое задание. Задолго до этого момента они постараются ознакомиться не хуже местных жителей со всеми важными уязвимыми пунктами, которые должны быть разрушены путем внезапного нападения. Возможно, что леди Макбет будущего будут использованы для того, чтобы возбудить боевой дух потенциальных диверсантов, а затем, учитывая извращенные тенденции наших времен, другие женщины — мастера шпионажа будут готовить мужчин для замещения женщин-шпионов в их древней роли завлекающих сирен.

Как бы то ни было, известный австрийский предатель, которого в 1913 г.

заставили застрелиться, полковник Альберт Редль, по имеющимся данным, был вовлечен в сети царского военного атташе благодаря своим гомосексуальным наклонностям.

ГЛАВА XII

Самые блестящие операции как активного шпионажа, так и контрразведки обычно проводятся агентами, работающими в одиночку, изредка с одним надежным партнером и очень редко с малочисленной группой тщательно подобранных, исключительно хорошо подготовленных и преданных подчиненных.

Те, которые по стечению неблагоприятных обстоятельств вынуждены полагаться на случайную помощь, что легко может случиться при любой внезапной вспышке войны, почти всегда обречены на фатальный конец. И тем не менее в недавнем прошлом были редкие случаи, когда человеку, явно одаренному талантами к руководству, удалось совершить очень трудные дела. Двум таким людям пришлось иметь дело с самыми дикими племенами; им удалось завоевать их доверие, использовать их как боевую силу, оказав этим неоценимые услуги своим странам, весьма отдаленным от тех мест, где этим агентам удалось поднять восстания этих племен.

Первый из этих разведчиков это полковник Лоуренс, — «Лоуренс Арабский» — один из лучших шпионов и предводителей нерегулярных войск, известных в истории. Вторым после него стоит так называемый «немецкий Лоуренс», исчезнувший и забытый после поражения Германии и ее союзников.

В течение четырех лет на секретных картах разведки, которыми англичане пользовались на Востоке, на одной большой, очерченной красными чернилами части Персии, большими буквами было выведено слово *Вассмус*. Территория, покрываемая этими буквами, по своей площади равна Англии и Франции, вместе взятым. Фактически вся южная Персия находилась в зоне влияния этого шпиона. Для британских властей, которым поручено было поддерживать максимальное спокойствие в Азии,

в то время как цивилизованные державы Запада пытались взаимно уничтожить друг друга, имя этого человека на карте представляло силу, равную по меньшей мере двум корпусам.

Вассмус до войны был германским представителем в Бушире, и его консульский дом был самым внушительным из всех других консульских зданий. Когда германский император посетил Палестину и ослеплял местное население, гарцуя на белом коне, он услышал об этом предприимчивом молодом консуле в Персии. После этого Вассмусу были отпущены дополнительные суммы на роскошные приемы и на пропаганду. Таким образом он получил возможность вести более широкий образ жизни, чем другие иностранные резиденты этой провинции, благодаря чему он создал среди туземцев впечатление, что его хозяин в Берлине и щедр и дружески настроен, а все остальные государи представляют собой правителей второго сорта.

К началу войны положение в Персии было довольно любопытное и запутанное; там в это время уже шла какая-то местная война, одна из тех войн, которые никем официально не признаются. Эта война велась из-за нефтяных месторождений Персии, которыми немцы стремились овладеть не меньше, чем англичане. По международному соглашению для поддержания порядка здесь была создана нейтральная жандармерия, набранная из шведов. Не успели начать стрелять пушки на Марне, как агенты стран Антанты в Бушире выяснили, что персидская полиция уже в кармане у Вассмуса.

Англичане не замедлили прибыть в Бушир на помощь своим представителям, с войсками и пр. Англичане и до этого нарушали нейтралитет Персии, ныне же он просто перестал существовать. «Ладно, — сказал Вассмус горсти своих подчиненных, — хотя мы далеко от главного театра военных действий, но не позволим изгнать нас отсюда, ибо и здесь можно быть очень полезным».

Всюду, где английские канонерки и войска устанавливали английскую сферу влияния, германские дипломатиче-

ские представители выбирали паспорта и отправлялись домой. Вассмус мог бы своевременно внять этому предупреждению и покинуть консульский пост, не вызвав этим ни малейшего недовольства в берлинском министерстве колоний. Однако он предпочел остаться и дать бой. Но прежде всего он должен был обойти английский кордон.

Англичане решили, что, поскольку он своевременно не уехал, все его передвижения должны быть поставлены под бдительный контроль. Он был арестован как враждебный иностранец, которому нельзя оставаться на свободе в Персии. Помимо того, что его арестовали, все лично ему принадлежащие вещи были забраны, опечатаны и направлены вместе с ним в английский штаб.

Он был плотный, мускулистый человек тридцати с лишком лет, и его репутация интригана была настолько прочно признана, что к нему приставили четырех часовых. В последнюю ночь, которую он должен был провести в этом районе, ему предоставили довольно удобную комнату. Под окнами этой комнаты был привязан его любимый пони, и в течение всей ночи этот немец, с виду добродушный малый, как будто примирившийся со своим пленом, внезапно начал беспокоиться о состоянии здоровья своего пони.

Заметив у животного симптомы своеобразного туземного заболевания, он начал часто спускаться во двор, чтобы проверить действие принятых им мер. Каждый раз его сопровождали двое часовых. В течение всей бессонной ночи мягкосердечный консул неустанно ходил вверх и вниз в сопровождении вооруженных людей и только под утро ему удалось сойти вниз одному. Пони чувствовал себя довольно хорошо, сонные солдаты устали от такой немецкой заботливости и дали себя надуть. Он умчался галопом на совершенно здоровом и отдохнувшем пони, захватив с собой один мешок, в котором было его главное достояние — около ста сорока тысяч марок золотом, — часть военной контрибуции, уплаченной Францией Германи в 1871 г., которая с тех пор хранилась в стальных шкафах в Берлине и

только в 1914 г. была переброшена в Бушир. Достигнув гористой местности, Вассмус тотчас приступил к реализации своих обширных познаний местных диалектов и обычаев персидских племен. Вассмус начал действовать в роли главного агента тайной службы, руководителя шпионажа вдоль всего Персидского залива, имея свою целью держать южную Персию под немецким влиянием, насколько это окажется возможным, препятствовать англичанам в добыче и перевозке нефти и вообще поддерживать такой дух брожения в горных племенах, чтобы каждое движение английских войск в этой части мира вызывало их враждебность.

Вассмус хотел дать неоспоримое доказательство своих дружеских чувств к Персии. Для этого он пустился на мастерский и характерный прием. Он попросил руку дочери одного из могущественных персидских лидеров. Религиозные затруднения были урегулированы, и дело было улажено со всеми дипломатическими и восточными формальностями. Гордый отец, уже получивший кое-какой задаток в виде существенной германской субсидии, дал сердечное согласие, и брак состоялся.

Вопреки обычаю, жених согласился принять на себя свадебные издержки. По его настоянию отец пригласил весь местный «элит». В этом предприятии он пользовался полной поддержкой берлинского министерства иностранных дел. Стоимость данного им роскошного приема была отнесена на счет германской разведки. Вассмус позаботился о том, чтобы на торжестве присутствовало побольше простого народа, символизируя таким образом единение кайзера и шаха — на Вильгельмштрассе и в районе нефтяных месторождений.

Бругман, способный помощник Вассмуса, обходил этих простых гостей, имея при себе значительный запас денег и надежного переводчика. Тут же, на месте, он вербовал шпионов. Специалисты из британской разведки подсчитали, что больше половины гостей, присутствовавших на свадебном пире Вассмуса, было в то или другое время завербовано в сеть шпионажа, раскинуто-

го им между Индией и Суэцом и между берегами Тигра и Евфрата.

Выбор Персии как базы для обширных планов германской разведки имел под собой очень большие основания, несмотря на ее значительную отдаленность от западных держав. Нужно учесть, что между Бомбеем и другими индийскими портами и Средиземным морем и Персидским заливом должны были проходить значительные грузовые потоки. Вассмус организовал дело так, что по всем линиям, ведущим из Индии, сновало взад и вперед множество мелких суденышек, вначале занятых вполне невинными занятиями. К этому времени уже начались или приближались кампании в Месопотамии и у Дарданелл, в Германской Восточной Африке, в Палестине и в Армении, где русская армия наступала на Эрзерум и Трапезунд. Рассылая шпионов из своего горного убежища, Вассмус имел возможность входить в соприкосновение с коммуникационными линиями экспедиционных сил союзников. Штаб разведчика Вассмуса состоял из Бругмана, еще одного немца и швейцарца. Фактически все полевые агенты Вассмуса были персы, начиная с высших сановников и кончая нищими. Правда, одного из лучших агентов Вассмуса, шведа Линдберга, англичанам посчастливилось поймать в 1915 г.

Самой трудной была проблема связи. На Ближнем Востоке германским главнокомандующим был Лиман фон-Зандерс. Сложная курьерская система, придуманная Вассмусом, ни разу не подвела фон-Зандерса, он неуклонно получал целый поток неоценимых исчерпывающих сообщений об английских транспортах, подкреплениях, потерях и доставках припасов.

Всеми признано, что организованное Вассмусом тщательное наблюдение за английским продвижением в Месопотамии значительно способствовало удлинению этой тягостной и дорогостоящей кампании. Англичане сначала оценили его голову в 3 000 фунтов стерлингов. Цена эта все время росла и в 1917 г. поднялась до 14 000 фунтов стерлингов, а на карте английской разведки все еще оставалось имя Вассмус.

Не все его предприятия удались. Когда он пытался разжечь восстание в Афганистане, ему удалось поднять только небольшую тучку пыли.

Однако, его «флот» продолжал процветать. Крупные парусные суда доходили даже до Сингапура, а мелкие «рыбацкие» суденышки привозили ему сведения обо всех военных транспортах из Индии, Австралии или Новой Зеландии, проходивших мимо Адена или через Ормузский пролив. В 1916 г. он не только отвлекал тысячи английских войск, но и имел смелость начать вооружать более германфильски настроенные племена. Англичане вынуждены были послать в Персидский залив четыре военных корабля для несения патрульной службы и для перехватывания суденышек Вассмуса, которые проскакивали не только с оружием, но и с информацией о том, что делается на море.

Отметим, что по мере того, как шансы немцев на победу явно падали, не имея возможности похвастать реальными победами, Вассмус продолжал вести свою работу при помощи цветистой лжи. Когда Хэйг собрал силы для сокрушительного наступления на Сомме, общественное мнение Персии внезапно убедилось, что условия мира будут диктовать не Берлин.

Тогда Вассмус сам изобрел победу. «Германская армия завоевала Англию. Сам король Георг V публично казнен». Такие острые сообщения, сфабрикованные агентом германской разведки, возымели действие. Еще ряд подобных же наглых выдумок дал ему возможность продержаться еще двенадцать месяцев. Затем вступление американцев в войну изменило соотношение на чаше весов. В июле 1918 г. Фош начал свое наступление. Бругман был откомандирован в Индию, где он должен был осыпать смелыми обещаниями всех туземных правителей, недовольных английским господством. Английской контрразведке удалось, однако, напасть на след того судна, на котором он прибыл, и деятельность Бругмана в Индии продолжалась не более недели. Вассмус остался один среди племен, настроение которых круто менялось. Известия о поражениях нем-

цев достигли горной страны, где скрывался Вассмус.

Персидские вожди, понимая, что гиганты дерутся не на жизнь, а на смерть, хотели во что бы то ни стало оказать помощь на стороне победителей и пришли в ярость, когда поняли, как Вассмус обманул их. Кроме того, денежные фонды Вассмуса пришли к концу, и он больше не получал золота из быстро истощавшихся сейфов Берлина. Он раздавал направо и налево обещания и даже умудрился добиться от местных магнатов жалованья в размере 300 рупий в месяц. Вскоре, однако, грохот пушек на Западе сделал неизбежным его падение в Персии. По мере того как его положение становилось все более отчаянным, туземцы начали все сильнее и сильнее поговаривать о том, чтобы предать его в руки правосудия, думая таким образом, ценой его жизни, добыть те средства, которые Вассмус уже не мог поставлять.

Большая орущая толпа окружила его жилище с требованием денег. В критическую минуту авантюрист сумел еще раз одурачить их. Собрав их всех вокруг себя и предложив им соблюдать абсолютную тишину, он вышел на открытое место, отталкивая в сторону наиболее воинственно настроенных участников собрания. Он взял длинный черный шест, к которому прикрепил кусок провода и несколько других загадочных на вид приспособлений. Это изображало беспроводный телефон. Шест он воткнул в землю. Стоявшие вокруг него вооруженные до зубов персы наблюдали за ним со страхом и недоверием. Не давая аудитории опомниться, Вассмус на местном диалекте вызвал Константинополь. Он попросил к аппарату калифа, главу верующих, тень бога на земле. Он пожаловался на своих прежних друзей, забывших о своих клятвах верности. Тогда калиф, голос которого был слышен с понятной неразборчивостью, ответил ему на том же местном диалекте, что он, калиф, жестоко накажет всякого, кто попробует коснуться его.

«Благодарю тебя, калиф», — низко поклонившись, сказал Вассмус и вытащил шест из земли. С благоговением

толпа расступилась перед ним, и он вернулся к себе в дом. Однако, когда через несколько недель пришло известие о перемирии, то даже его тесть посоветовал ему возможно скорее ускользнуть, не полагаясь в дальнейшем даже на божественное вмешательство, после чего Вассмус навсегда исчез из горной страны, где некогда был всемогущим владыкой полчища шпионов.

Главное значение достигнутого этим агентом влияния, столь мало отраженного в обширных анналах мировой войны, заключается в том, что все это может повториться в любом большом азиатском конфликте или в любой другой титанической схватке западных держав, которая найдет свое отражение в отдаленных странах Востока.

То, что однажды удалось одному человеку, могут повторить другие. Только представьте себе, какой размах можно придать политической интриге, шпионажу и мелким нападениям против англичан, французов или итальянцев в отдельных частях Африки, против англичан и французов на Востоке, против американцев в окрестностях Панамского канала и в других частях Центральной и Южной Америки и на Карибских островах; представьте себе, что можно сделать против любого завоевателя или покорителя более удаленных территорий Ближнего и Дальнего Востока, населенных воинственным туземным населением. Чем больше площадь завоевания тем уязвимее коммуникационные линии завоевателя. Чем дальше армия удаляется от берега или от своей базы, тем больше простор для всяких партизанских действий.

Наиболее естественным видом деятельности тайной службы является агитация среди туземных племен и враждебных группировок, подрыв неприятельского престижа, распространение пропаганды о ходе войны, собиравание шпионских сведений, организация налетов и примитивных разномыслий военного вредительства и отвлечение возможно большего количества неприятельских сил, — короче говоря, она будет пытаться делать все то, что делали Лоуренс и Вассмус.

ГЛАВА XIII.

Существует тип авантюристок—любительниц «приключений» весьма особого сорта, для которых полем битвы являются кафе, будуары и шикарные отели, предпочтительно в больших и веселых и к тому же нейтральных городах.

В этом отношении Мария Соррель отличалась от них. Она была беспокойной авантюристкой, любительницей приключений, не знающей страха и к тому же обворожительной. Эта белокурая польская девушка сделала быструю и ослепительную карьеру, которая дала непревзойденный образец любительского шпионажа. Ее единственным недостатком был совершенно своеобразный страх перед опасностью. Насколько можно судить, незадолго до начала военных действий в 1914 г. она работала в качестве профессионального шпиона на службе у Германии. Она действовала на Балканах, но там с ней не случилось ничего плохого, так как политическая полиция Бухареста и других беспокойных центров с бдительной благосклонностью вела за ней наблюдение. Тогда ее работа представляла собой лишь ученические шаги. Ее подобная комете карьера началась всерьез, когда Россия и Германия взялись за оружие и она, воспользовавшись случаем, сумела прочно устроиться в тылу царских армий.

В этот период она поддерживала довольно интимные отношения с одним жандармским офицером, который впоследствии был обвинен в измене и приговорен к повешению. Во-время предупрежденная одним из своих поклонников, как часто случалось, она сумела убежать, переодевшись в русскую военную форму. Впоследствии она неоднократно избирала этот надежный способ маскировки. В 1915 г. ни в каком месте Европы наемные осведомители и иностранные агенты не действовали с такой наглостью, как в гостинице «Бристоль» в Варшаве. Борьба шпионов там была, фактически, борьбой почти врукопашную.

Этот город никогда не был далеко от линии русских окопов. При хаотическом расстройстве транспорта большинство

офицеров, получивших отпуск, не могли надеяться, что им удастся пробраться домой. Однако и в Варшаве при желании можно было провести время весьма приятно.

Нижний этаж «Бристоля» был образцом приличия, соблюдающим законы военного положения; наверху днем и ночью шел разгул. Некоторые дамы и господа, главным образом дамы, радушно встречали офицеров и предлагали «роскошные» развлечения в своих апартаментах. Но еще более бурным потоком, чем напитки, текли там сведения об армии, слухи и сплетни, которые шпионы извлекали из своего гостеприимства.

Германская шпионка Мария Соррель тоже жила в «Бристоле». В этой подлой атмосфере порока и предательства она решила применить новый метод обмана. В обществе, где усталые и отчаявшиеся люди вращались среди веселого полусвета, слегка сдобренного горстью дегенеративных, женственных аристократов, Мария решила, что она будет изображать чистую любовь, семью и домашний очаг. Вскоре она собрала вокруг себя около тридцати молодых офицеров, преклонявшихся перед ней. Для агента с ее красотой и опытностью этот факт сам по себе не является рекордным. Но она стояла намного выше других агентов тем, что умела заставить этих тоскующих по дому юнцов открыть ей свои сердца, словно близкой, дорогой и в то же время очень умной родственнице. Она обещала каждому из этих прапорщиков «быть сестрой» до конца войны. А потом — кто знает...

Каждый из них считал себя самым счастливым человеком на свете. Все они, когда возвращались к своим обязанностям на передовые позиции, писали ей одно письмо то другому, с полной доверчивостью, с легким хвастовством. Они благодарили ее за те подарки, которые она им посылала, и давали ей полную картину армейской жизни, со всеми мелкими деталями, столь драгоценными для неприятельского тайного агента.

Она говорила каждому: «Ты мне очень дорог. Я хочу знать, что ты делаешь каждую минуту. Обещай писать мне обо всем».

Конечно, каждый давал такое обещание, не забывал о нем, и с фронта шли письма, похожие на дневники. Таким образом она имела точные сведения о передвижениях тридцати отборных батальонов, благодаря чему она могла судить о расположении дивизий, корпусов и даже целых армий. Она таким образом получала сведения об их потерях, духе войск и о скверной организации снабжения. Она получала непосредственную информацию о новом военном снаряжении, поставленном Англией или Францией, или о периодах усиленной муштры, что свидетельствовало о намерении предпринять «внезапное» большое наступление.

Разыгрывая из себя невинность, далеко не соответствующую ее наглой професии, шпионка особенно старалась заставить какого-нибудь юнца «на утро после» греховных походов, когда они бывали охвачены стыдом и раскаянием. После этого ее поклонник возвращался на фронт к своему героическому долгу, подбодренный ее добротой, находясь всецело под впечатлением ее обмана.

Для придуманной Марией Соррель системы Варшава зимы 1914 — 1915 гг. была весьма благодарным поприщем. Слишком много офицеров обреченных и доблестных русских полков смотрели на войну как на быстрый и безумный праздник. «Бристоль» был очень удобно расположен для них, так как они могли, оставаясь в нем, не отрываться от своих частей.

Хорошо устроившаяся и уверенная в успехе своей хитрости, она особенно старалась избегать других шпионов, которыми кишела столица Польши.

Среди других шпионок она заметила одну — жалкое существо, питающееся крохами от войны на этом оживленном рынке предательства в «Бристоле». Мария назвала ее «польской графиней», хотя эта женщина была аристократкой без титула, крайне обедневшей, лет тридцати шести. Мария тщательно наблюдала за этим соратником и через некоторое время использовала ее, вслед за чем наступило время ее самой наглой вылазки.

«Польская графиня» тоже была связана с германской разведкой. Об этом Мария могла только сама догадаться. Дело в том, что после того как в самый день объявления войны Германия сразу потеряла двадцать своих агентов — резидентов в Англии, она уже не повторяла ошибки, заключающейся в организации цепи из нескольких агентов. Поэтому один только «Бристоль» мог похвастаться тем, что в нем одновременно находятся более десятка независимо друг от друга работающих германских шпионов. Хотя едва ли можно было принять Варшаву за морской порт, в «Бристоле» был даже агент германской морской разведки. Это могло получиться потому, что в течение четырех лет разведывательные отделы германской армии и флота вели между собой непрерывную дуэль, сущность которой заключалась в том, что вс всякой победе над англичанами, французами или русскими одна разведка пыталась найти что-нибудь, что могло бы дискредитировать другую.

Мария Соррель наблюдала за работой «графини». «Графиня» замесила очаровательную Марию, была с ней холодно любезна, без сердечности и считала ее «парвеню», удачно играющей роль дамы полусвета. Шпионку аристократического происхождения и шпионку-выскочку можно было сравнить с полевой пушкой в неопытных руках и взводом снайперов. «Графиня» обладала изящными манерами и простым, бесхитростным умом. Но она сохранила лучшие социальные связи и знала всех в Варшаве, кого только стоило знать. Почти ежедневно она встречалась и принимала у себя заслуженных полковников и генералов, блестящих адъютантов, фаворитов великих князей или других членов «августейшей фамилии» и офицеров, пользующихся влиянием в ставке. Однако очень немногие из ее донесений были одобрены в Берлине.

Мария Соррель, бывшая на десять лет моложе «графини» с завистью взирала на ее связи. Эта начинающая шпионка по меньшей мере раз в неделю имела возможность напиваться в обществе русских сановников высокого ран-

га. Даже в их пьяной болтовне должно было содержаться больше золотых сведений, чем в любом тюке жгучих писем от младших офицеров, прикованных к узкой полоске фронта. Мария была совершенно уверена в том, что эта аристократка вместе с гостями напивается как-раз в те моменты, когда искусный агент должен быть трезв и чувствителен, как микрофон. Мария с радостью отдала бы всех своих пылких корреспондентов за несколько часов, проведенных в кровати или под кроватью «графини».

Но стареющая «графиня» при всей своей шпионской тупости была достаточно умна, чтобы избегать всякой конкуренции со стороны женщин моложе ее. Тогда Мария раздобыла ключ к аппаратам «графини» и однажды, в марте, когда несколько пожилых офицеров уснули там, где их настиг сон, Мария обыскала их карманы...

Таким образом ей удалось достать новый полевой шифр, только-что введенный царским генеральным штабом.

Владелец шифра продолжал крепко спать в гостиной «графини». Мария сняла копию с оригинала и возвратила его ничего не подозревавшему владельцу. Имея в запасе много свободного времени, она сняла еще две копии. Через три часа, как только она могла выйти, не вызывая подозрений, она отправилась на утреннюю прогулку. На некотором расстоянии от шикарного «Бристоля», в узком переулке, она остановилась поглазеть у витрины лавки, в которой владелец ее, несмотря на войну, продолжал выставлять интересный ассортимент птиц и тропических рыбок. Мария взглянула на четыре выставленных в ряд небольших аквариума с редкими рыбками, прочла этикетки с ценами, написанными по-русски, и затем мысленно выстроила их, руководствуясь верхней ценой в 90 копеек.

Расшифровав забавную систему этикеток, выставленных польским торговцем, она получила: Бильек, Вильно. Мемель.

Мария вернулась в «Бристоль» довольная. Шифр выставленных аквариумов обозначал, что курьер германской службы должен был сегодня выехать че-

рез Бильек и Вильно в балтийский порт Мемель со всей быстротой, допускаемой обстоятельствами, собирая на пути готовую информацию. Подобные «бюллетени» ежедневно вывешивались во многих важных нейтральных и воюющих центрах. Мария часто узнавала пароли и получала крагкие шифрованные инструкции при помощи ряда небольших сосудов или аквариумов с различным уровнем налитой в них воды, выставленных в окне винной лавки, владельцем которой был поляк, работавший в пользу немцев. Время от времени Марии приходилось заходить в эти места. Для того, чтобы иметь предлог для этих визитов, она купила редкую рыбку, которую держала у себя в комнате в гостинице. Более длинные сообщения передавались ей через кормушку с зернами, а иногда из клетки какого-нибудь попугая в глубине лавки она извлекала крошечный комок тончайшей шелковистой бумаги.

Мария решила послать одну копию шифра через курьера на Бильек и Вильно, но потом начала думать, как бы перебросить своим хозяевам еще одну копию более прямым и остроумным путем. Кто из молодых авиаторов, с которыми она состоит в переписке, находится здесь в настоящий момент и которого лаской или хитростью можно заставить сбросить пакет за германскими линиями? Когда Мария снова подошла к «Бристолю», она вспомнила о К.

Этот молодой офицер ужинал с нею вчера вечером. Как всегда, он клялся в вечной преданности. Она знала, что отпуск его еще не кончился. Из-за вынесенных им лишений за несколько месяцев войны он стоял на краю отчаяния. Угнетенный, нерешительный, отчаявшийся, он созрел для того, чтобы стать жертвой опытного шпиона.

Мария послала ему записку, срочно приглашавшую К.

Очарованный поручик через три четверти часа уже был в гостинице. Она действовала прямо, заранее уверенная в успехе своей хитрости. Она ослепительно улыбнулась К., позволила ему целовать ее тонкие руки. Потом она сразу приступила к делу.

— Я только что узнала, — сказала она, — что младший брат Михаил арестован в Австрии и обвиняется в том, что является русским шпионом, только потому, что я живу в России. Он будет расстрелян, если вы не поможете мне спасти его. Мне не к кому больше обратиться. Поможете ли вы мне, Алексей, не задавая никаких вопросов?

— От всего сердца. Но как?

— Поскольку мы являемся поляками, ни одно правительство не заступится за нас. Однако у меня есть друзья в Германии, очень влиятельные друзья. Австрийцы не посмеют оскорбить германский штаб, пока для защиты австрийского фронта нужны германские войска. Мой дорогой брат будет спасен, если только мне удастся передать это письмо через германские окопы.

Мария призналась, что один из обладающих огромной властью руководителей Германии — она даже не решилась назвать его — был ее любовником до тех пор, пока война не оборвала эту связь. Если письмо дойдет до него во-время, он сдвинет горы, чтобы помочь ей.

— Я больше не люблю этого человека, — прибавила она. — Я люблю только вас, Алексей. Я знаю, что нечестно с моей стороны воспользоваться его помощью. Но на карту поставлена жизнь моего брата, — можете ли вы осудить меня?

К. уверил ее в обратном. Он не осудил ее, даже когда она попросила его дезертировать ради нее. В эту же ночь он должен был перелететь немецкие линии с ее письмом.

После получасового обсуждения несчастный глупец согласился на ее план. Это вело к бесчестью и изгнанию для него, но она поклялась возместить все это тем, что придет к нему, как только будет иметь возможность пробраться в Германию, где бы он там ни находился. В то же время его жизнь будет в безопасности, его жизнь, которая теперь так же драгоценна для нее, как жизнь ее брата. На самом деле она хочет спасти их обоих от этой бессмысленной резни. Таким образом К. останется жить, и после войны они будут наслаждаться счастьем вдвоем.

К. взял у нее приготовленный ею маленький пакет, в котором была копия полевого шифра. Он горел желанием приступить к делу. Она целовала и обнимала его с таким чувством, что он не мог не принять это за выражение подлинной любви и благодарности.

Однако К. в это время ожидал своего старшего брата, капитана артиллерии, который должен был приехать в Варшаву на пять дней в отпуск. Для того, чтобы брат его в течение этих драгоценных пяти дней не растрачивал попусту время на ожидание и розыски, он написал ему письмо с полным признанием, рыцарски сокрыв при этом имя женщины, скомпрометировавшей его. Потом, конечно, без ведома Марии, он обратился к помощи смышленного, услужливого коридорного из «Бристоля». Он передал этому человеку письмо и с признаками явной взволнованности сказал ему: «Мой брат, капитан Владимир К., должен получить это, как только появится здесь завтра».

Заметив возбужденное состояние молодого человека, коридорный без зазрения совести вскрыл письмо над паром и немедленно бросился к своим друзьям из тайной полиции. Агенты охраны тотчас уведомили военные власти, и на первой же остановке за Варшавой К. был снят с воинского поезда. Перед арестом ему удалось умолить одного офицера-приятеля телеграфировать в «Бристоль» на имя Марии о приключившемся с ним несчастии.

Это предупреждение во-время прибыло к Марии, но еще до того, как оно попало ей в руки, смышленный коридорный вскрыл и прочел его. Он сразу сообщил полиции, что женщина, разыскиваемая по делу К., найдена. Местное отделение охраны и военной полиции допустили очень небольшую задержку, необходимую для того, чтобы согласовать между собою действия, что было особенно необходимо для поддержания тонкого равновесия в их скрещивающейся власти в Варшаве. Для Марии этой короткой отсрочки было вполне достаточно. В виде крестьянской девушки она появилась в Бильбеке, в виде старой базарной торговки в Вильне и в виде

матроса в Мемеле. Каким-то образом, переодетой под мужчину, ей удалось бежать из этого балтийского порта, захватив с собой копию полевого шифра. В данном случае этот шифр был просто памяткой о забавной неудаче и потерял все свое значение: ввиду того, что одна копия этого шифра была найдена при К., царское командование переменяло шифр.

5 августа 1915 г. армия Макензена заняла Варшаву. Коридорный «Бристол» был первым жителем Варшавы, которого расстреляли немцы.

Мария недолго отдыхала и затем вернулась к новым заданиям. Одета в русскую военную форму, она пробралась через фронтную полосу и, избегая опасной близости Варшавы, сумела добиться интервью с Рененкампом, царским командующим Северного фронта, и убедила его взять ее на работу в качестве шпиона.

Под ее искусным руководством между нею и генералом возникли близкие отношения, весьма опасные и для этого генерала, и для армии. Когда Мария вернулась к немцам, она принесла с собой информацию, которую могла получить только от командующего или от начальника его штаба. Такие переходы через фронтную полосу она совершала несколько раз, смеясь над предупредительностью офицеров, которые очень беспокоились о ее безопасности ввиду ее репутации смелого агента тайной службы.

Она непосредственно собирала сведения о плане кампании, давая немцам неоценимые подробные сообщения о силе и дислокации войск Рененкампа, поставляя последнему, на обратном пути, настолько хитро фальсифицированные донесения о немцах, что русские полностью поддавались обману. Так продолжалось, пока на одном из своих возвращений от немцев в лагерь русских она не имела несчастья оказаться во рву, к которому внезапно стали приближаться русские разведчики.

Рененкамп не полагался исключительно на донесения Марии и других шпионов, но двинул вперед линию пехоты для того, чтобы таким образом

уточнить направление следующего германского удара. Для того, чтобы поддержать заблуждение, созданное донесениями Марии, германский стратег Гоффман оказывал легкое сопротивление давлению русских вдоль всей линии фронта.

Теперь, когда Мария Соррель лежала в поле и пули начали повизгивать довольно близко от нее, она была возмущена сама собой. Она, конечно, знала достаточно о планах обеих сторон, чтобы понимать, что это не начало решающей схватки. Но день все более светлел, а она рассчитывала закончить переход еще до восхода солнца.

Она немного приподняла голову. Германский снайпер на расстоянии шестисот метров увидел ее военную фуражку. Первой пулей он сбил фуражку, когда Мария протянула за ней руку, вторая пуля оцарапала ей щеку. Наконец, русские подошли ко рву и, к удивлению своему, обнаружили там женщину с распущенными золотыми волосами, выпачканными кровью, разоблачающими ее маскарад.

Немецкий шпион! На ее протесты они обратили мало внимания. Ее привели в штаб полка. Под серой солдатской формой на ней было шелковое белье. Ее красота и гордая манера держаться убедили ее тюремщиков в том, что она не какой-нибудь простой агент тайной службы. Однако, когда Мария потребовала, чтобы ее немедленно доставили в ставку генерала Рененкампа, то скептические тюремщики решили, что это чистая хитрость.

На следующий день началось германское наступление. Оно было тщательно скрыто, и Мария немало поработала над этим. Оно тяжело обрушилось на самые слабые точки русских, о которых Мария не только донесла немецкому командованию, но также способствовала их ослаблению. Теперь казалось, что ее собственные труды усугубляют трагичность положения, в котором она очутилась. Армия Рененкампа начала откатываться.

Вместе с Марией Соррель в тюрьме сидели шестеро мужчин и две женщины, обвиняемые в шпионаже. Немцы нажи-

мали на город; под обстрелом с трех сторон его пришлось эвакуировать. Русские власти не имели ни малейшего намерения брать с собой при отступлении девять подозреваемых в шпионаже людей. Правда, они еще не были под судом, — но что из этого.

Все девять человек были срочно выведены из тюрьмы. Снаряды разрывались над городом. Некоторые из арестованных начали протестовать против того, что их увозят в последний момент и подвергают их такой опасности.

«Но вас не увозят»,—сказал им заикающийся переводчик. Он объяснил им, что меньше чем через пять минут они будут повешены.

Офицер резко взмахнул саблей.

«Собака...» — успела прохрипеть Мария, когда петля затянулась на ее шее.

Во время мировой войны было много других женщин-агентов типа Марии Соррель. Одна молодая итальянская шпионка была обнаружена вследствие того, что, путешествуя по железной дороге в Австрию, она во сне проговорила несколько фраз по-итальянски. Когда ее схватили, она стала кусаться, царапаться и в конце-концов, отстреливаясь, вырвалась на свободу. Она спрыгнула с быстро двигавшегося поезда, заполненного офицерами и солдатами-отпускниками, и под покровом ночи скрылась. Эта акробатическая ловкость и смелость стоит на одном уровне с действиями Марии Соррель на передовых позициях.

В течение всей мировой войны женщины добились значительных успехов в области техники и в способности выносить испытания и подчиняться военной дисциплине. Они неустанно работали на оружейных заводах, в больницах и в качестве водителей автомашин, во всех подсобных предприятиях современной войны, а также проявили себя умелыми шпионами и контрразведчиками. После окончания мировой войны этот процесс продолжался еще более ускоренным темпом. Они правят автомобилями и моторными лодками на гонках. И в области авиации они стараются не уступать мужчинам.

Возможно, что в следующей войне мы увидим женщин-летнабов, фотографов, пилотов и даже летчиц-истребительниц. Все технические способности женщин будут мобилизованы, чтобы освободить мужчин для исполнения других обязанностей. Значительное увеличение числа женщин, носящих форму, в огромной степени расширит поле деятельности для боевых действий женщин-шпионов.

Ни один из агентов, осужденных во время мировой войны, не встретил смерть с большим мужеством, чем Эдит Кавелл, Габриэль Пти, Мария Соррель или Мата-Хари. Женщины, обладающие такой смелостью, могут научиться не хуже мужчин управлять любыми военными механизмами, и в следующей войне, когда мужчины будут скорее использоваться для диверсионных вредительских актов и для новых видов тайной службы, может случиться, что женщины займут господствующее положение в отрасли разведки, посвященной сборанию информации.

В известных ограниченных пределах женщины могут быть обучены активной диверсионной работе.

ГЛАВА XIV

Особенно выгодное положение в области шпионажа занимают правительства тех стран, большие группы подданных или соотечественников которых проживают за границей. Например, на каждого американца, проживающего в Японии, в Америке приходится четыреста японцев, на каждого француза, проживающего в Италии, во Франции живет триста пятьдесят итальянцев, а в Северной и в Южной Америке, в Польше, Чехословакии и других континентальных странах проживают большие группы людей явно немецкого происхождения. Поэтому для любого руководителя тайной службы Токио, Рима или Берлина значительно облегчается задача организации шпионажа и диверсии в Америке, во Франции и в любой стране, где имеются немецкие колонии. Знаменательно, что все выдающиеся нововведения в области диверсионных действий во вре-

мя мировой войны имели место в Северной Америке, где среди тысяч своих эмигрировавших соотечественников профессиональные шпионы находили помощь и прикрытие.

Капитан фон-Ринтелен и лейтенант Фэй с помощью отряда шпионов-любителей сумели выработать импровизированную технику, которая должна была затруднить отправку военного снаряжения и продовольствия союзникам. Благодаря бомбам и зажигательным снарядам, спрятанным в угольных ямах, случился ряд «таинственных» пожаров на грузовых судах, отправлявшихся из Америки в Европу со снаряжением для союзников. Фэй даже изобрел адскую машину с часовым механизмом, которая прикреплялась к рулю торговых судов. В тех случаях, когда невозможно было воспользоваться лодкой для прикрепления этой машины к судну, германский диверсант вплавь добирался до парохода, буксируя за собой взрывной механизм, установленный на маленьком плоту.

Те нации, которые обычно экспортируют вина или различные мелкие невинные предметы вроде игрушек, также будут обладать большим преимуществом, когда возникнет проблема транспортировки бомб, гранат и другого контрабандного снаряжения своим агентам-вредителям. И в этом случае Япония, Италия и Германия будут обладать преимуществами.

Шпионаж и диверсия приведут лишь к контрмерам, что, по существу, будет войной огромной разрушительной силы для экономики страны.

Тайная служба может быть организована так, что она не будет стоить ни копейки и будет сама себя финансировать. Согласно итоговому докладу бригадного генерала Д. К. Конерилиа, руководителя Особого отдела разведки при английском военном министерстве, в течение мировой войны он сэкономил и заработал в пользу империи около 200 миллионов фунтов стерлингов.

Почти во всех случаях призывной суд получал данные о контрабанде через агентов контрразведки, и стоимость обнаруженных таким путем контрабандных грузов равнялась 30 миллионам фунтов, не считая стоимости самих судов. Контрразведчикам удалось приостановить платежи немцам на сумму в 70 миллионов фунтов. Они выследили и положили конец организованной немцами спекуляции сырьем, сэкономив таким образом для Великобритании по меньшей мере 100 миллионов фунтов стерлингов. Ввиду всеобщего роста цен, вызванного блокадой, тайные органы могли заниматься спекуляцией и передавать полученные таким образом прибыли для субсидирования других видов шпионажа; и, по имеющимся данным, некоторым французским агентам это прекрасно удавалось.

Даже если когда-нибудь нации разоружатся, то шпионы попрежнему останутся, хотя бы для того, чтобы удостовериться в искренности и полноте разоружений соседних стран.

Однако до тех пор, пока нации не начнут разоружаться, шпионы попрежнему будут готовить войну и способствовать войне, в которой будет испытано существующее вооружение. Мы насчитали тринадцать центров «лихорадки шпионажа» в одной только Центральной Европе. Не менее десяти тысяч обученных людей посвящают все свое время тайной службе, не говоря о тысячах других квалифицированных шпионов в других частях мира. Приведем несколько из сенсационных «достижений первой величины» шпионов в области международных заговоров:

1) шпионы достали французские планы продовольственного снабжения и военного снаряжения пограничных крепостей, вроде Бельфорта, на случай осады;

2) шпионы достали формулы многих экспериментальных газов военного назначения и газовых снарядов, а также формулы новых зажигательных термитовых гранат;

3) шпионы украли одну из новых автоматических винтовок легкого типа, известную под названием «Шателльро»,

которой особенно гордился генеральный штаб одной державы;

4) по всей Европе и Азии шпионы предлагали желающим купить чертежи американских военных самолетов и нового американского танка, достигающего скорости 104 километра в час;

5) при агентах, арестованных на франко-германской границе, были найдены рукописи секретных лекций, прочитанных при французском генеральном штабе;

6) наемные агенты предлагали к продаже планы военной и промышленной мобилизации, а также тайные коды, изготовленные на случай войны, которые были либо украдены, либо получены путем взяток и шантажа и относились к Франции, Чехословакии, Польше, Венгрии, Германии и Румынии;

7) восемь японцев находятся под арестом в Колумбии за то, что они раздобыли планы и другую секретную информацию по заданию Перу;

8) в Риме на процессе людей, обвиняемых в измене, было установлено, что французская морская разведка сумела достать копии чертежей или фотографии всех укреплений, морских баз, морских изобретений и всех строящихся итальянских судов и т. д., и т. п.

Сегодня, когда турист приезжает в Белград, к его изумлению, его багаж обыскивают на предмет обнаружения в нем... бомб. Одному джентльмену, который вез в Чехословакию четыреста голубей к предстоящим стрелковым соревнованиям, голуби были действительно доставлены, но... мертвыми. Официально в качестве причины смерти голубей была выдвинута весьма сомнительная ссылка на какую-то неизвестную глубиную инфекционную болезнь. Совершенно очевидно, что чешские власти подозревали, что неприятель собирался использовать этих птиц для шпионажа в роли «почталыонов».

В Японии до самого последнего времени американцев задерживали и подвергали длительному допросу, если только они осмеливались хотя бы взглянуть

на какие-либо японские военные строения или укрепления.

Не так давно в Нью-Джерси, в США, было задержано шестеро японских джентльменов, при которых было найдено девять фотоаппаратов. Эти японцы вызвали подозрение тем, что среди бела дня занялись усиленной фотосъемкой в этом районе с развитой промышленностью.

Хитрый диверсант избирает свои вероятные мишени задолго вперед. В настоящий момент в Колумбии и в Панамской республике проживают занимающиеся «земледелием» японские резервисты, по своей численности равняющиеся обычному гарнизону Панамского канала. Однако в руках американского гарнизона находятся все преимущества в виде современных оборонительных укреплений, замаскированных батарей и тяжелых орудий. В случае всеобщей тихоокеанской войны японские агенты смогут нарушить нормальное, жизненно-необходимое движение по каналу только при помощи диверсионного нападения.

Когда всему американскому флоту удалось пройти через Панамский канал в течение двух дней, то вся японская пресса захлебывалась от восторга по поводу того, что флоту Соединенных Штатов «не удалось» совершить этот сложный маневр в один день. По всей вероятности, в эти дни где-нибудь поблизости от канала находились японские рыболовные или нефтеналивные суда.

31 декабря 1933 г. японское нефтеналивное судно «Наруто» прибыло к южному побережью Калифорнии и осталось в трех милях от берега до 2 января 1934 г., т.-е. до дня пазначенной мобилизации всего американского флота, который 4 января отправился на морские маневры. Прибыв в порт 2 января, «Наруто» оставался там до 6-го, т.-е. до дня возвращения военных судов в Сан-Педро. В тот день, когда «Наруто» закончил свою вымышленную миссию в Сан-Педро, туда же прибыло японское нефтеналивное судно «Сото», оставшееся там до 11 января; таким образом предприимчивые морские ре-

портеры «исчерпали» всю программу стрельб американского флота.

Аналогичным образом нефтеналивное судно «Эримо», отклонившись от своего курса, сделало непредусмотренную его расписанием остановку в Сан-Франциско как-раз, когда шесть военных гидропланов готовились к сенсационному перелету на Гавайские острова. На борту судна находилось больше офицеров, чем на каком-либо другом судне в мире; все они присутствовали при взлете американских гидропланов. Поскольку дело касается организации разведки, Тихий океан можно считать японским озером.

Американские наблюдатели признают, что война с Японией будет означать уничтожение американской торговли на Востоке. Империалистические страны Европы в этом отношении в сто раз более уязвимы, чем Америка. Неудивительно поэтому, что многие пропагандисты в своих обращениях к Америке проповедуют идею международной солидарности против растущей японской угрозы.

Но для этого требуется, чтобы сначала ослабло взаимное напряжение между европейскими странами, а этого мы не видим. Те конференции, которые собираются с целью разрядить напряжение, ведут лишь к новому урожаю тлеющей вражды. Японцы только нажива-

ются на этом и тихо вооружаются для «защиты» своего «равенства».

Трудно предсказать, где разыграются битвы следующей войны, однако, если поискать, то можно найти некоторые превосходные места на Востоке. Как широко распространится война и сколько она продолжится? Только несколько недель, говорят некоторые.

Как в войне между северными и южными Штатами, более воинственные страны в мировой войне — Австро-Венгрия, царская Россия и Германия — схватились за оружие, полагая, что борьба продлится только несколько героических недель. Сколько раз уже случилось, что армии выходили на позиции, предаваясь такой иллюзии. Теперь доказывают, что благодаря вредительству следующая война будет короче, потому что в самом начале военных действий можно разрушить источники всего того, что необходимо для продолжения войны.

Однако, если теперь вредительство и боевые действия тайных агентов — хотя бы в виде перспективы — используются для создания новой иллюзии «короткой войны», несмотря на ужасные уроки «мировой войны», то это значит, что руками шпиона-вредителя уже теперь готовятся кошмарные бедствия будущей войны.

Наука и техника

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА В ПАРИЖЕ

Г. Белкин

Проjekt организации всемирной Парижской выставки зародился в 1929 году и в течение нескольких лет, предшествовавших подготовительным работам, претерпел значительные изменения. Задуманная в годы мирового экономического кризиса, эта выставка, особенно в первоначальных проектах, должна была существенно отличаться от прежних всемирных выставок: предполагалась организация выставки, посвященной искусству и технике.

В первом варианте разрабатывалось повторение в расширенном масштабе парижской выставки декоративных искусств 1925 года; в позднейших — предполагалось посвятить выставку «искусству в промышленности» и превратить ее в демонстрацию художественных и технических достижений в промышленности. В желании подчеркнуть «духовный» элемент выставки, как говорили тогда, в ущерб материальному или экономическому, сказалось влияние экономического кризиса. Постепенно видоизменяясь, проект вылился в окончательную форму «выставки искусства и техники в современной жизни». Такая выставка по международному регламенту не пользуется правами «всемирной» и считается «специальной». Сохранив все же за выставкой «всемирность», организаторы одновременно постарались избежать ярмарочного и вульгарного характера, свойственного прежним всемирным выставкам.

Надежды, возлагаемые французскими трудящимися и мелкой буржуазией на Парижскую выставку, официальное

открытие которой последовало 25 мая 1937 года, превратили ее в дело чести не только организаторов, но и всего народного фронта Франции. Усиленный элемент культуры в характере экспонатов подчеркивает мировое значение выставки, как фактора борьбы против фашистского варварства.

В истории всемирных выставок Парижу принадлежит почетное место, и это возлагало на организаторов Парижской выставки 1937 г. нелегкую обязанность провести ее если не лучше, то, по крайней мере, не хуже исторических выставок 1889 и 1900 годов.

Известным мерилом успеха выставки является ее посещаемость, и итоги можно будет подвести лишь после ее закрытия. Прошлые выставки характеризуются так: 1855 г. — более 5 миллионов посетителей, 1867 г. — около 7 миллионов, 1878 г. — более 16 миллионов, 1889 г. — более 32 миллионов и 1900 г. — 39 миллионов. Выставка 1878 г. оставила Парижу дворец Трокадеро, ныне реконструированный. Выставка 1889 г. — Эйфелеву башню. Из 500 млн. франков, отпущенных на организацию выставки 1937 г., 200 млн. ассигновали на постройку зданий, которые не будут снесены после закрытия выставки, прокладку новых проспектов и разбивку насаждений.

Еще до подведения окончательных итогов можно утверждать, что новая выставка выгодно отличается от предыдущих по строгости организации, хорошему вкусу в архитектуре и культуре экспонатов.

Организация

Выставка раскинулась на обоих берегах Сены от моста Согласия до моста Гренель; ее территория занимает площадь в 66 гектаров и имеет протяжение в 3,5 км.; 25 входов, в том числе 9 главных, обеспечивают доступ на тер-

Французский выставочный материал разбит на 14 групп; каждая группа подразделяется на классы.

Первая группа посвящена «мысли в ее воплощениях» и делится на семь классов: 1) научные открытия в их практическом применении, 2) литература (и

Один из входов на Парижскую выставку

риторию, прилегающую к 33 проспектам Парижа. Вблизи входов находится 9 станций метро. Территорию выставки пересекают две временно бездействующие линии железной дороги. Обслуживает же выставку специальное автобусное и паромное сообщение.

библиотеки), 3) музеи и выставки, 4) театр, 5) музыка и танцы, 6) кинематография, 7) конгрессы и конференции.

Вторая группа посвящена социальным вопросам: 1) женщина, ребенок, семья, 2) промысловая и потребительская ко-

операция, 3) социальное обеспечение и взаимопомощь, 4) социальная гигиена, 5) ремесла.

Третья группа — «Художественное и техническое образование»: 1) высшее, среднее и начальное образование и лаборатории, 2) художественное образование, 3) техническое образование, 4) профессиональная ориентация — переквалификация, школьные и внешкольные учреждения.

Четвертая группа — «Художественное и техническое распространение»:

Седьмая группа — «Стройка здания»: 1) кладка кирпича и железобетонные работы, 2) мрамор, керамика и прочая облицовка, 3) плотничьи, столярные работы, 4) слесарное и скобяное дело, 5) кровельные и водопроводные работы и санитарное оборудование дома, 6) электрификация дома, 7) отопление, вентиляция, охлаждающая аппаратура, 8) газ и его применение, 9) фреска, остекление здания.

Восьмая группа — «Внутренняя отделка и мебелировка»: 1) обстановка и

Бесшумные вагонетки с электродвигателем.

1) фотография и кинематография, 2) фонография, 3) радио и телевидение, 4) пресса и пропаганда.

Пятая группа — «Урбанизм и архитектура»: 1) оборудование городов и деревень, 2) электрификация, 3) аксессуары улиц и путей (общественные уборные, фонтаны, уличное освещение и пр.), 4) парки и сады, 5) садоводство и насаждения, 6) общественные здания (церкви, мэрии, школы, клубы, кинематографы и театры, детские сады, учреждения социального обеспечения и гигиены), 7) жилые дома, промышленные и коммерческие здания, магазины, бюро, лавки, 8) частная архитектура, 9) сельские постройки, 10) рабочие города, города-сады, площадки и учреждения наземного и водного спорта, 11) охрана исторических памятников.

Шестая группа — «Изобразительные искусства»: 1) архитектура и планировка, 2) живопись, 3) скульптура, 4) гравюра и декоративное искусство.

мебель, 2) внутреннее освещение, 3) витражи, 4) ткани для обивки мебели, ковры, тканые обои, 5) вышивки, кружева, басонные работы для отделки мебели, 6) бумажные обои и пр.

Девятая группа — «Художественные ремесла»: 1) ювелирные работы, ножевые изделия, 2) керамика, стекло, хрусталь, 3) художественные безделушки, 4) художественные изделия из бронзы, цинка и др. металлов, 5) игры и игрушки, 6) музыкальные и точные инструменты; часы, оптика, фотографические, кинематографические, фонографические, телевизионные и радио-приборы, 7) охотничье оружие, спортивные и рыболовные принадлежности.

Десятая группа — «Книжное и издательское дело»: 1) изящная литература, учебники, научные книги, 2) изящные искусства, музыка, 3) бумага, 4) типография и литография, 5) иллюстрации, художественные издания, 6) переплет, 7) гравюры, эстампы, билеты, марки.

Одиннадцатая группа — «Украшения»: 1) ювелирные изделия, 2) портняжное дело, 3) мужские моды, 4) парфюмерия, 5) меха, 6) головные уборы и украшения, 7) обувь, 8) белье, вышивка, кружева, галстуки, корсеты, пуговицы, пояса, 9) вязаные изделия и перчатки, 10) мануфактура, 11) готовое платье.

Двенадцатая группа — «Транспорт и туризм»: 1) наземный транспорт, 2) водный транспорт, моторные, гребные и парусные яхты, 3) воздушный транспорт: а) министерство авиации, б) авиационная промышленность, 4) принадлежности для туризма, 5) реклама, общества и агентства туризма и путешествий, 6) курорты, 7) гостиницы, 8) гастрономия в транспорте и туризме.

Тринадцатая группа — «Театральные декорации и костюмы». Декорации, костюмы, принадлежности для праздников, аттракционов и шествий.

Четырнадцатая группа — «Реклама»: 1) световая и графическая реклама, афиши, 2) рекламные издания, каталоги и проспекты, упаковка, 3) витрина, представительство и агентства.

Иностранная часть выставки представлена павильонами 44 стран. Для осмотра всей выставки нужно пройти более четырех километров. В распоряжение посетителей предоставляются легкие бесшумные экипажи (вагонетки). Незастроенная застройками территория засажена цветами и зеленью. Кроме берегов Сены, использованы острова и огромное Марсово поле, на котором высится Эйфелева башня. Ввиду недостатка места, выставка садоводства организована в старинном парке дворца Со в 10 километрах от Парижа. Оранжерея парка восстановлена в первоначальном виде, а вокруг нее разбиты сады всевозможных типов.

Авторами проектов всех сооружений французской части выставки являются победители архитектурного конкурса, проведенного министерством торговли. 25 процентов премий предоставлены бывшим фронтовикам. Основной план предусматривал лишь размеры застраиваемых площадей, в остальном же авто-

рам проектов была предоставлена полная свобода. Общее руководство выставкой осуществляется министром торговли, а непосредственное — генеральным комиссаром, который представляет французское правительство в сношениях с администраторами и комиссарами павильонов иностранных государств.

В отличие от условий обычных коммерческих выставок, экспонентами отчетной выставки являются либо создатели экспонатов — художники, ремесленники, — либо фабриканты. Как правило, участие посреднических фирм не допускается. Сами экспонаты были подвергнуты строгому контролю, и на выставку были допущены только предметы, соответствующие ее цели и характеру. Продажа экспонатов с немедленной доставкой запрещена. Допускается лишь доставка после закрытия выставки. Запрещена звуковая реклама, а световая и графическая утверждаются администрацией выставки лишь в тех случаях, когда это не нарушает ансамбля.

У подножья Эйфелевой башни установлен своеобразный «термометр» посещаемости выставки. Это — колонна, высотой в 25 метров с градуировкой по тысячам. Световой сигнал, изображающий «ртуть», взматается вверх всякий раз, когда на выставку приходят новые 10 тысяч посетителей, а затем снова возвращается к исходному положению; общее количество посетителей регистрируется на площадке, установленной внизу колонны.

«Термометр» автоматически регистрирует «температуру» посещаемости с помощью фотозащелок, установленных у всех входов на территорию выставки и соединенных с системой счетных аппаратов.

С введением так называемых «народных понедельников», когда стоимость входного билета уменьшается на половину, посещаемость выставки сильно возросла. В иные дни, несмотря на сильную жару, бывает более 375 тысяч посетителей. С конца мая до середины августа выставку посетило 10 миллионов человек.

Дворец научных открытий

Дворец научных открытий организован в Большом дворце (близ Елисейских полей). В первом зале — отдел электростатики. В тени возвышается огромная электростатическая машина, сконструированная под руководством Жолио. Две колонны, установленные на стеклянных ящиках, в которых помещаются механизмы, поддерживают каждая по полному шару, на поверхности которых скапливается электричество. Между шарами происходит электрический разряд, напряжением в три миллиона вольт. Зрители защищены от искусственной молнии специальной сеткой.

Это одна из редких машин, позволяющих использовать громадное количество электрической энергии для опытов по исследованию внутреннего строения материи (расщепление атомов и синтез радиоэлементов). Рядом с этой машиной находится генератор высокого напряжения профессора Пантенье. Представляет интерес остроумная система генератора, заключающаяся в том, что электрический заряд от источника с низким напряжением доводится до большого вольтажа. Энергия переносится мельчайшими пылинками, в совокупности весящими 15 граммов, по системе параллельных труб, заключающих 300 литров воздуха, от стальных проводов, заряженных током в восемь тысяч вольт, к коллектору и возвращаются обратно, увлекаемые потоком воздуха.

Рядом с залом электростатики — зал Галилея, посвященный проблемам земного притяжения и сложения сил. Здесь наибольший интерес у публики вызывает опыт, иллюстрирующий падение тел по наклонной плоскости: три вагонетки одновременно спускаются по плоскости разного наклона и в конце бегут по горизонтальным плоскостям. Электрические лампочки, зажигающиеся через каждую секунду на всем пути вагонеток, отмечают единообразное ускорение в каждом промежутке времени. Тут же — вращающаяся плоскость с травами, растущими косо от земли: ра-

стения испытывают на себе действие центробежной силы.

В соседних залах — отдел «Материя в ее состояниях» — кристаллография, превращение газа в жидкость под высоким давлением и жидкости в твердое тело, «сублимация» (непосредственное превращение твердых тел в газообразное состояние, без промежуточной стадии), демонстрация движения молекул и пр.

Специальный зал посвящен светящимся телам (флуоресценции и фосфоресценции). Длинный двенадцатый зал отведен под приборы и аппараты, знакомящие посетителя с катодными лучами и X-лучами. В залах Пьера и Марии Кюри и супругов Жолио — демонстрация явлений естественной и искусственной радиоактивности. Далее — зал космических лучей, зал акустических явлений и зал оптики. Огромная часть дворца занята планетарием и отделом астрономии.

Математический зал с «кривыми», над построением которых десятки инженеров трудились в течение нескольких месяцев. Маленький салон — «святилище математика»; на стенах этого «святилища» полностью написано число π . Отделы общей биологии и биологии растений содержат множество интереснейших экспонатов и диаграмм, трактующих все основные проблемы естествознания.

Наконец, огромная галерея, посвященная истории изобретений. Наиболее интересные экспонаты — первый велосипед, первый мотоцикл и старейший в мире паровой автомобиль Кюньо, сконструированный в 1770 г. в царствование Людовика XV. Его сооружение стоило 20 тысяч ливров (100 тысяч нынешних франков), грузоподъемность — 5 тонн, скорость — 4 километра в час. Папинов котел помещался в передней части «автомобиля».

Говоря о цели, преследуемой Дворцом научных открытий, академик Жан Перен заявил, что, посетив дворец, широкие массы смогут понять не только непосредственную и решающую роль научных открытий в мировом процессе, но и то, что проходит известное время, пре-

жде чем научная деятельность приносит прямые плоды.

Дворец света

Это глухое здание с совершенно гладкими стенами. Фасад его вогнут и служит экраном (60 м. × 10 м.) для демонстрации под открытым небом специальных фильмов и диапозитивов. Кино собирает огромное число зрителей. Киноаппаратура расположена в специальном помещении в 40 м. от экрана. В этом же помещении находится электроаппаратура, служащая для производства электрических опытов в близлежащем бассейне: искусственная молния, длиной в 7 метров, зажигание на расстоянии шаров, наполненных неоном, и т. д.

Во дворце — прекрасно исполненное панно в 600 квадратных метров, изображающее историю электротехники. Благодаря искусному освещению это панно кажется сияющим. Эффект усиливается и благодаря тому, что остальные стены огромного зала (60 м. длины, 25 м. ширины и 10 м. высоты) покрыты черной матовой краской. В этом зале выставлено оборудование заводов и электростанций. В нескольких залах меньшего размера демонстрируются научные кинофильмы по электротехнике; в отдельном зале показаны все виды применения электрического освещения. В соседней галлерее показан процесс генерации и передачи электричества и выставлены все виды осветительных приборов, в том числе самая маленькая электрическая лампочка в мире, служащая для медицинских целей (освещение внутренних органов).

В целом дворец дает посетителю детальное представление об истории и природе электричества, электротехнике и всех видах применения электрической энергии.

Павильон кинематографии, фотографии и звукозаписи

Павильон, или Дворец, кинематографии, как принято его называть в Париже, построен у подножья Эйфелевой башни. Он состоит из главного здания

и двух крыльев, покоящихся на колоннах, образующих проходы к Эйфелевой башне. Председатель руководящей павильоном комиссии — Луи Люмьер. Судя по посещаемости, это один из самых популярных, если не самый популярный отдел французской части выставки.

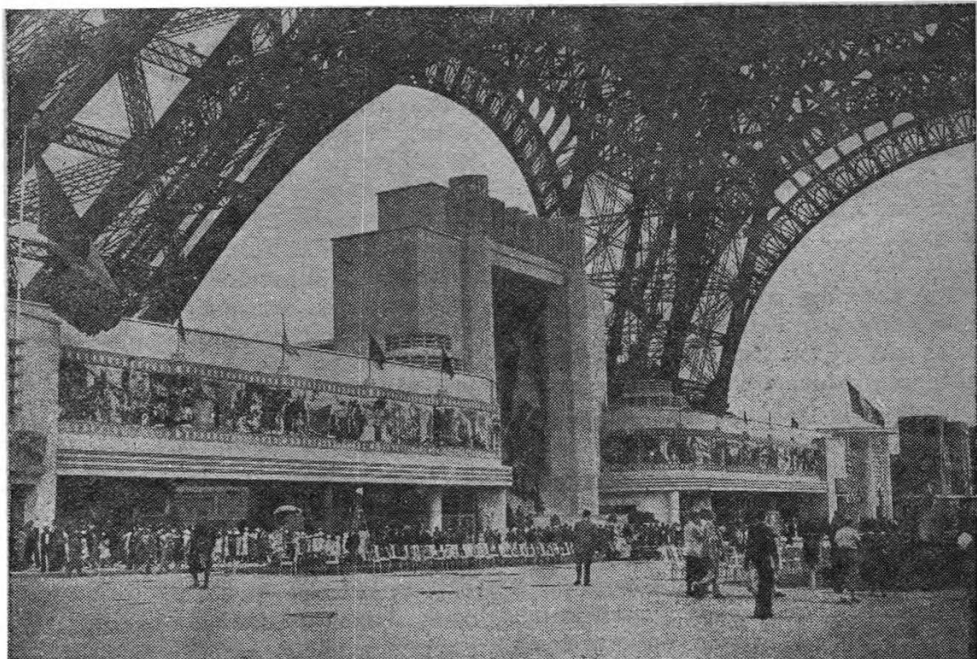
Кинематограф широко использован во всех отделах выставки. Кинодемонстрации являются самыми притягательными аттракционами во Дворце научных открытий (научные фильмы по астрономии, метеорологии, биологии и даже математике), во Дворце электричества (фильмы по теории электричества и электротехнике) и почти во всех других французских павильонах. Кроме того, ряд иностранных павильонов показывают фильмы своего производства в собственных кинозалах (СССР, Дания, Голландия, Люксембург, Норвегия). Таким образом, выставка 1937 г. является триумфом кинематографии во всех ее применениях. По этому поводу французская пресса вспоминает, что сенсацией выставки 1900 г. была демонстрация 20-метровых фильмов.

Центральная часть кинопавильона знакомит посетителя с закулисной жизнью кино и дает ему полное представление о процессе кинопроизводства. Там показывается съемка, звукозапись, проявление и лабораторные работы. Часть процессов показана в натуре, другая, из-за недостатка места, в макетах. Тут же демонстрируется изготовление пленки и проявление и печатание звуковых фильмов. Рядом — огромный макет киногорода со студиями и лабораториями; история и техника кинопортая и кинохроники иллюстрируется диаграммами и макетами.

Рядом с центральным залом — салон для приемов и заседаний. Во время выставки будут проведены: международный кинематографический конгресс, конгресс работников учебного и культурно-просветительного кино, конгресс работников кинематографической прессы и, наконец, конгресс кинолюбителей. К центральному зданию пристроен кинотеатр на 1000 мест. Здесь будет проведен конкурс на лучший французский фильм 1936—1937 г.

Одно крыло павильона отведено французской кинопромышленности; на отдельных стендах французские фирмы демонстрируют производство фильмов и киноаппаратуры. В другом крыле — выставка любительского и культурно-просветительного кино и всех прочих видов применения кинематографии. По архитектурному рисунку крылья павильона напоминают киноленту. На фа-

экспонатами этих национальных выставок. Наконец, фотография — существеннейший элемент всех французских отделов науки, техники, искусства и производства. Рядом с этими блестящими образцами фотоискусства выставка фотографии производит с первого взгляда весьма скромное впечатление. В первом зале — портреты отцов фотографии Дагерра и Ньепса и позднейших

Павильон кинематографии, фотографии и звукозаписи.

саде главного здания — фрески, символизирующие кинематографию, фотографию и звукозапись.

Выставка французской фотографии занимает 500 квадратных метров в нижнем этаже главного здания павильона. Все, что было сказано о разнообразном применении кинематографии во всех отделах выставки, можно сказать и о фотографии. Повсюду демонстрация вещей постепенно вытесняется ее фотографическим изображением. Некоторые иностранные павильоны (Швейцария, Австрия, Югославия) особенно широко использовали художественные фотографии, являющиеся самыми интересными

изобретателей, содействовавших развитию фотографии. Портреты снабжены подробными объяснительными текстами. Там же выставка художественной фотографии, разбитая на тематические отделы: искусство, архитектура, внутренняя декорация, книжная иллюстрация, иллюстрация каталогов, портрет, французский пейзаж, промышленная реклама, «натюр-морт», «ню» и «форма».

Вторая наиболее интересная часть выставки посвящена аппаратуре, технике и фотоматериалам. Новейшие французские объективы, оптические приборы, пластинки, пленка с высокочувствительной эмульсией, дающая увеличение с по-

чти незаметным зерном, панхроматическая пленка для ночных съемок, фотоаппараты всех размеров, химическое хозяйство фотографа, цветная фотография и, наконец, объемная фотография по принципу изобретателя Мориса Бонне, сконструировавшего объемный фотоаппарат с 27 объективами.

Главный аттракцион отдела — бильд-аппарат, передающий изображение посетителя на другой конец Марсова поля — в павильон прессы.

Отдельные стэнды посвящены фоторепортажу, фотоиллюстрациям, фоторекламе и научным фотографиям.

Сравнительно скромно представлена на выставке звукозапись. В нижнем же этаже, рядом с выставкой фотографии, три комнаты (музыкальный салон, спальня и столовая) отведены под «дом фонографа». Комнаты убраны лучшими парижскими декораторами и «озвучены» с помощью граммофонов. На нескольких стэндах выставлены образцы всех типов граммофонов и пластинок. История граммофонной промышленности показана в диаграммах.

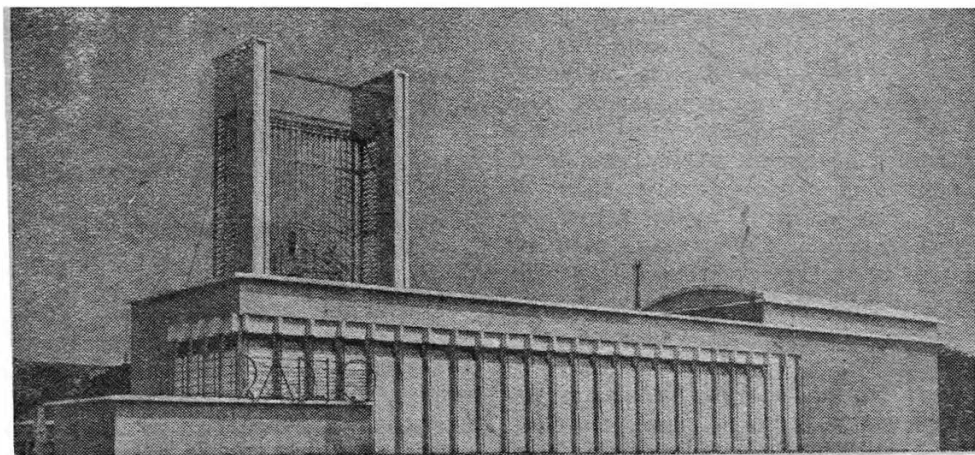
Дворец радио

Радио, символизирующему XX век, отведен красивый дворец на правом берегу Сены, возле моста Александра III. Дворец представляет трехэтажное здание, выкрашенное в зеленый цвет. Над

главным входом, ведущим прямо с мостовой во второй этаж, висит громадное панно на металлической раме. Первый этаж расположен ниже, у самой реки. Дворец имеет 100 метров в длину и 24 метра в ширину (в самом широком месте). Второй и третий этажи шире первого и образуют галерею с видом на Сену и всю территорию выставки.

Во дворце — выставка радиотехники и радиовещания и центр радиовещания для всей территории выставки. Подобно кино, радио является не только экспонатом, но и средством оформления всей выставки в целом.

У входа — большой зал с витринами, изображающий историю развития радиотехники, начиная с маленьких опытных аппаратов Бранли до современных радиостудий. На потолке зала — большая светящаяся схема радиосообщений во всем мире. В глубине зала — стэнды с макетами радиостанций и планами новых усовершенствованных сооружений. В конце этажа расположены пять радиостудий, защищенных 12-миллиметровым звуконепроницаемым стеклом. Из одной студии передаются лекции, из другой — обзоры печати, в третьей читает диктор. Две студии отведены для музыкальных передач; одна рассчитана на небольшое число исполнителей, а другая, площадью в 260 квадратных метров, предназначена для передач симфонической музыки. Через стекла посети-

Дворец радио

тели могут наблюдать за всей работой радиостудии. В том же этаже — библиотека, читальня, зал заседаний, приспособленный также для киносеансов, и, наконец, центр телепередач.

В третьем этаже — выставка современной аппаратуры французских и иностранных фирм и большая студия крупнейшей парижской радиостанции «ПТТ» (министерства связи), рассчитанная на 100 музыкантов и 200 хористов.

В первом (подвальном) этаже — выставка телевизорных приемников и радиоаппаратуры, применяемой в промышленности, авиации, флоте, военном и полицейском деле, и, наконец, отдел коротковолновых передатчиков. Около трети этажа занято залом для телевизионных сеансов.

Там же помещается центр радиовещания выставки, связанный со всеми крупными радиостанциями Франции. Отсюда передается либо одна программа на всю территорию выставки, либо несколько программ на разные участки выставки.

Территория выставки разбита на несколько звуковых зон, а громкоговорители расположены с таким расчетом, чтобы передачи были слышны без взаимных помех.

Центр ремесел

Павильоны «центра ремесел» занимают большой четырехугольник на левом берегу Сены. Расположенные асимметрично, среди цветов и зелени, они образуют один из красивейших уголков выставки и, по оценке парижских газет, являются в некотором роде сердцем ее французской части; в этих павильонах представлены все французские ремесла, показаны продукты сочетания искусства и техники французского народа.

У самой набережной высятся павильон керамики и стекла. Значительная часть его экспонатов, начиная с собственной его облицовки, имеет архитектурное назначение: всевозможные продукты гончарного ремесла для облицовки стен, террас, парков и т. д.

Рядом с ним — павильон северских изделий. Его фасад и галереи украшены многоцветными, огромных размеров, барельефами и горельефами из фаянса и фарфора, исполненными северскими мастерами по моделям известных скульпторов и художников. В монументально отделанных залах выставлены тончайшие изделия Севра, а также фарфор, фаянс, стекло и хрусталь известных французских фирм. В маленьком салоне — выставка художественной эмали.

Против павильона керамики и стекла расположено большое здание, посвященное прикладным искусствам Франции. Стены вестибюля украшены огромными гобеленами, над которыми мастера «национальной мануфактуры гобеленов» работали по 3—4 года. Наряду с кружевами и художественной вышивкой, здесь выставлены ткани для обивки стен и мебели, ковры и декоративные текстильные материалы. Ряд комнат павильона занят выставкой «Корпоративного союза французского искусства», показывающей предметы прикладного искусства, вырабатываемые французской промышленностью. Тут же два театральные зала, в которых выступают передовые театральные труппы и 23 театра марионеток из разных стран.

В длинном двухэтажном здании — выставка французской мебели, главное производство которой сосредоточено в парижском предместьи Сен-Антуан. Образцы современной мебели, как роскошной, так и дешевой, исполнены по моделям лучших парижских декораторов. Тут же — выставка бумажных обоев. Несколько дальше — небольшое здание, по типу напоминающее частный особняк, воплощает все достижения «привратной и элегантной» архитектуры; это — выставка мастеров искусственного освещения и витражей.

Последний павильон дал убежище «Обществу художников-декораторов» и является как бы синтезом «центра ремесел». Здесь представлены все без исключения художественные ремесла и прикладные искусства, вплоть до скульптуры и живописи. Экспонаты показаны по разделам: жилые комнаты, приемные,

квартира врача, университетский клуб, спортивные и дачные помещения, лыжные и туристские базы, домики охотника и рыбака и др.

Железнодорожный павильон

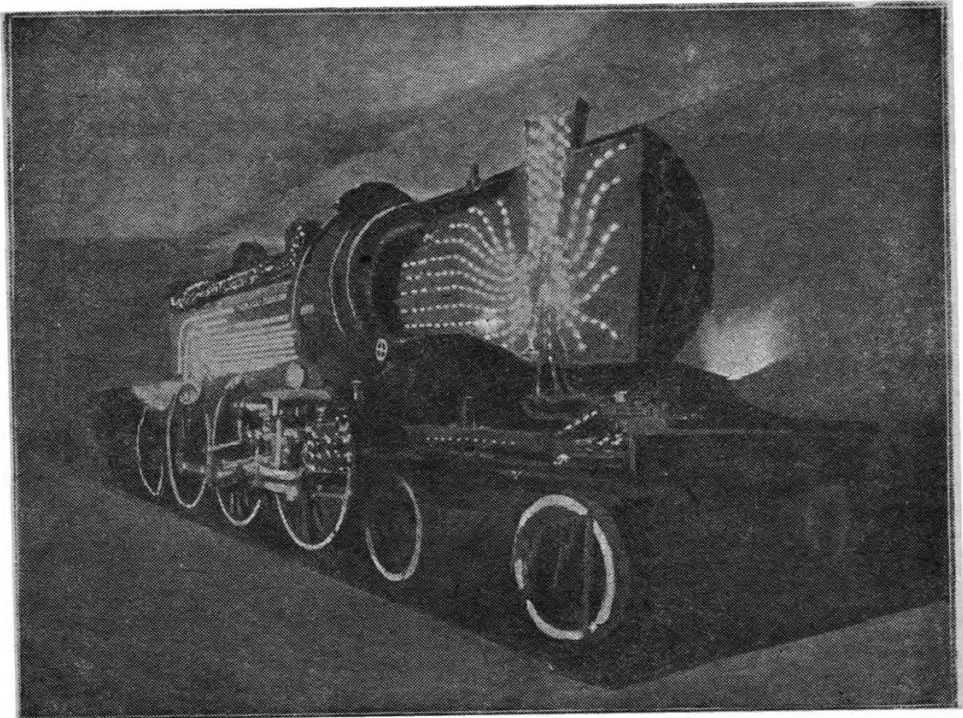
Железнодорожный павильон устроен в помещении бывшего вокзала Инвалидов. Три «гвоздя» павильона — разрез паровоза, макет железнодорожного сообщения по линии Париж — Лондон и «неподвижное путешествие».

Для паровоза в разрезе пожертвован настоящий паровоз современного типа, работающий на перегретом паре. Специальное осветительное устройство дает подробное представление о работе сложной машины.

Большой макет площадью в 180 квадратных метров показывает во всех деталях движение миниатюрных поездов по линии Париж — Лондон, включая переезд на пароход-пароме через Ламанш.

«Путешествие на месте» (конструкция инженера Юмилта) — центральный аттракцион павильона. В трех настоящих вагонах усаживается до 400 человек. Сигнал — и поезд отправляется в «путешествие». Особые приспособления, вызывающие покачивание вагонов, создают иллюзию быстрого движения; вагоны стоят на месте, а в окнах мелькают красивые пейзажи. Во время путешествия пассажиры знакомятся с 50 местностями Бретани, Пиреней, Оверни, Лазурного берега, Вогезов, Эльзаса, Альп и т. д. Диорама состоит из шести параллельных плоскостей, расположенных на расстоянии друг от друга и двигающихся с разными скоростями, что дает полнейшую иллюзию рельефа местности; перемена скоростей отдельных плоскостей диорамы создает впечатление, что поезд огибает местность.

Кроме этих аттракционов, железнодорожный павильон показывает в моделях и макетах все типы подвижного состава современного железнодорожного

Паровоз в разрезе (железнодорожный павильон)

транспорта, включая автомотрисы и электровозы, вагоны - холодильники, спальные вагоны, вагоны-рестораны и пр. В макете с уменьшением в 50 раз показана работа парижского метро.

В залах павильона демонстрируются технические фильмы, знакомящие посетителя с деталями эксплуатации железных дорог и с работой всех технических приборов, применяющихся на транспорте.

Павильон прессы

«Дом прессы» приютился под западной аркой Эйфелевой башни. Это один из самых больших павильонов выставки: он занимает площадь в 4 800 квадратных метров. Архитекторы Вирэ и Мармора использовали железо и стекло с таким расчетом, чтобы павильон, отличающийся своими чистыми и логичными линиями, не проигрывал от слишком близкого соседства с Эйфелевой башней. Фасад здания состоит из нескольких террас, уходящих уступами вверх. Единственное украшение фасада — скульптура, изображающая «голос прессы».

В первом зале против входа находится колоссальная планисфера, иллюстрирующая сравнительную скорость передачи фотоизображений и фотодокументов в 1900 и 1937 гг. Пример: в 1900 г. для передачи фотографии из Сан-Франциско в Париж требовалось 12 суток; в 1937 г. — 4 часа (фототелеграмма). На двух колоннах входа в зал наглядно иллюстрируется скорость передачи текстов (информация) между самыми отдаленными пунктами мира. Вдоль стен — витрины с макетами и моделями машин, изображающими прохождение информации по всем фазам газетного производства, вплоть до типографии и распространения. В зале — выставка технических средств передачи и распространения текстов и фотографий. Прежде всего — бильдаппарат, или «белэнограф», как называют его во Франции по имени изобретателя Белэна. За установкой аппарата наблюдал сам Белэн. В соседнем павильоне кинематографии и фотографии уста-

новлен такой же аппарат, передающий изображения сюда. Весь процесс совершается на глазах у посетителей. По желанию посетителей их фотографии посылаются телеграфным путем в любой город Франции, где есть бильдаппарат.

Несколько дальше — автомобиль радиорепортажа, оборудованный по последнему слову техники. Сообщения репортера принимаются всеми французскими радиостанциями, которые немедленно используют их для своих передач. Специальные мостики позволяют посетителю заглядывать в окна автомобиля и наблюдать за процессом радиорепортажа.

Рядом с радиорепортажем показан наборный цех; на глазах посетителей работают два линотипииста, «выстукивающие» 250 строк в час. Наконец, последняя фаза газетного дела — распространение и продажа. В углу зала крупнейшее газетное агентство Франции — Ашет — сконструировало макет своей экспедиции, дающий представление о количестве распространяемой прессы и всех способов ее доставки.

В центре зала — стэнд продажи периодической прессы. Это — богатейший газетный киоск, где можно купить любую газету мира. Стэнд обслуживает четыре продавщицы, владеющие всеми европейскими языками.

Наконец, в конце зала — выставка юмористических рисунков и карикатур. Каждый рисунок представлен в оригинале и в газетной репродукции.

Направо и налево от входа расположены две небольшие залы, посвященные пионерам книгопечатания. В левом зале восстановлена мастерская, словолитня и типография отца книгопечатания Гутенберга. Здесь выставлены подлинный ручной пресс и деревянные матрицы Гутенберга. На пьедестале — бюст Гутенберга, за стеклом — репродукция библии и других образцов его печати.

Другой зал посвящен Теофрасту Ренодно (1586—1653), основателю первой французской газеты: «Газет де Франс» (1631 г.). В зале — бюст, портреты,

документы и обстановка редакции и типография, восстановленные с помощью музея Карнавалэ и архивов союза типографских мастеров.

Первая галерея второго этажа полностью занята витринами, диаграммами и диорамами. В витринах — макеты типографских цехов и машин. Фотографическая фреска на тему избрания президента США Рузвельта показывает путь прохождения информации из США во Францию. Передача текста этого сообщения потребовала 11 секунд, передача фотографий — 15 минут. На стене — статистические данные газетного дела во Франции: тираж и распространение газет, производство и потребление бумаги для периодической печати.

Посетитель узнает, что французскую прессу обслуживают 20 120 человек, в том числе 4 038 журналистов; во Франции ежедневно выходит 10 700 000 экземпляров газет, в том числе 6 700 000 в Париже; в Париже 1 800 уличных разносчиков газет и т. д. Рядом со статистическими таблицами — диорама, показывающая работу редакции и типографии.

Следующая галерея посвящена периодической прессе Франции. Каждая газета и каждый журнал имеет свой уголок, где показана история, организация и образцы производства этого издания. Здесь представлена не только информационная пресса, но и специальная: музыкальная, литературная, по живописи, юмористическая и даже пресса для слепых.

В третьей галерее — отдел технической прессы открывается стендами центра документации и бюро вырезок департамента внешней торговли. На стенах — щиты с обложками всякого рода технических изданий: автомобильных, транспортных, промышленных, химических, банковских, медицинских, модных и пр. Тут же стенд фронтовых и окопных газет военного времени.

Галерея третьего этажа разбита на два отдела: «большой репортаж» и иностранная пресса. В отделе иностранной прессы представлены издания большинства европейских стран. Отдел «большо-

го репортажа» состоит из диорам, посвященных работе крупнейших мастеров французской журналистики в трудных и экзотических условиях: пейзаж Сахары, экваториальные леса Новой Гвинеи, крайний север Канады и т. д. В зале воздвигнута колонна-памятник в честь мастеров репортажа, погибших на своем посту.

Этим не исчерпывается обзор павильона прессы. Наступает «час интервью», и все посетители устремляются вниз, в центральный зал, где на особой эстраде, один раз в день, журналист публично интервьюирует какую-нибудь знаменитость и полузнаменитость спортивного, театрального или политического мира. Через аппаратуру радиоавтомобиля интервью передается на радиостанции, а оттуда облетает всю страну.

Павильон рекламы

Внешний вид павильона рекламы вполне соответствует его содержанию: архитекторы Гранж, Ле Руа и другие не стремились к монументальным формам; они поставили целью объединить под одной крышей несколько вместительных зал, позволяющих максимально использовать пространство. Днем длинный фасад здания с высокой наклонной рамой в центре представляет как бы огромное рекламное панно, а вечером на нем зажигаются тысячи лампочек большой световой рекламы.

Под панно-лентой проходят витрины первого этажа, убранные под руководством лучших декораторов Парижа. Образцы рекламы как на фасаде, так и внутри павильона отнюдь не «абстрактны». Это коммерческая реклама частных фирм.

В первой галерее нижнего этажа — индивидуальные и коллективные стенды «техников рекламы»: рекламного синдиката периодической прессы, синдиката рекламных издательств, синдиката палаты так называемой непосредственной рекламы, объединения издателей рекламных ежегодников и т. п.

В этом отделе показана разнообразная продукция рекламной промышленности: листовки, проспекты, каталоги,

афиши, альбомы, газетная реклама, календари, реклама на упаковке.

Рядом с этой галлереей — центральный зал павильона. Здесь — выставка произведений художников-рекламистов, главным образом мастеров художественного плаката. Главный атрикция отдела — аппарат с движущимися лентами, показывающими рекламные плакаты всех эпох.

В глубине зала — иностранный отдел, где выставили образцы своей рекламы 15 европейских стран.

К главному залу примыкает кинозал и отдел рекламной техники; здесь выставлены экспонаты школы рекламы и цветные и светящиеся панно, иллюстрирующие теорию и технику искусства рекламы.

Павильон водного транспорта

Павильон торгового флота построен в одном из наиболее выгодных пунктов выставки, на набережной Орсе, против площади Согласия. Здание имеет вид большого парохода у пристани. Это впечатление создается не только его общей конструкцией, но и всей отделкой. К павильону пришвартованы катер и парусник; возле него плавают бакены и вспыхивает маяк. «Нос» павильона украшен скульптурой, изображающей «гения моря». Во внутренних помещениях посетителя не покидает впечатление, что он находится на борту корабля.

В первом зале собраны экспонаты, синтезирующие все отделы выставки водного транспорта. На стене колоссальная карта морских и речных сообщений Франции. В центре — земной шар, на котором отмечены все заморские владения Франции и показаны связывающие их морские пути. Три диорамы показывают работу в порту, на корабле и морской рыбный промысел. Тут же стэнды французских и суэцкой пароходных компаний, выставивших модели старых и новых судов, иллюстрирующие развитие кораблестроения.

Во втором этаже — стэнды речного транспорта, общества спасания на во-

дах, морской прессы, Института океанографии, показывающего подводную флору и фауну, и организаций помощи морякам-ветеранам и семьям погибших моряков.

Верхний этаж целиком посвящен кораблестроению. Рядом с макетом верфи — диорамы, показывающие весь процесс постройки и спуска судна на воду. Тут же — рубка современного трансатлантического судна с действующими приборами и отдел техники безопасности.

В кинозале демонстрируются специальные фильмы, посвященные технике и истории кораблестроения и мореплавания. Несколько комнат павильона отделаны под каюты, курительные салоны и другие помещения современного трансатлантического парохода. Наконец, на «верхней палубе» — ресторан под открытым небом, являющийся точной копией с ресторана трансатлантического парохода «Нормандия».

Павильон авиации

Длинное здание обтекаемой формы, на эспланаде Инвалидов, представляет собой огромный ангар, разбитый на несколько отделов. Перед входом в павильон установлен памятник, символизирующий первый трансатлантический перелет Линдберга; скульптура изображает крылатое существо, поднимающееся над земным шаром.

В первом зале — отдел авиационной промышленности. Мостик для посетителей проходит спиралью под самым куполом огромного зала. В зале выставлены все прототипы современных самолетов. Под куполом — макет стратосферного самолета будущего.

В зале «народной авиации» (так называется движение, пропагандируемое демократическими кругами армии и воздушного флота) планер описывает круги над головами посетителей. Над планером подвешены модели легких самолетов в разных положениях.

Зал гражданской и военной авиации представляет центральную часть выставки. Здесь собраны все типы самолетов, начиная с учебного и кончая но-

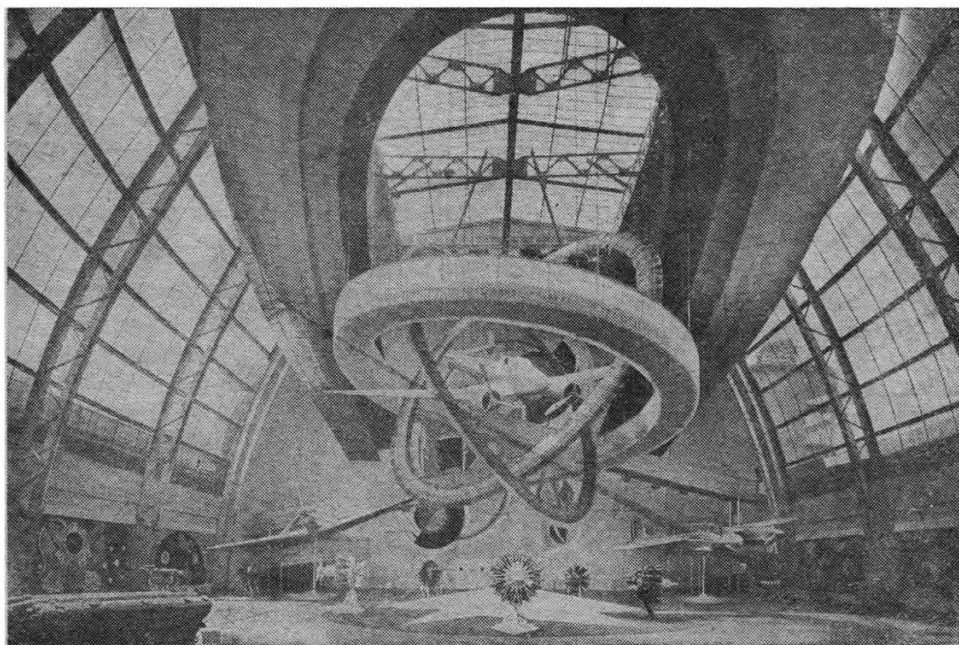
выми моделями. Самолеты расположены на разной высоте: учебный—на земле, остальные—в воздухе, на фоне декоративных облаков. Стены увешаны огромными фотографиями, показывающими самолет в постройке и в полете. На потолке начерчены разные траектории полетов.

Эта часть здания построена из прозрачных материалов, и по вечерам самолеты, освещенные мощными прожекторами, хорошо видны сквозь стены.

аэродром через круглые стекла кабины самолета, вследствие чего получается полная иллюзия полета над аэродромом.

Колоннальный центр

Площадь колониального центра, считая пловучие сооружения, составляет около 32 тысяч квадратных метров. Основная часть этого живописного отдела

Зал национализированной авиапромышленности

К центральному залу примыкает ряд галлерей и небольших помещений, в которых выставлены макеты, освещающие все основные проблемы воздухоплавания: конструкцию и самолетостроение, испытание материалов и самолетов, сооружение аэропортов, предохранение металлов от коррозии и т. д.

Специальные стэнды показывают приборы управления, моторы, радиоаппаратуру, камеры для аэрофотосъемок и т. п.

Над центральным залом, во втором этаже, установлен огромный макет нового аэропорта в Ле Бурже, близ Парижа. Посетители этого зала видят

выставки расположена на Лебязьем острове, тянущемся от моста Гренель до моста Пасьи. Павильоны Леванта, Алжира, Туниса, Марокко, Индокитая, Гвианы, Мадагаскара, Антильских островов, Французской экваториальной Африки и других колониальных владений Франции воспроизводят туземную обстановку и показывают жизнь колониальных народов.

Павильон Леванта воспроизводит характерный стиль левантинской архитектуры. Архитекторы, создававшие павильон, взяли за образец мечеть султана Селима и ливанский дворец Бейт Эддины.

Тунис представлен деревней и портом. Алжирский павильон построен в стиле берберского дворца XVIII века. К дворцу примыкает двор караван-сарая и улица арабского города, на которой выставлены характерные алжирские товары, фрукты и съестные припасы.

Против алжирского павильона построен марокканский. В центре павильона крытый дворик, полностью воспроизводящий уличную жизнь марокканского городка, с кофейнями, музыкантами, фокусниками и т. п.

Павильоны Французской экваториальной Африки представляют свайные постройки, воспроизводящие туземные жилища. Рядом с павильонами выстроена негритянская деревня, где живут и работают целые семьи ремесленников-негров, ввезенных из Конго, Чада, Убанги-Мари и других частей Африки. Работа туземных ремесленников—ювелиров, часовщиков, ткачей, оружейных мастеров — протекает на глазах у посетителей.

Так же характерно представлен Индокитай, Мадагаскар, Камерун, Гвиана, Антильские острова и т. д. »

Колониальный центр выставки 1937 г. в общем повторяет в уменьшенном масштабе парижскую колониальную выставку 1931 г.

Областной центр

Областной центр—это выставка собственно Франции как территории.

17 провинций страны представлены отдельными павильонами и участками, воспроизводящими пейзажи, флору, сельское хозяйство, промышленность, ремесла, культуру, быт, игры, архитектуру и искусство каждого края. Вокруг каждого павильона садовники, под руководством художников-пейзажистов, разбили сады, характерные для края.

Монументальный вход в павильон Лазурного берега украшен гербами всех городов провинции и скульптурами на морские сюжеты. Первый зал носит название «почетного». Он посвящен памяти выдающихся французских моряков Средиземного моря. В смежных галле-

рях демонстрируется производство оливкового масла, виноделие и работа гончарных мастеров.

Павильон Прованса воспроизводит жизнь города Марселя и его порта, показывает провансальские ремесла и сельское хозяйство.

Павильон французской Бискайи (Гасконии) выстроен в характерном баскском стиле. В галереях павильона и на его территории демонстрируется работа баскских ремесленников и исполнение национальной музыки и танцев: арин-арин, фанданго. Показывается и национальная спортивная игра пелотта.

Сильное впечатление производит павильон Бретани, также построенный в национальном стиле. Скульптура и фрески внутри здания символизируют все виды деятельности бретонского народа. Большая часть экспонатов посвящена мореплаванию и рыболовству. Интересен макет доков и верфей Сан-Назара, где был выстроен трансатлантический пароход «Нормандия».

В той или иной степени воспроизводят специфическую обстановку и павильоны Пикардии, Шампани, Эльзаса, Лотарингии, Бургундии и других провинций.

Дворец литературы

Литературе отведены помещения в реконструированном дворце Трокадеро. Это — музей книги и мысли, который останется в наследство Парижу после закрытия выставки.

На стенах первого зала музея 13 панно, посвященные жизни и творчеству крупнейших французских писателей нового времени. Остальные панно посвящены литературным школам, обзорениям, журналам, академиям, обществам и иностранным писателям, переведенным на французский язык.

В небольшой галлее собрана библиотека в 16 тысяч томов, в которой сосредоточены книги и энциклопедии по вопросам литературы, искусства и культуры.

В других залах музея размещены выставки библиотечного дела, уголок библиофила, отделы бумажного производ-

ства, типографии, роскошные издания, переплетное дело и книжная гравюра.

Во всех технических отделах музея показаны не только образцы, но и процесс производства. Посетитель может подробно ознакомиться и с тем, как делается бумага, и как печатается, иллюстрируется и переплетается книга и, наконец, как систематизируются эти книги в библиотеках разных типов.

Интересны витрины, показывающие историю типографского шрифта, гравюры и переплета.

Театр, живопись, музыка

По соглашению с верховным комиссаром выставки большинство парижских театров отказалось от летнего перерыва и включило в свои программы спектакли, пользовавшиеся наибольшим успехом в прошлые сезоны.

Почетное место театру отведено на самой выставке. Кроме театра «Французской комедии» и нескольких сборных трупп, на выставке гастролируют молодые актерские коллективы Франции, ищущие новых путей. Эти передовые труппы носят характерные названия: «Маленькая сцена», «Искусство и действие», «Театр пространства», «Бродячие комедианты» и т. п. Кроме спектаклей МХАТ СССР им. Горького и выступлений ансамбля красноармейской песни и пляски, программа выставки предусматривает спектакли других иностранных театров; государственного театра Осло (Норвегия), токийского классического театра Кикуйора, еще никогда не выезжавшего из Японии, балетных и драматических театров Румынии, балетной труппы копенгагенского драматического спектакля, лондонского театра балета и оперы-буфф, драматических театров Венгрии, Швейцарии, Бельгии и других стран.

Сенсація летнего театрального сезона Парижа — гастроли МХАТ СССР протекали не на территории выставки, а в «Театре комедии Елисейских полей».

В реконструируемом дворце Трокадеро архитекторами братьями Нирманс устроен постоянный театр на 3 тысячи

зрителей. С помощью подвижных стен зрительный зал и сцена могут быть уменьшены на половину. По обе стороны сцены расположены так называемые «залы эхо», позволяющие регулировать акустику в зрительном зале.

Кроме театра «Трокадеро», на выставке оборудовано также несколько временных театральных помещений: театр областного центра на 1 800 мест для специфических провинциальных постановок и «экспериментальный театр» для выступлений новых актерских трупп.

Нельзя не упомянуть также о 23 кукольных театрах Франции, Бельгии, Чехословакии и других стран, дающих спектакли в специальном помещении павильона прикладных искусств («центр ремесел»).

Изобразительное искусство Франции представлено в двух новых музеях, построенных на набережной Токио. В первоначальном проекте выставки предполагалось представить лишь современную живопись, архитектуру и скульптуру. Однако в процессе организации выставки выяснилось, что ее можно значительно расширить, включив в нее произведения французского искусства всех эпох.

Шедевры «французского искусства» (так называется выставка изобразительных искусств Франции) включает 400 картин, 200 рисунков, 100 гравюр, 150 скульптур, 175 произведений декоративного искусства (фарфор, стекло), 50 ковров, 60 манускриптов и 20 древностей — памятников искусства галло-романской эпохи.

Отдел живописи показывает произведения всех французских художников, начиная с безымянных мастеров XIV века и кончая Сезанном (несколько картин Сезанна предоставил для демонстрации на выставке Московский музей западного искусства).

Два музея современного искусства, созданные на средства выставки, останутся в числе других постоянных зданий в наследство Парижу, как Эйфелева башня и старый дворец Трокадеро оставшись с прошлых всемирных выставок.

Оба здания построены и оборудованы с учетом требований, предъявляемых

новому музею. Впервые сделаны подвижные стены и полки, позволяющие изменять размеры помещений, соответственно характеру экспонатов.

В муниципальном музее устроена интересная выставка «музеографии» — науки об организации музеев. Во втором этаже здания организуется выставка, посвященная эволюции Парижа с древнейших времен.

Видное место занимает на выставке 1937 г. также музыка. Симфонические концерты организуются в зале Трокадеро и в театре Елисейских полей. Во время выставки в «Театре комедии Елисейских полей» будет дано десять концертов камерной музыки. Кроме того, на территории выставки организуются «праздники света», изобретенные архитектором Бодуэном. На этих праздниках световые эффекты, производимые по определенной художественной программе, сопровождаются исполнением музыкальных произведений лучших французских композиторов.

Музей строительства и планировки городов

Музей строительства и планировки городов помещается в подвальном помещении под новыми музеями современного искусства.

Первый отдел музея показывает разные стадии градостроительства: аэрофотосъемку, фотометрические и топографические работы, планировку и строительство, макеты новых городов. Детально показаны водоснабжение, электрификация и ассенизация городов. Несколько макетов напоминают посетителям о разрушениях, произведенных войной. Особый подотдел показывает усовершенствованную «обстановку» улицы: скамейки, киоски, фонари, фонтаны и т. п. Подотдел физкультуры, общественных зданий показывает макеты театров, кинематографов и т. п.

Особый подотдел посвящен городским садам, водным станциям, спортивным площадкам и стадионам.

Подотдел охраны исторических памятников показывает в макетах и фотографиях приемы реставрации историче-

ских зданий, памятников, статуй и реставрацию целых городов, разрушенных во время мировой войны.

Освещение, иллюминация

Ночные «праздники света» — красивое зрелище, вызывающее восторг даже у искушенных торжествами и «иллюминациями» парижан. Эти «праздники» — не только зрелища, но и концерты, составленные из вариаций 19 световых и музыкальных тем.

Одновременно с основными работами по строительству и независимо от электрификации всей территории была проложена сложная сеть подземных кабелей для питания многих сотен прожекторов, обслуживающих речные фестивали. Самой сложной проблемой было оборудование фонтанов на реке с таким расчетом, чтобы не нарушить водного транспорта днем. Задача эта была решена с помощью 144 кессонов, днем погруженных в воду, а ночью поднимаемых на поверхность. На каждом кессоне сооружен освещенный изнутри фонтан с многоцветным экраном. Электрические кабели соединяют кессоны с берегом, откуда ими и управляют.

Самый замечательный аттракцион «праздников света» — «водный театр», оборудованный на трех понтонах между мостом Инвалидов и мостом Альма. Общая длина понтонов — 82 метра. Из 82 отсеков, на которые разделены понтоны, бьют мощные струи воды, достигающие высоты 60 метров. Струи освещаются тремя сериями мощных прожекторов. 320 прожекторов, спрятанных внутри понтонов, освещают нижнюю часть струй, 80 других — верхнюю часть; наконец, 400 прожекторов резко освещают поверхность воды перед понтонами, маскируя и понтоны и первые две серии прожекторов. Управление водным театром сосредоточено на берегу и, несмотря на многообразие задач, весьма упрощенно.

Технически и эстетически тщательно организована также светотехника на «суше». Павильоны и зелень освещены сильными разноцветными прожекторами, дороги — мягким рассеянным све-

том, аллеи — высокими канделябрами с лампочками, наполненными парами ртути и натрия, и лампочками с зеркальными рефлекторами. Самые интересные световые эффекты демонстрируются на Дворце электричества и на Эйфелевой башне, которая освещается сотнями прожекторов. Часть прожекторов направляет снопы света вертикально на высоту до 5 тысяч метров. «Огненный столб» Эйфелевой башни виден ночью на расстоянии до 100 километров.

Кроме того, самые разнообразные световые эффекты достигаются с помощью прожекторов, освещающих водные бассейны на территории выставки.

Павильон СССР

В самом центре территории выставки, между дворцом Трокадеро и набережной, возвышается павильон Советского Союза. Советский Союз впервые принимает участие в такой крупной международной выставке. Первый раз наша страна выступила на международной ярмарке в Лейпциге в 1922 г. С тех пор Советский Союз стал почти ежегодно принимать участие в заграничных выставках. За последние 10 лет СССР участвовал в 94 выставках и ярмарках, организованных в 9 странах. Выступления СССР всегда вызывали огромный интерес, возрастающий из года в год.

Павильон СССР на Парижской выставке 1937 г. собирает рекордное число посетителей (в три раза больше, чем павильоны Германии и Италии, вместе взятые). Посетителей интересует все, что показано в залах советского павильона: политика, экономика, техника и культура страны победившего социализма. Большинство посетителей не удовлетворяется поверхностным осмотром советского павильона, а возвращается к нему много раз, с перерывами в несколько дней, добросовестно и с жадным интересом изучая все экспонаты.

Даже реакционная парижская пресса вынуждена была признать, что наиболее интересным из иностранных павиль-

онов является павильон СССР. Высокую оценку получила также архитектура нашего павильона и венчающая его скульптурная группа.

В отличие от большинства иностранных павильонов советский павильон был построен и открыт во-время. Над постройкой его усиленными темпами работали 700 парижских рабочих.

Первый зал советского павильона посвящен Сталинской Конституции, в которой записаны завоевания народов СССР, руководимых коммунистической партией. На порфировом обелиске начертаны пять статей Сталинской Конституции. Яркие диаграммы, документы и фотографии рассказывают историю построения социализма на одной шестой части света.

Всеобщее восхищение вызывает карта СССР, сделанная из самоцветных и драгоценных камней. Перед этой картой, рассказывающей о необъятных просторах нашей родины, ее неисчислимых естественных богатствах и мощной социалистической промышленности, посетители стоят подолгу, иногда часами, не в силах оторвать глаз от замечательного произведения уральских мастеров.

В следующих залах посетитель знакомится с развитием науки и искусства в СССР. Диаграммы рассказывают о том, как за 20 лет наша страна превратилась в страну всеобщей грамотности. Специальные стенды показывают многонациональную литературу и искусство народов СССР.

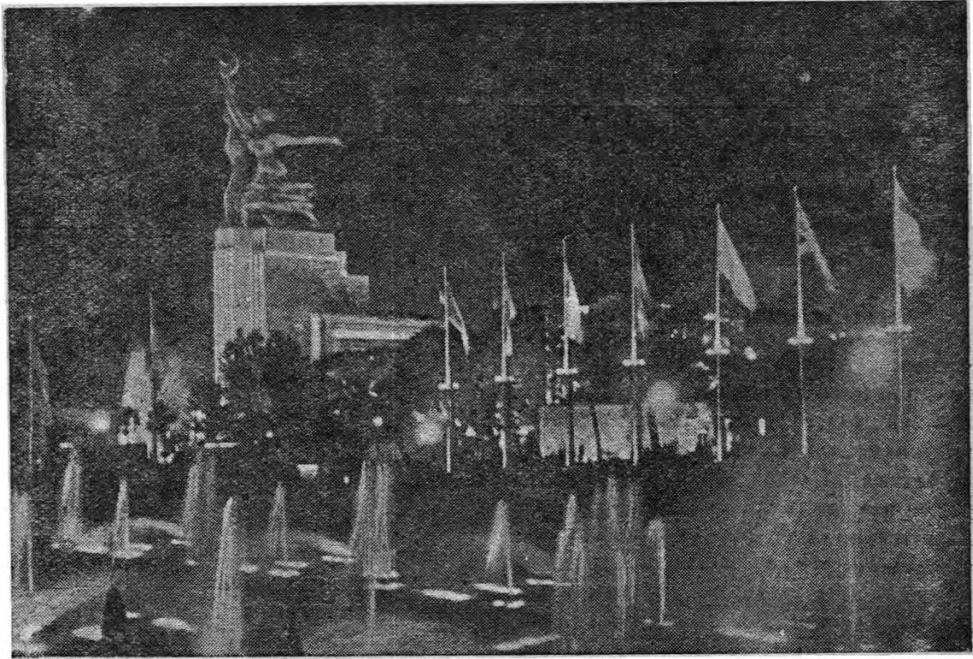
В небольшом по размерам зале искусства разместились отделы живописи, скульптуры, театра и художественных ремесел СССР. Большим успехом пользуются прекрасные изделия мастеров Палеха, Мстеры, холмогорских резчиков по кости и т. д.

Картины советских художников посвящены главным образом эпохе гражданской войны. В этом разделе представлены лучшие мастера советской живописи. Два полотна И. Бродского: «Ленин на Путиловском заводе» и «Ленин на проводах красноармейцев», картины М. Соколова: «Ленин в Смольном в октябрьские дни» и «Ленин в Разливе»; картины А. Герасимова:

«Сталин среди командиров первой конной армии» и «Сталин на XVI съезде ВКП(б)» наряду со скульптурами Меркурова и Н. А. Андреева, Домогацкого и Николадзе, дают живое представление о Ленине и Сталине как о людях и вождях. Советская современность показана в работах Юона, Пахомова, Горелова,

за Киев», «Гибель Челюскина» и др., а также ряд специально изготовленных для выставки документальных фильмов, отражающих достижения СССР в различных областях промышленности, сельского хозяйства и культуры.

Особенно посещаем раздел советской Арктики, в котором показаны также

Павильон СССР

Ряжского и др. Рисунки, гравюры и акварели крупнейших советских мастеров посвящены темам советского строительства.

Отдел театра показывает в макетах и эскизах советское декоративное искусство. Большинство макетов посвящено пьесам советских драматургов: «Любовь Яровая», «Бронепоезд», «Разлом» и др.

Вблизи павильона выстроен советский кинотеатр. Здесь будут показаны следующие советские фильмы: «Чапаев», «Новый Гулливер», «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Цирк», «Юность поэта», «Возвращение Максима», «Арсен» и первая серия фильма «Петр I». Кроме художественных фильмов, в кинотеатре будут показаны документальные фильмы: «Киров», «Борьба

схемы и материалы, посвященные полярной экспедиции 1937 г.

В остальных залах разместились отделы воздушного, железнодорожного и водного транспорта СССР, отделы промышленного строительства, строительства и реконструкции старых городов. В макетах и фотопанорамах показаны гиганты советской промышленности.

У выхода из павильона установлена скульптура, изображающая товарища Сталина на фоне панно, где показаны знатные люди, физкультурники и дети СССР.

Входя в павильон с чувством глубокого интереса, французские трудящиеся покидают его с чувством гордости, счастья и надежды.

Павильон Испании

Праздничный посетитель напрасно стал бы искать в испанском павильоне отображение той экзотической и «дикой» Испании, представление о которой распространяла литература прошлого. Здесь не увидать ни легендарных «торреро», ни танцовщиц, ни многого подобного. Это павильон свободного народа, борющегося не на жизнь, а на смерть с генералами-изменниками и итало-германскими интервентами и, несмотря на трудности войны, принявшего участие в выставке для того, чтобы продемонстрировать свою волю к миру и труду.

Простой двухэтажный павильон из стекла и металла построен в саду Трокадеро. Это не «коммерческий» павильон с экспонатами частных фирм, а выставка народного труда и искусства.

Наибольшее впечатление производит отдел живописи, скульптуры, архитектуры, гравюры и декоративных искусств. Здесь сосредоточены сокровища искусства испанского народа, спасенные от бомб фашистских варваров, и произведения современных художников, продолжающих творить в огне борьбы против фашизма.

На внутренней стене первого этажа большая фреска Пикассо. В центре портика, занимающего половину первого этажа, — фонтан ртути, символизирующий естественные богатства страны. Справа — витрины с книжными изданиями, представляющими современную испанскую литературу, искусство и науку.

В большом «патио» (крытая внутренняя галерея) на глазах у посетителей работают группы ремесленников. Там же демонстрируются испанские фильмы и кинохроника и выступают певцы и танцоры Каталонии, Валенсии, Андалузии и других областей Испании. Студенческий театр «Ла Барака» показывает классические произведения испанской драматургии, в том числе «Овечий источник» Лопе де Вега и пьесы Сервантеса и Кальдерона.

В залах второго этажа — отделы социальной документации и изобразительных искусств. В отделе социальной до-

кументации фотографии, диаграммы и статистические таблицы показывают экономическую, культурную и политическую жизнь испанского народа в настоящий период войны. В особом подотделе показано сельское хозяйство, экономика, военная промышленность и социальное обеспечение Каталонии. В глубине зала — материалы о превращении народной милиции в регулярную армию. Наверху — огромная экономическая карта Испании, исполненная на стекле.

В отделе изобразительных искусств показаны сокровища музея Прадо и современная испанская живопись и скульптура. Там же секция народного искусства: национальные костюмы, ткани, вышивки и кружева, стекло и керамика.

В павильоне царит благоговейная тишина. Там не слышно ни смеха ни шуток. Легкомысленную, живую парижскую толпу в стенах испанского павильона охватывает глубочайшая серьезность; оттуда уходят с удвоенным чувством симпатии к борющемуся испанскому народу и с пламенной ненавистью к фашистским варварам, разрушающим прекрасную страну.

Павильон США

Девятиэтажный небоскреб, высотой в 40 метров, на набережной Орсе, против советского павильона, виден днем со всей территории выставки.

Вход в небоскреб США расположен на уровне четвертого этажа. Стены здания украшены индейскими мотивами; гигантский столб, воздвигнутый около башни павильона, покрыт тотемами индейских племен.

Цоколь здания состоит из двух частей, окрашенных в красный и синий цвет и покрытых сорока восемью звездами флага США. Ночью мощные прожекторы освещают здание и создают над ним синюю пелену с сорока восемью яркими звездами.

Внутренность павильона настолько же внушительна, как и его внешний вид. Это один из самых интересных павильонов выставки. Залы и целые этажи открываются для доступа публики постепенно, по мере окончания работ,

затянувшихся из-за грандиозности масштабов.

Главные экспоненты павильона—правительственные учреждения США. Центральный зал имеет 20 метров в высоту и по размерам мог бы служить вокзалом в крупнейшем железнодорожном центре. На огромном окне нарисована карта США. В зале — стенды министерств земледелия, почты и телеграфа, администрации общественных работ. Фотографии, карты, автоматизированные диаграммы и движущиеся макеты показывают разнообразные стороны деятельности великого американского народа: сельское хозяйство, промышленность, строительство, технику, науку и искусство.

Павильон Англии

Двухэтажный английский павильон выстроен на набережной Орсе и занимает площадь в 1800 метров. По преобладающему мнению, это один из самых неудачных павильонов выставки. Он производит впечатление большого торгового дома. Экспонаты расположены в скучном порядке и обнаруживают полное отсутствие вкуса у организаторов и декораторов английского павильона. Слухи об этой неудаче дошли до Лондона и вызвали там самые неожиданные отклики.

Член английского парламента, депутатка консервативной партии Айрин Уорд, обратилась с запросом к министрам:

— Речь идет об английском престиже,—заявила она.—Какого мнения будут французы и иностранцы об английском вкусе?..

Основной недостаток павильона заключается в том, что он не дает представления о народной Англии, а показывает лишь Англию аристократическую и мещанскую. В большом центральном зале, занимающем 990 метров, показаны «образцы английской промышленности»: охотничьи и жокейские костюмы, платья для придворных церемоний, столовое серебро. Тут же выставка медалей в память коронации.

Не радуется глаз и выставка стекла.

Тут не найти ни одного предмета искусства: скучными рядами выставлены аптекарские сосуды, бутылки, флаконы. Неудачна выставка готового платья, и непомерно большое место занимает выставка тростей и спортивных принадлежностей. Обильно представлены бельевая, текстильная и кожевенная промышленности.

Приятным исключением является отдел полиграфии и выставка английской книги: детская литература, юмористика, уголовный роман и беллетристика.

По сторонам перехода, соединяющего оба этажа павильона, устроена целая квартира, обставленная на английский лад: гостиная, спальня, столовая, детская и кухня.

Кроме того, в павильоне помещается английский ресторан, где можно получить типичную английскую еду.

Павильон Чехословакии

Чехословацкий павильон — это оригинальное сооружение из стекла, производящее впечатление необычайной легкости. Строгие чистые линии, умелый подбор экспонатов, на которых лежит отпечаток подлинного вкуса, хорошо характеризуют молодую Чехословацкую республику, создающую свою культуру во враждебном окружении фашистских государств.

В главном зале первого этажа — экспонаты чехословацкого правительства и отделы прикладных искусств и ремесел Чехословакии. Особенный интерес вызывают кружева, ювелирные изделия, богемский фарфор и экспонаты государственных школ и институтов стеклодувного дела. Зал художественных произведений из стекла производит впечатление феерии.

Интересна также выставка чехословацкой промышленности: пражских металлургических заводов, чехословацкой горной промышленности, сталелитейных заводов Витровице, химических заводов «Ко-и-нор» и т. д.

В целом чехословацкий павильон является убедительной демонстрацией высокого технического и культурного уровня страны.

Павильон Германии

Казенного вида здание, герметически закрытое и лишенное окон, больше напоминает часть американского торгового «билдинга», чем павильон. Впрочем, такое строение удачно воплощает дух страны, превращенной в огромный концентрационный лагерь.

Своеобразный концентрационный лагерь был устроен германским правительством и на самой территории выставки, во время строительных работ. Там содержались мастера и рабочие, привезенные из Германии для постройки павильона вопреки регламенту, который требовал, чтобы иностранные павильоны строились руками французских рабочих.

Германским рабочим запрещалось общаться с французами, работали они под стражей. Все же группе пленников удалось вырваться из лагеря и бежать в Испанию, где они вступили в ряды республиканских бойцов.

Внутри павильона посетителя не покидает то же впечатление тяжести и гнета. Залы украшены тяжелыми люстрами, плохо гармонирующими с современными экспонатами. В подвальном помещении—кинозал, в котором демонстрируются фильмы, пропагандирующие фашистский режим.

В залах павильона — экспонаты германской промышленности: химической, оптической, машиностроительной и автомобильной. За редкими и к тому же ничего не говорящими исключениями, все эти отрасли промышленности были созданы и достигли расцвета до прихода фашистов к власти.

Интересен макет новой германской ав-

тострады и некоторые образцы заменителей, характеризующих стремление Германии к «автаркии».

За исключением экспонатов нюрнбергской игрушечной промышленности, германский павильон не может показать ни одного продукта своего производства, который выигрывал бы при сравнении с экспонатами других стран. В самом деле, при посещении стэнда заводов Золингена посетитель невольно вспоминает изделия Шеффилда (Англия), а знакомясь с производством заводов Круппа, он сравнивает его с производством чехословацких заводов Шкода и т. д.

В отличие от большинства иностранных павильонов, германский павильон не показывает материалов и диаграмм, посвященных социальным и культурным вопросам.

Размеры журнальной статьи не позволяют остановиться на ряде заслуживающих интереса иностранных и французских павильонов и осветить более подробно организацию и технику международной Парижской выставки 1937 года.

В заключение обзора следует сказать, что эта подлинно всемирная выставка, так богато и многообразно показавшая достижения человеческого гения, не была бы полной и всеобъемлющей, если бы ее не украшал прекрасный павильон СССР, показывающий достижения величайшего гения всех времен, гения большевизма, разрушившего капитализм на одной шестой части света, построившего новое свободное общество и указывающего всему человечеству путь к освобождению, мирному труду и счастью.

Литература и искусство

1. А. КЛИМОВИЧ — О пьесе „Мертвецы“ Мамеда Кули-заде. 2. Е. СИКАР — Пионер дунгавской литературы. 3. С. ИВАНОВ — Литература великого юбилея

1. О ПЬЕСЕ „МЕРТВЕЦЫ“ МАМЕДА КУЛИ-ЗАДЕ (Молла Наср-эд-дин)

А. Климович

Советский Азербайджан имеет огромные успехи как на фронте хозяйственной, так и культурной жизни его народов. Трудящиеся Азербайджана все больше отходят от религии, в частности—от ислама. Успехи советского Азербайджана вызывали и вызывают озлобление остатков разбитых эксплуататорских классов, переход их к самым отчаянным средствам борьбы, как последним средствам обреченных.

Отсутствие должной большевистской бдительности привело к тому, что в Азербайджане на фронте культуры долгое время орудовали лютые враги народа — троцкисты и сомкнувшиеся с ними буржуазные националисты — мусаватисты и др.

Презренная банда врагов народа, мечтавшая о восстановлении капитализма, режима насилия и эксплуатации, вредила трудящимся, где только оказывалось возможным. В области литературы вредительство выражалось в том, что, скрывая от масс подлинных корифеев азербайджанской литературы, троцкисты и мусаватисты (Али-Назим и другие) выдвигали на их место писателей буржуазных—националистов, мусаватистов и им подобных. Так, в «Литературной энциклопедии» Али Назим дал пространные статьи, прославлявшие буржуазных националистов Незми,

Г. Джавида и др., но даже не упомянул о классике мировой литературы азербайджанце Незами (1141—1208 гг.) и т. д. Антинародные сочинения буржуазных националистов враги народа выдавали за антирелигиозные произведения.

На заседании президиума ЦС Союза воинствующих безбожников СССР 15 февраля 1937 г. тов. Ибрагимов, в отчетном докладе ЦС СВБ Азербайджанской ССР в качестве факта, свидетельствующего о хорошей постановке антирелигиозной работы в бакинской организации СВБ, отметил постановку комедии «Мертвецы» Мамеда Кули-заде. Газета «Бакинский рабочий» в марте 1937 г. поместила «литературоведческие» статьи А. Гаруна и Азиза Шарифа, в которых повторяется характеристика Мамеда Кули-заде, данная троцкистом и мусаватистом Али Назимом.

Что же представляет собой пьеса «Мертвецы» Мамеда Кули-заде?

В XIX и особенно в XX веке среди буржуазии ряда колоний царской России развивается джадидизм. Это—идеологическое течение, стремившееся проведением некоторых реформ обеспечить капиталистический путь развития своим странам.

В царском Азербайджане, как в стране «самых отсталых патриархально-фео-

дальных отношений»¹, джадидизм не получил четкого организационного оформления. Тюркская буржуазия была еще очень молода. Ведь, как отметил товарищ Сталин в 1921 г., — «Баку вырос не из недр Азербайджана, а ладстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др.»².

Лучшие тюркские писатели сознавали, что патриархально-феодалные отношения сковывают азербайджанский народ, способствуют тому, что он находится во тьме, невежестве и политическом бесправии. И эти писатели, как, например, Фетх-Али Ахундов (1812 — 1878 гг.), направляли политическое острие своих художественных произведений против этого зла, против пережитков феодализма. К таким писателям дореволюционного Азербайджана в известной мере относился и Мамед Кули-заде, получивший известность под именем «Молла Наср-эд-дина», по названию издававшегося им в Тбилиси с 1906 года юмористического журнала.

Борьба Мамеда Кули-заде против невежества, против различных феодальных пережитков имела положительное значение; она расшатывала феодальные устои колониального Азербайджана. Однако борьба Мамеда Кули-заде была буржуазно-ограниченной.

Осуждая то или иное общественное зло, Мамед Кули-заде обычно не указывал, как и кем оно должно быть устранено. Показав его, он отходит в сторону. Так было обычно и в иллюстрациях журнала «Молла Наср-эд-дин», редакция которого блокировалась с главой русских джадидов, буржуазным националистом Исмаил-беком Гаспринским.

В комедии «Мертвецы» Мамед Кули-заде не отходит от основной линии журнала «Молла Наср-эд-дин». Выражающий мнение автора герой «Мертвецов», Искандер, лишь указывает на темные стороны дореволюционной жизни азербайджанского народа.

Защитой от вопросов, как и кто должен изменить отраженную в пьесе кошмарную действительность, Искандеру неизменно служат бутылка водки и привычка плевать и хохотать. Искандер сам менять эту действительность не хочет, и единственное предложение его — это не бороться со злом, а «уйти из этого края». Попутно необходимо отметить, что взгляды Искандера на задачи просвещения и народного образования совпадают с позицией джадидов в этом вопросе.

Враги народа, еще недавно выступавшие в качестве «передовых критиков» Азербайджана, в лице Али Назима пытались «революционизировать» образ Искандера, как и все творчество Мамеда Кули-заде. Это было им нужно для возвеличения роли национальной буржуазии, извращения тех высоких идеалов, выразителями которых были Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин и другие лучшие умы русского народа, с которыми троцкисты незаслуженно сравнивали Мамеда Кули-заде. Али Назим объявлял пьянство Искандера его «революционной чертой». Между тем сам Мамед Кули-заде понимает, что пьянство Искандера не есть оружие борьбы. Пьянство Искандера — не протест, а сдача позиций. Тем самым значение героя Мамеда Кули-заде, как борца за капиталистический путь развития его страны, сводится к нулю.

Искандер знает, что приехавшие в селение его отца шейхи, используя басню о воскрешении ими мертвых, дурачат и грабят доверчивых крестьян, насилуют их малолетних дочерей. Как же он борется против этого?

Вот сцена.

Кладбище... Одурачиваемые шейхами крестьяне пошли «подумать», воскрешать ли им своих мертвых родственников. Остались «воскресители мертвых» шейх Насрулла, шейх Ахмед и Искандер.

ИСКАНДЕР (завидя шейха Насруллу, громко хохочет. От смеха еле держится на ногах. Успокоившись, обращается к шейху). Все ушли, чтобы подумать. Остался один пьяница Искандер. Эта арена — арена для героев.

¹ И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник. Партиздат. Москва, 1934 г., стр. 80.

² Там же.

Вот если бы кто-нибудь вроде Искандера (почему же не он?—Л. К.) пришел сюда и смело заявил: «Господин шейх! Видишь, сколько погребенных на этом кладбище? Воскреси всех до последнего». Ха-ха-ха! (Оглядывается в гу сторону, куда ушел народ). Ха-ха-ха... Все ушли подумать... (Подходит, протягивает руку). Господин шейх! Дай руку, будем друзьями!

ШЕЙХ НАСРУЛЛА. Уйди прочь. Я не подам тебе руки, ты потребляешь вино.

ИСКАНДЕР. Господин шейх, вы должны радоваться, что я пью. Если бы я не пил, мои мозги были бы на месте (так пьянство не «протест»! — Л. К.), и в один прекрасный день, открыв глаза, я увидел бы, что в наш город приехал ученый муж, воскрешающий мертвых, морочит головы нашим благочестивым гаджи и каждую ночь берет себе в жены по девочке...» (стр. 100—101).

К чему в дальнейшем сводится протест Искандера? Да только лишь к нескольким замечаниям своему отцу и сестре и еще к удару ногой в дверь комнаты шейхов уже в то время, когда они, обманув и ограбив доверчивых сельчан, обесчестив их малолетних дочерей, благополучно сбежали. После этого Искандер произносит большой монолог.

«Худшее, — говорит Искандер, обращаясь к одураченным шейхом Насруллой верующим, — вот что: когда мы вглотную подошли к вопросу о воскрешении мертвых... вы, жаждущие ангелов, не согласились, чтобы ваши братья, сестры, жены и дети воскресли. Почему? А потому, что сами же вы побоями загнали своих жен в могилы, завладели женами умерших братьев, прикарманили имущество ваших друзей... Не думайте, что, говоря это, я считаю себя праведником. Нисколько! Я сам ничтожество... Меня зовут... пьяница Искандер. Но какого вы заслуживаете имени? Я призову сюда горы и камни, птиц и зверей, луну и звезды, весь мир, всю вселенную и, показав им этих девочек (которых растлил и бросил шейх Насрулла. — Л. К.), я спрошу: как назвать вас? И они ответят в один голос:

«Мертвецами». Я призову все народы и покажу им этот гарем шейха Насруллы. «Мертвецы!..». И многие годы ваши потомки будут повторять, поминая вас: «Мертвецы, мертвецы!..».

(... Все в смущении молчат. Искандер выхватывает из кармана бутылку с водкой, пьет и разбивает бутылку о пол») (стр. 117—118).

Так кончаются «Мертвецы» Мамеда Кули-заде. Таков Искандер—«луч света в темном царстве», как его именовал троцкист и муссаватист Али Назим.

Что здесь народного, революционного?

Здесь азербайджанский народ за то, что он был подавлен властью кровопийц и мракобесов, назван мертвецом. А разве «мертвым» было прошлое азербайджанского народа, жизнь которого проходила в борьбе с насилием и эксплуатацией, народа, который под руководством партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным уничтожил эксплуататорский строй и построил социализм?

Разве Добролюбов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов, с идеями и социальными устремлениями которых презренный троцкист Али Назим пытался породнить произведения Мамеда Кули-заде, именовали свой народ мертвецом за то, что его обманывали попы в рясах и без ряс?

Дабы сохранить эту выгодную для врагов клевету на азербайджанский народ (она недалеко от гнусного бухаринского изображения «качеств» русского народа), Али Назим не останавливался перед извращением смысла «Мертвецов» Мамеда Кули-заде. Он объявил, что эта пьеса направлена против эксплуататоров. Эту клевету восприняли те критики Азербайджана, которые пытались утверждать, что Мамед Кули-заде в «Мертвецах» обрушился лишь «на мир угнетателей». Это неверно.

Именуя «мертвецами» своих земляков, Искандер не делает различия между «почетными гаджи», чиновниками и массой — «горожанами, несчастными сестрами, женщинами в чадрах, молодежью, толпой, больными». Представители крестьянства, беднячества, которые

выведены в «Мертвецах», представлены Мамедом Кули-заде как ханжи или тупые фанатики.

Неверно, лживо утверждение, что сатира Мамеда Кули-заде разоблачала... буржуазию, империализм. Дореволюционное творчество Мамеда Кули-заде буржуазию не только не разоблачало, но часто ее прославляло. Обращения журнала «Молла Наср-эд-дин» к «братьям мусульманам» также не были случайны. Защита интересов национальной буржуазии прикрывалась у Мамеда Кули-заде пропагандой «мусульманских» интересов.

Псевдоним Мамеда Кули-заде, таким образом, не был оправдан его творчеством. Как известно, творчество, связанное с именем полулегендарного мульты Наср-эд-дина, в его лучших образ-

цах подлинно народно, почему и глубоко оптимистично. Творчество Мамеда Кули-заде не таково. Герои фольклора не чувствуют себя одиночками, не свойственно это и героям тех писателей, которые выражают чаяния широких трудовых масс своего народа. Не то с героями Мамеда Кули-заде. Они часто индивидуалисты, одиночки, подобно Искандеру из пьесы «Мертвецы», находящие забвение в пьянстве, в вине.

Непомерное прославление «Мертвецов» Мамеда Кули-заде, изображение его как писателя крестьянства или рабочего класса выгодно лишь врагам народа. Писатели советского Азербайджана должны быть более бдительными к проидам врага, во-время пресекая все и всяческие его поползновения.

2. ПИОНЕР ДУНГАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. Сякар

Много сохранилось в живом народном творчестве дунган легенд и сказаний, эпических и лирических песен о происхождении, страданиях и надеждах дунганского народа. В одной из древних китайских легенд рассказывается:

«В далекие времена могущества Китая на празднество к одному владыке арабский царь послал сто своих лучших воинов. Их сказочная красота так поразила китайского владыку, что он просил арабского царя оставить ему воинов на племя. Царь это исполнил. Воинов щедро одарили золотом и серебром. Сто самых красивых китайок они взяли себе в жены. И тогда родились люди, стройные и сильные, как арабы, мудрые и проворные, как китайцы. Они верили исламу, а почитали обычаи буддийские. Их назвали дунганями...».

По некоторым историческим данным, происхождение дунганского народа связано с нашествием орд Чингисхана на Китай. После того, как последние завоевали Китай, предавая его древнюю культуру огню и мечу, на завоевательских путях рассеивались, оседали отдельные племена, составлявшие войско

Чингисхана. Из этих племен, смешавшихся с китайцами, с течением времени образовался дунганский народ.

Уходили столетия. Переменялось много китайских феодалов, бесчеловечно угнетавших дунган. Ничто не радовало их существование. События и превратности истории сделали дунган буквально рабами правителей Китая.

Старый народный певец Абдула из провинции Северо-Западного Китая — Шэнси, выразивший думы и чаяния народа, сложил поэму о социальной справедливости, сохранившуюся в устном народном творчестве. В ней он говорит, что «все есть в мире для человека, ничего нет только для дунган».

Абдула сказал правду. Тяжелая жизнь маленького народа была кошмарна. Как никакой другой из народов, населявших Китай, дунганцы были подвергнуты несправии, жестокости, нищете и невежеству.

Трудящиеся дунгане не раз восставали против китайского владычества. Еще в 1861 году в северо-западных провинциях Китая Шэнси и Гань-Су началось самое большое дунганское восста-

ние. Оно вскоре перекинулось в Чжунгарию и Кашгарию и стало доходить до киргизских кочевий — до территории России. Восстание продолжалось около 17 лет и было с неимоверной лютой подавлено китайскими правителями. На протяжении сотен километров земля была залита кровью восставших. Десятки тысяч дунган бежали в Россию и поселились в Семиречьи (ныне территория Киргизии и Казахстана). Из одной кабалы они попали в другую. Русский царь наделил дунган безводными землями, обложил непосильными, громадными податями для казны. Кроме того, их эксплуатировали местные богатеи — баи, купцы и ростовщики. Под двойным гнетом жили трудящиеся дунгане.

После разгрома киргизского народного восстания в 1916 г., в котором участвовали и дунгане, они бегут обратно в Китай, в провинцию Синьцзян, и снова ищут родину и не находят ее.

Когда Киргизия стала советской республикой, тысячи дунган вернулись из Китая. Они получили плодородные земли, полное равноправие и все условия для расцвета своей культуры и экономики. Дунганский литературный язык — детище Великой Пролетарской революции. Только Октябрьская социалистическая революция вызвала к жизни и творчеству дунганский народ, живущий в пределах СССР, освободив его от гнета русских и иностранных империалистов. Впервые в мире в Киргизской ССР создана и латинизирована дунганская письменность. Труднейший из всех языков — китайский (дунганский язык представляет собой диалект китайского) — стал одним из самых доступных языков для широких слоев населения. С установлением письменности дунгане стали поголовно грамотными.

Несмотря на то, что письменная литература дунган существует всего несколько лет, она уже насчитывает в своем творческом активе романы, повести, книги стихов и альманахи. Созданная недавно дунганская секция Союза советских писателей Киргизии — новый отряд советской литературы — объединяет свыше десяти писателей и поэтов. Среди них писатель и поэт Ян Шан-син. Он

автор повести «Детство Исхара» — о жизни дунганского крестьянина; у него также вышла книжка стихов. Помимо того, Ян Шан-син занимается научно-исследовательской работой, участвует в составлении первой грамматики дунганского языка. Он вместе с профессором Поливановым написал один из первых трудов по дунганской орфографии — книгу «Синтаксис и морфология дунганского языка».

Известен поэт Маев — автор вышедшей книжки стихов. Среди писателей выделяется Абдула Магиев, который ведет большую работу по лингвистике. Наиболее талантливым дунганским писателем, певцом своего народа является Ясыр Шиваза.

Имя дунганского поэта Ясыра Шиваза пользуется большой популярностью и народной любовью не только в республиках Средней Азии, но и в Западном Китае. Дунганская художественная литература зародилась в лирических песнях Ясыра Шиваза, он является ее начинателем и основоположником. Пионер советской дунганской литературы — Шиваза стал проявлять свои большие поэтические способности в 1929 году, когда был еще студентом татарского института просвещения в Ташкенте. Шиваза выступил как поэт и большевик, зовущий миллионные массы зарубежных дунган к борьбе против бесчисленных поработителей. Шиваза чрезвычайно близок трудящимся-дунганам. Для своих стихов он выбирает темы, проникнутые новым мироощущением, большой жизнью, темы, которые волнуют народные массы, вызывают живейший отклик в их сердцах. Неудивительно, что его стихи распеваются в народе: на слова Шиваза создаются мелодии.

Народно-поэтическая образность и богатая народная лексика пронизывают всю поэзию Ясыра Шиваза. Его поэтическое творчество основано на народных песнях — легендах, пословицах и загадках. Через устный фольклор он обогащает свое творчество сокровищами народного языка. Трудно найти у него произведения, в которых он не использовал бы лучшие образы поэтического богатства дунганского и китайского

фольклора. В поэзии Шиваза сильно звучат национальные мотивы: он рисует яркие лирические картины жизни дунган в СССР и за рубежом, в его творчестве видное место занимает Китай: в Китае осталась значительная часть дунганского народа — там это историческое прошлое. Со всем этим нас знакомит вышедший в Гослитиздате первый сборник избранных стихов Ясыра Шиваза в переводе Ф. Ощакевича и И. Зиборова. Советский читатель впервые знакомится с интересным творчеством Шиваза — одного из лучших знатоков жизни, обычаев и искусства дунганского народа.

В сборник «Избранные стихи» вошли лирические стихотворения, первые поэмы.

Шиваз сознательно и убежденно отдает все свое творчество на службу революции, на службу дунганским и китайским трудящимся массам. Он болеет, горячо волнуется за судьбу своей родины. В стихотворении «Сю-лю-Хуа» (Нежный цветок) он лирическими строками, полными скорби, пишет:

Сестра! По тебе мое сердце томится,
Песни пел я тебе и всегда буду петь,
Даже если ненастье огромною птицей
Сядет в саду на шелковицы ветвь.

С тобой подружился сумрак гнетущий,
И верная стража глиняных стен
Отгородила средь улиц излучин
Неба кусок и холодную тень.

Нежный цветок под тенью этой
Не может расти. Он сохнет, цветок.
Так пусть же будут песни поэта,
Как капелька меда, как жизненный сок.

Поэт прекрасно, с огромным лирическим темпераментом воспроизводит современный китайский быт, у него блестящие бытовые зарисовки: он любит изображать в ярких художественных образах, простыми выразительными средствами близких ему людей, знакомую ему действительность. В стихотворении «Шанхайская торговля» (перевод Ф. Ощакевича) он рассказывает о тяжелой жизни бедноты большого города:

Жирное варено — запах шафрана.
Холодом дышат голодные дети,
Славят удачу торговцы Синьцзяна,
Как идол, кланяясь звонкой монетой.

Бойкая очень торговля в Шанхае.
В корзинах разложена разная снедь,
Но каждый кули и лодочник знает,
Что в людном Шанхае легко умереть.
Гонит нужда за скупым подаванием
От бедных кварталов, от ужаса прочь,
Проданы дочери за пол-даяна¹
И, плача, уходят на целую ночь.

В интересном стихотворении «Китайский рисунок» он образно описывает тяжелые условия жизни трудящихся Китая. В этом, как и в других произведениях, он стремится к простейшим формам литературной изобразительности, к реалистической конкретности и четкости выражений.

Исключительное богатство подлинного народного словаря стихотворений Шиваза, народная лексика, реалистическая лирика делают его произведения любимыми в широких массах. Его революционные песни известны далеко за пределами Советского Союза. Их поют и любят китайские трудящиеся.

Китаю, его героям, борющимся за счастливую жизнь трудящихся, Шиваза посвящает ряд своих стихов. В одном из своих лучших стихотворений — «Китайская девушка» — он описывает борьбу китайских коммунистов. Стихотворение «Живая песня» он посвящает отважному японскому коммунисту, привезшему китайским партизанам оружие. В «Песне Гуйхна» он описывает страдания девушки, которую по обычаю продают в жены нелюбимому старику. Тяжелое положение китайской женщины, ее печальную судьбу Шиваза воплощает в ярких образах.

Ясыр Шиваза написал большие эпические полотна — поэмы «Дунгане» и «Великая стена», отрывки которых помещены в книге «Избранные стихи». В поэме «Дунгане» (перевод И. Зиборова) он набрасывает исторические картины прошлого дунганского народа. Он дает живые колоритные зарисовки своеобразной природы Восточной Азии, ее культуры, социальных обычаев, показывает жизнь дунган-бедняков и мандаринов. Поэтический чрезвычайно мощно и ярко изображает он недовольство масс, народное восстание в Синине, жесто-

¹ Даян — монета.

кость китайских мандаринов при усмирении дунган:

Богатый китаец визжал, бесновался и бил,
Пытая бедняка землю, чумой, железом,
На кол сажал, на пики, на зубья вил,
Вешал, рубил и резал
Детей, как ягнят, под горло кинжал:
Больше как будто и мстить было нечем.
Но мститель для храбрости пожирал
Детские сердца и печень.

Большое впечатление оставляет проникнутое новым мирозерцанием патриота своей страны стихотворение «Дерево жизни», в котором Шиваза воспевает свою новую родину, обеспечившую его народу национальное возрождение и переустройство всей жизни. Он поэтически воспринимает новую действительность. Во всем чувствуется его творческая индивидуальность.

Характерными особенностями стихов Шиваза является их изумительная музыкальность, большая напевность: дунгане читают их нараспев, иногда в сопровождении примитивной арфы. Многие стихи, переложённые на музыку, распеваются певцами, вошли в повседневный песенный репертуар трудящихся. Недавно московский композитор К. Корчмарев записал в дунганском колхозе «Дый-Шине» («Победа») народные мелодии на слова Шиваза («Сон женщины», «Мага-жин ведет повстанцев») и интересные песни дунганского фольклора.

Поэтическое мастерство Шиваза восхищает своей самобытностью и оригинальностью.

Переводы, сделанные главным образом молодым поэтом Ф. Ощакевичем, говорят о его желании дать советскому читателю правильное представление о красочности образов и сочности языка Шиваза. Ощакевичу в работе над пере-

водами пришлось преодолеть немалые трудности, связанные со специфическими особенностями дунганского языка, его стихотворного строения. Ощакевич и Зиборов переводили наиболее приемлемым ямбическим размером, который лучше передает ритмическую структуру дунганского стиха. Вызывает сожаление, что в книге почти нет стихов, отражающих экономический и культурный расцвет дунганского народа в Советском Союзе, коих у Шиваза немало. Этот недостаток должен быть устранен во втором, дополненном издании «Избранных стихов», которые Гослитиздат решил выпустить также в этом году.

Шиваза работает также и над прозой. Его повесть о дунганском крестьянстве — «Судьба Мейянцизы» — переведена на русский язык лингвистом проф. Поливановым, работающим в Киргизии. Интересен его новый исторический роман «Человек-загадка» — о революционном движении среди дунган. Будучи органически связан со своим народом, Шиваза создает подлинные народные произведения. Ясыр Шиваза — большой культурный деятель, просветитель своего народа, впервые пробужденного к новой жизни. Он принимает деятельное участие в создании национального литературного языка, который содействовал бы более быстрому культурному подъёму ранее отсталого и забытого народа. На дунганском языке в переводе Шиваза вышла первая книжка великого русского поэта А. С. Пушкина — «Избранная лирика».

Надо надеяться, что советские издательства познакомят нас в ближайшее время с новыми переводами дунганских поэтов и писателей, произведения которых должны стать достоянием трудящихся всего Советского Союза.

3. ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКОГО ЮБИЛЕЯ

С. Иванов

I

Приближается двадцатая годовщина Великой Пролетарской революции! 20 лет борьбы народов Советского Сою-

за за социализм, за счастливую жизнь! Двадцать лет — это короткий срок, в течение которого завершено строительство социализма на одной шестой ча-

сти мира, построено мощное народное хозяйство, создана могучая Красная армия, обеспечена счастливая жизнь трудящимся Советского Союза.

Приближается величайший праздник советского народа. Все мысли, все чувства народов СССР устремлены к тем, кто провел нас через все препятствия, стоявшие на пути к социализму, к тем, кто неуклонно и мудро вел советские народы к счастью, к радостной жизни, к тем, чьи имена являются знаменем борьбы для трудящихся всего мира, — к вождям мирового пролетариата — к Ленину и Сталину.

Вот почему литература о Ленине и Сталине, выпускаемая к юбилейным дням, — это в первую очередь массовая народная литература, народные песни, народные поэмы, народные сказания, — литература, созданная самим народом.

Народное творчество — сокровищница величайшего в мире искусства. Творцы русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов черпали из неиссякаемой сокровищницы русского народного творчества образы, мысли, замыслы. Народ был придавлен тогда пятой царизма, который душил творческую народную инициативу. Это было время, о котором юноша Лермонтов говорил:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна.

В этой удушающей обстановке создавал великий русский народ чудесные песни свои. Великий Октябрь разбил оковы, сковывавшие мощь народа, создал счастливую, радостную жизнь, создал невиданные ранее предпосылки для мощного расцвета народного творчества. Мы видим, осязаем, ощущаем гигантский размах народного творчества.

Хорошо сказал об этом Алексей Толстой на II Международном конгрессе писателей: «Октябрьская революция широко распахнула перед народом двери искусства. Сегодня у нас до 60 миллионов читателей художественной литературы. Опера, драматические теа-

тры и кино обслуживают весь народ. Советские строители создают целые архитектурные комплексы новых городов. Широкие массы народов участвуют в создании искусства. Оно становится неотъемлемым от всего творчества жизни. Оно входит в жизнь как ее значительная составная часть. Оно более не украшение, не забвение, не бесплодная мечтательность. Искусство — это летопись моральных и трудовых завоеваний народа. Искусство — это познание, это высокая школа для формирующихся душ. Искусство — это та духовная атмосфера, в которую миллионы за миллионами втягиваются народные массы».

Много чудесных песен, поэм, былин сложили народы Советского Союза о Ленине и Сталине. Собрать этот эпос народный, объединить и довести до всех народов — задача необычайно благодарная. Над этой задачей наши издательства должны упорно работать.

К юбилейным дням «Советский писатель» выпускает сборник «Ленин и Сталин в творчестве народов СССР», Гослитиздат — «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР». В этих двух изданиях сконцентрированы лучшие образцы народного эпоса, посвященного вождям революции.

«Молодая гвардия» уже выпустила двадцатитысячным тиражом сборник «Сталин в песнях народов СССР», составленный А. Аршаруни.

Чрезвычайно ценным изданием является книга «Сказания о Ленине», народной сказительницы Крюковой, собранной и переработанной большое количество народных сказаний о Владимире Ильиче («Советский писатель»).

Словесное народное творчество о вождях революции дополняется музыкальным творчеством, песнь дополняется музыкой. Государственное музыкальное издательство выпускает два больших юбилейных сборника, посвященных теме «Ленин и Сталин в песне и музыке». Первый сборник дает песни народов Советского Союза, во втором — собраны песни советских композиторов. Это подлинно юбилейное издание, олицетворяющее глубочайшую любовь народов к

своим вождям. Отдельными изданиями Музгиз выпускает «Хоровую сюиту о Ленине и Сталине» Васильева-Буглая и «Поэму о Сталине» Умр-Шата.

Юбилейная литература о Ленине и Сталине завершается серией изданий Партиздата «Работы Ленина и Сталина, опубликованные в апреле — октябре 1917 года». Этой серией издательство показывает читателю, как руководители Великой Октябрьской революции готовили партию и народ к вооруженному восстанию, к завоеванию власти в стране, к установлению диктатуры пролетариата. Ряд книг этой серии уже вышел.

Каждая книга выпускается в двух изданиях: художественное издание (десяти тысячный тираж), прекрасно оформленное, альбомного вида, на меловой бумаге, иллюстрированное четырехцветными репродукциями с картин, находящихся в Музее Ленина, и массовое издание (стотысячный тираж), иллюстрированное фото и автографами.

В серию входят следующие работы: Ленина — «Письма из далека», «О задачах пролетариата в данной революции», «Выступления на I Всероссийском Съезде Советов», «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» (обе работы в одной книге), «Октябрьское вооруженное восстание», «Выступления на II Всероссийском Съезде Советов» (сюда входят также декреты о мире, о земле, о рабочем контроле), «Государство и революция»; Ленин и Сталин — «Об июньской демонстрации», «Об июльской демонстрации»; Сталин — «Доклад на VI съезде РСДРП и ответ на внеочередное заявление делегатов на этом съезде на реплику Преображенского» и «Заговор против революции».

II

Второй раздел юбилейной литературы можно объединить под названием «Литература союзных республик».

Гослитиздат выпускает сборники стихотворений Наири Зарьяна, Коласа, Купалы, Георгия Леонидзе, Переца Маркиша, Лахути, в которых собраны лучшие произведения. В этом же издательстве выходят «Антология татарской

поэзии» и «Сборник киргизских песен».

В нескольких изданиях выходит поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». «Академия» только что выпустила второе издание поэмы в переводе Бальмонта. Но перевод Бальмонта — это пересказ, «перепев», по выражению самого переводчика, чудесной поэмы великого грузинского поэта, написанной свыше 700 лет назад. Это не подлинный Шота из Рустави.

Гослитиздат выпускает поэму Руставели в двух новых переводах: молодого поэта Пантелеймона Петренко, трагически погибшего в 27-летнем возрасте (оставшиеся непереверденными им 143 строфы закончены Борисом Бриком) и грузинского поэта Цагарели.

Оба издания иллюстрированы тбилисскими художниками Тamarой Абакелия и Ладом Гуднашвили. В каждой из поэм будет 16 многокрасочных иллюстраций.

Юбилейным изданием является и «Антология армянской поэзии», выпускаемая «Академией». Формально это издание стало юбилейным исключительно по вине издательства, почти три года мариновавшего книгу. По существу же, эта книга — подлинно юбилейное издание.

Идея этой книги дана Максимом Горьким еще в период подготовки к Всесоюзному съезду писателей. Алексей Максимович успел вчерне и проредактировать книгу, — и суждение его об антологии достаточно высокое: «Насколько я смею судить вообще о поэзии и насколько можно судить о поэзии армянской в переводах на русский язык — мне кажется, что антология «Поэзии Армении» составлена весьма солидно. Она дает понятие историю роста поэзии, дает представление об ее красоте и силе, об оригинальности ее строя и ее образности».

Антология армянской поэзии дается в переводах В. Брюсова, Н. Тихонова, М. Лозинского, Эрлиха, О. Румера, С. Шервинского, П. Антокольского, Выгодского, Ю. Веселовского, Бальмонта, А. Блока и др. и снабжена большой

статьей В. Кирпотина «Поэзия армянского народа».

Следует отметить издаваемый к 20-летию «Литературный сборник северных авторов», в который входят произведения, премированные на конкурсе лучших художественных произведений на языках народов Севера. В сборнике помещены: повесть ненца Николая Вылки «На острове», повесть удэгейца Кимонко Цзюанси о быте родного народа, рассказы эвена Слепцова «Без матери», и эвена Маркова о партизане Андрее—герое гражданской войны на Дальнем Востоке, лирика якутского поэта Николая Тарасбукина.

III

Наибольший удельный вес в юбилейной литературе по праву занимает советская художественная литература. За двадцатилетие, прошедшее со времени Великой Социалистической Октябрьской революции, советская литература совершила гигантский скачок, создала ряд выдающихся художественных произведений.

Издательства выпускают к юбилею все лучшее, что создано советскими писателями.

Гослитиздат выпускает роман Панферова «Творчество» и заключительную часть романа Фадеева «Последний из Удэге». Обе эти книги свидетельствуют не только о росте самих писателей, ибо последние их книги выше первых, но и о продолжающемся росте и художественном укреплении советской литературы. Кроме книг Панферова и Фадеева выпускается третий том «Тихого Дона» Шолохова и роман Ставского «Разбег».

«Советский писатель» переиздает в иллюстрированном издании «На Востоке» Павленко, рисующую грядущую войну.

То же издательство выпускает иллюстрированными изданиями обе части (в одной книге) «Цусимы» Новикова-Прибоя, «Тридцатые годы» Малышкина, «Пограничники» Слонимского и др.

Гослитиздат выпускает «Книгу о

Москве» Никулина, «Книгу для родителей» Макаренко, «Испанию» Эренбурга, «Пьесу в стихах» Веры Инбер, «Ремесло героя», Колдунова, рассказы Осипа Черного, «Границу» Жукова, «Мир» Панча, «Дорогу на Киев» Скурихина.

В том же издательстве выходит двухтомная антология «Советская поэзия за 20 лет», ярко и полно отражающая богатейшую тематику советской поэзии и достижения советских поэтов в области поэтической формы. Отбор произведений производился чрезвычайно строго, под знаком их народности; в антологию входят только произведения, завоевавшие широкую популярность в народных массах. В первый том вошли стихи и поэмы Маяковского, Демьяна Бедного, Блока, В. Брюсова, Лахути, Асеева, Акопяна, Тычины, Табидзе и др. Во второй том включены произведения поэтов более молодого литературного возраста.

Юбилейные издания советской поэзии дополняются выходящим в Гослитиздате большим сборником стихотворений—Маяковского, Бедного, Асеева, Багрицкого, Пастернака.

Заслуживают особого внимания два новых издания Гослитиздата — сборник «Сталинская Конституция в поэзии народов СССР» и «Сборник рассказов об Октябре».

К юбилейной же литературе следует отнести выпускаемый Гослитиздатом последний роман Матэ Залка «Добердо», роман любви и ненависти, любви к миллионам трудящихся и ненависти к фашистам, к эксплуататорам. Этот автобиографический роман, написанный писателем-антифашистом, является действительно юбилейным изданием. Роман Матэ Залка — история саперного лейтенанта венгерской армии Тибора Матраи, вышедшего из низов и на фронте ставшего большевиком, борцом против войны и капитализма. Роман Матэ Залка — призыв к действию, к борьбе.

IV

В юбилейной литературе большое внимание уделено советской писательской молодежи.

В этом разделе следует особо отметить выпускаемый Гослитиздатом роман молодого автора Первенцева «Кочубей», исторически правильно и с большим художественным тактом раскрывающий героическую страницу из истории гражданской войны на Кавказе.

«Молодая гвардия» выпускает сборник «Песни советской молодежи», в котором собрано свыше двухсот массовых песен. Песни подобраны по разделам: «Песни о Ленине и Сталине», «Песни о революции», «Боевые песни Запада», «Песни о гражданской войне», «Песни о Красной армии», «Кавалерийские песни», «Краснофлотские», «Песни летчиков», «Песни ОКДВА», «Песни о родине», «О колхозной жизни», «О комсомоле», «Пионерские песни», «Народные песни», «Казачьи песни», «Украинские песни», «Лирические песни», «Арии и романсы».

Одно перечисление разделов сборника воссоздает картину прошедших 20 лет.

И наряду с яркими, торжественными песнями о счастливой, замечательной жизни, с лучшими песнями революционных поэтов Европы, с песнями Украины, Белоруссии, Грузии, — сборник дает и старые русские песни, ставшие народными песнями: «Коробейники» Некрасова, «Смерть Ермака» Рылеева, «Утес Степана Разина» Навроцкого и др.

Гослитиздат дает два сборника писательского молодняка: «Сборник рассказов молодых авторов» и «Сборник стихов молодых авторов».

V

В особый раздел юбилейной литературы следует выделить два специальных издания, осуществляемые «Академией».

Это, во-первых, большая книга «Интернационал», посвященная великому пролетарскому гимну. В книге дается текст «Интернационала» на русском и французском языках. Во вступительной статье Ф. Кон дает подробную справку об авторе гимна, поэте Парижской Коммуны — Э. Потье, об эпохе, в которую был написан гимн, и о самой истории возникновения «Интернационала». Пре-

красно оформленная, хорошо иллюстрированная книга (часть иллюстраций впервые публикуется) носит по праву юбилейный характер.

И, во-вторых, — альбом «Искусство народов РСФСР», представляющий собою первый выпуск серии альбомов «Искусство народов СССР». Альбом содержит богатейший материал о русском народном искусстве. Многокрасочные художественные репродукции с произведений художников Палеха и Мстеры, холмогорских резчиков по кости и т. д. дают наглядную картину роста и расцвета народного искусства в одной из одиннадцати союзных республик. Осуществление всей серии альбомов явится ценнейшим вкладом в искусствоведческую литературу о народном творчестве в СССР.

VI

Обзор юбилейных изданий был бы не полон, если бы мы не остановились особо на изданиях Музгиза.

В праздновании 20-летия Октября песня, музыка, займут особое место. Перед Музыкальным издательством стоит ответственная задача — обеспечить народы Союза к юбилейным дням музыкальной и песенной продукцией.

Музыкальный фольклор представлен в юбилейной продукции Музгиза достаточно широко. Необходимо отметить трехтомное издание «500 русских народных песен», осуществляемое Музгизом совместно с Академией Наук СССР. Кроме того, выпускаются отдельные сборники песен советского казачества, красноармейских песен и плясок, массовых народных песен, новых песен, посвященных 20-летию Октября. Следует отметить сборник симфонических произведений композитора Шапошникова, построенных на фольклорном материале, — «Горские фрагменты», «Дагестанская лезгинка», «Тюркский марш».

По теме «Новая опера советских композиторов» будут изданы сборники хороших песен и избранных арий из опер грузинского композитора Аракишвили (увертюра и танцы), киргизской оперы Власова и Фере «Алтын-Кыз», оперы

А. Абрамского «Дружба», построенной на колхозной тематике, оперы Дзержинского «Поднятая целина», Юровского «Дума про Опанаса», О. Чишко «Броненосец Потемкин», Ходжа-Эйнатова «Мятеж».

Оркестровая музыка получит отражение в двух сборниках избранных песен советских композиторов в переложении для оркестра народных инструментов и в сборнике партитур и голосов увертюры Иванова-Радкевича и «Красноармейской сюиты» Кручинина.

План Музгиза далеко не полно отражает достижения советской музыки. Мы не видим в его плане музыки, песен и танцев из грузинских опер, с таким мастерством показанных в столице в дни декады грузинского искусства. Из плана выпали песни и танцы казахского народа, недавно демонстрировавшиеся с громадным успехом в Москве. Слабо представлена украинская музыка и песни. Вообще музыкальное и песенное искусство национальных республик представлено в юбилейных изданиях Музгиза недопустимо слабо. Вызывает недоумение и отсутствие ряда симфонических произведений композиторов Мясковского (17-я симфония которого написана специально к 20-летию), Кабалевского, Прокофьева. Необходимо было бы издать и сборник песен из лучших кинофильмов.

Достаточно полно подготовился Музгиз к изданию эстрадной музыки и песни. Здесь в особенности следует отметить сборник песен, написанных советскими композиторами Юровским, Половинкиным, Мясковским, Хачатуряном и другими на тексты народного поэта Таджикистана — Гасема Лахути, — и сборник песен Беранже. Издается также сборник украинских песен, обработанных Мейтусом.

Музгиз — специфическое издатель-

ство. Темпы выпуска юбилейных изданий должны быть у него особо высокими. Не следует забывать, что его издания должны заблаговременно дойти до масс, чтобы быть освоенными и изученными кружками художественной самодеятельности.

VII

Наш обзор имел целевой установкой дать краткое освещение книжной продукции, фактически выходящей ко дням великого юбилея. Мы не рассматривали широкие планы, намеченные издательствами, планы, о которых заранее можно сказать, что они выполнены не будут. Мы не говорим здесь о плане Гослитиздата, обещавшего в свое время дать к юбилейным дням чуть ли не сотню изданий, в то время как большинство книг из этого плана не пушено в производство и до сих пор. Мы не говорим здесь о широком плане «Советского писателя», до сих пор еще (25 августа) даже не утвержденного окончательно. Мы говорим лишь о продукции, гарантированной выполнением к юбилейным дням, сиречь о продукции, которую в юбилейные дни советский читатель будет иметь на руках.

Но и эти гарантии будут соблюдены лишь в том случае, если весь коллектив, занятый в производстве книги, начиная от главных редакторов издательств и кончая типографскими наборщиками, серьезно отнесется к выпуску юбилейной литературы, чего в данный момент еще не наблюдается.

Страна с нетерпением ждет новых романов, поэм, повестей, рассказов, стихов, пьес. Народы Советского Союза требуют от работников издательств любовного отношения к порученному им делу и высоких темпов работы.

Библиография

1. ЯН ПЕТЕРСЕН. *Моя улица — С. Востокова*. 2. Акакий ЦЕРТЕЛИ. *Стихи и поэмы* — Е. Силин. 3. С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ. „У гроба Пушкина“ — С. Иванов

Ян Петерсен. — «Моя улица». Перевод М. Зельдович. Жургазоб'единение, Москва. Стр. 272. Цена 1 руб. 50 коп.

«Пусть эта книга будет завещанием шарлоттенбургских мучеников. Памятником всем, убитым фашистами. Пусть эта книга расскажет о самоотверженности тысяч, десятков тысяч безымянных пролетарских героев. Под угрозой тюрьмы и топора палача продолжают они неустрашимо свою борьбу. Борьбу за окончательное освобождение рабочего класса, за социализм» — пишет Петерсен в предисловии к своей книге. И эта целевая установка книги определяет ее содержание, характер изложения и придает ей особую политическую заостренность и злободневность.

Пролетарская Вальштрассе темным мрачным ущельем тянется по мешанскому, мелкобуржуазному району Берлина — Шарлоттенбургу. Улица имеет свое характерное суровое лицо и свою историю. Улица живет напряженной политической жизнью. Здесь каждый дом, каждая квартира — пролетарская крепость. Улица имеет своих героев — борцов пролетарской революции. Вместе с ними она живет и работает. Вместе с ними борется. Вместе с ними оплакивает свои потери и готовит смену. О борьбе красной Вальштрассе, о ее героях и рассказывает Петерсен.

1933 год... Последние вздохи умирающей Веймарской республики, последние жалкие лохмотья обветшавшей буржуазной демократии, растаптываемые фашистскими сапогами.

Фашисты захватывают власть... На красную Вальштрассе обрушивается волна фашистского террора. Аресты, убийства, провокации — все пускается в ход, чтобы сломить «крамольную» волю обитателей Вальштрассе, чтобы вытравить из них ненавистный «марксистский дух».

Но улица не сдаётся... Коммунистическая организация Вальштрассе уходит в подполье и оттуда с величайшей смелостью и искусством ведет упорную повседневную борьбу с

фашистами, завоевывает и организует массы. Этапы этой борьбы: приход Гитлера к власти, поджог рейхстага, суд над Димитровым, «плебисцит» по поводу выхода Германии из Лиги наций. Каждое из этих событий влечет за собой новое наступление на рабочий класс, новое усиление фашистского террора. Наступлению фашистов компартия противопоставляет усиление подпольной работы, изумительный героизм и беззаветную преданность пролетарскому делу своих борцов.

Геройски погибает жертвой фашистской провокации начальник антифашистской рабочей оборонной дружины Рихард Гюттиг. Гибнет от руки фашистских палачей молодой руководитель коммунистической группы Вальштрассе — Франц Цандер. Убит штурмовиками Руди — рыжий весельчак, изобретательный и неугомонный Руди. Много их... Но с их смертью не прекращается работа. На смену убитым идет новое пополнение. Борьба продолжается... И недалеко то время, когда фашистам придется держать ответ за каждую каплю пролитой рабочей крови.

Таково содержание книги Петерсена. Ее оптимизм, основанный на непоколебимой вере в победу рабочего класса, невольно заражает читателя и является одним из лучших ее качеств.

Книга Петерсена имеет ценность не только как правдивый рассказ о борьбе с фашизмом одной из рабочих улиц Берлина, — ее значение значительно шире. Такую же борьбу ведут и рабочие улицы других городов Германии. Судьба жителей Вальштрассе в какой-то мере типична для судьбы всего рабочего класса в «Третьей империи». Но это обобщающее значение книги нельзя преувеличивать. «Моя улица» далеко не является большим социальным полотном, показывающим лицо фашистской Германии сегодняшнего дня, со всем ее сложным переплетением национальных, социальных и политических противоречий. Да на это она и не претендует. Ее значение — в правдивом точном показе одного из

участков борьбы рабочего класса Германии.

По своей структуре, по характеру изложения «Моя улица» примыкает к тому направлению молодой антифашистской литературы Германии, которое условно можно назвать документальной литературой.

В. Бредель, Биаллингер, Лангхофф, Гинрихс и другие положили начало этой литературе. Не столько профессиональные писатели, сколько профессиональные революционеры, они пишут только о лично-виденном и пережитом. Их книги почти все автобиографичны и документальны. В этой автобиографичности, документальности сила этой литературы. Сила в непреборимом чувстве ненависти к фашизму, могучем революционном темпераменте, убеждающем воздействии документа.

***

В «Моей улице» немало действующих лиц. Все они должны иметь свое лицо, свой язык, свои убеждения, свой внутренний мир, свой характер. У Петерсена же все они поразительно похожи друг на друга и по языку, и по характеру. Их невозможно отличить. Все они говорят и действуют одинаково. И слова, и поступки Франца с успехом можно передать Яну, Руди или Бруно, или любому из коммунистов, выведенных в книге. От этого ничего не изменится.

Очевидно, понимая это, автор пытается как-то индивидуализировать своих героев хотя бы чисто внешним путем — подчеркиванием отдельных характерных черт их наружности. Так, например: у бывшего фронтовика Эде вставной глаз; у Штруббеля «прямые пряди черных волос» всегда падают на лоб и всегда хочется их убрать (эта деталь повторяется автором несколько раз); у Тейхерта плохие зубы; у Курта, наоборот, — красивые зубы. Все равно читатель не запомнит, у кого были красивые, а у кого плохие зубы. Да и так ли уж это важно? Все эти отдельные внешние признаки для характеристики героев, конечно, дают очень мало.

Ценность книги Петерсена, как и ряда других произведений антифашистских писателей, о которых говорилось выше, в ее документальности. Она создавалась в труднейших условиях подпольной работы, она предназначалась не для легкого послеобеденного чтения. Она создавалась как документ, долженствующий сыграть свою определенную роль в решающей битве рабочего класса с фашизмом.

И нужно сказать, что свое назначение эта книга выполняет с успехом. Ее нельзя прочесть без волнения, она возбуждает гнев и ненависть к фашизму, она зовет на борьбу с ним, она вселяет уверенность в силы и победу рабочего класса Германии.

С. Востокова.

Акакий Церетели. — «Стихи и поэмы». Гослитиздат. Перевод с грузинского. Стр. 183, цена 4 р. 75 к.

Место Акакия Церетели в грузинской литературе XIX и XX столетий значительно и

почетно. О его исключительной популярности в Грузии и влиянии на современную ему поэзию ярко говорит аллегорическая картина «Шота Руставели передает свое перо Акакию Церетели», помещенная в рецензируемой книге.

Акакий Церетели — крупнейший, высокоодаренный грузинский поэт. Вместе с другим выдающимся писателем, Ильей Чавчавадзе, он создал академический литературный язык современной Грузии. Акакий Церетели родился в 1840 году и умер в 1915 году. С первых шагов своей творческой деятельности он прикнул к прогрессивному поколению, к революционным демократам. Помимо многочисленных стихов и поэм, богатейшее литературное наследство Акакия Церетели содержит значительное количество повестей, рассказов, комедий, фельетонов, работ по истории грузинской литературы и публицистики. Активный деятель в различных областях культурной жизни, борец за новый литературный язык, оказавший плодотворное воздействие на целый ряд писателей, Акакий Церетели стал любимой личностью трудящихся. Многие его стихи широко бытуют в народе: они превратились в народные песни и распеваются во всех концах Грузии.

Акакий Церетели мало известен русскому читателю. Самый последний сборник его переводов был издан в Тбилиси в 1915 году и сейчас является библиографической редкостью. В связи с этим большой интерес вызывает выпущенная Гослитиздатом в Москве книга «Стихи и поэмы», охватывающая почти всю его пятидесятилетнюю творческую деятельность. Стихам предисловия предисловие и автобиографический очерк. Казалось бы, это сделано для того, чтобы помочь читателю близко познакомиться с писателем, узнать характернейшие особенности творчества и разнообразнейшие стороны литературной и общественной его деятельности, помочь понять и полюбить автора — творца шедевров грузинской лирики. Между тем ни авторы предисловия В. Гаприндашвили и В. Гольцев, ни автор автобиографического очерка Али Арсенишвили не разъяснили толково его творческого пути, его роли в грузинской поэзии. У авторов предисловия и очерка явные противоречия, затемняющие смысл творчества Церетели.

В предисловии авторы верно пишут, что наряду со «сладкогласными» стихами, восхваляющими «светлый час покоя», мы находим здесь стихи, в которых отмечается связь поэта с окружающей средой и его общественное служение. Не менее характерен для Акакия Церетели ряд стихотворений сатирического характера, в которых поэт возмущенно и желчно бичует стремление к наживе, лицемерие, угодничество и выражает презрение к склонившимся перед русским самодержавием. Сюда относятся: «Беззаботный человек», «Знарок апелляции», «Купцу», «Молотьба», «Нет чувства в нас» и другие стихотворения. Через страницу в запутанном очерке Али Арсенишвили читаем: «В своей лирике, поэмах и

исторической драматургии поэт, убегая от современности и кляня ее будничность, прозаичность, мелочность, разврат («Плевка достойна ты, моя родина»), обращается к Грузии, создает культ царицы Тамары, видит в ее эпохе «своей мечты предел желаний», высшую точку своей реакционной патриотики. Давая политически наивные схемы и лишенные конкретности исторической правды картины патриархально-феодалных «гармонических» общественных отношений старой Грузии, поэт подчас превосходит даже апологетическую точку зрения грузинских аристократических хроник «Картлис-Чховреба» («Летопись Грузии»).

И дальше в таком же стиле... Так одним росчерком пера Али Арсенишвили свел на-нет непримиримого реформатора, борца за национальную свободу, за независимость своей родины. Ненавидя эксплуататоров и презируя фарисеев и обывателей, Акакий Церетели отдавал свои симпатии бесправному, угнетенному грузинскому крестьянству. Об этом говорят помещенные в книге стихи: «Желание работника», «Исповедь крестьянина», «Песня во время жатвы» и много других. Акакий Церетели заклеил атмосферу угодничества, низкопоклонства, ханжества и произвола, царивших в угнетаемой царскими колонизаторами стране. Он страстно ненавидел господствовавший самодержавный режим и в продолжение всей своей жизни был верен своему гуманистическому мировоззрению. Несмотря на абстрактность и схематизм некоторых его произведений, А. Церетели дает ключ к уразумению социальных явлений, социальных бедствий грузинского народа.

Вот почему, когда Арсенишвили пишет: «Меньшевистско-федералистская буржуазная критика немало поработала над созданием легенды о А. Церетели как о беззаботном по части идеологии «сладкогласном певце надклассовой любви и правды», мы вынуждены заявить, что он помогает в этом ей. Сумбурные эклектические рассуждения Арсенишвили ничего не дают читателю: они не раскрывают литературного пути великого художника. В обоих материалах бросается в глаза отсутствие каких-либо данных, рассказывающих о роли А. Церетели в борьбе с консервативным поколением писателей, державшимся за старые традиции в литературе и культуре. А это одна из замечательных страниц его жизни. В ней необычайно ясно, ярко видна революционность его творчества и деятельности. Стихи расположены в книге по сходным темам: вначале лирические стихотворения, затем гражданские, сатирические, патриотические стихи. За ними следуют несколько стихотворений на темы о труде, стихи, навеянные революцией 1905 года, и в конце — две большие поэмы: «Натэла» (1897) и «Наставник» (1898). Все переводы сделаны Б. Бриком, С. Спасским, А. Корчагиным, Ю. Верховским, С. Клычковым. Переводить стихи А. Церетели трудно: его поэзия чарует своим отточенным мастерством, богатейшими рифмами, аллитерациями,

музыкальностью. Акакий Церетели отличается исключительным даром эмоциональной поэтической речи. Многие его стихи переложены грузинскими композиторами на музыку. Для передачи всех аксесуаров поэтической техники Церетели нужно обладать большим творческим вдохновением. В стихотворениях, где высказываются взгляды на назначение поэта, Церетели пишет:

Я подверну колки потуже,
Чтоб в струнах был высокий строй.
Пусть правде мой чонгури служит
Своею звонкой чистотой!
Чтоб в гармоническом созвучьи
На струнах трепетала жизнь
И вместе с радостью певучей
Страданья жгучие сплелись...
С моим чонгури бить бакулиши
Не буду я в таком строю.
Меня ты с чувством лучше слушай,
А с чувством я-то уж спою!¹⁾

Переводчики не добились совершенной передачи оригиналов поэта. Народную напевность, музыкальность стихов они принесли в жертву текстуальной точности. В переводах не дошли звукопись, чередование рифм, размер стиха. Проскальзывает ремесленничество в переводе отдельных стихов. Все это умаляет мощь поэзии Акакия Церетели. На ряду с этим следует отметить, что переводчики много сил положили на передачу его реализма, простоты, образности и живости, добились в этом больших успехов. Русский читатель имеет возможность впервые познакомиться с лучшими произведениями великого поэта. Книжка прекрасно издана; она также снабжена фотографией Акакия Церетели.

Е. Силин.

С. Сергеев-Ценский. — «У гроба Пушкина», журнал «Октябрь», 1937 г., № 1.

Художественная биография (биографический роман, повесть, пьеса) занимает особое место в нашей литературе. Произведения такого рода раскупаются буквально нарасхват, читаются запоем, составляют нестемлемую часть книжной полки советского читателя. Ряд писателей целиком переключились на эту отрасль литературы.

Художественная биография нам нужна. Художественное изображение жизни великих людей является не только увлекательным чтением, но и источником исторических знаний. Такие произведения являются одним из лучших путей к повышению культурного уровня читателя.

Но читатель вправе предъявить к таким произведениям серьезные требования. Они должны быть написаны увлекательно, художественно, характеры должны быть раскрыты с исчерпывающей полнотой; они должны быть действительно биографичны, правдивы. Художественной правдивости требует читатель от писателя.

¹⁾ Перевод С. Клычкова.

К сожалению, есть писатели, относящиеся к биографическим произведениям с необычайной легкостью и, скажем прямо, спекулирующие на громадном интересе советского читателя к произведениям художественно-биографического порядка.

С. Сергеев-Ценский выпустил ряд биографических произведений, освещающих жизнь величайших русских поэтов—Пушкина и Лермонтова. Колоссальные темы, требующие не только максимального напряжения в области трактовки образов, но и глубочайшего изучения материалов. Ибо можно дать такого Пушкина, каким дает его Тынянов, полнокровного, реального Пушкина, и можно опознать образ поэта, унизить его, дать карикатурную характеристику.

Необычайная легкость, с которой относится С. Сергеев-Ценский к своим «творениям», приводили и приводят его к созданию произведений неверных, в корне порочных.

Таковы все биографические произведения С. Сергеева-Ценского: «Невеста Пушкина», о которой критика высказалась как о произведении, ошляющем образ поэта, «Поэт и поэтесса», где, основываясь на псевдо-мемуарах Омер де-Гелля, ссиченных в свое время Вяземским, Сергеев-Ценский дает глубоко неверный образ Лермонтова, наконец, «Мишель Лермонтов», ошибочное во всех частях своих произведение.

Ныне мы имеем новую пьесу Сергеева-Ценского—«У гроба Пушкина» (журнал «Октябрь», № 1, 1937 г.). Термин «новое», пожалуй, неприменим к сочинениям С. Сергеева-Ценского. Этот писатель специализировался на издании старых своих произведений под новыми названиями; так, его произведение «Поэт и поэтесса» целиком включено в роман «Мишель Лермонтов», «У гроба Пушкина» есть не что иное, как первая часть «Мишеля Лермонтова», названная там «Поэт и поэт». Мы тщательно сверили тексты обоих произведений. Буквально от слова до слова одно и то же. Сергеев-Ценский открыл новый способ превращения романа в пьесу. Переписывается ранее изданный роман, прибавляется страница с перечнем действующих лиц, и готово «новое произведение».

Остановимся на пьесе С. Сергеева-Ценского по существу.

Мемуары современников дают совершенно разнообразный, зачастую противоречивый, образ поэта. Но есть одна основная черта в характере Лермонтова, где мнения решительно всех современников сходятся, это — полнейшее отсутствие позы и хвастливости. Современники Лермонтова, прожившие с ним бок о бок целые годы, подчеркивают излишнюю скромность Лермонтова. Это подтверждает и тот факт, что поэт чрезвычайно долго не решался печатать свои произведения, считая их несовершенными. Достаточно сказать, что первое появившееся в печати произведение Лермонтова, «Хаджи-Абрек», опубликовано было его родственником и однокашником по школе гвардейских юнкеров Н. Юрьевым без

ведома Лермонтова и вызвало большое негодование поэта. Да и сам Лермонтов в своих письмах, писанных им к таким друзьям, как Вережагина, Лопухина, М. А. Шан-Гирей, перод которыми он ничего не скрывал, каждой строчкой своей рисует необычайную скромность своего характера.

А Сергеев-Ценский не желает считаться с подлинными материалами, если ему таковые знакомы. В его передаче Лермонтов является буквально хвастунишкой. Сергеев-Ценский вкладывает в уста поэта такие фразы: «Я буду писать картины... Ты думаешь, я не могу стать вторым Брюлловым?... Отлично могу...». И далее: «Наконец, я могу серьезно заняться музыкой... Ты думаешь, что я не в состоянии буду написать оперу?». Что это — непонимание характера великого поэта, незнакомство с материалами о нем, или просто желание исказить образ поэта?

Поэтическая звезда Лермонтова вознеслась в годину величайшей скорби русского народа, скорби, вызванной убийством Пушкина. Эту скорбь, это горе и негодование воплотил Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта». В железных чеканных строках сконцентрировал он народную скорбь и бросил этот сгусток народного возмущения в лицо правящему классу. Лермонтов велик тем, что он не только создал эти гневные стихи, но и не отрекся от них, не сгладил страстности их, несмотря на сильнейшие усилия Бенкендорфа и Клейнмихеля надеть смительную рубашку на поэта. Здесь Лермонтов переключается с Пушкиным. Пушкин при допросе его Николаем не боялся заявить, что, если бы он был в Петербурге 14 декабря 1825 года, он был бы с декабристами. Лермонтов, брошенный на гауптвахту за стихи «Смерть поэта», с пристрастием допрошенный от имени царя самим Клейнмихелем, ожидавший строжайшей кары, — не побоялся бросить в показании своем гордые слова: «Отрекаться от них (от стихов) я не мог: правда всегда была моей святыней».

А Сергеев-Ценский, в сцене допроса Лермонтова, принижает образ поэта, рисует его каким-то маленьким, перетрусившим человечком:

«Полковник. Значит, это вы признаете, что читали стихи товарищам?»

Лермонтов. Эти стихи я читал всего один раз.

Полковник. Ну, да... И потом дали их переписать, а они дали другим переписать... Так и пошло, — не правда ли?

Лермонтов. Нет, я не давал их переписывать.»

Сергеев-Ценский говорит заведомую неправду, заставляя поэта лгать. В том же показании Лермонтов сам говорит, что дал переписать стихи Раевскому. Юрьев в своих мемуарах («Русский архив», 1872 г.) утверждает: «Я тотчас списал с этих стихов, не выходя из комнаты Лермонтова, пять или шесть копий, которые немедленно развез к некоторым друзьям». Раевский в своих показаниях

говорит о том же («Вестник Европы», 1887 г., № 1). Кто позволил С. Сергееву-Ценскому так бесцеремонно извращать великий образ Лермонтова-поэта, Лермонтова-человека?

Вся сцена написания Лермонтовым знаменитых добавочных строк к стихотворению «Смерть поэта» передана Сергеевым-Ценским неверно, а ведь эта сцена кульминационная в пьесе, да и не только в пьесе. Все мы гордимся словами Лермонтова, сконцентрировавшего в них все величие Пушкина и всю гордость народную: «Русский человек, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, снес бы ее во имя любви своей к славе России и никогда не поднял бы на этого великого представителя

всей интеллектуальности России своей руки». А у Сергеева-Ценского нет этих слов поэта, они исчезли, затушевались горой плоских анекдотов.

Суть в том, что Лермонтов С. Сергеева-Ценского не наш Лермонтов, не настоящий Лермонтов. Это Лермонтов фальсифицированный, искаженный, карикатурный. С. Сергеев-Ценский взял громадную тему, тему двух основных дат из жизни двух гениальных поэтов русских — смерть Пушкина и славу Лермонтова, — взял... и опошил ее. Такой способ работы стал у С. Сергеева-Ценского уже системой.

С. Иванов.

А. И. Безыменский.
Ф. В. Гладков.
Редколлегия: Л. М. Леонов.
А. Г. Малышкин.
В. П. Ставский.

Издатель: «Известия ЦИК СССР и ВЦИК»

